

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

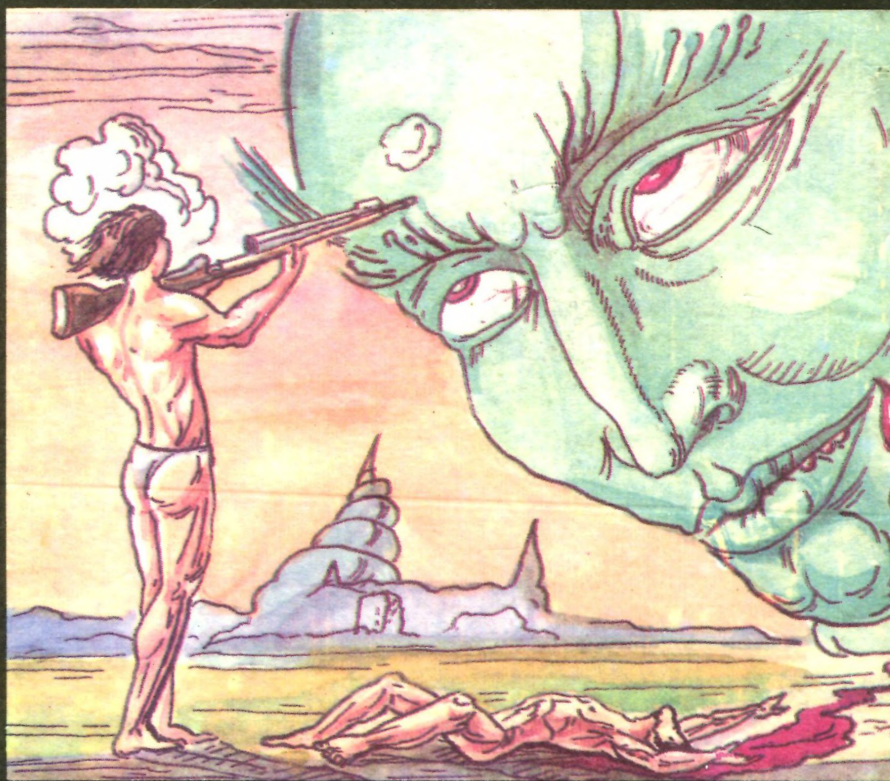
КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

10

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП

Башня Занида

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК **10**

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП

Башня Занида Да не опустится тьма! Демон, который всегда ошибался

Фантастические романы

Перевод с английского

ККЖИ «ПРАВДА ВОСТОКА»
Ташкент, 1993

Оформление серии
В.С. Катин

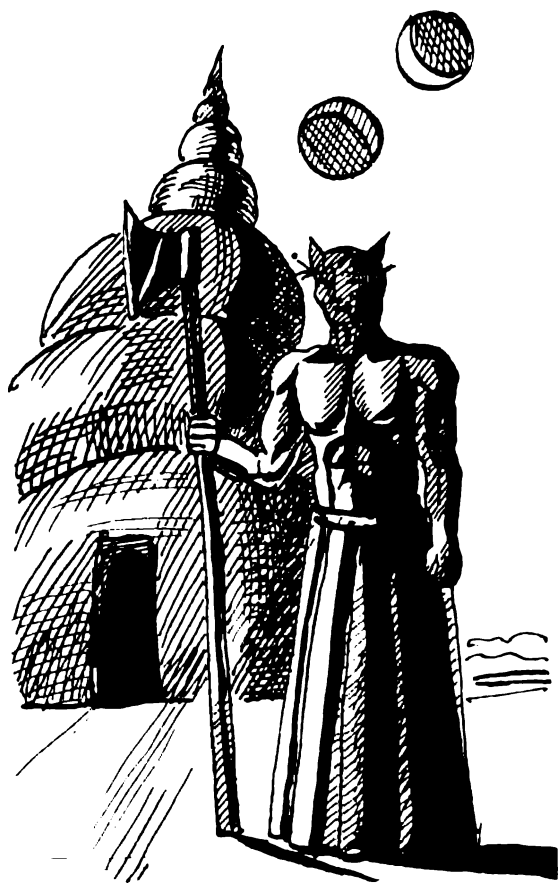
Художник
В.О. Романков

**Ответственный редактор
и составитель**
В.М. Мартов

**Издание осуществлено по заказу
компании « Octo Group Inc»**

- © В.С. Катин.
Оформление серии. 1992
- © В.О. Романков.
Рисунки. 1992
- © С. Папикян,
В. Баканов,
А. Согрин.
Перевод, с английского
1992 г.

Башня Занида

Перевод с английского

С. Папикян

Редактор

В.М. Мартов

Глава I

Доктор Джулиан Фредро поднялся с кушетки, слегка качнулся, но удержался на ногах. Медсестра Новорецифского центра отсоединила его от аппаратуры, выключив мигающие огни и хитроумно вращающиеся приспособления. Тем не менее, у него продолжала слегка кружиться голова. Открылась дверь, и в комнату с пачкой бумаг вошел Геркулео Кастанхозо, похожий на белку человечек, который был главой режимного отдела Земного космопорта.

— Вот и все, сеньор Джулиан, — сказал он на бразило-португальском наречии космического сообщества. — Все бумаги в порядке, но вы лучше еще раз все проверьте, на всякий случай. Вам разрешено посетить Гоцаштанд, Майкарданд, вольный город Маджбур, Квириб, Балхиб, Замбу и все остальные дружественные кришнаитские государства, с которыми мы имеем дипломатические отношения.

— Это есть хорошо, — сказал Фредро.

— Мне нет нужды напоминать вам о статье 368, которая запрещает передачу земной научной и технологической информации гражданам планет класса «Н». Псевдо-гипноз, которому вы только что были подвергнуты, позаботится об этом.

— Прощения прошу, — сказал Фредро с сильным польским акцентом, — но кажется мне, это — как там говорить по-английски? — запирать дверь конюшни, когда кошка уже убежала из мешка.

Кастанхозо пожал плечами.

— Что я могу поделать? Утечка произошла до того, как мы овладели псевдо-гипнозом, который стал возможен только несколько десятилетий назад после работ Сан Реми по осиринской телепатии. Когда главой режимного отдела был еще мой предшественник, Обри, я однажды вылетал на

задание под его командованием. Мы собственными руками уничтожили пароход, который один землянин построил для Ферриана, пандра Сотаспа.

— Это, должно быть, было очень увлекательно.

— «Увлекательно» — не то слово, сеньор доктор Джулиан, — ответил Кастанхозо, энергично жестикулируя. — Но удивляет другое: почему кришнаиты не успели большего — начать производство ружей или двигателей внутреннего сгорания, например. Конечно, кое-кто утверждает, что им просто не хватает природной сметки... Кстати, о принце Ферриане — вы собираетесь посетить Сотасп?

— Нет, — сказал Фредро. — Я направляюсь на другой конец континента, в Балхиб.

— В Балхиб? Желаю вам приятного путешествия. Теперь это стало легче, поскольку до самого Занида ходят караваны биштаров. А какую цель вы преследуете в Балхибе, разрешите спросить?

В глазах Фредро появился мечтательный блеск, как у человека, который после тяжких дневных трудов завидел далёкую бутылку виски.

— Я намерен раскрыть тайну Сафка.

— Вы имеете в виду эту исполинскую рукотворную раковину улитки?

— Именно. Раскрытие тайны Сафка будет достойным венцом моей карьеры. После этого я уйду на пенсию — мне уже почти двести — и проведу остаток дней своих, играя с пра-пра-пра-пра-правнуками и высмеивая работы моих более молодых коллег. Весьма обязан за ваши многочисленные любезности, сеньор Геркулео. Я отправляюсь на экскурсию — вы будете стоять и смотреть, как голландский мальчишка, сунув палец в рот.

— Вы хотите сказать, заткнув пальцем дырку в дамбе. Нужно заметить, это очень огорчительно, — сказал Кастанхозо, — что дамбу уже прорвало в стольких других местах. Технологическая блокада могла бы оказаться эффективной, если бы ее с самого начала проводили бескомпромиссно и энергично — и если бы у нас уже в то время был метод Сан Реми. Зато вы, сеньор, увидите Кришну в динамичном развитии. Это очень интересно.

— Потому я и здесь. Ate a vista*, сеньор.

Наступил день фестиваля 'Анерика, и любящие веселье жители Занида отмечали свой праздник на пыльной равнине к западу от города.

* Ate a vista - До свидания (португ.).

На дальнем берегу мелкой и мутной речки Эшквы была обозначена площадка размером почти с квадратную хоуду. На одном ее конце жизнелюбивые кришнаитские юнцы состязались в скачках на шомалах и айях — как верхом, так и в колесницах, бричках, колясках и прочих экипажах. На другом под вопли труб и грохот цимбал маршировали отряды ландскнехтов в начищенных медных шлемах, которые горели в лучах Рок'ира — звезды Тау Кита. И, сразу в нескольких местах, закованные в латы всадники вышибали друг друга из седел тупыми двузубыми копьями, издавая при приземлении такой лязг, будто кто-то сбрасывал с крыши груды металлолома.

На поле для игры в шары неистовствовала толпа, приветствуя занидскую команду, которая с сухим счетом обыграла в минашт заезжих игроков из Луссара. Личный оркестр короля Кира выступал с наспех сооруженной эстрады, которая возвышалась над морем палаток и павильонов, где можно было починить сапоги, заштопать одежду или подстричь волосы, а также купить еду, напитки, табак, украшения, шляпы, плащи, посохи, мечи, лопаты, луки, медную посуду, глиняные горшки, лекарства (по большей части ни на что не годные), книги, картины, богов, амулеты, волшебные снадобья, семена, лампы, ковры, мебель и многое другое. Жонглеры жонглировали, акробаты кувыркались, танцоры плясали, певцы вопили, поэты декламировали, сказители ввали напропалую, а фанатики ораторствовали. Мошенники зазывали простаков, странствующие жрецы изгоняли злых духов с помощью факелов, татуи с криками носились за своими детьми.

В толпе веселящихся были не только кришнаиты, но и небольшие вкрапления обитателей других миров. Пара осириан, напоминавших миниатюрных двуногих динозавров с ярко размалеванной сложными узорами чешуей, непрерывно переходила с места на место, стараясь увидеть как можно больше. Трое мохнатых тоттиан с блестящими глазками, ростом по пояс кришнаитам, облапошивали туземцев в азартные игры, завезенные с дюжины различных миров. Огромный, похожий на кентавра вишнуван с мрачным видом жевал какую-то траву, пучки которой доставал из кожаного мешка. Там была также весьма серьезная чета ормаздиан, очень похожих на землян, но с гребнями и карминно-красной кожей, которая не была прикрыта ничем, кроме сандалий на ногах и коротких плащей, ниспадавших на спины. И, естественно, попадались земные туристы со своими женщинами и со своими камерами в небольших кожаных футлярах.

Тут и там можно было заметить окришнаитившегося землянина в похожей на дхоти* местной набедренной повязке

* дхоти - индийская национальная одежда. .

и длинном местном же колпаке, закрученном вокруг головы наподобие тюрбана. Несколько десятков лет назад эти земляне красили бы волосы в сине-зеленый цвет и носили бы большие заостренные фальшивые уши и приклеенные ко лбу перышки-антенны, подделываясь под внешние органы обоняния кришнаитов. Эти органы были немного похожи на вторые брови, идущие поверх первых и соединяющиеся с ними у переносицы.

Один из таких землян прохаживался неподалеку от эстрады, с которой играл оркестр. У него был такой вид, будто он не мог решить, чем заняться. На нем был обычный кришнаитский наряд из набедренной повязки-подгузника и свободной полосатой рубашки или туники, которая была порвана в нескольких местах, но аккуратно заштопана. С его пояса свисала простая рапира кришнаитской работы. Он был высок для землянина, будучи ростом со среднего кришнаита, которые, на земной взгляд, были расой долговязых худощавых гуманоидов с оливково-зеленой кожей и монголоидными чертами лица.

Сам землянин принадлежал к белой расе, напоминая цветом волос уроженцев северо-запада Европы, хотя эти волосы, подстриженные по балхивской моде, уже начали сесть на висках. В молодости он должен был быть очень хорош собой, но теперь впечатление портили мешки под глазами, подернутыми красной сеткой кровеносных сосудов. Если не знать, что он принимал гериатрические таблетки, которыми земляне утраивали продолжительность жизни, ему можно было бы дать лет сорок с небольшим. На самом деле ему было девяносто четыре земных года.

Звали этого человека Энтони Феллон, и он был родом из Лондона, Великобритания, Земля. Очень недолгое время он был королем острова Замба, расположенного в кришнаитском море Садабао. На его несчастье, он переоценил свои силы, атаковав империю Гоцаштанд во главе горстки наемников — правда, с парой дюжин контрабандных пулеметов. Эти действия навлекли на него гнев Межпланетного Совета. МС пытался осуществлять технологическую блокаду Кришны, чтобы не дать воинственным, но технически слабообразованным жителям этой очаровательной планеты научиться более разрушительным научным способам ведения войны. По крайней мере, до тех пор, пока они не продвинутся достаточно далеко в политике и культуре, чтобы не очень болезненно перенести такой технологический скачок. При таких обстоятельствах, естественно, ввоз на планету контейнера с пулеметами рассматривался как нарушение жесточайшего табу.

В результате Феллон был захвачен в плен и заточен в гоцаштандскую крепость, где его погрузили в

каталептический транс. И он пребывал в нем до тех пор, пока его вторая жена, Джулнар — которой пришлось бежать на Землю — не вернулась на Кришну и не добила его освобождения. Оказавшись на свободе, Феллон попытался вернуть свой трон, потерпел неудачу, потеряв при этом Джулнар, и жил теперь в Заниде, столице Балхиба.

Феллон прошелся мимо павильона префекта, над которым степной ветер полоскал черно-зеленое знамя Кира, доура Балхиба. Пониже знамени на том же флагштоке хлопал на ветру особый вымпел фестиваля. На нем был изображен драконоподобный шан, зверь из экваториальных лесов Мутаабка, на котором, по преданию, много тысяч лет назад полубог 'Анерик въехал в Балхиб, чтобы распространить в нем просвещение. Феллон двинулся дальше, пробираясь сквозь лабиринт будок и палаток и направляясь к эстраде, с которой доносилось что-то, отдаленно напоминавшее марш, сочиненный больше трех веков назад землянином по имени Шуберт.

Шуберта едва не заглушал раскатистый голос, вещавший что-то с незнакомым земным акцентом. Феллон поискал глазами источник этого шума и обнаружил еще одного землянина, который, энергично размахивая руками, ораторствовал на варварском балхибу с какого-то ящика.

— ...поостерегитесь гнева Господня! Потому что Господь, Бог наш, ненавидит зло — и особенно грехи идолопоклонства, легкомыслия и нескромности, которым все вы, балхибцы, подвержены! Дайте мне спасти вас! Ибо грядет гнев Господень! Покайтесь, пока не поздно! Разружьте храмы своих лживых богов!...

Феллон немного послушал. Оратор был дородным детинтой в черном костюме земного покроя. Его ничем не примечательное лицо светилось фанатичной верой, а из-под его белого тюбана выбивались пряди черных волос. Судя по всему, особенно его удручала балхибская национальная женская одежда, состоявшая из плиссированной юбки и наброшенной на плечи шали. Феллон узнал доктрины экуменических монотеистов, широко распространенной секты бразильского происхождения, которая возникла после третьей мировой войны. Кришнаитов проповедь больше веселила, чем вдохновляла.

Устав от монотонных повторений, Феллон двинулся дальше, на этот раз более целеустремленно. Его продвижение приостановила триумфальная колонна болельщиков с поля для игры в минашт. Они несли на плечах капитана занидской команды. Когда, наконец, любители спорта освободили проход, Феллон пошел дальше мимо стрельбища, где

кришнаиты обстреливали травяные мишени из легких арбалетов. Он остановился перед палаткой, над которой висела вывеска с надписью на балхибу:

ТУРАНДЖ ЯСНОВИДЯЩИЙ

Астролог. Гадатель. Некромант. Одонтомант.

Видит все — знает все — говорит все.

Предсказание будущего, раскрытие неиспользованных возможностей, предотвращение несчастий, советы в любовных делах, разоблачение врагов.

Позвольте МНЕ помочь ВАМ !

Феллон просунул голову в палатку, которая была довольно велика и поделена на несколько отсеков. В прихожей на большой подушке сидел кришнаит с изборожденным морщинами лицом, куривший длинную сигару.

Феллон заговорил на чистом балхибу:

— Привет, Квейс, старина. Кого обжулил за последнее время?

— В Балхибе я Турандж, — резко ответил кришнаит. — Не забывай об этом, землянин.

— Ладно, пускай Турандж. Можно войти — о, всевидящий?

Кришнаит стряхнул пепел с сигары.

— Конечно, можно, сын мой. С чего желаешь ты сорвать покров тайны?

Феллон прикрыл за собой вход в палатку.

Тебе должно быть известно, с чего, прозорливец. Может быть, мы пройдем...

Турандж крикнул, поднялся на ноги и провел Феллона в главный зал, где стоял стол, а рядом с ним лежали две подушки. Они уселись, и Турандж (или Квейс из Бабааля, как его знали в его родном Кваате) сказал:

— Ну что ж, дружок Антане, что интересного ты можешь предложить?

— Давай сначала посмотрим, как выглядят твои денежки.

— Ты так же не любишь расставаться с информацией, как Да'хакв со своим золотом, — в руке у Квейса неизвестно откуда появился мешочек с монетами, который он со звоном бросил на стол. Развязав шнурок, он вытащил из мешочка пару десятикардовых кругляшей.

— Итак?

Феллон подумал и начал:

— Кир стал еще невыносимей. Недавно его оскорбила борода посланника республики Китай-Джогораи. По земным меркам, эти волоски и бородой-то не назовешь — но король приказал отрубить послу голову. Довольно неприятно, нет? Особенно для бедняги посланника. Хабарьяну еле-еле удалось

вытащить катаяца из дворца и отправить его восвояси. Доуру он, конечно, доложил, что с нарушителем покончено — что и было правдой, хоть и несколько в другом смысле.

Квейс коротко рассмеялся.

— Благодарение судьбе, что я не министр короля, который безумней Гедика, пытавшегося заарканить луну. А почему Кир так щепетилен по части бород?

— А ты не знаешь эту историю? Он однажды сам отпустил бороду — в целую дюжину, а то и в четырнадцать волос — и тут гроссмейстер ордена Кварара в Майкарданде послал одного из своих рыцарей добыть эту самую бороду. Этот рыцарь, вроде бы, прикончил там у себя кого-то не того, а Кир мешался в майкардандские дела, вот Джувэн и решил преподать им обоим урок. Как бы то ни было, сэр Шургец добыл свой трофей, а Кир от этого совсем свихнулся. Он и до этого отличался эксцентричным поведением, а стал натуральным сумасшедшим, и с тех пор так и пребывает в этом интересном состоянии.

Квейс передал через стол две золотые монеты.

— Одна за рассказ о причине безумия Кира, а другая за то, как ты его преподнес. Камуран будет доволен. Но продолжай.

Феллон снова задумался.

— Готовится заговор против Кира.

— Против него всегда готовится какой-нибудь заговор.

— Этот похож на настоящий. Тут есть один тип по имени Чиндор — Чиндор эр-Квинан — он племянник одного из непокорных вельмож, ликвидированных Киром после отмены феодальных ленов. Так этот Чиндор хочет отобрать трон у Кира — руководствуясь высшими соображениями, как он утверждает.

— Других у них не бывает, — пробормотал Квейс.

Феллон пожал плечами.

— Может, у него и есть чистые побуждения, кто знает? Я однажды был знаком с честным человеком. В общем, Чиндора поддерживает один из наших новоиспеченных магнатов третьего сословия, Лийара-медеплавильщик. Говорят, что Чиндор обещал ему ввести протекционистскую пошлину на ввоз меди из Мадкика, если придет к власти.

— Еще одно земное нововведение, — сказал Квейс. — Если такая практика распространится, это полностью развалит торговлю. Какие ты знаешь подробности?

— Никаких, кроме тех, что уже рассказал. Если ты сделаешь это выгодным для меня, я могу откопать еще что-нибудь. Чем выгодней, тем больше откопаю.

Квейс передал еще одну монету.

— Покопай, а потом решим, сколько это может стоить. Что-нибудь еще?

— Тут становится беспокойно от земных миссионеров — космоистов, монотеистов и им подобных. Местные шаманы возбуждают против них свою паству. Хабарьян же пытается их защищать, потому что побаивается Новорецифа.

Квейс ослабился.

— Чем больше такого беспокойства, тем лучше для нас. Что еще у тебя есть?

Феллон протянул руку ладонью вверх и потер большой и указательный пальцы друг о друга. Квейс сказал:

— За такие мелкие новости — которые мне и так известны, к тому же — плата поменьше.

Он уронил в подставленную ладонь пятикардовую монету. Феллон нахмурился.

— О, прозорливец, как бы ты ни переодевался, я всегда смогу узнать тебя по недостатку щедрости.

Он спрятал монету и продолжил:

— Жрецы Бакха снова начали кампанию против культа Йешта. Бакхиты обвиняют йештитов в человеческих жертвоприношениях и прочих мерзостях и возмущаются тем, что им — представителям государственной религии — не дают искоренить поклонение богу тьмы. Они надеются подловить Кира в один из его моментов побезумней и добиться разрыва договора, который заключил его дядя, Балеид, и по которому йештиты получили Сафк в вечное пользование.

— Гм, — сказал Квейс, передавая очередную десятикардовую монету. — Что-нибудь еще?

— Пока нет.

— А кто построил этот Сафк?

Феллон воспроизвел кришнаитский эквивалент пожатия плеч.

— Каким богам это известно? Я, наверное, мог бы попытаться откопать что-нибудь в библиотеке.

— Ты никогда не был в самом строении?

— За какого дурака ты меня принимаешь? Никто, кроме проверенных йештитов, и носа туда не сует — если, конечно, хочет сохранить голову.

— До меня дошли слухи, что в Сафке происходят странные вещи, — сказал Квейс.

— Ты хочешь сказать, что йештиты действительно вводят то, в чем их обвиняют бакхиты?

— Нет, слухи касаются не вопросов культа. Чем именно занимаются йештиты, я не знаю. Но говорят, что в этом зловещем сооружении собираются люди — если только их можно считать таковыми — замышляющие вред светлой империи Кваат.

Феллон снова пожал плечами.

— Если ты действительно хочешь поправить свое материальное положение, выясни, что там творится! За полную и правдивую информацию о Сафке я готов заплатить тысячу кардов. И не говори мне, что не возьмешься за это. Ты готов на что угодно, лишь бы цена была подходящая.

— И за миллион кардов не возьмусь, — сказал Феллон.

— Клянусь зелеными глазами Хоя, еще как возьмешься! Камуран и слышать об отказе не хочет.

Феллон внес малопрактичное предложение насчет того, что может сделать со своими деньгами пресветлый гуур Урлика, камуран Кваата.

— Но почему ты не хочешь даже подумать? — продолжал уговаривать Квейс. — За тысячу кардов ты наймешь себе достаточно головорезов, чтобы вернуть замбийский трон! Разве это тебя не привлекает?

— Ни капельки. Протухшему трупу все равно, на троне он или нет.

— Разве Замба — не та цель, к которой ты стремился все эти годы, не жалея сил, как Кварар, совершавший девять своих подвигов?

— Да, но несбывшиеся надежды порождают скептицизм. Я не стану даже думать о подобном проекте, если заранее не буду хотя бы приблизительно знать, в какую авантюру ввязываюсь. Скажем, иметь план здания и примерное расписание служб просто необходимо.

— Если бы у меня было все это, стал бы я связываться с каким-то уродом-землянином? — Квейс с досадой плюнул на пол. — В свое время ты еще и не так рисковал. Иногда я не понимаю вас, землян. Может быть, я мог бы и немного поднять цену.

— К Хишкаку цену, — отрезал Феллон, поднимаясь. — Где и как мне связаться с тобой в следующий раз?

— Еще день-другой я буду в Заниде. Найдешь меня в таверне Ташина.

— Это где собираются шулера и мошенники?

— Именно — а разве я не играю роль одного из них?

— У тебя это слишком хорошо получается, маэстро!

— Гм-м! Но никто не знает, кто я на самом деле, так что укороти свой нахальный язык. Прощай!

Феллон попрощался и вышел под яркие лучи Рок'ира. Мысленно он подсчитал заработок: сорок пять кардов — хватит, чтобы содержать его и Гази несколько недель. Но слишком мало для того, чтобы начать восхождение к утерянному трону.

Феллон достаточно хорошо сознавал свои слабости, чтобы понимать, что, если ему действительно когда-нибудь удастся хапнуть столько, на сколько он надеялся, ему придется

начинать вербовку наемников и завоевание трона немедленно, потому что деньги имели обыкновение просачиваться у него между пальцев. Он бы, конечно, был рад заполучить тысячу кардов, которую обещал Квейс, но просить его нелегально проникнуть в Сафк было уже слишком. Другие уже пробовали и загадочно исчезали.

Он заглянул в распивочную и купил бутылку квада, самого крепкого кришнаитского напитка, напоминавшего вкусом разведенную водку. Как и большинство землян на Кришне, он предпочитал напитки попроще щедро приправленным пряностями разновидностям, которые пользовались успехом у кришнаитов. Вкус не имел для него особого значения — он пил, чтобы позабыть о разочарованиях.

— О, Феллон! — раздался резкий язвительный голос.

Феллон обернулся. Его опасения оправдались. Позади него стоял другой землянин: высокий, худощавый, чернокожий и седовласый. Вместо балхибского подгузника на нем был строгий земной костюм. Если не считать роста и фигуры, он был полной противоположностью Феллона: уверенный голос, точные движения, готовность к любым неожиданностям. Это был прирожденный лидер, прекрасно сознающий свое превосходство над остальными смертными. Его звали Перси Мджипа, и он был консулом Земной Федерации Планет в Заниде.

Феллон придал своему лицу нейтральное выражение. По многим причинам он недолюбливал Перси Мджипу и не мог заставить себя лицемерно улыбаться консулу. Он сказал:

— Привет, мистер Мджипа.

— Чем сегодня занят? — Мджипа говорил по-английски свободно, но с резким звучным акцентом интеллигент-банту.

— Поедаю цветы лотоса, старина, только поедаю цветы.

— Ты не мог бы заглянуть со мной в павильон префекта? Там сейчас человек, которого я хочу познакомить с тобой.

Феллон заинтригованно последовал за ним. Он прекрасно знал, что не является тем человеком, которого Мджипа стал бы демонстрировать какому-нибудь заезжему боссу в качестве примера землянина, преуспевшего на Кришне.

Они прошли мимо плаца, по которому маршировала рота занидской гражданской гвардии — взвод ланскнехтов и взвод арбалетчиков. Строй они держали не слишком ровно, и им явно не хватало выучки профессионалов Кира, но они выглядели очень браво в своих алых туниках, одетых под черные кольчуги.

Мджипа искоса глянул на Феллона.

— А ты разве не состоишь в гвардии?

— Состою. Как раз сегодня вечером у меня дежурство.

— Так почему ты не на параде?

Феллон ухмыльнулся.

— Я в роте Джуру, а она составлена наполовину из некришнаитов. Ты можешь себе представить, как будет выглядеть на параде рота из кришнаитов, землян, осирян, тотиан и прочих — всех вместе?

— Да, несколько неординарно — то ли видение из белой горячки, то ли кадры из фильма ужасов.

— А у нас еще есть восьминогий исидианин. С ним что прикажешь делать?

— Ему можно доверить нести знамя, — сказал Мджипа и пошел дальше. Вскоре они попали в зону слышимости миссионера-землянина, который все продолжал ораторствовать.

— Кто он? — спросил Феллон. — Похоже, он всех и вся ненавидит.

— Его зовут Вагнер — Уэлком* Вагнер. Он американец, по-моему, и экуменический монотеист.

— Американский вклад в межпланетное взаимонепонимание?

— Можно и так сказать. Кстати, интересный момент: он раскаявшийся авантюрист. Его настоящее имя Дэниел Вагнер, и как Унылый Дэн он приобрел печальную известность на планетах созвездия Кита, где его считали мошенником почище, чем Борель и Кошай вместе взятые. Человек, лишенный даже зачатков культуры.

— А что с ним случилось? Попал за решетку?

— Именно так, и там обратился к религии — как утверждали американцы — размышляя в камере новорецифской тюрьмы о собственных грехах. Как только он отбыл срок, ЭМ послали его сюда, потому что у них не было миссионеров на Кришне. И теперь он приносит нам больше забот, чем когда-либо раньше, — по темному лицу консула пробежала тень беспокойства. — От таких типов, как он, у меня больше неприятностей, чем от честных преступников вроде тебя.

— Преступников вроде меня? Дорогой Перси, ты меня обижаешь, и притом незаслуженно. Я никогда в жизни...

— О — ну ладно, ладно. Я все о тебе знаю. Или, по крайней мере, — поправился дотошный Мджипа, — больше, чем ты думаешь.

Они подошли к большому павильону под черно-зеленым знаменем. Африканец бодро отдал честь салютующим стражникам с алебардами и вошел внутрь. Феллон последовал за ним. Пройдя по лабиринту коридоров, они оказались в

* Уэлком (Welcome) - Добро пожаловать (англ.).

комнате, которую предоставляли консулу для работы во время фестиваля. Там сидел плотный коренастый человечек с морщинистым лицом и коротко подстриженными седыми волосами. Он был курнос, у него были широкие скулы и невинные голубые глаза, а также седые усы и козлиная бородка. Когда вошли Мджипа с Феллоном, он встал и вынул изо рта трубку.

— Доктор Фредро, — сказал Мджипа, — вот человек, о котором я вам говорил. Его зовут Энтони Феллон. Феллон, это доктор Джулиан Фредро.

— Очень приятно, — поблагодарил Фредро, слегка наклонив голову. Его глаза немного бежали по сторонам, как будто от смущения или беспокойства.

Мджипа продолжил:

— Доктор Фредро прибыл на Кришну для археологических изысканий и заодно хотел бы познакомиться с местными достопримечательностями. Он один из самых неутомимых экскурсантов, которых я знаю.

Фредро сделал пренебрежительный жест и сказал по-английски со славянским акцентом:

— Мистер Мджипа преувеличивает, мистер Феллон. Кришна кажется мне очень интересной планетой, вот и все. Поэтому я стараюсь готовить сено, пока кота нет на месте.

— Ну, лично я едва не валюсь с ног, сопровождая доктора, — сказал консул.

— О, это мистер Мджипа шутит, — сказал Фредро. — Я люблю знать языки стран, которые я посещаю, и общаться с людьми. Язык я сейчас учу, а что касается людей — мистер Феллон, знакомы ли вы с кем-нибудь из балхибских философов, проживающих в Заниде? Мистер Мджипа представлял меня солдатам, вельможам, купцам и рабочим, но не знакомил с местными интеллектуалами.

— Боюсь, не смогу вам в этом помочь, — сказал Феллон. — Кришнаиты не особенно жалуют гуманитарные науки, тем более балхибцы, которые считают себя воинственным народом и все такое. Единственный философ, с которым я был знаком, это Саиньян бад-Сабцован, и встречался я с ним несколько лет назад при дворе доура Гоцаштанда. Кстати, я почти никогда не понимал, что он говорит.

— А где теперь этот философ?

Феллон пожал плечами.

— А где прошлогодний снег?

Мджипа сказал:

— Я говорил доктору Фредро, что ты можешь показать ему много интересных мест и вещей. Особенно его интересует одно место, которое обычно не показывают туристам.

— Какое? — спросил Феллон. — Если ты имеешь в виду заведение мадам Фаруди в Ицанду...

— Нет, нет — совсем не это. Доктор Фредро просто хочет, чтобы ты провел его в Сафк.

Глава II

Феллон выпучил глаза, потом завопил:

— Что?

— Я сказал, — повторил Мджипа, — что доктор Фредро хочет, чтобы ты провел его в Сафк. Ты ведь знаешь, что это такое, нет?

— Еще бы. Но за каким Бакхом ему это нужно?

— Если... если мне будет позволено разъяснить, — сказал Фредро. — Я — археолог.

— Это из тех, что ли, которые выкапывают осколки ночных горшков и пишут по ним историю империи Калвма? Ладно, я понял — ну и что?

Проситель задвигал руками, но, похоже, никак не мог подобрать нужных слов.

— Послушайте, мистер Феллон. Постарайтесь себе представить. Вы должны знать, что Кришна — величайший эксперимент.

— Да?

— Межпланетный Совет пытается оградить жителей планеты от слишком резких культурных изменений и установил с этой целью технологическую блокаду. Конечно, эта блокада не может быть эффективной на все сто процентов. Некоторые земные изобретения и — э-е — обычаи просочились до того, как стал применяться метод псевдо-гипноза, а другие, например печатный пресс, применяются с разрешения МС. Поэтому сегодня мы имеем — как это сказать? — мы наблюдаем начало распада туземных культур под воздействием земной, которую можно уподобить проникающей радиации. В высшей степени важно, чтобы вся информация по местной истории и культурам получена была раньше, чем процесс пойдет слишком далеко.

— Почему?

— Потому что одним из первых последствий таких культурных скачков является падение и даже исчезновение интереса туземных жителей к собственным традициям, истории, памятникам, реликвиям — ко всему, с этим связанным. Но занимает гораздо больше времени — э-е — привить им интеллектуальную потребность в таких вещах, свойственную... свойственную высокоразвитому научно-технологическому обществу.

Феллон нетерпеливо двинул плечами. Из-за этих заумных

фраз, с мощным акцентом впридачу, он не был даже уверен, что все правильно понимает.

Фредро продолжал:

— Например, в девятнадцатом веке один египетский паша собирался снести великую пирамиду Хуфу*, чтобы использовать камень в качестве строительного материала. И при этом он считал себя современным просвещенным государственным деятелем, подобным прагматичным англичанам, которыми он восхищался.

— Да, да, да. Но какое отношение это имеет к необходимости совать голову в петлю, залезая в эту проклятую улитку? Я слышал, что существует культ, основывающийся, якобы, на измерениях внутренних помещений... Как они там называются, Перси?

— Неофилософское общество, — сказал Мджипа, — или, как называет себя его кришнаитская ветвь, Меджраф Джанджира.

— А что это за общество? — спросил Фредро.

— О, они верят, что на каждой планете есть памятник — вроде той египетской пирамиды, которую вы упомянули, или Башни Богов на Ормазде — измерив который, можно предсказать судьбу планеты. Они считают, что эти памятники построила какая-то раса космических странников, исчезнувшая до начала писаной истории. Эти странники знали будущее, потому что обладали машиной времени. Естественно, на Кришне честь быть таким памятником выпала на долю Сафка. Иммиграционная служба впускает сюда подобных типов, а потом удивляется, что кришнаиты считают всех землян сумасшедшими.

Феллон сказал:

— Ну, я не ученый, доктор Фредро, но сомневаюсь, что вы серьезно относитесь к таким бредням. Должен признать, что на психа вы не похожи — по крайней мере, внешне.

— Безусловно нет, — сказал Фредро.

— Тогда зачем вы так стремитесь попасть внутрь? Ничего особенного вы там не увидите, кроме множества коридоров и комнат, некоторые из которых приспособлены для исполнения йештитских обрядов.

— Видите ли, мистер Феллон, — сказал Фредро, — ни одному землянину еще не удавалось проникнуть туда, и это может... пролить свет на историю калвмского и пре-калвмского периодов. Если же никто там не побывает, балхибцы могут просто уничтожить памятник, когда начнет распадаться их культура.

* Хуфу - более точная транскрипция древнеегипетского имени Хеопс

— Все ясно, старина. И заметь, ничего против науки я не имею. Великолепное занятие и все такое.

— Спасибо, — сказал Фредро.

— Но, если ты намерен рисковать шеей, тебе придется делать это без меня.

— Но, мистер Феллон...

— Не согласен! Абсолютно, решительно, бесповоротно.

— От вас не потребуют — э-е — бескорыстных услуг, знаете ли. У меня есть небольшой фонд для оплаты местных консультантов...

— Вы забываете, — прервал его Мджипа, и в его голосе зазвучал металл, — что мистер Феллон, несмотря на его образ жизни, не является кришнаитом.

Фредро примиряюще взмахнул рукой и начал заикаться:

— Я н-никого не хотел обидеть, д-джентльмены...

— Да брось ты, — сказал Феллон. — Я не обиделся. Я не разделяю предрассудков Перси относительно кришнаитов.

— У меня нет предрассудков, — выразил протест Мджипа. — Среди моих лучших друзей есть кришнаиты. Но другой биологический вид есть другой биологический вид, и забывать об этом не следует.

— То есть — они хорошие ребята, пока знают свое место, — сказал Феллон, презрительно усмехаясь.

— Я бы выразился иначе, но основная мысль верна.

— Вот как?

— Да. Различные расы одного вида еще могут быть умственно равноценными — как на Земле, к примеру — но с различными видами совсем другая история.

— Но ведь мы говорим о кришнаитах, — сказал Фредро, — а психологические тесты не демонстрируют различий в их и наших средних уровнях интеллекта. А если и демонстрируют, то это перекрывается разбросом результатов.

— Вы можете верить в свои тесты, если вам нравится, — сказал Мджипа, — но я живу среди кришнаитов уже не один год, и никто меня не убедит, что они обладают изобретательностью и творческим потенциалом землян.

Тут заговорил Феллон:

— Но послушай, а как же насчет изобретений, которые они делают? Они, например, разработали примитивную, но собственную фотокамеру. Когда ты в последний раз что-нибудь изобрел, Перси?

Мджипа нетерпеливо взмахнул рукой.

— Все это скопировано с земных образцов. Прорехи в блокаде.

— Нет, — сказал Фредро, — и не прорехи. Кришнаитская камера — это пример — э-е — стимулированной диффузии.

— Чего? — спросил Мджипа.

— Стимулированной диффузии. Это термин, придуманный американским антропологом Кребером около двух веков назад.

— И что он означает? — спросил Мджипа.

— Когда кто-то узнает о чем-то, используемом в другом месте, и разрабатывает собственный вариант, не знакомясь с оригиналом, это и есть стимулированная диффузия. Многие примитивные земные народы приобрели таким образом письменность несколько веков назад. И для этого все равно требуется изобретательность.

Мджипа продолжал стоять на своем:

— Ну, даже если согласиться со всем тем, что вы сказали, кришнаиты, все равно, отличаются от нас темпераментом, а интеллект ничего не стоит без воли.

— А откуда вы знаете, что они отличаются? — спросил Фредро.

— Один психолог проводил тут исследования, проверив кучу народу, и выяснил, что у кришнаитов совершенно отсутствуют некоторые земные формы безумия, такие как паранойя...

Феллон прервал его:

— А у этого психа Кира разве не паранойя?

Мджипа пожал плечами.

— Я в этом не разбираюсь. Но так утверждал тот психолог. И он также указал на сильную предрасположенность кришнаитов к истерии и садизму.

Теперь стал возражать Фредро:

— Это не есть то, что я имел в виду. Я никогда не бывал здесь раньше, но я изучал кришнаитские ремесла и искусства на Земле, а они демонстрируют высочайший уровень творческой продуктивности — скульптура, поэзия и такие...

Феллон, подавляя зевоту, прервал его:

— Может быть, вы продолжите дебаты без меня? Я не понимаю и половины того, что говорится... А вот насчет того вознаграждения — сколько это будет, примерно? — он поинтересовался больше из любопытства, чем собираясь серьезно рассмотреть предложение.

— Два с половиной карда в день, — ответил Фредро.

Хоть это и была немалая, по балхибским меркам, плата, Феллон буквально только что отказался от тысячи за то же самое.

— Очень жаль, доктор Фредро. Но не пойдет.

— Возможно, я смог бы... Я мог бы и немного увеличить сумму.

— Нет, сэр! Даже если сумма будет в десять раз больше. Другие уже пытались пробраться в эту дурацкую раковину, и все плохо кончили.

— Подумаешь, плохо кончили, — сказал Мджипа. — Тебя ведь в любом случае рано или поздно ждет плохой конец.

— Я все же предпочел бы поздно, а не рано. Как вы, джентльмены, знаете, я готов идти на риск, но то, что вы предлагаете, это не риск — это неизбежная смерть.

— Послушай, — сказал Мджипа. — Я уже обещал доктору Фредро, а ты передо мной в долгу, и мне в особенности хочется, чтобы именно ты взялся за это дело.

Феллон бросил на консула острый взгляд.

— Почему в особенности?

Мджипа сказал:

— Доктор Фредро, извините нас на пару минут. Подождите меня здесь. Пойдем, Феллон.

Феллон, злобно скалясь, последовал за Мджипой наружу. Когда они нашли место, где их никто не мог услышать, Мджипа негромко сказал:

— Дело вот какое. За последние три года на подведомственной мне территории пропало трое землян, и я не сумел получить о них никаких сведений. Притом они люди не того сорта, чтобы связаться с сомнительной публикой и оказаться в реке с перерезанным горлом.

— Ну и что? — сказал Феллон. — Если они пытались проникнуть в Сафк, это только доказывает, что я прав. Так им и надо.

— У меня нет оснований предполагать, что они пытались проникнуть в Сафк — но они очень даже могли оказаться там поневоле. В любом случае, я пренебрег бы своим долгом, если бы, столкнувшись с подобной загадкой, не приложил всех возможных усилий для ее разрешения.

Феллон покачал головой.

— Если тебя так тянет в эту уродину, то давай — лезь...

— И полез бы, если бы не цвет кожи, который не скроешь, — Мджипа схватил Феллона за руку. — А так придется лезть тебе, уважаемый Феллон — полезешь, никуда не денешься.

— Зачем? Чтобы расписать пульку с теми тремя пропавшими?

— Чтобы выяснить, что произошло. Господи, ты что, бросишь своих соплеменников на произвол этих дикарей?

— Это еще посмотреть надо. Иных и брошу.

— Но это же земляне, твой собственный народ...

— Я, — сказал Феллон, — пытаюсь судить о людях по их личным качествам, не обращая внимания на то, руки у них, хоботы или щупальца. И, по-моему, это гораздо более цивилизованный взгляд на вещи, чем твой.

— Ну что ж, значит, как я понял, взывать к твоему патриотизму бесполезно. Но не удивляйся, когда придешь ко

мне за очередной гериатрической дозой, если вдруг выяснится, что таблетки у меня кончились.

— Если потребуется, я могу их купить на черном рынке.

Мджипа одарил Феллона убийственным взглядом.

— И как долго, по-твоему, ты сможешь наслаждаться своим долгожительством, если я расскажу Хабарьяну, как ты шпионишь в пользу камурана Кваата?

— Как я шп... Не понимаю даже, о чем ты, — ответил Феллон, чувствуя, как внутри у него все холодеет.

— Еще как понимаешь! И можешь не обольщаться: нужно будет — все расскажу.

— Вот как... Значит, после всех твоих благородных речей ты все-таки выдашь соплеменника-землянина кришнаиту?

— Особой радости это мне не доставит, но ты не оставляешь мне выбора. Пользы человеческой расе от тебя все равно никакой — ты только роняешь наш престиж у кришнаитов.

— Тогда зачем тебе вообще со мной связываться?

— Затем, что, при всех твоих недостатках, ты как нельзя лучше подходишь для этой работы, и я любыми средствами заставлю тебя взяться за нее, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

— Как я смогу туда пробраться без грима?

— Это я обеспечу. А теперь возвращаемся в павильон, и — либо ты скажешь Фредро, что согласен, либо я сообщу министру Кира о твоих встречах с этой змеей, Квейсом из Бабаала. Выбирай.

Феллон остановил взгляд налитых кровью глаз на консуле.

— Ты не можешь снабдить меня какой-нибудь предварительной информацией? Планом здания, к примеру, или описанием йештитских обрядов?

— Нет. По-моему, о внутреннем устройстве храма кое-что знают — или думают, что знают — неофилософы, но у меня нет связей среди последователей их культа в Балхибе. Так что, по этой части тебе придется выкручиваться самому. Ну?

Феллон помолчал еще с минуту. Потом, заметив, что Мджипа собирается открыть рот, выругался:

— А, черт с ним! Ты выиграл, будь ты проклят. А теперь давай ту информацию, какая у тебя есть. Кто эти трое пропавших землян?

— Один из них Лаврентий Боткин, научно-популярный писатель. Однажды он пошел прогуляться по городу и больше не вернулся.

— Я, по-моему, читал что-то об этом в «Рашме». Дальше.

— Другой — Кандидо Суареш, бразильский инженер. И еще Адам Дали, директор американского завода.

Феллон спросил:

— Ты обратил внимание, какие у них профессии?

— Все они связаны с техникой, в той или иной степени. Если ты это имеешь в виду.

— Может быть, кто-то пытается собрать инженеров и ученых, чтобы они производили для него современное вооружение? Такое уже бывало, ты же знаешь.

— Я думал об этом. Если меня не подводит память, — сказал Мджипа, — ты сам когда-то пытался повернуть что-то подобное.

— Ну-ну, Перси, не будем ворошить прошлое.

Мджипа продолжил:

— Но такое случалось до того, как мы получили псевдогипнотический метод Сан Реми. Если бы только он был разработан несколькими десятилетиями раньше... Как бы то ни было, похищенные просто физически не могут делиться информацией такого рода — даже под пытками — как не смог бы поделиться ты или я. И туземцам это известно. В любом случае, гадать не имеет смысла — когда мы обнаружим пропавших землян, мы, вне всякого сомнения, узнаем и причины, по которым их похитили.

Глава III

Кришнаитский Длинный день умер. Хотя Энтони Феллон отпирал собственную входную дверь, у него был немного вороватый вид. Он крадучись проскользнул внутрь, тихонько снял портупею с рапирой и повесил ее на вешалку для шляп.

Он недолго постоял, прислушиваясь, потом на цыпочках прошел в главную комнату. Снял с полки пару бокалов из настоящего хрусталя, вышедших из-под искусных рук маджбурских ремесленников. Это были почти единственные чего-то стоящие вещи в этой маленькой обветшалой гостиной-столовой. Феллон приобрел их в один из тех редких моментов, когда был при деньгах.

Он раскупорил бутылку (кришнаиты еще не вкусили блаженства винтовых пробок) и налил по порции квада в оба бокала. На бульканье из кухни донесся женский голос:

— Антане?

— Это я, дорогая, — сказал Феллон на балхибу. — Герой, вернувшийся домой...

— Явился, наконец! Как видно, хорошо ты ублажил свою беспутную особу на Фестивале. Клянусь 'Анериком Просветителем, и рабыни видят больше развлечений, чем я.

— Но, Гази, любовь моя, я же тебе много раз говорил...

— Конечно, говорил! Вот только стоит ли мне верить твоим байкам? Ты меня, наверное, дурой полной считаешь? И зачем только согласилась я на то, чтоб ты стал моим джагейном, ума не приложить мне.

Задетый за живое, Феллон огрызнулся:

— Потому что ты была женщиной без брата и без крова над головой. А теперь перестань ныть и иди сюда — и давай выпьем. Я хочу тебе кое-что показать.

— Ах ты зафт! — разгневанно начала женщина, но тут до нее дошел смысл его слов. — О, в таком случае, сейчас приду.

Занавеска, отделявшая кухню от комнаты, раздвинулась, и вошла джагайни Феллона. Это была высокая и мощно сложенная кришнаитка с хорошей фигурой и привлекательная, по кришнаитским стандартам. Феллону она была не любовницей, но и не женой: ее статус соответствовал чему-то среднему.

Балхибцы не признавали брака, считая его малопрактичным для народа воинов, каковым они и являлись последние несколько веков. Вместо этого, женщина обычно жила у одного из своих братьев, где ее периодически навещал ее джагейн. Эти отношения можно было расторгнуть по желанию любого из партнеров, но, пока они были в силе, они носили обязывающий исключительный характер. Заботы по воспитанию детей ложились на брата женщины, и поэтому вместо отчеств, характерных для остальных народов Варасто, балхибцы пользовались приставками, производными от имени дяди по материнской линии. Так, полное имя Гази было Гази эр-Дукх — Гази, племянница Дукха. Женщины же, которые — как Гази — проживали непосредственно со своими джагейнами, считались неудачницами и *declassé**.

Глядя на Гази, Феллон пытался решить, так ли уж умно он поступил, выбрав Кришну в качестве арены для своей внеземной деятельности. И почему он не бросал Гази? Остановить его она не могла. Но она хорошо готовила, и, в каком-то смысле, он был привязан к ней...

Феллон протянул джагайни наполненный бокал. Она приняла его со словами:

— Женщина благодарна, но, боюсь я, истратил ты последнее.

Феллон развязал кошелек, который свисал у него с пояса, и продемонстрировал горсть золотых монет, полученных от Квейса. Глаза Гази расширились, и она попыталась выхватить деньги. Феллон отдернул руку, рассмеявшись, потом отдал ей две десятикардовые монеты, остальные же спрятал обратно в кошелек.

* *declassé* - деклассированная, морально опустившаяся (франц.).

— Этого должно хватить на хозяйство на несколько недель, — сказал он. — Если понадобится еще, попроси.

— Бакхан, — пробормотала она, опускаясь в кресло и отпивая из бокала. — Насколько знаю я тебя, нет смысла никакого спрашивать, откуда взялись эти.

— Совершенно никакого, — весело ответил он. — Когда-нибудь ты, наконец, поймешь, что я никогда не обсуждаю своих дел. Поэтому я и жив пока.

— И гнусные, неблагоприятные дела, могу поклясться, у тебя.

— Они нас кормят. Что сегодня на ужин?

— Котлеты из унха с бадром, и тунест на десерт. Твои загадочные дела завершены сегодня?

— Думаю, да, — осторожно ответил он.

— Тогда что мешает тебе провести меня на Фестиваль? Там будет фейерверк и праздничная битва.

— Извини, дорогая, но ты забываешь, что у меня сегодня дежурство.

— Всегда что-то! — она мрачно заглянула в свой бокал. — Чем провинилась я перед богами, что так казнят меня они?

— Выпей еще, и полегчает. Когда-нибудь, когда я верну свой трон...

— И сколько слышать мне еще такие песни?

— ...когда я верну свой трон, у нас будет достаточно времени для игр и веселья. А пока, делу время — потехе час.

Третий взвод роты Джуру муниципальной занидской стражи гражданской гвардии Балхиба уже начал строиться, когда Феллон влетел в оружейную. Он выхватил из пирамиды копье-багор и занял свое место.

Как Феллон объяснил Мджипе на фестивале, роту Джуру было непрактично демонстрировать на парадах. Занидский квартал Джуру был населен по большей части беднотой некришнаитского происхождения, и состав стражей отражал демографическую ситуацию, представляя собой будто специально сделанную выборку разумных обитателей планет земного типа. Помимо кришнаитов в роте было несколько землян: Вимс, Кисари, Нуньес, Рамананд и так далее. Имелся торианин (не путать с тоттианами) — что-то вроде страуса, но с руками вместо крыльев. Был и исидианин — кошмарный восьминогий гибрид слона и овчарки. И многие другие, различной наружности и происхождения.

Перед строем гвардейцев стоял подтянутый Кордак' эр-Джилан, капитан регулярной балхибской армии. Он хмурился из-под огромного плюмажа своего шлема. Феллон понимал, почему Кордак' не в духе. Капитан был добросовестным

служакой и очень хотел бы вколотить дисциплину и единообразие профессионалов в свою роту гражданской гвардии. Но о каком единообразии могла идти речь, когда ему приходилось иметь дело с таким разномастным сбродом? Их нельзя было даже заставить обзавестись формой, потому что тоттiane утверждали, будто в одежде поверх меха они задыхаются, а сшить мундир для исидианина не брался ни один занидский портной.

— Зухо'й! — рывкнул капитан Кордак', и неровный строй кое-как принял стойку смирно.

Капитан объявил:

— Моим героям предстоит боевое учение на западной равнине в следующую пятницу в тот час, когда Рок'ир прольет свои первые карминно-красные лучи. Мы возьмем с собой...

Капитан Кордак' начал демонстрировать свойственную всем кришнаитам тенденцию слишком цветисто выражать даже самые простые мысли, причем он был многословен даже для кришнаита. На этот раз, однако, его речь прервали громкие стоны, которых не смогли сдержать многие гвардейцы.

— Какого Хишкака вы, ленивейшие из мерзавцев, воете и скрипите, как древнее дерево от ветра? — воскликнул капитан. — Подумать можно, внимая вашим воплям, будто приказано вам было, под страхом четвертования, сразиться с шаном, вооружившись палкой от метлы!

— Боевое учение! — простонал толстяк Савейч, держатель таверны на улице Шимад и он же старший из командиров отделений. — Какая может быть нам польза от него? Всем давно известно, что один лишь джунгаит рассеять может парой стрел всю роту, как Кварар рассеял полчища дунуланов. Зачем нам эти игры в солдатиков?

Джунгаитами, или джунгавцами, в Балхибе называли жителей западных степей: воинственные народы Кваата, Дхаукии и Йерамиса.

Кордак' сказал:

— Стыдно, мастер Савейч, что представитель нашего отважного народа ведет столь недостойные речи! Прямой приказ министра гласит, что всем без изъятия ротам упражняться надлежит в искусствах боевых. По доброй воле — или по принуждению.

— Я подаю в отставку, — пробурчал Савейч.

— Отставки не принимаются, несчастный трус! — Кордак' конфиденциально понизил голос. — Между мной и вами говоря, до ушей моих доносит молва слухи с западных степей: и обстановка там опасна и воистину непредсказуема. Камуран Кваата — да выест Йешт его бесстыжие глаза — созвал племенное ополчение и марширует с ним из конца в конец

своей обширнейшей державы, — буква «Т» на балхибу звучала немного шепеляво, и «Кваат» получалось у капитана как «Кваасф».

— Он не может так просто взять и напасть на нас! — сказал Савейч. — Мы ничем его не спровоцировали, и, к тому же, обязан он обещанием по договору, подписанному после Таджрошской битвы.

Кордак' подчеркнуто терпеливо вздохнул.

— На то же самое, старая бочка с жиром, надеялись и хорошие граждане Джо'ола, Зурии, Дхаукии и многих других стран, которые я мог бы перечислить, когда б в сей вечер мне делать было нечего, кроме как спорить с подчиненными. Так ли, иначе ли — гаков приказ. А теперь отправляйтесь по своим постам, и пусть ни лавки винные, ни тенета борделей не отвратят вас от достойного исполнения долга вашего и полученных заданий. И наблюдайте особливо за домами, которые ворье лишить пытается даже самих дверных священных гонгов. С тех пор, как воинские приготовления наши взвинтили цену на металл, на город снизошла чума такого рода татей.

— Ты, мастер Антане, води людей в восточную часть города, по улице Я'фал, вкруг Сафка и назад по улице Барфур. Особо обрати внимание на переулки близ фонтана в честь Кварара. За последнюю неделю произошли там три дерзких ограбления и мерзкое убийство, что тень бросает на доблестную бдительность гвардейцев. Мастер Мокку, надлежит хранить тебе...

Получая приказы и участки патрулирования, отделения разбредались в ночь, держа багры не по уставу, как придется. Почти все предусмотрительно утеплились, натянув поверх кольчуг стеганые туники, потому что, хоть времена года на Кришне и не были выражены так же сильно, как на Земле, разброс температур в течение суток был довольно значителен, особенно в степных районах, в одном из которых и находился Занид.

В отделении Феллона, помимо него самого, было еще трое стражников: два кришнаита и осиранин. Вообще говоря, не-кришнаитам редко доставались командные армейские посты, но рота Джуру устанавливала собственные правила.

Патрулировать в районе, в котором располагался Сафк, вполне устраивало Феллона. Отделение прошло переулком на улицу Я'фал и двинулось по этой магистрали — по двое с каждой стороны — заглядывая в подворотни и дверные проемы и высматривая грабителей и прочих правонарушителей. Две самых крупных из трех кришнаитских лун, Каррим и Голназ, обеспечивали хоть и тусклое, но достаточное освещение, особенно когда ему помогали небольшие костры, разведенные в специальных железных

решетках на главных перекрестках. Один раз стражникам встретилась повозка, запряженная шайханом, которая регулярно объезжала город по ночам, развозя дрова для этих осветительных приспособлений.

До Феллона доходили слухи о планах по замене устаревших решеток более эффективными битумными лампами, но проект был похоронен в угоду магнату, который снабжал Занид дровами.

Изредка Феллон и его «люди» останавливались, привлеченные звуками, доносившимися из домов, но, похоже, в эту ночь в их районе не происходило ничего противозаконного. Один раз шум явно производила какая-то женщина, ссорившаяся со своим джагейном, а в другом случае они безошибочно определили, что лихие голоса принадлежат участникам хмельной пирушки.

Перед тем, как перейти в Квадрат Кварара, восточная оконечность улицы Я'фал загибалась под острым углом. Приближаясь к повороту, Феллон услышал какой-то шум, доносившийся из-за него. Отделение ускорило шаг и отважно вылетело на площадь, чтобы обнаружить столпившихся вокруг фонтана Кварара кришнаитов, к которым спешили присоединиться другие.

Квадрат Кварара (или Гарара, как имя произносилось на балхибу) был вовсе не квадратом, а вытянутым неправильным многоугольником. В одном его конце находился фонтан Кварара, в центре которого возвышалась статуя знаменитого героя, взиравшего на освещенные лунным светом головы толпы. Скульптор изобразил полубога топчущим ногами чудовище, душащим одной рукой еще одно и обнимающим другой одну из своих бесчисленных возлюбленных. На другом конце площади была гробница царя Балейда, украшенная его сидячей статуей, недовольно наблюдавшей за происходящим.

Откуда-то из недр толпы доносился звон стали, и свет луны и дело выхватывал занесенные над головами клинки. Отдельные фразы, которые смог разобрать Феллон, не оставляли сомнений в том, что происходит: «Проткни грязного йештита!», «Берегись выпада!», «Отбивай!».

— За мной, — сказал Феллон, и четверка гвардейцев двинулась на толпу, держа багры наперевес.

— Стража! — крикнул кто-то.

Толпа начала рассеиваться с почти невероятным проворством, и любители дуэлей устремились во все стороны, ныряя в переулки и подворотни.

— Поймайте мне свидетеля! — крикнул Феллон и бросился в гущу толпы.

Она расступалась перед ним, и вскоре он увидел, что у самого фонтана бьются два кришнаита, вооруженные

тяжелыми рапирами с колющими и режущими клинками, популярными у народов Варасто.

Краем глаза Феллон заметил, как Квоун, один из его кришнаитов, зацепил какого-то беглеца за ногу багром и прыгнул на спину своей растянувшейся на мостовой жертвы.

Прежде чем Феллон успел добежать до дуэлянтов, один из них, отвлеченный шумом, оглянулся, оторвав взгляд от противника.

Тот немедленно нанес мощнейший удар, со звоном послав чужой клинок на камни мостовой. Не теряя времени, он прыгнул вперед и опустил тяжелую рапиру на голову противника.

Одним черепом меньше, подумал Феллон. Получивший удар кришнаит повалился навзничь. Его противник сделал шаг вперед и уже занес рапиру, собираясь добить поверженного, когда Феллон отбил его клинок в сторону.

Издав нечленораздельный яростный вопль, дуэлянт повернулся к Феллону, которому пришлось отступить под бешеным натиском, но в этот момент Цикасса, стражник-осирианин, схватил дуэлянта сзади за талию своими чешуйчатыми руками, приподнял и швырнул в фонтан. Раздался плеск.

Появился Квоун, тащивший свидетеля за обруч, застегнутый на шею пленника. Когда из вод фонтана, словно морской бог, поднялся промокший дуэлянт, Цикасса снова схватил его, вытащил из чаши и немного потряс, чтобы тот умерил пыл.

— Этот ес-с-сть пьян, — прошипел осирианин

В этот момент вернулся второй стражник-кришнаит. Он тяжело дышал и продемонстрировал чью-то тунику, болтавшуюся на крюке его багра.

— К великой скорби, свидетель мой ушел.

Феллон склонился над трупом на мостовой, который неожиданно застонал и сел, схватившись руками за окровавленную голову. Беглый осмотр показал, что колпак-турбан принял на себя и погасил основную силу удара.

Феллон поднял раненого на ноги и сказал:

— Этот тоже пьян. Что говорит свидетель?

— Я видел все! — завопил тот. — Зачем потребовалось хватать меня? Я всегда стою на стороне закона, и показания дал бы добровольно и охотно.

— Конечно, — сказал Феллон. — А то, что ты убегал, было только оптической иллюзией. Давай рассказывай, что видел.

— Охотно, господин. Вот этот, с прорубленной головой, есть йештит, а другой — последователь какого-то нового культа, зовущегося Кришнаитскою Наукой. Жаркий спор

затеяли они в таверне Рацджуна, и кришнаитский ученый заявил, что нет в природе такой вещи, как зло, и посему ни Сафк, ни йештитский храм, расположенный внутри, не есть реальность, как нереальны и поклоняющиеся Йешту. Йештит же выразил несогласие и бросил вызов...

— Он лжет! — воскликнул йештит. — Ни единое враждебное слово не сорвалось с уст моих, и я лишь оборонялся с честью, от незаконного и наглого нападения презренного мерзавца...

«Презренный мерзавец», выплюнув воду, которой успел наглотаться в фонтане, прервал его речь, завопив:

— Сам лжец! Кто выплеснул кружку, полную фалатского вина, в лицо мне? Если это не вызов...

— То было лишь доказательством того, что я реален, исчадие Майянда Отвратительного! — моргнув, чтобы стряхнуть заливавшую глаза темную кровь, йештит набросился на Феллона: — А ты, земная тварь, как смеешь честному балхибцу ты указывать, как вести себя в его собственном городе?! Почему вы, мерзкие мокрицы, не убираетесь обратно на планеты, с которых приползли? Почему оскверняете веру нашу, древнюю и почтенную, своими лживыми и тошнотворными ересьями?

Феллон спросил:

— Вы трое сможете доставить нашего теолога и его друга во Дворец Правосудия? И свидетеля?

— Да, начальник, — хором ответили кришнаиты.

— Так отправьте их туда. Встретимся в оружейной перед вторым обходом.

— А я? Меня вести зачем? — возопил свидетель. — Хороший я и чистый пред законом гражданин. Всегда готов явиться я...

Феллон оборвал его:

— Если ты сможешь удостоверить свою личность во Дворце Правосудия, тебя отпустят домой.

Он пронаблюдал, как процессия покинула площадь под звон цепей, одетых на арестованных. Он был рад, что ему не нужно идти с ними, потому что до Дворца было добрых три хоуды, а повозки-омнибусы уже не ходили.

Больше того, его радовала и предоставившаяся возможность без помех обследовать Сафк. В своем официальном качестве он вызовет меньше подозрений, а то, что он будет один, даст ему большую свободу действий. Пока что ему везло.

Энтони Феллон взвалил багор на плечо и двинулся на восток. Когда он миновал несколько уличных кварталов, над крышами невысоких домов показалась верхушка Сафка. Здание, как он знал, стояло у самой границы, отделявшей

квартал Джуру от квартала Баха, в котором располагались почти все занидские храмы. Баха специализировался на религии, как квартал Ицанду на мануфактурах.

Балхибское слово «safq» обозначало целый подкласс мелких кришнаитских беспозвоночных, как водяных, так и сухопутных. Обычные сухопутные сафки напоминали земных улиток, обладая такой же закрученной спиральной раковиной, но, вместо того чтобы скользить по собственной слизи, как полагалось улиткам, сафки передвигались с помощью бесчисленных крохотных ножек.

Само же строение под названием Сафк было громадным коническим зиккуратом*, сложенным из плотно подогнанных джадеитовых** блоков. В высоту он достигал ста пятидесяти метров, а формой имитировал спиральные раковины настоящих сафков. Его происхождение затерялось в запутанном лабиринте кришнаитской истории. Во времена полисного периода, непосредственно после распада Калвмской империи под ударами Варасто, пребывавшими тогда в варварстве, Сафк уже существовал, и именно вокруг него и вырос город Занид, здания которого обступили башню, так что ее стало видно только издалека или в непосредственной близости. Король Балеид снес окружавшие исторический памятник строения и разбил вокруг него небольшой парк.

Феллон углубился в этот парк и медленно обошел колоссальное здание, чутко прислушиваясь и сверля башню глазами, как будто мог проникнуть взглядом внутрь одной только силой воли.

Однако для этого было мало просто хорошего зрения. За несколько тысячелетий не один грабитель мечтал пробиться сквозь эти стены, но прочный джадеит успешно противостоял любым попыткам. И на всем протяжении писаной истории Сафком пользовались жрецы Йешта.

Он не был их единственным храмом — храмы поменьше имелись в Луссаре, Малмадже и в других балхибских городах. И даже за парком, по ту сторону границы с кварталом Баха, Феллон мог различить луковичку купола Часовни Йешта. Она использовалась для повседневных церемоний, на которые допускалась широкая публика. Там же проводились занятия с потенциальными новообращенными и другие подобные мероприятия. Но в свою главную святыню жрецы Йешта пускали мирян лишь в исключительных случаях, да и

* зиккурат - ступенчатая коническая башня, обычно культового предназначения. Такие башни строились в Древней Месопотамии.

**джадеит - кришнаитский (то есть, выдуманный автором) минерал. Название образовано от английского слова «jade» - «нефрит».

то только проверенных и давно обращенных членов своей секты.

Феллон подошел ко входу, соответствовавшему отверстию в раковинах живых сафков. Лучи Каррима высвечивали массивные бронзовые двери, которые, по слухам, поворачивались на алмазных подшипниках. На дверях до сих пор были видны следы тщетной атаки, которой их подвергли солдаты Руца несколько сот кришнаитских лет назад. Взгляд Феллона упал на что-то белое слева от этих ворот.

Он подошел поближе. Изнутри не доносилось ни звука, пока он не приложил ухо к холодной бронзе портала. Тогда он стал различать что-то: удары то ли гонга, то ли барабана, ритмично повторяющиеся, но слишком приглушенные расстоянием и толстыми стенами, чтобы Феллон мог решить, что это такое. Это могли быть и удары молота по наковальне. Через некоторое время звуки затихли, чтобы вскоре возобновиться вновь.

Феллон не стал ломать голову над этой загадкой — которая, несомненно, должна была разрешиться, когда он попадет внутрь Сафка — и обратился к белому объекту, который оказался несколькими листами кришнаитской бумаги, приколотыми к доске объявлений храма шипами кустарника к'улаф. Доска была снабжена надписью: «ДАКХТ ВА-ЙЕШТ ЗАНИДО» (храм Йешта в Заниде), и Феллон, хоть и не был силен в письменном балхибу, сумел ее разобрать. Слово «йешт» узнать было легко, поскольку он помнил, что заглавными балхибскими буквами оно писалось как «OU62», хоть и читалось справа налево.

Он прищурился, пытаясь разобрать, что написано на листках. Самые крупные буквы складывались в слова «ПРОГРАММА ЦЕРЕМОНИЙ», но, несмотря на свет двух лун, как он ни щурился, он не мог разобрать мелкий текст. (Когда он был помоложе, подумал он, такие тексты он читал без труда.) В конце концов он вынул зажигалку кришнаитского производства и высек огонь.

Потом прислонился к доске, достал небольшой блокнот и переписал в него текст с листков.

Глава IV

Когда Энтони Феллон вошел в оружейную, там за столом дежурного сидел капитан Кордак'. Шлем с пышным плюмажом стоял у его ног на полу. Капитан писал при свете

лампы, нацепив на нос очки в черной оправе. Оторвавшись от списков роты, которые приводил в порядок, он глянул поверх очков на Феллона.

— Салют, мастер Антане! Где отделение твое?

Феллон рассказал, как обстоят дела.

— Хорошо — отлично! Деяние блистательной отваги совершил ты, достойное Кварара самого. Вольно, — капитан потянулся за кувшином и налил себе стакан шураба. — Мастер Антане, не джагейн ли ты Гази эр-Дукх?

— Да. А откуда ты знаешь?

— Что-то такое говорил ты, показалось мне.

— А зачем... Ты что, тоже ее знаешь?

Кордак' вздохнул.

— Знал. В былые дни притязал я сам на положение твое. Я пылал страстью, как море лавы, но соглашения наладить не успел я, хоть близок был к тому, а вскоре убит был брат ее, и с ней не виделся я больше. Могу ли я надеяться когда-нибудь на доброту твою, чтобы позволил ты возобновить знакомство старое?

— Конечно — когда хочешь. Буду рад, если заглянешь.

Феллон посмотрел в сторону двери, в которую гуськом прошло его отделение с докладом о том, что арестованные и свидетель надлежащим образом доставлены во Дворец Правосудия. Феллон сказал:

— Дайте своим костям отдохнуть пару минут, ребята, и отправимся с новым обходом.

Гвардейцы расселись по скамьям и четверть часа отдыхали, потягивая шураб. Потом вернулось еще одно отделение, и Кордак' выдал Феллону новое задание:

— Проследуйте по улице Барфур, а далее на юг, вдоль границы с Думу, ибо банда Чиллиана проходу не дает там никому в восточной части, близ границы с Джуру...

Думу, самый южный квартал Занида, завоевал печальную известность главного воровского гнезда города. Публика громко протестовала, заявляя, что местная рота муниципальной стражи закуплена преступниками на корню и позволяет ворах и грабителям действовать совершенно открыто. Командование гражданской гвардии гневно отметало обвинения, утверждая, что разгул преступности объясняется малочисленностью стражи.

Отделение Феллона свернуло с улицы Барфур и двигалось по вонючему переулку, который вел зигзагами в сторону границы квартала. Неожиданно донесшийся спереди шум заставил Феллона застыть на месте, а потом сделать знак остальным осторожно следовать за ним. Заглянув за угол, он увидел стоявшего спиной к стене гражданина, которого окружили трое недружелюбно настроенных кришнаитов.

Один из них держал его под прицелом миниатюрного арбалета, другой угрожал мечом, а третий освобождал жертву от обременительных предметов, каковыми он считал кошелек и перстни. Ограбление находилось в самой начальной стадии.

Это был редкий шанс. Как правило, стражники обнаруживали на месте преступления только потерпевшего — либо в виде трупа, либо обобранного до нитки и проклинавшего грабителей, продажную стражу и в целом беззаконное состояние города.

Если бы Феллон и его люди бросились на преступников сразу, те разбежались бы, скрывшись в переулках раньше, чем стражники добежали бы до места, поэтому Феллон прошептал Цикассе:

— Беги справа вокруг того дома и зайди им с тыла. Потом просто беги на них со всех ног. Когда мы тебя увидим, мы тоже выскочим из-за угла.

Цикасса тенью растворился в ночи. До Феллона лишь недолго доносилось легкое клацанье когтей вихрем несущегося динозавра-гвардейца. Цикасса, как знал Феллон, был способен развивать вдвое большую, чем любой землянин или кришнаит, скорость, иначе Феллон и не послал бы его. Если бы в обход побежал человек, грабители уже закончили бы свое дело и скрылись, прежде чем тот занял бы исходную позицию.

Через несколько десятков секунд клацанье когтей донеслось снова, на этот раз громче, и в переулок ворвался Цикасса, несущийся на злоумышленников огромными скачками.

— За мной, — сказал Феллон.

Заслышав шаги, грабители развернулись. Феллон услышал звон тетивы, но из-за темноты не смог разобрать в кого стреляли. В любом случае, никаких признаков того, что стрела попала в кого-то, не обнаружилось.

Грабители бросились врассыпную. Цикасса взвился в воздух и, пролетев невероятное расстояние, приземлился своими птичьими лапами на спину арбалетчика, повалив его на землю.

После мгновенного замешательства высокий худой грабитель с мечом побежал навстречу Феллону, затормозив в нескольких метрах от него. Феллон резко выбросил багор вперед, услышал звон стали и почувствовал мощный удар по древку, когда противник отразил его выпад. Двое стражников-кришнаитов бросились вдогонку за преступником, который обыскивал жертву, а теперь успел проскочить под Цикассой и пытался скрыться в переулке.

Феллон делал выпады и парировал их, решительно наступая, но одновременно следя за тем, чтобы противник не

схватился свободной рукой за древко, получив таким образом возможность сблизиться и нанести решающий удар. По счастливой случайности Феллону удалось нанести колющий удар в правую руку грабителя. Меч со звоном упал на камни, и преступник развернулся и побежал. Прикинув, что длинноногого верзилу ему не догнать, Феллон метнул багор на манер дротика. Оружие угодило грабителю между лопаток и так и осталось торчать. Раненый сделал еще пару шагов, покачнулся и упал.

Феллон подбежал к нему, вытаскивая рапиру, но она ему не понадобилась, поскольку грабитель лежал на спине, кашляя кровью. Появились стражники-кришнаиты, которые гнались по переулку за третьим преступником. Они злобно ругались, потому что тому удалось скрыться. Стражники сумели вернуть кошелек жертвы, оброненный грабителем, перстни, однако, остались у него, и потерпевший немедленно разразился проклятиями и руганью в адрес бездельников и дилетантов, из которых состояла муниципальная стража.

Краешек красного диска Рок'ира уже появился над занидскими крышами, когда Энтони Феллон со своим отделением вернулся в оружейную с последнего обхода. Они составили свои багры обратно в пирамиду и построились, чтобы получить номинальную сумму, которую муниципальный префект выплачивал гвардейцам за ночную службу.

— Дежурство завершено. Не забудьте о пятничном учении, — коротко сказал Кордак', выдавая каждому по серебряной четвертькардовой монете.

— Что-то мне подсказывает, — пробормотал Феллон, — что в четверг всю нашу роту поразит загадочная хворь.

— Кварара кровь! Лишь только вздумайте попробовать, мерзавцы! Назначаю я командиров отделений ответственными за явку людей своих.

— Я и сам себя что-то неважно чувствую, господин капитан, — сказал Феллон, ухмыляясь и пряча полукард, полагавшийся ему по званию.

— Каналья непочтительная! — фыркнул Кордак'. — И чего ради мы терпим твои выходки, не знаю я... Но ты не забудешь о том, о чем беседовали мы недавно, мастер Анане?

— Нет, нет. Я все устрою, — Феллон удалился, небрежно махнув на прощание рукой остальным гвардейцам.

Было довольно глупо с его стороны, думал иногда Феллон, проводить каждую десятую ночь, маршируя по темным улицам за полкарда — дневной заработок землекопа. Феллон был

слишком своеволен и непредсказуем, чтобы гармонично вписываться в армейскую машину. Обладая недюжинными способностями как командир, он был почти начисто лишен их в том, что касалось подчинения, являясь же иноземцем, он вряд ли мог рассчитывать на высокое место в иерархии балхибской армии.

Тем не менее, он продолжал носить цвета гражданской гвардии. Почему? Потому что мундир обладал для него неодолимой притягательной силой, хоть это и было по-детски наивно. Расхаживать по пыльным занидским улочкам с багром на плече означало почувствовать себя — хотя бы ненадолго — потенциальным Александром или Наполеоном. А в его положении и такая пища для самолюбия была желанна.

Когда он, устало атакуя по пути проблему Сафка, добрел до дома, Гази спала, но проснулась, когда он скользнул в постель.

— Разбуди меня в конце второго часа, — пробормотал он и заснул.

Почти сразу же, как ему показалось, Гази стала трясти его за плечо, требуя, чтобы он вставал. Поспал он всего около трех земных часов, но нужно было подниматься, если он хотел успеть сделать все, что запланировал на этот день. Помня, что ему придется выступать в суде, он побрился, одел почти новую одежду и проглотил быстрый завтрак. Выйдя под яркие лучи утреннего Рок'ира, он направился в таверну Ташина.

Занидский квартал А'ваз состоял из трущоб, которые, впрочем, были представлены целым спектром градаций: от откровенных трущоб на границе с Джуру у Балеидских ворот до трущоб, перемежавшихся схудожественными мастерскими на севере, где А'ваз граничил с богемным кварталом Сахи. Таверна Ташина располагалась на западе А'ваза у самой городской стены и была беспорядочным строением, окружавшим (как и большинство балхибских домов) центральный дворик.

В это утро двор был заполнен крикливыми, жуликоватого вида типами, составлявшими обычную клиентуру таверны. По диагонали двора была натянута веревка, на которой балансировал канатоходец, размахивавший для равновесия зонтиком. Трио акробатов практиковалось в прыжках и стойках, изредка подбрасывая друг друга в воздух. Напротив дрессировщик натаскивал ручную герку. Какой-то певец пробовал голос, а в углу репетировал актер, сопровождавший декламацию пламенными жестами.

Феллон спросил у привратника:

— Где Турандж-ясновидящий?

— Второй этаж, тринадцатая комната. Прямо и навверх.

Когда Феллон собрался пересечь двор, в него врезался один из троих проходивших мимо кришнаитов. Восстановив равновесие, Феллон повернулся, чтобы испепелить неуклюжего увальня взглядом, однако тот оказался вовсе не увальнем, а здоровенным детиной. Отвесив поклон, невежа сказал:

— Тысяча извинений, господин! Вино Ташина ударило мне в ноги. Постой, а ты не тот ли, с кем я пил вчера на фестивале?

Одновременно с обеих сторон к Феллону подступили двое его дружков. Столкнувшийся с ним кришнаит продолжал говорить что-то любезное, предлагая пропустить по стаканчику напротив у Саферира, а один из двух, подступивших сбоку, дружески положил ему руку на левое плечо. Феллон скорее учуял, чем увидел острый как бритва нож, которым третий участник трио как раз собирался взрезать кошелек у него на поясе.

Продолжая фальшиво улыбаться, Феллон оттолкнул кришнаитов, сделал шаг и прыгнул, разворачиваясь в воздухе и выхватывая рапиру, так что приземлился лицом к троице и в боевой позиции. Он не без удовольствия отметил про себя, что не растерял былого проворства.

— Прошу прощения, господа, — сказал он, — но у меня назначено свидание. И мои деньги мне тоже нужны.

Он окинул двор быстрым взглядом. Его речь вызвала веселый смех среди зрителей. Трое воров обменялись злобными взглядами и вышли за ворота. Феллон вложил оружие в ножны и пошел дальше. Толпа на этот раз оказалась на его стороне — но стоило бы ему попытаться убить или арестовать воров, или вызвать стражу, как за его жизнь никто не дал бы и медного арцу.

Феллон отыскал тринадцатую комнату на втором этаже. Внутри он обнаружил Квейса из Бабаала, который вдыхал дым корня раманду, тлевшего в небольшой жаровне.

— Ну, что еще? — сказал Квейс сонным голосом.

— Я поразмыслил над тем предложением, которое ты сделал вчера.

— Над каким предложением?

— Над тем, которое связано с Сафком.

— О. Не говори мне только, что, поразмыслив, сумел ты вновь вернуть утраченную было храбрость.

— Почему бы и нет? Я ведь намерен когда-нибудь вернуться на Замбу, знаешь ли. Но за несчастную тысячу кардов...

— Какую сумму ты имел в виду?
— Пять тысяч кардов вполне могли бы соблазнить меня.
— Оу! С таким же успехом мог бы ты попросить и всю камуранскую казну. Возможно, я накинул бы сотню-другую...

Они торговались неустойчиво и долго, и, в конце концов, Феллон добился половины того, что запросил сначала, но с выплатой стокардового задатка немедленно. Двадцати пяти сотен кардов, как он знал, было мало для того, чтобы вернуть трон, но это было начало. Он сказал:

— Все это хорошо, мастер Кв... Турандж, если не считать одного момента.

— Какого же?

— В такой крупной сделке вряд ли было бы мудро с чьей-либо стороны полагаться на слово другой стороны — если ты понимаешь, что я имею в виду.

Квейс поднял сразу все брови и антенны.

— Мастер Антане! Не намекаешь ли ты на то, что я, споспешник верный великого гуура Кваата, намерен надуть тебя с деньгами? Клянусь носом Тиациана, такую наглость невозможно перенести! Я есть тот, кто есть...

— Ну, ну — успокойся. В конце концов, и я могу попытаться сжульничать, знаешь ли.

— Вот это, тварь земная, вполне могло бы на уме быть у тебя, когда б я был настолько глуп, что уплатил бы все вперед.

— Да нет, я имел в виду оставить деньги у третьего надежного лица.

— Удержателя заклада, а? Гм. Идея хороша, мой господин — но с двумя очевидными недостатками, а именно: с чего ты взял, во-первых, что я имею при себе такие суммы? И, во-вторых, кому в этой дыре мы можем доверять, если учесть, что нас, кваатцев, не очень-то балхибцы обожают, мягко говоря?

Феллон ухмыльнулся.

— Это я как раз недавно вычислил. У тебя есть банкир в Заниде.

— Смешно!

— Вовсе нет, если только ты не закапываешь деньги в землю. Уже дважды, имея дело со мной, ты оказывался без денег. И оба раза, через час или через два у тебя их снова было довольно. Пары часов не хватит на то, чтобы съездить в Кваат, но на то, чтобы сходить к кому-то в Заниде, хватит с лихвой. И я знаю, кто этот кто-то.

— Вот как, мастер Антане?

— Именно так. Кто из занидцев мог бы стать твоим банкиром? Какой-нибудь финансист, который недолюбливает

короля Кира. И я вспомнил, что пару лет назад Кастамбанг эр-Амирут попал в немилость к доуру. Киру вдруг вздумалось, чтобы все посетители приближались к нему босиком. Кастамбанг отказался, потому что у него больные ноги и он не может ходить без специальных ботинок. За несколько лет до этого случая он ссудил Киру пару сотен тысяч кардов, и Кир ухватился за удобный предлог; чтобы оштрафовать Кастамбанга на всю сумму долга — вместе с процентами. С тех пор Кастамбанг не ведет дел с доуром и не появляется при дворе. По всей логике, он и есть твой человек. А если еще и не стал твоим банкиром, то может стать. В любом случае, мы можем сделать его держателем заклада.

Феллон отклонился назад, сцепив руки над головой, и торжествующе ухмыльнулся. Квейс хмуро размышлял, оперев подбородок на руку, потом наконец сказал:

— Я не признаю пока ничего, кроме того, что ты весьма наблюдателен и ловок, мастер Антане. Ты смог бы увести сокровище Да'хаква из-под самого его носа. Однако прежде, чем мы пойдем дальше по мосту Зунг, соединяющему небеса и землю, расскажи мне, как ты собираешься проникнуть в Сафк.

— Я думал, что если мы договоримся с Кастамбангом, он может знать кого-нибудь, кто, в свою очередь, знаком с устройством здания. К примеру, если бы он знал какого-нибудь отступника из бывших жрецов Йешта — а они существуют, хоть и стараются не привлекать к себе внимания по соображениям безопасности — тогда сам Кастамбанг, либо я, могли бы убедить ренегата поделиться...

Квейс прервал его:

— Поделиться информацией о том, что происходит внутри? Ча! Тогда зачем мне, мастер Антане, вообще платить тебе? Ты не будешь подвергаться никакому риску. Почему бы мне просто не заплатить этому ренегату?

— Позволь мне закончить, — холодно сказал Феллон. — Я намерен без всякого обмана обследовать башню изнутри — ты получишь первосортную свежую информацию — отчет из первых рук.

— Но мне, как ты сам должен признать, будет гораздо легче выбраться оттуда живым, если я буду хоть примерно знать, где что расположено. Больше того, я думаю, бывший жрец может даже описать Ритуал Йешта, и я смогу проскользнуть внутрь, переодевшись жрецом, и участвовать в церемонии... Ну, какие еще возможности будут, нужно посмотреть, но в общих чертах тебе должно быть ясно, как я собираюсь действовать.

— Ясно, — Квейс устрояюще зевнул, заставив не выпавшегося Феллона последовать его примеру, и отодвинул

жаровню с раманду. — Увы мне! Я погрузился в великолепнейшее видение как раз пред тем, как твой несвоевременный приход разбил его вдребезги. Но долг прежде всего, мастер Антане. Отправимся.

— К Кастамбангу?

— Куда ж еще?

Глава V

На улице Квейс остановил к'изун — балхибскую наемную коляску, запряженную айей. У Феллона поднялось настроение. Сам он уже давно не мог позволить себе поездок в экипажах, а дом Кастамбанга находился в квартале Ххарджу, на другом конце города.

Сначала они попетляли по зловонным улочкам А'ваза, потом пересекли северную часть Ицанду. Выезжая оттуда, они оставили слева бутафорское великолепие театров Сахи, а справа тяжеловесную суету мануфактур Ицанду. Кузницы вовсю дымили, и в уши бил причудливо перемешанный коктейль из грохота молотов, визга сверел и прочих звуков, которые издавали пилы, напильники и бог знает, что еще. Потом они проследовали под цокот копыт по нескольким широким бульварам, пересекавшим парк, над которым, подгоняемые ветром со степей, кружились небольшие песчаные вихри.

Наконец они окунулись в блистательную роскошь Ххарджу с его суетой, магазинами и торговыми компаниями. По мере того, как они продвигались на юго-восток, перед ними вырастал единственный в городе холм, на вершине которого был расположен древний замок балхибских королей.

— Дом Кастамбанга, — сказал Квейс, указывая тростью.

Феллон беззастенчиво предоставил ему право расплатиться с возницей — в конце концов, кватский суперагент платил не из своего кармана, а залезал в бездонный кошелек гуура Урлика. Они вошли в дом. Там был обычный привратник и обычный центральный дворик, который, впрочем, был украшен журчащими фонтанчиками и статуями из далекой Катай-Джогораи.

Кастамбанг, с которым Феллону еще не доводилось встречаться, оказался огромным кришнаитом, зеленые волосы которого уже сильно поблекли, став нефритовыми, а его крупное толстое лицо было изборождено глубокими морщинами. Похожее на бочку с жиром тело финансиста было облачено в тогу цвета киновари, сшитую по сурускандской моде. Закончив церемонию представления, Квейс сказал:

— Мастер Кастамбанг, хотели бы мы побеседовать приватно.

— О, — сказал Кастамбанг, — это можно, это можно.

Не меня выражения лица, он ударил в небольшой гонг, стоявший на его столе. В приемную просунул мохнатую голову хвостатый человек из майкардандских болот Колофт.

— Приготовь берлогу, — приказал банкир и обратился к Феллону, — Не угоститесь ли сигарой, господин землянин? Место скоро будет готово.

Сигара оказалась великолепного качества. Банкир сказал:

— Как вам праздник в нашем городе в этот ваш приезд, мастер Турандж?

— Я доволен, господин. Вчера я ходил смотреть пьесу — в третий раз в своей жизни.

— Какую же?

— «Печальная трагедия королевы Деджанаи Квирибской» Сак'квица, в четырнадцати актах.

— Понравилось ли вам?

— Акта до десятого, а дальше драматург стал повторяться. Больше того, сцена к концу была так густо усеяна трупами, что персонажам, которым по ходу действия приходилось бегать, с большим трудом удавалось не спотыкаться, — Квейс зевнул.

Кастамбанг сделал пренебрежительный жест.

— Мастер Турандж, этот Сак'квиц из Руца лишь один из сверхсовременных умников, которым, в действительности, нечего сказать, и которые маскируют это всякой чушью, написанной в излишне экстравагантной манере. Вам следовало бы посмотреть возрожденную классику, вроде «Конспираторов» Харьяна — завтра вечером как раз премьеры.

В этот момент вернулся колофтянин, доложивший:

— Все готово, хозяин.

— Пойдемте, господа, — сказал Кастамбанг, помогая себе руками, чтобы подняться на ноги.

Стоя, он производил не такое внушительное впечатление, потому что ноги у него были короткие, а передвигался он с трудом, прихрамывая и задыхаясь. Он подвел их к задернутой занавеской двери в другом конце приемной. Подоспевший колофтянин открыл перед ними дверь, и Кастамбанг отступил в сторону, приглашая гостей пройти. Они ступили в клеть, подвешенную внутри шахты. Вскоре клеть начала рывками опускаться, а сверху донесся скрежет шестерней. Кастамбанг посмотрел на своих пассажиров сначала выжидающе, потом немного разочарованно. Затем сказал:

— Я забыл, мастер Антане, вы же с Земли и должны быть привычны к подъемникам.

— О. Да, конечно, — сказал Феллон. — Но это чудесное нововведение. Напоминает мне лифты в небольших французских отелях, в которых висят объявления, что ездить разрешается только вверх.

Клеть остановилась, слегка подпрыгнув на большой кожаной подушке, уложенной на дно шахты. Подъемник Кастамбанга был вторым, после Сафка, чудом Занида, но Квейсу уже приходилось пользоваться им, а на Феллона он не произвел особого впечатления. Для подъема использовались два дюжих колофтянина, вертевших ручки лебедок, а спуск осуществлялся с помощью примитивного тормоза. Феллон подумал про себя, что рано или поздно лифтеры утратят бдительность и уронят своего хозяина на дно его тайной берлоги. Пока, впрочем, приспособление хотя бы щадило больные ступни финансиста.

Кастамбанг провел своих гостей по тускло освещенному коридору с несколькими поворотами и подвел к массивной двери из дерева квонг, перед которой стоял балхибец со взведенным арбалетом. Феллон заметил поперечную прорезь в полу в нескольких метрах от двери. Глянув вверх, он увидел соответствующую прорезь в потолке — судя по всему, доступ к двери можно было перекрыть выдвижной решеткой. Арбалетчик распахнул дверь, которая была снабжена амбразурами, прикрытыми сдвигающимися изнутри пластинами, и ввел хозяина и гостей в небольшую комнату с еще несколькими дверьми. Перед одной из них стоял мохнатый колофтянин, вооруженный шипастой палицей.

Дверь, у которой он стоял, вела в еще одну небольшую комнату, охраняемую воином в похожих на мавританские доспехах майкардандского рыцаря и с обнаженным мечом. Дверь из этой комнаты вела уже в самую берлогу: подземный склеп, сложенный из циклопических блоков. Стены тут были сплошные, без единого просвета, если не считать дзери и двух небольших вентиляционных отверстий.

На каменном полу стоял большой стол из дерева квонг, инкрустированного другими породами и полированными раковинами сафков, образующими затейливый восточный узор. Вокруг стола были расставлены двенадцать кресел из того же материала. Феллон мысленно поздравил себя с тем, что поселился среди балхибцев, которые пользовались стульями в отличие от других народов Кришны, предпочитавших сидеть на коленях, или на корточках, или скрестив ноги наподобие йогов. Суставы Феллона уже не могли безболезненно переносить такую гимнастику.

Они сели. Колофтянин остался стоять в дверях.

— Во-первых, — сказал Квейс, — я хотел бы снять две с половиной тысячи кардов с моего счета. Золотом.

Кастамбанг приподнял антенны.

— Не дошли ли до вас слухи, что Дом Кастамбанга в тяжелом финансовом положении? Потому что я могу вас заверить, что они лживы.

— Дело вовсе не в этом, господин. Деньги мне нужны с определенной целью.

— Прекрасно, мой дорогой мастер Турандж, — сказал Кастамбанг, делая пометку в блокноте. — Прекрасно.

Он сказал несколько слов колофтянину, и тот поклонился и вышел. Квейс сказал:

— Мастер Антане взялся... скажем, за журналистский репортаж по моему заказу. Он должен выяснить, что происходит внутри Сафка...

Квейс изложил детали, пояснив, что деньги должны быть выплачены Феллону по завершении задания. Вернулся колофтянин с мешком внушительного размера (его содержимое весило больше семи килограммов). Когда мешок лег на крышку стола, из него послышался приятный звон. Кастамбанг развязал шнурок и высыпал монеты на стол.

Феллон с трудом удержал дыхание в норме, и еще большего труда ему стоило не дать себе наклониться вперед и впиться вожаденным взглядом в кучу золота. На Земле человек мог прожить всю жизнь, так ни разу и не увидев золотой монеты, но здесь, на Кришне, деньги все еще были звонкими блестящими кругляшами, которые оттягивали карманы владельца. Это были настоящие деньги в древнем смысле этого слова, а не бумажки, обеспеченные неизвестно чем. В Майкардандской республике, прослышав о земном обычае, как-то попробовали ввести бумажные деньги. Однако выпуск банкнот вырвался из-под контроля, и последовавшая чудовищная инфляция отвратила от этой идеи все государства Трехморья.

Феллон небрежно взял в руки одну из десятикардовых монет и осмотрел ее, повертев под желтоватым светом лампы, как будто это была занятная диковина, а не то, ради чего он был готов лгать, воровать и убивать — вернее, ради трона, который он надеялся вернуть с помощью таких кругляшей.

— Удовлетворителен ли для вас такой уговор, мастер Антане? — спросил Кастамбанг. — Устраивает он вас?

Феллон вздрогнул. Глядя на золотую монету, он погрузился во что-то вроде транса. Спустившись на землю, он сказал:

— Конечно. Во-первых, уплатите мне мою сотню... Спасибо. А теперь неплохо бы иметь письменное подтверждение сделки — ничего компрометирующего, достаточно будет векселя мастера Туранджа.

— Охе! — крикнул Квейс. — И что же может помешать, в

таком случае, нашему другу получить по векселю, не выполнив своих обязательств?

Кастамбанг сказал:

— У нас в Балхибе принято разрывать подобные документы пополам и вручать половинки участникам сделки. Таким образом, ни один из них не может воспользоваться деньгами без другого. В нашем же случае, мне мыслится, могли бы мы разрезать бумагу на три части, а?

Он открыл ящик стола, вынул из него пачку бланков и начал заполнять один из них. Феллон попросил:

— Имя получателя не вписывай, ладно? Я потом сам заполню.

— Зачем? — спросил банкир. — Это не вполне надежно, ибо получить по векселю сможет любой мошенник.

— Возможно, мне придется воспользоваться другим именем, а поскольку вексель будет находится по частям у трех разных людей, опасаться особенно нечего. Кстати, у тебя есть счет в банке Та'луна и Фоска в Маджбуре, правильно?

— Есть такой счет, мастер Антане.

— Тогда сделай так, чтобы получить по векселю можно было и здесь, и там.

— Но, господин, зачем?

— Может быть, мне придется отправиться в поездку после окончания этой работы, — сказал Феллон. — А мне не хотелось бы таскать с собой все это золото.

— Да, люди, имевшие дело с мастером Туранджем, очень часто по достоинству ценят преимущества путешествий, — Кастамбанг вписал в документ еще несколько строчек. Когда Квейс поставил под ним свою подпись, Кастамбанг аккуратно сложил бумагу втрое и разорвал ее на равные части. По одной он вручил каждому из своих гостей, а третью спрятал в ящик стола, заперев его.

Феллон спросил:

— Кастамбанг, не согласился бы ты быть третейским судьей в случае спора?

— Если мастер Турандж не возражает, — сказал банкир. Квейс жестом выразил согласие.

— Тогда, — сказал Кастамбанг, — вам обоим желательно собраться снова у меня для завершения сделки. Я выслушаю стороны и решу, выполнил ли мастер Антане свои обязательства. Если я решу, что да, он может — как ему будет удобней — забрать либо золото, либо все три части документа, чтоб деньги получить в Маджбуре многолюдном.

— Это меня устраивает, — сказал Феллон. — А теперь вот еще что: возможно, ты в состоянии помочь мне решить мою задачу.

— А? Как? — подозрительно сказал Кастамбанг. — Я —

тот, кто я есть, господин — банкир. Банкир, а не интриган какой-то...

Феллон поднял руку.

— Нет, нет. Я только подумал, что ты, со своими обширными связями, можешь знать кого-нибудь, имеющего представление о ритуалах Йешта.

— Ого! Вот куда река течет? Да, связи у меня обширны. Да, мастер Антане, обширны, и весьма. Дайте поразмыслить...

— Кастамбанг соединил руки кончиками пальцев и при этом стал как две капли воды походить на своих земных коллег. — Да, я знаю одного человека. Но он не сможет раскрыть тайны самого Сафка, поскольку никогда не бывал в башне.

— Откуда же ему известен ритуал?

Кастамбанг негромко рассмеялся.

— Все очень просто. Он был жрецом Йешта в Луссаре, но под влиянием земного материализма потерял веру, сменил имя, чтобы избежать возмездия за отступничество, и перебрался в Занид, где стал видным промышленником. Поскольку никто не знает о его прошлом, кроме меня, за определенное вознаграждение я мог бы — э-е — убедить его поделиться нужной информацией...

Феллон сказал:

— Твое вознаграждение должно быть выплачено из фондов мастера Туранджа, а не моих.

Квейс визгливо запротестовал, но Феллон был непреклонен, рассчитывая на то, что жадность кватца к информации победит жадность к деньгам. И он не ошибся, потому что суперагент и банкир вскоре договорились о цене. Феллон спросил:

— Ну, и кто же этот жрец-ренегат?

— Клянусь Бакином, ты что же, считаешь меня таким простаком, что я скажу тебе, кто он? Чтоб мог ты без помех доить его? Нет, мастер Антане, нет — это моя жертва, а не твоя. К тому же, и сам он никогда не согласится публичным сделать прошлое свое.

— Как же тогда быть?

— Поступим так мы: завтра даю я званый вечер в своем доме, куда уж приглашен сей анонимный ренегат — вместе со многими другими столпами Занида, — Кастамбанг перебросил через стол карточку-приглашение.

— Благодарю, — сказал Феллон, едва взглянув на карточку и пряча ее с деланным безразличием. Кастамбанг пояснил:

— Приходите, мастер Антане, и я сведу вас с ним — в масках, в пустой комнате, так что ни один не сможет впоследствии свидетельствовать против другого. Имеется ли у вас праздничный наряд?

— Что-нибудь придумаю, — сказал Феллон, мысленно инспектируя свой гардероб. Это был удобный случай вывести Гази в свет и положить конец ее нытью о недостатке развлечений!

— Отлично! — сказал банкир. — Тогда в начале двенадцатого часа завтра. Не позабудьте, двенадцатого часа.

Кришнаитским законам возможно и не хватало тех изощренных установлений, которыми земная юриспруденция пыталась защитить права обвиняемых, но зато никто не мог отрицать, что суд здесь творился быстро. Дуэлянты признали себя виновными в нарушении общественного спокойствия и уплатили штрафы, чтобы избежать более серьезных обвинений.

Выходя из зала суда, йештит, которого звали Гирей, остановился у скамьи свидетелей и сказал Феллону:

— Мастер Антане, примите мои извинения за неподобающие речи прошлой ночью. Когда я поостыл, я вспомнил, что это ваш мастерский удар багром отбил клинок того ученого, мерзавца, когда он был готов пронзить меня мечом своим. Так что, благодарю вас я за то, что жизнь мою спасли вы.

Феллон сделал жест, означавший, что он не сердится.

— Все в порядке, старина. Я только исполнял свой долг. Гирей кашлянул.

— Дабы загладить мою неучтивость и в качестве скромного знака благодарности, не позволите ли вы мне угостить вас стаканчиком квада?

— За подобное предложение я должен быть благодарен, только тебе придется подождать, пока закончится следующее дело.

Йештит согласился, и тут Феллона вызвали свидетельствовать против грабителя. (Тот, которого он пронзил багром, был пока слишком плох, чтобы предстать перед судом, а третьего еще не поймали.) Обвиняемый, некто по имени Шейв, захваченный *flagrante delicto**, был признан виновным и осужден.

Судья сказал:

— Заберите его, подвергните его пыткам, пока он не выдаст имя третьего сообщника, и отрубите ему голову. Следующий.

Феллон вышел из суда под руку с йештитом Гиреем: он всегда поощрял такие знакомства — в надежде получить

* *flagrante delicto* - с поличным (лат.).

полезную информацию. Они зашли в таверну и принялись утолять жажду. Гирей продолжал рассypаться в благодарностях. Через некоторое время он сказал:

— Вы не только спасли гражданина нашего прекрасного, хотя и подверженного ветрам города, мастер Антане — спасли вы от безвременной и жестокой кончины соратника-гвардейца.

— Как, и ты тоже в гвардии?

— Да, господин, и в той же роте Джуру, что и вы.

Феллон бросил на него острый взгляд.

— Странно. Я не помню, чтобы мне приходилось тебя видеть, а я обычно не забываю лиц, — последнее утверждение не было бахвальством. У Феллона была феноменальная память на имена и лица, и он знал больше кришнаитов в Заниде, чем любой из коренных жителей города.

— Некоторое время я выполняю специальное задание, мастер Антане..

— И какое же?

У йештита сделалось заговорщическое лицо.

— О, я дал клятву и потому, почтительнейше попросив прощения вашего, вынужден хранить молчание. Но вам я могу рассказать — лишь в общих чертах, конечно. Я охраняю дверь.

— Дверь? — сказал Феллон. — Еще по стаканчику?

— Да, дверь. Но не узнать вам ни о чем, что за дверь это и куда ведет она.

— Интересно. Но, послушай: если эта дверь такая важная, почему правительство поставило у нее одного из нас? Прошу вашего прощения, конечно. Мне кажется, что они должны были назначить кого-нибудь из личной гвардии Кира.

— Так они и сделали, — сказал Гирей, посмеиваясь. — Но в начале года нынешнего, когда волнения великие поднялись в связи с предательскими замыслами Кваатского гуура, все регулярные войска были переведены на военное положение. Гвардейцев Кировых в половину меньше стало — кого к границам отослали, кого пополнение набранное обучать. И потому министр Хабарьян надежных отобрал людей из гвардии гражданской, моего вероисповедания, и нас на этот пост поставил.

— А причем тут твое вероисповедание?

— Как, да ведь лишь йештит... Но нет, и так сказал я слишком много. Пей, мой земной друг, и не погружай сей длинный хоботок туда, где приключиться неприятность может с ним.

И больше Феллону ничего не удалось выведать у Гирея, хотя йештит обнял его на прощание и поклялся, что Феллон может рассчитывать на его дружбу и помощь.

— Гази! — крикнул Энтони Феллон, возвратившись домой.

— Ну, в чем дело? — донесся ее раздраженный голос откуда-то изнутри.

— Достань свою шаль, красавица моя. Мы отправляемся за покупками.

— Но я уже была на рынке сегодня...

— Не за какими-то там жалкими овощами. Мы пойдем покупать тебе шикарные тряпки.

— Опять нетрезв ты? — спросила Гази.

— И вот — благодарность за мое щедрое предложение! Нет, дорогая. Можешь верить, можешь — нет, но мы приглашены на бал.

— Что? — она возникла в дверях, уткнув руки в бока. — Антане, если это очередной твой фокус...

— Фокус? Мой? Вот — глянь-ка!

Он показал ей приглашение. Гази обвила его шею руками и едва не задушила.

— Мой герой! Но как оно к тебе попало? Его украл ты, я могу поклясться.

— И почему вы все так недоверчивы? Кастамбанг вручил его мне своей собственной пухлой ручкой, — Феллон проверил, не пострадал ли его позвоночник. — Бал завтра вечером, так что давай — собирайся.

— А что за спешка?

— Разве ты не помнишь? — сегодня банный день. Надо быть завтра чистыми. Ты же не хочешь, чтобы банкирская джагайни пялила на тебя глаза поверх лорнетки — и не забудь мыло.

— Единственная хорошая вещь из тех, что вы, земляне, привезли на Кришну, — заметила она, начиная суетиться. — Увы мне! В сих лохмотьях стыдно зайти в лавку за приличной одеждой.

— Ну, знаешь, промежуточный наряд, в котором затем можно было бы идти в приличный магазин, я тебе покупать не намерен, так что закупим все сразу.

— А у тебя действительно есть деньги на такие умопомрачительные траты?

— О, не волнуйся. Заплатить ссть чем.

Они отправились на другой конец города, миновав по пути Сафк. Феллон бросил на грандиозное сооружение самый беглый взгляд, не желая, чтобы Гази заметила его повышенный интерес к джадеитовой улитке. Затем они прошли мимо Дворца Правосудия, перед которым как раз устанавливали на колья головы казненных за день преступников. Под каждой головой чиновник-кришнаит

вывешивал табличку, на которой перечислялись проступки казенного и приводились его биографические данные.

Оттуда они попали в Кхарджу, где смешивались стук копыт шестиногих ай, запряженных в экипажи богатеев, крики уличных торговцев, кативших свои тележки, вопли мальчишек-газетчиков, продававших «Рашм», шелест юбок и плащей, позвякивание рапир, браслетов и прочих массивных украшений. И надо всем этим гудели, рокотали, разливались, зачаровывали и оглушали гортанные сочные звуки балхибской речи.

В Кхарджу Феллон отыскал заведение Ве'кира Исключительного и смело прошел внутрь шикарного магазина. Как раз в этот момент Ве'кир лично демонстрировал что-то воздушно-кружевное джагайни наследственного дашта Кве'бы, а сам дашт сидел рядом на стуле и ворчал по поводу цен. Ве'кир бросил взгляд на Феллона, дернул антеннами, давая понять, что узнал его, и снова повернулся к покупательнице. Молодая помощница Ве'кира подошла выяснить, что нужно Феллону, но тот только отмахнулся от нее.

— Я подожду, пока освободится сам босс, — сказал он. Когда помощница отошла, что-то воспитанно пробормотав, Феллон прошептал в большое заостренное ушко Гази. — Перестань глазеть на тряпки. А то старый фастук взвинтит цену.

Чей-то голос сказал:

— Хелло, мистер Феллон. Есть мистер Феллон, да?

Феллон резко обернулся. Перед ним стоял седовласый археолог, Джулиан Фредро. Феллон ответил на приветствие и спросил:

— Просто прогуливаешься, Фредро?

— Да, спасибо. Как наш совместный проект?

— Продвигается помаленьку. Это моя джагайни — Гази эр-Дукх, — вторую часть представления он произнес на балхибу, потом снова перешел на английский. — Мы решили одеть ее подобающим образом для завтрашнего бала. Знаешь, занидское высшее общество и все такое.

— О, вы совмещаете приятное с полезным. Это связано с нашим проектом?

— Да. Бал у Кастамбанга, и он обещал предоставить мне кое-какую информацию.

— О? Прекрасно. Я тоже приглашен туда, значит, мы увидимся. А не могли бы вы сказать мне, мистер Феллон, где тут — э-е — проводится публичное купание, о котором я слышал?

— Интересуешься местными обычаями, а? Тогда не теряй нас из вида. После магазина мы как раз собирались туда.

Феодалный властитель в изгнании наконец совершил свою покупку, и Ве'кир подошел к Феллону, потирая руки. Феллон потребовал самый лучший вечерний наряд, какой только можно было найти в магазине, и вскоре Гази неторопливо поворачивалась из стороны в сторону, а Ве'кир прикладывал к ее обнаженной фигуре то один, то другой предмет туалета. Феллон выбрал плиссированную юбку из полупрозрачной материи и такую дорогую, что запротестовала даже Гази.

— Брось ты, — сказал он. — Почтенный возраст только раз в жизни бывает, знаешь.

Она одарила его ядовитым взглядом, но юбку приняла. Затем модный портной примерил ей улемду из золотого кружева, украшенную драгоценными камнями. Улемдой называлось что-то среднее между жилеткой и бюстгальтером, и ее назначением было не прикрывать, а украшать. Носили их преимущественно женщины из балхибских высших классов.

Наконец, полностью экипированная, Гази повертелась перед зеркалом, любуясь собой.

— За это, — сказала она Феллону, — я многое простить тебе готова. Но, раз уж ты сегодня так богат, почему бы тебе не купить что-нибудь себе? Доставит радость мне подобрать тебе наряд.

— О, мне ничего нового не нужно. И у нас не так много времени...

— Нужно, нужно, любовь моя. Этот старый плащ твой надеть и нищему последнему зазорно, так он чинен-перечинен.

— Ну, ладно, — имея в кошельке деньги, Феллон не мог долго противиться соблазнам. — Ве'кир, нет ли у тебя мужского плаща? Ничего такого шикарного — попроще, но чтоб был добротный.

Именно такой плащ, как выяснилось, у Ве'кира был.

— Прекрасно, — сказал Феллон, примеривая обнову. — Подсчитай все и не забудь про мою скидку.

Феллон расплатился, подозвал к'изун, усадил в него Гази и Фредро, влез сам и приказал вознице ехать обратно в Джору. Гази сказала:

— Ты великодушен и щедр, любовь моя. Но скажи, как удалось тебе получить столь огромнейшую скидку у Ве'кира, который шкуру норовит содрать с несчастных, кои, завлеченные репутацией его, ступить решаются в его берлогу?

Феллон улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, одновременно переводя на английский для Фредро, — у Ве'кира Исключительного был враг — некто Хулил, который до Чиллиана был главным

возмутителем общественного спокойствия в Заниде. Этот Хулил шантажировал Ве'кира. Но однажды этот болван высунулся слишком далеко из окна, выпал и разбился о камни мостовой. Ну, и Ве'кир почему-то считает, что я приложил руку к этому делу, хотя я доказал следователям префекта, что как раз в то время я был у консула Перси Мджины, а, значит, не мог вытолкнуть беднягу.

Когда они проезжали мимо Сафка, Фредро чуть не вывернул шею и пялил глаза, наивно болтая вслух о том, как ему хотелось бы попасть внутрь. К счастью, Гази знала всего с полдюжины английских слов, да и те такого рода, которые не принято употреблять в приличном обществе.

— Куда мы едем? — спросил Фредро.

— Ко мне домой, чтобы оставить покупки и переодеться в суфкиры.

— Пожалуйста, мы не можем остановиться, чтобы осмотреть Сафк?

— Нет. Мы можем опоздать на омовение.

Феллон озабоченно посмотрел на небо и проверил положение Рок'ира, опасаясь, что они уже опоздали. Он так никогда и не привык обходиться без наручных часов, которые пока не научились делать кришнаиты, хотя они уже и наладили производство примитивных стационарных.

Гази и Фредро интенсивно использовали Феллона в качестве переводчика, потому что познания Гази в земных языках были близки к нулю, а балхибу Фредро еще находился в зачаточном состоянии. В то же время Фредро переполняли вопросы о том, как живут кришнаитские домашние хозяйки, а Гази очень хотелось произвести впечатление на нового знакомого. Она попыталась скрыть смущение, когда они остановились у крохотной кирпичной коробки, которую Феллон называл домом и которая была втиснута между двумя домами побольше. Черепица на крыше кое-где потрескалась и обвалилась, когда осел фундамент. У дома даже не было центрального дворика, что, по балхибским меркам, низводило его на уровень лачуги.

— Скажи ему, — попросила Гази Феллона, — что мы живем лишь временно в таком позорном доме — пока ты не подберешь для нас чего-то подостойней.

Феллон переводить не стал, а провел Фредро внутрь и оставил в гостиной-столовой. Через несколько минут Феллон и его джагаини появились переодетые в суфкиры — огромные, завернутые на манер тог куски полотенежной ткани.

— Идти не далеко, — сказал Феллон. — Тебе понравится, Фредро.

Они пошли по улице Асад на восток, дошли до того места, где она сливалась с улицей Я'фал, идущей с юго-

запада, и вышли к Квадрату Кварара. Пока они шли, к ним присоединялись все новые и новые попутчики, и на площадь они пришли уже посреди толпы завернутых в суфкиры купальщиков.

На Квадрате Кварара собрались десятки, а то и сотни занидцев, которые стояли на том самом месте, где лишь прошлой ночью Феллон со своим отделением прекратил незаконную дуэль. В толпе почти не было не-кришнаитов, поскольку отнюдь не всем нравились балхибские омовения. Осириане, например, вообще не пользовались в этих целях водой, а лишь через определенные промежутки времени соскребали краску, которой покрывали тела. Тоттиане, искусные пловцы, предпочитали купаться в водоемах. Земляне же, по большей части, если только они не ассимилировались на Кришне или не были уроженцами какой-нибудь страны типа Японии, соблюдали свое табу на публичное раздевание.

Водяной фургон, запряженный парой мохнатых шестиногих шайханов, стоял у статуи Кварара. Камни мостовой блестели в том месте, где их полил водой и надраил помощник возницы, на редкость дюжий хвостатый колофтянин, который сейчас привешивал к боку фургона свою швабру с длинной ручкой.

Сам возница влез на бак и возился со снабженными душевыми насадками трубами, которые торчали по бокам фургона, нависая над головами толпы. Наконец он крикнул:

— Готовься!

Все зашевелились. Половина кришнаитов сняла свои суфкиры и отдала их другой половине. Раздетые столпились в центре площади, стремясь пробраться к фургону, а остальные отошли немного в сторону.

Феллон отдал свою суфкиру Фредро, попросив:

— Подержи-ка, старина.

Гази поступила со своей точно так же. Фредро был немного удивлен, но одевания принял, сказав:

— Пару веков назад, до русской оккупации, у нас в Польше тоже было что-то подобное. Русские заявили, что это *pue kulturno*. Насколько я понял, по одному тут не купаются, потому что некому подержать вещи?

— Поэтому. Занидцы народ такой, что нужен глаз да глаз: не дай бог, если что плохо лежит. Это, наверное, первый раз, когда я и Гази сможем помыться вместе. Если ты хочешь, можешь потом...

— Нет, спасибо! В отеле есть водопровод.

Феллон, держа в одной руке семейный кусок мыла, а другой увлекая за собой Гази, стал протискиваться к ближайшей душевой насадке. Возница и его помощник кончили возиться с выдвигаемыми трубами и взялись за ручки

помпы. Некоторое время они качали вхолостую, но вскоре насадки зачихали, а потом из них забили струйки воды.

Занидцы завопили, когда холодная вода брызнула на их зеленоватую кожу. Они смеялись и плескали друг на друга: это было праздничное событие. Занид располагался в безлесных прериях запада центральной части Балхиба, и от него было не так уж много сотен ховд до бескрайних сухих степей Джо'ола и Кваата. Воду для города приходилось качать из глубоких колодцев или мутной маловодной Эшквы. Имелся небольшой водопровод, протянутый от речки, и система насосов, приводившихся в действие шайханами, но они обслуживали только королевский замок, отель «Земной» и очень небольшое число частных домов в квартале Габандж.

Феллон и Гази более-менее отмылись и стали выбираться из толпы, когда Феллон застыл как вкопанный. Фредро, стоя немного в стороне и перекинув суфкиры через руку, наводил на толпу свою камеру.

— Хой! — сказал Феллон. — Этот проклятый идиот понятия не имеет о вере в частицы душ!

Он поспешил к археологу, увлекая за собой Гази, но та потянула его назад и сказала:

— Посмотри! Кто это, Антане?

По Квадрату разнесся гулкий голос. Повернувшись, Феллон увидел над головами кришнаитов землянина в черном костюме и белом тюрбане, который влез на стену, окружавшую могилу царя Балейда, чтобы увещевать купавшихся:

— ...потому что все виды нескромности — это грех пред лицом Господа, Бога нашего. Берегитесь, делающие неправду! Покайтесь, грешные граждане Балхиба, пока Он не предал вас в руки кваатцев и гоцаштандцев. Ибо быть нечистым в тысячу, в десять тысяч раз лучше, чем бесстыдно обнажать...

Это был Уэлком Вагнер, американский экуменический монотеист. Феллон заметил, что головы кришнаитов одна за другой поворачиваются на звуки нравоучительного голоса.

— ...ибо сказано в Книге: «никто да не обнажит свой срам перед другими». И еще сказано...

— Они что, все хотят довести толпу до белого каления? — Феллон вздохнул. Он снова повернулся к Фредро, который наводил камеру на спины толпы. Феллон подскочил к археологу и рявкнул:

— Убери эту штуку, ты — идиот!

— Что? — спросил Фредро. — Убрать камеру? Почему?

В толпе, все еще смотревшей в сторону Вагнера, начался ропот. Тот продолжал громогласно вопить:

— И не ешьте плоть тварей, которых вы называете сафками, ибо дал нам свое откровение Единый, дабы не согрешили мы,

поедая нечистых тварей: улиток, мидий и всех прочих моллюсков...

Феллон сказал Фредро:

— Балхибцы верят, что тот, кто их фотографирует, крадет частицу их души.

— Но этого не может быть. Я снял... сделал много снимков на фестивале, и никто не обращал на это внимания.

Феллон напряженно сказал:

— Они были в одежде! Табу действует, только когда они голые!

Толпа зароптала сильнее, но Уэлком Вагнер лишь заорал громче. Возница водяного фургона и его помощник бросили качать, заинтересованные происходящим. Когда вода перестала течь, те, кто до этого толпился у фургона, стали пробираться туда, где вокруг гробницы уже образовалась довольно большая толпа.

Фредро сказал:

— Еще всего один снимок, пожалуйста.

Феллон, потеряв терпение, попытался выхватить у него камеру. Вместо того, чтобы отпустить ее, Фредро только сильнее вцепился в ремешок и закричал.

— Psiakrew!* Ты что делаешь, болван?

Пока они тянули камеру каждый на себя, суфкиры соскользнули с руки Фредро и упали на мостовую. Гази раздосадованно воскликнула (поскольку это ей предстояло стирать их) и подняла одеяния. Тем временем, привлеченные криком Фредро и последовавшей борьбой между археологом и Феллоном, зандицы стали обращать на них внимание. Один из них воскликнул:

— Поглядите на этих других землян! Один из них пытается похитить наши души!

— О — где? Ишь, что задумал! — сказал другой.

Поглядев по сторонам, Феллон обнаружил, что он и его спутники, в свою очередь, тоже стали центром притяжения враждебных взглядов. Крики столпившихся у гробницы Балейда почти заглушили голос Уэлкома Вагнера. Толпа подогрела себя до той точки, когда можно будет броситься на ненавистного землянина, стащить его с ограды и забить до смерти, если только не удастся придумать какую-нибудь смерть поинтересней и подольше. Даже возница с помощником слезли с фургона и отправились посмотреть, что происходит.

Феллон дернул Фредро за рукав.

— Давай шевелись, идиот! Уходим.

— Куда? — спросил Фредро.

— Да ну тебя к дьяволу! — воскликнул Феллон, едва не

* Psiakrew - Собачья кровь (польск.).

приплясывая от раздражения.

Он схватил Гази за руку и потащил ее по направлению к водяному фургону. Какой-то занидец подступил к Фредро, показал ему язык и крикнул:

— Bakhān Tergao!

После чего залепил пощечину археологу. Феллон услышал шлепок, а затем более глухой звук удара кулаком. Оглянувшись, он увидел сидящего на земле занидца. Хотя археолог и был уже не первой молодости, силенок у него пока хватало.

Вопя и размахивая кулаками, к Фредро устремились другие занидцы. Археолог, как будто только что заметив, какую бурю сам же он и вызвал, побежал за Феллоном и Гази. Его небольшая камера в кожаном футляре болталась на ремешке, а ее владелец выкрикивал на бегу многосложные польские эпитеты.

— К фургону! — сказал Феллон своей джагайни.

Добравшись до повозки, Гази повернулась, бросила скомканные суфкиры Феллону и влезла на место возницы, цепляясь за скобы. Потом протянула руки вниз за одеждой, и Феллон швырнул ей суфкиры и полез наверх сам. Сразу же вслед за ним туда взгромоздил свое солидное тело и доктор Джулиан Фредро.

Феллон вынул кнут из гнезда, взмахнул им над головой и крикнул:

— Хао! Хаога-й!

Мощные животные зашевелили всеми своими двенадцатью ногами и натянули постромки. Фургон дернулся и тронулся с места. Феллон совсем не собирался вмешиваться в спор между горожанами и Уэлкомом Вагнером, но так получилось, что фургон был направлен прямо в толпу, и Феллон не мог не заметить, как из нее тянутся руки, пытающиеся стащить вниз проповедника, который изо всех сил цеплялся за стену, не прекращая орать.

Как ни мало Феллона волновала судьба Вагнера, он не устоял перед искушением покрасоваться перед Гази и Фредро. Он щелкнул кнутом еще раз, закричав:

— Вьянт-хао!

Услышав его крик, кришнаиты оборачивались и рассыпались в стороны, очищая дорогу несущемуся фургону.

— Вьянт-хао! — визжал Феллон, щелкая кнутом над головами толпы.

Глава VII

Фургон катил посреди толпы, рассекая ее как корабль, а балхибцы, погнавшиеся за Фредро, бежали сзади, выкрикивая угрозы и оскорбления. Под управлением Феллона фургон

причалил к ограде вокруг могилы — как будто катер к пирсу. Уэлком Вагнер как раз с трудом поднимался на ноги.

— Прыгай! — крикнул Феллон.

Вагнер прыгнул, едва не перелетев через бак. Еще несколько щелчков кнута, и шайханы перешли на галоп, устремившись к ближайшему выезду с Квадрата Кварара.

— Оу! — завопил возница. — Верните мой фургон!

Он догнал повозку и попытался влезть наверх, но Феллон как следует стукнул ему рукояткой кнута по голове, и преследователь упал на камни мостовой. Быстро оглядевшись, Феллон обнаружил, что на фургон пытаются влезть еще несколько балхибцев, но Фредро избавился от одного, пнув его в лицо, а Вагнер наступил на пальцы другому, цеплявшемуся за скобу. Феллон перегнулся вперед и щелкнул кнутом по голой спине третьего, который хотел схватить под уздцы одного из шайханов. Истошно завопив, кришнаит отстал, потирая рубец.

Выехав с площади, Феллон погнал животных еще быстрее. У него создалось впечатление, что по улице за ними гонится половина Занида. Но водяной бак был на три четверти пуст, и шайханы развили хорошую скорость, создавая опасность для пешеходов, которым приходилось отпрыгивать в стороны и уворачиваться.

— Куда... Куда мы едем? — спросила Гази.

— Подальше от этой толпы, — прорычал Феллон, ткнув назад через плечо большим пальцем. — Держитесь!

Он круто обогнул угол, так что фургон занесло и угрожающе закачало. Потом он завернул еще раз, и еще, выписывая зигзаги до тех пор, пока сам не перестал четко представлять, где находится, хотя неплохо знал город. Еще пара поворотов, и толпа затерялась где-то сзади, Феллон перестал гнать шайханов, и они перешли на свою размеренную шестиногую рысь.

Прохожие с любопытством поглядывали на проезжавший мимо водяной фургон с тремя землянами: двумя одетыми и одним в чем мать родила, и такой же голой кришнаиткой.

Вагнер заговорил:

— Не знаю, кто вы такие, но очень рад, что вам удалось вытащить меня оттуда. Не стоило, наверное, так распалять этих язычников. Они какие-то легко возбудимые.

Феллон сказал:

— Меня зовут Феллон, а это Гази эр-Дукхи и доктор Фредро.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Вагнер. — Но послушайте, а вы, двое, что, не собираетесь одеваться?

— Когда выберем время, — сказал Феллон.

— А то на нас обращают внимание, — сказал Вагнер.

Феллон хотел ответить, что Вагнера никто не удерживает, но в этот момент фургон въехал в парк, окружавший Сафк, и Фредро издал восхищенное восклицание.

Вагнер посмотрел на нависавшее над ними сооружение, потряс кулаком в его сторону и крикнул:

— Если бы я мог взорвать это капище идолопоклонников, я бы согласился погибнуть вместе с ним!

— Что? — вскричал Фредро. — Вы есть сумасшедший? Взорвать бесценное археологическое сокровище?

— Плевал я на вашу атеистическую науку.

— Невежественный дикарь, — сказал Фредро.

— Невежественный, вот как? — с пылом возразил Вагнер. — Ну так, скажу вам, мистер, что эта ваша так называемая наука вовсе не такая уж благая вещь. Видите ли, я знаю истину, и потому всегда буду знать больше вас, сколько бы там ученых степеней вы не собрали.

— Заткнитесь, вы, оба, — сказал Феллон. — Из-за вас на нас обращают внимание.

— Я не замолчу, — сказал Вагнер. — Я свидетельствую об истине и не позволю безбожникам...

— Тогда слезай с фургона, — оборвал его Феллон.

— Не слезу! Это не ваш фургон, и я имею такое же право находиться на нем, как вы.

Феллон поймал взгляд Фредро:

— Abwerjen ihn, ja?

— Jawohl!* — ответил поляк.

— Лови, — сказал Феллон Гази, перебрасывая ей вожжи. Потом он и Фредро ухватили Уэлкома Вагнера под руки. Мускулистый евангелист попытался оказать сопротивление, но силы были неравны. После недолгой борьбы, сопровождавшейся криканьем, Вагнер слетел с водяного бака и угодил своим белым тюбаном в обширную грязную лужу.

Шлеп!

Феллон забрал у Гази поводья и погнал шайханов, чтобы Вагнер не попытался догнать их и влезть обратно. Когда Феллон снова оглянулся, Вагнер сидел в луже с поникшей головой и колотил по грязной воде кулаками. Похоже, он рыдал.

Фредро улыбнулся.

— Так ему и надо! Таких сумасшедших идиотов, которые хотят взрывать исторические памятники, нужно варить в кипящем масле, — он сжал кулаки. — Когда я думаю о подобных типах, я... — он в буквальном смысле слова заскрежетал зубами, когда ему не хватило английских слов.

Феллон направил животных к обочине, остановил фургон и поставил его на тормоз.

— Лучше всего оставить фургон здесь.

* Abwerjen ihn, ja?... Jawohl! - Сбросим его, да?... Так точно! (нем.).

— А почему бы нам не доехать до вашего дома? — спросил Фредро.

— Тебе не приходилось слышать американскую поговорку: «Не воруй цыплят в своей округе»?

— Нет. Что она означает? Объясните, пожалуйста.

Удивляясь тому, что такой образованный человек может быть таким дураком, Феллон объяснил, почему не стоило останавливать утнанную повозку перед его домом, где ее обнаружили бы стражники префекта, посланные на ее поиски. Пока он объяснял, он слез с фургона и обмотался суфкирой.

— Не хочешь заскочить к нам выпить квада, Фредро? После всех этих приключений я не прочь промочить горло.

— Спасибо, нет. Мне нужно вернуться в отель проявить фотографии. И сегодня я — э-е — ужинаю у мистера консула Мдзипы.

— Ладно, передавай привет Перси. Можешь предложить ему, чтобы он подыскал повод аннулировать визу преподобного Вагнера. Этот тип одной своей проповедью наносит больший ущерб балхибо-земным отношениям, чем Перси в состоянии исправить сотней жестов доброй воли.

— Проклятый обскурант! Предложу. Это есть смешно. Я знаком с несколькими экуменическими монотеистами на Земле. И хоть я и не разделяю их воззрений и не одобряю их движение, таких типов, как этот Вагнер, я среди них не встречал.

— Ну, — сказал Феллон, — я полагаю, что они не считают возможным экспортировать миссионеров в такую даль и поэтому хватаются за любого, кто выразит желание, и назначают его ловцом душ. Кстати, одушах — никогда больше не пытайся фотографировать голых балхибцев! По крайней мере, не спросив их разрешения. Это ничем не лучше того, что делает Вагнер.

Лицо Фредро сделалось похожим на мордочку щенка, которого застали за каким-то строго-настроено запрещенным занятием.

— Это было глупо, да? Вы меня извините, пожалуйста? Я больше не буду этого делать. Обожженное дитя вдвое осторожней.

— Что? А, конечно. Если же все-таки невмоготу, пользуйся миниатюрной камерой — вроде Хайаши, вмонтированной в перстень.

— Они дают не очень четкое изображение, но... И еще раз спасибо. Мне... очень жаль, что я доставил вам столько хлопот, — Фредро посмотрел назад вдоль улицы, по которой они приехали, и на его лице появилось выражение ужаса. — О, посмотрите, кто сюда бежит! Dubranec!*

* Dubranec - Доброй ночи (польск.).

Он повернулся и двинулся прочь быстрым шагом. Феллон ответил на балхибу:

— Nasuk genda, — а потом посмотрел туда, куда указывал Фредро. К своему удивлению, он обнаружил, что к ним спешит Уэлком Вагнер, сумевший не потерять свой изрядно вымазанный в грязи тюбан.

— Эй, мистер Феллон! — крикнул Вагнер. — Послушайте, мне жаль, что мы повздорили. Я так завожусь, когда происходит что-то противное моим убеждениям, что не могу сдержаться.

— Ну? — сказал Феллон, глядя на Вагнера таким взглядом, будто тот только что выбрался из мусорной кучи.

— Э-е, я хочу сказать, не разрешите ли вы мне пойти домой с вами? И ненадолго заглянуть? Пожалуйста!

— Что-то все сегодня передо мной извиняются и говорят «пожалуйста», — сказал Феллон. — С чего это тебе захотелось в гости? Да еще ко мне?

— Ну, видите ли, когда я сидел там посреди улицы в луже, в которую вы меня сбросили, я услышал шум толпы — и точно, вскоре появилось множество голых кришнаитов. Они были очень рассержены, и у некоторых даже были дубинки. Они, наверное, двигались следом за нами, спрашивая по пути, куда поехал фургон. Поэтому я решил, что лучше переждать где-нибудь в доме, пока им не надоест искать. Эти язычники выглядели так, будто распались не на шутку.

— Тогда пойдем скорее, — сказал Феллон, переходя на быстрый шаг и таща за собой Гази. — И ты тоже, Вагнер. Эта заварушка в основном на твоей совести, но я тебя не брошу. Кришнаитские толпы бывают еще хуже земных.

Несколько уличных кварталов, остававшихся до дома Феллона, они прошли так быстро, как только могли, не переходя на бег. Здесь Феллон загнал спутников внутрь и запер дверь.

— Вагнер, помоги-ка мне. Придвинем диван к двери — так, на всякий случай.

Они поставили диван перед дверью.

— А теперь, — сказал Феллон, — подожди здесь и поглядывай наружу, пока мы будем переодеваться.

Через несколько минут Феллон был уже в своем подгузнике, а Гази в юбке. Феллон вернулся в гостиную-столовую.

— Не видать твоих друзей?

— Нет. Не видать, — сказал Вагнер.

Феллон предложил ему сигару.

— Ты куришь? Я так и думал, что нет, — он закурил сам и налил себе квада. — С алкоголем, я полагаю, то же самое?

— Я не пью, но вы не стесняйтесь. Я не стану указывать вам, что делать в вашем собственном доме, даже если вы совершаете грех.

— Что ж, это уже кое-что, Унылый Дэн.

— О, вы слышали обо мне? Действительно, я был самым большим грешником на планетах Кита — если не во всей галактике. Вы даже представить себе не можете, каких грехов я только не совершал, — он вздохнул, как будто не отказался бы совершить кое-какие из этих грехов по новой. — Но потом я увидел свет. Мистресс Гази...

— Она тебя не понимает, — сказал Феллон.

Вагнер перешел на неуклюжий балхибу:

— Мистресс Гази, я хотел сказать, что до тех пор, пока не увидишь свет, не можешь быть по-настоящему счастлив. Все эти мирские удовольствия рассеиваются, как клубы дыма, перед лицом Того, кто правит вселенной. Возьмите ваших кришнаитских богов. Они ведь, на самом деле, не существуют, если только не считать, что, поклоняясь, например, богу любви, вы поклоняетесь ипостаси истинного Бога, который есть Бог Любви. Но если поклоняешься одной ипостаси истинного Бога, почему не поклониться всему Ему...

Феллону, потягивавшему квад, вскоре надоела нравоучительная проповедь, но Гази, как будто, было интересно, и ради нее Феллон терпел. Он не мог не признать, что Вагнер демонстрировал изрядный природный магнетизм, когда не забывал пользоваться им. Длинный нос миссионера подрагивал, а карие глаза горели в предвкушении обращения. Когда Феллон изредка вставлял замечание или возражение, Вагнер обрушивал на него поток диалектических цитат и увещеваний, которым Феллон ничего не смог бы противопоставить, даже если бы хотел.

Тем временем прошло больше часа, Рок'ир зашел, а толпа голых занидцев так и не материализовалась. Проголодавшийся Феллон прервал монолог Вагнера, сказав:

— Надеюсь, ты не очень обидишься, что я выгоняю тебя, старина, но...

— О, конечно, вам пора есть. Я забываю обо всем, когда свидетельствую об Истине. Правда, я не отказался бы отужинать с вами, если вы не подаете сафков и...

— Было очень приятно побеседовать с тобой, — твердо сказал Феллон, отодвигая диван от двери. — Вот твой тюрбан, и не поддавайся искушениям.

Вздохнув, Вагнер обернул длинную грязную полосу материи вокруг головы, скрыв под ней прямые черные волосы.

— Ну ладно, тогда я пошел. Но вот моя карточка, — он передал Феллону картонный прямоугольник с текстом, отпечатанным на английском, португальском и балхибу. — Это адрес пансиона в Думу, где я остановился. Когда будете в подавленном настроении, просто загляните, и я наполню вас божественным светом.

Феллон сказал:

— Если тебе интересно мое мнение, то ты добьешься с кришнаитами гораздо большего, если не будешь начинать с оскорбления их древних традиций, очень хорошо приспособленных к их образу жизни.

Вагнер склонил голову.

— Я постараюсь быть более тактичным. В конце концов, я только жалкий заблудившийся грешник, ничем не отличающийся от остальных. Прощайте, и да благословит вас истинный Бог.

— Хвала Бакху, что он наконец убрался! — сказал Феллон. — Как насчет того, чтобы поесть?

— Еда сейчас будет готова, — сказала Гази. — Но, по моему, несправедлив ты к мастеру Вагнеру. По крайней мере, он обладает редкою чертой: не занимают ум его заботы о себе.

Феллон налил себе еще квада, хотя уже был навеселе от выпитого во время проповеди.

— Разве ты не слышала, как этот зафт пытался напроситься на ужин? Не доверяю я типам, которые делают вид, что не думают о себе. Вагнер был мошенником, знаешь ли — жил тем, что удавалось урвать у других, и, я думаю, продолжает заниматься тем же самым.

— Ты судишь всех лишь по себе, Антане, будь они земляне или кришнаиты. Я думаю, мастер Вагнер хороший человек, в своей основе, хоть и ведет себя необдуманно и неосторожно. А что до теологии его — не знаю, она и истинною может оказаться. По крайней мере, доводы его ничуть не хуже, чем у последователей Бакха, Йешта, Квондьора или всех прочих.

Феллон нахмуренно смотрел в свой бокал. То, что его джагаини восхищалась презренным миссионером, задевало его, а алкоголь сделал его неосторожным. Желая произвести впечатление на Гази и заодно сменить тему разговора на более подходящую, которая позволила бы ему выставить себя в выгодном свете, он нарушил железное правило никогда не обсуждать своих дел с кем бы то ни было.

— Кстати, если то дело, которым я сейчас занимаюсь, выгорит, можно считать, что Замба у нас в кармане.

— Что за дело это?

— О, я заключил сделку. Если мне удастся добыть информацию для одного человека, мне заплатят достаточно, чтобы можно было вернуть трон.

— Для какого человека?

— В жизни не догадаешься! С виду это обычный шарлатан и мошенник, но в его распоряжении все золото Да'хаква. Сегодня утром я виделся с ним у Кастамбанга. Банкир оформил вексель, и тот подписал его, и Кастамбанг разорвал

бумагу на три части и дал каждому из нас по одной. Так что тот, кто соберет все три части, может получить по векселю хоть здесь, хоть в Маджбуре.

— Как интересно! — Гази выглянула из кухонной двери. — Можно мне посмотреть?

Феллон показал ей обрывок векселя и снова спрятал его.

— Не говори никому об этом.

— Не скажу.

— И не говори больше, что я не рассказываю тебе о своих делах. Ну, долго еще ждать ужина?

Глава VIII

На следующее утро, когда Феллон уже наполовину выпил вторую чашку шураба, миниатюрный гонг, подвешенный у его парадной двери, издал мелодичное «дзин-н-нь». Открыв дверь, Феллон обнаружил занидского мальчишку, который принес ему записку. Дав мальчику пять арцу и отослав его, Феллон прочитал:

«Дорогой Феллон. Вчера вечером Фредро рассказал мне, что ты собираешься на званый вечер к Кастамбангу. Не мог бы ты заскочить сегодня ко мне и прихватить приглашение? Это срочно.»

П. Мджипа, консул.

Феллон нахмурился. Не собирался ли Мджипа помешать его планам под каким-нибудь возвышенным предлогом, вроде того, что Феллон роняет престиж землян перед «туземцами»? Нет, тогда он не стал бы настаивать на проекте «Сафк». К тому же Феллон не мог не признать, что консул все-таки был порядочным и честным представителем земного человечества.

Так что, не мешало пойти и выяснить, чего хотел Мджипа — тем более, Феллону все равно было нечего делать. Поэтому он вернулся в дом и стал собираться.

— В чем дело? — спросила Гази, убиравшая со стола.

— Меня хочет видеть Перси.

— Зачем?

— Он не написал.

Ничего больше не объясняя, Феллон вышел из дома, сунув приглашение в кошелёк у пояса. Сегодня он был не в таком щедром настроении, как накануне, и поэтому вместо того, чтобы нанимать к'изун, поехал омнибусом, запряженным парой рабочих ай. Омнибус провез его по улице Асад в Кхарджу, где располагалось земное консульство, стоявшее

напротив правительственной резиденции. Там Феллону пришлось подождать, пока Мджипа закончит беседу с каким-то кришнаитом из ведомства префекта.

Когда тот наконец ушел, Мджипа пригласил Феллона в кабинет и заговорил со своим резким ритмичным акцентом:

— Фредро сказал мне, что ты собираешься к Кастамбангу с Гази. Это так?

— Так. А какое до этого дело консульству?

— Ты принес приглашение?

— Да.

— Дай, пожалуйста, посмотреть.

— Слушай, Перси, ты часом не собираешься выкинуть какой-нибудь фокус — порвать его, к примеру? Потому что я иду туда не просто так, а в связи с твоим проклятым проектом. Не будет бала — не будет Сафка.

Мджипа покачал головой.

— Не глупи, — он взял карточку-приглашение и внимательно изучил ее. — Я так и думал.

— Что ты думал?

— Ты внимательно прочитал приглашение?

— Нет. Я свободно говорю на балхибу, но читаю так себе.

— Тогда, наверное, ты не заметил эту строчку: «на одно лицо».

— Что?

Мджипа указал на нужное место. Феллон прочитал злополучную строчку, почувствовав, как у него внутри будто что-то оборвалось.

— Фуансак?! — выругался он в сердцах.

Мджипа объяснил:

— Видишь ли, я довольно хорошо знаю Кастамбанга. Он принадлежит к одной из лишенных титулов аристократических семей. Ужасный сноб — смотрит свысока даже на нас, если ты можешь вообразить такую наглость. Мне попадались его приглашения «На одно лицо», и я подумал, что вряд ли он стал бы приглашать Гази — женщину без брата, сам понимаешь. Вот я и решил предупредить тебя, чтобы потом не получилось неудобно, когда вы заявитесь вдвоем, а лакей ее не впустит.

Феллон молча посмотрел Мджипе в лицо. Признаков злорадства он там не обнаружил — похоже, что консул, как ни неприятно это было Феллону, действительно оказал ему добрую услугу.

— Спасибо, — сказал наконец Феллон. — Теперь осталось только сообщить об этом Гази таким образом, чтобы она при этом не свернула мне шею. Тут, пожалуй, потребуется мудрость 'Анерика, чтобы выкрутиться.

— В этом я тебе ничем помочь не могу. Если тебе нравится жить с этими мужеподобными кришнаитками...

Феллон воздержался от замечания, что собственная жена Мджипы напоминала пропорциями слонов его родного континента. Вместо этого он спросил:

— Ты там будешь?

— Нет. Я добыл приглашения для себя и Фредро, но он решил не ходить.

— Почему? Мне показалось, что он жаждет побывать на туземном бале.

— Он узнал, что там будут бои животных, а он не переносит жестокости. А лично у меня после этих попок только болит голова. Я лучше побуду дома и почитаю «Аббек' и Данги».

— В оригинале — на гоцаштандском? Все двести шестьдесят четыре стиха?

— В оригинале, все двести шестьдесят четыре.

— Господи, ну и скука же быть интеллектуалом! Кстати, ты вчера что-то говорил о накладных антеннах, ушах и так далее. Что с этим?

— Хорошо, что ты мне напомнил, — Мджипа открыл ящик стола и достал из него сверток. — Тут косметика и кое-какие мелочи для вас обоих: краска для волос, уши, антенны и все прочее. Поскольку в Балхибе земляне уже почти не пользуются этим, никто не должен ничего заподозрить.

— Спасибо. Пока, Перси.

Феллон вышел, лихорадочно строя планы. Сначала он не без труда подавил желание по-свински напиться, чтобы проклятый бал успел закончиться к тому времени, как он протрезвеет. Потом, поскольку день выдался хороший, он решил вернуться домой не через центр, а вдоль городской стены.

Ему не хотелось ни рвать отношения с Гази, ни даже ссориться ней. С другой стороны, если бы он просто рассказал правду, ему предстояло выдержать бурю. Вне всякого сомнения, он был виноват в том, что не дал себе труда разобрать все закорючки на карточке. Правда, он показал приглашение Гази, так что она тоже могла заметить роковую строчку, но напоминать ей об этом было бы равносильно самоубийству.

Ближайший участок стены лежал на юго-востоке, почти в противоположном направлении от дома Феллона, и стена здесь выдавалась наружу, огибая дворец на холме. В самой ее удаленной точке находились Лумские ворота. Почти все пространство от дворцовых фортификационных сооружений до ворот занимали казармы регулярной балхибской армии. В казармах обычно стоял столичный полк, а также жили офицеры, выполнявшие особые поручения. Одним из таких офицеров был Кордак', командовавший ротой Джуру занидской гражданской гвардии.

Воспоминание о Кордак'е дало начало целой цепочке новых мыслей. Может быть, если Феллон правильно разыграет карты...

Он справился в казарме о капитане, и вскоре тот появился, протирая очки.

— Привет, Кордак', — сказал Феллон. — Как армейская жизнь?

— Приветствую тебя, мастер Антане! Отвечая на вопрос твой, хоть задан был он лишь из вежливости, скажу: жизнь армейская тягостна, но не лишена своих прелестей.

— О войне больше нет слухов?

— Вообще-то говоря, ройтятся слухи продолжали, как аквобаты* ненасытные, но, как будто, не гуще, чем вчера. Вырабатываешь иммунитет, подобно тому, как, раз переболев бамбирскою чумой, можешь не опасаться более ее. Но, мастер Антане, что привело тебя в казарму нашу мрачную?

Феллон ответил:

— У меня затруднения, друг, и только ты в состоянии мне помочь.

— Вот как? Хотя благодарен я за похвалу, которую подобная уверенность подразумевает, надеюсь, все же, что не навалишься ты слишком на хилую тростинку, коей обозначаю я себя.

Феллон честно рассказал, в каком неловком положении оказался, и добавил:

— Ты ведь еще не передумал возобновить знакомство с мистресс Гази, нет?

— Хотел бы я возобновить его — воспоминаний старых ради и времен.

— Ну так вот, если бы я пришел домой больным и слег в постель, Гази была бы очень разочарована.

— Сдается мне, что да, — сказал Кордак'. — Но почему ты создаешь такие сложности из-за обычной вечеринки? Не проще ль сообщить ей, что вход туда двоим закрыт для вас, и повести ее куда-нибудь еще?

— Так ведь я же должен быть там — пойдет она, или нет. У меня там деловая встреча.

— О. Ну и что же?

— Если бы ты, как бы случайно, заглянул ко мне в одиннадцатом часу, ты мог бы посочувствовать больному, а потом утешить Гази, пригласив ее куда-нибудь.

— Да? И куда же мог бы пригласить я сей прелестный и хрупкий цветок раманду?

* аквобат - кришнаитское (выдуманное автором) водное животное, похожее на летучую мышь. Название образовано из двух слов: латинского «aqua» - «вода», и английского «ват» - «летучая мышь».

Феллон едва скрыл улыбку, подумав о внушительной фигуре своей джагайни, так мало напоминавшей хрупкий цветок.

— В Сахи сегодня премьера возрожденной пьесы Харьяна «Конспираторы». Я оплачу билеты.

Кордак' погладил подбородок.

— Необычное предложение, но... Клянусь Бакхом, я так и поступлю, мастер Антане! Капитан Киун задолжал мне вечернее дежурство, и потому пошлю его сегодня я взамен себя. В одиннадцатом часу, сказал ты?

— Да. И можешь не слишком торопиться приводить ее домой, — заметив, как заблестели глаза Кордак'а, Феллон добавил: — Только не вздумай вообразить, что я ее тебе дарю.

Феллон вернулся домой к обеду и нашел Гази все еще в жизнерадостном настроении. После обеда он сел почитать выходившую два раза в неделю (то есть, раз в пять дней, поскольку кришнаитская неделя состояла из десяти дней) занидскую газету «Рашм». Название газеты было позаимствовано из балхибской мифологии и приблизительно означало «Громовержец». Почитав немного, Феллон пожаловался на плохое самочувствие.

— Гази, чем ты меня накормила?

— Веде не было ничего необычного, мой дорогой. Свежий бадр и только что забитый амбер.

— Гм, — Феллон уже давно преодолел брезгливость, которую у землян обычно вызывали амберы — «мокрицы» размером с омаров. Но поскольку забитые беспозвоночные очень быстро портились, Феллон решил воспользоваться удобным предлогом. Через некоторое время он начал корчиться и стонать, не на шутку встревожив Гази. Еще через час он уже был в постели и выглядел таким больным, что разочарование Гази уступило место истерическому рыданию и битью кулаками по стенам.

Когда всхлипывания и стенания утихли настолько, чтобы ее речь стала членораздельной, Гази запричитала:

— Воистину земной бог ополчился на нас, когда мы хотели лишь предаться невинному веселью! И столько полновесного золота потрачено на мою одежду, кою мне не одеть теперь вовек! Лучше б поместили мы его в надежный банк под добрые проценты.

— О, ну что ты, мы... угм... найдем случай дать тебе покрасоваться в обновах, — сказал Феллон, корчась от притворной боли. В этот момент он даже ощутил легкий укол своей слаборазвитой совести, подумав, что никогда не отдавал Гази должного в том, что касалось бережливости: она с куда

большим, чем он, уважением относилась к добытым с трудом кардам.

— Не волнуйся, — сказал он. — К десятому часу мне полегчает.

— Не послать ли за К'ураном-врачевателем?

— Я не позволю вашим кришнаитским знахарям прикасаться ко мне. Чего доброго, еще печень вырежут, решив, что так у землянина выглядит аппендикс.

— В Габандже живет ваш врач, доктор Нунг. Я сходить могла б за ним...

— Не надо. Мне не настолько плохо. К тому же, он китаец и того и гляди накормит меня толчеными костями йеки, — это было несправедливо по отношению к доктору Нунгу, но нужно было как-то выкручиваться.

Остаток дня прошел для Феллона очень скучно, потому что он не решался даже читать, опасаясь создать у Гази впечатление, что ему стало легче. Когда подошло время ужина, он сказал, что не хочет есть. Это больше напугало Гази, привыкшую к его здоровому аппетиту, чем все его стоны и конвульсии.

Время тянулось невыносимо долго, но в конце концов лучи Рок'ира угасли, и вскоре у входной двери зазвенел гонг. Гази поспешно утерла слезы и пошла открывать. До Феллона донеслись голоса из прихожей, а затем внутрь прошел капитан Кордак'.

— Привет, мастер Антане! — сказал сей бравый воин. — Узнав, что нездоров ты, зашел я предложить слова сочувствия, насколько позволит солдатский неотесанный язык мой. Что беспокоит собрата по оружию?

— Да так, немного отравился. Ничего серьезного — завтра уже буду на ногах. Ты знаком с моей джагайни, Гази эр-Дукх?

— Так точно. Нас связывала в прошлом дружба крепкая, и мы тотчас узнали друг друга удверей, почувствовав мгновенную печаль — ведь столько лет минуло. Воистину прекрасно вновь встретить друга старого, — капитан смущенно умолк. — Зашел я для того, чтоб предложить тебе пустяк, безделицу: билета два на «Конспираторов» Харьяна, но, раз болен ты...

— Своди на представление Гази, — сказал Феллон. — Мы собирались на бал к Кастамбангу, но мне сейчас не до веселья.

Последовало вежливое препирательство. Гази твердо заявляла, что не может оставить Феллона одного — и больного к тому же, а Феллон — при поддержке Кордак'а — уговаривал ее пойти. В конце концов она сдалась и оделась в свою прозрачную плиссированную юбку и искрящуюся улемду.

Феллон сказал:

— Не позабудь плащ. Мало ли, что на небе ни облачка: рисковать ни к чему — еще промочишь новые вещи!

Как только они вышли из дома, Феллон выпрыгнул из постели и надел лучшие подгузник и тунику. Все складывалось еще лучше, чем он рассчитывал. Во-первых, даже если бы он мог взять Гази с собой к Кастамбангу, она бы только помешала ему заниматься там делом.

А во-вторых, она как-то намекнула ему, что хотела бы посмотреть «Конспираторов». Феллону же, который уже видел их раньше в Маджбуре, вовсе не улыбалось высиживать нудную пьесу второй раз.

Он наспех заглотил какую-то пищу, пристегнул меч, хлебнул квада, посмотрелся в зеркало и отправился в гости к банкиру Кастамбангу.

Глава IX

Сотни свечей проливали свой мягкий свет на вечерние туники кришнаитов-мужчин и на обнаженные плечи и груди их спутниц. Сверкали разноцветные камни, сдержанно поблескивали драгоценные металлы.

Наблюдая за всем этим великолепием, Феллон (обычно не слишком склонный к философствованию) размышлял на политэкономические темы. Этих людей всего за каких-то несколько лет перетаскили из феодализма в капитализм. Последуют ли за этим социалистическая и коммунистическая фазы, как у некоторых земных наций, или место капитализма сразу займет какая-то форма смешанной экономики? Неравномерность распределения богатства вполне могла стать почвой для развития революционных тенденций. Правда, кришнаиты были слишком воинственны, романтичны и склонны к индивидуализму, чтобы смириться с каким-нибудь коллективистским режимом.

Феллон сидел в одиночестве, потягивая квад из бокала, взятого в баре, и наблюдая за представлением на небольшой эстраде. Если бы он был с Гази, ему бы пришлось танцевать с ней в бальном зале, где ансамбль музыкантов-балхибцев неумело, но вдохновенно подражал популярным земным мелодиям. Поскольку Энтони Феллон танцевал плохо и не любил это занятие, он не испытывал неудовольствия от своей временной изоляции.

На эстраде выступала пара, которую объявили под именами Иван и Ольга. Они вертелись, прыгали и производили дрыганье ногами, напоминавшее славянский танец вприсядку. Хотя их кожа была покрыта розовым гримом, антенны приглажены, а большие заостренные уши прикрыты — у мужчины высокой казачьей папахой, а у женщины прической — по мелким деталям анатомии было

видно, что это кришнаиты. Зачем им было притворяться землянами? Скорее всего, ради большего заработка: для кришнаитов Земля (а не их собственная планета) была средоточием экзотики, романтики и великолепия.

На плечо Феллона легла рука. Голос Кастамбанга сказал:

— Все готово, мастер Антане. Не соблаговолите ль вы пройти со мной?

Феллон последовал за хозяином в небольшую комнату, где их ждали двое слуг: один с маской, другой с вместительным черным балахоном.

— Оденьте это, — сказал Кастамбанг. — Собеседник ваш наряжен будет так же, дабы избежать того, чтобы узнали вы друг друга.

Феллон, которого распирало от беспричинного смеха, позволил слугам надеть на себя маску и балахон. Потом Кастамбанг, хромая и отдуваясь, провел его по коридорам, завешанным черным бархатом, которые вызвали у Феллона неприятное ощущение, будто он путешествует по пищеварительной системе какого-то огромного чудовища. Через некоторое время они подошли к двери в другую комнату, и банкир отпер ее.

Приглашая Феллона пройти внутрь, он сказал:

— Только, пожалуйста, без глупостей. Мои люди сторожат все выходы.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Первое, что увидел Феллон, осмотрев тускло освещенное помещение, была небольшая масляная лампада, горевшая в стенной нише рядом с отвратительным, зловещего вида медным богом из Зиада — страны лежавшей за Тройным Морем. Потом он разглядел у противоположной стены неясную фигуру, которая вдруг выпрямилась и оказалась одного роста с Феллоном.

Феллон вздрогнул, и его рука метнулась было к рукояти рапиры, но оружия на перевязи не оказалось — его отобрали при входе в дом. Тут Феллон понял, что видит человека — возможно, кришнаита — одетого так же, как он.

— Что ты хочешь знать? — спросил человек в черном.

Голос был срывающийся от напряжения, язык — балхибу, акцент — скорее даже не акцент, а восточно-балхибский говор с налетом гоцаштанского.

— Полный Ритуал Йешта, — сказал Феллон, вытаскивая блокнот и карандаш перемещаясь поближе к лампаде.

— Клянусь земным богом, на мелочи ты не размениваешься, — сказал незнакомец. — Одно лишь руководство по молитвам и гимнам занимает порядочную книгу — и помню я ее не целиком.

— Это руководство секретно?

— Нет. Его можно купить в любой приличной книжной лавке.

— Ладно, тогда давай все, чего нет в этом руководстве: одежда, жесты и так далее.

Где-то за час Феллон исписал почти целый блокнот — и это при том, что пользовался стенографией.

— И это все?

— Все, что я знаю.

— Что ж, тогда спасибо. Послушай, если бы я знал, кто ты, мы могли бы пригодиться друг другу еще когда-нибудь. Я иногда собираю информацию...

— И с какой целью, мой добрый господин?

— О... скажем, для статей в «Рашме», — Феллон действительно иногда печатался там, обеспечивая себе прикрытие на тот случай, если кто-нибудь заинтересуется его деятельностью.

Его собеседник сказал:

— Не желая подвергать сомнению твои добрые намерения, господин, я все же не могу не видеть, что тот, кто знал бы и меня, и прошлое мое, мог бы, когда бы пожелал того, немалый вред мне нанести.

— Но мне, как будто, незачем желать тебе вреда. В конце концов, ты тоже знал бы, кто я.

— Я и так, по-моему, догадываюсь, — сказал незнакомец. — По голосу я слышу, что землянин ты, а хозяин наш не так уж много пригласил гостей сегодня из вашего числа. Так что, ограничен выбор, и весьма.

Феллон подумал о том, чтобы подскочить к незнакомцу и сорвать с него маску. Но, с другой стороны, так можно было получить нож между ребер, и даже если бы собеседник был безоружен, он вполне мог оказаться сильнее Феллона. Хотя змяняне, привыкшие к более сильному тяготению, были в среднем мощнее кришнаитов, различие, все-таки, было невелико, и, к тому же, Феллон был уже не молод.

— Хорошо, — сказал он, — тогда прощай, — он постучал в дверь, через которую вошел.

Когда она открылась, Феллон услышал, как его собеседник стучит в другую дверь. Феллон вышел и проследовал за слугой через бархатные коридоры в комнату, где ему выдавали балахон с маской. Он стащил с себя маскарадный наряд.

— Добились ли вы удовлетворения? — спросил Кастамбанг, входя в комнату. — Получили ль то, чего искали?

— Да, спасибо. Могу ли я узнать, какова дальнейшая программа вечера?

— Вы как раз успеете на бой зверей.

— О?

— Да, да. Если вы хотите посмотреть, я прикажу лакею,

чтоб проводил он вас в подвал. Будут лишь мужчины, потому, во-первых, что мы считаем столь кроважадное зрелище неподобающим для пола слабого, а во-вторых, из представительниц его немало есть таких, которые поддались уговорам земных миссионеров ваших и не приемлют развлечений этих с моральной точки зрения. Однако, когда и воины наши обамятся настолько, что вид крови расстраивать их будет, тогда, воистину, заслужим то мы, чтоб пасть под палицей иль от копья джунгавца.

— Я посмотрю с удовольствием, — сказал Феллон.

«Подвал» Кастамбанга был на самом деле подземным залом размером с приличную университетскую аудиторию. Часть его была отведена под бар, игорные столы и прочие удобства, а в другом конце, там, где должен был состояться бой зверей, имелось углубление в форме воронки, окруженное несколькими рядами сидений. Внизу располагалась круглая арена метров пятнадцати в диаметре. Глубина ямы составляла метров семь-восемь. В зале толпились пятьдесят или шестьдесят кришнаитов. В воздухе сильно пахло духами и дымом и стоял страшный шум, поскольку, разговаривая, каждый старался перекричать другого. Пенились бокалы с напитками, и всюю заключались пари.

Как раз в тот момент, когда появился Феллон, двое споривших гостей перешли ту грань, которая отделяла слова от дел. Один из них щелкнул пальцами под носом у другого, который тут же выплеснул в лицо обидчику содержимое своего бокала. Тот попытался что-то сказать, но сумел издать лишь нечленораздельный вопль, схватился за перевязь, где не оказалось рапиры, и бросился на противника. Несколько мгновений хватило на то, чтобы два мирно беседовавших гостя превратились и визжащий клубок тел, катавшихся по полу, пинавшихся, царапавшихся и таскавших друг друга за густые зеленые шевелюры.

Отряд лакеев растащил их. Один из драчунов держался за укушенный палец, а у другого было основательно расцарапано лицо. Лакеи вывели их через разные двери.

Феллон взял в баре кружку квада, поздоровался с несколькими знакомыми и перешел к яме, куда постепенно стягивались и все остальные. Он подумал: «Посмотрю немного, а потом двину домой. Не годится, чтобы Кордак' и Гази вернулись раньше меня».

Поспешив к дальнему краю ямы, он успел занять одно из последних мест в первом ряду. Оперевшись на низкое ограждение, он огляделся и узнал своего соседа справа — высокого худощавого кришнаита. Это был Чиндор эр-Квинан,

лидер тайной оппозиции и претендент на трон сумасшедшего короля Кира.

Поймав взгляд Чиндора, Феллон сказал:

— Привет, ваша светлость.

— Привет, мастер Антане. Как там твоя планета?

— Нормально, я думаю, хотя я давно там не был. Что в программе?

— Будет бой между йеки, пойманным в Джерабском лесу, и шаном из душных джунглей Мутаабвка. О, ты не знаком с моим другом, мастером Лийарой-мелеплавильщиком?

— Рад познакомиться, — сказал Феллон, хватаясь за протянутый большой палец и подставляя свой.

— Я также рад, — сказал Лийара. — Сдается мне, что предстоит нам редкостное зрелище. Не хотите ль заключить небольшое пари? Я поставил бы на шана, если бы вы соблаговолили определить шансы.

— На йеки один к одному, — сказал Феллон, пристально глядя в лицо мелеплавильщика.

У Лийары был точно такой же восточный акцент, как у недавнего собеседника Феллона в черной маске. Это только показалось ему, или Лийара тоже посмотрел на него слишком пристально?

— Разрази меня Дьюпулан! — воскликнул Лийара. — Три к двум...

Их спор был прерван зашевелившимися зрителями, которые к этому времени уже все расселись по своим местам. Из небольшой двери внизу вышел хвостатый колофтянин. Он остановился посреди арены, ударил в небольшой гонг, который был у него в руках, и объявил:

— Благородные господа, мой хозяин Кастамбанг предлагает для развлечения вашего звериный бой. Из этих ворот... — мохнатый оратор размашисто указал рукой, — появится огромный йеки из Джерабского леса, самец матерый. Из других же выступит гигантский шан, захваченный с трудом великим и с опасностью для жизни в тропических джунглях Мутаабвка. Скорее ставки делайте свои, потому что сражение начнется, как только мы сумеем животных выгнать на арену. Желаю вам приятно и не без пользы время провести.

Колофтянин скрылся за той же дверью, из которой вышел. Лийара продолжил спор:

— Я сказал, три к двум...

Но его опять прервали, на этот раз скрежет шестерней и лязг цепей, сопровождавшие поднятие ворот. Потом снизу донесся басистый рев, ответом на который был жуткий крик, похожий на шум, который издает листовое железо, когда его рвут.

Рев прозвучал снова, почти оглушив зрителей, и на арену выпрыгнул огромный коричневый хищник, покрытый гладкой шерстью. Это был йеки: что-то наподобие шестиногой норки размером с тигра. Из других ворот показалось еще более кошмарное чудовище: тоже шестиногое, но безволосое и немного напоминавшее рептилию. У него была длинная шея, а тело постепенно сужалось к хвосту. Грубая кожа была покрыта яркими полосами и пятнами зеленых и коричневых тонов. Отличная маскировка для того, чтобы подстергать кого-нибудь в джунглях, подумал Феллон.

Сухопутные животные Кришны происходили от двух различных морских ветвей. Одна была представлена четвероногими яйценосными, а другая живородящими, но шестиногими. Четвероногое подцарство включало в себя не слишком большое число приматоидных видов и еще кое-каких животных, в том числе похожих на верблюдов шомалов. Подцарство шестиногих было более обширным, в него входили многие одомашненные виды: айи, шайханы, эшуны и биштары, большая часть хищников, а также летающие формы, например, аквебаты, средние конечности которых развились в крылья, похожие на перепонки летучих мышей. Конвергентная эволюция провела несколько поразительных параллелей между четвероногим и шестиногим подцарствами — наподобие той, что существовала между кришнаитами и абсолютно неродственными им землянами.

Феллон подозревал, что с обоими животными обращались преднамеренно жестоко, чтобы довести их до той ярости, в которой они находились. В нормальных условиях инстинкт заставил бы их избегать друг друга.

Йеки припал к земле, едва не задевая по ней брюхом, как кот, подкрадывающийся к птице, и обнажил клыки, издавая непрерывный рык. Шан, наоборот, выпрямился во весь рост, выгибая лебединую шею и пританцовывая вокруг противника причудливым аллюром, свойственным только этим животным — переставляя лапы по очереди, по часовой стрелке. Каждая из этих лап была снабжена мощными, острыми как бритва когтями. Из утыканной зубами пасти шана то и дело вырывались резкие крики. Йеки подступил было поближе к нему, и голова на длинной шее тут же метнулась вперед, с лязгом шелкнув челюстями. Челюсти должны были сомкнуться на шее противника, но в последний момент йеки успел отскочить. И снова начал подбираться к врагу.

Кришнаиты доводили себя до совершенного иступления. Они орали и заключали пари с разных концов ямы. Они вспрыгивали на сидения и соскакивали обратно на пол, как обезьяны, и кричали тем, кто находился впереди, чтобы они не мешали смотреть. Сидевший справа от Феллона Чиндор эр-

Квинан самозабвенно раздирал в клочья элегантный колпак.

Огромные челюсти то и дело лязгали. Первую кровь зрители приветствовали оглушительным ревом: не повезло йеки, который не успел увернуться от зубов тропического хищника, и из его распоротого плеча по блестящему меху потекла коричневая кровь, похожая на какао.

Находившийся в нескольких креслах от Чиндора кришнаит пытался заключить с ним пари, но они не могли расслышать друг друга за общим гвалтом. В конце концов кришнаит перелез через ноги соседей и выбрался в проход, а оттуда перебрался к Чиндору, который что-то орал, приложив руки рупором ко рту. Зрители из задних рядов перелезали через спинки кресел, становились позади тех, чьи места были впереди, и смотрели поверх их голов и плечей.

Лязг, ляз-з-зг. Кровь потекла из ран и у йеки, и у шана. Воздух был насыщен сигарным дымом, мощным ароматом духов, парами алкоголя и запахами тел кришнаитов и животных. Феллон закашлялся. Лийара-медеплавильщик что-то кричал.

Покрытые кровавой пеной пасти медленно сближались, животные выжидали — кто нанесет удар первым? Феллон обнаружил, что сжимает перила побелевшими от напряжения пальцами.

Лязг! Шан и йеки ударили одновременно. Шан вцепился в переднюю лапу врага, однако тот успел сомкнуть челюсти на шее противника. И тут же во все стороны полетел песок от лап катавшихся по арене сцепившихся зверей. Когда массивная лапа или тело задевали деревянное ограждение ямы, весь зал сотрясало под аккомпанемент мощных гулких ударов.

Глаза Феллона, как и у всех в зале, были прикованы к животным, и он ничего не замечал вокруг себя до тех пор, пока не почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили его за лодыжки и резко дернули вверх. Толчок, и он перевалился через перила и полетел вниз.

Ему показалось, что его толкнул Лийара, но решить, так ли это, он не успел, потому что врезался лицом в песок.

Он перевернулся на живот, опасаясь, что сломал шею, но, как выяснилось, он ее лишь как следует вывихнул. Поспешив подняться на ноги, он оказался лицом к лицу с йеки, стоявшим над неподвижным шаном. Последний, как легко можно было видеть, уже расстался с жизнью.

Феллон посмотрел вверх. Край ямы был кольцом бледно-зеленых лиц. У большинства зрителей были раскрыты рты, но ничего разобрать Феллон не смог, потому что все вопили одновременно.

— Меч! — крикнул он. — Сбросьте мне меч, кто-нибудь!

Среди зрителей началась суета, но меча ни у кого не оказалось — все оружие, как и полагалось, было сдано при

входе в дом. Кто-то кричал что-то о веревке, кто-то — о лестнице, а еще кто-то предлагал связать вместе несколько туник. Суеты было много, шума еще больше, но толку никакого.

Йеки оставил шана и направился к Феллону, припав брюхом к песку.

Тут сам хозяин дома перегнулся через ограждение и крикнул:

— Охе, мастер Антане! Ловите!

В яму, рукоятью вниз, полетел меч. Феллон подбежал, поймал его на лету и тут же развернулся лицом к йеки.

Зверь приближался. Еще несколько мгновений, и он должен был прыгнуть, и тогда, подумал Феллон, от меча не будет никакого проку. Может быть, ему и посчастливится нанести смертельный удар, но что толку — умирая, животное все равно прикончит его.

Единственным способом защиты могла стать только решительная атака. Феллон пошел на йеки, выставив перед собой меч. Тварь взревела и выбросила вперед неповрежденную переднюю лапу. Феллон парировал клинком и слегка царапнул пальцы, из которых торчали жуткие когти.

Йеки заревел еще громче. Феллон, сердце которого бешено стучало в груди, сделал выпад, целя в нос зверя. Почувствовав укол, тот отступил, рыча и брызгая слюной.

— Мастер Антане! — крикнул кто-то. — Гони его к открытым воротам.

Выпад — выигран шаг, еще выпад. Отдернуть клинок, уворачиваясь от мощной лапы. Еще шаг. Постепенно Феллон оттеснял йеки к воротам, каждое мгновение ожидая, что тот в ярости прыгнет и прихлопнет наглеца.

Потом, как будто вспомнив о своем убежище, зверь неожиданно развернулся и по-змеиному скользнул в отверстие в стене. Едва коричневый мех растворился в темноте, как ворота с лязгом опустились.

Феллон покачнулся. Кто-то наконец принес лестницу. Феллон неторопливо выбрался из ямы и вернул меч Кастамбангу.

Дружеские руки хлопали его по спине, ему совали сигары и бокалы с напитками, несколько кришнаитов взвалили его на плечи и пронесли вокруг комнаты. Чем-чем, а сдержанностью кришнаиты не отличались. Кульминацией торжества стал момент, когда один из кришнаитов вручил Феллону полный колпак золотых и серебряных монет, собранных зрителями в знак восхищения бесстрашием землянина.

Лийары нигде не было видно. Из разговоров Феллон понял, что никто не видел, как промышленник перебросил его через ограждение: «Какого Тиациана полетел ты вниз?», «Хватил, наверное, лишку ты?», «Нет, с чудовищами бьется он веселья ради!».

Если бы Феллон обвинил сейчас Лийару, он ничем не смог бы подкрепить своих слов.

Спустя несколько часов и множество бокалов, Феллон пришел в себя в к'изуне, в котором он ехал с двумя другими гостями и орал пьяную песню под аккомпанемент полудюжины копыт айи. Попутчики слезли раньше Феллона, потому что никто из гостей Кастамбанга не жил так далеко на западе. Это означало, что платить за проезд предстояло ему. Впрочем, со всеми теми деньгами, что для него собрали...

Куда они, к Хишкаку, подевались? Тут он вспомнил, что ввязался в игру и в какой-то момент выигрывал тридцать тысяч кардов. Но потом своевольная Да'ви, балхибская Фортуна, покинула его, и вскоре у него остались лишь те деньги, с которыми он приехал в дом Кастамбанга.

Феллон застал. Неужели он никогда не поумнеет? Имея такие деньги в кармане, он мог бы отряхнуть балхибскую пыль со своих ног, предоставить Мджипе, Квейсу и Фредро разбираться с Сафком самостоятельно и отправиться вербовать наемников для возвращения замбийского трона.

Тут его посетила еще одна кошмарная мысль. Пока он бился с йеки, а потом праздновал победу, он совсем забыл о Гази и об уговоре с Кордак'ом. Они, конечно, уже давно вернулись — и каким же образом ему оправдываться? Он схватился за голову, которая трещала от боли. И от него, скорее всего, несло, как от винокурни. Оставалась, конечно, возможность во всем признаться.

Его воображение, обычно такое плодovitое, было как будто парализовано. Значит так: «Мои друзья Гарган и Вимс заскочили узнать, как мое самочувствие. Мне уже стало много легче, и они уговорили меня прогуляться с ними к Савейчу, а там у меня опять прихватило живот...»

Гази в это не поверит, конечно, но ничего другого он не мог придумать. К'изун остановился у его дома. Расплачиваясь с возницей, Феллон поглядывал на обшарпанный фасад, который, правда, ночью выглядел не так убого, как днем. Света видно не было. Или Гази уже спала, или...

Когда Феллон вошел в дом, какое-то чувство подсказало ему, что в доме никого нет. Так оно и оказалось — как не было и записки от Гази. Он поднялся по ступенькам, пошатываясь, стащил перевязь с мечом и сапоги, упал на кровать и сразу провалился в сон.

Глава X

На следующее утро Энтони Феллон проснулся с отвратительным привкусом во рту. Все мышцы его тела

болели, и самочувствие в целом тоже оставляло желать лучшего. Ощущения в области шеи были подозрительны и навевали грустные мысли о привычном вывихе. Медленно приходя в себя, он вспомнил, что когда он вернулся вчера от Кастамбанга, Гази не было...

Где она была сейчас?

Феллон сел и позвал ее. Ответа не было.

Несколько секунд он сидел на краю кровати, протирая сонные глаза и осторожно поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы проверить, что с шеей. Потом встал и обыскал дом. Гази так и не нашлась. И пропала, как выяснилось, не только она сама: исчезла также вся ее одежда и прочие предметы туалета.

Готовя себе завтрак трясущимися руками, он прокручивал в уме различные варианты. Он мог бы напомнить себе, что, в конце концов, в Балхибе женщины были свободны менять джагейнов, когда им того хотелось. Но сейчас одна только мысль о том, что Гази могла уйти от него к Кордак'у, вызвала у Феллона такую ярость, что какие бы то ни было разумные соображения перестали на него действовать.

Он проглотил завтрак, не разогревая его, натянул сапоги, пристегнул меч и, не дав себе труда побриться, отправился на восток города в казармы. Рок'ир взошел меньше кришнаитского часа назад, но утренний ветер уже кружил небольшие пыльные вихри.

Проехав полчаса в запряженном айей омнибусе, он добрался до казарм, где хмурый солдат в дежурном помещении сообщил ему, где находится квартира Кордак'а. Еще через полчаса Феллон был у цели.

Многоквартирный дом, в котором жил Кордак', стоял у северной границы Кхарджу, там, где магазины и банки этого квартала уступали место жилым массивам Зарду, квартала, где обитал средний класс. Феллон изучил список жильцов, вывешенный у входной двери, и решительно поднялся на третий этаж. Убедившись, что не ошибся дверью, он ударил в гонг, висевший рядом с ней.

Когда ответа не последовало, он ударил еще раз, сильнее, а потом заколотил в дверь кулаком, что балхибцы позволяли себе очень редко. Наконец внутри кто-то задвинулся, и дверь открыл сонный и плохо соображающий Кордак'. Его зеленые волосы были взлохмачены, костлявые плечи защищало от утренней прохлады одеяло, а в руке он держал обнаженный меч. В столь неурочный час в этом не было ничего необычного — вместо Феллона стучать вполне мог и грабитель.

Кордак' сказал:

— Во имя зеленых глаз Хоя, какого... О, это мастер Антане!

Что привело тебя сюда сейчас, когда я отдыхаю от трудов? Надеюсь, что-то важное весьма?

— Где Гази? — спросил Феллон, опуская руку на рукоять своего меча.

Кордак' несколько раз моргнул, прогоняя сон.

— Как где? — ответил он невинно. — Оказав мне честь, избрав меня своим джагейном новым — благодаря беспечности твоей и вскрытому обману, который я поддерживать не мог и не желал — в общем, она со мной. Где ж ей быть еще?

— Ты... ты признаешься...

— Признаюсь? В чем? Я ясным языком сказал все без утайки. А ты теперь иди отсюда, мой добрый господин, и дай продолжить мне мой отдых. И впредь, прошу тебя, коли зайти решишь, час поприличней выбирай.

Феллон чуть не задохнулся от ярости.

— И ты думаешь, что можешь вот так увести мою женщину, а потом приказывать мне убираться и не мешать тебе спать?

— Что в голову ударило тебе, землянин? Ты не в Кваате варварском, где женщины имуществом являются, как вещи. А теперь проваливай, пока не преподал тебе урок манер хороших я...

— Ну да? — прорычал Феллон. — Сейчас я тебе сам преподам урок!

Он отступил на шаг, выхватил меч и сделал выпад.

Все еще немного сонный, Кордак' какую-то долю секунды колебался: отбивать ему атаку или захлопнуть дверь, поэтому прежде, чем он успел что-либо решить, клинок Феллона оказался в каких-то миллиметрах от его груди. Кое-как отбив выпад и едва не расставшись с жизнью, Кордак' отпрыгнул.

Однако при этом он был вынужден оставить дверь, через которую в квартиру ворвался Феллон. Оказавшись в прихожей, землянин захлопнул дверь ударом ноги.

— Сумасшедший! — сказал Кордак', сдергивая одеяло с плеч и обматывая им левую руку. — Сам ты навлек ту кару, что ждет тебя, — и Кордак' ответил выпадом на выпад.

Тинк-дзинь-дон-н-н, звенели тяжелые клинки. Феллон отбил атаку, но его выпады и контрвыпады тоже с легкостью парировались клинком Кордак'а, либо же останавливались его обмотанной одеялом рукой. Сам Феллон был слишком поглощен боем, чтобы оценить, насколько причудливое зрелище представляет собой его противник — абсолютный голый, с мечом в правой руке и с одеялом вокруг левой.

— Антане!

И Феллон, и Кордак' на мгновение перевели взгляды в сторону двери, в которой стояла Гази, прижавшая ладони к

щекам. Однако прежде, чем кто-либо из соперников успел воспользоваться удобным случаем, оба они снова смотрели друг на друга.

Дзинь-дон-вжи-и-ик!

Дуэлянты кружили, проявляя теперь осторожность. После первых же выпадов Феллон понял, что их силы примерно равны. Он был немного тяжелее и (будучи землянином) сильнее физически, но Кордак' был моложе, и его руки были длиннее, обмотанное же вокруг его левой руки одеяло компенсировало превосходство Феллона в технике фехтования.

Тинк-тинк-бом!

Феллон повалил какой-то столик и отшвырнул его ногой. Вжик-дон-и!

Кордак' сделал ложный выпад и тут же нацелил убийственный удар сбоку в голову Феллону. Тот пригнулся, и рапира просвистела над ним и перерубила бронзовую стойку лампы-торшера. Лампа с дребезгом запрыгала по полу, а сама стойка повалилась со страшным грохотом.

Дон-дзинь!

Они кружили и кружили. Один раз Феллон оказался лицом к двери, в которой стояла Гази, и воспользовался моментом, чтобы крикнуть ей:

— Слушай, Гази, уйди отсюда! Ты нас отвлекаешь!

Она не обратила на него внимания, и дуэль продолжалась. Неожиданно обрушив на Феллона град ударов, Кордак' прижал его к стене. Последний выпад должен был вспороть живот землянину, но Феллон отпрыгнул в сторону, и острая клинка Кордак'а пронзило единственную в комнате картину: дешевую копию известного полотна Маш'ира «Заря над Маджбуром». Воспользовавшись тем, что рапира Кордак'а застряла в штукатурке, Феллон рубанул по противнику справа, но тот подставил под меч одеяло, выдернул рапиру из стены и снова оказался лицом к Феллону.

Дзинь-вжик!

Феллон в очередной раз взмахнул мечом, но Кордак' парировал, и удар пришелся в перевернутый столик.

Феллон чувствовал, как кровь гулко стучит у него в висках. Его движения замедлились, как будто ему приходилось преодолевать сопротивление воды. Впрочем, он видел, что Кордак'у было не легче.

Тинк-бам!

Бой продолжался и продолжался, и через некоторое время противники измотались настолько, что едва могли поднять мечи и только стояли и злобно смотрели друг на друга. С

интервалами секунд в десять то один, то другой находил в себе достаточно сил, чтобы сделать выпад, который неизменно парировался противником.

Динг-дзанг!

Феллон выдавил из себя:

— Мы... слишком равны!

Голос Гази объявил:

— На самом деле вы оба просто трусы и боитесь приближаться друг к другу.

Кордак', еле дыша, выкрикнул:

— Дорогая, не хочешь поменяться со мною местами — попробовать, каково это?

— Вы оба просто смешны, — сказала Гази. — Я думала, один из вас убьет другого и тем разрешит все мои проблемы. Но если вы плясать намерены весь день и махать мечами...

Феллон сумел выговорить:

— Кордак', по-моему... она подталкивает нас... чтобы насладиться видом крови... за наш счет.

Они покружили еще несколько секунд, пыхтя как локомотивы. Потом Феллон сказал:

— Как насчет того, чтобы закончить? Похоже, ни один из нас... не может одолеть другого... в честном бою.

— Ты сам начал, так что, если кончать намерен... я, как разумный человек... согласен.

— Решено.

Феллон отступил назад и вложил меч в ножны, но не до конца — на тот случай, если Кордак попытается нанести предательский удар. Кордак' подошел к стенной нише у двери и вложил меч в ножны, которые висели там на вешалке для одежды. Он посмотрел на Феллона, чтобы убедиться, что его рапира убрана целиком, и только после этого оторвал руку от рукояти своей. Потом он снял меч в ножнах с вешалки и понес его в спальню.

Прежде, чем он добрался до нее, Гази возмущенно развернулась и вошла туда первой. Феллон упал в кресло. Из спальни донеслись сердитые голоса. Потом Гази снова появилась, уже в шали, юбке, сандалиях и с сумкой, в которой лежали ее вещи. Следом за ней вышел Кордак', тоже одетый и застегивающий перевязь с рапирой.

— Мужчины, — сказала Гази, — кришнаиты они или земляне — это самые отвратительные, трусливые и беспомощные твари во всем животном царстве. Не вздумайте искать меня, вы оба, ибо видеть мне противно ваши рожи. Прощайте навсегда!

Она хлопнула дверь. Кордак' расхохотался, упал в другое кресло и устало вытянулся.

— То был самый трудный бой мой со времени

Таджрошского сражения в войне Джунгавской, — сказал он. — Хотел бы знать я, что так взбесило даму нашу. Она кипела, как ливень летний над Квебесскими холмами.

Феллон пожал плечами.

— Иногда я тоже не уверен, что понимаю женщин.

— Ты завтракал?

— Да.

— Ха, это объясняет успех твой. Когда бы бился я не на пустой желудок, совсем другой расклад имели б мы, и с легкостью такую отделаться тебе не удалось бы. Пойдем на кухню — поджарю я яиц.

Феллон pokrхтел, поднялся на ноги и пошел за Кордак'ом на кухню. Там он обнаружил, что хозяин дома снимает с полок провизию, в том числе и большой кувшин фалатского вина.

— Немного рано для того, чтоб налегать на квад, — сказал капитан, — но фехтование — тяжелая работа, так что, не повредит глоток-другой вина нам, чтоб возместить утерянную влагу.

После нескольких кружек вина, Феллон, сильно подобрев, сказал:

— Кордак, старина, не могу даже найти слов, как я рад, что не убил тебя. Таким, как ты, и должен быть настоящий мужчина.

— Взаимно, друг Антане, ты выразил прекрасно то, что и я сказать хотел. Почел бы я за честь считать тебя среди друзей своих, и лучшего товарища едва ль нашел бы я и между соплеменниками.

— Давай выпьем за дружбу.

— Да здравствует дружба! — воскликнул Кордак', поднимая кружку.

Выпив, он поставил ее и испытующе посмотрел на Феллона.

— Раз уж речь зашла о дружбе, мой петушок, поскольку ты — когда не распален ты ревностию жгучей — весьма разумен и не склонен к болтовне, а также служишь под моим началом — короче, позволю сделать я намек, а ты уж поступай, как знаешь.

— О чем ты?

— Достигли вести нас, что завоеватель варварский, гуур Кваата, выступил, в конце концов. Известие пришло с биштарской почтой вчера за час, быть может, до того, как я отправился к тебе. К тому моменту он не переходил еще границу, но вполне могла прийти уже и эта новость.

— Это, наверное, означает, что гвардия?...

— Ты превосходишь мои мысли. В порядок приведи дела свои, поскольку в любой момент приказ получен может быть о выступлении. А теперь пора в казарму мне, где

придется, несомненно, потратить день на заполнение бумажек. Еще один чудовищный обычай! О, если бы родиться довелось мне столетий несколько назад, когда письма искусство было редким, и солдатам приходилось носить в уме приказы и, вообще, все то, что было нужно знать.

— А кто будет следить за порядком в городе, если вся гражданская гвардия отправится на фронт?

— Вся гвардия не отправится. Останутся ветераны, новички и резервисты, которым предстоит работать и за всех тех, кто уйдет. Мы, командиры рот, сражаемся с министром, перевести который хочет тех из гвардейцев, кто боеспособней, на службу в...

— В Сафк? — подсказал Феллон, когда Кордак' умолк посреди фразы.

Капитан икнул.

— Я говорить не стал бы, когда б не оказалось, что тебе уже известна подробность эта. Но как узнал ты?

— Сам знаешь — слухи. Но что там внутри?

— Вот этого раскрыть я не могу, не обессудь уж. Одно скажу, однако: в сей древней башне скрыто нечто, столь новое и смертоносное, что стрелы лучников гуура весенним дождичком покажутся в сравнении.

Феллон сказал:

— Йештиты действительно не пожалели усилий на охрану тайны того, что происходит в Сафке. Я даже ни разу не видел плана здания, да и не слышал, чтобы такой где-то существовал.

Кордак' самодовольно усмехнулся и пошевелил одной из антенн, что было кришнаитским эквивалентом подмигивания.

— Ну, не так сокрыта эта тайна, как им хотелось бы считать. В таких делах всегда случаются утечки, и кое-что становится известным.

— Ты хочешь сказать, известным не членам культа?

— Да, мой друг. По крайней мере, мы подозреваем, в чем там дело, — Кордак опрокинул очередную кружку фалатского.

— Кто это — «мы»?

— Ученое братство, в которое вступил я — Меджраф Джанджира. Не слышал ты о нас?

— Неофилософское общество, — пробормотал Феллон. — Я кое-что слышал о его догматах. Ты хочешь сказать, что ты... — он вовремя спохватился и не стал говорить, что считает эти догматы вопиющим примером межзвездного идиотизма.

Тем не менее, Кордак' уловил неодобрительный тон последних слов Феллона и сурово посмотрел на него.

— Есть многие, глумящиеся над догматами братства, не дав себе труда узнать их, и тем лишь проявляют верхогляды эти невежество свое, отбрасывая мудрость, которую должны бы были испытать. Я мог бы объяснить ее в словах немногих,

насколько мне позволит скудный мой язык — а если заинтересован будешь ты, тогда могу свести тебя с другими, мудрее и начитанней меня. Слыхал ли ты о Пьятсмифе?

— О чем?

— О Пьятсмифе... Это подтверждает лишний раз дремучую невежественность вашу — ведь вы, земляне, не знакомы с планеты собственной мудрейшими мужами.

— Ты хочешь сказать, что это землянин? — Феллон никогда не слышал о Чарльзе Пьянци Смите, эксцентричном шотландском астрономе девятнадцатого столетия, основавшем псевдонаучный культ под названием «пирамидология». Но даже если бы Феллону и доводилось слышать о нем, вряд ли он понял бы, что Кордак произнес именно его имя.

— Сей Пьятсмиф, — сказал капитан, — первый осознал, что величайший древний памятник Земли — по вашим меркам древний, не по нашим — собой являет нечто сверх того, чем видится поверхностному взгляду. В действительности, заключает он в себе, в своей структуре и в своих размерах, всю мудрость всех времен и тайны сокровенные вселенной.

Следующие полчаса Феллон нетерпеливо ерзал, слушая лекцию Кордак'а. Обрывать собеседника он не решался, потому что Кордак мог сообщить и полезную информацию.

Тем не менее, к концу этого получаса речь капитана стала нести на себе явственный отпечаток фалатского. Он стал путаться и терять нить рассуждений.

— ...нет, друг Антане, я прстой рмейский офицр, а не филосф. Когда бы я влдел... владел бы я... крсноречим...

Он умолк, тупо глядя перед собой. Феллон спросил:

— А у тебя есть план Сафка?

Лицо Кордак'а приняло хитрое, но идиотское выражение.

— Я т-так говорл? Как будто, нет. Но не буду отрцать, что сущесвует план ткой.

— Это интересно, если это действительно правда.

Кордак ожил:

— Ты ставишь под сомнение слова мои? Да я!...

— Ну-ну, я поверю в твой план, если увижу его. Это ведь не запрещено законом, правильно?

— Не запрещено... — Кордак некоторое время размышлял над этой проблемой, потом встряхнул головой, будто пытаясь прочистить мозги. — Упряма, как биштар, и увертлив, как фондак', соратник мой Антане. Ладно, я покажу тебе сей план, иль копию его. Поверишь ты тогда?

— О — э-е — да, наверное, поверю.

Сильно покачиваясь, Кордак вышел в гостиную. Феллон слышал, как он открывает там какие-то шкафы и шарит в ящиках. Потом капитан вернулся, держа в руках большой лист кришнаитской бумаги.

— Вот! — сказал он и расстелил бумагу на столе.

Феллон увидел, что на листе изображен схематичный план первого этажа Сафка, который было легко узнать по характерно изогнутому контуру внешней стены. Рисунок не отличался четкостью, поскольку был выполнен кришнаитским свинцовым карандашом — то есть, в качестве грифеля использовался действительно свинец, а не графит, который встречался на Кришне довольно редко.

Феллон ткнул пальцем в самое большое помещение на плане, расположенное сразу за единственным входом в здание.

— Это, надо понимать, главный храмовый зал или капелла?

— Говоря по правде, неведомо мне это, поскольку никогда не заходил я внутрь. Но предположение твое, как будто, в согласии находится с божественной логикой.

Помимо большого зала изображал целый лабиринт комнат, комнаток и коридоров, которые казались разбросанными хаотично — по крайней мере человеку, никогда не бывавшему в Сафке и не знающему, какие комнаты для чего предназначены.

Феллон внимательно изучил схему, пытаясь запечатлеть ее в своем мозгу, потом спросил:

— Откуда это у тебя?

— О, гм, занятная история. Член нашего ученого собратства по случаю забрел в пристройку тайную библиотеки царской, куда не допускают публику. Попалась там ему большая кипа таких планов, изображавших известные балхиские строения. Он никому не стал об этом сообщать, а выбрался из закуртка и, как мог, по памяти восстановил рисунок, с которого и снята эта копия.

Капитан сложил бумагу и сказал:

— А теперь, коль извинить меня готов ты, товарищ боевой, пора мне за труды. Кварара кровь! Переборщил с вином я этим, так что пройтись пешком придется до казармы, чтоб протрезветь. Не слишком возликует лорд Чиндор, если ввалюсь я пьяный, как осиранин, и спотыкаясь обо все. Не пройдешься ты со мной?

— С удовольствием, — сказал Феллон и последовал за Кордак'ом на улицу.

Глава XI

— Что такое? — спросил доктор Джулиан Фредро.

Феллон объяснил:

— Все готово для экскурсии в Сафк. У меня даже есть план первого этажа. Вот!

Он показал Фредро план, который нарисовал по памяти, как только распрощался с Кордак'ом и купил в лавке в Кхарджу карандаш и блокнот.

— Отлично, отлично, — сказал Фредро. — Когда идти?

— Завтра ночью. Но тебе сейчас придется пойти со мной, чтобы заказать костюм.

Фредро был в нерешительности.

— Я пишу важную статью для «Przegląd Archeologiczny»*...

Феллон поднял руку:

— Это может подождать, а вот наше дело — нет. Моему портному потребуется не меньше дня, чтобы сшить нам костюмы. Кроме того, завтра совершается Великий Ритуал Йешта, а потом его не будет недели три — что-то там с созвездиями, по-моему. Великий же Ритуал — единственное мероприятие, на котором жрецов достаточно много, чтобы среди них можно было затеряться. Поэтому нужно идти завтра.

— Ну, ладно. Подождите — я возьму свой плащ.

Они вышли из 'Avrud Tegao (как на балхибу назывался отель «Земной») и направились к магазину Ве'кира Исключительного. Там Феллон отвел Ве'кира в сторонку и спросил у него:

— Ты ведь бакхит, не так ли?

— Да, мастер Антане. А почему ты спрашиваешь?

— Я хотел убедиться, что мой заказ не вызовет у тебя возражений по религиозным мотивам.

— Клянусь Кварара палицей, зловещее начало! Что за заказ ты хочешь сделать?

— Мне нужно два йештитских одеяния для жрецов третьего класса...

— Как, неужели чужестранцев принимают в это братство?

— Нет, но костюмы нам все равно нужны.

— О, господин! Среди йештитов у меня большая клиентура, и когда б известным дело это стало...

— Не станет. Но тебе придется шить рясы собственноручно, и, к тому же, они нужны нам срочно.

Портной отнекивался, возражал и ворчал, но Феллону в конце концов удалось уломать его.

Большую часть утра они провели в задней комнате магазина, где их сначала обмеряли, а потом примеривали им сметанные костюмы. Это оказалось несложно, потому что свободные мешковидные рясы, которые полагалось носить жрецам культа Йешта, не слишком подгонялись под фигуру. Ве'кир пообещал, что костюмы будут готовы к следующему полудню, и Феллон и Фредро расстались — последний для того, чтобы вернуться в отель и продолжить работу над статьей.

* «Przegląd Archeologiczny» - «Археологическое Обозрение» (польск.).

Прощаясь с ним, Феллон сказал:

— Тебе заодно придется избавиться от этой бороды.

— Сбрить бороду? Никогда! Я ее ношу уже на пяти планетах! У меня такое же право на бороду, как...

Феллон пожал плечами.

— Как хочешь, но тогда тебе не удастся сойти за кришнаита. У них волосы на лице вообще почти не растут.

Фредро сдался, все еще продолжая ворчать, и они договорились встретиться на следующее утро, чтобы зайти за рясами, а потом порепетировать Ритуал дома у Феллона.

Феллон задумчиво направился обратно в Джуру, пообедал по пути и вернулся домой. Подходя к своей двери, он увидел, что к дверной ручке подвешена на бечевке небольшая деревянная стрела.

Издав недовольный возглас, он снял стрелу с ручки. Ее появление означало, что на вечер был назначен сбор роты Джуры в арсенале. И у него не возникло ни малейшего сомнения в том, что это каким-то образом связано с кваатской угрозой.

Капитан Кордак' оглядел ряды бойцов своей роты — все двести семнадцать существ. Примерно наполовину это были кришнаиты, остальные же — земляне, тотиане, осирiane и так далее.

Капитан прочистил горло и сказал:

— До всех вас, без сомнения, тревожные доходят слухи по кваатскому вопросу. Роятся слухи эти, как чидебы над трупом смрадным, и всем должно быть ясно, что создали вас как раз в связи с сей мрачною угрозой. Не стану вас обманывать — так оно и есть. И хотя я лишь простой солдат, а не оратор, попробую я все же изложить, прощения испросив за скудость слога, как обстоят дела. В нескольких словах.

— Как все вы знаете — и как испытали некоторые на личной своей шкуре — минуло семь лишь лет с тех пор, как камуран кваатский (пусть грязный Дунулан его зароет под кучею отбросов) разбил нас при Таджроше, развеяв наших воинов подобно урагану. После этой битвы контроль мы утеряли над Джо'ольским пандратом, который ранее был буфером меж нами и степными дикарями. От всадников гуура в стране союзной бывшей стало тесно, и сам пандр Джо'ола поклялся в верности гууру — да ничего другого сделать и не мог он. С тех пор Джо'ол формально независимым считался, но пандр его искал защиты не у Кира, как то было в прошлом, а у гуура подлого.

— Если б царь наш был в своем уме... — сказал кто-то из задних рядов, но выступление было подавлено в зародыше.

— Я не потерплю неуважения к дому царскому, — строго сказал Кордак'. — И хоть я тоже сознаю трагедию его Величества несчастья, не забываю я, что трону — а не сидящему на нем — обязаны хранить мы верность. Однако, продолжаю. Стех пор гуур могучий распространял тлетворное влияние свое, подмяв Дхаукию и Сурию и присоединив их к растущей вширь империи своей. Всадники его победоносные знамена пронесли до каменистых гор Мадкика, до болот у озера Кхааст и даже в неизведанные земли Гхоббеджа и Йерамиса — которые доселе лишь на карте письмена были и населялись безглавыми людьми и сказочными монстрами. — Почему, могли бы спросить вы, не раздавил Балхиб он прежде, чем в даль отправиться такую? Потому лишь, что, хоть и потускнела слава наша, и сами мы не те уже, что были, но все же и до наших дней остались мы воинственной расой — сталью, которую ковал джунгавский молот на наковальне всех других племен Варасто, для которых столетия все эти служили мы щитом от варваров степных. И хотя гуур разбил нас под Таджрошем, он сам при этом пострадал немало, и не хватило сил ему границу перейти и вторгнуться в балхибские пределы.

— Теперь же, подчинив себе столь много наций разных, готов сей варвар вновь испытать судьбу и с нами встретиться в прямом противоборстве. Его войска вошли в Джо'ол, не встретив никакой помехи. В любой момент мы можем ждать вестей о том, что вторгся он и к нам. Разведчики доносят, что многочислен враг, как морской песок, и стрелами затмить способен лик Рок'ира, что реки выпивают досуха кваатские солдаты. Помимо кавалерии гуура, в состав орды вошла сурийская пехота, драгуны из Дхаукии и лучники Мадкика, а также люди фантастических племен неведомо откуда, из земель, неслыханных доселе среди Варасто. Молва доносит также вести о странных боевых машинах, подобных коим не видывали ранее на Кришне.

— Зачем я говорю все это вам — чтоб напугать вас? Нет. Мы тоже не последнее в военном смысле государство, и не стоит лишний раз перечислять успехи славные балхибского оружия. (Тем не менее, Кордак все-таки выдал длинный список бывших побед, приводить который здесь нет надобности.)

— Но сильны мы не одною лишь отвагой героев наших славных — врагу мы приготовили сюрприз. Почувствует на собственной он шкуре всю мощь оружия нового, которое рассеять может биштаров диких стадо целое! И оно готово быть должно к учению пятничному — то есть через трое суток. Готовы будьте сами к этому.

— И еще одно, мои цыплята. Рота Джуру в занидской гвардии известна пестротой облачения. Винить вас в том не буду — разнообразие облиций сам смысл военной формы под

сомнение ставит. Однако же, хоть что-то сделать надо — иначе, оказавшись в гуще битвы жаркой, врага вы отличить не сможете от друга, а, главное, друзья вас отличить не смогут от врагов и навлекут на вас бесславную гибель, как то случилось с сэром Жиджурешем из легенды старой.

— Я поискал на складах арсенала и нашел запас немалый вот этих древних шлемов. Они попорчены, конечно, коварной ржавчиной и носят боевые шрамы сражений дней былых, но оружейники отчистить постарались их, насколько то возможно, и выправить помятые места. Главнейшее ж достоинство их в том, что схожи все они и потому служить способны знаком героев Джуру — а также защищать вам черепа.

— И добавлю, что форма роты Джуру по уставу — как все вы знать должны бы — туника красная, с нашитою на правом рукаве полоской белой, а не те лохмотья, что в дежурства вы напялить норовите. Так что, если у кого найдется что похожее, пускай оденет. Покрой неважен, была б одежда красной. И пусть сестра иль джагайни пришьет полоску. И это не какая-то дурная прихоть командира-солдафона — ваши жизни, может статься, зависеть будут от того, насколько вы серьезно отнесетесь к вопросу этому.

— А теперь постройтесь для примерки и раздачи шлемов древних сих и их носите с такой же честью, с какой герои славные былых времен их одевали!

Стоя в очереди за шлемом, Феллон размышлял о том, что этим утром Кордак поступил не очень осторожно, поделившись с ним секретными сведениями. Ему также пришло в голову, что было бы довольно пикантно, если бы он, Энтони Феллон, был убит благодаря информации, проданной им же противной стороне.

По пути домой Феллон соблазнился и заглянул к Савейчу, где и провел несколько часов, выпивая и болтая с приятелями. Поэтому на следующее утро он опять проснулся поздно и заторопился в «Земной» за Фредро.

Пока он ехал в омнибусе, он ощутил, что город подспудно бурлит. До него доносились обрывки разговоров: «...да, говорят, число биштаров у джунгавцев поболее, чем у нас, в два раза, и они умеют до паники их доводить и на врага гнать стадом...», «Сдается мне, что наши генералы совсем мозгов лишились — посылают ведь они сынов любимых наших сражаться где-то в прериях далеких. Куда логичней было б подождать врага и встретить его там, где нам привычно — на родной земле...», «Все это возбуждение и сплетни о войне лишь провоцируют кваатского гуура. Когда б вели себя спокойно мы, о нас он и подумать бы не вспомнил...», «Нет, это все ж бесславный и позорный век, мой друг. Во времена дедов отважных наших мы просто плюнули бы варвару в лицо...».

Феллон застал археолога за портативной пишущей машинкой, с помощью которой тот печатал какую-то статью на своем родном языке. Заглянув ученому мужу через плечо, Феллон обнаружил, что этот язык состоит в основном из букв «Z», «J» и «W». Подбородок и верхнюю губу археолога все еще украшали усы и козлиная бородка, которые он просто позабыл сбрить.

Феллон тормозил своего протеже до тех пор, пока тот наконец не спустился с небес, и они отправились пешком в магазин Ве'кира Исключительного. Потеряв там час, они забрали сверток с рясами и поехали домой к Феллону. Когда омнибус проезжал мимо главного занидского парка, расположенного к югу от Дворца Правосудия, на границе кварталов Габандж и Баха, Фредро схватил Феллона за руку и указал пальцем:

— Смотрите! — воскликнул он. — Зоологический сад!

— Ну и что? — сказал Феллон. — Ты что, не видел зоопарка?

— Нет! Здесь не видел! Давайте слезем, да? Мы можем посмотреть животных и заодно где-нибудь поесть.

Не дожидаясь ответа, поляк вскочил со своего места и кубарем слетел с омнибуса. Феллон неохотно последовал за ним.

Вскоре они бродили между клетками, в которых были выставлены йеки, шайханы, каруны, биштары и прочие представители кришнаитской фауны. Фредро спросил:

— Почему есть толпа? Наверное, что-то необычное?

Перед одной из клеток действительно скопилось множество кришнаитов. Полуденный зной заставил большинство из них снять шали и туники, так что на них оставались лишь набедренные повязки или юбки и обувь. Земляне направились туда. Из-за толпы им не было видно, кто сидит в клетке, но к ее прутьям была прикреплена табличка с надписью крупным шрифтом, чтобы ее можно было разобрать издали. Феллон не без труда прочел:

ЧЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ: URSO NEGRO*

Обитает: Соешфафы, Севамерик, Терра

— О! — сказал Феллон. — Его я помню. Когда его привезли еще детенышем, я написал о нем заметку для «Рашма». Это гордость Кира. Сначала он хотел привезти с Земли слона, но стоимость перевозки даже слоненка оказалась непосильной для казны.

— Но это кто?

* Urso negro - Черный медведь (лат.).

— Американский черный медведь. Если тебе хочется лезть в толпу и работать локтями, чтобы поглазеть на толстого, сонного и абсолютно обыкновенного медведя...

— Понятно, понятно. Лучше посмотрим кого-нибудь еще.

Они стояли у бассейна с аввалами и наблюдали, как плавают десятиметровые крокодило-змеи: когда хвост аввала еще двигался в одну сторону, голова уже поворачивала в другую — и в этот момент до них донеслись звуки оркестра.

Феллон огляделся и сказал:

— Хой! Поосторожней — это король. Черт возьми, совсем забыл — он же почти каждый день приходит кормить животных.

Фредро не обратил внимания на его слова, поскольку был занят извлечением из глаза соринки, занесенной ветром.

Глава XII

Королевские музыканты заиграли громче, и вскоре показалась процессия, выворачивавшая из-за угла на одну из дорожек. Впереди шли три флейтиста и барабанщик. Флейтисты дули в инструменты, устроенные наподобие шотландских волюнок, только позамысловатей, а барабанщик колотил по двум приспособлениям, напоминавшим кастрюли. За музыкантами следовало шестеро рослых гвардейцев в позолоченных кирасах: двое с выложенными костью арбалетами на плечах, двое с алебардами и двое с двуручными мечами.

Они окружали очень высокого кришнаита почтенного возраста, который опирался во время ходьбы на украшенный драгоценными камнями посох. Одет он был пышно, но очень небрежно: колпак-тюбан еле держался, у расшитой золотом туники были спутаны завязки, а сапоги принадлежали к разным парам. За гвардейцами тянулось с полдюжины штатских в развевавшихся на ветру одеждах.

Толпа кришнаитов у клетки с медведем рассосалась при первых же звуках волюнок, и теперь в пределах видимости было всего несколько горожан, каждый из которых почтительно опустил на одно колено.

Феллон дернул Фредро за рукав:

— На колено, ты, проклятый болван!

— Что? — Фредро глянул на него покрасневшим слезящимся глазом, из которого ему, наконец, удалось извлечь постороннее тело. — Я — на колено? Я гражданин П-Польской Республики, ничем не хуже...

Феллон наполовину вытащил из ножен рапиру.

— Давай на колено, старина, пока я, черт возьми, не устроил тебе кровопускание!

Фредро ворчливо подчинился. Однако, когда оркестр проходил мимо них, эксцентрично одетый высокий кришнаит сказал что-то резкое. Процессия остановилась. Король Кир взгляделся в лицо доктора Джулиана Фредро, который, в свою очередь, тоже как ни в чем не бывало разглядывал короля.

— Ага! — воскликнул вдруг король. — Безбожный это Шургец, вернувшийся смеяться надо мной! И нацепив украденную бороду мою, могу поклясться! Сейчас воздам я по заслугам беспутному нахалу!

Двигавшиеся сзади придворные тут же подступили к королю, пытаясь его успокоить. Кир, не обращая на них внимания, взялся за посох обеими руками и потянул. Оказалось, что это не посох, а замаскированный меч. Клинок выскользнул из ножен, и доур Балхиба ринулся на Фредро, целя ему в грудь.

— Беги! — крикнул Феллон, поступая соответственно и не задерживаясь, чтобы проверить, хватило ли у Фредро здравого смысла послушаться совета.

У первого поворота Феллон рискнул оглянуться. Фредро был в нескольких шагах от него. По пятам за ученым гнался Кир, за ним флейтисты, барабанщик, гвардейцы, служители зоопарка и придворные. Все кричали, давая друг другу советы, как задержать сумасшедшего короля, не совершив при этом *lese majeste**.

Феллон побежал дальше. За время своего проживания в Заниде он был в зоопарке всего два раза и не очень хорошо представлял себе его географию, поэтому, добежав до перекрестка и увидев, что дорожка, по которой он бежал, ведет дальше между двумя клетками, он не стал сворачивать.

Когда уже было поздно, он понял, что это служебная дорожка, ведущая к задним запертым дверям клеток и заканчивающаяся тупиком. Точнее, она упиралась в скалу, служившую внешней стеной для обеих клеток. Влезть по скале можно было всего на несколько метров, а дальше подъем становился слишком крутым. Даже решетка клетки, сделанная из дерева квонг, на этом уровне была всего двухметровой высоты, потому что обитатели клеток все равно не могли туда добраться.

Феллон оглянулся. Несмотря на свой почтенный возраст, Фредро почти не отстал. Король Кир как раз вбегал в проход между клетками, размахивая сверкающим клинком. Все пути к отступлению были отрезаны, и оставалось только лезть вверх.

Что Феллон и сделал, сначала удерживаясь на ногах, а потом и на четвереньках, цепляясь руками. Оказавшись на

* *lese majeste* - оскорбление величества (франц.).

крохотной площадке, на которой даже не умещались обе его ступни целиком, он посмотрел вниз. Фредро был совсем рядом, а король уже начинал восхождение, в то время как его свита только вбегала в проход. И со всех сторон сбегались оружие зрители. Феллон, конечно, мог бы сам вынуть меч и без труда отбить атаку короля, но в этом случае гвардейцы, увидев, что их полоумному монарху угрожают оружием, подстрелили бы злоумышленника без всяких колебаний — из принципиальных соображений.

Единственное, как показалось Феллону, что ему оставалось, это перелезть через ограждение в одну из клеток. Пробегая мимо, он не успел прочесть надписи на табличках, укрепленных на прутьях, а отсюда ему были видны только их обратные стороны. В правой клетке бродили две герки, хищные животные среднего размера, родственные йеки. Они могли быть опасными, когда в их дом вторгались чужаки. Обитателя — или обитателей — левой клетки видно не было: по-видимому, он прятался в пещере, которая имела в скале, служившей задней стеной.

Феллон схватился за прутья решетки левой клетки и подтянулся. Хотя годы его были уже не те, меньшая, чем на Земле, сила тяготения — плюс страх смерти — позволили ему без особого труда оседлать вершину ограда. Оттуда он протянул руку вниз Фредро, который тяжело пыхтел, но, как заметил Феллон, все еще прижимал к груди сверток с жреческими рясами. Фредро передал сверток Феллону, который сбросил его внутрь клетки. Сверток упал на почти горизонтальную площадку у основания ограда, но не удержался и соскользнул вниз.

С помощью Феллона Фредро тоже влез на ограду, и оба они слезли с другой стороны как раз в тот момент, когда появился король Кир. Вцепившись в решетку, чтобы не оступиться, доур просунул клинок между прутьями.

Но удар пришелся в пустоту — земляне уже съезжали вниз по склону.

Вслед им донеслись вопли сумасшедшего монарха:

— Назад, преступные каналы, повелеваю я вернуться и получить свое!

Свита, выделившись из толпы зрителей, полезла на скалу за своим королем. Феллон увидел, как Кира окружили, успокаивая и стараясь отвлечь, и вскоре вся компания слезла обратно и удалилась по дорожке между двумя клетками. Гвардейцы разогнали любопытных, и процессия построилась в том же порядке, что и до инцидента: впереди надрывались флейтисты и бил по своим кастрюлям барабанщик; а за ними шел король, плотно окруженный гвардейцами и придворными.

— Теперь бы только выбраться отсюда... — сказал Феллон, оглядывая скалу.

Она была слишком крутой и гладкой, чтобы они могли вылезти тем же путем, каким скатились вниз. Но немного поодаль было место, где можно было спуститься еще ниже, а оттуда уже ничего не стоило перепрыгнуть на дно клетки.

Перед клеткой собралась небольшая группа служителей зоопарка, которые, как будто, спорили, пытаясь решить, как им избавиться от непрошенных гостей, и жестикулировали с итальянской горячностью. После того, как королевская процессия скрылась из вида, возле клетки вновь начала собираться толпа зевак.

Придя в себя от непривычных усилий и немного отдышавшись, Фредро поднялся, подобрал сверток с одеждой и пошел вдоль края площадки, сказав:

— Нехорошо... Нехорошо, если это найдут, нет? — он стал дышать ровнее и немного позже спросил: — Что — э-е — означает «шургец», мистер Феллон? Король снова и снова кричал мне это слово вслед.

— Шургец — это майкардандский рыцарь, который отрезал бороду у Кира, и с тех пор наш сумасшедший король имеет пунктик относительно бород. Я совсем забыл, что эта твоя козлиная бородка может... Эй, посмотри, кто тут!

Раздался громовой рев, и земляне прижались спинами к скале. Из пещеры в дальнем конце клетки показался самый большой шан из всех, когда-либо виданных Феллоном. Он двигался пружинистым шагом, переставляя ящеринные лапы по часовой стрелке.

Фредро воскликнул:

— Ты не мог выбрать клетку побезопасней?

— Откуда мне было знать, Квондьюр тебя забери? Если бы ты побрился, как тебе было сказано...

— Он может достать сюда. Что теперь?

— Приготовься умереть, как мужчина, я полагаю, — ответил Феллон, обнажая меч.

— Но у меня нет оружия!

— Несколько неприятно, не правда ли?

Кришнаиты, столпившиеся перед клеткой, вопили и визжали, хотя и нельзя было понять, пытаются ли они отвлечь шана или, наоборот, подбадривают его. Шан не стал обращать внимания на крики, а прошел туда, где находились земляне, оперся двумя передними лапами на скалу, и его голова оказалась на одном уровне с людьми.

Феллон приготовился отразить атаку, насколько это было возможно в его неустойчивой позе. Служители зоопарка, стоявшие перед клеткой, что-то кричали ему, но он не осмелился отвести взгляд от хищника.

Клыкастая пасть раскрылась и приблизилась к ним. Феллон сделал выпад. Шан захлопнул челюсти, сдавив ими

клинок, дернул головой, и рапира вырвалась из руки Феллона, описала дугу в воздухе и упала на дно клетки. Тварь страшно зарычала. Когда шан снова открыл пасть, Феллон увидел, что клинок слегка поранил его нижнюю челюсть, с которой закапала кровь.

Чудовище отвело голову назад, раздвинуло челюсти пошире и приготовилось покончить с обидчиком — и в этот момент сверху на Феллона выплеснули ведро какой-то жидкости. Часто заморгав и отплевываясь, он услышал, как такой же процедуре был подвергнут стоявший рядом Фредро, и одновременно почувствовал страшную вонь, напоминавшую запах овечьего помета.

Шан, отдернувший от неожиданности голову, снова приблизил ее, принюхался, а затем опустил на все шесть своих лап, с отвращением фыркнув. И удалился обратно в свою пещеру.

Феллон огляделся. Над их головами двое служителей приставили к ограде лестницу, по которой влез третий служитель, поливавший из ведер Феллона и Фредро. Сейчас он как раз отдавал пустое ведро и готовился слезть на землю. Еще один кришнаит, стоявший немного поодаль, крикнул:

— Поторопитесь, господа, и выпустим мы вас через ворота. Запах этот отгонит шана лютого.

— Что это было? — спросил Феллон, спускаясь по склону.

— Сок альябы. Животное терпеть его не может, и потому мы брызгаем им на одежду, когда войти нам в клетку нужно.

Феллон подобрал свой меч и поспешил к воротам, которые уже отперли служители. Он не знал и не особенно хотел знать, что такое сок альябы, но он подумал, что их спасителям не стоило так щедро расходовать его. Сверток, который держал Фредро, промок насквозь, и кришнаитская бумага, не слишком водостойкая, уже начала расползаться.

Двое служителей, выпустившие их из клетки, прозрачно намекали, что не отказались бы от вознаграждения. Раздраженный Феллон хотел было послать их к Хишкаку и подумал, что вместо награды следовало бы подать в суд на городские власти. Но это было бы глупым и, к тому же, бесполезным жестом, потому что Балхиб еще не достиг той ступени цивилизации, на которой правительство позволяло бы своим гражданам судиться с собой. К тому же, служители действительно их спасли.

— Эти ребята просят денег, — сказал он Фредро. — Скинемся?

— Предоставьте это мне, — сказал Фредро. — Вы работаете на меня, поэтому и ответственность лежит на мне. Вопрос польской чести.

Он вручил Феллону целую горсть золотых монет, сказав, чтобы тот передал их старшему смотрителю для справедливого распределения между всеми, принимавшими участие в их спасении. Феллон, ничего не имевший против того, чтобы честь заплатить за спасательные работы досталась Польской Республике, так и сделал. Потом он сказал Фредро: — Пошли. У нас еще куча дел.

Не успели они отойти на несколько шагов, как позади раздались визгливые голоса служителей, заспоривших, кому сколько причитается. Земляне забрались в омнибус и сели порознь на первые подвернувшиеся места.

Экипаж покатила на запад по северной окраине Баха. Через некоторое время Феллон заметил, что многие места как вокруг него самого, так и вокруг Фредро освободились. Он перебрался туда, где сидел его подопечный.

С другой стороны прохода пышно одетый занидец с мечом на боку достал носовой платок, побрызгал на него духами и закрыл им нижнюю часть лица, злобно поглядывая на Феллона и Фредро поверх симпровизированного респиратора. Еще один кришнаит оглянулся с переднего сидения, чуть не свернув шею, и посмотрел на землян через лорнет. В конце концов, с места поднялся небольшой мужчина в очках. Он подошел к кондуктору и что-то сказал ему.

Кондуктор направился к землянам, фыркнул и сказал Феллону:

— Вы должны сойти, земляне.

— Почему? — спросил Феллон.

— Потому что в омнибусе невозможно находиться от вашего благоухания.

— Что он говорит? — спросил Фредро, потому что кондуктор говорил на городском диалекте и слишком быстро.

— Он говорит, что мы воняем и чтобы мы слезали с его телеги.

Фредро надул щеки.

— Скажите ему, что я польский гражданин! Я ничем не хуже его, и я не слезу...

— О, помолчи ты, ради Кварара! Пошли. Мы не станем драться с этими типами из-за твоего драгоценного польского гражданства, — Феллон встал и протянул кондуктору руку ладонью вверх.

— В чем дело? — спросил тот.

— Будь добр вернуть нам наши деньги.

— Но вы уже проехали не менее, чем дюжину кварталов...

— Фастук! — взорвался Феллон. — Я сегодня уже достаточно натерпелся от этого города. Вернешь ты деньги, или...

Кондуктор перепугался и вернул плату за проезд.

Когда они добрались до дома Феллона и вошли внутрь, Фредро спросил:

— А где ваша — э-е — джагайни?

— Она гостит у родственников, — солгал Феллон, не желая распространяться о своих домашних проблемах.

— Она очень привлекательная женщина, — сказал Фредро. — Возможно, я уже пробыл на Кришне достаточно долго, потому что зеленоватый цвет кожи кажется мне таким естественным. Очень жаль, что ее нет дома.

— Я ей передам, что ты спрашивал о ней, — сказал Феллон. — А пока давай-ка разложим наши рясы и будем надеяться, что к тому времени, как нам будет нужно их одевать, вонь выветрится.

Вздохнув, Фредро стал разворачивать раскисшую бумагу.

— Я вдовец уже тридцать четыре года, — сказал он. — Имею много потомков — детей, внуков и так далее до шестого колена.

— Я тебе завидую, Фредро, — искренне сказал Феллон.

— Но женщины у меня нет. Мистер Феллон, скажите, каким образом землянин может завести джагайни в Балхибе?

Феллон глянул на собеседника с саркастичной улыбкой:

— Таким же образом, как женщину на Земле. Нужно пойти и спросить, согласна ли она.

— Спасибо. Надеюсь, вы понимаете, что я интересуюсь этим исключительно с научной точки зрения.

— Не знаю уж, какая еще может быть в твоём возрасте.

Остаток дня они провели, репетируя Ритуал и практикуясь в скользкой походке йештитских жрецов. Ужинать они отправились к Савейчу.

Когда они вернулись оттуда, Феллон безжалостно сбрил бородку и усы Фредро, не обращая внимания на его протесты. Припорошив лица зеленой пудрой, они добились нужного оттенка, напоминавшего ликер шартрез. Потом они перекрасили в зеленый цвет волосы и приклеили фальшивые уши и антенны, которыми их снабдил Мджипа.

В последнюю очередь они напялили черно-пурпурные рясы йештитских священнослужителей поверх обычной одежды. Капюшоны они оставили откинутыми, а полы подоткнули под пояса так, чтобы они свисали не ниже колена. Поверх всего они одели широкие занидские плащи — Феллон свой новый, а Фредро латаный, который Феллон собирался выбросить.

Завершив свой туалет, они отправились в Сафк. Добирались они туда пешком, и вскоре увидели, как на фоне темнеющего неба показалась верхушка гигантского конического сооружения.

Феллон спросил:

— Ты уверен, что действительно хочешь туда? Еще не поздно отказаться, знаешь ли.

— Уверен, конечно. Сколько... есть входов?

— Всего один, насколько я знаю. Возможно, имеется еще подземный ход из часовни в Баха, но нам от него никакого проку. Запомни: сначала просто проходим мимо, чтобы разведать, что и как. По-моему, там у них должен быть стол у двери, где нужно показаться привратнику, но наши рясы должны послужить вместо пропуска. Дождемся, пока никто не будет смотреть в нашу сторону, зайдем за доску с объявлениями и снимем плащи.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо сказал Фредро.

— Можно подумать, тебе не терпится, чтоб тебе поскорей персрезали глотку.

— Когда я думаю о тайнах, которые лежат внутри и ждут, чтобы я их раскрыл, опасности для меня не существуют.

Феллон фыркнул, одаривая Фредро тем презрительным взглядом, который приберегал для незадачливых идеалистов.

Фредро продолжил:

— Вы думаете, я ненормальный кретин, да? Но знаете, мистер консул Мджиба кое-что рассказал мне о вас. Он сказал, что вы такой же, как я, когда речь заходит о возвращении на тот остров, где вы были королем.

Феллон признал про себя, что сравнение было не так уж натянуто. Но поскольку они уже входили в окружавший Сафк парк, у него не было времени на сравнительный анализ мотивов их поведения.

Понизив голос, Фредро продолжал:

— Кришна — это археологический рай. Древнейшим ее развалинам и находящимся под землей объектам по меньшей мере тридцать или сорок тысяч земных лет — в восемь или десять раз больше продолжительности писаной земной истории. В то же время, все это богатство лежит без дела и в полном беспорядке, имсются огромные неисследованные области, поскольку сами кришнаиты никогда не занимались археологией серьезно. Если захотеть, здесь можно стать Шлиманом, Шамполионом и Карнарвоном в одном лице...

— Тс-с, мы подходим.

Вход в Сафк был освещен колеблющимся от ветра пламенем костров, разведенных в двух железных решетках по обе стороны от огромных ворот. То туда, то обратно через ворота проходили верующие — как священнослужители, так и миряне. Звучала балхибская речь, и хлопали на ветру фиолетово-черные рясы.

Когда они приблизились к входу, Феллон сумел заглянуть внутрь поверх голов спящих туда-сюда кришнаитов. За воротами было светло от множества свечей и масляных светильников. Иногда толпа немного редела, и тогда можно было разглядеть стол, за которым сидел жрец-привратник, сверявший имена входивших с каким-то списком.

С тех пор, как на Кришну проникла техника фотографии, жрецы Йешта стали снабжать самых верных своих последователей пропусками-удостоверениями с небольшими фотокарточками владельцев. Человек пятнадцать-двадцать мирян стояли в очереди, которая протянулась от стола, через ворота и вниз по трем высоким ступенькам прямо на улицу. Все были с пропусками.

Феллон занял позицию у самого портала, наблюдая и прислушиваясь. Он испытывал облегчение, обнаружив, что, как он и надеялся, жрецы протискивались сквозь пробку у входа, не удосуживаясь остановиться у стола. По-видимому, одеть жреческую рясу, не имея на то права, было настолько неслыханным святотатством, что против этого даже не принимались никакие специальные меры предосторожности.

Никто не обратил внимания на Феллона и Фредро, когда они подошли к доске с объявлениями и сделали вид, что читают их. Еще через минуту они уже вышли из-за доски в полном облачении жрецов Йешта третьего класса. Свои плащи они свернули и оставили в тени за доской. Их лица были скрыты капюшонами.

Феллон двинулся к воротам, чувствуя, как его сердце забилось чаще. Миряне почтительно уступали ему дорогу, так что толкаться ему не приходилось. Фредро шел за ним почти вплотную и иногда даже наступал на стоптанные каблучки сапог Феллона.

Они прошли в иссеченные древними шрамами огромные бронзовые ворота.

Откуда-то слева перед ними выступала перегородка, и между ней и столом привратника оставался совсем узкий проход. У перегородки стояли двое часовых в форме гражданской гвардии. Они опирались на алебарды и всматривались в лица входивших. Чуть впереди Феллона и Фредро развевалась ряса жреца, который приостановился между стражниками и столом привратника и пробормотал, как показалось Феллону, что-то наподобие «гукквал».

Феллон опустил голову, заколебавшись перед самым проходом. Откуда-то донесся звук гонга. Толпа у входа нетерпеливо зашевелилась, стараясь, впрочем, соблюдать почтительную тишину. Феллон решил, что гонг был сигналом поторопиться к началу службы.

Он шагнул вперед, пробормотав: «Rukkvall!», но нащупал при этом под рясой рукоять рапиры.

Жрец за столом даже не поднял головы, когда Феллон и Фредро проходили мимо, потому что говорил о чем-то вполголоса с очередным мирянином. Феллон не решился посмотреть на стражников, опасаясь, что даже в искусственном свете они смогут различить земные черты его лица. И тут его сердце перестало биться, когда один из гвардейцев рывкнул:

— Со'й! Со'й хао!

Мозг Феллона был настолько парализован, что ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что часовой просто торопит кого-то. Феллон не стал задерживаться, чтобы выяснить, обращался ли гвардеец к нему и Фредро, или к жрецу за столом и мирянину, а рванулся вперед. Вслед за ними устремились другие жрецы.

Феллон позволил общему потоку нести себя. Оказавшись внутри Сафка, он стал слышать непонятный звук, который уже слышал четыре ночи назад, когда обследовал здание снаружи. Внутри звук был значительно громче, а также казался более сложным и загадочным, чем помнилось Феллону. Сейчас он различал не только размеренные гулкие удары, но и более частый стук — как будто кто-то работал молотком — а также визг и скрежет не то напильников, не то пил.

Поток кришнаитов двигался вдоль задней стены главного храмового зала, который был частью Сафка или был встроен в него, и который был представлен большим помещением на плане Кордак'а. Осторожно выглянув из-под капюшона и посмотрев влево, Феллон разобрал ряды церковных скамей — они были составлены в три больших блока и наполовину заполнены верующими. Оказавшись напротив одного из проходов между скамьями, он увидел, что за ними находилось ограждение, отделявшее мирян от священнослужителей. Немного левее центра за перегородкой возвышалась кафедра: цилиндрическое блестящее сооружение, по-видимому, из серебра. Прямо по центру и в глубине стояло что-то темное неопределенной формы. Это должна была быть статуя Йешта, изваять которую специально приезжал в Занид Панджаку Гхумендский, сам йештитского вероисповедания, если верить статье в «Рашме».

Свет ламп и свечей отражался от позолоты украшений и заставлял блеснуть полудрагоценные камни, вделанные в мозаичные панно, которые шли вдоль верхней части стены по всему периметру зала. Оттуда, где находился Феллон, нельзя было как следует разобрать, что изображено на мозаиках, но ему показалось, что это последовательные

иллюстрации мифа о Йеште — мифа, который слыл гротескным даже среди склонных к преувеличениям кришнаитов.

Поток входивших рассортировывался на небольшой площадке, расположенной за последним рядом скамей. Миряне просачивались в проходы, чтобы занять свои места, а жрецы, которых было гораздо меньше, шли дальше к двери, которая находилась в другом конце помещения.

Судя по тому, что говорил Феллону Лийара, там должна была находиться ризница, где жрецы облачались в дополнительные одеяния, которые полагалось носить только во время церемоний. Для жрецов низших классов, включая третий, это были лишь колпаки — особо пышные регалии предназначались исключительно для высших иерархов: начиная с пятого класса.

Оглянувшись, чтобы убедиться, что Фредро никуда не потерялся, Феллон направился к этой двери и вошел в нее. Оказавшись за ней, он обнаружил совсем не то, что ожидал увидеть в этой комнате, изображенной на плане Кордак'а ничем не примечательным квадратиком.

Комната была среднего размера и плохо освещена, и на другом ее конце была еще одна дверь, к которой и спешили остальные жрецы. Вдруг слева что-то звякнуло, и Феллон повернул туда голову и замер. То, что он увидел, было настолько неожиданно, что он попятился, отдавив ногу следовавшему за ним Фредро. Тот ойкнул от боли.

В левую стену комнаты было вделано кольцо, а к нему прикреплена цепь, которая заканчивалась металлическим обручем, одетым на змеиную шею шана. Животное было не так велико, как те экземпляры, с которыми Феллон имел дело у Кастамбанга и в зоопарке, но и этому ничего не стоило слопать человека в несколько приемов.

Голова твари сейчас лежала на передней паре ее шести лап, снабженных острыми когтями. Огромные глаза оглядели Феллона и его спутника, до которых было не больше двух метров. Ничто не могло помешать твари растерзать их.

Поддав готовое вырваться восклицание, Феллон взял себя в руки и продолжил движение, надеясь, что никто не заметил его промаха. Он вспомнил о душе из сока альябы, под которым они с Фредро сполоснулись днем в зоопарке. Не приходилось сомневаться в том, что хотя бы по этой причине — если не было еще какой-нибудь — шан не станет набрасываться на них. А может быть, все жрецы брызгали этой гадостью на свои рясы, и лишенные запаха злоумышленники, даже замаскированные — как Феллон и Фредро — становились добычей шана? Феллон не смог определить, пахнет ли от настоящих жрецов альябой, потому

что сам был насквозь пропитан этим запахом, но если это действительно было так, значит им крупно повезло, когда их так щедро окатили в зоопарке.

Шан проследил за ними глазами, но даже не оторвал головы от лап. Феллон, не мешкая, прошел в следующую дверь.

За ней оказался коридор, который плавно изгибался, повторяя очертания внешнего контура здания. Окон тут не было, и хотя джадеит являлся до какой-то степени прозрачным материалом, стены башни были слишком толсты, чтобы пропускать свет извне, и поэтому через определенные промежутки в специальных стенных гнездах были укреплены светильники. С левой стороны коридора шла внутренняя стена, прерывавшаяся частыми дверными проемами. Ее изгиб ограничивал обзор, но Феллон знал по схеме, что впереди должна быть лестница, ведущая вверх, и еще одна — вниз.

Сразу же влево ответвлялся широкий коридор или, скорее, удлиненный зал, в котором было полно жрецов. Они толпились у прилавка, на котором были свалены сблечения, выбирали себе подходящие, одевали их и смотрелись в зеркала, установленные на противоположной стене. Хотя в зале и не царила полная тишина, Феллон отметил, что это была очень сдержанная и немногословная толпа — для кришнаитов.

Следуя указаниям Лийары, Феллон направился к прилавку, демонстрируя при этом куда большую уверенность, чем на самом деле испытывал, и прошел к тому месту, где лежали красные колпаки, служившие отличительным знаком жрецов Йешта третьего класса. Он взял два колпака, передал один из них Фредро, а другой примерил перед зеркалом.

Не успел он как следует нацепить колпак, как дважды прозвучал гонг. Засуетившись и наспех поправляя одеяния, жрецы выстроились в две шеренги вдоль стены с зеркалами. Феллон потащил Фредро, который никак не мог справиться с завязками, к первому попавшемуся свободному месту в рядах жрецов третьего класса. Их класс стоял за четвертым — в синих колпаках — и предшествовал второму — в желтых. На их счастье, порядок внутри классов, как будто, не был жестко регламентирован.

Феллон и Фредро стояли бок обок, низко склонив головы, чтобы не было видно их лиц. Трижды прозвучал гонг. Зашаркали многочисленные ноги. Краем глаза Феллон заметил, как мимо них торопливо прошла разнородная группа кришнаитов. Один из них нес свисавшее с цепи кадило, из которого вырывались клубы пахучего дыма. Запах был такой сильный, что забизал и альябу, и мощный запах пота,

стоявший в зале. У другого кришнаита было что-то вроде арфы, а у третьего маленький медный гонг. Еще несколько человек были нагружены золотым шитьем, украшениями и резными посохами с культовыми изображениями на набалдашниках.

Феллон не удержался и взрогнул при виде следующей проходившей мимо группы: двое жрецов тащили за собой обнаженную кришнаитку. Ее руки были связаны за спиной, а на шее был застегнут металлический обруч, от которого тянулись цепи к конвоирам.

Хотя в зале было не слишком светло, и Феллон не очень хорошо разглядел женщину, ему показалось, что это была низкорослая, бледнокожая и короткохвостая обитательница колоссального лесного массива, расположенного к востоку от Катай-Джогораи, за Тройным Морем. Западные кришнаиты мало что знали об этих отдаленных районах, если не считать того, что лесные племена издавна служили основным источником рабской силы для народов Варасто. Потому что из самих Варасто рабы получались неважные: они были слишком воинственны и нередко убивали хозяев — даже ценой собственной жизни.

Поэтому кротких и пугливых лесных людей из Джеги и Ауруса все еще продолжали похищать для продажи в западных портах Тройного Моря, хотя после уничтожения сункварских пиратов эта торговля сильно сократилась.

Феллон не успел подумать о том, что собирались делать с лесной женщиной йештиты, потому что снова прозвучал гонг, и последние и самые важные из собравшихся жрецов заняли свои места во главе колонны. Арфист и кришнаит с гонгом принялись производить музыкальный шум. Людская масса потекла вперед чинным, неторопливым ручейком, как будто и не было сумасшедшей спешки последних минут перед началом церемонии. Маршируя, жрецы затянули жутковатый заунывный гимн, слов которого Феллон не понимал, потому что пели на варастоу — мертвом языке, от которого произошли балхибу, гоцаштандский, квирибу и все прочие языки народов Варасто, населявших Трехморье.

Глава XIV

Издавая заунывный вой, жрецы прошествовали по ризнице и вышли в дверь, ведущую непосредственно в храм. Предводительствуемые иерархами и музыкантами, они спустились по правому проходу за скамьи с верующими, прошли за ними и вернулись по левому проходу обратно к алтарю. По пути Феллон окинул взглядом храмовые

украшения: богатые, древние и на редкость вычурные. Мотив раковины сафка, являясь главным символом бога, которому был посвящен храм, повторялся в бесчисленных вариациях. Одну из резных колонн окружали леса — жрецы кое-где обновляли позолоту.

Верхняя треть стен по всему периметру зала была покрыта мозаиками, иллюстрировавшими мифы о Йеште. Благодаря рассказу Лийары, Феллон представлял в общих чертах, что означают изображения. В пантеоне Варасто Йешт изначально был богом земли, позаимствованным варварами у Калвмской империи после ее падения. Однако, в течении нескольких последних столетий в Балхибе — как в культе Йешта, так и в культе Бакха, бога неба Варасто — развились генотеистические* тенденции, и жрецы обоих богов вступили в борьбу за религиозную монополию вместо того, чтобы жить и давать жить другим, как в старые добрые времена балхибского политеизма. К текущему моменту перевес был, как будто, на стороне бакхитов, которым удалось заполучить в качестве почитателей своего бога королевскую династию и которые утверждали, что Йешт вовсе не бог, а чудовишный демон, которому поклонялись, исполняя мерзкие обряды, расы хвостатых людей, населявших земли Трехморья до того, как много тысяч лет назад его освоили бесхвостые племена.

В противовес этому, канонические мифы о Йеште утверждали, что во времена пре-калвмского королевства Руакх этот бог воплотился в смертном человеке по имени Кхарадж и в этом обличье впервые донес свое учение до кришнаитов.

Йешт-Кхарадж побеждал чудовищ и демонов, изгонял злых духов и воскрешал мертвых. Некоторые из его приключений представлялись непосвященным сюрреалистически бессмысленными, но для увидевших истину они, несомненно, были исполнены глубокой символики.

Однажды Йешт-Кхарадж был захвачен в плен любвеобильной злой богиней — или демоном женского пола — и отпрыск этого противоестественного союза стал легендарным королем Руакха Майандом Отвратительным. После долгой и запутанной борьбы между богом и его сыном-полудемоном Йешт-Кхарадж был арестован солдатами короля и подвергнут изощренным и мучительным пыткам. В конце

* генотеизм - религиозное мировоззрение, понимающее бога как абсолютную личность, находящуюся вне мира, но создавшую его и воздействующую на него. Естественным следствием такой установки является признание единственности бога, то есть монотеизм.

концов ему все-таки было позволено умереть. Люди короля похоронили останки бога, но на следующий день на месте погребения возник вулкан, уничтоживший и короля, и его город.

На мозаиках все эти события были отражены очень подробно, реалистично и откровенно. Феллон услышал, как, глядя на них, Фредро тихонько присвистнул. Чтобы пресечь это, Феллон с силой наступил ему на ногу.

Процессия прошла за ограждение, отделявшее скамьи от алтарного алькова, и там разбилась на группы. Феллон последовал за остальными жрецами третьего класса и втиснулся в последний ряд их формации, надеясь, что там будет привлекать меньше внимания. Он оказался слева от алтаря, если стоять к нему лицом, и высокая цилиндрическая серебряная кафедра сильно ограничила его поле зрения.

Немного сзади и тоже слева от него высилась огромная статуя Йешта. Бог стоял на четырех ногах, выполненных в виде древесных стволов, его голову венчала гора, на одной из шести протянутых рук лежал город, на другой — лес. Остальные руки также были заняты различными предметами: одна сжимала меч, однако назначение остальных объектов распознать было не так просто.

Из-за кафедры было видно, что сразу за ней, между статуей и скамьями, находится низкий алтарь. И Феллон был несколько шокирован, увидев, как иерархи располагают на нем лесную женщину, уложив ее навзничь и приковав за руки и за ноги золотыми кандалами.

Рядом с алтарем, как заметил Феллон, стоял жрец, лицо которого скрывал одетый на голову черный матерчатый мешок с прорезями для глаз. Этот здоровяк раскладывал поудобней и накалял на огне набор инструментов, назначение которых было очевидно.

Феллон услышал, как Фредро с отвращением и ужасом шепчет ему:

— Делать будут пытки?

Феллон слегка приподнял плечи. Заунывный вой прекратился, и очень пышно одетый иерарх полез по ступенькам на кафедру. Не очень далеко от Феллона кто-то прошептал:

— Что случилось со жрецами третьего класса? Они стоят так плотно, что подумать можно, будто у них там лишний человек.

На нарушителя тишины зашипели, тот испуганно умолк, и слово взял главный иерарх.

Начало службы не слишком отличалось от церемоний большинства земных религий: молитвы на варастоу, пение гимнов, проповедь и так далее. Феллон нервничал, переминался

с ноги на ногу и старался не чесаться. Когда наступало временное затишье, были слышны негромкие жалобные стоны и плач лесной женщины. Иерархи кланялись друг другу и статуе и передавали из рук в руки священные предметы.

Наконец, главный иерарх снова влез на кафедру. Публика напряженно молчала, и чувствовалось, что вот-вот должна наступить кульминация.

Иерарх заговорил на современном балхибу:

— Слушайте, дети мои, историю бога Йешта и узнайте, как был он человеком. И наблюдайте, как разыграем мы повествование наше в лицах, чтобы всегда вы помнили печальные события эти, и образ их навек запечатлелся в вашей печени.

— Случилось это на берегу реки Зигрос, где юноша по имени Кхарадж играл с друзьями и товарищами. И снизошел бог Йешт, и овладел он телом юноши. И когда дух Йешта вселился в юношу, заговорил бог его устами и сказал так: «О, друзья мои и товарищи, слушайте и повинуйтесь. Потому что не юноша я боле, но бог, и несу вам слово божие и волю...»

Повествование шло своим чередом, а остальные иерархи разыгрывали пантомиму, иллюстрировавшую деяния Йешта-Кхараджа. Верховный жрец рассказал о том, как один из юношей отказался слушать слово Йешта и стал насмехаться над Кхараджем, и тогда бог указал на него пальцем, и скептик упал замертво. Когда рассказчик дошел до этого места, один из жрецов в крикливо ярком одеянии повалился на пол с очень натуральным стуком.

Пантомима продолжалась, и через некоторое время актеры воспользовались помощью лесной женщины, не испрашивая, правда, ее согласия. Ей пришлось сыграть роль бога, когда описывалась его ужасающая смерть от пыток. Глаза кришнаитов — как жрецов, так и мирян — на всем протяжении этого пикантного спектакля жадно блестели. Феллон был вынужден отвести взгляд, а стоявший рядом с ним Фредро непрерывно бормотал какие-то славянские ругательства.

Энтони Феллон не был человеком высоких моральных принципов. Тем не менее, хоть его приключения и приносили зачастую немало несчастий, а то и смерть окружающим, на его совести не было актов бессмысленной жестокости. В целом кришнаиты ему нравились — за исключением этой их садистской жилки, которая обычно никак не проявлялась, но всегда присутствовала и иногда проступала, как, например, сейчас, во время церемониальных пыток.

И хотя Феллон пытался сохранить внутренний циничный настрой, это ему плохо удавалось: он скрежетал зубами, а его

ногти с силой впивались в ладони. В этот момент он с удовольствием выполнил бы пожелание несносного Вагнера и взорвал бы Сафк вместе со всеми, кто в нем находился. Может быть, пропавшие земляне Мджины тоже кончили на этом окровавленном камне? Феллон не слишком жаловал обе конкурирующие религии и потому не верил обвинениям бакхитов в адрес йештитов, объясняя взаимные козни коммерческим соперничеством за души паствы. Но, как выяснилось, бакхиты знали, что говорили.

— Спокойно, — шепнул он Фредро. — Нам полагается наслаждаться этим.

Верховный жрец подал знак к началу очередного гимна, под пение которого собирались пожертвования. Потом, после многочисленных молитв и благословений главный иерарх слез с кафедры и возглавил шествие жрецов обратно в ризницу. Процессия возвращалась старым маршрутом, и пока Феллон и Фредро шли до двери из храмового зала, сзади до них доносилось шарканье ног и звон монет — на выходе прихожанам снова приходилось раскошелиться. За дверью Феллон, подражая настоящим жрецам, небрежно бросил свой колпак на прилавок и вышел вместе с Фредро, так еще до конца и не оправившись от потрясения.

Непонятные звуки, которые до этого заглушались пением гимнов и криками лесной женщины, теперь снова были хорошо слышны. Настоящие жрецы либо беседовали, собравшись небольшими группами, либо расходились по своим делам. Феллон толкнул Фредро под локоть и кивнул в сторону коридора, который шел параллельно внешней стене здания.

Они пошли вдоль плавно закрученной спирали. Двери, выходившие в коридор, были снабжены какими-то табличками с надписями, увидев которые, Фредро страшно возбудился.

— Может быть, они на пре-калвмских языках, — прошептал он. — Некоторые я мог бы расшифровать. Надо остановиться и скопировать...

— Только не сегодня! — прошипел Феллон. — Ты можешь себе представить, что подумают эти ребята, если застанут тебя за подобным занятием? Если нас поймают, нас используют во время следующего Великого Ритуала.

Некоторые из дверей слева были открыты, и было видно, что за ними находятся архивы, кладовые и прочие помещения, так или иначе имеющие отношение к отпращиванию культа. Из-за одной из дверей просачивались кухонные запахи.

Заглянув в несколько комнат, Феллон пришел к выводу, что все стены в здании были огромной толщины, так что помещения и коридоры походили скорее на ходы,

продолбленные в монолитной скале, чем на обычные комнаты, разделенные перегородками.

Никто не пытался остановить землян и не заговаривал с ними, и они без помех обогнули огромный храмовый зал и подошли к лестнице, которую искал Феллон. Непонятные звуки раздавались здесь громче. Сама лестница перегораживала коридор не полностью, оставляя узкий проход слева, а вверх и вниз по ней сновали жрецы. Феллон резво зашагал по ступенькам на следующий этаж. Здесь, как выяснилось, располагались жилые и спальные помещения иерархов. Земляне побродили по этажу, но недолго. В комнате для отдыха Феллон обнаружил старого кришнаита и узнал в нем верховного жреца. Тот уже сменил свое пышное одеяние на будничную черную рясу и сидел в кресле, покуривая толстую сигару и читая спортивную страницу «Рашма». Загадочные звуки на этом этаже, как будто, были слышны хуже.

Феллон повел Фредро обратно вниз по лестнице, и они двинулись дальше по коридору. Пройдя всего несколько метров, они обнаружили, что под лестницей на второй этаж имелась еще одна, которая вела вниз. По крайней мере так решил Феллон, потому что лестничная площадка была отделена от коридора массивной железной дверью, перед которой стоял кришнаит в форме гражданской гвардии Занида, вооруженный алебардой.

И Энтони Феллон узнал в нем Гирея — йештита, которого за два дня до этого арестовывал за нарушение общественного спокойствия.

Глава XV

Секунды три Феллон безмолвно смотрел на вооруженного гвардейца. Потом инстинкт игрока, который так часто приводил его к блистательным успехам — как, впрочем, и к сокрушительным поражениям — заставил его подойти к стражнику и сказать:

— Привет, Гирей.

— Здравствуйте, ваше священство, — ответил Гирей с ноткой неуверенности в голосе.

Феллон поднял голову повыше, чтобы из-под капюшона было видно его лицо.

— Я пришел получить причитающийся с тебя должок.

Гирей взгляделся в лицо Феллона и потер подбородок.

— Я... я должен знать вас, господин. Ваше лицо знакомо мне: готов поклясться я мужскою силой Йешта, что видел раньше вас, но...

— Помнишь землянина, который не дал кришнаитскому ученому прикончить тебя?

— О! То есть, в действительности вы не...

— Ты угадал. Только не выдавай нас никому, ладно?

Стражник немного опешил.

— Но как... Что... Это же святотатство! Мне же...

— А, брось ты! Ты же не против того, чтобы сыграть шутку с этими напыщенными иерархами, верно ведь?

— Шутку? В священном храме?

— Естественно. Я заключил пари на тысячу кардов, что побываю в подвале Сафка и выберусь обратно невредимым. Естественно, мне понадобится свидетель, готовый подтвердить, что я действительно там побывал — поэтому десятая часть суммы пойдет тебе, если ты скажешь, что видел меня здесь.

— Но...

— Что «но»? Я же не прошу тебя сделать что-то во вред религии. Я даже не предлагаю тебе взятку. Просто честную плату за то, чтобы рассказать правду, когда потребуется. Что в этом плохого?

— Но, благородные господа... — начал Гирей.

— И тебе никогда не хотелось, чтобы у этих надутых иерархов поубавилось спеси? Йешт, конечно, великий бог, но служат ему такие же люди, как мы, разве не так?

— Так, наверное...

— И разве ты не обещал помочь мне, когда я об этом попрошу?

Переговоры продолжались еще некоторое время, но мало кто — будь то кришнаит или землянин — был способен устоять перед аргументами Феллона, когда тот действительно вкладывал в них душу.

В конце концов, когда Феллон поднял ставку до четверти причитавшейся ему суммы, сбитый с толку Гирей сдался и сказал:

— Сейчас конец четырнадцатого часа, господа. Возвращайтесь не позднее конца пятнадцатого, ибо сменюсь я после этого. Когда ж не явитесь, придется вам до завтра ждать, когда я вновь на пост вступлю после полудня.

— И часто ты выстаиваешь десятичасовые вахты? — спросил Феллон, сочувственно приподнимая бровь. Поскольку кришнаиты делили свой день на двадцать часов, первый из которых начинался с рассветом (точнее, посередине между полночью и полуднем), десятичасовая кришнаитская вахта продолжалась более двенадцати земных часов.

— Нет, лишь ночные столь длинны, — сказал Гирей. — Бывают же они через четыре дня на пятый, а завтра я стою с шестого по десятый час.

— Ладно, мы не забудем, — сказал Феллон.

Кришнаит прислонил алебарду к стене, чтобы отпереть дверь. Эта дверь, как и многие другие на Кришне, была снабжена примитивным замковым механизмом, состоявшим из скользящих засовов, имевшихся с обеих сторон, и больших замочных скважин над ними. Ключ, просунутый с одной стороны, мог открывать засов на противоположной. Сейчас ближний засов был задвинут, а дальний отперт, но из замочной скважины торчал большой ключ, которым его можно было сдвигать.

Гирей взялся за щеколду ближнего засова и выдернул ее из гнезда в дверной раме, потом потянул за бронзовую ручку. Дверь открылась, слегка скрипнув.

Феллон и Фредро проскользнули внутрь. Дверь с лязгом закрылась за ними.

Феллон заметил, что загадочные звуки были тут намного громче, как будто их источник находился где-то совсем рядом. Теперь уже можно было определить, что это шум кузнечной или слесарной мастерской. Феллон повел своего подопечного вниз по полутемной лестнице, которая вела в подвал. Шагая по ступенькам, он гадал, удастся ли им выбраться отсюда.

Фредро шепотом спросил:

— Что, если он выдаст нас жрецам?

— Меня тоже очень интересует ответ на этот вопрос, — сказал Феллон. — Но до сих пор счастье нам улыбалось.

— Может быть, мне не стоило настаивать на том, чтобы идти сюда. Плохое место.

— Ну и время ты выбрал, чтобы передумывать! Выпрямись-ка лучше и иди так, будто ты тут хозяин — может, еще и выкрутимся, — Феллон закашлялся, набрав в легкие задымленного воздуха.

У подножия лестницы начинался коридор с низким потолком и стенами, сложенными из грубо отесанных камней. С обеих сторон в него выходили многочисленные комнаты и ходы, из которых и доносились металлические звуки. Помимо желтого света от масляных светильников на стенах, лабиринт был освещен кроваво-красными отблесками, вырывававшимися из кузнечных и литейных печей, и сетка скрещивающихся алых лучей придавала ему жуткий вид, делая похожим на предместье Ада.

В дымном полумраке двигались кришнаиты — в основном хвостатые колофтяне обоих полов. Все они были почти голые, если не считая кожаных фартуков, и перетаскивали различные инструменты, ведра с водой и прочие тяжести, или же были заняты еще какой-то работой. Между ними прохаживались надсмотрщики.

Тут и там можно было видеть вооруженных кришнаитов в форме королевской гвардии Кира. Гражданские гвардейцы, как видно, заменили королевских лишь на менее ответственных постах. Стражи подозрительно поглядывали на проходивших мимо Феллона и Фредро, но не пытались их остановить.

По мере того, как земляне углублялись в лабиринт, в царившем вокруг них хаосе стал проступать какой-то порядок. По правую руку располагались комнаты, в которых отливали в чушки железо. Эти чушки перевозили в тачках в другие помещения, где их снова плавили и переливали в бруски поменьше, которые потом поступали к кузнецам. Кузнецы плющили бруски и выковывали из них длинные полосы, а затем отбивали и гнули их на круглых железных наковальнях и, в конце концов, заваривали получавшиеся трубы.

Проходя мимо все новых комнат, земляне постепенно начали понимать, в чем дело. Феллон угадал, какой конечный продукт здесь производят, еще до того, как они дошли до зала, который служил сборочным цехом.

— Мушкеты! — пробормотал он. — Гладкоствольные мушкеты!

Он задержался у стойки, к которой было приставлено с дюжину готовых ружей, и снял одно.

— А как стрелять? — спросил Фредро. — Я не вижу ни курка, ни замка.

— Вот это — лопатка для пороха. Его можно поджигать — наверное, зажигалкой — а через вот это отверстие воспламеняется заряд внутри. Я знал, что это рано или поздно произойдет! Это должно было случиться, еще когда я пытался провезти сюда пулеметы контрабандой. Ну, теперь МС не засунуть кота обратно в мешок!

Фредро сказал:

— Вы думаете, это сделал какой-то землянин, сумевший — э-э — обойти псевдо-гипнотическую блокаду, или же сами кришнаиты изобрели их независимо?

Феллон пожал плечами и поставил мушкет на место.

— Чертовски тяжелая штука. Я, конечно, не могу сказать наверное, но... Погоди-ка, сейчас я, по-моему, все узнаю.

Они стояли в сборочном цехе, где неподалеку от них двое работников прилаживали к стволам деревянные приклады. В другом конце зала три кришнаита обсуждали какую-то производственную проблему. двое на вид были надсмотрщиками, а третий небольшого роста и в годах. Его длинные волосы успели приобрести бледно-нефритовый оттенок, и он был одет в длинную тунику иностранного фасона.

Феллон неспешно направился в сторону совещающихся, рассчитав время подхода так, что к его моменту обсуждение

закончилось, и надсмотрщики отправились по своим делам. Феллон дотронулся до рукава длинноволосого и сказал:

— Привет, мастер Саиньян. Каким образом ты замешался в это дело?

Пожилый кришнаит повернулся к Феллону.

— Да, господин? Вы что-то спросили?

Феллон вспомнил, что Саиньян был немного туговат на ухо, кричать же о своих делах на публике Феллону совсем не хотелось.

— Давай пройдем в твой личный кабинет, если ты не против.

— О, да. Сюда, пожалуйста, господа.

Саиньян провел их по подземному лабиринту в комплекс помещений, предназначенных для сна и отдыха персонала. Мебель тут была представлена охапками соломы, на которых валялись, храпя и воняя, колофтяне, не занятые на этот момент. Тут же находились и апартаменты для чиновников и руководителей работ.

В одну из таких квартир Саиньян и привел землян. Она была обставлена без излишеств, но прилично. И хотя комната — келья? — не была украшена какими-либо произведениями искусства, здесь стояли удобные кровать и кресло, лежала на столе стопка книг. В наличии также имелся богатый запас сигар и фалатское вино.

Феллон представил ученых мужей друг другу, каждого на понятном ему языке. Потом обратился к Фредро:

— Слушай, ты все равно почти ничего не поймешь, пока мы будем разговаривать — так что, если не возражаешь, постой снаружи у двери, ладно? Предупреди нас, если кто-то будет пытаться войти.

Фредро заворчал, но вышел. Феллон закрыл за ним дверь, снял капюшон и сказал:

— Ну, узнаешь меня?

— Нет, господин, не узнаю... Постойте-ка! А вы действительно кришнаит, или же землянин? Сдается мне, последнее верней...

— Уже лучше. Вспомни Эршид четыре года назад.

— Клянусь сверхдушой вселенной! — воскликнул Саиньян. — Ты же тот землянин, Антане бад-Фалн, который был доуром Замбы!

— Ну-ну, не так громко! — попросил Феллон. Саиньян, будучи глуховат, разговаривая, имел обыкновение орать во всю глотку.

— Но что, ради всех несуществующих демонов, ты тут делаешь? — спросил он понижая голос. — Ты действительно стал жрецом Йешта? Не производил ты раньше впечатления человека, готового поддаться дурману любой религии.

— Об этом немного позже. Сначала скажи: ты в этой дыре находишься постоянно, или можешь приходить и уходить, когда вздумается?

— Ха! Значит, ты не настоящий жрец, иначе знал бы и не спрашивая.

— Гм. Ну — я и так знал, что ты неглупый малый. Но ответь на мой вопрос.

— Что касается этого, — сказал Саиньян, закуривая сигару и пододвигая коробку с ними Феллону, — я свободен, как аквобат — в одной из клеток зоопарка Кирова. Я хожу, куда вздумается — как ходит дерево в королевском саду. Короче говоря, могу я невозбранно и никого не спрашивая бродить по миникоролевству, коим является подвал Сафка. Но если бы бежать я попытался, легко бы заработал копые в живот, или же стрелу в спину.

— И ты доволен таким положением?

— Все относительно, мастер Антане. Сказать, что дымный, мрачный сей подвал мне нравится не меньше, чем блистательный эршидский двор, значило бы отступить от истины. Но и заявить, что я предпочел бы этой жизни участь тех несчастных, коих йештиты обдирают живьем и поджаривают во время своих священных церемоний, тоже было бы преувеличением. Все относительно, как видишь. Как я всегда утверждал, такие термины, как «доволен» или «нравится» не имеют абсолютного смысла. Можно лишь сказать, что что-то нравится больше или меньше, чем...

— Погоди! — Феллон неплохо знал Саиньяна бад-Сабцована и потому остановил поток его рассуждений, подняв руку. — Значит, я могу рассчитывать на то, что ты меня не выдашь?

— Ага — значит, это и впрямь какой-то фокус-маскарад, как я и предположил! Не бойся: твои дела — ничто для меня, стремящегося смотреть на мир с философским спокойствием и отвлеченностью. Хотя такие западни, как та, в которой оказался я сейчас, делают затруднительным столь достойное поведение. Если бы мне вдруг предоставилась возможность утопить этого придурка Кира в каком-нибудь подходящем омуте, боюсь, эмоции мои превозмогли бы самые возвышенные принципы...

— Да, да. Но как ты попался?

— Сначала, мастер Антане, скажи, что ты делаешь в этом проклятом заведении. Ты ведь здесь не из праздного любопытства, я полагаю?

— Мне нужна была информация, поэтому... — не вдаваясь в подробности и не объясняя, зачем ему потребовалась информация, Феллон рассказал, каким образом ему удалось проникнуть в подвал.

— Клянусь Майандом Отвратительным! Теперь я буду

верить самым диким сплетням, которые рассказывают о вас, сумасшедших землянах. У тебя, наверное, был один шанс из ста не попасться до сих пор.

— Да'ви пока не оставляла меня, — согласился Феллон.

— Вот только будет ли она столь же твердо стоять на твоей стороне на обратном пути? Мне совсем не хотелось бы увидеть твоё растерзанное тело распятым на кровавом алтаре Йешта.

— А почему они вообще совмещают священнодействие с пытками? Просто для развлечения?

— Не совсем. В наших краях в ходу древнее поверье, что если время от времени приносить жертву таким образом, чтобы несчастный или несчастная при этом обливались слезами, то небеса — по принципу симпатической магии — тоже разрыдаются и, таким образом, обеспечат хороший урожай. И с какого-то момента это суеверие стали связывать с именем бога земли Йешта. Но настоящая причина, конечно, в том, что многим нравится смотреть на страдания других — качество характера, которое, если я правильно помню земную историю, не чуждо и вам. Выпьешь бокал вина?

— Только один — и не соблазняй меня потом вторым. Если придется пробиваться наружу с боем, координация движений мне еще понадобится. А теперь давай послушаем твою историю.

Сайнян глубоко затянулся сигарой и посмотрел на ее ярко разгоревшийся кончик.

— В Эршиде до меня дошли вести, что доур Балхиба нанимает ведущих философов всего мира, выплачивая им сказочное жалование, для совместных усилий по раскрытию тайн вселенной. Будучи — как и все люди науки — простаком в практических делах, я оставил пост профессора в Имперском Лицее, добрался до Занида и поступил на службу к доуру.

— Ну так вот, Кир хоть и сумасшедший, но придумал здорово — если только это не изобретение этого пройдохи, его зятя Хабарьяна. Сам я склоняюсь к последней гипотезе, потому что Хабарьян побывал на вашей Земле и набрался там всяких экзотических идей. Эта же, конкретно, заключалась в том, чтобы собрать побольше таких же лекговерных дураков, как я, запереть нас в этих пещерах, обильно снабдить выпивкой и дамочками и объявить, что — либо мы изобретем способ покончить с кваатцами, либо сами кончим на дымящихся алтарях Йешта. Имея перед собой столь мрачную перспективу, мы трудились, не покладая рук, и за три года пота и нервов совершили то, что ранее никому на планете не удавалось.

— И что же именно вы совершили? — спросил Феллон.

— Мы создали работоспособный образец ружья. Не такой

удобный, может быть, и не столь быстро мечущий свои смертоносные пули, как ваши земные, но стрелять из него можно. Мы слышали о ваших земных ружьях. И хотя никому из нас не доводилось видеть их воочию, мы обратились к тем, кому доводилось — в том числе и к тем замбийцам, которых ты повел за собой в опрометчивый рейд на Гоцаштанд во времена короля Эк'рара. От них мы узнали, из чего состоит ружье: из поллой трубки, пули, взрывного заряда и средства для его подрыва. Трубка с деревянным прикладом трудностей не представляла, пули тоже.

— Главной проблемой было взрывчатое вещество. Мы были крайне разочарованы, когда выяснилось, что споры ясувара, так хорошо проявившие себя в шутихах, хлопушках и прочей пиротехнике, не годятся для наших нужд. После многочисленных опытов проблема была решена моим коллегой Неле-Джурдаре из Катай-Джогораи. Он использовал смесь нескольких широко распространенных веществ. Дальше оставалось лишь подобрать методом проб и ошибок нужные пропорции.

— Стимулированная диффузия.

— Что?

— Неважно, — сказал Феллон. — Это просто земное выражение, которое я слышал от Фредро. А кто помимо тебя занят этим проектом?

Сайньян прикурил потухшую сигару.

— Было еще всего двое, достойных называться философами: Неле-Джурдаре — который, увы, погиб не так давно во время случайного взрыва изобретенной им смеси... Кстати, а какой сегодня вообще день? Не имея возможности отличать день от ночи, теряешь счет.

Феллон сообщил ему дату и добавил:

— Пока я не забыл: за последние три года в Заниде пропало трое землян: Суареш, Боткин и Дали. Ты их не видел случайно? Может, Хабарьян включил их в свое министерство вооружений?

— Нет, единственный мой другой коллега — это Зарраш бад-Рау из Маджбура. Остальные руководители работ просто квалифицированные механики — их было пятеро, все кришнаиты. Трое из их числа умерли от естественных причин, а двое остаются на своих постах, где и пробудут до тех пор, пока — если верить обещанию Кира — наши трубки не докажут свою мощь на победном поле битвы, после чего всех нас отпустят, дав нам столько золота, сколько мы сможем унести. Это, конечно, в том случае, если доур не прикажет перерезать нам всем глотки, чтобы мы помалкивали, или йештиты не выследят и не перебьют нас за то, что мы слишком много знаем об их адском культе.

— А где теперь этот Зарраш?

— Его комната — третья по коридору. Но мы с ним сейчас едва здороваемся.

— Почему? — спросил Феллон.

— О, мы не сошлись во мнениях. Были затронуты вопросы эпистемологии, и Зарраш, будучи реалистом-трансценденталистом, отстаивал превосходство дедуктивного мышления. Я же, являясь номиналистом-позитивистом, естественно, защищал индукцию. Слово за слово, мы разгорячились — все это по-детски, я готов признать, но от долгого заключения становишься раздражительным. Тем не менее, размолвки наши продолжительными не бывают — поскольку другого разумного собеседника ни ему, ни мне не найти, поневоле приходится мириться через несколько дней.

Феллон спросил:

— Ты знаешь, из чего делается взрывчатое вещество?

— Ода, секрет известен мне. Но не надейся, что разболтаю я его.

— Собираешься продать его какому-нибудь другому кришнаитскому властителю — доуру Гоцаштанда например?

Сайньян улыбнулся.

— Догадывайся сам, мастер Антане, в этом я тебе не помощник. Пока я не выберусь из этой крысоловки, откровенность мне противопоказана.

— А как ты относишься к появлению на планете огнестрельного оружия?

— Что тут сказать? Покойный Неле-Джурдаре к нашему проекту относился крайне отрицательно и участие в нем принимал лишь ради сохранения жизни. Он утверждал, что помогать созданию столь губительных новинок — значит совершать грех против собственной личности, недостойный истинного философа. Зарраш, с другой стороны, настроен в пользу ружей, так как уверен, что они положат конец войнам на планете, сделав их слишком ужасными — и его не убеждает даже пример Земли, где ничего подобного не произошло.

— А ты?

— О, я смотрю на все это с несколько иной точки зрения. До тех пор, пока мы, кришнаиты, не добьемся приблизительного равенства в вооружениях с вами, землянами, мы не можем рассчитывать на беспристрастное к себе отношение.

— А чем тебя не устраивает наше отношение?

— О — как раз устраивает, мастер Антане. Если предположить, что вы могли бы сделать, ваше поведение покажется верхом сдержанности. Но вы изменчивые и, к тому же, разные люди. С одной стороны, вы дали нам мастера

Барневельта, человека высочайших моральных качеств, покончившего с сункварскими пиратами и, в придачу, организовавшего мыльный бум. А с другой стороны, нам приходится иметь дело и с такими отвратительными мошенниками, как Борель. Ваши методы отбора тех, кого вы допускаете на планету, ставят нас в тупик. Не разрешая вашим людям науки делиться с нами полезными искусствами — чтобы мы не могли воспользоваться этим и покончить с вашим превосходством — вы выпускаете на нас свору беспардонных миссионеров десятков соперничающих и противоречивых культов, символы веры которых по меньшей мере столь же нелепы и абсурдны, как откровения наших местных культов.

Феллон открыл рот, чтобы заговорить, но Саиньян не позволил ему, продолжив:

— Вы, как я уже сказал, более изменчивы и разнообразны, чем мы. Среди вас не найдешь и двух подобных, и не успеем мы привыкнуть к одному из вас, как его заменяют другим, и слышать не желающим о методах предшественника. Возьмем, к примеру, тот случай, когда в Новорецифе ушли на пенсию мастер Кеннеди и мастер Обри — оба в высшей степени достойные люди. Ведь им на смену пришли беспробудные пьяницы Глюмелен и Горчаков. И ваше отношение к нам — это, в лучшем случае, отношение доброго и рачительного хозяина к своим рабам, которых берегут и не наказывают без нужды, но которые должны почтительно предугадывать малейшие прихоти своего естественного господина. Вот, например, занидский консул — как там его имя?...

— Я знаком с Перси Мджипой, — сказал Феллон. — Но послушай, а тебя не беспокоит, что вы тут можете перестрелять друг друга? Или что тот, кто первый наложит лапу на новое оружие, завоюет всех остальных?

— На первый твой вопрос отвечаю так: убитый пульей не мертвее, чем обезглавленный мечом. А на второй: на мой взгляд, это было бы не так уж и плохо. Мы нуждаемся в едином мировом правительстве — во-первых, потому, что мы должны его иметь, чтобы вы приняли нас в свой драгоценный Межпланетный Совет. А во-вторых, потому, что так нам, в любом случае, будет легче иметь дело с вами. Как сказал Нехавенд, престиж следует за могуществом, а не наоборот.

— Но разве такое правительство не должно возникнуть в результате добровольного соглашения всех заинтересованных сторон? — Феллон улыбнулся, осознав, что он, циник и искатель приключений, отстаивает политический идеализм земного толка, а Саиньян, философ не от мира сего, проповедует маккиавелиевский прагматизм.

— На нашей нынешней стадии развития добровольное соглашение исключено, и ты это прекрасно знаешь, землянин. Даже если бы айя-люди с нашего ближайшего небесного соседа, Квондбора — как называете его вы, земляне?

— Вишну, — сказал Феллон.

— Я теперь вспомнил — в честь какого-то беспутного земного божества, не так ли? Ну так вот, даже если бы эти невежественные дикари напали на нас — скажем, переброшенные сюда на земных кораблях по какой-то вашей непонятной земной причине — ты думаешь, такая угроза объединила бы наши бесчисленные государства? Нет! Гоцаштанд попытается отомстить Майкарданду за свое поражение при Меоциде. Сурия и Дхаукия захотят воспользоваться вторжением, чтобы сбросить кваатское иго, а затем передерутся между собой — и так далее. Каждый будет стремиться заручиться помощью захватчиков в борьбе с соседями, и никому даже в голову не придет задуматься о будущем.

— Если бы мы могли еще лет тысячу развиваться в нашем привычном темпе, тогда другое дело — но этого времени у нас нет. И, насколько я помню земную историю, вы едва не взорвали собственную планету, прежде чем прийти к столь трогательному согласию, а ведь общий уровень культуры был у вас тогда выше, чем наш нынешний. Поэтому я утверждаю, что равенства мы сможем добиться тогда — и только тогда — когда мы перестанем быть скопищем суверенных образований, которые вы можете срамливать друг с другом...

— Извини, — перебил его Феллон, — но нам нужно вернуться наверно до того, как сменится мой друг, охраняющий вход в подвал.

Он загасил сигару, встал и открыл дверь в коридор. Фредро там не было.

— Бакх его забирай! — выругался Феллон. — Или этот идиот отправился что-то исследовать, или его схватила стража! Саиньян, показывай дорогу — я должен поскорее его найти.

Глава XVI

Саиньян стал водить Феллона по залам и комнатам подвала. Феллон шел сзади, посматривая по сторонам и заглядывая в темные углы и закоулки.

Саиньян пояснял:

— Здесь хранятся готовые ружья после того, как пройдут проверку... Вот в этой комнате доводят выкованные стволы... Здесь вырезают приклады. Видишь, как их тщательно

обтесывают и шлифуют? Хабарьян заманил сюда сурускандских резчиков по дереву, потому что в нашей безлесной стране искусство это почти не развито... А здесь готовят взрывчатую смесь...

— Погоди-ка, — сказал Феллон, останавливаясь, чтобы понаблюдать за процессом.

Посреди комнаты стоял хвостатый колофтянин, колдовавший над огромным котлом, подогреваемым слабой масляной горелкой. Колофтянин набирал мерным половником белесый порошок из двух стоявших рядом бочек и сыпал его в кипящий в котле асфальт, не переставая тщательно размешивать смесь лопаткой, которую держал в другой руке.

— Осторожно! — сказал Саиньян. — Не вздумай отвлекать его, а то нас всех разнесет в клочья.

Но Феллон уже подступил к колофтянину, сунул палец в одну из бочек с порошком и попробовал его на вкус. Сахар!

Хоть Феллон и не был химиком, за свои девяносто четыре года он успел нахвататься отрывочных сведений из самых различных отраслей науки и техники и потому уверенно предположил, что другая бочка наполнена селитрой. За колофтянином Феллон разглядел формы, в которые выливалась готовая смесь и в которых она должна была застывать небольшими кирпичиками. Однако у него не было времени, чтобы изучить производственный процесс в подробностях.

Они заглянули еще в несколько помещений. Одни использовались под жилье для работников, в других хранилось сырье, а некоторые стояли пустыми. В одном из закоулков подземелья Феллон увидел дверь, которую охранял королевский гвардеец.

— Что это за дверь? — спросил Феллон.

— За ней туннель, который ведет в часовню в квартале Баха. Раньше им пользовались йештитские жрецы, особенно в плохую погоду, но теперь, когда правительство заняло подвал под свои нужды, им приходится шлепать по улицам под дождем, как простым смертным.

Они продолжили поиски и какое-то время бродили по лабиринту, как вдруг по подвалу разнесся отчетливый звук сигнальной трубы. Феллон вздрогнул. Повсюду, гремя доспехами и стуча алебардами, засуетились стражники.

— В полночь меняется стража, — пояснил Саиньян. — Это имеет для тебя значение?

— Еще какое, Хишак забери этого Фредро! — выругался Феллон. — Теперь нам не выбраться отсюда до завтрашнего полудня. Придется тебе приютить нас.

— Что? Но, мой друг, я поплачусь головой, если вас обнаружат у меня...

— Если нас поймают, тебе в любом случае не сносить головы, поскольку нас видели вместе.

— Ну что ж, тогда, я думаю, будет не слишком нескромно с моей стороны, если я тоже попрошу об одолжении. Скажи, не родились ли в столь хитроумном мозгу твоём какие-либо мысли о том, как избавить меня от этой грязной и шумной работы?

— Ты хочешь сказать, что намерен бежать?

— Безусловно!

— Но тогда ты лишишься права на те деньги, которые правительство складывало в банк на твоё имя.

Саиньян ухмыльнулся и постучал указательным пальцем по лбу.

— Настоящее мое состояние спрятано здесь. Пообещай, что выведешь меня — и Зарраша тоже, если возможно — и я спрячу тебя и твоего товарища. И хоть Зарраш всего лишь безмозглый анимист, я все же не оставлю коллегу по профессии в столь гнусной западне.

— Я сделаю все, что смогу. Ага — вот и этот фастук!

Обыскав почти весь подвал, они наконец обнаружили доктора Джулиана Фредро. Археолог стоял перед древней стеной у лестницы наверх и изучал сохранившиеся на ней полустертые знаки. В одной руке он держал блокнот, в другой карандаш, которым и перерисовывал древние письмена.

Когда готовый метать громы и молнии Феллон подошел к нему, Фредро одарил своего проводника счастливой улыбкой.

— Посмотрите, мистер Ф-Феллон! По-моему, это самая древняя часть здания, и эти надписи могут позволить определить, когда оно было построено...

— Пойдем отсюда, осел несчастный! — прорычал Феллон вполголоса. Пока они возвращались к Саиньяну, Феллон объяснил доктору, что он о нем думает — очень образно и пространно.

Саиньян сказал:

— В моей комнате поместится только один из вас, поэтому другого я подселю к Заррашу, — он легонько стукнул в гонг, висевший у двери коллеги.

— Что такое? — поинтересовался еще один пожилой кришнаит, приоткрывая дверь на шелку.

Саиньян объяснил. Зарраш злобно захлопнул дверь и прокричал с другой стороны:

— Убирайся, пустая материалистическая трешотка! И не пытайся вовлечь меня в свои безумные планы. Забот хватает у меня и без того, чтобы шпионов прятать.

— Но это твой шанс выбраться из Сафка!

— Охе? Клянусь животом Дашмока, это айя совсем другого аллюра. Как ты сказал?

Сайньян объяснил более подробно, и Зарраш пригласил их всех в комнату и предложил вино и сигары. Узнав, что Фредро земной ученый, оба философа принялись забрасывать его вопросами.

Немного погодя, Сайньян сказал:

— А теперь касательно того спора об индукции и дедукции: высокочтимый земной коллега, может быть, вы, обладая преимуществами более зрелого мышления, способны пролить свет мудрости на наши с коллегой Заррашем расхождения. Что посоветовать вы нам могли бы?

Таким образом, разговор перешел в высшие сферы и продолжался едва ли не всю ночь.

На следующее утро Феллон пощупал щетину, выступившую у него на подбородке, и посмотрелся в зеркало Сайньяна. Землянин с начавшей отрастать бородой, если он был европейского происхождения или хотя бы вообще принадлежал к белой расе, просто физически не мог выдать себя за кришнаита. Бороды у последних были настолько жидкие, что их обладатели даже не брились, а просто выщипывали волоски пинцетом.

В комнату проскользнул Сайньян с подносом, уставленным столовыми принадлежностями с простым кришнаитским завтраком.

— Не пугайся чересчур, — сказал философ, — но йештиты прочесывают свой храм в поисках неверных, которые, как говорят, присутствовали на вчерашнем Ритуале, переодевшись жрецами. Цели и личности святотатцев неизвестны. Но поскольку привратники клянутся, что после окончания церемонии чужаки не выходили, считается, что они все еще должны быть в храме, причем не в подвале, потому что в него ведет единственная дверь, все время находящаяся под надежной охраной. Я, конечно, понятия не имею, кто такие эти злоумышленники.

— А как обо всем этом вообще узнали?

— Кто-то пересчитал колпаки жрецов третьего класса, и выяснилось, что их было использовано на две штуки больше, чем полагалось. Поэтому, пока загадка эта не привела к дальнейшим и обширным поискам, я бы посоветовал тебе и мастеру Жульяну не мешкая исчезнуть, дабы не навлечь на всех на нас беды.

Феллон внутренне содрогнулся, вспомнив о залитом кровью алтаре.

— Сколько времени осталось до полудня?

— Около часа.

— Нам придется подождать этот час.

— Что ж, тогда ждите, но чтобы ни на шаг отсюда. Я же тем временем переговорю с кем нужно, и сообщу вам, когда стража сменится.

Следующий час Феллон провел в нервном ожидании.

Саиньян просунул голову в дверь и сказал:

— Стражники только что сменились.

Феллон опустил капюшон рясы пониже, прикрыв лицо, и двинулся скольльзящим йештитским шагом к комнате Зарраша, чтобы забрать оттуда Фредро. Они пошли к лестнице, ведущей из подвала наверх. Коридоры были все так же освещены масляными лампами и плавильными печами: здесь не было никакой возможности отличать день от ночи. Когда Фредро увидел древние надписи, которые начал копировать накануне, но не успел перерисовать из-за вмешательства Феллона, он пожелал остановиться и закончить начатое.

— Делай, что хочешь, — прошипел Феллон. — Я пошел наверх.

Он стал подниматься по ступенькам и вскоре услышал за спиной шаги недовольного Фредро. На вершине лестницы Феллон остановился. Бросив последний взгляд вниз, он стукнул кулаком в железную дверь.

Через несколько секунд лязгнул отодвигаемый внешний засов, и дверь со скрипом открылась. Феллон посмотрел в лицо часовому в форме гражданской гвардии — и увидел, что это не Гирей. Это был совсем незнакомый ему кришнаит.

Глава XVII

Секунды три они смотрели друг на друга. Потом стражник начал поднимать свою алебарду, одновременно поворачивая голову, чтобы крикнуть кому-то в коридоре:

— Охе! Эй, ты, там! По-моему, это те...

В этот момент Феллон очень профессионально пнул его в то место, которое, несмотря на мелкие отличия в анатомии, было у кришнаитов столь же уязвимо, как у землян — при условии, что они были мужского пола. Стражник заорал и сложился пополам, а Феллон протянул руку из-за двери и вынул из замочной скважины большой ключ. Потом захлопнул дверь и задвинул засов со своей стороны — теперь те, кто остался снаружи, могли попасть в подвал, только сломав дверь, либо же отыскав другой ключ.

— Что такое? — спросил подоспевший Фредро.

Не затрудняя себя ответом, Феллон сунул ключ в карман и затрусил вниз по ступенькам. Именно в таких ситуациях он

всегда оказывался на высоте. Когда он достиг коридора у подножия лестницы, с ее вершины донесся оглушительный гул — в железную дверь ударили чем-то тяжелым.

Припомнив маршрут экскурсии по подвалу, которую они с Саиньяном совершили прошлым вечером в поисках Фредро, Феллон стал пробираться к двери, за которой начинался подземный ход. Раз два он сбивался с пути, но снова находил дорогу, пометавшись по коридорам, подобно крысе в лабиринте психолога.

Сзади донеслись звуки шагов по лестнице и звон оружия — по-видимому, преследователям удалось открыть дверь.

Наконец Феллон увидел стражника перед заветной дверью. При виде бегущих жрецов кришнаит взял алебарду наизготовку. Феллон продолжал бежать прямо на него, размахивая руками и крича:

— Спасайся! В пороховом погребе пожар — сейчас нас всех по стенам размажет!

Ему пришлось повторить, чтобы до стражника дошло. Глаза бедняги от ужаса чуть не вылезли из орбит, он отшвырнул алебарду и принялся лихорадочно отпирать дверь.

Он уже отодвинул засов и потянул за ручку, когда Феллон, подобравший его алебарду, с размаху плашмя опустил ее на его шлем. Бон! Гвардеец повалился без чувств, а Феллон и Фредро протиснулись в дверь.

Феллон собрался закрыть ее, но тут понял, что, во-первых, в проеме лежит гвардеец, а во-вторых, закрыв дверь, они оказались бы в полной темноте. Он мог либо оставить ее приоткрытой, либо же оттащить стражника с порога, позаимствовать из стенного гнезда одну из ламп и только после этого запирать вход в туннель.

Шум приближавшихся шагов убедил его в том, что времени на возню с дверью у него нет. Поэтому он схватил ключ, оставил дверь открытой и повернулся к ней спиной, бросив Фредро через плечо:

— Бежим!

Земляне подобрали полы своих ряс и припустили по прорубленному в камне ходу, иногда спотыкаясь о неровности пола. Они бежали, и свет, который попадал в открытую дверь, слабел по мере их удаления.

— Осторо...

Феллон не успел договорить, потому что налетел в темноте на еще одну дверь. При этом он расквасил себе нос и сильно ушиб колено.

Изрыгая ругательства сразу на нескольких языках, он стал шарить вслепую, пока не нащупал ручку. Когда дверь не поддавалась ни наружу, ни внутрь, он отыскал замочную

скважину и попробовал на ней оба трофейных ключа. Один из них подошел, и засов с внешней стороны выскользнул из своего гнезда.

Крики и шум со стороны входа в туннель показали, что преследователи обнаружили поверженного стражника.

— Поторопитесь, пожалуйста! — едва не прорыдал Фредро в промежутке между двумя хрипящими вдохами.

Феллон открыл дверь. Они оказались в помещении, в котором царила бы почти полная темнота, если бы в него не просачивался свет с лестничной клетки. Стены были скрыты полками, беспорядочно заполненными множеством книг — кришнаитских манускриптов, походивших на длинные шпалгалки-гармошки, вложенные в деревянные переплеты из парных дощечек. Феллону показалось, что это стандартные йештитские молитвенники, но проверить, так ли это, у него не было времени — из подземного хода доносился топот многочисленных ног.

Земляне бросились вверх по лестнице, перепрыгивая через ступени, и влетели в молитвенный зал первого этажа Часовни Йешта. Феллон перешел на шаг и стал придерживать через рясу ножны рапиры, чтобы она не звякала. Никаких признаков жизни заметно не было.

Они пересекли зал, миновали несколько комнат, уставленных рядами сидений, и вскоре оказались в вестибюле. Дверь на улицу была заперта на засов изнутри, и Феллон отодвинул его и выглянул наружу.

Мелкий дождь падал на мокрые камни мостовой, и несколько капель попало Феллону в лицо. Прохожих почти не было. Феллон прошептал:

— Пошли! Заскочим за угол и снимем там рясы. А когда появятся стражники, мы пойдем им навстречу.

Они крадучись выскользнули из Часовни и протрусили вниз по ступенькам крыльца и дальше вдоль фасада за угол в узкий проход между Часовней и соседним домом. Высаженные здесь декоративные кусты скрыли землян от нескромных взглядов прохожих. Они стащили с себя рясы, сделали из них небольшие плотные свертки, перетянули их веревочными поясами и забросили на куст, где они оказались выше уровня взгляда, и можно было надеяться, что их обнаружат не сразу. Затем земляне торопливо выбрались обратно на улицу, повернули к Часовне и неспешно проходили мимо, когда ее дверь распахнулась и наружу вывалилась возбужденная толпа жрецов и стражников. Преследователи сбежали с крыльца и принялись вглядываться в дождь, тыча в разные стороны руками и что-то крича.

Феллон остановился, картинно уткнул одну руку в бок, положив другую на рукоять рапиры, и стал с царственным

видом поджидать, пока к ним подойдут. Дождавшись, он отвесил легкий поклон и обратился к стражникам в истинно кришнаитской манере:

— Приветствую вас, благородные господа! Не могли бы мы — насколько это в наших силах — способствовать вам в ваших поисках, кои вы проводите столь усердно?

Тяжело дыша, один из стражников сказал:

— Не видели... не видели вы двух мужчин в одеяниях йештитских жрецов, которые только что выбежали из этого портала?

Феллон повернулся к Фредро, вопросительно приподняв брови:

— Мы не видели чего-нибудь в этом роде?

Фредро одновременно пожал плечами и развел руками. Феллон сказал:

— Как ни горестно мне признавать это, господин, но ни я, ни мой товарищ ничего подозрительного не заметили. Но мы только что подошли сюда — возможно, беглецы покинули часовню ранее.

— Ну что ж... — начал кришнаит, но его перебил другой, подоспевший во время беседы:

— Погоди, Югашч! Не годится с готовностью такой верить первым попавшимся проходимцам — и инопланетным нелюдям таким к тому же. Откуда знаем мы, что они не те, кого мы ищем?

Остальные кришнаиты, привлеченные спором, начали собираться вокруг них с обнаженным оружием. Сердце Феллона провалилось в его кришнаитские сапоги из мягкой кожи. Он открыл рот и снова закрыл его, как рыба, выброшенная на берег.

— Кто вы такие, земляне? — спросил первый кришнаит.

— Я — Антане бад-Фалн, и проживать имею честь в квартале Джуру...

Второй кришнаит шумно перебил его:

— Ийа! Тысяча извинений, благородные господа — нет, миллион — за то, что мы узнать вас сразу не сумели. Я был во Дворце Правосудия, когда давал ты показания против грабителя Шейва и его сообщника, который потом умер от раны, кою отважно столь нанес ты при задержании его. Нет, Югашч, ощибся я. Этот Антане — один из крепчайших наших столпов закона и порядка. Еще раз извините, господа, и будем мы лишь рады, если помочь вы согласитесь искать злодеев.

Стражник повернулся и принялся выкрикивать указания своим подчиненным. Где-то с четверть часа Феллон и Фредро помогали искать самих себя. В конце концов, когда поиски ни к чему не привели, земляне чинно удалились.

Удалившись на безопасное расстояние от Часовни, перед входом в которую вновь столпились сбитые с толку и размахивающие руками преследователи, Фредро спросил:

— Все кончено? Я могу вернуться к себе в отель?

— Вне всякого сомнения. Но когда будешь писать статью в этот свой журнал, не вздумай упоминать мое имя. И передай Перси Мджипе, что его пропавших землян мы нигде не видели.

— Я понимаю. Спасибо, спасибо вам, мистер Феллон, за вашу помощь. Друг в беде — злотый бережет. Благодарю вас, и до свидания.

Он долго тряс руку Феллона, а затем огляделся, высматривая к'изун.

— Придется тебе добираться омнибусом, — сказал Феллон.

— Тут все в точности как на Земле: как только начинается дождь, все такси куда-то загадочно исчезают.

Он оставил Фредро и пошел в западном направлении, намереваясь застать Квейса в таверне Ташина и сделать ему доклад раньше, чем развитие событий превратит добытые с опасностью для жизни сведения в древнюю историю. С каждой минутой он становился все мокрее и вскоре начал жалеть о добротном новом плаще, спрятанном у входа в Сафк — он почти воочию представил себе засунутый за доску с объявлениями сверток. Но он не был настолько безрассуден, чтобы попытаться забрать его оттуда.

Однако к тому времени, как он добрался до Квадрата Кварара, он начал хромать от удара коленкой о дверь в подземном ходу и почувствовал себя таким промокшим и несчастным, что решил заглянуть домой, глотнуть чего-нибудь крепкого и переодеться, прежде чем идти дальше. Дома у него имелась старая зимняя туника, которая могла бы с грехом пополам заменить плащ, к тому же, крюк был небольшой.

Он ковылял сквозь дождь, низко опустив голову, когда раздавшаяся сзади барабанная дробь заставила его оглянуться. По улице Асад маршировала колонна гражданских гвардейцев с пиками на плечах. Во главе колонны шагал барабанщик, задавая темп. По двум белым полоскам, нашитым на рукав каждого из гвардейцев, Феллон узнал роту Габандж. Рота Джуру в сравнении с этими brave войсками выглядела бы сборищем огородных пугал.

У стен домов вдоль улицы выстроились немногочисленные прохожие, наблюдавшие за чеканящим шаг войском. Феллон поспрашивал у ближайших к нему зевак, что означал этот парад, но ни один из них не сумел дать вразумительного ответа. Когда колонна прошла, Феллон побрел дальше. Уже у самого дома, когда он отпирали свою дверь, чей-то голос позвал его:

— Мас-с-стер Антане!

Это оказался Цикасса, стражник-осирианин. Он был в псевдоформенном шлеме их роты, который с трудом удерживался на верхушке его ящериной головы с помощью кожаного ремешка, застегнутого под подбородком. Через плечо у него — если только это можно было считать плечом — была переброшена перевязь с неуклюже свисавшей кришнаитской рапирой.

Он продолжил со своим странноватым акцентом:

— Наметленно с-с-собирайся и отпрафляйся со мной в арс-сенал. Рота Чжуру получила приказ-с-с о фыступлении.

— В чем дело? Что, война началась?

— Не с-с-снаю. Я лишь перетаю приказ.

«О, Бахх!», подумал Феллон: «Надо же было этому случиться именно сейчас!». Он сказал:

— Ладно, Цикасса. Ты беги, а я скоро догоню.

— Прошу прощ-щ-щения, коспотин, но это мне сапрешено; я толшен прифес-с-сти вас лич-ч-чно.

Предлагая Цикассе уйти, Феллон хотел ненадолго исчезнуть, чтобы успеть заскочить к Квейсу, но, как видно, Кордак' предвидел попытки кое-кого из своих гвардейцев саботировать мобилизацию и принял соответствующие меры. Убегать же от Цикассы не было смысла: не родился еще землянин, которого тот не смог бы догнать.

То, что Феллону так не хотелось отправляться на воинский сбор, вовсе не было проявлением трусости — он не имел ничего против доброй схватки — просто он опасался, что позже ему не удастся получить причитающееся с Квейса.

Он устало сказал:

— Ладно. Зайди, пока я буду собираться.

— Поторопис-с-сь, мой топрый коспотин, мне ещ-щ-ще нушно сайти са троими, после токо, как тостафлю я тебя. У тебя нет крас-с-сной туники?

— Нет, и я не успел купить подходящую, — ответил Феллон, пытаясь найти свои походные сапоги. — Не хочешь чего-нибудь выпить на дорожку?

— Нет, спасипо. Долк префыше фсеко! Я страшно фоспужтен. А ты разфе не фоспуш-ш-штен?

— Просто сгораю от возбуждения, — мрачно ответил Феллон.

Арсенал был набит бойцами роты Джуру в полном составе — во всяком случае теми из них, которые успели явиться: каждую минуту подходили опоздавшие. Кордак' сидел в очках за своим столом, а к столу выстроилась очередь тех, кто хотел получить освобождение от строевой службы.

Кордак' выслушивал каждого и быстро решал вопрос, как правило отказывая. Если аргументы просителя казались ему легковесными, он обрушивал на него гневную тираду, обвиняя современное поколение в трусости по сравнению со славными балхибскими предками. Тех, кто утверждал, что болен, наскоро осматривал К'уран, живший по соседству врачеватель. Его метод осмотра заключался в проверке наличия у обследуемого должного числа глаз, рук и ног.

Феллон прошел в ту часть помещения, где к стене было приставлено две сотни новеньких мушкетов. Вокруг толпились и другие гвардейцы, которые шупали непонятные приспособления и терялись в догадках, пытаясь определить, что это такое. Феллон взял одно из ружей, повертел его и прицелился вверх — к его удовлетворению, мушкет хотя бы был снабжен мушкой и прицельной планкой — и в этот момент по арсеналу разнесся оглушительный голос Кордак'а:

— Внимание! Оставьте ружья и построитесь у стены напротив, все вы, а я вам объявлю, в словах немногих, что вам сказать имею.

Феллон, зная о привычке кришнаитов не ограничиваться одним словом, когда можно было использовать десять, приготовился к длинной речи.

Кордак' начал:

— Как всем вам, видимо, известно, войска Кваата варварские пересекли священные балхибские границы и наступают на Занид прекрасный наш. И потому великая нам выпадает честь: разбить их и назад отбросить, прогнав туда, откуда заявили супостаты. А вот пред вами средства для геройского деяния сего, о коих я упоминал уже недавно. Это — ружья, как все вы видите — ничем не хуже тех, что делают могучие земляне. Их изготовили у нас в Заниде, тайно.

— Коль удивлены вы тем, что рота Джуру — из всех занидских самая лишенная порядка — выбрана была, чтобы носить оружие новое — хватает же его пока всего лишь на три роты — объясню я вам, чем вызвано отличие это. Во-первых, всем известно, что с пиками вы управляетесь бездарно, а с арбалетами еще того ужасней, в то время как другие роты равняться могут с регулярными войсками. Поэтому решили, что ни к чему лишать войска поддержки, хоть и малой, что могут оказать они. А во-вторых, тот факт, что в нашей роте немало есть существ с других планет, где смертоносные игрушки эти в большом ходу, склонил весы удачи в нашу пользу. И эти чужестранцы — имею я в виду землян с осиирианами особо — могут послужить инструкторами по использованию ружей.

— Когда бы время позволяло нам, имело б смысл потратить дней пяток-другой на обучение — но

чрезвычайность положения лишает нас возможности к тому. Поэтому мы выступим немедленно и опыт обречем, какой сумеем, в дороге к полю брани. И зарубите на носу: не смей стрелять без толку и не по приказу, поскольку ограничены запасы пуль и смеси взрывчатой. И если обнаружу я гвардейца, палящего невесть куда для развлечения, то прикажу связать его, а остальным практиковаться, стреляя по нему вместо мишени.

— Теперь о том, как с вооружением этим обращаться. Харсун, поставь-ка ты у той стены мешок с песком. Теперь смотрите на меня, герои, а я вам, как сумею, объясню, что делать, как стрелять и засыпать заряды. Должны мушкеты вы освоить досконально, чтоб и во сне все помнить.

Кордак' выбрал мушкет и стал объяснять, как он заряжается и как из него стреляют. Выяснилось, что поскольку замковые механизмы и курки у мушкетов отсутствовали, стрелок должен был все время держать в зубах зажженную сигару и в нужный момент воспламенить ею порох, подсыпанный в запальную лопаточку. У Феллона родилось предчувствие, что добрая половина роты расквасит себе носы, прежде чем освоится с отдачей.

Один из гвардейцев сказал:

— Ну что ж, покурим хоть задаром.

Кордак' нахмурился на столь несерьезное отношение подчиненных к вопросам боевой подготовки, зарядил свой мушкет, прикурил сигару, прицелился в мешок с песком у дальней стены и поджег порох.

Бам!

Эхо выстрела зазвенело под сводами арсенала. Капитана закачало от отдачи, а из дула мушкета вырвался огромный клуб черного удушливого дыма. В мешке возникла аккуратная дырочка. Кашляя вместе со всеми, Феллон подумал, что хоть неле-джурдаровская смесь и работала, ее было бы лучше использовать в качестве начинки для дымовых шашек, а не для стрелкового вооружения.

Кришнаиты, входившие в роту, вздрогнули, а кое-кто и подпрыгнул. Часть героев завопила от страха. Некоторые кричали, что не согласятся и прикоснуться к этим адским приспособлениям. Другие утверждали, что ничто не может быть лучше старых добрых пик и арбалетов, которые хотя бы были понятны всем. Кордак' прекратил базар и продолжил объяснение, особо обратив внимание на необходимость держать порох сухим, а канал ствола вычищенным и смазанным.

— Вот и все, — закончил он. — Есть у кого вопросы?

Вопросы были. Тоттиане загалдели, напирая на то, что весили слишком мало, чтобы пользоваться таким мощным оружием без риска для жизни. Осириане же стали жаловаться,

указывая, что сигарный дым вызывал у них приступы мучительного кашля, по причине чего среди них и не было курящих. И то, и другое возражение было признано — естественно, после бесконечных споров — имеющим основания, и этим существам было разрешено сохранить свои копья-багры. В конце концов, как заметил Кордак', в роте должно было остаться хоть несколько ландскнехтов — на тот случай, если коварный враг, несмотря на все их громы и молнии, сумеет сойтись с ними в рукопашную.

Осталось разобраться только с единственным в роте исидианином, потому что, хоть его слоновий хобот и неплохо служил на улицах Занида, где нужно было хватать злоумышленников, к заряданию гладкоствольного мушкета он не был приспособлен. Феллон предложил назначить исидианина знаменосцем. На том и порешили.

Дождь прекратился, и сквозь тучи начали пробиваться лучи Рок'ира, когда из арсенала неровным строем вышла рота Джуру — с капитаном Кордак'ом, барабанщиком и исидианином-знаменосцем во главе. Звенели кольчуги, и поблескивали взятые на плечо мушкеты и багры.

Глава XVIII

Балхибская армия стояла у Хоса, административного центра западного Балхиба. Феллон был назначен в караул и, взвалив мушкет на плечо, медленно обходил позиции, отведенные для занидской гражданской гвардии. Занидцы замыкали северный фланг балхибского войска, которое было выстроено в прямую линию — к югу от занидских гвардейцев стоял другой полк, за ним еще один и так далее.

Военные формирования кришнаитов были организованы гораздо проще своих земных аналогов. Сложные иерархические командные структуры отсутствовали, как и четкие различия между офицерским и унтер-офицерским составами. Феллон был командиром отделения. Он подчинялся Савейчу, который был старшим из командиров отделений их взвода. Над Савейчем стоял капитан Кордак' (его звание приблизительно соответствовало земному рангу майора или даже подполковника), который командовал ротой Джуру.

Над Кордак'ом был лорд Чиндор, командующий гражданской гвардии, а над ним уже не было никого, кроме министра Хабарьяна, балхибского главнокомандующего. Теоретически армия была организована по десятичному принципу: отделения из десяти человек, взводы из десяти отделений, десятывзводные роты и так далее. На практике, однако, число составляющих того или иного подразделения

почти никогда не соответствовало штатному. Так, рота Джуру, в которой на бумаге числилось больше тысячи бойцов, на самом деле не могла выставить на поле боя и двух сотен — и притом это была средняя в этом отношении рота. Штабные службы, снабжение и медицинское обслуживание были самые примитивные.

До сих пор Феллон и его отделение получали достаточное, хоть и несколько однообразное, питание. Феллону не доводилось видеть карту той местности, где они стояли, но это не имело особого значения, потому что в любом направлении до самого горизонта тянулись лишь невысокие холмы прерий, покрытые густой растительностью. На вид она напоминала земные травы, но биологически была ближе к длинностебельным мхам.

Из-за горизонта в бирюзовое небо поднимался столб черного дыма — разъемы гуура сожгли там деревню. В таких кавалерийских рейдах враг проникал уже довольно глубоко на балхибскую территорию. Но кватцы не могли брать укрепленные города одной лишь кавалерией, а постройка осадных машин на месте была затруднена из-за почти полного отсутствия деревьев, которые здесь приходилось выращивать из импортных семян и с использованием искусственного орошения.

Все это Феллон знал либо по слухам, либо по собственному военному опыту. Сейчас до его ушей доносился скрип обозных фургонов, звуки, которые издавали верховые животные, металлический стук походных кузниц и пронзительные крики гавехонов — представителей похожего на цыган племени, которые обычно пристраивались за передвигавшимися армиями в качестве своеобразной службы быта. Слышен был также треск мушкетных выстрелов — это те, кому Кордак выдал дневную порцию пороха и пуль, практиковались в стрельбе по мишеням. За шесть дней после своего выступления из Занида рота Джуру немного освоилась с новым оружием. Большинство бойцов было теперь в состоянии поразить мишень размером в человека с расстояния в двадцать шагов. По крайней мере, иногда.

Потери роты на текущий момент составляли семь человек: двое убитыми и пятеро ранеными — все это были жертвы несчастных случаев с мушкетами. Одно из ружей взорвалось — то ли потому, что имело скрытый дефект, то ли в результате двойного заряжания. Второй смертельный случай произошел во время учебных стрельб, когда один из мушкетеров не посмотрел перед выстрелом, куда направлено его ружье. Все семеро были кришнаитами — инопланетяне либо проявляли большую осторожность, либо уже были знакомы с огнестрельным оружием.

Над прерией, примерно там, где должна была находиться западная дорога, возникло облачко пыли. Оно понемногу росло, и вскоре из него показался всадник. Ему не везло — как он ни погонял свою айю, поднятая им пыль сносила ветром в направлении его движения почти точно с его скоростью. Феллон пронюхивал, как всадник подскакал к лагерю и скрылся из вида между палатками. Такие гонцы приезжали достаточно часто, поэтому ничего необычного в этом не было, но Феллон знал, что рано или поздно появление одного из них будет означать, что пришел главный приказ.

Пока Феллон смотрел, выяснилось, что это был как раз тот самый случай, потому что вскоре раздалось пение сигнальной трубы. По лагерю принялись скакать всадники, а из-за небольшого холма спешным маршем вернулись мушкетеры со стрельбища. Феллон тоже пошел туда, где над палатками возвышался штандарт роты Джуру. Гвардейцы роты точили мечи, драили медные шлемы и чистили стволы мушкетов, засовывая внутрь промасленные тряпки.

Как раз в тот момент, когда подошел Феллон, барабанщик роты — низкорослый короткохвостый джэггянин-вольноотпущенник — забил сигнал к построению. С криками, шумом и обычной неразберихой рота медленно собралась на плацу. Феллон оказался едва ли не первым из третьего взвода, занявшим свое место.

Наконец все построились — за исключением двоих. Выругавшись, Кордак послал Цикассу разыскать их в палатках гавехонов.

Оставшиеся стали смотреть, как по дороге на запад скачет кавалерийский эскадрон. Всадники тащили за собой веревку, к которой был привязан ракетный планер — Хабарьян нанял в Сотаспе несколько этих примитивных летательных машин вместе с пилотами, предполагая использовать их для разведки. Аппарат взлетел, как воздушный змей. Когда пилоту удалось найти восходящий поток воздуха, он отцепил веревку и поджег первую из своих ракет, начиненных спорами растения ясувар. Тягу ракеты развивали довольно слабую, но другими двигателями кришнаиты пока не располагали.

Рота Джуру все стояла и ждала. Вернулся Цикасса с двумя загубавшими. Взад-вперед носились гонцы на айях, перевозившие чьи-то приказы и донесения. Группа офицеров в таких блестящих позолоченных латах, что на них было больно смотреть, стояла поодаль и о чем-то совещалась. Две роты занидской гвардии снялись со своих позиций и промаршировали перед фронтом всей армии на левый фланг.

Заскучавший Феллон стоял, оперевшись на мушкет и размышляя о том, что когда он командовал армией — и

потому имел представление о том, что происходит — все воспринималось совсем иначе. Обстоятельства сложились так, что он, если можно так выразиться, начал сверху и дослужился до самого низа. Теперь он решил, что если он когда-нибудь снова займет собственную армию, то постарается держать войска в курсе текущих событий.

Бойцы вокруг него зевали, чесались и делились сплетнями: «Слышал я, что у камурана есть механический биштар, весь в броне железной...», «Говорят, уджунгаитов целый флот галер летучих — машут они веслами вместо крыльев и забросать тяжелыми камнями нас...», «Я слышал, что министр Хабарьян в измене уличен и головы лишился!».

Наконец, больше чем через час после построения, последовало великое дутье в сигнальные трубы и битье в гонги и барабаны, и армия тронулась с места. Феллон, шагая по высокой мохо-траве вместе с другими, постепенно догадался, что командиры пытались построить войско огромным полумесяцем с рогами — на правом из которых находилась занидская гражданская гвардия — обращенными на запад к противнику. Мушкетеры были сконцентрированы на флангах, а вооруженные более традиционно ландскнехты и арбалетчики в центре. Свою кавалерию Хабарьян разместил позади пехоты. У него также имелся эскадрон биштаров, но эти слоноподобные существа находились в тылу, поскольку обладали норовистым характером и, если впадали в панику, неслись не разбирая дороги, и им ничего не стоило разметать собственные войска.

Когда они отошли настолько, что лагерные палатки стали точками на восточном горизонте, им снова пришлось остановиться и ждать, пока офицеры выровняют боевые порядки. Сколько Феллон ни вертел головой, он ничего не разглядел, кроме колышущейся мохо-травы, зелено-синего неба, кружившего в нем планера и ярко-желтого диска Рок'ира.

Потом роту Джуру передвинули немного вперед на вершину холма. Радиус обзора увеличился, но видеть все равно можно было только пустую оливково-зеленую равнину, которая волновалась, как море, когда ветер шевелил мохотраву. Феллон оценил, что балхибское войско насчитывало до тридцати тысяч бойцов.

С вершины холма была также видна дорога, и вскоре над ней снова возникли облака пыли. На этот раз вместе с пылью двигались целые эскадроны, а на горизонте появились еще всадники, похожие на крохотных черных насекомых. По их поведению Феллон решил, что это балхибские передовые разъезды, отступавшие перед джунгаитами.

Им снова пришлось ждать. Появились новые отряды отступавших балхибцев. И совершенно неожиданно, шагах в

двухстах от Феллона, двое всадников завязали бой, размахивая крохотными как иголки рапирами, которые ярко сверкали в лучах Рок'ира. Феллон толком не разглядел, что произошло но один из всадников свалился на землю, а другой ускакал на запад, так что, по-видимому, дуэль проиграл балхибец.

И вот из-за горизонта выползло множество черных точек, которые, постепенно увеличиваясь, превращались в цепи степных наездников, протянувшиеся поперек равнины.

Кордак' скомандовал:

— Рота Джуру! Зарядить мушкеты! Прикурить сигары!

Но в этот момент продвижение противника приостановилось, и вражеские всадники принялись носиться кругами без всякой видимой цели. От них отделился небольшой отряд, который пронесся по широкой дуге вдоль строя балхибцев, издавая дикие крики и стреляя из луков. Ближе всех к ним находилась рота Джуру, но и до нее стрелы не долетали — только одна с металлическим звоном ударила вскользь в шлем одного из гвардейцев, не причинив ему, впрочем, вреда. Феллон даже не сумел разглядеть врага как следует.

С левого фланга роты раздался одиночный мушкетный выстрел, и поднялось черное облачко дыма.

— Идиот! — вскричал Кордак'. — Не стрелять! Не стрелять!

Наконец, издавая страшный шум, кваатская армия снова двинулась вперед. Красн глаза Феллон заметил фалангу ландскнехтов, наступавшую на центр балхибской формации, где стояла королевская гвардия Кира. Фаланга, вне всякого сомнения, состояла из сурийцев или дхаукцев, или еще каких-то союзников гуура, потому что всем было известно, что своих пехотных подразделений у кваатцев нет. Другие пехотные и кавалерийские части хаотично перемещались по равнине. Тучи стрел заполнили воздух в промежутке между двумя армиями, обеспечивая своим свистом своего рода аккомпанемент усиливавшемуся шуму битвы.

Но оттуда, где стоял Феллон, почти ничего из того, что происходило в центре, видно не было, да к тому же роту Джуру ожидало ее собственное сражение.

Огромный отряд лучников на айях скакал на правый рог полумесяца. Кордак' крикнул:

— У всех заряжено, прикурено, готово? Изготовиться к стрельбе! Первая шеренга — на колени!

Первые две шеренги подняли мушкеты, вторая целясь поверх голов первой. Сбоку от строя роты, высоко подняв руку с обнаженным мечом, сидел на своей айе Кордак'.

Засвистели стрелы. Одна или две куда-то попали. Кавалерия уже приблизилась настолько, что Феллон, который

целился вместе со всеми, стал различать антенны над бровями вражеских всадников.

— Пли! — взвизгнул Кордак', опуская меч.

Мушкеты плюнули длинным рваным залпом, который полностью спрятал роту под огромным облаком вонючего коричневатого дыма. Со стороны врага слышались крики и вопли.

Потом ветерок снес дым назад, и снова стало возможно видеть и дышать. Кавалерийская лава резко отвернула и сейчас пыталась обойти правый фланг балхибской армии. Феллон увидел, что перед строем роты валяются несколько ай, дрыгающих ногами в агонии. Еще пара животных потеряла своих седоков. Однако Феллон не смог подсчитать полных потерь врага, потому что высокая мохо-трава скрывала тела упавших.

— Третья и четвертая шеренги — выдвинуться! — крикнул Кордак'.

Третья и четвертая шеренги протиснулись вперед между бойцами первой и второй, которые принялись перезаряжать ружья.

Откуда-то с юга донесся треск еще одного мушкетного залпа — в дело вступил левый фланг армии, но Феллону ничего не удалось разглядеть. В тылу роты поднялся страшный шум. Оглянувшись, Феллон обнаружил, что части вражеских всадников удалось обойти правый фланг балхибской пехоты, но там на них набросилась балхибская кавалерия. Кордак' приказал осирянам и тотианам, которые, опираясь на свои багры, стояли группами позади мушкетеров, построиться и сформировать цепь для защиты роты от нападения с тыла.

Тем временем перед фронтом роты Джuru появился еще один отряд, на этот раз на шомалах (животных, немного напоминавших безгорбых верблюдов) и вооруженный длинными пиками. Когда атакующие приблизились и перешли на галоп, первые две шеренги гвардейцев опять поднимали свои мушкеты. Снова последовал растянутый залп, и вновь все скрылось за клубами дыма. Когда он рассеялся, всадников на шомалах нигде не было видно.

После этого роту Джuru довольно долго никто не беспокоил. Центр балхибской армии был упрятан за пыльными облаками, и оттуда доносились крики, звон оружия и прочие звуки, которые издавали сошедшиеся в рукопашной ландскнехты и арбалетчики. Противоборствующие стороны прокатывались волнами то туда, то обратно по телам уже павших и продолжали увлеченно рубить и колоть. Земля дрожала под копытами атакующей и контратакующей кавалерии.

“Феллону оставалось только надеяться, что князь Хабарьян лучше его представлял себе, что происходит.

Потом Кордак’ снова стал выкрикивать команды, потому что из пыли материализовался большой отряд вражеских ландскнехтов, с ходу устремившихся на занидцев. Первый мушкетный залп потряс передние шеренги атакующих, но находившиеся сзади продолжали напирать, и потому продвижение отряда только замедлилось. Второй залп проделал огромные бреши в рядах врага, но тоже не остановил его.

Первые две шеренги мушкетеров еще не успели перезарядить свои ружья, а третья и четвертая только что отстрелялись. Кордак’ приказал ландскнехтам выступить вперед, и осириане и тотиане прошли между перезарядившимися и изготавились к рукопашной.

— В атаку! — крикнул Кордак’.

Осириане и тотиане побежали вниз по склону. Оставшиеся позади мушкетеры побросали свои ружья, обнажили мечи и бросились вдогонку. Вражеские ландскнехты, по-видимому, не выдержали вида стольких не-кришнаитов, потому что дрогнули и позорно бежали, роняя свои пики и вопя, что за ними гонятся полчища демонов и чудовищ.

Кордак’ как-то сумел загнать свою роту обратно на холм и продолжал скакать кругами, как пастушья овчарка, нанося удары мечом плашмя тем из гвардейцев, которые проявляли понятное желание гнать неприятеля до самого Кваата.

Рота снова построилась на вершине холма, подобрав и перезарядив мушкеты. Вид трупов, усеявших пологий склон перед гвардейцами, сильно способствовал поднятию боевого духа.

Проходило время. Кордак’ послал одного из осириан за водой. Рота отбила еще три кавалерийских атаки с разных направлений. Феллон убедился, что для этого даже не обязательно попадать в кого-либо из неприятелей: грохот и дым сами по себе обращали ай и шомалов в паническое бегство. Какое-то время казалось, что сражение в центре затихает, но потом шум оттуда снова усилился.

Феллон сказал:

— Капитан, что там за суматоха в центре?

— У них там суматоха со времени атаки первой... Но погоди — и вправду что-то там не так! Сдается мне, что кое-кто из наших, спиною обратившись ко врагу, во все лопатки по дороге чешет, ведущей к дому. Что там могло случиться — ведь долго так врага они держали, а тут вдруг будто все без печени остались?

Подскакал курьер. Он переговорил с лордом Чиндором, и тот пустил свою айю рысью, направляясь к Кордак’у и крича:

— Забирай своих мушкетеров и веди их через тыл к центру, и побыстрее! Джунгавцы применили неведомую штуку мощи страшной! Гонец сей путь тебе укажет.

Кордак' построил роту в походную колонну и повел ее быстрым маршем на юг, огибая балхибские позиции с тыла. По пути им попадались скопления раненых, ожидавших, пока ими займутся работавшие в бешеном темпе немногочисленные армейские медики. Справа оставались отряды арбалетчиков и ландскнехтов, сильно поредевшие и измотанные — кожа у них была уже даже не зеленая, а серая от усталости и пыли, и пыльную корку тут и там прорезали змеящиеся струйки пота. Они стояли, опираясь на оружие, и тяжело дышали, или же присаживались прямо на трупы, которых тут имелось в достатке. Мохо-трава была вытоптана и прибита к земле, и обильно полита пурпурно-коричневой кровью.

Ближе к центру балхибской армии снова клубилась пыль. Солдаты, занимавшие там оборону, толпились и выглядывали друг из-за друга, пытаясь разобрать, что происходило за пыльными облаками. Затем арбалетчики принялись куда-то стрелять.

— Сюда, — показал курьер, и рота во главе со знаменосцем-исидианином прошла через боевые порядки своих войск и заняла позиции на переднем крае. Внимание Феллона сразу же привлекла «неведомая штука».

Она была похожа на огромный деревянный ящик величиной с палатку. Ящик катился на шести больших колесах, которые, впрочем, только виднелись из-под толстых квонговых щитов, навешенных по бокам. На крыше ящика имелась надстройка с дырой, обращенной вперед, а за надстройкой торчала короткая труба. Сооружение ползло со скоростью медленно идущего пешехода и извергало из трубы клубы дыма и пара. Пуфф-пафф, пуфф-пафф.

— Господи, — сказал Феллон, — да ведь у них танк!

— Что ты сказал, мастер Антане? — спросил стоявший рядом Кордак', и Феллон понял, что невольно перешел на английский.

— Просто помолился своим земным богам, — сказал он. — Поторопись, нужно выровнять фронт.

— Приготовиться к стрельбе! — крикнул Кордак'.

Танк продолжал пыхтеть, медленно приближаясь. Он направлялся не прямо на роту Джуру, а немного южнее. Его квонговые щиты были густо истыканы стрелами, застрявшими в твердом дереве. Следом за танком, причесав занизим, наступала вражеская пехота. Еще южнее из пыли выполз еще один ящик.

Ближний танк издал громкое «чвонк!». Из дыры в надстройке вылетело железное ядро, врезавшееся в

подразделение ланскнехтов. Там все смешалось, закричали люди, роняя пики на землю. Весь отряд снялся с позиций и обратился в беспорядочное бегство.

Затрещали мушкеты роты Джуру, полив боковой шит танка дождем из пуль. Однако, когда дым рассеялся, Феллон увидел, что боевая машина ничуть не пострадала. Заскрежетали шестерни, «штука» подала немного назад, одновременно разворачиваясь, и снова начала надвигаться. Довернув еще немного, танк оказался нацеленным точно на роту мушкетеров.

— Еще залп! — истошно заорал Кордак'.

Но тут последовало еще одно «чвонк!», и железное ядро полетело в роту Джуру. Оно ударило в грудь айю Кордак'а, опрокинув животное на спину и послав капитана в воздух, затем срикошетировало и угодило в голову исидианину, убив восьминогого знаменосца. Знамя упало.

Феллон сумел послать пулю в амбразуру танка и оглянулся, чтобы обнаружить, что рота переставала существовать у него на глазах, начиная разбегаться с криками: «Все потеряно!», «Нас предали!», «Спасайся, кто может!».

Последовало еще несколько неприцельных мушкетных выстрелов, и рота Джуру окончательно перестала быть боевой единицей. Танк снова повернул на балхибских ландскнехтов.

Чвонк! Повалились новые пики. И Феллон, убегая вместе со всеми, успел заметить появление третьего танка.

Потом он улепетывал вместе с перемешавшимися друг с другом мушкетерами, ландскнехтами и арбалетчиками, а им на пятки наступали орды захватчиков. Феллон спотыкался о трупы и видел, как по обе стороны от него в бегущую толпу врзались кваатские всадники, рубившие направо и налево своими кривыми саблями. Он бросил мушкет, поскольку у него практически кончились порох и пули, а с разгромом балхибской армии терялась всякая надежда на пополнение запасов. Кое-где балхибские кавалерийские отряды пытались задержать противника, нанося ему разрозненные контрудары, но пехота была разбита наголову и рассеяна.

Давка немного ослабла, когда более быстроногие вырвались вперед, а преследователи проредили ряды отступавших. Неожиданно сзади над головой Феллона раздалась кваатская речь. Он оглянулся и увидел рядом с собой одного из всадников в меховых шапках. Тот сидел на своей айе, кричал что-то и размахивал саблей. Феллон фразу не понял, но разобрал слова «Кваат» и «Балхиб» — по-видимому, лихой рубака не мог понять, за какую армию сражался Феллон, одетый не по форме.

— Да здравствует Англия! — крикнул Феллон, поймал кваатца за сапог и дернул. Застигнутый врасплох наездник

вывалился из седла, в которое тут же вскочил Энтони Феллон. Он развернул животное перпендикулярно направлению погони и послал айю галопом.

Глава XIX

Через четыре дня, обогнув район боевых действий с севера, Феллон добрался до Занида. Гекланские ворота едва справлялись с потоком беженцев: как участников битвы при Хосе, так и сельских жителей, стремившихся укрыться за городскими стенами.

Охранявшие ворота стражники поинтересовались именем Феллона и потребовали, чтобы он доказал, что является истинным занидским патриотом — хоть и не-кришнаитского происхождения.

— Из роты Джуру, говоришь? — сказал один из них. — Слышал я, что едва ль не в одиночку вы чуть сражение не выиграли, отбросив орды степняков, когда они фланг армии пытались завернуть, и только колесницы паровые адские врага вас с поля боя потеснили.

— Это куда более правдивое описание битвы, чем я ожидал услышать, — сказал Феллон.

— Да разве честности могли дожждаться мы от варваров степных? И применив столь подлое оружие, лишь показали нам они, что не имеют представления о правилах цивилизованного боя.

Феллон не стал указывать, что если бы проиграли кваатцы, они с таким же основанием жаловались бы на ружья, которые применил противник, и проклинали бы его бесчестное коварство.

— А что еще известно? Балхибская армия существует?

Другой стражник пожал плечами в кришнаитской манере.

— Говорят, что Хабарьян сумел собрать остатки кавалерии своей и контрудар нанес под Малмаджем, но был убит при этом. Не знаешь ничего ты о местонахождении врага? С вчерашнего утра проходят в город люди, кои утверждают, что джунгавцы насаждают им на пятки.

— Не знаю, — сказал Феллон. — Я ехал северной дорогой и их не видел. Так можно мне в город?

— Да — правда, нужно еще одну пустячную формальность соблюсти. Клянешься ли ты в верности Лорду-протектору Балхибскому, пандру могучему и благородному, Чиндору эр-Квинану?

— Э-е? Как ты сказал?

Стражник пояснил:

— Дела такие: как я уже сказал, пал Хабарьян при

Малмадже. И лорд Чиндор примчался с поля боя и, весь в крови еще и в пыли, пошел докладывать его величеству доуру о тех несчастьях, что на нас свалились. И пока они наедине беседовали в тронном зале, Кир — в припадке меланхолии — свой выхватил кинжал и им сразил себя. Тогда Чиндор собрал тех членов кабинета, что живы были, и убедил их надеть его немедля властью чрезвычайной, на время кризиса. Клянешься ты, иль нет?

— О — да, конечно, — сказал Феллон. — Клянусь.

Про себя Феллон почти не сомневался в том, что сам Чиндор и ускорил отход Кира в мир иной, после чего силой заставил министров объявить себя диктатором.

Он проехал в ворота и, не теряя времени, поскакал по узким улочкам к собственному дому. Он опасался, как бы его домовладелец не вселил новых жильцов, поскольку Феллон запоздал с арендной платой. Но, к своей радости, он нашел свой домик таким же, каким его оставил.

Теперь он был намерен заполучить обрывок векселя, который остался у Квейса — захочет тот с ним расставаться, или нет. Затем можно было отправляться за последним обрывком к Кастамбангу, которому, если понадобится, можно будет рассказать какую-нибудь правдоподобную историю: скажем, что Квейс вручил ему бумагу, поскольку намеревался бежать из города.

Феллон торопливо умылся, сменил одежду и набил вещевой мешок тем своим имуществом, с которым было жаль расставаться. Еще через несколько минут он уже вышел на улицу, запер за собой дверь — в последний раз, если все сложилось бы так, как он рассчитывал — привязал мешок к седлу айи и вскочил на нее сам.

Привратник в таверне Ташина сказал, что — да, мастер Турандж был у себя, и пусть добрый господин пройдет прямо наверх. Феллон пересек двор — непривычно пустой — и поднялся на второй этаж.

Когда он ударил в гонг перед номером Квейса, изнутри никто не ответил. Он толкнул дверь, и она легко открылась. Заглянув в комнату, он схватился за рукоять рапиры, но тут же отпустил ее.

Квейс из Бабааля валялся на полу, и его туника была пропитана коричневой кришнаитской кровью. Феллон перевернул труп и увидел, что шпиона пронзили почти насквозь, по-видимому, рапирой. Пол рядом с ним был усеян документами.

Опустившись на корточки, Феллон просмотрел бумаги, но той, которую он искал, среди них не оказалось. Тогда он обыскал сначала труп, а потом и всю комнату.

Документ так и не нашелся. Первая догадка Феллона

оказалась верной: Квейса убил тот, кто знал о разорванном на три части векселе и стремился заполучить его.

Но кто? Насколько помнил Феллон, о векселе не было известно никому, кроме Квейса, Кастамбанга и его самого. Деньги находились у банкира, так что, если бы тот решил присвоить их, он бы мог сделать это без всяких бумажек.

Феллон обыскал комнату еще раз, но не обнаружил ни трети векселя, ни чего-либо, способного пролить свет на личность убийцы.

В конце концов он сдался, вздохнул и вышел. Во дворе он спросил у привратника:

— Мастером Туранджем никто до меня не интересовался? Тот задумался.

— Да, господин, напомнили вы мне. К нему тут приходили час назад или чуть поболее.

— Кто? Как он выглядел?

— Он был землянин, как и вы, и тоже был одет прилично.

— Но как он выглядел? Высокий — низкий? Худой — толстый?

Привратник безразлично пожал плечами.

— Вот этого сказать я не могу, мой добрый господин. Ведь вы, земляне, все на одно лицо — поди вас, отличи.

Феллон сел на свою айю и пустил ее размеренной рысью на восток, направляясь через весь город в банк Кастамбанга. Скорее всего, ехал он впустую, но он не мог себе позволить пренебречь даже самым призрачным шансом получить свои деньги.

На улицах Занида царило сдержанное возбуждение. Тут и там можно было заметить бегущих. Один из них крикнул:

— Джунгавцы у города! Все на стены!

Феллон поехал дальше. Проезжая мимо Дворца Правосудия, он обратил внимание, что выставка голов казненных была более представительна, чем обычно. Он окинул ее самым беглым взглядом и поехал дальше, но тут до него дошло, что одна из голов была ему знакома.

Он оглянулся и с ужасом убедился, что эта голова с отвисшими щеками и нижней губой действительно принадлежала раньше тому самому кришнаиту, к которому он направлялся. На табличке под головой было написано:

КАСТАМБАНГ ЭР-АМИРУТ

Банкир из Габанджа,
в возрасте 103 лет 4 месяцев.

Осужден за измену
десятого числа месяца Харау.

Казнен
двенадцатого того же месяца.

Измена, по-видимому, заключалась в финансировании Квейса из Бабааля, разоблаченного агента гуура. А поскольку нормальной юридической процедурой балхибского правосудия являлись пытки осужденных — чтобы те выдали имена сообщников — обезумевший от боли Кастамбанг вполне мог упомянуть и Энтони Феллона. И теперь у Феллона имелась еще более веская причина спешно покинуть Занид, чем перспектива окружения и взятия города кваатцами.

Он пришпорил айю и поскакал к Луммским воротам, решив больше не мешкать. Однако, миновав несколько уличных кварталов, он понял, что контора Кастамбанга лежит прямо на его пути. И когда он проезжал мимо, он не мог не заметить, что ворота дома сорваны с петель.

Не в силах побороть любопытство, он потянул за повод и завернул во двор. Повсюду были видны следы буйства толпы. Дворик был усеян осколками изящных Катай-Джогорайских статуй. Фонтаны молчали. Валялись и другие предметы. Феллон спешил и наклонился, чтобы рассмотреть их. Это были папки, векселя, конторские книги и прочие банковские принадлежности.

Феллон предположил, что после того, как Кастамбанга арестовали, у его дома собралась толпа, которая и разграбила его под патриотическим предлогом, что имущество изменника должно принадлежать народу.

Оставался еще небольшой шанс на то, что по крайней мере одна из двух недостающих частей векселя оставалась в доме. На самом деле, подумал Феллон, ему не стоило тратить время на поиски — занидский климат явно стал вреден для его здоровья. Но, с другой стороны, это могла быть его последняя возможность вернуть Замбу.

И был еще этот загадочный убийца Квейса. Побывал ли он уже и у Кастамбанга?

Феллон просмотрел все разбросанные по двору бумажки. Ничего.

Он прошел в дом и обнаружил у самых дверей труп одного из колофтян Кастамбанга.

Где банкир скорее всего мог хранить обрывки — или обрывок — векселя? В тот день, когда вексель был выписан, Кастамбанг спрятал свою часть в ящик стола в подземном конференц-зале. Феллон решил, что обыщет берлогу и, даже если ничего не найдет, немедленно уедет из города.

Подъемник, конечно, не работал, но Феллон нашел ведущую вниз лестницу. Сняв со стены лампу, он долил ее маслом из другой, подровнял фитиль и поджег его, чиркнув зажигалкой. После чего спустился.

В коридоре было темно и тихо. Шаги и дыхание Феллона казались слишком шумными.

Хорошая память и безотказное «чувство направления» позволили ему быстро найти путь к берлогу Кастамбанга через длинный ряд комнат и коридоров. Защитники даже не успели воспользоваться выдвижной решеткой. На полу поблескивало несколько монет, оброненных толпой, но дверь в саму берлогу была закрыта.

Почему бы это? Разбушевавшиеся погромщики вряд ли дали бы себе труд прикрыть за собой дверь.

К тому же, она была притворена неплотно, и в оставленную щель пробивался свет. Положив руку на рукоятку рапиры, Феллон уперся ногой в дверь и с силой толкнул. Дверь с треском распахнулась.

Комната была освещена свечой, которую держала кришнаитка, стоявшая спиной к двери. Лицом к Феллону, с другой стороны большого стола, стоял землянин. Как только дверь распахнулась, женщина тоже развернулась лицом к ней. Мужчина выхватил меч.

Чисто рефлекторно Феллон тоже обнажил рапиру, но так и остался стоять на пороге с раскрытым от изумления ртом. Женщиной оказалась Гази эр-Дукх, а мужчиной Уэлком Вагнер в кришнаитском наряде.

— Привет, Гази, — сказал Феллон. — Это твой новый джагейн? Ты что-то стала их часто менять в последнее время.

— Нет, Антане, не джагейн он мне — но больше. Он дал мне то, что я всю жизнь искала — свет истинной религии.

Пока Гази говорила, Феллон окинул комнату взглядом, заметив, что великолепный квонговый стол Кастамбанга сильно пострадал от топора и зубила и был безнадежно испорчен. Все его ящики были изрублены или взломаны, а бумаги, которые в них лежали, валялись на полу. Только на покрытой следами от топора крышке стола перед Вагнером лежали два небольших бумажных прямоугольника. И хотя от двери Феллону не было видно, что на них написано, он был уверен — по их размерам, форме и цвету — что это обрывки его векселя.

— Где ты это взял? — спросил он у Вагнера.

— Одну часть у того, у кого она была, а другую из этого вот ящика, — сказал Вагнер. — Пришлось же мне за ними погоняться!

— Они мои. Я их заберу, если ты не возражаешь.

Вагнер взял оба бумажных прямоугольника в левую руку и сунул их в карман.

— А вот тут-то ты и ошибаешься, мистер. Они не принадлежат никому — так что, если они стоят денег, все пойдет Истинной Церкви — на распространение света. Я полагаю, третий обрывок у тебя?

— Давай-ка сюда эти два, — сказал Феллон, делая шаг вперед.

— Ты давай свой, — сказал Вагнер, начиная обходить стол. — Я против тебя ничего не имею, парень, но экуменическому монотеизму эти бабки нужны куда больше, чем тебе.

Феллон сделал еще шаг.

— Так это ты убил Квейса?

— Если бы не я его — он бы меня. И делай то, что тебе говорят. Но без глупостей: я неплохо управлялся с этими железками — до того, как увидел истину.

— Как ты узнал о Квейсе?

— Я был во Дворце Правосудия, когда судили Кастамбанга, и слышал его показания. Гази знала о векселе, разорванном на три части — об остальном догадаться было не трудно.

— Кончайте болтовню, — сказала Гази, ставя свечу на стол. — Иль разделите деньги, иль отношения выясняйте в другом каком-то месте. Занид вот-вот возьмут — сейчас не время препираться.

— Моя крошка, как всегда, практична и верна себе, — сказал Феллон, потом обратился к Вагнеру: — Однако же интересный из тебя святой отец получается. Совершаешь два убийства — по крайней мере, собираешься довести счет до двух — и сматываешь вместе с добычей и красоткой — и все во имя своего бога...

— Ты ничего в этом не понимаешь, — беззлобно ответил Вагнер. — В отличие от тебя, я не нарушаю норм морали. С Гази у нас чисто духовные отношения. Она будет мне сестрой...

В этот момент Вагнер по-кошачьи прыгнул вперед, выставив вперед рапиру. Спасая жизнь, Феллон едва успел отбить удар и тут же сделал ответный выпад, но Вагнер без труда парировал. Клинки метались и поблескивали в полутьме: вжик-дзинь-бом!

В комнате было слишком тесно для свободного маневрирования, и Феллону к тому же мешала лампа, которую он держал в левой руке. От тряски из нее проливалось масло. Вагнер фехтовал умело и стремительно, и у него была сильная рука.

— Кончайте, недоумки! — воскликнула Гази как раз в тот момент, когда Феллон решил швырнуть лампу в фанатичное сосредоточенное лицо противника. Она схватила Феллона сзади за тунику и потянула. Феллон поскользнулся на какой-то бумажке. Вагнер сделал энергичный выпад.

Феллон успел заметить, как острие клинка миссионера приближается к его грудной клетке. Он только начал поднимать рапиру, когда острие скрылось из вида, и все его тело прострелило ледяной болью.

Вагнер извлек рапиру и отступил на шаг, оставаясь в боевой стойке. В ушах Феллона что-то ревело, но он слышал,

как меч, выпавший из его ослабевшей руки, со звоном упал на каменные плиты. Его колени подогнулись, и он мешком осел на пол.

Откуда-то издалека до него донеслись звук падения погасшей лампы и восклицание Гази, хоть он и не разобрал ее слов. Затем Вагнер рылся в его кошельке у пояса. Последнее, что услышал Феллон, были удаляющиеся шаги Вагнера и Гази. Затем стало тихо и темно.

Феллон так никогда и не узнал, был ли он без сознания, а если был, то как долго. Но когда через неопределенное время он осознал, что валяется на каменном холодном полу в полной темноте, что его туника пропитана кровью, а рана горит адским огнем, он решил, что в таких антисанитарных условиях помирать не годится.

Он пополз к двери. Даже в таком состоянии чувство направления не подвело его. Он сумел преодолеть несколько метров, прежде чем усталость остановила его.

Немного погодя он пополз еще несколько метров. Неуклюже попробовал пощупать собственный пульс, но так его и не нашел.

Короткий отдых, новые метры. И еще, и еще. Он все больше слабел, поэтому каждый раз метров получалось все меньше.

Прошло несколько часов — как ему показалось — прежде чем он дополз до лестницы, по которой спустился в подвал. Мог ли он хотя бы представить себе, как ползет вверх по всем этим ступеням, если едва мог ползти по ровной поверхности?

Что ж, хуже ему от этого все равно не будет.

Глава XX

Энтони Феллон пришел в себя в чистой постели в незнакомой комнате. Когда его зрение пришло в норму, он узнал доктора Нунга.

— Чувствуем себя лучше? — спросил Нунг, а затем проделал с ним все те процедуры, которые обычно выполняют врачи, желая определить состояние пациента. От него Феллон узнал, что находится в доме консула. Через некоторое время доктор покинул его и вернулся с двумя землянами: один из них был Перси Мджипа, а другой худошавый и жилистый белый мужчина.

Мджипа сказал:

— Феллон, это Адам Дали, один из моих пропавших землян. Мне удалось их всех вернуть.

Поздоровавшись своим голосом призрака, Феллон спросил:

— Что произошло? Как я сюда попал?

— Когда камуран торжественно ехал по улице, чтобы вступить в королевский дворец, он заметил, что ты валяешься в канаве у обочины, и приказал убрать тебя вместе с остальным мусором. На твоё счастье, там оказался я. Ещё несколько минут, и тебе пришел бы конец в любом случае. Нунг тебя еле-еле вытащил.

— Кваатцы взяли Занид?

— Город был сдан на особых условиях. Это я их добился, убедив гуура, что занидцы будут защищаться до последнего, и пригрозив лично встать перед Гекланскими воротами, если он попытается прорваться сквозь них. Туземцы уважают твердость, и гуур не такой дурак, чтобы связываться с Новорецифом. Я, вообще-то, не должен был вмешиваться, но мне не хотелось, чтобы варвары гуура испортили такой приличный город.

— Какие же ты выторговал условия?

— О, Балхиб сохраняет местную автономию под управлением Чиндора, который остается пандром. Он, конечно, мерзавец и предатель, но другой кандидатуры не было. Да! И в Заниде не должно находиться более двух тысяч кваатских солдат одновременно — это, чтобы предотвратить грабежи и насилие над горожанами.

— И ты сумел заставить гуура уважать данное обещание после того, как перед ним открыли ворота?

— Его и заставлять не пришлось. Он вообще гораздо чаще держит своё слово, чем большинство остальных туземных боссов. А кроме того, по-моему, он меня побаивается. Понимаешь, он никогда раньше не видел землян с моим цветом кожи и подозревает, что я какой-то там демон.

— Ясно, — пробормотал Феллон. По крайней мере, теперь он понял одну вещь: какими бы странными не казались претензии Мджипы на превосходство землян над «туземцами», они были, хотя бы отчасти, обоснованы личными достоинствами консула, который был превосходным образчиком землянина.

— А куда пропадали твои земляне?

— О, это. Их похитили люди гуура — очередная ловкая интрига твоего покойного друга Квейса. У камурана есть тайный завод в Мадкике, где он производит вооружения, и туда он и переправил наших людей.

— Но они же были псевдо-загипнотизированы...

— Да, а потом псевдо-разгипнотизированы. Много лет назад, еще до того, как технологическая блокада началась всерьез, какой-то кришнаитский психолог успел закончить Венский университет, а не так давно, уже здесь, разработал

процедуру нейтрализации метода Сан Реми. Он поработал с нашими тремя землянами... Расскажите лучше вы, мистер Дали.

Адам Дали прочистил горло.

— После того, как нас подвергли процедуре, нас посетил сам камуран, который приказал изобрести что-нибудь такое, чтобы он мог разгромить балхибцев — или нам непоздоровится. Ему было наплевать на наши протесты или на утверждения, что мы не можем или не знаем как, и все такое прочее. Он просто приказал притащить какого-то землянина — мы так до сих пор и не знаем, кто это был — и снести ему голову просто для того, чтобы убедить нас, что в игрушки играть он не намерен.

— Мы, конечно, сразу подумали о ружьях, но никто из нас не знал, как делается порох. Но мы представляли себе, в общих чертах, как устроена простейшая паровая машина, а камуран предоставил нам на удивление неплохо оснащенную механическую мастерскую. Поэтому мы построили паровой танк с бронированием из квонговых щитов и вооружили его баллистой. Первые два экземпляра не получились, но третий работал и послужил базовой моделью для массового производства.

— Камуран заказал двадцать пять машин и непрерывно нас подгонял, но то металла не хватало, то еще чего-нибудь, и в результате заложено было семнадцать штук, да и из них до поля боя без поломок добрались только три. А судя по тому, что я слышал о ваших мушкетерах, балхибцы занимались примерно тем же самым.

— Да, — сказал Феллон. — Только это был чисто кришнаитский проект. Прощай, технологическая блокада. И я предвижу день, когда от меча тут будет не больше пользы, чем на Земле — и все то время, которое я потратил на уроки фехтования, пропадет даром. Кстати, Перси, а что там с Сафком?

Мджипа ответил:

— По условиям договора гуур получил доступ ко всем балхибским оружейным мастерским и фабрикам, поэтому, когда жрецы Йешта забаррикадировались внутри, он приказал своим людям высыпать перед воротами остатки пороха, захваченного у балхибской армии, и подорвать их.

— Кваатцы, случайно, не нашли в подвале двух кришнаитских философов — Саиньяна и Зарраша?

— По-моему, нашли.

— Где они теперь?

— Не знаю. Полагаю, арестованы и ждут, пока гуур решит, что с ними делать.

— Постарайся освободить их, ладно? Я обещал помочь им.

— Я попробую, — сказал Мджипа.

— А где этот осел Фредро?

— О, он на седьмом небе от счастья, шелкает камерой как пулеметом и перерисовывает в Сафке все подряд. Я договорился с Чиндором, чтобы он дал Фредро порезвиться там, после того как Лийара-медеплавильщик — по причинам, о которых ты должен догадываться — убедил Лорда-протектора запретить культ Йешта. Фредро совсем очумел и болтает без удержу, утверждая, кстати, что Майанд Отвратительный не только был историческим лицом, но сам и построил Сафк в память о своем отце — которым, правда, был не Кхарадж, а какой-то другой тип. Кхарадж же, вроде бы, жил несколькими веками раньше, но в мифах все перепуталось. А Майанда прозвали Отвратительным не за то, что он сделал со своим папой, а потому что он довел королевство до нищеты и измучил своих подданных, строя эту дурацкую улитку... Но если тебе интересно, Фредро тебе сам все расскажет.

Феллон вздохнул.

— Перси, ты будто подрядился всем все устраивать, вот только с моим королевством осечка вышла, — он повернулся к Дали: — А ты знаешь, эти ваши танки и медного арцу не стоили бы против кого-нибудь, кто знал бы о них заранее. Их можно остановить элементарным рвом, или перевернуть, или поджечь.

— Я-то знаю, но балхибцы не знали, — сказал Дали.

Феллон снова обратился к Мджипе:

— А что с Гази и Вагнером? И с моим другом Кордак'ом? Мджипа нахмурился.

— Насколько мне известно, капитан Кордак' пропал без вести после битвы при Хосе — так что, либо он убит, либо попал в рабство к кваатцам. Гази же живет с Фредро.

Феллон криво ухмыльнулся.

— Ах он старый...

— Я знаю. Он снял дом и собирается прожить тут не меньше года, так что... А Унылый Дэн Вагнер, как тебе, наверное, будет приятно услышать, попытался ночью спуститься с занидской стены и был застрелен кваатским лучником.

— Насмерть?

— Да. Похоже, он хотел попасть в Маджбур, чтобы получить по векселю, выписанному Квейсом на банк Кастамбанга, не зная, по-видимому, что балхибское правительство успело с последним караваном отослать в Маджбур приказ заморозить счета Кастамбанга как государственного преступника.

— Угм, — сказал Феллон.

Появился доктор Нунг. Он сказал:

— Вам пора уходить, джентльмены. Моему пациенту необходим покой.

— Хорошо, — сказал Мджипа. — О, еще одно. Как только ты будешь транспортабелен, тебя придется как-то потихоньку вывезти из города. Занидцы знают, что ты шпионил в пользу гуура. Они не могут арестовать и судить тебя открыто, но куча народа поклялась убить тебя при первой же возможности.

— Спасибо, — кисло поблагодарил Феллон.

Кришнаитский год спустя по улицам Майша, столицы Майкарданда, шел неопрятного вида землянин. У него были налитые кровью глаза и небритое лицо, и он нетвердо держался на ногах.

Он только что перепродал несколько сплетен майшской газете, самой старой на Кришне. Половину полученных денег он пропил и сейчас возвращался с остатками в тесную обветшалую комнатенку, в которой жил с майкардандской женщиной. Пошатываясь и выписывая зигзаги, он бормотал себе под нос. Проходивший мимо рыцарь ордена Кварара остановился и посмотрел ему вслед, ничего из его слов, впрочем, не поняв, поскольку не знал английского.

— Если б я токо провернул одно дельце — одну ха-а-рошую операцию — я б собрал б армию, и перправил б эту чертову армию на Замбу, и снова стал б королем... Да, крлем!

Да не опустится тъма

Перевод с английского

В.И. Баканов

Редактор

В.М. Мартов

ГЛАВА 1

Танкреди вновь снял руки с руля и экспансивно взмахнул ими в воздухе.

— ...завидую, доктор Пэдуэй! Вся наша работа в Риме так, ерунда. Ничего масштабного, ничего нового. В лучшем случае — реставрация. Тьфу!

— Увы, профессор Танкреди, — терпеливо произнес Мартин Пэдуэй, — я пока не доктор, хотя надеюсь, и получу степень, если напишу путную статью о ливанских раскопках.

Будучи по натуре водителем крайне осторожным, он судорожно сжимал кулаки, а его правая нога уже давно затекла от постоянного напряжения и попыток проломить пол маленького «фиата».

Танкреди схватился за руль как раз вовремя, чтобы на волосок разминуться с величественной «изоттой».

— Какая разница? У нас здесь каждый «доктор», а доктор он или нет... Вы меня понимаете? С вашими способностями и умом... Так о чем я говорил?

— Трудно сказать. — Мартин закрыл глаза, чтобы не стать свидетелем неминуемой гибели пешехода. — Вы говорили о письменах этрусков, затем о природе времени, затем о римской археоло...

— Ах да, природа времени! Есть у меня одна маленькая идея, понимаете? Все те люди, которые исчезли, они просто-напросто сделали саквояж.

— Что сделали?

— Ну, вояж, совершили путешествие! Во времени. И с той точки в прошлом, где они возникли, история пошла другим путем.

— Получается парадокс, — заметил Пэдуэй.

— Не-е, ствол дерева времени сохранился, просто появились новые ветви. Понимаете, доктор? Таким образом, су-

шествует, возможно, много вариантов хода истории. Они могут и не очень отличаться от нашего. К примеру, занесло пропавшего на дно океана. Ну, съели его рыбы — и все! Или тамошние жители сочли его сумасшедшим; или попросту убили. Ничего не изменится, правда? Но, допустим, он стал королем. Что тогда? Presto, новый ход истории!.. История — это сеть из четырех измерений, сеть прочная, но и у нее есть свои слабые места. Узловые моменты, я бы даже сказал, фекальные точки — в них-то и происходят провалы.

— Какие фокальные точки? — Спросил Пэдуэй, привычно не обращая внимания на оговорки итальянского коллеги.

— О, например, Рим, где пересекаются мировые линии многих знаменитых событий. Или Стамбул. Или Вавилон. Помните того археолога, Скржетузки, исчезнувшего в Вавилоне в 1936 году?

— Я думал, его убили арабы-террористы.

— Ха, тела-то не нашли! Рим, похоже, вскоре вновь станет средоточием великих событий. Следовательно, сеть здесь ослабнет.

— Лишь бы Форум не бомбили, — произнес Пэдуэй.

— Какие бомбы?! Серьезных войн больше не будет — все знают, что это чересчур опасно. Но оставим политику. Сеть времени, как я сказал, прочна. Если человек и проваливается в нее, то на это требуется масса энергии. Вот мухе, повашему, легко вырваться из паутины? — Танкреди, широко улыбаясь, повернулся к молодому археологу. В следующие несколько секунд он успел резко затормозить, высунуть голову в окно, осыпать потоком ругательств несчастного пешехода и вновь повернуться к Пэдуэю. — Вы не откажетесь завтра прийти ко мне на ужин?

— Что? Да, С удовольствием. Я отплываю...

— Si, Si. Я покажу вам свои уравнения. Но прошу — ни слова моим коллегам, понимаете? — Профессор снял руки с руля и патетически воздел их к небу. — Безвредное чудачество, однако может пострадать моя профессиональная репутация.

— Ох! — вырвалось у Пэдуэя.

Танкреди ударил по тормозам, и «фиат» визжа покрышками, замер перед выползшим на перекресток грузовиком.

— Так о чем я говорил?

— О безвредных чудачествах, — ответил Пэдуэй. Ему хотелось добавить, что уж манеру вождения Танкреди к ним причислить нельзя. Но профессор был так добр к нему...

— Ах да! Стоит, знаете ли, только пойти слухам... Вы женаты?

— Что? — *Пора бы уже привыкнуть*, подумал Пэдуэй. — Э... женат.

— Чудесно. Приходите с супругой. Отведаете настоящей итальянской кухни, а не эти набившие оскомину спагетти с мясными шариками.

— Моя жена в Чикаго.

Пэдуэй не стал объяснять, что вот уже больше года они живут порознь. И разве в этом виновата только Бетти? Конечно, женщине такого происхождения и таких вкусов он кажется просто невыносимым: плохо танцует, не желает играть в бридж... А что *для него* развлечение? Просидеть весь вечер в компании себе подобных за разговорами о будущем капитализма или об интимной жизни американских лягушек?! Сперва Бетти увлеклась экзотическими экспедициями, однако, вкусив прелестей походного существования и насмотревшись на мужа, бормочущего над черепками, быстро остыла.

Да и смотреть-то в сущности было не на что — невысокий, тихий, с оттопыренными ушами и большим носом... В колледже его прозвали Мышкой... Нет, сам виноват. Человеку, часто выезжающему в экспедиции, вообще противопоказано жениться. Недаром среди работающих в поле — антропологов, палеонтологов и прочих — такой уровень разводов...

— Высадите меня, пожалуйста, у Пантеона, прогуляюсь немного. Да и до гостиницы рукой подать.

— Хорошо, доктор. Но боюсь, как бы вы не промокли — будет дождь.

— Ничего, у меня при себе плащ с водоотталкивающей пропиткой.

Танкреди выразительно пожал плечами и утопил педаль газа, машина рванула вперед. У Пантеона Мартин вышел, а профессор, размахивая обеими руками, умчался с криком:

— Так значит, завтра в восемь! Жду!

Несколько минут Пэдуэй рассматривал знаменитое здание. Коринфский фасад на кирпичной ротонде — что тут красивого? Разумеется, если учесть, когда все это строилось, нужно отдать должное инженерному искусству, однако...

Его сбил с мысли (хорошо, что не с ног!) невесть откуда выскочивший мотоциклист в военной форме, и Пэдуэй не спеша направился к кучке празднующихся итальянцев у портика. А все-таки хорошая страна! Главное, по сравнению с окружающими он здесь выглядит высоким...

Вдали загромодало, упали первые капли. Пэдуэй ускорил шаг. Плащ плащом, но было жаль новую шляпу. Двенадцать тысяч лир!

Ослепительная молния расколола небо над площадью пополам. Следом обрушился чудовищный удар грома, и тут

же из под ног ушел асфальт. Мартин, ослепленный вспышкой, будто завис в тумане. Потом что-то ударило в подошвы с такой силой, что он едва не упал.

— О ч-черт!

Перед глазами, наконец, прояснилось. Дождь хлестал вовсю, и Пэдуэй, выбравшись из какой-то ямы, побежал под портик Пантеона. Стояла такая темень, что не мешало бы уже включить освещение. Однако фонари не горели.

Пэдуэй с удивлением отметил, что красный кирпич ротонды местами покрыт мраморными плитами. Не иначе как результат тех реставрационных работ, на которые сетовал Танкреди.

Безразличным взглядом Пэдуэй скользнул по фигуре случайного прохожего. Потом глаза его округлились: на мужчине вместо плаща и брюк была грязно-белая шерстяная тога.

Странно. Впрочем, если человеку хочется носить тогу, это его личное дело.

Мартин повернулся...

Под портик, укрываясь от дождя, забежало довольно много людей — все до единого в тогах, некоторые еще и в накидках. Кое-кто без особого любопытства поглядывал на Пэдуэя.

Когда через несколько минут дождь утих и небо очистилось, Пэдуэй впервые испытал настоящий страх. Дело было не только в тогах. Сам по себе этот факт, каким бы странным он ни казался, вполне мог иметь разумное объяснение. Но подобных фактов было такое множество, что все сразу они не укладывались в сознании.

Вместо асфальтовой мостовой — грубо отесанные каменные плиты. Площадь по-прежнему окружали дома — однако совсем другие. А здания Сената и министерства связи — отнюдь не маленькие строения — попросту исчезли.

Изменились и городские шумы. Вдруг смолкли громкоголосые клаксоны такси. Такси вообще не было. Зато медленно и со скрипом протащились по улице Минервы две повозки.

Пэдуэй принялся. Чесночно-бензиновый букет современного Рима уступил место богатейшей симфонии запахов деревни, где главная — и наиболее благородная — партия принадлежала, безусловно, лошади. В воздухе чувствовался и аромат благовоний, плывущий из Пантеона.

Появилось солнце. Пэдуэй вышел под его лучи и задрал голову вверх. Порттик по-прежнему венчала надпись, приписываемая величественное строение Агриппе. Украдкой оглянувшись по сторонам, Мартин шагнул к ближайшей колонне и ударил по ней кулаком.

И скривился от боли, содрав в кровь кожу с суставов.

«Я не сплю. Для сна все это слишком реально и осязаемо. А если я не сплю, значит я сошел с ума...» Но исходя из

такого предположения, очень трудно выработать логичную систему действий.

А эта теория, которую излагал Танкреди... Так что же, он на самом деле провалился во времени, или произошло нечто такое, что заставило его *вообразить*, будто он провалился во времени? Идея провала во времени Пэдуэю активно не нравилась. От нее пахло метафизикой, а Мартин относил себя к убежденным эмпирикам.

Оставалась другая возможность — амнезия. Предположим, удар молнии на какое-то время отшиб ему память... затем что-то вновь ее пробудило. Мало ли что могло произойти, прежде чем он очутился в этой копии древнего Рима! Может, это съемки фильма? Или, к примеру, Бенито Муссолини, тайно мнивший себя воплощением Юлия Цезаря, велел своему народу жить в классическом древнеримском стиле...

Пэдуэй прислушался к болтовне двух зевак. Сам он изяснялся по-итальянски довольно сносно, но не мог понять даже смысла их разговора, хотя звучание языка казалось знакомым. Почему-то вспомнилась латынь — и тут речь зевак стала более понятной. Пэдуэй пришел к выводу, что они используют позднюю форму вульгарной латыни; скорее язык Данте, чем язык Цицерона. Отчаянно напрягая память, он даже мог попробовать сам: *Omnia Gallia e divisa en parte trei, quato una encolont Belge, alia...**

Зеваки заметили, что их подслушивают, нахмурились и, замолчав, отошли в сторону.

Да, гипотеза провала в памяти, пусть и непривлекательная, все же сулила меньше осложнений, чем теория провала во времени.

А если все это — плод его воображения? Может, он стоит перед Пантеоном и воображает, что окружающие носят тоги и говорят на языке середины первого тысячелетия? Или лежит в больнице, пораженный ударом молнии, и воображает, будто стоит перед Пантеоном? В первом случае следует найти полицейского и попросить отвести себя к врачу. Во втором случае этого делать уже не надо...

«Лучше перестраховаться, — решил Пэдуэй. — Один из прогуливающихся здесь людей в действительности наверняка полицейский... Что это я говорю — спохватился он — «в действительности»? Пусть себе ломает голову Бертран Рассел! Как бы найти...»

Вот уже несколько минут вокруг вился нищий горбун, но

* Пэдуэй на смеси латыни и итальянского припоминает начальную фразу из «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря: «Вся Галлия разделена на три части, из которых одна называется Бельгия...» (*Здесь и далее примечания перев.*)

Пэдуэй был глух, как столб, и несчастный уродец, отчаявшись, поплелся прочь. Теперь к Мартину обращался другой человек — мужчина, у которого на раскрытой ладони правой руки лежали четки с крестиком. Большим и указательным пальцами правой руки он сжимал застежку четок и то поднимал свою правую руку, так что четки свисали во всю длину, то опускал их снова на левую ладонь, при этом не переставая что-то говорить.

Каким бы диким ни казалось все происходящее, теперь Пэдуэй, по крайней мере, убедился, что он все еще в Италии.

— Вы не подскажите, где найти полицейского? — по-итальянски произнес Мартин.

Торговец умолк, видя, что товар не находит спроса, пожал плечами и ответил:

— Non compr'endo.

Сосредоточенно нахмурившись, Пэдуэй попытался перевести вопрос на латынь.

Мужчина подумал и сказал, что не знает.

Пэдуэй начал было поворачиваться, когда продавец четок крикнул другому торговцу:

— Марко! Господин желает найти агента полиции.

— Господин — настоящий храбрец! Или просто сумасшедший, — отозвался Марко.

Продавец четок рассмеялся: рассмеялись и еще несколько человек поблизости. Пэдуэй тоже позволил себе легкую улыбку: эти люди хоть и не могли ему помочь, но по крайней мере были похожи на людей.

— Пожалуйста. Мне... очень... нужно... найти... полицейского, — произнес Мартин.

Второй торговец, с большим подносом медных украшений, выразительно покачал головой и разразился длинной тирадой.

Пэдуэй, не разобрав ни слова, обратился к продавцу четок:

— Что он сказал?

— Он сказал, что не знает, где найти агента полиции. Я тоже не знаю.

Мартин сделал шаг в сторону, но продавец четок его окликнул:

— Господин!

— Да?

— Может быть, ты говоришь об агенте городского префекта?

— Да.

— Марко, где господину найти агента городского префекта?

— Не знаю, — сказал Марко.

Продавец четок пожал плечами.

— Я тоже не знаю.

Если бы дело происходило в современном Риме, найти полицейского было бы проще простого. И даже сам великий Бенни не смог бы заставить горожан общаться на другом языке. Следовательно, сделал вывод Пэдуэй, он попал или: 1) на съемки фильма, или: 2) в древний Рим (теория Танкреди), или: 3) в мир, созданный собственным больным воображением.

Мартин двинулся в путь — продолжение разговора требовало от него слишком больших усилий.

Вскоре все его надежды относительно съемок фильма рассыпались в прах. Древнему городу, казалось, не было конца, и даже самой планировкой он разительно отличался от современного Рима.

Вывески лавок были на классической латыни. Правписание, в отличие от произношения, сохранилось без изменений со времен Цезаря. Узкими переулками, редкими прохожими, всем своим сонным патриархальным видом город напоминал Филадельфию.

На сравнительно оживленном перекрестке мужчина в кожаных штанах и яркой полосатой рубаше регулировал уличное движение. Восседаая на лошади и что-то иногда выкрикивая, он порой поднимал руку и останавливал повозку, чтобы пропустить, к примеру, носилки знатного патриция. Пэдуэй прислонился к стене дома и стал вслушиваться. Всадник говорил слишком быстро; слова казались Мартину знакомыми, однако смысла уловить он не мог. Это было мучительно и сравнимо лишь с бессильной яростью рыбака, у которого поклевывает, но не берет. Огромным напряжением воли Пэдуэй заставил себя думать на латыни. Окончания путались, и все же, если придерживаться простых фраз, словарного запаса хватало.

Мартин заметил, что с него не спускают глаз сбившиеся в тайку мальчишки. Когда он строго посмотрел на них, они захихикали и убежали.

Итак, оставалось два варианта: сумасшествие и провал во времени. Причем версия сумасшествия теперь представлялась менее вероятной. Пэдуэй решил исходить из предположения, что факты именно таковы, какими они кажутся.

Но что делать? Нельзя же торчать здесь вечно, глазеть на перекресток! Надо порасспрашивать, надо сориентироваться, надо разработать план действий!.. Беда в том, что Пэдуэй с детства робел перед незнакомцами. Дважды он открывал рот — и замирал, не в силах произнести ни звука. Наконец он сумел взять себя в руки.

— Прошу прощения, какое сегодня число?

Человек, к которому обратился Мартин — добродушного вида мужчина с буханкой хлеба под мышкой — застыл на полушаге. Его лицо отразило полнейшее недоумение.

— Qui'e'? Что?

— Меня интересует дата, — медленно произнес Пэдуэй.

Прохожий нахмурился. «Быть беде!» с опаской подумал Мартин. Однако мужчина лишь сказал:

— Non compr'endo.

Пэдуэй нашарил в кармане карандаш, вытащил блокнот и записал свой вопрос на бумаге.

Прохожий уставился на листок; напряженно шевеля губами. Наконец лицо его просветлело, и он воскликнул:

— А, так ты хочешь узнать *gamy*?

— Sic, дату.

Мужчина выдал длинную тираду. С таким же успехом он мог говорить на тарабарском наречии. Пэдуэй отчаянно замахал руками.

— Lento!

— Я сказал, что понял тебя, чужеземец. По-моему, сегодня девятое сентября, хотя точно не уверен — забыл, когда была годовщина свадьбы моей матери, три дня назад или четыре.

— А какой год?

— Какой год?

— Sic, какой год?

— Тысяча двести восемьдесят восьмой Anno Urbis Candi-tae.*

Теперь уже Пэдуэй застыл в недоумении.

— А какой это будет в христианском летоисчислении? — наконец произнес он.

— Ты хочешь знать, сколько лет прошло после рождения Христа?

— Hoc ille, верно.

— Ну... Понятия не имею. Спроси лучше у священника, чужеземец.

Мужчина пошел дальше по своим делам, а Пэдуэй остался на месте. Прохожий его не укусил и на вопросы отвечал довольно любезно, но у Мартина подгибались колени. Похоже, что он, человек глубоко миролюбивый и спокойный, попал не в самое спокойное время.

Так что же делать? Что вообще следует делать любому разумному человеку в подобной ситуации? Обеспечить себя кровом и найти способ существования.

Мартин завернул в глухой переулок и тщательно изучил содержимое своих карманов. От увесистой пачки итальянских банкнот проку было не больше, чем от сломанной мышеловки за пять центов, даже меньше — мышеловку все-таки можно починить и использовать. Чеки «Америкэн Экспресс»,

* От основания Города.

водительское удостоверение, выданное штатом Иллинойс, ключи в кожаном чехольчике... Вся эта дребедень и гроша ломаного не стоит. Зажигалка, ручка, карандаш — это имеет какой-то смысл, пока не пересох фитиль, не исписались чернила и грифель. Часы и перочинный ножик стоят здесь, безусловно, немало, но Пэдуэю хотелось сохранить их как можно дольше.

Он пересчитал горстку мелочи. Всего монет было двадцать, включая четыре серебряные, на общую сумму сорок девять лир и восемь центезимо, то есть около пяти долларов. Серебряные и бронзовые монеты наверняка обмениваются. Что же касается никелевых центезимо... Будет видно.

Пэдуэй вновь зашагал и остановился перед заведением под вывеской «С.Дентатус, ростовщик и золотых дел мастер». Постоял немного, глубоко вздохнул и вошел в дверь.

— Я... Вот, хотел бы поменять на местные деньги, — проговорил он, вытащив мелочь. Как обычно, ему пришлось повторить фразу дважды.

С.Дентатус, словно жаба, которую он сильно напоминал, не мигая уставился на монеты. Потом слегка царапнул каждую заостренным инструментом.

— Откуда они — и ты — взялись? — спросил он скрипучим голосом.

— Из Америки.

— Никогда не слышал.

— Это очень далеко.

— Гм-м... Из чего они сделаны? Из олова?

— Из никеля.

— Что это такое? Какой-то чудной металл из твоей страны?

— Нос ille.

— Сколько он стоит?

У Пэдуэя мелькнула мысль назначить за монеты фантастически высокую цену, но пока он набирался смелости, С.Дентатус грубо нарушил его мечты:

— Неважно, мне они и даром не нужны. Кто их станет покупать? А вот эти... — Ростовщик достал безмен и взвесил по отдельности серебряные и бронзовые монеты. Затем пощелкал костяшками маленького медного абака и объявил: Чуть меньше одного солида. Ладно, дам тебе ровно солид.

Пэдуэй не спешил отвечать. Внутренне он был готов взять то, что дают, так как терпеть не мог торговаться, да и все равно не знал, что сколько стоит. Но для поддержания престижа требовалось тщательно взвесить предложение.

Сулицы донеслись голоса, и в дверь ввалился посетитель — шумный краснолицый здоровяк в кожаных штанах и полотноной рубахе. Его огненно-рыжие усы грозно торчали в

стороны, длинные волосы были собраны сзади в хвостик. Он широко улыбнулся Пэдуэю и восторженно взревел:

— Но, friond, habais faurthei! Alai skalljans sind waidedjans.

«О Боже, еще один язык!» — подумал Пэдуэй.

— Простите... Не понимаю.

Здоровяк немного сник и перешел на латынь:

— Глядя на твою одежду, я решил, что ты из Херсонеса. Не могу молчать, когда на моих глазах надувают такого же простого гота, как я!

Он разразился оглушительным смехом. Пэдуэй даже вздрогнул от неожиданности; и тут же помолил Бога, чтобы никто этого не заметил.

— Благодарю. Сколько же стоят эти монеты?

— А сколько он тебе предложил?

Пэдуэй сказал.

— Тебя гнусно обманули! — воскликнул гот. — Ну-ка, заплати ему по справедливости, Секстус, не то ты у меня проглотить все свое серебро. Ха-ха-ха, вот было бы забавно!

С.Дентатус тяжело вздохнул.

— Хорошо, хорошо. Полтора солида. Так можно и ноги протянуть, если каждый будет лезть не в свое дело!

Пока ростовщик отсчитывал на стойке девяносто сестерций, гот спросил:

— Ты откуда, чужестранец? Из земель гуннов?

— Еще дальше, — ответил Пэдуэй, — из Америки. Не слыхал?

— Признаюсь, нет. Это любопытно. Я чертовски рад, что встретил тебя, по крайней мере будет что рассказать жене. А то она уверена, что стоит мне попасть в город, как я прямоком бегу в бордель, ха-ха-ха! — Гот порывлся в маленькой сумочке и вытащил массивный золотой перстень и не ограненный камень. — Секстус, смотри, опять выпал... Укрепи-ка его, а? И не вздумай подменить!

Когда они вышли на улицу, гот понизил голос и доверительно сообщил:

— Сейчас я в городе по делу — на мой дом наложили заклятье.

— Заклятье?

— Дома мне тяжело дышать. Я хожу вот так... — Он астматически запыхтел. — А стоит выйти — все нормально!..

— Скажи-ка, — задумчиво произнес Пэдуэй, — ты животных в доме держишь?

— Только собак. Скотину мы, конечно, в дом не пускаем. Хотя вчера заскочил поросенок и удрал с моим ботинком. Пришлось бегать за ним по всему двору. Вот зрелище было, ха-ха-ха!

— Не держи собак в доме и каждый день хорошенько проветривай, — посоветовал Пэдуэй. — Может быть, одышка пройдет.

— Гм-м, любопытно. В самом деле?

— Не знаю. Некоторым тяжело дышится из-за собачьей шерсти. Попробуй.

— И все же, думаю, это заклятье. Я перепробовал уйму средств: от лечебных снадобий до зуба святого Игнатия. Без толку! — Он чуть замялся. — Не сочти за обиду, дружище... Кем ты был у себя в стране?

Пэдуэй стал лихорадочно соображать, ища выход из типичовой ситуации, и вдруг вспомнил о принадлежащих ему нескольких акрах земли в Иллинойсе.

— Земледельцем, — довольно уверенно заявил он.

— Здорово! — взревел гот, так хлопнув Пэдуэя по плечу, что Мартин едва не упал. — Я — добрая душа, но не люблю, понимаешь, знаться с людьми много ниже или выше меня по положению, ха-ха-ха!.. Невитта. Невитта, сын Гуммунда. Будешь проходить по Фламиниевой дороге — заглядывай. Мои земли в восьми милях отсюда к северу.

— Спасибо. Меня зовут Мартин Пэдуэй. Где здесь можно снять приличную комнату?

— Если бы я не собирался сорить деньгами, то выбрал бы место ниже по реке. У Виминала полно постоянных дворов. А хочешь, помогу? Мне спешить некуда. — Гот пронзительно свистнул и заорал: — Hermann, hiri her!

Германн, одетый в точности как его хозяин, поднялся с мостовой и затрусил навстречу, ведя на поводу двух лошадей. При каждом шаге широкие кожаные штанины бились друг о друга, издавая громкое «хлоп-хлоп».

— Как, говоришь, твое имя? — спросил Невитта, когда они уже целеустремленно шли по улице.

— Мартин Пэдуэй. Попросту — Мартинус.

Пэдуэй не хотел злоупотреблять покладистым нравом Невитты, но ему отчаянно нужна была информация. Поэтому, для приличия немного выждав, он поинтересовался:

— Ты не подскажешь, к кому в Риме можно обратиться в случае нужды — ну, там, врач, законник...

— Конечно, подскажу! Делами чужеземцев занимается Валерий Муммий, его контора подле базилики Эмилия. Что касается лекаря, то лучше моего приятеля Лео Веккоса никого не сыскать. Он грек, однако парень неплохой. Хотя лично я считаю, что мощи арианского святого ничуть не хуже, чем самые мудреные травы и настои.

— Вполне вероятно, — согласился Пэдуэй, записывая имена и адреса. — А банкира посоветуешь?

— Ростовщика? Предпочитаю не иметь с ними дела —

кому охота забираться в долги? Но если уж припекло, ступай к Томасусу-сирийцу, рядом с Эмилиевым мостом. Только гляди в оба!

— Он нечестен?

— Томасус? Конечно, честен! Просто с ним нельзя зевать, вот и все. Эй, похоже, подходящее место.

Невитта забарабанил в дверь. На пороге появился грязный нечесаный человек.

Комната здесь действительно сдавалась — плохо освещенная, смрадная... как везде в Риме. За нес просили семь сестерций.

— Предложи половину, — театральным шепотом произнес Невитта.

Пэдуэй так и сделал. После долгих и скучных торгов сошлись на пяти.

Невитта крепко сжал руку Пэдуэя в своей огромной красной ручище.

— Не забудь, Мартинус, как-нибудь приходи. Я всегда рад послушать человека, который говорит на латыни еще хуже меня, ха-ха-ха!

Он и Германн сели на лошадей и исчезли в конце улицы.

Пэдуэю было жаль с ними расставаться. Но у Невитты свои дела... Мартин проводил новых знакомых взглядом и вошел в мрачный пахучий дом.

ГЛАВА 2

Пэдуэй проснулся рано. Во рту был неприятный привкус, в животе постоянно бурчало, словно играл оркестр кузнечиков. Возможно, все из-за ужина — не то чтобы плохого, но, безусловно, непривычного, в основном состоявшего из тушеного мяса с луком. Хозяин копоны, должно быть, немало удивлялся, почему этот странный посетитель то и дело елозит руками по столу — Пэдуэй машинально искал отсутствующие нож и вилку.

Ночь он провел плохо — непривычно спать на постели, состоящей лишь из набитого соломой матраца; да и тот обошелся ему в лишний сестерций. Ужасный зуд поутру заставил Мартина задрать майку. Ну разумеется, красная сыпь недвусмысленно показала, что ночь он провел в конечном счете не один.

Пэдуэй встал и умылся с мылом, купленным накануне вечером, — тогда он приятно удивился, что мыло уже вошло в обиход. Оно сильно смахивало на сгнивший тыквенный пирог, а внутри было мягкое и липкое из-за неполного гашения соды. Руки и лицо Мартина горели, будто он натер их мелкой шкуркой.

Затем Пэдуэй предпринял попытку побриться с помощью оливкового масла и лучшей бритвы, которую могло произвести шестое столетие. Процесс оказался таким болезненным, что Мартин задумался: а может, пусть природа берет свое?

Вот так переплет! И денег от силы на неделю... Знай он, что провалится в прошлое, непременно подготовился бы: захватил с собой энциклопедию, книги по металлургии, математике, медицине и так далее. И обязательно оружие с комплектом боеприпасов.

Но у Пэдуэя не было ни оружия, ни энциклопедии. У него вообще ничего не было — только то, что носит современный человек в карманах. Ну и голова на плечах. На нее вся надежда.

Необходимо найти такой способ использовать свои знания, который обеспечил бы ему приличную жизнь и при этом не доставил неприятностей. Нельзя, к примеру, просто взяться за постройку автомобиля — потребуется двести лет, чтобы произвести необходимые детали, а потом еще столько же, чтобы собрать их в единое целое. Не говоря уж о горючем.

Утро выдалось теплым, и Пэдуэй решил оставить жилетку и шляпу в комнате. Но потом бросил взгляд на дверь с примитивным замком, из которого торчал бронзовый ключ — достаточно большой, чтобы вручать его от имени городских властей заезжим знаменитостям. Мартин не сомневался, что при желании мог бы открыть этот замок лезвием ножа. Пришлось одежду брать с собой.

Завтракать он отправился в уже знакомую копону, украшенную огромной вывеской: «ВЕСТИ РЕЛИГИОЗНЫЕ СПОРЫ ЗАПРЕЩАЕТСЯ», и, перекусив, спросил у хозяина, как найти Томасуса-сирийца.

— Ступай по Длинной улице до арки Константина, потом по Новой улице до базилики Юлиана, потом поверни направо на Тосканскую...

Пэдуэй заставил хозяина повторить дважды и все равно потратил на поиски почти целое утро. Проходя мимо Ульпиевой библиотеки, он с трудом подавил в себе желание послать все к черту. Мартин любил библиотеки, обожал читать старинные манускрипты и вовсе не жаждал встречи со странным банкиром, в странной обстановке, по странному поводу... Более того, предстоящее дело нагоняло на него ужас. Но таков уж был Мартин Пэдуэй: его решимость проявлялась именно в момент наибольшего испуга. И он мрачно, целеустремленно зашагал дальше.

Томасус-сириец занимал убогий двухэтажный домик. Негр у двери — очевидно, раб — провел Пэдуэя в некое подобие гостиной. Вскоре появился и сам хозяин — лысый толстячок

с катарактой на левом глазу. Банкир подобрал полы своей изрядно потрепанной тоги, сел и молвил:

— Ну-с, молодой человек?

— Я... — Пэдуэй сглотнул и торопливо выпалил: — Меня интересует ссуда.

— Большая?

— Точно пока не знаю. Я хотел бы начать новое дело и должен сперва прощупать рынок: цены, спрос и все остальное.

— Ты хочешь начать новое дело? *В Риме?* Гм-м-м... Томасус потер ладони. — Что можешь дать в залог?

— Ничего.

— *Ничего?*

— Я предлагаю тебе рискнуть.

— Но... но, любезный, неужели ты никого в городе не знаешь?

— Знаю только одного фермера-гота. Невитту, сына Гуммунда. Он меня сюда и послал.

— А, Невитта... Да, я с ним знаком. Он готов за тебя поручиться?

Пэдуэй задумался. Невитта, несмотря на свою душевную щедрость, не производил впечатление человека, щедрого на деньги.

— Нет, — признался Мартин. — Вряд ли.

Томасус закатил глаза к потолку.

— Ты слышишь, о Боже? Вваливается какой-то варвар, едва лепечущий по латыни, набирается смелости заявить, что у него нет ни ценностей в обеспечение, ни поручителя, и нагло просит у меня ссуду! Господи, да где это слыхано?

— Я постараюсь тебя убедить, — вставил Пэдуэй.

Томасус сокрушенно покачал головой и зацыкал зубом.

— Чего у тебя в избытке, так это самомнения, молодой человек. Как, говоришь, твое имя? — Пэдуэй повторил то, что сказал Невитте.

— Ладно, выкладывай свою идею.

— Ты правильно изволил заметить, — начал Мартин, надеясь, что говорит, должным образом сочетая почтение и чувство собственного достоинства, — я чужеземец и только накануне прибыл из Америки. Это очень далекая страна, и люди, разумеется, живут там совсем иначе, чем в Риме. Если ты поможешь мне в производстве некоторых предметов нашего обихода, которые здесь неизвестны...

— Боже! — вскричал Томасус, трагически воздев руки. — Ты слышишь, Боже?! Он не хочет, чтобы я поддержал его в каком-нибудь благоразумном, серьезном деле, о нет! Он самонадеянно хочет развернуть производство каких-то новомодных штучек, о которых никто и слыхом не слыхивал!..

Совершенно исключено, Мартинус, я и думать об этом не стану. А что ты имел в виду?

— У нас есть напиток, который делают из вина, — бренди. Полагаю, он будет пользоваться здесь успехом.

— Какое-то варварское пойло? Нет, мне и в голову не придет рассматривать такое предложение! Хотя я согласен, Риму отчаянно не хватает многих товаров. С тех пор, как столицей объявили Равенну, в городскую казну перестали поступать государственные налоги. Рим неудачно расположен, он никому, в сущности, не нужен. Но где искать помощи? Никого не допросишься. Король Теодохад все время только стихи пишет. Тоже мне, поэт!..

Пэдуэй потихоньку начал вспоминать что-то из римской истории шестого века.

— Кстати о Теодохаде... Королева Амаласунта еще не убита?

— Как же! — Томасус бросил на Мартина подозрительный взгляд. — Убита. Прошлым летом.

Это означало, что Юстиниан, «римский» император Константинополя, вскоре предпримет успешную и роковую попытку вновь завоевать Италию для империи.

— Но почему ты задаешь такой странный вопрос? — продолжил Томасус.

— Можно... можно мне сесть? — прелепстал Пэдуэй и рухнул на скамью. Колени его дрожали. До сих пор происходящее казалось ему каким-то хитрым, нереальным маскарадом. Собственный вопрос об убийстве королевы Амаласунты, помог осознать наконец весь ужас, всю опасность существования в этом мире.

— И все же, чужеземец, почему ты задал такой странный вопрос?

— Странный? — невинно удивился Пэдуэй, сообразив, где допустил ошибку.

— Ты спросил, не убита ли она еще. Словно наперед знал ее судьбу. Ты прорицатель?

Пэдуэй вспомнил совет Невитты глядеть в оба. Да, Томасусу палец в рот не клади!

— Не совсем... — Он пожал плечами. — Я еще прежде слышал, будто бы между двумя готскими правителями пробежала кошка, и Теодохад не прочь избавиться от соперницы. Ну... мне просто интересно, чем это кончилось, вот и все.

— Удивительная была женщина, — произнес сириец. — И недурна собой, даже в сорок лет. Ее утопили в собственной ванне. Лично я думаю, что нашего слюнтя подзуживала его жена, Гуделинда. У самого Теодохада духу бы не хватило.

— Может, она ревновала, — словно оправдываясь, пред-

положил Мартин. — Так как насчет изготовления этого, как ты выразился, варварского пойма?..

— Что? Вот упрямец! Совершенно исключено. В Риме надо вести дело очень деликатно — не то что в каком-нибудь новом городе. Вот в Константинополе... — Томасус вздохнул. — Где легко разбогатеть — так это на востоке. Но я не хотел бы там жить. Благодаря стараниям Юстиниана у еретиков, как он их называет, там слишком много хлопот. Между прочим, какой ты веры?

— А ты? Хотя мне, разумеется, все равно.

— Я несторианин.

— Что ж, — осторожно произнес Пэдуэй, — а я принадлежу к конгрегационалистам. — Это было весьма далеко от истины, но Мартин полагал, что агностицизм вряд ли популярен в помешавшемся на религии древнем Риме. — Практически то же несторианство... Так вот, о производстве бренди...

— Не может быть и речи, молодой человек! Просто немыслимо! Что тебе нужно для начала?

— Большой медный котел и медная трубка, а также вино как исходный материал. Ну и помощников — быстрее дело пойдет.

— Нет, риск слишком велик. Извини.

— Послушай, Томасус, а если я покажу тебе, как вдвое сократить время на ведение банковских книг?

— Ты что, математический гений?

— Нет, но у меня есть система, и я могу обучить твоих людей.

Томасус закрыл глаза, словно левантинский Будда.

— Ну, если тебе нужно не больше пятидесяти солидов...

— Бизнес — всегда риск, ты же знаешь.

— В том-то и беда... Хорошо, согласен. Если твоя система действительно так хороша.

— Под какой процент? — спросил Мартин.

— Как обычно. Три процента.

Пэдуэй был поражен. Потом он осведомился:

— Три процента... за какой срок?

— В месяц, разумеется.

— Слишком много!

— А чего же ты хочешь?

— У меня на родине шесть процентов годовых — это уже немало.

— Чтобы я ссудил деньги под такой процент?! Ты слышишь, Господи? Тебе бы жить среди диких саксов... Но ты мне нравишься. Для тебя — двадцать пять процентов в год

— Все равно много. Я мог бы подумать о семи с половиной.

— Разбой!.. Меньше двадцати и речи быть не может.

— Нет. В крайнем случае девять.

— Увы, мы не договоримся. А жаль — с тобой интересно иметь дело. Пятнадцать.

— Исключено, Томасус. Девять с половиной

— О Господи, ты слышал?! Он хочет меня разорить!.. Уходи, Мартинус, ты зря тратишь время. Больше никаких уступок с моей стороны. Двенадцать с половиной.

— Десять.

— Да понимаешь ли ты латынь?! Все, молодой человек, до свиданья, приятно было познакомиться. — Когда Пэдуэй встал, банкир шумно втянул сквозь зубы воздух, будто его смертельно ранили, и проскрежетал: — Одиннадцать.

— Десять с половиной.

— Сделай одолжение, открой, пожалуйста, рот... Нет, ты все-таки человек. Я думал, может, у тебя акульки челюсти. Или клыки... Ну, ладно. Щедрость и доброта меня когда-нибудь погубят. А теперь давай посмотрим твою счетную систему.

Часом позже три раздраженных писаря сидели напротив Пэдуэя и смотрели на него — один с удивлением, другой с настороженностью, а третий с неприкрытой ненавистью. Мартин только что закончил операцию деления с арабскими цифрами, в то время как служащие, используя римские, едва начали бесконечный процесс «проб и ошибок» которого требовала их система. Пэдуэй перевел свой ответ снова в римские цифры, записал их и показал Томасусу.

— Прошу. Пусть кто-нибудь проверит: перемножит делитель на частное. А их возню можно прекращать — всю ночь просидят.

Служащий средних лет, тот, кто глядел на Мартина с явной враждебностью, списал цифры и мрачно стал проверять. В конце концов закончив, он отшвырнул перо.

— Этот человек — колдун! Он проводит все вычисления в уме, а свои глупые пометки делает, чтобы нас запутать.

— Вовсе нет, — возразил Пэдуэй любезно. — Я могу научить тому же и вас.

— Чтобы я брал уроки у длинноштанного варвара?! Да я... — Но тут его оборвал Томасус, приказав без пререканий делать, что велено. — Я свободный римский гражданин, — ощерился служащий, — и двадцать лет веду конторские книги. Если тебе нужен холуй для этой дьявольской системы, купи какого-нибудь трусливого раба-грека! С меня достаточно!

— Посмотри, что ты натворил! — жалобно вскричал Томасус, когда служащий схватил свой плащ и с шумом выскочил за дверь. — Теперь мне придется нанимать другого, а при нынешнем дефиците работников...

— Ничего, — успокоил Пэдуэй. — Двое оставшихся, освоив американскую арифметику, легко управятся за троих. И это еще не все. У нас есть так называемая двойная бухгалтерия, которая позволяет в любое время знать свое финансовое положение, гарантирует от ошибок...

— Ты слышишь, Господи? Он хочет перевернуть все банковское дело!.. Пожалуйста, не торопись, Мартинус, иначе ты сведешь меня с ума! Дам я тебе ссуду, куплю оборудование, только не вываливай на меня все свои новейшие методы сразу! — Томасус передохнул и продолжил уже более сдержанно: — Что это за браслет, на который ты иногда поглядываешь?

Пэдуэй показал свое запястье.

— Своего рода солнечные часы, только переносные.

— Часы? Гм-м... Попахивает магией. А ты в самом деле не колдун? — Он нервно рассмеялся.

— Нет-нет, — заверил Пэдуэй. — Это простое механическое устройство, вроде... вроде солнечных часов.

— Ах, вот как, понимаю... Но зачем стрелочка, показывающая шестидесятые доли часа? Кому в здравом уме понадобится знать время с такой точностью?

— На моей родине это считается полезным.

— Что ж, другие края, другие нравы... А может, ты дашь сейчас моим ребятам урок этой самой американской арифметики? Покажешь нам, что она и впрямь так хороша, как ты утверждаешь?

— Ладно. — Пэдуэй взял дощечку, нацарапал на воске цифры от 1 до 9 и растолковал их значение. — Теперь подходим к самому главному. — Он начертил кружок. — Этот знак означает «ничто».

Младший писарь поскреб затылок.

— Ты хочешь сказать, что этот символ не имеет значения? Какой же от него прок?

— Я не говорил, что он не имеет значения. Он обозначает ноль — остаток при вычитании, к примеру, двух от двух.

Старший писарь скептически хмыкнул.

— Не вижу смысла. Какая польза от символа, обозначающего то, чего не существует?

— Но слово-то для этого есть! И оно ведь нужно!

— Положим, — согласился старший писарь. — Но мы не используем «ничего» в наших вычислениях. Где это слыхано, чтобы ссуду давали под ноль процентов? Или брали в аренду дом на ноль недель!

— Может быть, — ухмыльнулся младший, — уважаемый господин подскажет нам, как получить доход от нулевой торговли...

— Чем меньше будете меня перебивать, тем раньше я

закончу объяснение! — рявкнул Пэдуэй. — Скоро вы поймете смысл знака «ноль».

На основные правила сложения ушел час. Потом Мартин объявил служащим, что на сегодня достаточно — пусть практикуются самостоятельно. На самом деле он просто выдохся. По натуре Пэдуэй говорил очень быстро, и необходимость продираться через латынь слог за слогом доводила его до безумия.

— Весьма изобретательно, Мартинус, — льстиво сказал банкир. — А теперь всерьез о ссуде. Ты, конечно, не думаешь, что мы сойдемся на такой смехотворно низкой цифре, как десять с половиной процентов...

— Еще как думаю! Мы же условились!

— Ну, Мартинус! Я говорил, *после того*, как мои служащие освоят американскую систему, я рассмотрю возможность ссуды под такой процент. А до тех пор разбрасываться деньга...

Пэдуэй вскочил как ужаленный.

— Ты... ты тот, кто обманывает... О, как по латыни жулик? Если ты немедленно...

— Не горячись, мой юный друг. В конце концов, мои мальчики уже все поняли, теперь они справятся сами. Так что можешь...

— Ладно, пускай справляются сами. А я найду другого банкира и обучу его служащих полностью: вычитание, умножение, деле...

— Опомнись! — возопил Томасус. — Нельзя же разносить секрет по всему Риму! Это несправедливо по отношению ко мне!

— Нельзя?! Посмотрим! Да я на этом обучении еще и заработаю! Если ты думаешь...

— Мартинус, Мартинус! Давай не будем принимать поспешных решений! Вспомни, что говорил Христос о долготерпении. Я сделаю тебе особую уступку, так как ты начинаешь новое дело...

Пэдуэй получил ссуду под десять с половиной процентов. И скрепя сердце дал слово не раскрывать секрета до ее погашения.

Медный котел Мартин купил в лавке старьевщика — по крайней мере, так он назвал про себя это заведение. Однако никто никогда не слышал о медных трубках. После того, как они с Томасусом обошли всех скобяных торговцев в городе, Пэдуэй занялся медниками. Те тоже слухом не слыхивали о медных трубках. Правда, некоторые вызвались изготовить желанный предмет на заказ — по астрономическим ценам.

— Мартинус! — взмолился банкир. — Мы прошагали миль пять, мои бедные ноги не выдерживают! Не согдится ли тебе свинец? Его у нас сколько хочешь!

— Сгодился бы, если бы не одно «но», — сказал Пэдуэй. — Мы отравим всех своих клиентов. А это может создать нам дурную репутацию.

— Так или иначе, дело не движается!

Пэдуэй задумался под пристальными взглядами Томасуса и Аякса, раба-негра, который нес котел.

— Найти бы сноровистого подручного... Как у вас нанимают работников?

— Никак, — отрезал Томасус. — Совершенно случайно. Можно купить раба — но у тебя не хватит денег, а я не пойду на такое рискованное вложение. К тому же потребуются опытный надсмотрщик, чтобы заставить раба работать по-настоящему.

— А может, повесим у тебя над дверью вывеску: есть, мол, вакансия для мастерового.

— Что?! — воскликнул банкир. — Ты слышишь, Господи? Сперва он выманивает у меня деньги, а теперь хочет обезобразить мой дом! Неужто нет предела...

— Не надо так волноваться, Томасус. Вывеска будет небольшой и очень красивой. Я нарисую ее сам. Ты же заинтересован в успехе моего предприятия?

— Ничего не выйдет. Опоганить жилище, унижить себя физическим трудом... И все равно большинство работников не умеют читать. Нет-нет-нет, даже не заговаривай об этом! А какого размера должна быть вывеска?

Вечером Пэдуэй едва добрался до постели. Пути назад, в родное время, не было. Никогда больше ему не изведать прелестей «Американского журнала археологии», Микки Мауса, теплого ватерклозета, разговора на простом, богатом, выразительном английском языке...

Пэдуэй нашел работника на третий день после знакомства с Томасусом — смуглого хвастливого и нахального маленького сицилийца по имени Ганнибал Сципио.

Тем временем он снял полуразвалившийся дом на Квиринале, перенес туда весь свой нехитрый скарб и купил тогу, чтобы носить поверх брюк и не так бросаться в глаза. Взрослые редко обращали на него внимание в этом разношерстном городе, зато детишки преследовали Мартина буквально по пятам, с громкими криками бегая за ним по улицам. Он потребовал, однако, вшить в тогу просторные карманы — несмотря на протесты оскорбленного портного, не желавшего портить добротную элегантную одежду дьявольскими нововведениями.

Пэдуэй обстругал деревяшку и показал Ганнибалу Сципио, как обмотать ее полосками меди. Ганнибал немедленно заявил, что знает о пайке абсолютно все. Но, когда Пэдуэй попробовал согнуть трубку для дистиллятора, швы сразу пол-

опались. После этого самоуверенности у Ганнибала чуть поубавилось — на некоторое время...

Пэдуэй с тревогой ждал великого дня первого выхода дистиллята. Согласно теории Танкреди на древе времени должна образоваться новая ветвь. Но вдруг профессор ошибается? Вдруг какие-то действия Пэдуэя столь разительно изменят курс истории, что само его рождение в 1908 году станет невозможным, и Мартин попросту исчезнет?

— Разве не нужно прочитать заклинание или что-нибудь в этом духе? — спросил Томасус-сириец.

— Нет, — отрезал Пэдуэй. — Я уже трижды говорил, что волшебство тут ни при чем.

Впрочем, в душе он понимал ростовщика: ночной поход в старый полуразвалившийся дом, загадочная громоздкая аппаратура, неверный свет масляных ламп, опасно замершие Ганнибал Сципио и Аякс... Негр, страшно оскалив зубы и выпучив глаза, смотрел на перегонную установку так, будто ожидал, что из нее вот-вот полезут демоны.

— Не быстро дело идет, а? — промолвил Томасус, нервно потирая мясистые ладони. Его поблескивающий здоровый глаз не отрывался от трубки, из которой капала желтоватая жидкость.

— Пожалуй, достаточно. — Пэдуэй велел Ганнибалу снять котелок и перелить содержимое приемной емкости в бутылку. Потом плеснул из бутылки в маленькую чашку, принял и сделал глоток. Да, отнюдь не высший класс, но определенно бренди.

— Будешь? — предложил он ростовщику.

— Сперва пусть выпьет Аякс.

Аякс попятился, вытянув перед собой руки.

— Хозяин, умоляю...

Негр выглядел таким испуганным, что Томасус не настаивал.

— Ганнибал, а ты? Капельку!

— Нет, спасибо. Я бы с удовольствием, но у меня слабый желудок — от всякого пустяка расстройство. Если мы закончили, может, пойдем домой? Признаюсь, меня тянет ко сну.

Ганнибал театрально зевнул. Пэдуэй отвернулся от него и сделал еще один глоток.

— Ну, — рискнул Томасус, — если ты уверен, что мне это не повредит, я, пожалуй, попробую.

Он пригубил из чашки и закашлялся.

— Боже всемогущий, Мартинус, из чего сделаны твои внутренности?! Это же сущий огонь! — Но когда кашель успокоился, на его лице появилось блаженное выражение. —

Зато по телу тепло разливается! — с наивной радостью отметил банкир и одним глотком осушил чашку.

— Эй, потише, посоветовал Пэдуэй. — Это не вино.

— За меня не беспокойся. Я никогда не пьянею.

Пэдуэй налил ему еще и сел.

— Объясните мне одну вещь, в которой я никак не могу разобраться. У меня на родине отсчет лет ведут с рождения Христова. А когда я приехал, мне сказали, что сейчас идет тысяча двести восемьдесят восьмой год со дня основания Города. За сколько же лет до рождения Христа был основан Рим? Я запомню.

Томасус снова приложился к чашке и задумался.

— За семьсот пятьдесят четыре... нет, за семьсот пятьдесят три. Значит, сейчас пятьсот тридцать пятый год со дня рождения нашего Господа. Это по церковной системе. Готы называют его вторым годом правления Теодохада, а византийцы первым годом консульства Флавия Велизария. Или каким-то годом юстинианской империи... Да, запутаться немудрено. — Сириец зажмурился и сделал еще один глоток. — Замечательный напиток! Тебя ждет успех, Мартинус.

— Спасибо. Надеюсь.

— Да, замечательный... Конечно, успех! Как же иначе? Большой успех. Ты слышишь меня, Господи? Проследи, чтобы моего друга Мартинуса ждал большой успех... Я вмиг распознаю человека, которого ждет успех. Годами их подбирал. Поэтому и мои дела идут успешно. Успех, успех. Выпьем за успех. Блестящий успех. Знаешь, Мартинус, а давай пойдем куда-нибудь! Грех пить за успех в такой развалюхе. Есть тут одно уютное местечко с музыкой... Сколько у нас еще бренди? Отлично, бери всю бутылку.

«Уютное местечко» оказалось в театральном районе, на северном склоне Капитолийского холма. Музыку обеспечивала молодая женщина, жалобно дергавшая за струны арфы и тянувшая песни на калабрийском диалекте, который денежные клиенты находили очень забавным.

— Давай выпьем за... — Томасус в тридцатый раз начал говорить «успех», но вдруг замолчал и посерьезнел. — Знаешь, Мартинус, придется купить этого паршивого вина, иначе нас отсюда вышвырнут. Твой божественный напиток можно смешивать с вином? — Заметив выражение лица Пэдуэя, банкир поспешно добавил: — Не волнуйся, дружище, — за мой счет! Могу я хоть раз отдохнуть?! Все недосуг — семья, работа... Томасус подмигнул и щелкнул пальцами, подзывая официанта. Выполнив необходимую процедуру, он извинился: — Одну секунду, Мартинус, я вижу человека, который должен мне крупную сумму денег. Сейчас приду. — И, пошатываясь, направился в другой конец помещения.

К Пэдуэю неожиданно обратился мужчина за соседним столиком:

— Что это ты пьешь со своим одноглазым стариком?

— Так, чужеземное вино, бренди называется.

— Ага, значит, ты издалека? Я сразу понял, по твоему акценту. — Собеседник Мартина, с густыми и очень черными бровями, задумчиво наморщил лоб. — Знаю, ты из Персии.

— Не совсем, — сказал Пэдуэй. — Моя родина еще дальше.

— В самом деле? И как тебе Рим?

— Я просто в восторге, — ответил Пэдуэй.

— Ты еще ничего не видел, — снисходительно заметил бровастый. — То ли дело до прихода готов! — Он таинственно понизил голос: — Ничего, последнее слово будет за нами!

— А тебе готы не нравятся?

— Конечно, после таких-то гонений!

— Гонений? — удивился Пэдуэй.

— Религиозных, — пояснил собеседник. — Долго мы их не потерпим.

— Я думал, готы позволяют всем свободно исповедовать свою веру.

— То-то и оно! И мы, ортодоксы, вынуждены покорно сносить, как на наших глазах всякие ариане, несториане и монофизиты спокойно совершают свои грязные обряды, будто они хозяева в этой стране! Если это не гонения, то как же это, по-твоему, называется?!

— То есть, по-вашему, вы подвергаетесь религиозным преследованиям, потому что еретики им не подвергаются?

— Ну конечно, разве не ясно? Мы не потерпим... Между прочим, чужеземец, а ты-то какой веры придерживаешься?

— Я конгрегационалист, — ответил Пэдуэй. — У меня на родине так зовутся ортодоксы.

— Гм-м-м. Ничего, мы еще сделаем из тебя настоящего католика. Пока ты не из числа несториан...

— Это кто тут смеет чернить несториан? — К столику незаметно вернулся Томасус. — Мы единственные, кто логически верно понимают природу Сына — как человека, в коем Отец...

— Чушь! — рявкнул бровастый. — Бредни доморощенных теологов! Лишь наши взгляды истинны, ибо двойственная природа Сына многократно подтверждена...

— Все вы безумцы! — вмешался высокий мужчина с песочными волосами, голубыми печальными глазами и гортанным акцентом. — Мы, ариане, люди благоразумные и терпимые. Но если желаете знать истинную природу Сына...

— Ты гот? — перебил бровастый,

— Нет, вандал, ссыльный из Африки. Я вам растолкую. — Светловолосый растопырил пятерню. — Либо Сын был цело-

веком, либо Он был Богом, либо кем-то посредине. Ну, совершенно ясно, что Он не был человеком! Однако Бог только один, значит Он не был и Богом. Следовательно...

Затем события стали развиваться так быстро, что Пэдуэй не мог за ними уследить. Бровастый вскочил и как одержимый что-то нечленораздельно заорал, внятно произнося лишь термин «вонючие еретики». Светловолосый не остался в долгу, и вскоре кричали уже со всех концов помещения:

— Кончай его, варвар!

— Это страна ортодоксов! Кому не нравится, пусть убираются туда, откуда...

— ...гнусные выдумки о двойственной природе! Мы, монофизиты...

— Я якобит и запросто уложу любого, кто...

— Вышвырнем отсюда всех еретиков!

В воздухе засвистело, и Пэдуэй едва увернулся от кружки. Когда он осмелился вновь поднять голову, комната превратилась в сплетение рук и ног. Бровастый держал якобита за волосы и молотил его лицом о стол. Светловолосый ревел боевую песнь вандалов и размахивал деревянной скамьей. Пэдуэй пихнул какого-то ревнителя ортодоксальности; на его месте появился другой и немедленно пихнул Пэдуэя. Потом их захлестнул поток тел.

Пока Мартин, словно рвущийся к поверхности воды ныряльщик, пробивался сквозь толщу вопящей и брыкающейся человеческой плоти, кто-то ухватил его за ногу и попытался откусить полступни. Так как Пэдуэй был в надежных, практически неснашиваемых английских башмаках, нападающий ничего не добился. Тогда он переместил свою атаку на лодыжку Пэдуэя. Мартин взвизгнул от боли и саданул обидчику коленом в лицо.

Еретики оказались в меньшинстве. Ряды их быстро таяли по мере того, как побитых выбрасывали за дверь. Пэдуэй заметил сверкнувшее лезвие и понял, что ему давно пора спать. Будучи человеком нерелигиозным, он меньше всего хотел положить жизнь за единую, двойственную или любую другую природу Бога-сына.

Томасус-сириец укрывался за столом. Когда Пэдуэй попробовал его оттуда вытащить, банкир в ужасе вскричал и ухватился за ножки с такой тоской и отчаянием, словно стол был женщиной, а он сам — моряком, шесть месяцев не видевшим суши.

Светловолосый вандал все еще яростно размахивал скамьей, и Пэдуэй окликнул его. Перекрыть стоявший шум было невозможно, но Мартин выразительно показал на дверь. Через несколько секунд путь был очищен. Все трое вывалились наружу, прорвались сквозь собравшуюся толпу и броси-

лись наутек. Раздавшийся вслед истошный вопль заставил их бежать еще быстрее, пока они ни поняли, что это кричит пустившийся вдогонку Аякс.

Наконец они уселись на лавочке в парке на краю Марсова поля, недалеко от Пантеона, где Пэдуэй впервые увидел постимперский Рим. Едва отдышавшись, банкир запричитал:

— Мартинус, почему ты позволил мне пить это адское зелье? О, моя голова! Если бы я не был пьян, разве ввязался бы я в религиозный спор?

— Я советовал тебе не налегать, — напомнил Пэдуэй, — однако...

— Знаю, знаю. Но ты обязан был остановить меня — в крайнем случае, силой! Несчастная моя голова! Что скажет жена? Видеть больше не желаю твое варварское поило! Кста-ти, а где бутылка?

— Потерялась в суматохе. Но мы и так уже все выпили. — Пэдуэй повернулся к вандалу. — Я должен поблагодарить тебя за наше счастливое спасение.

Светловолосый мрачно пожевал ус.

— Пустяки. Религиозные склоки — недостойное занятие для порядочных людей. Позвольте представиться: Фритарик, сын Стайфана. — Он говорил медленно, иногда задумываясь в поисках нужного слова. — Некогда я был человеком достойным, из знатного рода... Теперь же — всего лишь бедный скиталец. Жизнь уготовила мне одни только тяготы и страдания. — В лунном свете блеснула, сползая по щеке, крупная слеза.

— Ты, кажется, вандал?

Фритарик вздохнул, как пылесос.

— До прихода греков мое поместье считалось лучшим в Карфагене! После бегства Гелимера и роспуска армии я попал в Испанию, а в прошлом году пришел сюда.

— Чем же ты занимаешься?

— Увы, сейчас ничем. Еще буквально на днях я был телохранителем у римского патриция. Подумать только, благородный вандал служит телохранителем! Но хозяин вознамерился сделать из меня ортодокса. Этого, — с глубоким достоинством произнес Фритарик, — я допустить не мог. И вот результат. Когда закончатся деньги, не знаю, что со мной будет. Возможно, я покончу с собой. Никто и слезинки не прольет. — Он еще раз тяжело вздохнул и продолжил: — Не нужен случайно хороший, надежный телохранитель?

— Пока нет, — ответил Пэдуэй, — хотя через несколько недель... Ты не мог бы до тех пор повременить с самоубийством!

Фритарик пожал плечами.

— Все зависит от обстоятельств. Я совершенно не умею экономить деньги. Человеку знатного рода они ни к чему. Не знаю, увидите ли вы меня живым... — Он грустно прикрыл глаза рукой.

— О, ради Бога! — воскликнул Томасус. — В Риме занятие можно найти без труда.

— Нет, — трагически молвил Фритарик. — Тебе не понять, друг. Моя честь не идет на уступки. Да и жизнь уготовила мне одни лишь тяготы и страдания. Значит, говоришь, через несколько недель? — обратился он к Пэдуэю. Мартин кивнул. — Хорошо, дружище. Скорее всего, к тому времени я буду лежать в могиле, но если нет, то обязательно загляну.

ГЛАВА 3

Через пять дней Пэдуэй не только не исчез бесследно в пучинах альтернативной истории, но и радовался длинному ряду бутылок на полке, а также состоянию своих финансов. Считая пять солидов месячной ренты за дом, шесть солидов, ушедших на аппарат, плату Ганнибалу и собственные расходы, оставалось еще больше тридцати одолженных солидов.

— Почему ты собираешься продавать свой товар? — спросил Томасус.

— Бренди, безусловно, предмет роскоши. Если бы его взял какой-нибудь приличный ресторан, то, на мой взгляд, не грех просить по два солида за бутылку. По крайней мере, до тех пор, пока мой секрет не откроют и не появятся конкуренты.

Томасус, бодро потирая руки, расплылся в широкой улыбке.

— Если так пойдут дела, ты уже через неделю сможешь вернуть мне долг вместе с процентами! Впрочем, я не тороплю. Похоже, за тобой не пропадет. Есть у меня на примете один ресторан — как раз то, что нужно.

Пэдуэй вообразил себе предстоящий торг с ресторатором и похолодел.

— Как с ним разговаривать? Понятия не имею о ваших римских приемах ведения бизнеса.

— Ничего. Он не откажет — задолжал мне крупную сумму и опаздывает с выплатой процентов. Я вас познакомлю.

Все вышло, как обещал банкир. Владелец ресторана, плешивый толстяк по имени Гай Аттий, сперва, правда, заартачился, но, продегустировав образчик товара, заметно подобрел. Томасусу лишь дважды пришлось спросить Господа, слышит ли Он, прежде чем Аттий согласился на запрошенную цену.

Выходя из ресторана, Пэдуэй сиял от радости, чувствуя приятную тяжесть в карманах.

— Знаешь, — предложил Томасус, — раз в доме завелись деньги, не лишним, пожалуй, будет нанять того ванда.

Поэтому когда Ганнибал Сципио доложил: «Хозяин, у дверей ошивается какой-то смурной долговязый тип, спрашивает тебя», Мартин велел его впустить и, не раздумывая, взял к себе на службу.

Вопрос Пэдуэя, посредством какого оружия он собирается осуществлять свои функции, Фритарика явно смутил. Вандад пожевал ус и наконец молвил:

— У меня был славный меч, но, чтобы избежать голодной смерти, его пришлось заложить. Это все, что стояло между мной и холодной могилой. Впрочем, коли суждено...

— Оставь, пожалуйста, свои могильные разговоры, — оборвал Пэдуэй, — и скажи, сколько тебе надо, чтобы его выкупить.

— Сорок солидов,

— Ого! Он у тебя из золота, что ли?

— Нет, из доброй дамаской стали и рукоятка украшена камнями. Это все, что сохранилось от моего замечательного поместья в Африке. Ты не представляешь, какое чудесное...

— Ладно, ладно! — вскричал Мартин. — Ради всего святого, прекрати стенать! Вот пять солидов — купи себе оружие. Деньги вычту из твоей зарплаты. А если хочешь набрать на свой драгоценный ножик для сыра — эконошь и копи.

Через два часа Фритарик вернулся с подержанным мечом.

— Лучшее, что можно достать за деньги, — объявил он. — Торговец клялся, что это дамаская сталь, но клеймо на клинке — фальшивка, сразу видно. Местная сталь чересчур мягка, однако придется довольствоваться этим. В моем прекрасном поместье в Африке...

Пэдуэй осмотрел оружие — типичный римский меч шестого века, обоюдоострый, напоминающий шотландский палаш, только без замысловатой чашки. Заметил Мартин и то, что Фритарик, сын Стайфана, не утратив скорбного вида, все же будто расправил плечи и обрел уверенную походку. Очевидно, без меча он чувствовал себя словно голым.

— Готовить умеешь? — спросил Пэдуэй.

— Ты нанял телохранителя, а не стряпуху, хозяин. Моя честь...

— Пустяки, старина. Я готовлю себе сам, и моя честь от этого не страдает: просто жаль времени. Ну, отвечай!

Фритарик пожевал ус.

— В общем, да.

— Например?

— Например, бекон.

— Что еще!

— Больше ничего. Доброе мясо с кровью — вот пища воина. Терпеть не могу эту зелень, которую уплетают римляне.

Пэдуэй вздохнул. На такой несбалансированной диете недолго и ноги протянуть...

Томасус нашел ему служанку, которая готовила, стирала и убирала за смехотворно малую плату. Служанку звали Джулия. Родом из провинции, двадцати лет, темноволосая, коренастая и обещавшая со временем чудовищно раздаться вширь, она постоянно носила бесформенный балахон из цельного куска материи и задорно шлепала по дому босыми ногами, сверкая огромными, далеко не чистыми пятками. Порой Джулия выпаливала какую-нибудь шутку на апулийском диалекте, которую Пэдуэй не мог понять, и закатывалась от смеха. Работала она усердно, но Мартину приходилось всему учить ее с азов. Когда он впервые в целях дезинфекции окуривал дом, девушка чуть с ума не сошла от страха и, почуяв едкий запах двуокиси серы, выбежала на улицу, истерически вопя что-то о пришествии Сатаны.

На пятое воскресенье своего пребывания в древнем Риме Пэдуэй позволил себе отдохнуть. Весь месяц он ни днем ни ночью не знал покоя: помогал Ганнибалу, носил корзины с бутылками и, между прочим, торговался с назойливыми рестораторами, чьи клиенты прослышали о замечательном напитке. Когда в экономике царит дефицит, отметил Пэдуэй, не надо заботиться о качестве — был бы товар! Он уже подумывал еще об одном займе у Томасуса — на новый аппарат, только на этот раз сделанный не из отбитых молотками неровных полосок меди, а из пропущенных через прокатные валки листов.

Однако сейчас, смертельно устав от самогонного бизнеса, Мартин страстно мечтал развлечься, то есть посидеть в Ульпиевой библиотеке. Глядя на себя в зеркало, Пэдуэй думал, что внутренне он совсем не изменился: все так же не любит торговаться и орать на прохожих. Но внешне... Никто из бывлых знакомых теперь бы его не узнал. Пэдуэй отпустил короткую рыжеватую бородку — отчасти оттого, что никогда в жизни не брился опасной (и тупой!) бритвой; отчасти же оттого, что всегда втайне мечтал о бороде, полагая, что при этом не так выделялся бы его крупный, хотя, безусловно, благородный нос.

Он подобрал себе далматику — византийского стиля длинную тунику с широкими рукавами. Брюки от твидового костюма придавали ему вид несколько нелепый, но щеголять в модных коротких штанах в преддверии наступающей зимы

Мартин не хотел. Наряд завершал плащ из грубой шерсти — попросту большое квадратное одеяло с дырой для головы. Нашлась и старушка, которая связала носки и нижнее белье.

В общем и целом Пэдуэй был весьма доволен собой и благодарил судьбу, сведшую его с Томасусом. Сириец оказывал ему большую помощь.

К библиотеке Мартин подходил с тем же сладостным трепетом в груди, с каким юноша ждет встречи с возлюбленной. И не остался разочарован. Он едва не заплакал от нахлынувших чувств, когда, бросив первый беглый взгляд на полки, увидел «Историю Вавилонии» Бероса, все работы Ливия, «Покорение Британии» Тацита и полный вариант «Истории готов» Кассиодора. Ради знакомства с этими рукописями не один историк двадцатого века с радостью совершил бы убийство. На несколько минут Мартин просто растерялся, застыв подобно пресловутому ослу меж двух стогов сена. Затем с душевными муками все же сделал выбор, посчитав Кассиодора более актуальным. Он вытащил толстенные фолианты и сел за столик.

Это была тяжелая работа — даже для человека, свободно владеющего латынью. Но невероятное многословие и вычурность стиля не беспокоили Пэдуэя — он искал факты.

— Прошу прощения, господин, — неожиданно раздался голос библиотекаря, — высокий варвар с песочными усами — не твой человек?

— Вероятно, — сказал Мартин. — А что!

— Он заснул в Восточном отделе и так громко храпит, что читатели жалуются.

— Я разберусь, — пообещал Пэдуэй и пошел будить Фритарика.

— Разве ты не умеешь читать?

— Нет, — безыскусно ответил вандал. — Зачем? В моем замечательном поместье в Африке...

— Да-да, знаю, старина. Но тебе придется либо учиться грамоте, либо храпеть на улице.

Фритарик сделал выбор незамедлительно и, обиженно ворча на восточно-германском диалекте, удалился. У Пэдуэя сложилось впечатление, что его телохранитель весьма невысоко ценит образование.

За столиком Мартина, листая Кассиодора, сидел представительный пожилой итальянец, одетый просто и в то же время очень элегантно.

— Прошу прощения. Я хотел осведомиться, не прочитана ли эта книга.

— О, пожалуйста, мне нужен только первый том.

— Не беспокойся, дорогой друг, должен лишь предупредить тебя: обязательно клади книги на место. Ярость Сцил-

лы, оставленной Язоном без добычи, не идет ни в какое сравнение с гневом высокочтимого библиотекаря... Позволь поинтересоваться, какого ты мнения о трудах нашего славного префекта преторий?

— У него богатый материал, — взвешенно ответил Пэдуэй, — однако слишком пышная манера изложения.

— Что ты имеешь в виду?

— Я предпочитаю менее витиеватый стиль.

— Как!.. Наконец-то среди современных авторов появился писатель, не уступающий великому Ливию, а ты говоришь... — Представительный господин спохватился и понизил голос: — Какая красочная выразительность, какая изысканная риторика!

— В том-то и беда. Взять, к примеру, Полибия или даже Юлия Цезаря...

— Юлий Цезарь! Вот уж кто совершенно не умел писать! Его «Галльскую войну» используют как простейший учебный текст для чужестранцев. Прекрасное пособие для носящего шкуры варвара, который в мрачных дебрях северных лесов преследует резвого кабана или травит взбешенного медведя. Но, мой юный друг, для таких просвещенных людей, как мы... — Он вдруг осекся и продолжил с явным смущением: — Надеюсь, ты понимаешь, что когда я говорил об иноземцах, я не имел в виду лично тебя. Ты человек культурный и образованный, хотя и прибыл из дальних краев — это сразу видно. Не посчастливилось ли тебе родиться в сказочной стране Хинд, известной своими слонами и украшенными жемчугом девушками?

— Нет, моя родина еще дальше, — ответил Пэдуэй. Он понял, что случай свел его с настоящим римским патрицием старой школы, из тех, кто не попросит вас передать масло, не усластив обращения четырьмя любезностями, тремя мифологическими аллегориями и учеными рассуждениями о производстве масла на древнем Крите. — Я родом из Америки. Не уверен, однако, что когда-нибудь туда вернусь.

— Ах, мой друг, ты совершенно прав! Где же еще жить благородному человеку, как не в Риме? Но, может, ты расскажешь мне о чудесах чуждаемого Китая с его мощными золотом дорогами!

— Немного могу, — осторожно сказал Пэдуэй. — Только дороги там не мощены золотом. Если откровенно, они вообще ничем не мощены.

— Какое разочарование! Впрочем, смею допустить, что правдолюбивый странник, вернувшийся с небес, объявит райские чудеса сильно преувеличенными. Мы обязаны познакомиться, мой дорогой друг! Я — Корнелий Анций.

Пожилой патриций произнес это с таким видом, словно имя Корнелия Анция должно быть известно каждому до-

стойному упоминания римскому гражданину. Пэдуэй скромно представился.

К ним подошла очень хорошенькая стройная темноволосая девушка и, обратившись к Анцию «отец», пожаловалась, что не может найти сабеллийское издание Персия Флакка.*

— Кто-то читает, должно быть, — пожал плечами Анций. — Мартинус, это моя дочь Доротея, кою смею уподобить лучшей жемчужине из короны короля Хусрола, хотя я, как отец, возможно, необъективен.

Девушка одарила Пэдуэя очаровательной улыбкой и, потупившись, ретировалась.

— Кстати, дорогой друг, каково твое занятие?

Не раздумывая, Пэдуэй выпалил правду.

Патриций замер, переваривая информацию, а когда заговорил вновь, в его по-прежнему любезном тоне сквозила высокомерная прохладца.

— Любопытно, любопытно. Ну, желаю всяческого финансового успеха... — Он произнес последнюю фразу с некоторым затруднением, как активист Христианского союза молодежи, вынужденный говорить о нелицеприятных сторонах жизни. — Наша участь — безропотно нести Господне назначение. И все же жаль, что ты не испробовал себя на ниве общественной службы. Для способного молодого человека это единственный путь подняться над своей средой. Однако прошу меня извинить — книги ждут.

Мартин с удовольствием продолжил бы знакомство с благовоспитанной красавицей и ее утонченным отцом, но теперь, когда Анций узнал, что имеет дело с вульгарным ремесленником, на приглашение можно было не надеяться. Пэдуэй посмотрел на часы — пора обедать, вышел на улицу и разбудил Фритарика.

Вандал зевнул.

— Прочитал, что хотел, Мартинус? Мне снилось мое прекрасное поместье в Аф...

— Черт бы побрал... — взревел Пэдуэй и тут же осекся.

— Как, нельзя уж и помечтать о времени, когда я был богатым и уважаемым человеком?! Клянусь, моя честь...

— Успокойся, ты тут ни при чем.

— Да? Я рад. Судьба оставила мне одни лишь воспоминания... Но почему ты злишься, Мартинус? У тебя такой вид, словно ты гвоздь готов перегрызть. — Ответа не последовало, и Фритарик задумчиво продолжил: — Должно быть, вычитал что-то в этих книгах... Хорошо, что я неграмотный. Так трепать себе нервы из-за событий, которые произошли дав-

* Персий Флакк - римский поэт, родился в 412 году.

ным-давно! Я лучше помечтаю о своем прек... О, молчу, молчу, хозяин!

Пэдуэй, Томасус-сириец и еще несколько сот голых римлян парились в Диоклетиановых термах. Банкир огляделся и мечтательно произнес:

— Я слышал, в прежние дни в бани пускали и женщин — прямо вместе с мужчинами... Конечно, языческие времена — не то что сейчас.

— Влияние христианской морали, — сухо заметил Пэдуэй.

— Ну! — хохотнул Томасус. — Мы, современные люди, такие высоконравственные!.. Знаешь, на что жаловалась императрица Теодора?

— Да, — сказал Пэдуэй и поведал банкиру, на что жаловалась императрица Теодора.

— Проклятье! — в сердцах воскликнул сириец. — Всякий раз, когда у меня есть сальная история, ты либо ее слышал, либо можешь рассказать лучшую.

Пэдуэй предпочел не объяснять, что прочитал все эти истории в книге, которая еще не написана, — в «Анекдотах» Прокопия Кесарийского.

— Пришло письмо от родственника в Неаполе — занимается морской торговлей... Так вот, Антиох получил вести из Константинополя. — Томасус выдержал многозначительную паузу. — Война.

— Между нами и Империей?

— Во всяком случае, между Империей и готами. У них давно уже нелады — с тех пор, как убили Амаласунту. Теодохад пытался увильнуть от ответственности, но, по-моему, наш старый король-поэт доигрался.

— Далмация и Сицилия — вот горячие точки, — опрометчиво сказал Пэдуэй. — Еще до конца этого года...

— Прорицаешь помаленьку?

— Нет, просто мне кажется...

Сквозь пар сверкнул здоровый глаз сирийца — черный и внимательный.

— Мартинус, кто ты такой?

— Ты о чем?

— Есть в тебе что-то... не знаю, как сказать... странное. Ты проявляешь будто невзначай самые необычные познания. А когда я пытаюсь расспросить тебя о твоей родине, о том, как ты попал сюда — уходишь в сторону.

— Ну... — промолвил Пэдуэй, лихорадочно соображая, как выпутаться. И вдруг придумал ответ — правдивый, но весьма двусмысленный. — Видишь ли, я покинул страну в большой спешке.

— А! По соображениям здоровья, надо полагать? Тогда я понимаю твою похвальную скромность. — Томасус подмигнул.

Когда они неторопливо шли по Длинной улице к дому Мартина, разговор коснулся бизнеса. Пэдуэй не скрывал своего удовлетворения.

— Я доволен. Новый перегонный аппарат будет готов на следующей неделе, а медными листами заинтересовался один торговец, отплывающий в Испанию. Правда, сейчас я ожидаю убийства.

— Убийства?

— Да. Фритарик и Ганнибал Сципио никак между собой не поладят. Ганнибал, получив в подчинение двух людей, стал еще заносчивее, чем прежде. Он на Фритарике просто верхом ездит.

— Верхом ездит?

— Образное выражение, американское. Ганнибал постоянно пеняет Фритарика, подвергает его насмешкам и издевательствам... Между прочим, я готов вернуть тебе долг.

— Великолепно, мой дорогой Мартинус! Но разве тебе больше не понадобится ссуда?

— Не уверен, — сказал Пэдуэй, совершенно уверенный, что понадобится. — По правде, я не прочь расширить производство.

— Замечательная идея! Разумеется, теперь, когда все у тебя идет хорошо, мы поставим отношения на более деловую основу.

— То есть?

— То есть увеличим тот смехотворно малый процент до нормального...

— Ха-ха-ха, — отчеканил Пэдуэй. — Так я и думал. Пойми же: убедившись в надежности помещения денег, процент следует *уменьшить*.

— Мартинус! — с болью в голосе воскликнул сириец. — Такова твоя благодарность человеку, который сделал тебе столько хорошего!

— Не хочешь — не одалживай. Многие банкиры будут рады научиться американской арифметике.

— Послушай его, Господи!.. Грабеж! Разбой! Я не поддамся! Ну и ступай к другим!

Сошлись на десяти процентах. По словам Томасуса, для него это было все равно что вырвать из груди сердце и сжечь его на алтаре дружбы.

Говоря о предстоящем убийстве, Пэдуэй вовсе не ожидал, что окажется пророком. Поэтому был удивлен не меньше Томасуса, когда, войдя в мастерскую, увидел, как Фритарик и Ганнибал, ощерившись будто два злоющих пса, испепеляют друг друга взглядом. Вошедших ни один из них не заметил.

— Ты что же этим хочешь сказать, придурок?! — вскричал Ганнибал. — Валяешься тут день-деньской, ленишься на другой бок перевернуться, да еще смеешь делать мне замечания...

— Я предупреждал, — процедил Фритарик, — если застукаю тебя еще раз, то доложу хозяину. Забыл? Теперь будешь отвечать.

— Да я перережу тебе глотку! — взревел Ганнибал.

Вандал бросил короткое, однако очень едкое замечание о любовных привычках сицилийца. Ганнибал выхватил кинжал и кинулся на Фритарика. Тот хотел уклониться от удара, но острое клинка вонзилось ему в предплечье.

Едва Ганнибал вновь занес руку, как Пэдуэй вышел из оцепенения. Он бросился вперед, оттащил сицилийца от его соперника и тут же вынужден был драться не на жизнь, а на смерть, чтобы не оказаться зарезанным самому. Ганнибал в бешенстве выкрикивал что-то нечленораздельное, в уголках рта пузырилась пена.

Потом раздался глухой удар, и Ганнибал обмяк, выронив кинжал. Мартин отпустил сползающее на пол тело и увидел, что Нерва, старший из двух подручных, держит за ножку табурет. Все произошло очень быстро — Фритарик только наклонялся, чтобы вооружиться палкой, а Томасус и второй подручный все так же стояли у двери.

— Назначаю тебя новым мастером, — отдышавшись, сказал Пэдуэй Нерве. — Из-за чего шум, Фритарик?

Вместо ответа вандал мрачно направился к лежавшему без сознания Ганнибалу. На его лице ясно читалось свирепое и недвусмысленное желание убивать.

— Хватит! — прикрикнул Пэдуэй. — Еще шаг, и ты тоже уволен! В чем его вина?

Фритарик взял себя в руки.

— Он тайно выносил прокатанные листы меди и торговал ими. Я хотел положить этому конец, ничего тебе не говоря. Кто любит донощиков!.. Хозяин, позволь хотя бы один хороший удар! Я всего лишь бездомный скиталец, но моя честь...

Пэдуэй не позволил. Томасус посоветовал составить заверенную клятвой жалобу и арестовать мошенника, однако Мартин, не желая связываться с судопроизводством, отверг и это предложение. Зато он позволил Фритарику, когда Ганнибал пришел в себя, вышвырнуть сицилийца за дверь мощным пинком в седалище.

— По-моему, мы совершили ошибку, — молвил вандал, с удовольствием выполнив поручение. — Я запросто мог утопить негодяя в Тибре, и никто бы не заметил. Теперь жди от него неприятностей.

В глубине души Пэдуэй подозревал, что Фритарик прав, но только вздохнул устало.

— Давай-ка лучше перевяжем твою руку. Смотри, сколько крови... Джулия, возьми кусок полотна и хорошенько прокипяти. Да-да, прокипяти!

ГЛАВА 4

Пэдуэй твердо решил заработать себе на жизнь, а до тех пор ни на что не отвлекаться. Для достижения своей цели он не собирался лезть на рожон — например, изобретать порох или пропагандировать среди ни в чем не повинных римлян теорию всемирного тяготения.

Однако известия о военных действиях напомнили ему, что о культуре и политике забывать нельзя. Мартин и прежде не очень интересовался происходящими событиями. А в древнем Риме, лишенном газет и электрической связи, еще проще было не думать ни о чем, что выходило за рамки повседневной жизни.

Надо смириться с фактами. Он стал невольным свидетелем заката классической западной цивилизации. Наступают Темные века. Почти на тысячу лет Европу окутает тьма — остановится развитие культуры, науки, техники. Разумеется, люди, современником коих он оказался, и представить себе подобного не могут. Приход тьмы — процесс слишком длительный, чтобы заметить его на протяжении жизни одного поколения.

Как же быть? Способна ли отдельно взятая личность повлиять на ход истории? Последователь Карлейля ответил бы на вопрос утвердительно. Толстовец или марксист сказали бы «нет» — среда формирует человека, а не наоборот. Танкреди имел собственную точку зрения, сравнивая историю с тугой сетью, очень прочной на разрыв.

Как одиночке приступить к делу? Известно, движущая сила прогресса — изобретение. Но и в двадцатом веке, когда нет противодействия подозрительной и всемогущей церкви, судьба профессионального изобретателя не из завидных. Да и чего он добьется своими новшествами, даже если ему удастся избежать пагубного внимания стражей благочестия? Миру уже открыты арабские цифры, а также искусство самогонования и проката металлов, но сколько еще предстоит сделать за одну короткую жизнь!

Что остается? Коммерция? Знать относится к ней презрительно. Честно говоря, и сам Пэдуэй, хоть и выдерживал конкуренцию древнеримских предпринимателей, в глубине души не чувствовал себя настоящим бизнесменом. Политика? В век торжества острых клинков и вывернутой наизнанку морали? Бр-р-р!

Как помешать наступлению тьмы?

Империя могла бы выстоять, будь у нее лучше развитая связь. Однако колосс развалился, ему уже нанесен смертельный удар, по крайней мере, на востоке: Италия, Галлия и Испания лежат под пятой варварских «гарнизонов».

Быстрая связь и надежное распространение фактов — вот что может спасти цивилизацию! Самый жестокий захватчик не в силах уничтожить слово написанное, если минимальный тираж книги пятнадцать сотен экземпляров.

Решено: надо стать издателем. Сеть истории, возможно, прочна, но, в конце концов, Мартин Пэдуэй к ней еще не подступался.

— Доброе утро, мой дорогой Мартинус! — расплылся в улыбке банкир. — Как идут дела с прокатом меди?

— Так себе. Местным кузнецам достаточно и медных полосок, а торговцы боятся давать хорошие цены за товар, который пока не находит широкого спроса. Однако перспективы есть.

— Рад это слышать. Чем же ты намерен заняться?

— Вот, пришел к тебе за советом. Скажи, кто сейчас издает в Риме книги?

— Книги? Книги? Никто, если не считать писцов, переписывающих для библиотек истрепанные экземпляры. В Авентине есть несколько книжных лавок, но они торгуют исключительно привозным товаром. Нет спроса, да и стоящих авторов. Последний издатель в Риме разорился много лет назад. Надеюсь, ты не думаешь заняться этим пропавшим делом?

— Именно думаю. Причем всерьез.

— Мартинус, не утратил ли ты разум? И не помышляй! Крах неизбежен!

— За меня не беспокойся. Но мне нужен начальный капитал.

— Что? Еще ссуда? Я же объяснил: на книгах в Риме заработать нельзя. Это бесспорный факт. Я и гроша не дам на столь сумасбродную идею. А сколько тебе нужно?

— Солидов пятьсот.

— Ой! Ой! Ты спятил, мой мальчик! Зачем так много? Всего расходов-то — купить или нанять писцов...

Пэдуэй ухмыльнулся.

— Вот тут ты и ошибаешься. Писцу потребуется не один месяц, чтобы скопировать, например, «Историю готов» Кассиодора. В одном экземпляре. Не мудрено, что книга стоит пятьдесят солидов! Я построю машину, которая за несколько недель будет выдавать пятьсот, а то и тысячу экземп-

ляров, и розничная цена снизится до пяти или десяти солидов.

— Но это огромные деньги!.. Ты слышишь, Господи? Пожалуйста, заставь моего заблуждающегося друга прислушаться к голосу разума! Не смей даже говорить со мной об этом, Мартинус! А как устроена твоя машина?

Если бы Пэдуэй представлял, какие трудности уготованы книгоиздателю в мире, не знающем печатного станка, горячего набора, типографской краски и бумаги, он не был бы настроен так оптимистично. Имели хождение чернила и папирус, однако для его целей они не годились.

С печатным станком — казалось бы, самым сложным пунктом перечня — получилось как раз легче всего. Уразумев, наконец, чего от него хотят, плотник взялся изготовить чудной агрегат, хотя и терялся в догадках, как Пэдуэй собирается его использовать.

— На валяльный пресс непохоже... — вслух размышлял он. — А, понимаю! Ты новый городской палач, а сие адское устройство — твое орудие! Почему же ты не желаешь признаться, хозяин? Я бы гордился таким почетным ремеслом! Кстати, достань мне пропуск в камеру пыток — хочу убедиться, что машина работает надежно.

Станиной служил поставленный на колеса кубок мраморной колонны. Все чувства Пэдуэя возмутились против столь прагматического использования памятника старины, но он утешал себя мыслью, что и первопечатник вынужден идти на жертвы.

Опытный резчик подрядился изготовить медные литеры — десять тысяч штук, ведь о наборной машине не приходилось и мечтать. Сперва Пэдуэй планировал печатать не только на латыни, но и на греческом и готском языках, однако один лишь латинский шрифт обошелся ему в добрых две сотни солидов. К тому же в первой, пробной партии все буквы смотрели в обратную сторону; пришлось их переплавлять. Полиграфист XX века назвал бы получившийся шрифт готическим 14-го кегля. Букв такого размера помещалось на листе не много, зато можно было надеяться на разборчивость текста.

Изготавливать свою собственную бумагу Пэдуэй и не помышлял. О ее производстве он знал только одно — процесс это сложный. Папирус слишком хрупок, да и источники его в Риме чересчур скудны и ненадежны. Оставалась восковка, в малых количествах производимая сыромятней в за-Тиберинской части города. Ее вырабатывали из дубленых шкур коз и овец усердным скоблением, чисткой, мойкой и растягиванием. Цена оказалась в пределах разумного, и хозяин сыромятни едва поверил собственным ушам, получив заказ на тысячу листов.

Пэдуэй, по счастью, знал, что типографская краска в основе своей состоит из льняного масла и ламповой сажи. Купить мешок льняного семени и прогнать его через ролики для проката меди — дело немудреное; нетрудно было и зажечь масляную лампу, повесить над ней сосуд с водой и соскребать с его днища сажу. Краска удалась на славу, да вот беда — не желала ложиться. Она если и сходила с литер, то лишь бесформенными кляксами.

Вызывало тревогу финансовое положение — пять сотен солидов быстро таяли. Пэдуэю это казалось насмешкой судьбы; он так переживал, что работники за его спиной стали судачить. И все же Мартин продолжал упорно экспериментировать и вскоре добился успеха, добавив в краску немного мыла.

Как-то в середине февраля из унылого морозящего дождика у дверей мастерской возник Невитта, сын Гуммунда. Когда Фритарик провел его в комнату, тот так хлопнул Пэдуэя по плечу, что Мартин отлетел в сторону.

— Чертовски рад! — взревел гость. — Попробовал адского поила, которым ты торгуешь, и решил взглянуть, как у тебя дела. Для чужеземца ты здорово устроился! Парень не промах, а? Ха-ха-ха!

— Я тебе все покажу, — предложил Пэдуэй. — Только одна просьба — храни пока мои методы в тайне. У вас нет закона, защищающего авторство идеи, а мне не хотелось бы раскрывать их.

— Можешь смело на меня положиться! Я все равно ни черта не смыслю в разных там устройствах.

В мастерской Невитта был неожиданно заморожен примитивным волоочильным станком.

— Какая красота! — воскликнул он, взяв с верстака моток медной проволоки. — Я бы купил жене... Отличные выйдут браслеты и серьги!

Пэдуэй не предвидел подобного применения своей продукции, но быстро сориентировался и пообещал через неделю выполнить заказ.

— А как это все у тебя приводится в движение? — поинтересовался Невитта.

Мартин вывел гостя в задний двор, где под дождем ходила по кругу впряженная в колесо лошадь.

— Больше пользы было бы от двух крепких рабов, — критически сказал гот. — Если дать им понюхать кнута, ха-ха-ха!

— Ну, нет, — возразил Пэдуэй. — Эта лошадь любому рабу сто очков вперед даст. Посмотри на ее упряжь — ничего странного не замечашь?

— Да, что-то есть...

— Хомут. Ваши лошади тянут лямку шеей. Ремень сдав-

ливаает горло, и бедное животное не может продохнуть. Хомут переносит усилие на плечи... Если тебе надо тащить на веревке груз, ты же не затягиваешь петлю себе на шее?

— Не знаю, — с сомнением произнес гот, — может, ты и прав. Я давно пользуюсь своей упряжью и не уверен, что хочу ее менять.

Пэдуэй пожал плечами.

— Дело твое. Если надумаешь, обратись к седельщику Метеллию на Аппиевой дороге. Он работает по моим чертежам. У меня других забот хватает.

Тут Мартин прислонился к косяку и закрыл глаза.

— Тебе нехорошо? — встревожено спросил Невитта.

— Голова тяжелая, словно Пантеон. Пожалуй, лучше мне прилечь.

— Конечно. Где этот лентяй?... *Германи!*

Когда Германи появился, Невитта выпалил длинную фразу по готски, и Пэдуэй уловил имя Лео Веккоса.

— Нет, не надо врача... слабо запротестовал он.

— Глупости, мой мальчик, мне это нетрудно. Твой совет держать собак на улице спас меня от одышки, и я с радостью тебе помогу.

Услуг медика шестого века Пэдуэй боялся гораздо больше, чем гриппа, но не видел способа вежливо отказаться. Невитта и Фритарик быстро уложили Мартина в постель.

— Типичный случай эльфава прострела, — изрек Фритарик.

— Чего? — прохрипел Пэдуэй.

— Тебя прострелили эльфы. Это я точно знаю, в Африке на собственной шкуре испытал. Меня вылечил знахарь из вандалов — он извлек невидимые стрелы эльфов. Когда они становятся видимыми, это такие маленькие стрелы с кремневыми наконечниками.

— Послушайте, — проговорил Пэдуэй, — если меня оставить в покое, я дней через семь поправлюсь.

— Оставить в покое? И речи быть не может! — хором вскричали Невитта и Фритарик. Пока они спорили о диагнозе, Германи привел шуплого чернобородого человечка весьма болезненного вида.

Лео Веккос открыл свою сумку. Пэдуэй мельком взглянул в нее и содрогнулся. В сумке были несколько книг, охапка разнообразных трав и стеклянные баночки с органами, скорее всего, мелких млекопитающих.

— Ну-с, драгоценнейший Мартинус, — начал медик, — взглянем на твой язык. Скажи «а-а-а».

Затем он ошупал лоб Пэдуэя, простучал его грудь и живот и задал вполне разумные вопросы касательно самочувствия.

— Типичный случай зимнего недомогания, — наизидательно заявил Веккос. — Причины его пока неясны. Кое-кто объясняет немощ избытком крови в голове, вызывающим ту неприятную ломоту, на которую ты жалуешься. Другие видят истоки болезни в избытке черной желчи. Лично я придерживаюсь строго научных взглядов: природные силы печени входят в противоборство с естественными силами нервной системы. Поражение последних, само собой, отражается на дыхательных путях...

— У меня самая обычная простуда, — вставил Пэдуэй.

— ...так как именно они контролируют горло и легкие. Лучшее средство для обуздания природных сил — пробудить жизненные силы сердца.

Веккос стал вытаскивать из сумки травы.

— А как же эльфов прострел? — недоуменно спросил Фритарик.

— Что?

Фритарик в нескольких фразах обрисовал суть медицинских воззрений своего народа.

Веккос снисходительно улыбнулся.

— Друг мой, ни Гален, ни Цельс, ни Асклепиад ни словом не обмолвились об эльфовом простреле. Так что я не могу всерьез...

— Значит ты никудышный лекарь! — рявкнул Фритарик.

— Вот как! — процедил оскорбленный грек. — Кто тут из нас врач?

— Прекратите ругаться, не то мне хуже станет, — взмолился Пэдуэй. — Что я должен принимать?

— Завари эти травы и пей по чашке каждые три час Превосходная смесь: легкое слабительное для вывода и лишков черной желчи, буде таковые образуются...

— Где слабительное?

Веккос указал, и тонкая рука Пэдуэя немедленно выхватила растение.

— Я хотел бы держать его отдельно, если не возражаешь.

Веккос успокоил больного, велел не вставать с постели и удалился. Невитта и Германн ушли вместе с ним.

— Тоже мне врач, — ворчал Фритарик, — слыхом не слыхивал об эльфовом простреле!

— Клигни Джулию, — приказал Пэдуэй.

Явилась служанка и с порога запричитала:

— О, милостивый хозяин, какая беда стряслась с тобой? Я сейчас же позову отца Нарциссия...

— Не смей! — Мартин оторвал веточку слабительного средства и протянул ее девушке. — Прокипяти хорошенько и дай мне чашечку отвара. А этот веник, — он протянул ей охапку зелени, — куда-нибудь выброси, только чтоб медик не заметил.

На следующее утро голова почти не болела, но Пэдуэй чувствовал себя слабым и разбитым. Он спал до одиннадцати, пока его не разбудили Джулия и преисполненный достоинства мужчина в мантии поверх длинной белой тоги с узкими рукавами. По тонзуре посетителя Пэдуэй догадался: перед ним отец Нарциссий.

— Сын мой, — начал священник, — с горечью вижу, что Дьявол напустил на тебя своих приспешников. Сия добродетельная дева обратилась ко мне за духовной поддержкой...

Мартин вовремя вспомнил мудрое правило — избегай неприятностей с Церковью! — и лишь простонал.

— Я не видел тебя в храме ангела Гавриила, — продолжил отец Нарциссий. — Надеюсь, ты один из нас?

— Американская паства, — пробормотал Пэдуэй.

Священник слегка опешил, но виду не подал.

— Ведаю, что к тебе приходил Веккос. Воистину бесильны эти несчастные кровопускатели перед лицом Господа нашего, на когo и следует уповать. Вознесем же молитву...

Молитву Пэдуэй выдержал. Затем Джулия внесла в комнату какую-то чашу.

— Не тревожься, — молвил священник. — Это средство исцелит от любой болезни: прах с гробницы святого Нерая, смешанный с водой.

Мартин решил, что в предлагаемом составе нет ничего смертельно опасного, и выпил. Едва он сделал последний глоток, как отец Нарциссий спросил его будто невзначай:

— Ты не из Падуи, сын мой?

В дверь просунул голову Фритарик:

— Явился так называемый врач...

— Пусть подождет минутку, — попросил Пэдуэй. Боже, как он устал! — Премного благодарен, святой отец. Рад был нашей встрече.

Священник удалился, проронив что-то укоризненное о слепоте тех, кто возлагает надежды на врачевание плоти.

В дверях возник Веккос. Его глаза гневно сверкали.

— Я не виноват, — заверил Пэдуэй. — Это Джулия!..

— Мы, медики, всю жизнь проводим в напряженных научных исследованиях — и вынуждены потом тягаться с самозваными чудотворцами!.. Ну, как сегодня чувствует себя мой пациент?

Пока он осматривал Мартина, пришел Томасус-сириец. Нервно расхаживая по комнате, банкир дождался ухода врача и наконец сказал:

— Проведал о твоей болезни — и вот я тут. Лекарства и молитвы — все это очень хорошо, но нельзя пренебрегать ничем. Мой коллега Эбенезер-еврей знает великолепного мага-целителя. Икония из Неаполя, может, слышал? Боль-

шинство этих кудесников — чистой воды мошенники, я не верю им ни на грош. Но Иекония...

— Не надо, — простонал Пэдуэй. — Я быстро поправлюсь, только оставьте меня в покое...

— Я привел его с собой, Мартинус. Будь, пожалуйста, благоразумен, он тебе не повредит. Нельзя же допустить, чтобы ты умер с такими долгами... Хотя это, разумеется, не главное. Я лично питаю к тебе самые искренние...

Все происходящее казалось Пэдуэю кошмаром. Чем больше он протестовал, тем усерднее к нему вели знахарей.

Иекония из Неаполя оказался маленьким толстячком, подвижным и энергичным, и походил скорее на расторопного торговца, чем на мудрого мага.

— Положись на меня, бесподобный Мартинус! Сперва небольшое заклинание для отпугивания слабых духов. — Он извлек из недр своей одежды кусок папируса и зачитал фразу на непонятном языке.

— Ведь не больно, а? Предоставь все старому Иеконии, он знает, что делает!.. Теперь положим под подушку этот амулет, вот так. Ну, разве тебе уже не лучше? А теперь посмотрим твой гороскоп. Ты только назови дату и час своего рождения...

Черт побери, подумал Пэдуэй, каким образом разъяснить этому прыгучему шарлатану, что он родится через тысячу семьсот семьдесят три года? Его терпение лопнуло. Отбросив последние остатки самообладания, Мартин приподнялся в постели и хрипло закричал:

— Дерзкий нечестивец, ужель ты не знаешь, что пред тобой — один из наследных хранителей Печати Соломона? Что единым словом я разбросаю твои несчастные планетки по небосводу и небрежным жестом потушу светило? И ты еще заикаешься о моем гороскопе?!

Глаза мага вылезли на лоб.

— Астарот! Баал-Мардук! — взвыл Пэдуэй. — Сгинь, жалкий червь! Посмей только рот открыть, и я поражу тебя самой страшной из проказ! Твои глаза загнойтся, пальцы отвалятся сустав за суставом...

Но Иекония уже выскочил за дверь. Слышно было, как он перепрыгивал через три ступеньки крыду, затем упал, покатился кубарем по лестнице и вылетел на улицу.

Пэдуэй усмехнулся и сказал Фритарику, прибежавшему на шум:

— Встань у входа с мечом и всем говори, что Веккос велел никого ко мне не пускать. Никого, слышишь?! Даже если явится сам Святой Дух, чтобы духу его здесь не было!

Фритарик поспешно заступил на пост. Через несколько минут он робко заглянул в комнату:

— Хозяин, я нашел одного гота, который лечит эльфов прострел. Может, привести...

Пэдуэй издал душераздирающий стон и натянул на голову покрывало.

Наступил апрель 536 года. В декабре генерал Велизариус покорил Сицилию. Мартин узнал об этом спустя несколько недель. Все силы и помыслы посвятив печатному станку, четыре месяца он выходил из дома только по самым важным делам. И до сих пор почти никого в Риме не знал, хотя познакомился с библиотекарем и коллегами Томасуса: Эбнезером-евреем и Варданом-армянином.

Когда станок был готов, Пэдуэй собрал работников и объявил:

— Полагаю, вы понимаете, что сегодня у нас день особый. Фритарик выдаст каждому по маленькой бутылке бренди; уходя домой, заберете. И тот, кто первым уронит молоток на медные буквы, будет немедленно уволен. Надеюсь, не уронит никто, потому что вы отлично поработали, и я вами горжусь. Все.

— Прекрасно, прекрасно, — произнес Томасус, — я ни на йоту не сомневался, что ты построишь свою машину, всегда был уверен в твоём успехе. Что собираешься печатать? Историю готов?» Префект будет очень доволен.

— Нет, на это уйдут месяцы, особенно если учесть, что мои люди — новички. Я начну с азбуки.

— Отличная мысль! Однако, Мартинус, прими совет: поожись на помощников, отдохни! У тебя такой вид, словно ты месяц не высыпался.

— Вообще-то, так оно и есть. Но какой отдых, без меня все остановится! Кроме того, надо обеспечить реализацию, заинтересовать учителей, воспитателей... Все приходится делать самому. И есть еще одна идея.

— Что?! Снова замыслил какую-то дикую...

— Спокойней, спокойней, Томасус, держи себя в руках. Я хочу печатать еженедельную сводку новостей.

— Послушай, Мартинус, не зарывайся. На тебя ополчится вся гильдия писцов!.. И вообще, рассказал бы ты о себе побольше. Самый загадочный человек в городе! Меня все спрашивают...

— Ну так говори, что ты в жизни не встречал никого занудливее.

В Риме оказалось около сотни писцов. Возможную неприязнь с их стороны Пэдуэй нейтрализовал хитрой уловкой:

нанял их всех в качестве репортеров, предложив несколько сестерций за интересную информацию о текущих событиях.

Когда пришло время собирать материал для первого номера, Мартин обнаружил, что необходима строжайшая цензура. Например, одна из полученных заметок была такого содержания:

«Наш безнравственный и развратный городской правитель Гонорий был преследуем в среду утром по Широкой дороге юной девой с мясницким тесаком. Так как трусливого негодяя не обременяла даже видимость одежды, он легко оторвался от погони. Это уже четвертый скандал за месяц, вызванный аморальным поведением градоначальника. По слухам, группа разгневанных отцов, чьих дочерей Гонорий обесчестил, взывает к королю Теодохаду с мольбой найти на него управу. Впрочем, надо надеяться, в следующий раз, когда за гнусным распутником будут гнаться с ножом, Гонорию не спастись»

Да, подумал Пэдуэй, кому-то наш славный правитель явно не по душе... Но как бы ни правдиво были изложены события, в Риме еще не приняли закона о свободе печати, и ничто не защитит издателя от знакомства с городской камерой пыток.

Поэтому в первом восьмиполосном выпуске о девах с мясницкими тесакми ничего не говорилось. Там была масса безобидной информации, короткая поэма — творение писца, возмнившего себя вторым Овидием, написанная Мартином передовица, в которой он выражал надежду, что римлянам его газета покажется полезной и интересной, и небольшая статья, также написанная Мартином, о нравах и повадках слонов.

Пэдуэя переполняло чувство гордости, когда он разворачивал шуршащие страницы пробного оттиска, и даже обилие опечаток не испортило ему настроения. В заметке о горожанине, смертельно раненном грабителями на Соляной дороге, заурядное наречие превратилось в непристойное слово. Но при тираже в двести пятьдесят экземпляров правку нетрудно внести пером и чернилами.

Мартин вдруг задумался о важности собственной роли в этом мире. Ведь это его могли зарезать на Соляной дороге!.. Тогда не было бы печатного станка, не было бы никаких изобретений, которые еще предстояло сделать, — жди, пока к ним приведет естественный ход неторопливого технического прогресса...

Пэдуэй назвал газету «Римское время» и пустил ее в продажу по десять сестерций. К его удивлению, тираж разошелся мгновенно, а потом еще долго Фритарик отгонял от дверей опоздавших.

Каждый день писцы приносили свежую информацию. Пухлый розовощекий молодой человек вручил Мартину заметку, начинающуюся с крупно выведенного заголовка:

«КРОВЬ НЕВИННОЙ ЖЕРТВЫ НА РУКАХ ЧУДОВИЩНОГО ЗЛОДЕЯ ГОНОРИЯ, НАШЕГО ГОРОДСКОГО ПРАВИТЕЛЯ.»

Из достоверных источников стало известно, что Аврелий Гальба, на прошлой неделе распятый за убийство, был мужем женщины, которой давно и безуспешно домогался похотливый козел Гонорий. Во время суда над Гальбой многие отмечали шаткость улики...

— Эй! — воскликнул Мартин. — Не ты ли автор другой заметки: о Гонории и деве?

— Я, — гордо сказал писец. — Почему ее не опубликовали?

— Интересно, вышел бы тогда следующий номер моей газеты?

— О, признаться, я не подумал...

— Что ж, учти на будущее. Эту историю тоже нельзя использовать. Но ты не огорчайся, она хорошо сделана: хлестко, завлекательно... Откуда у тебя информация?

Писец улыбнулся.

— Прислушиваюсь к тому, что люди говорят. А что не слышу я, слышит моя жена. Женщины обожают поболтать за игрой в трик-трак.

— Чертовски жаль, что я не смею вести колонку городских слухов! — посетовал Пэдуэй. — У тебя задатки настоящего газетчика. Как твое имя?

— Георгий Менандрус.

— Грек?

— Мои родители греки: я — римлянин.

— Хорошо, Джордж, надолго не пропадай. Когда-нибудь мне понадобится толковый помощник.

Пэдуэй нанес конфиденциальный визит хозяину сыромятни.

— Когда нужна следующая партия? — спросил дубильщик.

— Через четыре дня.

— Невозможно. К этому времени у меня будет только пятьдесят листов, причем впятеро дороже.

— Почему?! — ахнул Мартин.

— Твой первый заказ практически исчерпал все городские запасы. Все, что было у меня и что я сумел купить. В Риме не осталось шкур и на сто листов. Да и готовить их долго...

— А если расширить твою мастерскую, можно выйти на две тысячи листов в неделю?

Дубильщик покачал головой.

— Перерезать всех коз в Центральной Италии?

Пэдуэй был вынужден признать свое поражение. Восковку, по сути, делали из отходов сыромятного производства. Крупный заказ попросту взвинтит цены. Хотя в Древнем Риме наука «экономика» была неизвестна, закон спроса и предложения действовал там с такой же неумолимостью.

Значит, без бумаги все-таки не обойтись. И второй выпуск газеты сильно задержится.

Пэдуэй отправился к валяльщику: велел измельчить несколько фунтов белой материи и изготовить самое тонкое полотно, о котором когда-либо слышали. Валяльщик послушно изготовил нечто похожее на исключительно толстую и рыхлую промокашку. Пэдуэй терпеливо настоял на более тщательном измельчении, потребовал прокипятить массу перед валянием и прогладить после. Выходя из мастерской, он заметил, как валяльщик многозначительно постучал себя по лбу. Но в результате неоднократных проб и ошибок получилась бумага столь же годная для письма, как туалетная.

Настал кульминационный момент. Капля чернил разбежалась по бумаге с резвостью туристов, обнаруживших у костра гадюку. Пэдуэй тяжело вздохнул и попросил валяльщика изготовить еще десять полотен, добавляя в варево разные широко распространенные вещества: мыло, оливковое масло... Тут валяльщик пригрозил бросить дело. Мартину с трудом удалось его уломать — пообещав существенно повысить расценки. Наконец, к огромному облегчению заказчика и мастера, добавки клея решили проблему.

К выходу второго номера газеты Пэдуэй уже не волновался из-за нехватки бумаги. Иная мысль заняла освободившийся было участок мозга, ответственный за беспокойство: что делать, когда разразится Готская война? В его истории она двадцать лет терзала Италию. Каждый мало-мальски значительный город был по крайней мере единожды осажден или захвачен; Рим потерял до половины своих жителей в битвах и эпидемиях. Если повезет выжить, можно стать свидетелем завоевания Италии лангобардами и полного уничтожения римской цивилизации... Все это чудовищно препятствовало его планам.

Несмотря на попытки встряхнуться, Пэдуэем овладела тоска. Возможно, в мрачном настроении виновна была и погода: два дня подряд лил дождь, и все в доме пропиталось влагой. От сырости помог бы огонь — но на улице было слишком жарко. Мартин предался хандре и уныло смотрел в окно на печальный пейзаж.

Из такого состояния его вывел Фритарик, приведший в комнату коллегу Томасуса, Эбенезера-еврея — благодушно-го, хрупкого на вид старца с длинной белой бородой.

Эбенецер отжал бороду, стянул через голову плащ и спросил:

— Куда его, чтобы не накапать, драгоценный Мартинус? Ах, благодарю! Шел по делу и решил заглянуть, если не возражаешь. Томасус говорил, что у тебя очень интересно.

Пэдуэй был рад возможности отвлечься от мрачных мыслей и с удовольствием показал старику свое хозяйство.

Эбенецер задумчиво посмотрел на Мартина из-под густых бровей.

— Теперь я верю, что ты из чужого края. Из чужого мира даже! Взять хотя бы твою арифметику — она изменила всю систему банковского учета...

— Что?! — воскликнул Пэдуэй. — Откуда тебе известно?..

— Как! — удивился Эбенецер. — Томасус продал секрет мне и Вардану. Разве ты не знаешь?

— *Прогал?*

— За сто пятьдесят солидов с каждого. Разве...

Пэдуэй прорычал страшное латинское ругательство, схватил плащ и шляпу и направился к двери.

— Куда же ты, Мартинус? — встревожено спросил Эбенецер.

— Сперва я скажу этому бандиту все, что я о нем думаю! — рявкнул Пэдуэй. — А потом...

— Томасус обещал тебе не раскрывать секрет? Не могу поверить, что он нарушил...

Пэдуэй замер на полушаге. Сириец действительно не давал слова молчать. Просто Мартину казалось, что не в его интересах делиться новыми знаниями. Но если Томасусу потребовались наличные, ничто не запрещало ему продать секрет арифметики кому вздумается.

Взяв себя в руки, Пэдуэй признал, что ничего страшного не случилось — ведь он сам хотел как можно шире распространить арабскую систему счета. В сущности, его задело то, что, урвав солидный куш, банкир и не думал с ним делиться. Как и предупреждал Невитта, Томасус — честный человек, но зевать с ним нельзя.

Вечером того же дня Пэдуэй отправился к сирийцу. Фритарик нес наполненную золотом коробку.

— Мартинус! — вскричал банкир. — Неужели ты хочешь погасить долг? Откуда у тебя столько денег?

— Возвращаю все целиком, — ухмыльнулся Пэдуэй. — Надоело платить десять процентов, когда можно обойтись семью с половиной.

— Что? Где это ты найдешь такой смехотворно малый интерес?

— У твоего уважаемого коллеги Эбенецера. Он сам мне предложил.

— Ну, не ожидал я от Эбенезера... Если это правда, то и я могу согласиться на такой процент.

— Придется тебе сделать предложение получше — заработав столько на продаже моей арифметики!

— Послушай, Мартинус, я поступил вполне законно...

— Не спорю.

— Ну, хорошо. Должно быть, такова воля Господа нашего. Я предлагаю семь и четыре десятых.

Пэдуэй презрительно рассмеялся.

— Тогда семь. Но это мое последнее слово!

Снова зашел в гости Невитта.

— Поправился, Мартинус? Отлично, я знал, что ты парень крепкий. Не хочешь сходить со мной на бега, поставить солид-другой? А потом ко мне в поместье на денек?

— Я бы с удовольствием, да надо верстать «Время».

— Верстать?.. — переспросил Невитта.

Пэдуэй объяснил.

— Ха-ха-ха! А я подумал, что ты забавляешься с подружкой по имени Темпора... Давай тогда завтра к ужину.

— Как мне добраться?

— У тебя есть верховая лошадь? Ладно, пришлю за тобой Германна. Но учти — я не желаю, чтобы он вернулся ко мне на крыльях!

— Это привлекло бы слишком много внимания, — серьезно сказал Пэдуэй.

На следующий день Пэдуэй, в новеньких византийских башмаках из невыделанной кожи, восседал на кобыле, которую вел Германн. Любуясь заботливо ухоженными землями вдоль Фламиниевой дороги, Мартин невольно думал: скоро грянут Темные века, и вся эта красота превратится в бесплодную пустыню...

— Как вчерашние бега? — спросил он, желая отвлечься от тягостных мыслей. Германн, оказалось, едва мог связать по латыни несколько слов.

— О, хозяин был чертовски зол. Его послушаешь... прямо настоящий спортсмен. Но терпеть не может проигрывать. Потерял на лошади пять сестерций. Рычал как... прямо как лев с больным брюхом.

На пороге дома Пэдуэя встречали приятная полная женщина — жена Невитты (вовсе не говорившая по латыни) и его старший сын Дагалайф — офицер, приехавший к родителям в отпуск. Поданный ужин полностью соответствовал всем слухам о легендарном готском аппетите. После вонючей браги, распространенной в Риме, Пэдуэй с удовольствием выпил вполне приличного пива.

— Спасибо. Признаться, итальянским вином я сыт по горло. Римляне превозносят его сорта и изысканные ароматы, но по мне вся эта кислятина на один вкус.

— Согласен! Тогда, может, капельку душистого греческого? Пэдуэй содрогнулся.

— А, и я того же мнения! — воскликнул Невитта. — Разве настоящий мужчина пьет вино с благовониями? Держу эту бурду только для Лео Веккоса и других знакомых греков. Кстати, надо рассказать ему о том, как ты вылечил меня от чихания. Лео наверняка придумает какую-нибудь мудреную теорию!

— Скажи, Мартинус, — заговорил Дагалайф, — что ты думаешь о предстоящем ходе войны?

Пэдуэй пожал плечами.

— Я знаю лишь то, что известно всем. У меня нет телефонной связи... то есть, я хотел сказать, у меня нет связи с небесами. Можно предположить, что к августу Велизарий подойдет к Неаполю. Силами он располагает небольшими, но побить его будет чертовски трудно.

— Ха! — презрительно воскликнул Дагалайф. — Побьем как миленького! Горстка греков — ничто перед единым готским народом.

— Так же рассуждали и вандалы, — сухо обронил Пэдуэй.

— Верно, — согласился Дагалайф. — Но мы не совершим ошибок вандалов!

— Не знаю, сын, — мрачно произнес Невитта. — Помоему, мы их уже совершаем — или другие, еще похлеще. Наш король может только судиться с подданными да кропать стишки на латыни. Лучше б он был безграмотен, как Теодорих! Впрочем, — смущенно добавил Невитта, — я и сам умею читать и писать. Мой отец пришел сюда с Теодорихом из Паннонии и больше всего на свете любил поразглагольствовать о священном долге готов: защищать Римскую цивилизацию от дикарей-франков. Старик готов был в лепешку разбиться, но дать мне латинское образование. Спору нет, порой оно на пользу. И все же в ближайшие месяцы, боюсь, нашему королю скорее понадобится умение вести в бой конницу, чем склонять «amo-amas-amat».

ГЛАВА 5

Пэдуэй возвращался в Рим в самом прекрасном расположении духа. Впервые, не считая деловых визитов к Томасусу-сирийцу, он побывал в гостях! А Мартин, несколько холодный внешне, в глубине души был человеком общительным... Он спешился и отдал поводья Германну, даже не обратив

внимания на трех угрюмых типов, что стояли возле изгороди у его дома на Длинной улице.

Путь преградил бородатый мужчина, самый солидный из трех поджидавших. В его руке был лист бумаги — настоящей бумаги, наверняка, от обученного Пэдуэем валяльщика, — с которого он вслух читал:

— ...среднего роста, каштановые волосы, карие глаза, нос крупный. Говорит с акцентом. — Бородач резко вскинул голову: — Мартинус Падуанский?

— Sic. Quis est?

— Ты арестован. Следуй за мной. И без шума!

— Что?! Кто... почему...

— Приказ префекта города. По обвинению в колдовстве.

— Но... но... Эй! Не имеете...

— Я же сказал: без шума!

Двое зашли с боков, подхватили Мартина под руки и повели его по улице. Когда он попытался воспротивиться, они вытащили короткие дубинки. Пэдуэй в отчаянии завертел головой. Германн уже скрылся за поворотом. Фритарика тоже не было видно: разумеется, спал, как обычно. Пэдуэй набрал полную грудь воздуха, приготовившись закричать, но мужчина справа угрожающе взмахнул дубинкой. Воздух пришлось с шумом выпустить.

Тюрьма стояла на Капитолийском холме. Безучастный чиновник немедленно потребовал назвать имя, возраст и адрес. Пэдуэй до сих пор был точно в тумане. Мозги работали на высоких оборотах, однако явно вхолостую. Почему-то вспомнилось, что арестованный имеет право позвонить адвокату... В сложившейся ситуации эти полезные сведения вряд ли могли пригодиться.

Низкорослый, но очень подвижный итальянец, развалившийся на лавке, при появлении Мартина резко вскочил на ноги.

— Колдовство? С участием чужестранца? Похоже, это ко мне.

— Нет-нет, — возразил чиновник. — Вы, представители центра, ведаете делами, затрагивающими исключительно гот. Этот человек не гот; по его словам, он американец.

— Изучи получше правила! Под нашу юрисдикцию попадают все особо тяжкие преступления с участием чужестранцев. Поступил сигнал о колдовстве? Значит арестованным буду заниматься я.

Низкорослый решительно двинулся к Пэдуэю. Мартину, надо сказать, очень не понравился термин «особо тяжкие преступления».

— Не валяй дурака! Ты что, потащишь его на допрос в Равенну? У нас отличная камера пыток!

— Я выполняю свой долг, — отчеканил представитель центральной власти. Он взял Пэдуэя за руку и потащил его к двери. — Идем, колдун. Мы покажем тебе *настоящие* пытки. Эти римские недоучки ни черта не смыслят.

— Боже всемогущий! Ты с ума сошел?! — Чиновник сорвался с места и схватил Пэдуэя за другую руку; то же поспешил сделать и арестовавший Мартина бородач.

— Юстиний! — пронзительно завопил представитель центра. — Живо доложи помощнику префекта, что городские власти пытаются укрыть от нас преступника!

Неприметный человечек юркнул в дверь.

Одновременно отворилась другая дверь, и вошел тучный, сонного вида мужчина.

— Что за шум? — раздраженно процедил он.

Тюремщик и полицейский отпустили Пэдуэя и вытянулись по стойке смирно. Воспользовавшись этим, низкорослый потащил пленника к двери; местные чиновники тут же забыли об этикете и вновь схватили Мартина. Все трое загалдели, взывая к тучному и силясь перекричать друг друга. Пэдуэй пришел к выводу, что перед ним муниципальный *commentariensis*, начальник полиции.

Двое других полицейских впихнули в помещение худого оборванного узника и немедленно вступили в спор с истинно итальянским темпераментом — переживая происходящее до глубины души и отчаянно жестикулируя. Узник, не долго думая, выскочил за дверь. Лишь через минуту заметив это, полицейские переключились друг на друга.

— Ты зачем его отпустил?

— Я?! Ты сам его отпустил, болван!

Тем временем неприметный человечек по имени Юстиний привел томную, изысканно одетую особу — очевидно, помощника префекта. Особа махнула надушенным платочком в сторону обступивших Пэдуэя чиновников и вяло молвила:

— Эй, там, отпустите арестованного. Вы его просто разорвете, и некого будет допрашивать.

По тому, как тихо стало в помещении, Пэдуэй понял, что помощник префекта — большая шишка.

Томная особа со скучающим видом задала несколько вопросов, а затем рассеянно обронила:

— Прости, дорогой *Commentariensis*, но боюсь, что этот человек все же принадлежит нам.

— Нет! — упрямо прогнусавил начальник полиции. — Арестовывать и судить — в полномочиях местных властей. Центр не имеет права вмешиваться!

— Ах, мой милый, ты так *утомителен*! — Помощник префекта зевнул. — Не забывай: я представляю префекта, а

префект представляет короля, и, если я прикажу передать арестованного, ты безропотно это сделаешь... Я приказываю.

— Приказывай, сколько хочешь! Тебе придется забирать его силой, а моих людей больше. — Шеф полиции ликующе улыбнулся и щелкнул пальцами. — Клодий, сходи за нашим славным градоначальником. Посмотрим, кто, в конце концов, распоряжается городской тюрьмой!

Чиновник выбежал.

— Конечно, — продолжил шеф полиции, — можно воспользоваться методом Соломона.

— Разрубить арестованного пополам? — догадался помощник префекта.

— Ну! Господи Боже, вот было бы смешно! Ха-ха-ха-ха! — Шеф полиции заливался смехом, пока по его лицу не потекли слезы. — Ты что предпочитаешь — голову или ноги? — выдавил он сквозь хохот. — А-ха-ха-ха!

Полицейские послушно засмеялись: помощник префекта позволил себе вялую улыбку. Один только Пэдуэй не разделял всеобщего веселья, посчитав такой юмор излишне грубым.

Вскоре прибыл градоначальник. В роскошной тунике с двумя пурпуровыми полосами римского сенатора, Гонорий шествовал величавой поступью; с мясистого квадратного подбородка свисали жирные складки, что в сочетании с надменным выражением лица и маленькими холодными глазками делало его похожим на черепаху.

— Ну, в чем дело? — Голос сенатора напоминал скрежет напильника по металлу. — Быстро, быстро, я человек занятой!

Начальник полиции и помощник префекта изложили каждый свою версию. Чиновник подал толстенный свод законов. Три важные персоны отошли в сторону и зашептались, переворачивая страницы и ссылаясь на положения.

Наконец помощник префекта капитулировал и деланно зевнул.

— Хорошо, хорошо. Все равно тащить его в Равенну — такая тоска! Тем более начинается сезон moskitov... Рад был повидаться.

Он отвесил учтивый поклон градоначальнику, небрежно кивнул шефу полиции и удалился.

— Ну, а что мы будем делать с заключенным теперь, когда он наш? — спросил Гонорий. — Дайте-ка мне эту жалобу.

Чиновник торопливо протянул лист бумаги.

— Гм-м... «...Далее упомянутый Мартинус Пэдуэй вступил в омерзительную связь с дьяволом, по наущению коего практиковал преступную науку магию, тем самым подвергая опасности жизнь и благосостояние римских граждан...» Так... Подписано: Ганнибал Сципио из Палермы.

Пэдуэй поспешно рассказал про события, вызвавшие его разрыв с бывшим работником и толкнувшие того на донос.

— Если же он имеет в виду печатный станок, — добавил Мартин, — то я готов доказать, что это простое механическое устройство, не имеющее ничего общего с колдовством.

— Гм-м... Может, и так, — промолвил Гонорий. — А может, и не так. — Он хитровато прищурился. — Говорят, твое дело процветает?

— И да, и нет, мой господин. Я кое-что зарабатываю, но все деньги в обороте. Наличных у меня хватает только на пропитание.

— Что же, плохо, — мрачно произнес Гонорий. — Похоже, жалобе придется дать ход.

— О мой господин, полагаю, не в твоих интересах доводить дело до суда, — заявил Пэдуэй с напускной уверенностью.

— Вот как? У нас очень опытные следователи. Ты признаешься во всех смертных грехах, прежде чем они закончат тебя... э-э, допрашивать.

— Господин, я сказал, что у меня мало наличных. Зато у меня есть ценное предложение, которое наверняка не оставит тебя равнодушным.

— Очень ценное? Это уже лучше. Лютеций, я воспользуюсь твоим кабинетом?

Не дожидаясь ответа, градоначальник открыл дверь в маленькую комнату и кивком велел Пэдуэю следовать за ним. Шеф полиции проводил их хмурым взглядом, явно оплакивая уплывающий куш.

— Уж не собираешься ли ты подкупить меня? — холодно спросил Гонорий, устроившись в кабинете.

— Ну... не совсем *подкупить*...

Гонорий жадно подался вперед.

— Сколько? — рявкнул он.

Мартин облегченно вздохнул.

— Сейчас объясню.

— Только не вздумай заговаривать мне зубы!

— Все очень просто. Я бедный чужеземец и, естественно, могу полагаться лишь на собственную сообразительность — больше у меня ничего нет.

— Ближе к делу, молодой человек.

— У вас есть закон, запрещающий учреждение должностными лицами обществ с ограниченной ответственностью?

Гонорий поскреб подбородок.

— Когда-то был. Не знаю, как сейчас — ведь власть сената распространяется только на город. Вряд ли готы возвращались к этому вопросу. А что?

— Если бы сенат принял поправку к старому закону — жест, возможно, необязательный, однако, согласись, краси-

вый, — я мог бы показать тебе и нескольким другим достойным сенаторам, как получить недурную прибыль от организации и деятельности подобной компании.

Гонорий надменно выпрямился.

— Я с негодованием отмечаю это гнусное предложение! Тебе следовало бы знать, что честь патриция не позволяет ему стать вульгарным ремесленником.

— О мой господин, при чем тут ремесло? Вы будете держателями акций.

— Мы будем... кем?

Мартин объяснил, что такое акционерное общество.

Гонорий вновь поскреб подбородок.

— Да, кажется, я понимаю, куда ты клонишь... Чем же будет заниматься наша компания?

— Оперативной передачей информации на большие расстояния — гораздо быстрее, чем может сделать это гонец. У меня на родине такую связь называют семафорным телеграфом. Разумеется, компания будет взимать плату с частных пользователей... Ну и совсем нелишне, если ты сумеешь добиться дотации из королевской казны — под тем предлогом, что подобное новшество повысит обороноспособность государства.

Гонорий задумался.

— Сейчас я ответа не дам. Мне надо все хорошенько взвесить, посоветоваться с друзьями... Ты же пока останешься на попечении Лютеция.

Пэдуэй широко ухмыльнулся.

— Господин, говорят, твоя дочь на следующей неделе выходит замуж?

— Что с того?

— Моя газета могла бы дать с торжества красочный репортаж: список почетных гостей, описание прекрасной невесты, ну и все прочее.

— Гм-м, недурно... Да, недурно.

— Тогда не следует меня задерживать. Жаль, если такое грандиозное событие не получит освещения в печати лишь потому, что издатель в то время сидел в тюрьме!

Гонорий поскреб подбородок и криво усмехнулся.

— А ты не так глуп, как можно ожидать от варвара... Тебя освободят немедленно.

— Премного благодарен, господин. Хочу добавить, что если жалоба на меня будет отклонена, я с еще большим воодушевлением смогу воздать хвалу дивному обряду бракосочетания твоей дочери. Мы, люди творческие...

Удалившись от тюрьмы на порядочное расстояние, Пэдуэй глубоко вздохнул. Он весь был покрыт потом — и вовсе не от жары.

Едва уладив насущные дела, Мартин надолго заперся с Томасусом, и, когда на Длинной улице появилась процессия паланкинов, на которых прибыли Гонорий и еще четыре сенатора, был готов к приему высоких гостей. Сенаторы не просто дали согласие, но даже искренне загорелись стремлением вложить в проект свои деньги, особенно после того, как Пэдуэй показал им красивые, только что отпечатанные акции. Правда, у патрициев были довольно своеобразные взгляды на деятельность компании.

Один из сенаторов ткнул Пэдуэя кулаком в бок и хитро улыбнулся:

— Дорогой Мартинус, надеюсь, ты не собираешься на самом деле строить эти глупые башни?

— Вообще-то...

Сенатор подмигнул.

— Понимаю, придется возвести парочку для отвода глаз, чтобы можно было выгодно продать наши акции. Но ведь мы то знаем, что это обман, не так ли?

Пэдуэй не стал вступать с ним в спор. Не удосужился он также и объяснить, почему Томасус-сириец, Эбенезер-еврей и Вардан-армянин взяли каждый по восемнадцать процентов акций. Сенаторы, возможно, удивились бы, узнав, что три банкира заранее условились принимать решения совместно и по указанию Пэдуэя. Таким образом, имея в своем распоряжении пятьдесят четыре процента акций, Мартин получил полный контроль над компанией.

Он твердо вознамерился добиться успеха, в первую очередь возведя линию сигнальных башен от Неаполя через Рим до Равенны и используя получаемую информацию в газете. Вскоре возникла первая проблема: чтобы вложенные деньги хоть когда-нибудь могли принести прибыль, башни надо располагать как можно дальше друг от друга. Следовательно, нужны телескопы; следовательно, нужны линзы. Но где их взять? Конечно, ходили слухи об изумительном лорнете императора Неро...

Пэдуэй отправился к Секстусу Дентатусу — жабоподобному ювелиру, обменивавшему его лиры на сестерции. Тот посоветовал обратиться к некоему Флориану-стекольщику.

Из недр маленькой темной мастерской вышел, обдавая все вокруг винным запахом, светловолосый мужчина с длинными поникшими усами. Да, когда-то в Кельне у него был собственный стекольный заводик, но в Рейнских землях дела идут плохо. Знаете, тяготы жизни под франками, неуверенность в завтрашнем дне... Он прогорел. А теперь еле-еле сводит концы с концами, застекляя окна.

Пэдуэй растолковал, что ему требуется, выдал небольшой аванс и удалился. Когда в назначенный день он вернул-

ся, Флориан так всплеснул руками, будто намеревался взлететь.

— Тысяча извинений, господин! Очень трудно купить стеклянный бой для переплавки. Еще несколько дней, молю! И если бы еще немного денег... Времена тяжелые... Я беден...

Придя в третий раз, Пэдуэй застал Флориана мертвецки пьяным и тряс его, как мальчишка яблоню, но стекольщик лишь промышал какой-то галльский романс, содержание которого осталось для Мартина тайной. В мастерской не было ни материала, ни инструмента для изготовления линз.

Ближайший стекольный завод находился в Петилии, городке близ Неаполя. Пэдуэй разыскал Георга Менандруса и назначил его главным редактором. А потом три дня, до потери голоса, обучал Издавать Газету. Мартин пустился в путь с дурными предчувствиями, вкусив прелестей знаменитой лодочной переправы, воспетой Горацием.

Везувий не дымился, но сам городок был полон смрада. Фритарик на удивление быстро нашел источник зловония — горстку грязных сооружений. Навстречу вышел хозяин стекольного завода Андроникус — невысокий мускулистый мужчина, с ног до головы покрытый сажей.

Узнав, зачем явился Пэдуэй, Андроникус вскричал:

— Ах, прекрасно, господа! Проходите. У меня есть как раз то, что вам нужно!

Вдоль стен его кабинета стояли полки, ломившиеся от стеклянных изделий. Андроникус изящным движением выхватил откуда-то вазу.

— Взгляните! Какая прозрачность! Ах! В самой Александрии не найти стекла чище!.. И всего два солида!

— Я пришел не за вазой, уважаемый, — напомнил Пэдуэй. — Мне...

— Не за вазой? Не за вазой? А, вот то, что нужно! — Неаполитанец схватил другую вазу. — Только посмотрите! Форма! Чистота линий! Невольно приходят мысли о...

— Я же сказал, меня не интересуют вазы. Я хочу купить...

— ...мысли о прекрасной женщине! О любви!.. — Андроникус восторженно взмахнул рукой и расцеловал кончики пальцев.

— Я хочу купить несколько небольших кусочков стекла, обработанных по особому...

— Бусы? Ну разумеется, господа! Прошу. — Стекольщик зачерпнул пригоршню бусинок. — Нет, но каков цвет! Изумрудный, бирюзовый, на любой вкус! — Он зачерпнул из другой емкости. — А вот посмотрите сюда: видите, изображения двенадцати апостолов, по одному апостолу на каждой...

— Не бусы...

— Ага! Значит, кубок! Вот, пожалуйста. Какой очаровательный горельеф: Святая Троица...

— Боже всемогущий! — завопил Пэдуэй. — Ты будешь меня слушать?!

Сделав на минуту передышку и уразумев наконец, что нужно клиенту, неаполитанец сказал:

— Разумеется! Очень хорошо! Я видел утварь подобной формы. Сегодня ее немного подработаю, а завтра...

— Не пойдет, — перебил Мартин. — Меня устроит лишь строго сферическая поверхность. Нужно тереть выпуклость о вогнутость с... как это по латыни? — корунд? наждак? — в общем, со шлифовальным порошком.

Пэдуэй и Фритарик поселились в Неаполе, в доме кузена Томасуса, Антиоха-купца. Приняли их весьма прохладно. Антиох оказался ортодоксом-фанатиком, и вскоре его язвительные выпады в адрес еретиков заставили гостей съехать. Пришлось им перебраться на постоялый двор, где отсутствие элементарных удобств сильно действовало на нервы чистоплотному Мартину.

Каждое утро Фритарик и Пэдуэй ездили в Петилию следить, как продвигается выполнение заказа, и Андроникус неизменно пытался продать им тонну стеклянного хлама.

В Рим Пэдуэй увозил дюжину линз: шесть плосковогнутых и шесть плосковыпуклых. Оставалось закрепить линзы на одной оси и подобрать оптимальное расстояние между ними. Лучший результат дало расположение вогнутой в окуляре, а выпуклой примерно в тридцати дюймах от нее. В стекле были пузырьки, изображение получалось размытым, и все же эта примитивная подзорная труба позволила разместить сигнальные башни вдвое дальше друг от друга.

В газете между тем появилось первое рекламное объявление. Томасусу пришлось хорошенько прижать одного из своих должников, чтобы тот купил пол полосы.

ХОТИТЕ УСТРОИТЬ СЕБЕ ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ПОХОРОНЫ?

Собираетесь отдать богу душу?

Но и в могилу надо сходить со вкусом!

Если заботу о ваших похоронах

возьмем на себя мы, то

ВАМ НЕ О ЧЕМ ВОЛНОВАТЬСЯ!

**Не рискуйте спасением души -
не обращайтесь к гробовщикам-халтурщикам!
НАШИ СПЕЦИАЛИСТЫ ИМЕЮТ ДЕЛО
С САМЫМИ БЛАГОРОДНЫМИ
ПОКОЙНИКАМИ В РИМЕ!**

**Гарантируем отправление любого
религиозного обряда.
Особые цены для еретиков.
За небольшую доплату
обеспечивается скорбная музыка.**

**Похоронное бюро Джона-египтянина
(близ Виминала)**

ГЛАВА 6

В кабинет Пэдуэя без стука ввалился Юниан, начальник отдела строительства компании «Римский телеграф».

— Работа... — Он судорожно перевел дыхание и начал снова: — Работа над третьей башней неаполитанской линии остановлена сегодня утром подразделением солдат римского гарнизона. Я спросил, какого черта они вмешиваются, а они ответили: «По приказу!» Что будем делать, о великопнейший босс?

Итак, готы возражают? Надо выходить на высшие армейские чины. Пэдуэй скривился при мысли о необходимости вновь лезть в политику.

— Ладно, пойду к Лиудерису.

Начальник римского гарнизона, крупный осанистый гот с кустистыми белыми бакенбардами, говорил по латыни довольно прилично, однако время от времени поднимал голубые глаза к потолку и беззвучно шевелил губами, будто молился; на самом деле он склонял и спрягал глаголы, стараясь избежать ошибок.

— Мой дорогой Мартинус, идет война! А ты возводишь эти... э-э, таинственные башни, не спрашивая у нас разрешения. Некоторые из поддерживающих тебя патрициев... э-э, известны своими прогреческими настроениями. Что нам прикажешь думать? Скажи спасибо, что мы тебя еще не арестовали.

— Я надеюсь, мои башни пригодятся армии для передачи сведений военного характера, — указал Пэдуэй.

Лиудерис пожал плечами.

— Я простой солдат и выполняю свой долг. Мне не разобратся в этих... э-э, устройствах. Возможно, ты и прав. Но я не могу взять на себя такую... э-э, ответственность.

— Значит, ты не отменишь свой приказ?

— Нет. Тебе надо обратиться за разрешением к королю.

— Но у меня нет времени ехать сейчас в Равенну...

— Решай сам, дорогой Мартинус. Я выполняю свой долг. Пэдуэй сменил тактику.

Какой трезвый ум! Какая осмотрительность! Будь я ко-ролем, не пожелал бы себе лучшего солдата!

— Лыстец! — На лице гота расплылась довольная улыбка. — Мне искренне жаль, что я не могу удовлетворить твою просьбу.

— Каковы военные новости?

Лиудерис помрачнел.

— Безрадостные... Впрочем, лучше помолчать. Я уверен, что ты человек гораздо более опасный, чем кажешься.

— Можешь смело мне доверять. Все мои симпатии на стороне готов.

— Вот как? — с сомнением произнес Лиудерис. Он задумался в поисках доказательств. — Какой ты веры?

Пэдуэй ждал этого вопроса.

— Я — конгрегационалист. У меня на родине так называется арианство.

— Ну, тогда, наверно, все в порядке. Новостей немного, а те, что есть, — дурные. Велизарию противостоит лишь горстка войск под командованием Эвермета, зятя короля. А наш славный король...

Начальник гарнизона вздохнул и вновь пожал плечами.

— Превосходнейший Лиудерис, может, ты все же отменишь свой приказ? А я немедленно напишу Теодохаду.

— Нет, добрейший Мартинус, не имею права. Сперва получи разрешение. И, если хочешь дела, отправляйся к королю сам.

Так, помимо собственной воли, Пэдуэю пришлось оседлать смирную кобылу и направиться через Аппенины к Адриатике. Фритарик сперва был от похода в восторге — так хотелось ему снова сесть на коня. Однако очень скоро его настроение изменилось.

— Хозяин, — ворчал он, — я человек простой, необразованный. Но в лошадях толк знаю. Я всегда говорил, что хорошая лошадь — лучшее вложение денег. Если сейчас вдруг выскочат разбойники, наши старые клячи нас не спасут. О, я не боюсь смерти и тем более разбойников. Но сдохнуть подобно шелудивому псу в какой-нибудь безымянной могиле — что за позорный конец для благородного вандала! В моем прекрасном имении в Африке...

— Я не держу конюшен, — раздраженно сказал Пэдуэй — и смягчился, поймав обиженный взгляд Фритарика. — Ничего, старина, когда-нибудь мы позволим себе добрых лошадей. Пока же у меня такое чувство, будто я сижу на муравейнике.

Они достигли Равенны на исходе четвертого дня. Косые лучи заходящего солнца пробивались сквозь туманную дымку и высвечивали золотые купола. Подал голос церковный колокол, и лягушки в лагунах умолкли; потом вновь приня-

лись заунывно квакать. Таким Мартину и запомнился этот город у дамбы: перезвон колоколов, кваканье лягушек и пронзительная, безжалостная песнь moskitov.

Главный церемониймейстер, казалось, просто родился с медоточивой улыбкой.

— Добрейший, все аудиенции у нашего короля расписаны на три недели вперед.

Три недели! За это время механизмы сломаются, а работники разбегутся. Менандрус, натура щедрая, особенно с чужими-то деньгами, доведет газету до банкротства. Тупик!.. Пэдуэй, после конного похода согнутый, словно старый паралитик, тяжело вздохнул и повернулся, чтобы уйти.

Вельможа, который сразу потерял половину гонора, воскликнул в искреннем изумлении:

— Как, разве у тебя нет денег?!

Конечно, устало подумал Мартин, кто принимает отказ всерьез?..

— Каковы же твои расценки?

Церемониймейстер принялся торжественно загибать пальцы.

— Ну, за двадцать солидов я предоставляю тебе аудиенцию завтра. За двухдневное ожидание я обычно беру десять солидов; но это будет воскресенье, поэтому могу предложить аудиенцию в понедельник за семь с половиной. На неделю вперед — два солида. Две недели...

Пэдуэй прервал монолог, предложив взятку в пять солидов за аудиенцию в понедельник. На том и порешили, когда Мартин добавил еще бутылочку бренди.

— И не забудь подарок королю! — напутствовал церемониймейстер.

Теодохад, сын Таразмунда, король готов, Главнокомандующий войсками Италии, Иллирии и Южной Галлии, наследный принц клана Амаль, герцог Тосканский, Благороднейший Патриций и т.д. и т.п., болезненно тощий и ростом с Пэдуэя, поглаживал короткую седую бородку. Он зыркнул на посетителя водянистыми глазками и проблеял тонким дребезжащим голоском:

— Ну, здравствуй, милейший, с чем пришел? Ах да, Мартинус Падуанский, ты, кажется, выпускаешь газету? Так-так...

Король без малейшего акцента говорил на классической латыни.

Пэдуэй чопорно поклонился.

— Да, мой господин. Прежде чем приступить к делу, я хотел бы...

— Отличная вещь эта твоя печатающая машина. Я о ней слышал. Неоценимая находка для ученых мужей. Надо познакомить тебя с Кассиодором. Уверен, ты захочешь напечатать его «Готскую войну». Великолепный труд. Заслуживает широчайшего признания.

Пэдуэй терпеливо выждал.

— Я принес тебе скромный дар. Весьма необычный...

— Э? Дар? Прекрасно, прекрасно. Доставай же!

Пэдуэй раскрыл изящный кожаный футляр.

— Э? — удивленно пискнул король. — Что это такое?

Деликатно обходя щекотливый момент, — пресловутую близорукость Теодохада, — Мартин разъяснил назначение увеличительного стекла.

Теодохад схватил первую попавшуюся книгу, поднес к ней подарок и взвизгнул от восторга.

— Превосходно, мой славный Мартинус! Теперь я смогу читать без головных болей?

— Надеюсь, господин. Что касается моего дела...

— Ах да, ты ведь жаждешь печатать Кассиодора. Сейчас я его позову.

— Нет, повелитель. Цель моем визита иная.

Не позволяя себя перебить, Пэдуэй торопливо рассказал королю про осложнения с Лиудерисом.

— Я не вмешиваюсь в решения местных военных начальников. Они сами знают, как поступать.

— Но, мой господин... — И Мартин разразился красноречивой тирадой о значении телеграфной компании.

— Э? Прибыльное дело? Почему же ты сразу не предложил мне долю?

Пэдуэй был потрясен и пробормотал что-то о нехватке времени. Теодохад укоризненно покачал головой.

— Стыдно, Мартинус. Верноподданные так себя не ведут. Видно, мир сошел с ума — народ не чтит своего монарха... Если ты лишаешь короля возможности честно заработать, то почему я должен заступаться за тебя перед Лиудерисом?

— Прошу прощения, мой господин...

— Стыдно, очень стыдно. Но ты, кажется, хотел что-то сказать? Говори прямо, милейший, не таяни.

Пэдуэй с трудом подавил желание задушить этого невыносимого болтуна. Он подозвал Фритарика, камнем застывшего у двери; тот извлек подозрную трубу, и Пэдуэй объяснил ее назначение.

— Вот как! Весьма любопытно. Спасибо, Мартинус. Должен признать, что ты приносишь королю самые оригинальные подарки.

Пэдуэй онемел от такой наглости — он вовсе не собирался отдавать свою лучшую подзорную трубу! Но дело сделано.

— Если мой господин король сочтет возможным уладить... недоразумение с Лиудерисом, я могу обеспечить моему господину королю неувядаемую славу в мире ученых.

— Э? Ты о чем? Что тебе известно о науке? Ахда, я забыл, ты издатель. Собираешься печатать Кассиодора?

Пэдуэй мысленно простонал.

— Нет, не Кассиодора. Хотел бы, мой господин, чтобы тебя восславили как человека, который перевернул взгляды на Солнечную систему?

— Я предпочитаю не вмешиваться в дела местных военных начальников. Лиудерис — достойный солдат... Э? Ты о чем говорил, Мартинус! Что-то насчет Солнечной системы? А при чем здесь Лиудерис?

— Совершенно ни при чем, мой господин.

Пэдуэй терпеливо повторил свое предложение.

— Что ж, я подумаю. А какова суть этой твоей теории?

Мало-помалу Мартин выманил у короля искомое разрешение взамен на сведения о теории Коперника и обещание напечатать трактат по астрономии под именем Теодохада.

В конце часовой беседы он улыбнулся и сказал:

— Мой господин, похоже, мы пришли к полному взаимопониманию. Остался лишь один пустяк. Подзорная труба очень пригодится во время военных действий. Если угодно, я могу обеспечить офицеров...

— Э? Военные действия? Поговори с Виттигисом, моим главным генералом.

— А где он?

— Где? Ну и вопросы ты задаешь! Где-то на севере, полагаю. Там на нас, кажется, кто-то напал.

— Когда же он вернется?

— Откуда мне знать, добрейший Мартинус? Когда побьет этих аламанов или бургундов или кого там еще...

— Прошу простить меня, господин, но идет война с Империей! Крайне важно, чтобы подзорные трубы незамедлительно поступили в войска! Мы готовы поставлять их по разумной...

— Достаточно, Мартинус! — капризно перебил Теодохад. — Не надо подсказывать мне, как управлять государством. Ты ничем не лучше моего королевского совета. Только и слышишь: надо сделать то, надо сделать се! Я доверяю своим командирам и не хочу обременять себя мелочами. Сказано тебе: поговори с Виттигисом.

Теодохад явно пришел в дурное настроение. Поэтому Мартин промямлил несколько пустых любезностей, отвесил низкий поклон и ретировался.

Когда Пэдуэй вернулся в Рим, то сразу же поспешил узнать, как дела в газете. С первым номером, вышедшим в его отсутствие, все оказалось в порядке. О втором, только что отпечатанном, Менандрус загадочно молчал, а затем, с ликующим блеском во взоре, сообщил, что хозяина ждет потрясающий сюрприз. Так оно и было. Пэдуэй заглянул в пробный оттиск и обомлел. На первой полосе шел обстоятельный рассказ о взятке, которую Сильверий, новый папа римский, дал королю Теодохаду, чтобы обеспечить свое избрание.

— Черт побери! Ты спятил?! Надо же было додуматься такое напечатать!

— А что? — пролепетал Менандрус. — Это ведь правда.

— Правда, правда!.. Хочешь, чтобы нас повесили или сожгли на костре? Церковь и так относится к нам с подозрением. Даже если узнаешь, что епископ содержит двадцать любовниц, держи язык за зубами!

Менандрус шмыгнул носом, смахнул слезу и громко высморкался в тогу.

— Прости, хозяин, я хотел тебя порадовать... Ты не представляешь себе, как трудно было раздобыть факты об этой взятке... Между прочим, такой епископ есть. У него, конечно, не двадцать любовниц...

— Ну и молчи! Слава Богу, номер еще не вышел.

— Вышел, хозяин.

— Что?!

На истошный вопль Пэдуэя в комнату вбежали несколько рабочих-печатников.

— Джон-книгоноша только что забрал первые сто экземпляров.

Джон-книгоноша едва не умер от страха, когда Пэдуэй, весь в грязи от многодневного путешествия, галопом пронесся по улице, прыгнул с лошади и схватил его за руку. Кто-то заорал: «Воры! Разбойники! На помощь! Убивают!» — и Мартину пришлось успокаивать сорок разгневанных римлян.

Откуда ни возьмись появился солдат-гот, протолкался через толпу и требовательно спросил, что тут происходит. Некий гражданин указал на Пэдуэя пальцем:

— Я сам слышал, как он пригрозил перерезать несчастному горло, если тот не отдаст свой кошелек!

Даже арестованный, Пэдуэй не выпускал руки Джона-книгоноши, от испуга утратившего дар речи. Мартин беспрестанно последовал за готом, но, удалившись от толпы, увлек солдата в копону, угостил хорошенько его с Джоном и попытался все объяснить. Гот оставался непреклонен, несмотря на протесты пришедшего в себя торговца книгами,

пока Пэдуэй щедро не одарил его. Дело было улажено: прихотилось только расстраиваться, что кто-то тем временем успел украсть оставленного на улице коня.

Зажав бесценные газеты под мышкой, Пэдуэй поспешил домой. Домочадцы восприняли утрату лошади философски.

— Ничего, хозяин, — сказал Фритарик. — Старая кляча все равно и гроша ломаного не стоила.

Узнав, что первая линия телеграфа через неделю должна заработать, Пэдуэй приободрился и лихо осушил кружку бренди. После тяжелого дня голова у него закружилась, и, когда Фритарик затянул свою любимую песню, он хриплым голосом стал подтягивать:

Земля дрожит,
Когда герои скачут,
И вороны крылами
Солнце прячут,
И копыта ныряют
В безбрежное море...
Поганому трусу
Сегодня горе...

Джулия принесла ужин; сам себе удивившись, Мартин игриво шлепнул ее по мягкому месту.

После сытной еды его потянуло в сон. Фритарик уже дрых без задних ног на коврике перед входной дверью (что ни в коей мере не помешало бы вору спокойно хозяйничать в доме), и Пэдуэй поплелся наверх в свою спальню.

Едва он начал раздеваться, как в дверь постучали.

— Фритарик?

— Нет. Это я.

Пэдуэй нахмурился и открыл дверь. В полумрак комнаты, плавно покачивая широкими бедрами, вплыла Джулия из Апулии.

— Что тебе надо, Джулия?

Девушка посмотрела на него с искренним удивлением.

— Мой господин желает, чтобы я произнесла это вслух? Так не принято!

— Ты о чем?

Она хихикнула.

— А! — догадался Пэдуэй. — Виноват, ошиблись номером... Ну, давай, давай, пошла отсюда!

Джулия растерялась.

— Хозяин... хозяин не хочет меня?

— Вот именно. По крайней мере, в этом смысле.

Ее губы задрожали, по щекам скатились две крупные слезинки.

— Я тебе не нравлюсь? Ты думаешь, я недостаточно хороша для тебя?..

— Я думаю, что ты хорошо готовишь. Все, хватит. Спокойной ночи.

Девушка засопела, всхлипнула и вдруг в голос зарыдала:

— Только потому, что я из деревни... ты и не смотрел на меня... никогда не звал... а сегодня ты был таким милым... я думала... я думала... У-у-у-у!

— Ладно, ладно, успокойся... Ради Бога, перестань реветь! Садись. Я дам тебе выпить.

После первого глотка бренди Джулия громко чмокнула губами и вытерла слезы.

— Хорошо, — блаженно пролепетала она. — Ты хороший. Любовь хорошая. Мужчине нельзя жить без любви. Любовь... Ах!

Джулия совершила телом змееподобное движение, казалось бы немыслимое для девушки с ее фигурой. Пэдуэй выпучил глаза и громко сглотнул.

— Дай-ка бутыл, — проговорил он. — Мне тоже надо выпить.

Через некоторое время Джулия вновь подала голос.

— Ну, теперь мы займемся любовью?

— Э-э... скоро. Да, полагаю, скоро. — Пэдуэй икнул. Потом посмотрел на крупные босые ступни девушки и сдвинул брови. — Только — ик! — еще одну минуту, моя тяжеловесная дриада. Давай-ка взглянем на твои ноги. — Ее подошвы были черными. — Нет, не годится. О, нет, просто исключено, моя похотливая амазонка. Такие ноги — непер... непреодолимое психологическое пр... пр-пятствие.

— Чего?

— Омоем нижние конечности, о жрица любви!

— Я не понимаю!

— Неважно, я сам не понимаю... Суть в том, что тебе сперва надо вымыть ноги.

— Этого требует твоя вера?

— Скажем так. Ч-черт! — Пэдуэй свалил кувшин и чудом поймал его на лету. — Ну-с, моя царица благовоний...

Джулия хихикнула.

— Ты самый хороший мужчина на свете! В жизни ничего подобного не слышала...

Пэдуэй разлепил веки и сразу все вспомнил. Самочувствие было отличное. Он настороженно прислушался к своей совести. Та тоже чувствовала себя превосходно.

Мартин потянулся и сел, склонившись над девушкой, занимавшей две трети его не слишком широкого ложа. От резкого движения сползло покрывало и обнажились большие груди Джулии, а между ними — кусочек ржавого железа,

подвешенный на спускавшейся с шеи веревочке. По ее словам, это — гвоздь из креста святого Андрея...

Пэдуэй улыбнулся. К перечню простейших механических новшеств, которые он собирался ввести в быт, надо бы добавить еще пункт-другой. Ну а пока...

Из густой поросли волос под мышкой Джулии появился мохнатый серый паучок размером с булавочную головку. Светлый на фоне золотисто-коричневой кожи, он медленно полз...

Пэдуэй вскочил с постели и, весь скривившись от отвращения, торопливо натянул одежду, забыв даже умыться. В комнате смердело. Рим, должно быть, притупил его обоняние, иначе он давно заметил бы этот неприятный удушающий запах...

Проснувшись Джулия. Мартин что-то неразборчиво пробормотал и выбежал за дверь.

Два часа он провел в публичных банях. Вечером робкий стук Джулии вызвал громкие крики и категорическое приказание убираться прочь и больше не подходить к его комнате. Девушка подозрительно засопела: тогда Пэдуэй выскочил на порог.

— Еще раз всхлипнешь, и ты уволена! — рявкнул он и с треском захлопнул дверь.

Джулия повиновалась, но с тех пор кидала на него по вечерам злобные взгляды.

Возвращаясь в воскресенье из Ульпиевой библиотеки, Пэдуэй застал у своего дома безмолвную толпу зевак. Он внимательно оглядел дом и не увидел ничего такого, что могло бы привлечь внимание.

— Скажи, незнакомец, — обратился Мартин к ближайшему мужчине, — почему вы так странно смотрите на мой дом?

Мужчина молча окинул его взглядом, и толпа стала медленно — по двое, по трое — расходиться.

В понедельник не явились два работника. К Пэдуэю подошел Нерва и, робко кашлянув, сказал:

— Полагаю, тебе следует знать, достойный Мартинус... Вчера, как обычно, я был на обедне в церкви архангела Гавриила...

— Ну?

— Отец Нарциссий читал проповедь о колдовстве — говорил о людях, которые прибегают к помощи демонов и пользуются нечестивыми приспособлениями. Очень странная была служба. По-моему, он имел в виду тебя, хозяин.

Пэдуэй встревожился. Конечно, нельзя исключить случайности, но он был уверен: Джулия решила снять с души грех совокупления с колдуном и исповедалась. Первая про-

поведь привела верующих поглазеть на логово нечистой силы. Еще две или три...

Толпы религиозных фанатиков Мартин боялся больше всего на свете — оттого, безусловно, что их мыслительные процессы разительно отличались от его собственных. Он вызвал Менандруса и попросил собрать информацию об отце Нарциссии.

Сведения оказались из рук вон плохи — с точки зрения Пэдуэя. Отец Нарциссий был одним из самых уважаемых священнослужителей Рима. Честный, щедрый, справедливый, бесстрашный, без малейшего пятнышка на репутации — что само по себе делало его выдающимся церковником.

— Джордж, — задумчиво проронил Пэдуэй, — кажется, ты упоминал о епископе, который содержит любовниц...

Менандрус ухмыльнулся.

— Это епископ Болоньи, хозяин. Один из дружков папы: больше времени проводит в Ватикане, чем у себя в епархии. У него две содержанки — то есть, о двух известно достоверно. Ни для кого не секрет, что почти каждый епископ имеет любовницу. Но сразу двух!.. Отличная выйдет история для газеты.

— Может быть. Пиши. Сделай ее сенсационной, но не отступай от фактов. Отпечатай три или четыре пробных оттиска и хорошенько их спрячь.

Чтобы добиться аудиенции у епископа Болоньи, который, по счастью, был в Риме, потребовалась неделя. Епископ оказался великолепно одетым вельможей с красивым бескровным лицом. За его слащавой улыбкой угадывался тонкий извращенный ум.

Пэдуэй поцеловал епископу руку, и после обмена любезностями началась легкая, ни к чему не обязывающая беседа. Мартин разглагольствовал о благой деятельности церкви и о своих скромных усилиях способствовать ей при каждой возможности.

— Вот к примеру... Известно ли Вашему преосвященству о моей еженедельной газете?

— Да, я читаю ее с удовольствием.

— Надо заметить, что за работниками моими необходим глаз да глаз, ибо в похвальном рвении собирать новости они иногда совершают ошибки. Я поставил целью делать газету чистую и целомудренную, достойную войти в любой дом, чтобы не сопровождало ее даже тени скандала! Хотя порой это значит, что весь номер приходится писать самому. — Он горестно вздохнул. — Ах, грешные люди! Поверите ли, Ваше преосвященство, встречаются опусы, полные клеветы на деятелей церкви! Вот недавно попалась мне чудовищная выдумка. — Пэдуэй достал пробный оттиск. — Боюсь показы-

вать, дабы праведный гнев Вашего преосвященства в адрес этого мерзкого плода больного воображения не обрек меня на вечные муки в адском пламени.

— Не страшись, сын мой. Священнослужителю многое приходится повидать на своем веку. Только сильные духом способны в наше время посвятить жизнь Господу.

Епископ прочитал оттиск, и на его ангельское лицо пало печальное выражение.

— О, несчастные, слабые смертные! Прости им, Господи, ибо не ведают они, что творят... Назови мне имя того, кто это написал, сын мой, — и я помолюсь за него.

— Это дело рук некоего Маркуса, — ответил Пэдуэй. — Я немедленно прогнал его, разумеется. Ибо не потерплю тех, кто не предан Церкви всецело.

Епископ деликатно кашлянул.

— Воистину! Я ценю твое благочестие. Быть может, в моих силах как-то...

Пэдуэй рассказал о святом отце Нарциссии, демонстрирующем прискорбное непонимание истинных устремлений праведного предпринимателя.

А на следующее воскресенье сам пошел к обедне и дерзко сел в первый ряд. Отец Нарциссий начал проповедь с того места, где закончил ее неделей раньше. Колдовство — тяжчайшее преступление, приветить ведьму — злейший грех. Мартин напряженно замер.

Однако, продолжил священник, кисло взглянув на Пэдуэя, в святом негодовании не следует путать черного мага, пособника дьявола, с честным мастером, чьи бесхитростные поделки помогают нам влачить дни свои в этой юдоли слез. В конце концов, Адам изобрел плуг, а Ной — океанский корабль. К тому же надо учесть, что новое искусство машинной печати позволит широко разнести слово Божье среди пастырей...

Вернувшись домой, Пэдуэй позвал Джулию и объявил, что более не нуждается в ее услугах. Девушка тихо всхлипнула, затем разразилась рыданиями и отчаянно начала вопить:

— Что ты за мужчина?! Я даю тебе любовь. Я даю тебе все. А ты... Раз я из деревни, думаешь, все тебе позволено...

Она затарахтела как пулемет, потом вдруг завизжала и стала рвать на себе одежду. Пришлось прибегнуть к угрозам, пообещав, что Фритарик вышвырнет ее в буквальном смысле слова. Джулия успокоилась, собрала вещички и ушла.

На следующий день Пэдуэй самым тщательным образом прошелся по всему дому, желая убедиться, что ничего не украдено и не сломано, и обнаружил под своей кроватью нечто странное: труп мышки с привязанным к нему пучком куриных перьев. Фритарик был в растерянности. А Георгий

Менандрус побелел как полотно и пробормотал: «Заклятье!»

Он неохотно разъяснил Пэдуэю, что этот «черный подарок» дело рук одного из местных колдунов. Изгнанная служанка умышленно оставила его тут, дабы накликать на хозяйина дома раннюю и мучительную смерть. Менандрус даже стал подумывать, не сменить ли ему работодателя «Не то чтобы я серьезно верю в заклатье, достойный хрзяин, но мне надо содержать семью. Зачем же рисковать?»

Существенная прибавка к жалованью развеяла его опасения. Он только искренне огорчился, что Пэдуэй не желает использовать этот повод, чтобы Джулию арестовали и повесили.

— Ты только представь, — уговаривал Менандрус. — С одной стороны, мы укрепим отношения с церковью, а с другой получим замечательный материал для газеты!

Мартин нанял другую домоправительницу — седовласую, хрупкую и до тоски девственную. Именно это Мартина в ней и привлекало.

Джулия пошла в услужение к Эбенезеру-еврею. Пэдуэй искренне надеялся, что там она не вздумает пускать в ход свои чары. Старик вряд ли бы их выдержал.

— Вот-вот должно прийти первое телеграфное сообщение из Неаполя, — сказал Пэдуэй Томасусу.

Банкир радостно потер ладони.

— Ты просто чудо, Мартинус! Смотри только не переусердствуй. Посыльные сетуют, что твое изобретение лишит их куска хлеба.

Пэдуэй пожал плечами.

— Ладно, поглядим... Сейчас меня тревожит другое: я ожидаю дурных военных известий.

Томасус нахмурился.

— Да, это тоже причина для беспокойства. Теодохад палец о палец не ударил, чтобы защитить Италию. Если война докатится до Рима...

— Готов заключить пари: Эвермут, зять Теодохада, перебежит на сторону Византии. Ставлю солид.

— Согласен!

В комнату вошел Юниан, держа в руке лист бумаги — только что прибывшее первое сообщение: Велизарий высадился в Реджо, к нему переметнулся Эвермут; византийские войска движутся к Неаполю.

Пэдуэй ухмыльнулся, глядя на Томасуса, который застыл с отвисшей челюстью.

— Прости, старина, но этот солид мне нужен. Я коплю на новую лошадь.

— Ты слышишь, Господи?! Мартинус, если я еще раз

вздумаю поспорить с колдуном, можешь объявить меня сумасшедшим и искать опекуна!

Через два дня в дверь дома постучал гонец: король, прибывший в Рим и остановившийся во дворце Тиберия, призывает Пэдуэя к себе. Пэдуэй подумал, что Теодохад все-таки решил оснастить войско подзорными трубами, и с легким сердцем поспешил во дворец. Однако...

— Добрейший Мартинус, — начал Теодохад. — Прошу тебя остановить свой телеграф. Немедленно.

— Что?! Но почему, мой господин король?

— Твоя адская новинка разнесла весть об удаче... об измене моего зятя по всему Риму! Это плохо отражается на моральном духе. Усилились прогреческие настроения, появились едкие нападки даже на меня. На меня! Так что впредь своим телеграфом не пользуйся — по крайней мере пока идет война.

— Но, господин, он будет полезен армии...

— Ни слова больше, Мартинус. Я запрещаю. Что-то еще... Ах, да! С тобой хочет познакомиться мой драгоценный Кассиодор — великий ученый! Ты останешься отобедать с нами?

Так Пэдуэй познакомился с префектом претория — хрупким, безгрешного вида старичком-итальянцем. И сразу оказался втянут в живой и долгий разговор об истории, литературе и перспективах издательского дела. К немалой своей досаде Мартин обнаружил, что получает огромное удовольствие от этих схоластических споров. Он понимал, что потакает старым маразматикам, проявляющим преступное безразличие к судьбам страны, однако ему так хотелось побеседовать на отвлеченные темы!.. Через несколько часов, собравшись уходить, Пэдуэй предпринял попытку завести разговор о неотложных военных приготовлениях. Это, разумеется, оказалось бесполезно, но совесть его была чиста.

Разлетевшаяся весть о его близком знакомстве с королем и префектом произвела на патрициев большое впечатление. Знатные римляне стали раскланиваться с Мартином и даже звать на скучнейшие обеды, которые начинались в четыре пополудни и тянулись до глубокой ночи.

Слушая пространную пустопорожнюю болтовню и еще более пространные застольные речи, Пэдуэй невольно думал, что «цивилизованный» житель XX века, любящий поразглагольствовать на сытый желудок, мог бы брать у этих людей уроки напыщенной, витиеватой и совершенно бессмысленной риторики. Судя по определенной нервозности хозяев и гостей, римская элита все еще принимала Мартина за некое чудовище — курьезное, но ручное и мало-мальски воспитанное, знакомство с которым может оказаться полезным.

Даже Корнелий Анций прислал долгожданное приглашение в гости. Он не извинялся за выказанное в библиотеке пренебрежение, однако в очень деликатной форме давал понять, что инцидент не забыт.

Пэдуэй умирил гордыню и приглашение решил принять — уж очень хотелось ему вновь повидаться с хорошенькой брюнеткой. Когда подошло время, он встал из-за стола, вымыл руки и велел Фритарику собираться.

Гот был поражен до глубины души.

— Как, ты собираешься идти пешком в дом благородного римлянина?!

— Конечно. Тут рукой подать.

— О достойнейший хозяин, это просто невозможно! Так не делают! Я знаю, сам как-то работал у патриция. Необходимо прибыть в паланкине или, по крайней мере, на лошади.

— Ерунда! К тому же у нас всего одна лошадь. Ты же не хочешь бежать за мной следом?

— Н-нет. То есть мне-то все равно, но это уронит твое достоинство, если свободный слуга будет плестись на своих двоих, точно последний раб.

«Проклятый этикет!» — подумал Мартин.

— Хозяин, а как насчет нашей рабочей лошади? — с надеждой предложил Фритарик. — Крепкое и упитанное животное. Издалека его можно принять за тяжелого кавалерийского коня.

— Что?! Останавливать мастерскую ради каких-то идиотских приличий...

Пэдуэй поехал на рабочей лошади. Фритарик оседлал верховую клячу.

Мартина провели в большую, помпезно украшенную комнату. Из-за прикрытой двери кабинета доносился голос Анция, нараспев читающего зычные пентаметры:

— *Богиня-воительница трон подобающий заняла.
Грудь дерзновенно открыта,
Златая корона на голове.
Сзади, из-под шлема просторного, на спину ее
Спадали роскошные волосы, будто река...*

В кабинет заглянул слуга и доложил господину о приходе гостя.

Анций немедленно прервал декламацию и, войдя в комнату, воскликнул:

— Дорогой Мартинус! Нижайше прошу меня извинить: готовлю речь для завтрашнего выступления в сенате. — Он постучал по книге под мышкой и смущенно добавил: — При-

знаюсь, не совсем оригинальную, но ведь ты меня не выдашь?

— Разумеется, нет. Я кое-что слышал через дверь...

— Вот как? И что скажешь?

— О, у тебя превосходная дикция, дражайший Анций.

Пэдуэй подавил желание спросить: «Но что эта речь означает?» Подобный вопрос касательно римского витийства оказался бы и бестактным, и напрасным одновременно.

— Тебе понравилось? — вскричал Анций. — Великолепно! Я безмерно рад! Завтра я буду волноваться как Кадм, заметивший прорастание зубов Дракона; доброе слово компетентного критика придаст мне уверенности. А теперь оставляю тебя на попечение Доротеи — надо закончить речь. Надеюсь, ты не обидишься?.. Дочь моя!

В комнату, очаровательно улыбаясь, вошла Доротея. Анций удалился в свой кабинет — заниматься плагиатом из Сидония, а девушка повела Пэдуэя в сад.

— Послушать отца, так еще не минуло то время, когда Рим повелевал всем миром. Если бы красивые речи могли вернуть Риму былое могущество, отец и его друзья давно бы это сделали!

Стоял знойный июньский день. Жужжали пчелы.

— Как называется этот цветок?

Доротея ответила. Пэдуэю было жарко. Кроме того, он устал от груза ответственности и постоянных забот. Ему хотелось хоть ненадолго почувствовать себя молодым и безрассудным.

Он еще что-то спрашивал — какие-то пустяки о погоде и растениях.

Девушка весело щебетала, то и дело наклоняясь к цветам, чтобы снять с них жучков. Ей тоже было жарко; на верхней губе выступили мелкие бисеринки пота. Платье из тончайшей материи местами прилипло к телу — и Пэдуэй откровенно восхищался этими местами. Она стояла совсем рядом; ему стоило лишь чуть повернуть голову, чтобы поцеловать ее. Улыбка Доротеи казалась почти призывной. В висках у Мартина запульсировала кровь...

И все же Пэдуэй не решился. Пока его сердце терзалось сомнениями, мозг холодно просчитывал варианты. 1) Кто знает, как она это воспримет: не торопится ли он делать выводы на основании обычной дружеской улыбки? 2) Если поцелуй ее оскорбит, что вполне вероятно, то последствия могут быть весьма неприятными и трудно предсказуемыми. 3) К чему все это приведет в случае успеха? Ему не нужна любовница — не говоря уж о том, что благородная Доротея вряд ли согласится на такую роль, — и пока не нужна жена. 4) Он в некотором роде женат...

Что, думал Пэдуэй, хочется вновь стать молодым и безрассудным? Не выйдет, старина, слишком поздно. Тебе суждено все тщательно взвешивать и оценивать — вот как сейчас. Так что смирись с тем, что ты взрослый благоразумный человек, и больше не фантазируй.

Все же душой его завладела печаль — никогда ему не стать тем юношей, «красивым и статным» (так обычно описывают героя авторы романов), который с первого взгляда распознает свою суженую и немедленно заключает ее в объятия. Возвращаясь к дому, где их поджидал Корнелий Анций со своим плодом ораторского искусства, Мартин хранил молчание. Глядя на очаровательную Доротею, он презирал себя за то, что позволил Джулии лечь в свою постель.

Они сели — точнее, возлегли на ложах, ибо Анций трапезничал в старой доброй римской традиции. В глазах сенатора зажегся огонь, а лицо его приняло вдохновенно-мечтательное выражение. Симптомы Пэдуэю были знакомы — так выглядит человек, который пишет или собирается писать книгу.

— Ах, что за чудовищные времена, дорогой Мартинус! Лира Орфея почти умолкла, Каллиопа отвернула от нас свой лик, игривая Талия онемела, гимны нашей обожаемой Святой Церкви заглушили нежный глас Эвтерпы. И все же есть еще люди, которые не щадят сил на взращивание садов культуры, стремясь высоко нести факел поэзии через бурный Геллеспонт варварства.

— Великий подвиг, — вставил Пэдуэй, извиваясь как червяк в попытках найти наименее неудобную позу.

— Да, мы не сдаемся, несмотря на геркулесовы трудности!.. Вот, смею представить на суд сурового издателя эту скромную книгу стихов. — Он протянул свиток папируса. — Кое-что здесь весьма недурно, хоть и сказано это устами недостойного автора.

— Крайне интересно, — произнес Пэдуэй с вымученной улыбкой. — Однако должен предупредить: я принял уже три заказа от твоих уважаемых коллег. Кроме того, у меня еще газета и готовится к печати учебник. Так что пройдет не меньше месяца...

— О-о, — разочарованно протянул Анций.

— Достославный Троян Геродий, именитый Джон Леонтий и почтенный Феликс Авит. Каждый из них представил эпические поэмы. Учитывая состояние рынка, эти господа взяли на себя полную финансовую ответственность.

— То есть... э-э?

— То есть они заранее выкупили у меня тиражи и получают весь доход от проданных книг за вычетом торговой скидки. Оно и понятно — если произведение действительно стоящее,

автор может не волноваться, его расходы на издание, безусловно, окупятся.

— Да, да, добрейший Мартинус, совершенно верно. Как-вы, по-твоему, шансы на успех моего скромного труда?

— Я должен сперва его прочитать.

— Буду счастлив. И даже сам прочитаю сейчас небольшой отрывок, дабы у тебя сложилось некоторое представление.

Анций поднялся. Одной рукой он держал папирус, а другой делал вдохновенно-благородные движения:

*Марс громогласной трубой
своего господина восславил
Юпитера, юного и светлоокого
на трон восходящего,*

Что мудрой Природой выше всех звезд вознесен.

Пышной процессией к древнему...

— Отец, — перебила его Доротея, — у тебя все остынет.

— Что!.. Не беда, дитя мое.

— Кроме того, — продолжила Доротея, — лучше бы ты писал славные добрые христианские стихи, а не погружался в омут языческих суеверий.

Анций вздохнул.

— Если у тебя когда-нибудь будет дочь, Мартинус, выдавай ее замуж поскорее — прежде, чем у нее проявятся критические наклонности.

В августе Велизарий взял Неаполь. Теодохад палец о палец не ударил, чтобы помочь городу — только захватил в качестве заложников несколько семей из маленького готского гарнизона, надеясь тем самым обеспечить его верность. Отпор византийцам попытались дать лишь местные евреи, которые, зная религиозные взгляды Юстиниана, могли себе представить, каково им придется в Империи.

Пэдуэй выслушал новость с тяжелым сердцем. Он мог бы сделать так много, но ему не дают! А чтобы вычеркнуть его из жизни, нужна всего-то ничтожная малость — одна из повседневных случайностей войны; взять, к примеру, судьбу Архимеда... В эпоху, в которой он оказался, действующие армии не слишком церемонились с гражданским населением — к таким же, кстати, жестоким нравам после полутора-ста сравнительно спокойных лет возвращались, кажется, военные его собственного времени.

Фритарик доложил, что явились посетители — группа готов.

— С ними Теодегискель, — прибавил он шепотом. — Ну, сын короля. Будь осторожен, хозяин, это подонок, каких мало.

Шестеро молодых и наглых людей ввалились в дом, не сняв даже мечей. Теодегискель оказался светловолосым красавцем, унаследовавшим высокий голос отца.

Он уставился на Пэдуэя, словно на диковинного зверька в зоопарке, и высокомерно заявил:

— Я давно собирался посмотреть, что тут у тебя творится — еще с тех пор, как вы с моим стариком стали болтать о манускриптах. Я, знаешь ли, человек любознательный — живой ум, так сказать. Это что за дурацкие деревяшки?

Пэдуэй пустился в объяснения, а свита принца перебрассывалась замечаниями о внешности Мартина, ошибочно полагая, что тот не знает готского.

— Ясно, — небрежно перебил Теодегискель. — Здесь больше ничего интересного нет. Давай-ка взглянем на твою книгоделательную машину.

Пэдуэй показал ему печатные станки.

— А, понимаю-понимаю... Как просто! Я и сам мог бы такое изобрести, если бы захотел. Но вся эта чушь не для меня. Я человек здоровый и подвижный и, хотя умею читать и писать — причем получше многих других! — терпеть не могу разную заумь.

— Разумеется, мой господин, — произнес Пэдуэй, надеясь, что его лицо не покраснело от ярости.

— Эй, Виллимер, — окликнул приятеля Теодегискель, — помнишь того торговца, с которым мы пошутили прошлой зимой? Похож на этого Мартина, да? Такой же здоровенный нос.

— Как не помнить! — с хохотом взревел Виллимер. — Век не забуду его рожу — когда мы сказали, что собираемся крестить его в Тибре, привязав к ногам камни, чтобы не унесли ангелы! Но самое интересное началось после того, как нас арестовали солдаты из гарнизона!

Захлебываясь от смеха, Теодегискель повернулся к Пэдуэю:

— Жаль, что тебя там не было, Мартинус. Видел бы ты, какое лицо сделалось у старого пердуна Лиудериса, когда он узнал, кто мы такие! До сих пор себе не прошу, что лично не присутствовал на бичевании тех солдат... Вот уж чего у меня не отнять — ценю юмор!

— Извольте продолжить осмотр, мой господин? — ледяным тоном спросил Пэдуэй.

— Даже не знаю... А что это за ящики? Вещички пакуешь?

— В них находилось кое-какое оборудование, мой господин. Никак не сожжем.

Теодегискель добродушно ухмыльнулся.

— Хочешь надуть меня, хитрец? Я зна-а-ю, что ты заду-

мал! Собираешься вывезти имущество из Рима прежде, чем сюда придет Велизарий? Вот уж чего у меня не отнять — все вижу насквозь! Ну что ж, отлично понимаю — пора готовиться. Похоже, ты хорошо информирован о ходе войны... Он взял с верстака новую подзорную трубу. — Любопытная штука. Я заберу ее, если не возражаешь.

Это переполнило чашу терпения Пэдуэя.

— Нет, мой господин, прости. Мне она нужна.

Глаза Теодегискеля округлились.

— А? Ты хочешь сказать, что нельзя?

— Да, мой господин, именно так.

— Ну, э-э... если на то пошло, то я могу заплатить.

— Она не продается!

Теодегискель начал багроветь от смущения и ярости. Пятеро его друзей подошли поближе, опустив руки на эфесы мечей.

— По-моему, господа, — глухо произнес Виллимер, — сыну нашего короля нанесли оскорбление.

Минутой раньше Теодегискель положил подзорную трубу на верстак; теперь Пэдуэй схватил ее и многозначительно ударил толстым концом себе по левой ладони. Он понимал, что если даже ему удастся выйти из переделки живым, то сам не будет рад такому своему идиотскому поведению. Но сейчас Мартин был слишком разъярен, чтобы прислушаться к голосу разума.

Зловещую тишину нарушило шарканье ног за спиной Пэдуэя. Проследив за глазами готов, он повернулся и увидел на пороге Фритарика, поглаживающего рукоять меча, и Нерву с длинным бронзовым ломом: сзади толпились другие работники со всевозможными тяжелыми орудиями.

— Похоже, эти люди совсем не обучены хорошим манерам, — сказал Теодегискель. — Надо преподать им урок. Но я обещал своему старику воздерживаться от драк. Вот уж чего у меня не отнять — всегда выполняю свои обещания. Идем, ребята.

И они удалились.

— О-го-го! — присвистнул Пэдуэй. — Вы меня выручили. Спасибо.

— Пустяки! — небрежно произнес Георгий Менандрус. — Даже жаль, что они поджали хвост. Я был не прочь поразиться.

— Ты? Ха! — фыркнул Фритарик. — Хозяин, едва я начал собирать людей, как этот тип попытался шмыгнуть за дверь. Знаешь, почему он передумал удирать? Я дал слово повесить его на веревке из его же собственных кишочек! А остальным я пригрозил отрезать головы и насадить их на ограду вокруг дома! — Он на секунду задумался, критически оценивая свои

обещания, затем добавил тоскливо: — Но все это ничего не меняет, великолепный Мартинус. Эти ребята крепко на нас обозлились, а они здесь сила. Мы еще сгинем в безымянной могиле...

Пэдуэй отчаянно пытался как можно скорее переправить оборудование во Флоренцию. Насколько он помнил Прокопия, Флоренция при Юстиниане не пострадала, по крайней мере на ранней стадии готской войны.

Однако ровным счетом ничего не успел сделать. Восемь солдат из гарнизона, кляца мечами, объявили ему, что он арестован. Мартин к тому времени уже привык к арестам. Поэтому велел десятнику связаться с Томасусом, дал указания Менандрусу и спокойно отправился в тюрьму.

По дороге он предложил солдатам выпить: те довольно быстро согласились. В кофоне Пэдуэй отвел старшего в сторону и предложил небольшую взятку. Гот с удовольствием упрятал в карман солид. Но когда Пэдуэй, уже вознамерившись сбрить бороду, раздобыть лошадь и ускакать во Флоренцию, поднял тему своего освобождения, офицер изобразил оскорбленную невинность:

— Любезнейший Мартинус, я и думать об этом не могу! Наш командир, благородный Лиудерис — человек железных правил. Если мои люди развяжут языки, он меня в порошок сотрет! Конечно, я ценю твой скромный *дар* и при случае постараюсь замолвить за тебя словечко...

Пэдуэй промолчал, но твердо решил, что прежде рак на горе свистнет, чем он когда-нибудь замолвит словечко за этого офицера.

ГЛАВА 8

Лиудерис разгладил белоснежные бакенбарды и мрачно произнес:

— Я жестоко разочарован, Мартинус. Трудно представить, что арианин способен опуститься до козней на стороне прогречески настроенных итальянцев и способствовать тому, чтобы в Италию ворвались орды фанатиков-ортодоксов!

— Кто придумал такую чушь? — спросил Пэдуэй скорее с раздражением, чем с опаской.

— Сам... э-э, благородный Теодегискель. Он сказал, что пришел к тебе в гости, и там ты не только нанес ему оскорбление, но и нагло хвалился своими связями со сторонниками Империи. Товарищи Теодегискеля подтвердили его слова. Оказывается, ты строишь планы предательской сдачи Рима врагу и поспешно готовишься вывезти свое имущество.

— О Боже! — воскликнул Пэдуэй. — Неужели я похож на полного идиота? Ведь если бы я строил коварные планы, разве стал бы я об этом повсюду трепаться?!

Лиудерис пожал плечами.

— Не знаю, не мое дело. Я просто выполняю приказ — держать тебя до допроса под арестом. Уведи его, Зигфрид.

При слове «допрос» Пэдуэй содрогнулся. Если честный простака Лиудерис вобьет себе что-нибудь в голову, вряд ли его легко удастся разубедить.

Готы устроили тюрьму, или, точнее, лагерь для содержания арестованных, в северной части города, между Тибром и Фламиниевой дорогой. С двух сторон лагерь был обнесен наспех сделанной оградой, а с двух других — аврелианской стеной. В тюрьме уже находились несколько римских патрициев, подозреваемых в заговоре. Вдоль стены и ограды стояла стража, а на противоположном берегу Тибра — специальный пол на случай, если пленнику удастся преодолеть стену и вплавь перебраться через реку.

Три дня Пэдуэй не находил себе места — не давали покоя думы. Когда он устал от хождения из одного конца лагеря в другой, то садился. Когда устал сидеть — принимался расхаживать...

Какая вопиющая глупость — возомнить, что дела здесь можно вести с такой же легкостью, как в Чикаго! Совсем другой мир — жестокий, грубый. Надо принимать это в расчет, не то мигом пропадешь. Даже тертые интриганы-политики и прожженные бандиты в военной форме зачастую плохо кончают. Каково же приходится тихому и покладистому человеку? В самом деле, вот он старался ни во что не лезть — и в итоге вляпался в дикую ситуацию из-за какой-то подозрительной трубы! С таким же успехом можно было вовсю пускаться в авантюры... Ну ладно, если ему суждено отсюда выбраться, то он им еще покажет!

Четвертый день тоже не принес Пэдуэю успокоения. Охрана казалась чем-то взбудораженной. Он пытался расспросить солдат и понял из их нелюбезных объяснений, что возле Террачины должен состояться большой совет, где готы будут обсуждать свои планы после потери Неаполя.

Мартин разговорился с одним из содержащихся под стражей патрициев:

— Ставлю солид, — заявил он, — что Теодохада скинут, а на его место изберут Виттигиса.

Патриций, бедняжка, клюнул и пошел на спор...

Вскоре Пэдуэя навестил Томасус-сириец.

— Тебя хотел повидать Нерва, но у него не хватило денег на достаточно большую взятку... Как тут с тобой обращаются?

— Терпимо. Нельзя сказать, что кормят вкусно, зато обильно. Лиудерио убежден, что я причастен к некоему заговору против Рима. Это плохо — вдруг решится на крайние меры, чтобы добиться от меня признания.

— Да, заговор действительно существует. Но по крайней мере несколько дней ты можешь не беспокоиться. Лиудерис уехал на совет, готы пока в замешательстве... Утром отправили последний твой ящик. Эбenezер-еврей через две недели собирается во Флоренцию. Он присмотрит, чтобы твои работники не удрали со всем имуществом.

— Если они уже не удрали... Есть какие-нибудь известия о ходе военных действий?

— Никаких, кроме того, что Неаполь очень сильно пострадал. Захватив город, гунны Велизария вышли из-под контроля. Впрочем, ты, должно быть, это знаешь. Уверен, что неким магическим образом тебе открыто будущее.

— Возможно. Кстати, Томасус, ты сам — на чьей стороне?

— Ну, я как-то не задумывался... Скорее, за готов. У итальянцев боевого духа — как у кроликов, так что стране все равно не быть независимой. А если уж нами должны править иноземцы, то пусть лучше готы, чем юстиниановские сборщики налогов. Этого не способны понять только ортодоксы, к примеру, я совершенно теряю голову, едва заговорят про арианскую ересь.

Перед уходом Томасус спросил:

— Может, тебе чего-нибудь принести? Не знаю, позволит ли стража, но...

Пэдуэй задумался.

— Пожалуй. Принеси мне красок.

— Красок? Ты хочешь побелить аврелианскую стену?

— Нет, я имею в виду краски для картин. Ну, знаешь... — Он неопределенно помахал рукой.

— А, понятно. Да, это поможет скоротать время.

Пэдуэю надо было подняться на стену, чтобы сверху осмотреть лагерь в поисках пути бегства. Поэтому, когда Томасус принес все необходимое для занятий живописью, Мартин обратился за разрешением к начальнику охраны, хмурому раздражительному типу по имени Хротиг. Хротиг кинул на него косой взгляд и буркнул одно слово: «Ni!»

Пэдуэй скрыл свое разочарование и удалился поразмыслить на тему «Как завоевать друзей». Остаток дня он экспериментировал с весьма замысловатыми для непривычного человека орудиями художника. Товарищ по несчастью, заключенный римлянин, разъяснил ему, что рисуют водяными красками на покрытой воском доске, а затем доску разогре-

вают, чтобы воск размягчился и впитал пигмент. Дело это весьма тонкое — если доску перегреть, воск расплавляется и краски текут.

Пэдуэй не был профессиональным художником. Но все археологи немного разбираются в рисовании и черчении. Поэтому на следующий день Мартин довольно уверенно спросил Хротига, не хочет ли тот заказать свой портрет.

Впервые на суровом лице начальника стражи едва не возникла довольная улыбка.

— А ты можешь?

— Попробую, капитан. Не знаю только, как выйдет. А то получится сатана, у которого живот прихватило.

— Кто получится? Кто? А, понимаю! Ха! Ха! Ха! Ты неплохой парень!

Так Пэдуэй написал портрет. На его взгляд, изображение на портрете напоминало любого бородатого разбойника, но Хротиг в восторге клялся, что это просто вылитый он! И уже не возражал, когда Пэдуэй снова обратился за разрешением подняться на стену, чтобы оттуда рисовать пейзажи.

Объяснив, что ему нужно найти самый лучший вид, Мартин обошел стену по периметру и обнаружил, что с северной стороны стена примыкает к речной заводи, поросшей водяными лилиями.

Он переваривал полученную информацию, когда его внимание привлек шум в лагере — несколько охранников, особо не церемонясь, швырнули наземь узника в богатой готской одежде. Пэдуэй узнал Теодегискеля, сына короля. Это было любопытно. Мартин кинул последний взгляд на заводь и торопливо спустился по лестнице.

— Hails, — сказал он. — Привет.

Теодегискель сидел на корточках, привалившись спиной к стене, помятый и исцарапанный, под глазами красовались огромные синяки. Римские патриции, перешептывающиеся в отдалении, поглядывали на него с язвительными ухмылками.

— А, это ты, — пробормотал Теодегискель, подняв голову. Его самоуверенность улетучилась, словно воздух из проколотого баллона.

— Вот уж кого не ожидал здесь увидеть, — сказал Пэдуэй. — Похоже, тебе несладко пришлось.

— Э-э... — Теодегискель болезненно поморщился, ошупывая тело. — Попались те самые солдаты, которых мы продали бичеванию за то, что нас арестовали... — Неожиданно он улыбнулся, сверкнув сломанным передним зубом. — Впрочем, я на их месте поступил бы так же. Вот уж чего у меня не отнять — всегда понимаю чужую точку зрения.

— За что тебя взяли?

— Ты не слышал? Я больше не сын короля. Точнее, мой старик больше не король. Совет сместил его и избрал этого кретина Виттигиса. А тот, естественно, на всякий случай приказал меня арестовать.

— Ай-ай-ай, как плохо.

Теодегискель снова болезненно скривился.

— Только не делай вид, будто тебе меня жаль, — я не такой осел. Но, может, ты подскажешь, как здесь жить — чего ожидать от стражи, кому дать взятку...

Пэдуэй, исходя из собственного опыта, проинструктировал молодого человека, а затем спросил:

— Где сейчас Теодохад?

— Не знаю. Последнее, что я слышал — он собирался в Тиволи, с глаз долой да подальше от шума. Однако на следующей неделе должен приехать сюда — тут у него какое-то литературное исследование.

Суммировав свои знания из истории этого периода и то, что удалось выведать, Пэдуэй составил довольно ясную картину событий. Теодохада с трона сбросили. Новый король, Виттигис, попытается организовать упорное сопротивление. Результат для Италии будет катастрофический, хуже, чем безоговорочная сдача. Безмозглый Виттигис не сможет победить войска Империи. И начнет военную кампанию с фатальной ошибки — уведет армию в Равенну, оставив Рим под защитой слабого гарнизона.

Но и Византия одержит победу лишь после долгих лет разрушительной войны, буквально стерев классическую цивилизацию с лица земли. Так что же делать?

Пэдуэй никому не отдавал предпочтения: ни готы, ни Империя не могли обеспечить спокойную жизнь. Его сердцу были близки либеральный капитализм или социалистическая демократия, но Мартин сомневался, что какая-либо из этих систем могла бы существовать в шестом веке.

Если готы были ленивы и невежественны, то греки были жадны и корыстны. Однако выбирать не приходилось. Итальянцы были слишком кротки, чтобы жить независимо, и Мартин прекрасно это осознавал.

В сущности, правление готов ничего дурного не принесло. Более того, они насаждали терпимость в людях, чьи представления о свободе сводились к свободе вешать, топить или сжигать членов всех сект, кроме своей собственной. Кроме того готы относились к теплему полуострову, как к райскому уголку, милому приюту, который должно оберегать и сохранять. Подобного просвещенного отношения трудно было ожидать от франкских Меровингов или ненасытных грабителей Юстиниана.

Значит, идеальное решение — быстрая победа готов. Как им помочь? Если бы король прислушался к его советам... Но

с Виттигисом, упрямым и тупым как бык, каши не сваришь. Другое дело — старый, витающий в облаках Теодохад...

У Пэдуэя начал созревать план.

Когда вновь пришел Томасус, Мартин обратился к нему с просьбой:

— Мне нужны свечи и несколько фунтов серы, смешанной с оливковым маслом так, чтобы получилась густая вязкая масса. И сорок футов прочной веревки. Ты не согласишься, но идею мне подала наша сладострастная Джулия. Помнишь, как она вела себя, когда я окуривал дом?

— Послушай, Мартинус, сейчас ты по крайней мере в безопасности. Так зачем лезть на рожон с какими-то безумными планами бегства?

— Не сегодня-завтра совет готов завершится. К тому времени мне надо быть на свободе.

— Послушайте его! Вы только послушайте! Думаете, он обращает внимание на советы своего лучшего друга? Нет! Он собирается удрать из лагеря, получить, скорее всего, стрелу в печеньку, а потом активно заняться готской политикой! Вы слышали вообще что-нибудь подобное?! Мартинус, я надеюсь, ты не вбил себе в голову какую-нибудь дикую идею — например, стать королем готов? Потому что тебя не изберут. Для начала надо...

— Знаю, — ухмыльнулся Пэдуэй. — Надо принадлежать к благородному семейству Амалингов. Вот я и тороплюсь отсюда выбраться. Ты ведь хочешь спасти мое дело и вернуть свои займы, правда?

— Но каким чудом я пронесу то, что тебе требуется? Стражники следят очень внимательно.

— Серу принеси в коробочке на дне корзины с едой. Если они откроют ее, скажи, что это лекарство, прописанное доктором. Кстати, договорись заранее с Веккосом. А веревку... Придумал! Ступай к моему портному и купи такой же зеленый плащ, как у меня. Пусть вставит ее в подол. В лагере положишь свой плащ рядом с моим, и мы поменяемся.

— Мартинус, это чистое безумие! Меня наверняка схватят, и что тогда будет с моей семьей? Нет, лучше послушай моего совета. Я не могу рисковать невинными людьми. Когда надо прийти с веревкой и всем прочим?

Ранним солнечным утром Пэдуэй сидел на аврелианской стене и усиленно делал вид, что любит гробницей Гадриана у реки. Специально приставленный стражник, некий Эйюльф, заглядывал ему через плечо. Мартин ценил интерес Эйюльфа, но его страшно раздражала длинная борода гота.

Трудно подобрать верный оттенок краски, если по спине елозит что-то колючее и жесткое.

— Вот, — объяснил Пэдуэй на ломаном готском. — Я вытягиваю кисть вперед и как бы сквозь нее смотрю на изображаемый предмет, большим пальцем отмечая на кисти его кажущуюся длину и высоту. Таким образом я соблюдаю правильные пропорции.

— Понятно, — сказал Эйюльф на отвратительной латыни: оба решили поупражняться в языках. — Однако если ты хочешь нарисовать очень маленькую картину — как она называется?.. Тогда замеры на кисти окажутся слишком большими, верно?

Эйюльф был вовсе не глуп для лагерного охранника.

На самом деле внимание Пэдуэя занимала отнюдь не гробница. Он исподтишка наблюдал за стражей и своим скудным имуществом. Все узники делали это — по понятным причинам. Но у Мартина был особый интерес. Он с нетерпением ждал, когда сработает его адская машинка, то есть когда свеча, спрятанная в корзине для еды, догорит до слоя серы. И время от времени украдкой бросал взгляды на покрытый лилиями пруд у реки.

Эйюлфу между тем надоело следить за изобразительным процессом. Он отошел в сторону, присел на стульчик, достал свой излюбленный инструмент, похожий на флейту, и начал выдавливать из него тихие жалобные звуки. Получалось очень похоже на тоскливый вой заблудившегося в бочке призрака. От подобной музыки у Пэдуэя неизменно ползли по спине мурашки, но он слишком ценил доброе отношение стражника, чтобы позволить себе протестовать.

Мартин работал и рабтал, а проклятая адская машинка все никак не подавала признаков жизни. Должно быть, свеча погасла — иначе она давно бы уже догорела. Или сера не зажглась. Скоро позовут на завтрак. Уйти со стены? Нельзя. Сказать, что не голоден? Подозрительно...

Жалобные звуки прекратились, и Эйюльф участливо спросил:

— Что с твоим ухом, Мартинус? Ты все время его трешь.

— Чешется, — ответил Пэдуэй. Не скажешь ведь, что теревить ухо — признак наивысшего душевного напряжения... Он упорно продолжал писать картину. Что ж, по крайней мере один результат неудавшаяся попытка к бегству даст наверняка: получится самое мерзкое изображение гробницы Гадриана, когда-либо вышедшее из-под руки художника-любителя.

По мере того как Пэдуэй терял надежду, нервы его успокаивались. Сера не зажглась. Ладно, завтра надо повторить...

Внизу, в лагере, кашлянул узник. Затем второй. Потом

начали кашлять все. Донеслись обрывки разговоров: «Что за черт...», «Наверное, дубильни...», «Не может быть, они милях в двух...», «Чтоб мне провалиться, пахнет серой...», «Неужто дьявол решил нанести нам визит...»

В лагере поднялась суматоха, стали сбегаться охранники. Кто-то обнаружил источник удушливого запаха и ударил по корзине ногой. Тут же все вокруг покрылось желтой кашей, по которой танцевали голубоватые языки пламени; в воздух поднялись клубы синего дыма. Стража на стене, включая Эйюльфа, побежала к лестнице и торопливо спустилась вниз.

Пэдуэй спланировал все так тщательно, что мог действовать, почти не задумываясь. На маленькой жаровне стояли два горшочка растопленного воска, уже затонированного. Мартин окунул руки в обжигающе горячую жидкость и обмазал лицо и бороду темно-зеленым месивом, а на мгновение застывшую маску нанес три большие окружности желтым воском из другого горшочка.

Затем прогулочным шагом подошел к краю стены, присел на корточки, чтобы скрыться от взглядов тех, кто был в лагере, вытащил из подола плаща веревку и накинул ее петель на выступ стены. Убедившись, что солдаты у реки ничего не видят, Пэдуэй спустился, медленно перебирая руками, и сдернул веревку.

Солнечный луч сверкнул на запястье, и Мартин в сердцах выругался. Часы неминуемо испортятся от долгого пребывания в воде: надо было отдать их Томасусу. Он вытащил камень в основании стены, завернул часы в носовой платок, запахнул их в отверстие и положил камень на место. Чистое безумие — тратить драгоценные секунды. Но характер не переделаешь...

Пэдуэй сбежал по склону к пруду, медленно сел в темную воду, как человек, забирающийся в чересчур горячую ванну, и осторожно растянулся на спине среди желтых лилий так, что только глаза и нос были выше воды. Теперь оставалось надеяться лишь на зеленый плащ и экзотический камуфляж.

Долго ждать не пришлось. Послышались крики, свистки, топот тяжелых солдатских башмаков по периметру стены.

— Вот дьявольское отродье! Будто испарился!..

— Он где-то прячется! Ищите, ищите! Пускайте конницу!

— Пэдуэй лежал не шевелясь, пока стражники осматривали основание стены и тыкали мечами в кусты, где и мыши было не укрыться. Он лежал не шевелясь, пока маленькая рыбка со сводящей сума настойчивостью исследовала его левое ухо. Он лежал не шевелясь, пока конный гот не проскакал через пруд буквально на расстоянии вытянутой руки. Он лежал не шевелясь весь долгий день, пока звуки поисков и погони постепенно не стихли.

Невитта, сын Гуммунда, был, понятно, изумлен, когда из темных зарослей рядом с поместьем неожиданно возник человек и окликнул его по имени. Германн, как всегда ехавший следом, обнажил меч, однако таинственный незнакомец, назвавший себя Пэдуэем, объяснил:

— Я пришел сюда несколько часов назад, хотел одолжить лошадь. Твои люди сказали, что ты на совете, но к ночи должен вернуться. С тех пор жду.

Мартин коротко поведал о своем пленении и бегстве.

Гот взревел:

— Ха! Ха! Значит ты весь день провалялся в пруду прямо под носом у стражи, ха-ха-ха, раскрасив физиономию, как распроклятый цветок?! Ха! Ха! Ничего смешнее в жизни не слышал! — Невитта спешился. — Проходи в дом и расскажи поподробнее... Э, да ты и в самом деле похож на лягушку, старина! — Потом добавил, уже серьезно: — Хотелось бы верить тебе, Мартинус. Ты хороший парень, даром что чужеземец. Но откуда мне знать, что Лиудерис не прав? В тебе действительно есть что-то странное. Говорят, ты способен предвидеть будущее, но скрываешь это. И от машин твоих пахнет колдовством...

— Скажу честно, — задумчиво произнес Пэдуэй, — порой я действительно могу чуть-чуть заглянуть в будущее. Сатана тут ни при чем — таким уж я родился. То есть иногда я вижу, что будет, если дать людям делать то, что они собираются делать. Можно использовать мое знание и вмешаться в ход событий. Тогда будущее изменится.

Вот сейчас, например, я знаю точно, что Виттигис войну проиграет. Причем так, что хуже и быть не может — после многих лет кровопролития, которые совершенно разорят Италию. Не его в том вина — уж такой он есть. Но меньше всего я хочу видеть эту страну нищей и в руинах: полетят к черту многие мои планы. Поэтому я предлагаю вмешаться и изменить ход событий.

Невитта нахмурился.

— Значит, ты хочешь укорить поражение готов? Я не могу согласиться на такое...

— Нет, я хочу *выиграть* для вас войну. По крайней мере постараюсь.

ГЛАВА 9

Если Прокопий не ошибался, а память Пэдуэя не подвела, Теодохад, в панике бросившись в Равенну, в течение ближайших суток должен был проехать по Фламиниевой дороге.

Добравшись до окрестностей Нернии, дальше ехать на встречу королю Мартин не смел. Здесь Фламиниевая дорога раздваивалась, а исторические источники не указывали, какую дорогу выбрал бывший король: старую или новую. Поэтому Пэдуэй и Германн устроились поудобнее на обочине и пустили своих лошадей пастись на травке. Мартин смотрел на компаньона с горьким неодобрением. Германн перебрал пива в кофоне и теперь на все просьбы Пэдуэя наблюдать за дорогой лишь идиотски улыбался и повторял «Ja, Ja!»^ пока не заснул мертвым сном.

Пэдуэй нервно расхаживал в тени деревьев, слушал храп Германна и пытался думать. Он не спал со вчерашнего дня, а этот наглый убудок спокойненько себе дрыхнет. Наверное, следовало бы вздремнуть пару часов у Невитты — но тогда его и из пушки не разбудили бы. В животе бурчало, аппетита никакого: а во всем этом чертовом древнем мире не найдешь даже чашки кофе, чтобы облегчить будто свинцом налитые веки.

Что если Теодохад не появится? Что если он выбрал окружной путь, по Саларианской дороге? Или уже проехал?... Раз за разом Пэдуэй вздрагивал, увидев облако пыли, но из пыли показывался лишь какой-нибудь крестьянин с телегой, одинокий торговец на муле или полуголый мальчишка, погоняющий стадо коз.

Может ли он, Пэдуэй, изменить планы Теодохада настолько, чтобы история пошла иным путем? Собственное влияние представлялось Мартину кругами на воде. От одного только факта знакомства с ним жизнь таких людей, как Томасус и Фритарик, уже сильно переменялась.

Но Теодохад видел его только дважды, и ничего особенного при этом не происходило. Пространственно-временная линия Теодохада если и претерпела какие-нибудь искажения, то лишь самые незначительные. Что касается других высокопоставленных готов... Конечно, они могли читать его газету. Хотя вряд ли — с их-то любовью к учению...

Пэдуэй взглянул на запястье и вспомнил, что часы спрятаны в потайной нише аврелианской стены. Хорошо бы их достать когда-нибудь — если они к тому времени не сломаются.

Новое облако пыли на дороге — наверняка очередная проклятая корова. Но нет, это всадник, да еще скачущий во весь опор. Должно быть, какой-нибудь жирный торговец... Потом Пэдуэй узнал Теодохада и отчаянно завопил:

— Германн!

— Аакxxx, — невозмутимо храпел Германн. Мартин подбежал к нему и ударил гота башмаком. Германн сказал: — Ааааакхх!.. Аакхх, аакхх.

Экс-король был уже совсем близко. Пэдуэй вскочил на лошадь и выехал на дорогу с поднятыми руками.

— Стой! Теодохад, мой господин!

Теодохад одновременно прищипорил коня и натянул поводья, явно терзаемый сомнениями: то ли остановиться, то ли гнать что есть духу. Для коня это, наверное, явилось последней каплей. Он захрипел, опустил голову и взвился на дыбы.

Голубые воды Неры сверкнули на миг в просвете между Теодохадом и его скакуном. Потом король с глухим ударом упал на седло и вцепился в гриву. Его лицо, искаженное ужасом, было покрыто пылью.

Пэдуэй подъехал ближе и успокаивающе сказал:

— Не волнуйся, мой господин, это я.

— Кто... кто... Что? А, издатель. Как тебя?.. Нет, не говори, сам помню. Почему ты останавливаешь меня? Я должен добраться до Равенны. В Равенне...

— Тебе не добраться до Равенны живым.

— Ты что такое говоришь?! Что имеешь в виду? Тоже хочешь убить меня?

— Вовсе нет. — Но как, возможно, ты слышал, господин, я порой могу заглянуть в будущее.

— О Боже... Что там... что там, в будущем? Только не надо говорить, что меня убьют! Пожалуйста, не надо этого говорить, бесподобный Мартинус! Я не хочу умирать. Если меня оставят в живых, я никогда никого больше не побеспокою. Никогда-никогда!

Маленький седобородый человечек едва лепетал от страха.

— Если ты помолчишь минутку, я скажу тебе, что можно сделать. Помнишь, как за вознаграждение ты мошеннически лишил знатного гота красивой наследницы, обещанной ему в жены?

— О Господи, ты имеешь в виду Оптариса, сына Винитара, да? Только не говори «мошеннически», превосходный Мартинус. Я просто... э, употребил свое влияние... Ну, так что?

— Виттигис поручил Оптарису разыскать тебя и убить. Теперь он днем и ночью идет по твоему следу. Перед Равенной этот Оптарис догонит тебя, стащит с лошади и перережет тебе горло, вот так — ккхххх!

Пэдуэй схватился рукой за свое собственное горло, задрал подбородок и провел пальцем по кадыку.

Теодохад закрыл лицо руками.

— Что же делать? Что делать? В Равенне у меня друзья...

— Это ты так думаешь. Я знаю лучше.

— Неужели нет никакого выхода? Значит, Оптарису суждено убить меня, несмотря ни на что? Может, мне спрятаться?

— Пожалуй. Но если ты продолжишь путь в Равенну, мое пророчество сбудется.

— Тогда решено, я спрячусь.

— Надо только разбудить этого парня. — Пэдуэй указал на Германна.

— Зачем тратить время? Бросим его здесь!

— Он работает на моего друга и должен был заботиться обо мне. Однако вышло наоборот.

Они спешили, и Мартин возобновил попытки привести в чувство Германна. Теодохад же сидел на траве и стонал:

— Вопиющая несправедливость! А ведь я был таким хорошим королем...

— Конечно, едко заметил Пэдуэй. — Если не считать того, что ты нарушил свою клятву Амаласунте не лезть в государственные дела, а потом организовал ее убийство.

— Ты не понимаешь, великолепнейший Мартинус. Она приказала умертвить нашего благородного патриота, графа Тулума, а также друзей ее собственного сына Аталарика...

— ...И если не считать того, что ты вмешался — опять же, за вознаграждение — в папские выборы. Кроме того, ты пытался продать Италию Юстиниану — за виллу близ Константинополя и ежегодную ренту...

— Что?! Откуда тебе известно... Я хотел сказать — это гнусная ложь!

— Мне многое известно. К примеру: ты преступно пренебрег обороной Италии, бросил гарнизон Неаполя...

— Нет-нет-нет, говорю тебе, ты не понимаешь! Ненавижу все эти военные премудрости. Я не солдат, я ученый. Пусть решают мои генералы! Ведь это разумно, разве не так?

— Насколько показали события — нет.

— О Боже, никто меня не понимает, — простонал Теодохад. — Хорошо, я скажу тебе, Мартинус, почему я не помог гарнизону. Потому что знал, что это бесполезно. Мне посоветовали обратиться к великому магу, Исконии из Неаполя, известному своими пророчествами. Да все знают, что евреи могут заглядывать в будущее... Он взял тридцать барашков и разместил их в трех загонах, по десять в каждом. Один загон назывался «готы», второй — «итальянцы», третий — «византийцы». А потом несколько недель морил барашков голодом. Выяснилось, что «готы» все сдохли, у «итальянцев» повыпала шерсть, а «византийцы» остались целы. Ясно — готам не победить. Зачем же напрасно проливать кровь?

— Чушь, — сказал Пэдуэй. — Я вижу будущее куда лучше, чем этот толстый мошенник. Так что если хочешь жить, слушайся меня.

— Э-э!.. Нет, Мартинус, пусть я уже не король, но принадлежу к знатному роду, и ты не имеешь права командовать...

— Как угодно. — Пэдуэй поднялся и зашагал к лошади. — Сейчас проеду немного по дороге, встречу Оптариса и подскажу ему, где тебя найти.

— Не надо! Я согласен! Я все буду делать — только не дай этому ужасному человеку поймать меня!

— Ну ладно. Если будешь слушаться, я, быть может, даже верну тебе трон. Однако на этот раз править будешь чисто номинально, усвоил?

Глаза Теодохада загорелись хитрым огоньком. Потом вмиг остекленели.

— Вот он! Оптарис, убийца!

Пэдуэй обернулся. И правда, по дороге скакал огромный бородатый гот. Хорошенькое дельце, подумал Мартин. Так много времени ушло на уговоры, что преследователь их нагнал!

Теодохад был безоружен. У Пэдуэя тоже ничего подходящего не было, кроме маленького ножика для мяса. И вообще человеку, выросшему в мире пушек и пулеметов, трудно относиться к мечу как к серьезному оружию, а тем более обзавестись им и научиться пользоваться. Мартин осознал свою ошибку, когда увидел сверкнувший клинок Оптариса. Гот наклонился в седле вперед и направил коня прямо на них.

Теодохад от ужаса замер, чуть трясаясь и издавая слабые мяукающие звуки. Из последних сил он облизал пересохшие губы и взвыл:

— Aгтаіо! Пощады!

Оптарис ухмыльнулся в бороду и занес правую руку.

В последнее мгновение Пэдуэй прыгнул на бывшего короля, повалил его в дорожную пыль и тут же вскочил на ноги, пока Оптарис останавливал коня. Теодохад тоже поднялся и с неожиданной прытью устремился к лесу. Оптарис, с яростным криком спрыгнув с лошади, понесся следом. Тем временем Пэдуэй сообразил, что не мешало бы вооружиться. Он склонился над Германном, который начал просыпаться, вытащил из его ножен меч и побежал наперерез Оптарису.

Это было излишним. Бородатый гот сам повернулся к нему, решив сначала покончить с более настырным противником.

Только теперь Мартин понял, в какой угодил переплет. Он имел самое смутное представление об искусстве фехтования и, разумеется, совсем не имел навыков. Тяжелый неудобный меч скользил в потной ладони. Оптарис подбежал, сверкая белками глаз, оценил сложение и стойку Пэдуэя и приготовился рубануть плеча.

Мартин парировал удар скорее инстинктивно. Клинки со звоном встретились, и одолженный у Германна меч, кувыркаясь, полетел в сторону. Оптарис молниеносно рубанул снова, но лишь со свистом рассек воздух. Если фехтовальщик Пэдуэй был никакой, то с ногами у него все было в порядке. Он кинулся к мечу, схватил его и бросился бежать что есть мочи. Оптарис, громко топоча, пыхтел сзади. В колледже Мартин недурно бегал спринтерские дистанции: если бы удалось вымотать этого тяжелого бородатого гота... Шлеп! Пэдуэй споткнулся и упал лицом в грязь.

Каким-то чудом ему удалось довольно быстро вскочить, однако драгоценные секунды были потеряны. Оптарис рванулся вперед и высоко занес меч. В последней отчаянной попытке защититься Пэдуэй сделал выпад в открытую грудь врага, надеясь скорее не подпустить его, нежели всерьез ранить.

Оптарис, надо отметить, был опытным бойцом. Но в его время бились только лезвием меча, колющие удары были неизвестны. Поэтому немудрено, что рвущийся к противнику гот со всего размаха насадил себя на выставленное острие. Оптарис захрипел, пытаясь вздохнуть, выдернул из груди меч и повалился наземь: изо рта хлынула кровь. Потом он выгнулся, вздрогнул всем телом и затих.

Когда подоспели Теодохад и Германн, наперебой поздравляя Пэдуэя с победой, тот блевал, тяжело привалившись к дереву. Здравый смысл не давал Мартину мучить себя угрызениями совести, но все же... Ради спасения ничемного Теодохада он убил, вполне возможно, достойного человека, имевшего все основания справедливо ненавидеть бывшего короля и не сделавшего ему, Пэдуэю, ничего дурного. Если б только у него было время объяснить Оптарису... Впрочем, рассуждать об этом далее было бессмысленно. Бородатый гот так же мертв, как любой клиент Джона-Египтянина. Надо думать о живых.

— Тебе придется переменить внешность, — обратился Пэдуэй к Теодохаду. — Оптарис не единственный, кто хочет с тобой покончить. В первую очередь сбрей бороду.

— Отрезать ему нос, — предложил Германн. — Тогда никто его не узнает.

— О-о! — вскричал Теодохад, схватившись за указанный орган. — Ты ведь не изуродуешь меня, добрейший, благороднейший Мартинус?!

— Посмотрим на твое поведение... Одежда тоже чересчур хороша. Германн, ты можешь купить в Нернии то, что итальянский крестьянин надевает по воскресеньям в церковь?

— Ja, ja.

— Как?! — Теодохад всплеснул руками. — Я не буду носить столь нелепый наряд! Отпрыск рода Амалингов...

Пэдуэй, прищурившись, посмотрел на него и пощупал лезвие меча.

— Значит, господин, ты все же предпочитаешь лишиться носа? Нет? Я так и думал. Дай Германну несколько солидов. Не тревожься: мы сделаем из тебя *зажиточного* крестьянина.

ГЛАВА 10

Лиудерис, сын Оскара, начальник римского гарнизона, мрачно глядел из окна своего кабинета на затянутое тучами сентябрьское небо. Мир слишком часто переворачивался вверх тормашками по мнению этой простой верной души. Сперва свергают с престола Теодохада и выбирают королем Виттигиса. Затем Виттигис принимает странное решение, что лучший способ одолеть коварного Велизария — бежать в Равенну, оставив Рим под защитой слабого гарнизона.

Теперь выясняется, что войска бояться оборонять город от греков; еще хуже то, что Сильверий, обвинив Виттигиса в ереси, ведет переговоры с Велизарием, обещая бескровную сдачу Рима.

Но все это пустяки по сравнению с тем потрясением, которое Лиудерис пережил, когда два посетителя, явившиеся на прием, оказались Мартином Пэдуэем и экс-королем Теодохадом. Последний был почему-то гладко выбрит и одет в лохмотья.

Наконец Лиудерис обрел дар речи и грозно сказал:

— Вы!

— Да, мы, — согласился Пэдуэй. — Полагаю, ты знаком с Теодохадом, властителем остготов и итальянцев. И, смею надеяться, еще помнишь меня — между прочим, нового квестора.

— Но... у нас — другой король! За ваши головы назначена награда!

— Пустяки, — снисходительно улыбнулся Пэдуэй. — Совет немного поспешил. Мы объясним...

— Где вы были? Как ты сумел удрасть из лагеря? И что вы делаете здесь?!

— Прошу тебя, давай по порядку, превосходнейший Лиудерис. Первое: мы были во Флоренции, собирали силы для воснной кампании. Второе...

— Какой кампании?

— Второе: мне ведомы пути, недоступные простому смертному. Третье: мы здесь для того, чтобы повести твои войска против греков и разгромить их.

— Вы оба безумцы! Я отдам вас под стражу...

— Ну, ну, выслушай же нас до конца. Тебе известно о моем... э-э, dare предвидеть последствия некоторых решений?

— М-м, до меня доходили кое-какие слухи. Но если ты считаешь хитрыми речами...

— Именно. Сейчас король поведаст тебе о том, как я предсказал неминуемое покушение Оптариса на его жизнь и как использовал свое знание, дабы расстроить планы мстительного гота. Могу предъявить и другие доказательства своего дара. К примеру, скажу, что помощи из Равенны ты не дождешься. Что Велизарий подойдет к Риму в ноябре. Что папа убедит твой гарнизон покинуть город до прихода врага. И что ты останешься на посту, но будешь схвачен и увезен в Константинополь.

Лиудерис шумно выдохнул.

— Ты в заговоре с дьяволом? Я ни единой душе не говорил о своем намерении оставаться здесь до конца, и все же тебе об этом известно!

Потребовался час, чтобы Лиудерис, обуреваемый сомнениями, наконец спросил:

— Хорошо, как ты думаешь выступить против греков?

— Мы знаем, — ответил Пэдуэй, — что они подойдут по Латинской дороге, поэтому нет смысла держать гарнизон в Террачине. Вместе с ним, сколько ты сумеешь собрать людей к концу следующего месяца?

— Если вызвать отряды из Формии — тысяч шесть-семь, лучников и копейщиков примерно поровну.

— Предположим, я укажу тебе хорошую возможность напасть на греков. Ты согласишься повести войска?

— Не знаю. Надо подумать. Если нашему королю — прости, благородный Теодохад, я имею в виду *другого* короля — суждено потерпеть поражение... возможно, и стоит рискнуть.

— У Велизария около десяти тысяч солдат. Две тысячи он оставит в Нсаполе и других южных городах, однако все равно сохранит некоторый численный перевес. Хочу заметить, что отважный Виттигис ударился в бегство, имея в своем распоряжении двадцать тысяч человек.

Лиудерис смущенно пожал плечами.

— Верно, это не назовешь мудрым ходом. Но он ожидает подкреплений из Галлии и Далмации.

— Твои люди готовы к ночным атакам? — спросил Пэдуэй.

— К ночным атакам? Ты имешь в виду — нападать на противника *ночью*? Нет. В жизни ничего подобного не слышал. Сражения всегда происходят днем!

— То-то и оно. Поэтому ночная атака имеет все шансы на успех. Правда, надо будет специально потренироваться. Необходимо выставить на дорогах патрули и не пропускать людей, которые могли бы разнести вести до Равенны. Кроме того, мне нужны опытные строители катапульта. Да, и еще: назначь меня в свой штаб — у тебя штаб есть? Пора обзаводиться! — с приличествующим положению окладом...

Пэдуэй лежал на вершине холма и наблюдал в подзорную трубу за византийцами. Греческий авангард состоял из нескольких сот конных гуннов, за которыми стройной колонной шли две тысячи кирасиров — самых грозных солдат в мире: низкое вечернее солнце поблескивало на пластинах их кольчуг. Затем следовали тысячи три пеших лучников, и замыкали войско еще две тысячи кирасиров.

Лиудерис, лежащий рядом с Пэдуэем, сказал:

— Я, я, вижу какой-то сигнал. По-моему, они ставят лагерь. Мартинус, как ты догадался, что они выберут именно это место?

— Элементарно. Помнишь маленькое устройство, которое крепится к колесу фургона? Оно измеряет пройденный путь. А зная точку отсчета и сколько греки проходят в день, остальное вычислить несложно.

— Поразительно! Ты обо всем ухитряешься подумать! — Большими доверчивыми глазами Лиудерис напоминал Пэдуэю святого Бернарда. — Велеть инженерам устанавливать «Брунгильду»?

— Пока не торопись. Когда зайдет солнце, мы определим расстояние до лагеря.

— Но как это сделать, чтобы при этом нас не увидели?

— В свое время покажу. А пока проследи за тишиной и порядком.

Лиудерис нахмурился.

— Моим людям не по нраву холодный ужин. Если не стоять у них над душой, кто-нибудь обязательно разведет костер.

Пэдуэй вздохнул. Он уже порядком намучился с темпераментными и недисциплинированными готами. Сегодня они, словно маленькие ребятишки, безудержно восторгаются планами Загадочного Мартинуса, как его называли, а завтра могут бунтовать против введения строгих правил. Пэдуэй справедливо считал, что ему самому не следует командовать, поэтому отдуваться приходилось Лиудерису.

Византийцы быстро и умело разбили лагерь. Вот настоящие солдаты! Готам долго еще учиться подобной слаженности. Какой, к примеру, шум поднялся, когда Пэдуэй потребо-

вал людей на обслуживание катапульт. Управляться с катапультой — не мужское занятие, оно, видите ли, не к лицу настоящему воину!.. Чтобы высокородные копейщики сражались пешими, словно толпа рабов?! Пэдуэй разлучил их с лошадьми хитроумным путем: он, точнее по его наущению Лиудерис, объявил о формировании специального отряда, куда будут приниматься только лучшие из лучших, и добавил, что впоследствии кандидаты будут даже платить за вступление.

Темнело. В подзорную трубу едва различался генеральский штандарт над большим шатром. Возможно, одна из фигурок около него — Велизарий. Был бы сейчас пулемет... Но зачем зря мечтать, пулемета нет и не будет: удастся со временем сделать заряжаемый со ствола мушкет — и то огромное достижение.

На штандарте виднелись буквы: «СНР» — сенат и народ Рима. Армия наемников, состоящая из гуннов, мавров и анатолийцев, под командованием славянина, работающего на выходца из Далмации, который правит в Константинополе и не имеет никакого отношения к Риму, — эта армия называет себя Армией Римской Республики, и ничего странного в этом никто не видит!

Пэдуэй встал, крикнув под тяжестью плетеной кольчуги, с помощью тригонометрии прикинул расстояние до вражеского лагеря и, мысленно отсчитав от него четверть мили — радиус действия «Брунгильды», — определил место для установки катапульты. Из лагеря доносились обрывки песен. Очевидно, план Мартина — «забыть» под носом у византийских фуражиров телегу, груженную бренди, — успешно работал, несмотря на известную неприязнь Велизария к пьяным солдатам.

Принесли мешки с серной пастой. Пэдуэй взглянул на часы, благополучно извлеченные из тайника в стене, — почти полночь.

— Все готово? — спросил он. — Поджигайте первый.

Мешок положили в ложку, подожгли промасленные тряпки, и Пэдуэй лично дернул за пусковой шнур. «Сссс-бомм!» — сказала «Брунгильда». Воздух прочертила огненная параболла. Мартин взбежал на вершину холма, который закрывал их позицию. Как мешок влетел в лагерь, он не видел, но пьяные песни прекратились, а вместо них возник гул, будто кто-то потревожил осиное гнездо. Сзади в темноте защелкали бичи, заскрипели веревки — в систему блоков и шкивов, придуманную Пэдуэем для скорейшего взведения рычага, впряглись лошади. «Сссс-бомм!» Тряпки погасли, и мешок ушел к врагу невидимый и безвредный. Ничего, через несколько секунд последует другой. «Сссс-бомм!» Гул набрал силу, стали слышны отдельные крики.

— Лиудерис! — позвал Пэдуэй. — Давай команду!

Во вражеском лагере заржали лошади — двуокись серы пришлось им не по нраву. Хорошо, можно надеяться, что византийская конница будет дезорганизована. Среди общего шума Пэдуэй различил лязг и бряцанье выступивших готов. В лагере что-то ярко загорелось, и языки пламени высветили подбирающихся к противнику готских солдат — рот и нос каждого закрывала мокрая тряпка, а большие круглые щиты для распознавания были выкрашены в белый цвет. Отблески оранжевых огоньков тлеющей серы играли на шлемах и обнаженных мечах. Уже что-то, а напугать такое воинство могло кого угодно.

Когда роты подошли к лагерю, шум усилился десятикратно: добавилась симфония кузнечного перезвона мечей. Потом атакующие и обороняющиеся смешались, и уследить за боем стало невозможно.

Один из механиков доложил, что мешки с серой кончились.

— Что нам теперь делать?

— Ждите дальнейших распоряжений, — ответил Пэдуэй.

— Но, капитан, мы хотим драться! Так ведь всю забаву прозеваем!

— Ни! Нельзя! Кроме вас никто не умеет обращаться с катапультой. Я не могу рисковать ценными людьми.

— Ха! — раздался голос в темноте. — Не вступить в бой — что за трусость! Пошли, ребята. Ну его к черту, этого Загадочного Мартинуса!

И не успел Пэдуэй опомниться, как двадцать специально обученных механиков трусцой побежали к лагерю.

С досадой плюнув, Пэдуэй отправился на поиски Лиудериса. Командующий восседал на лошади перед большим отрядом копейщиков. Далекое зарево выхватывало из тьмы лица, шлемы и частокол вертикально поставленных копий. Это романтическое зрелище напоминало сцену из оперы Вагнера.

— Противник вылазку не предпринимал?

— Нет.

— Значит, еще предпримет, Велизарий такой... Кто поведет этот отряд? — поинтересовался Пэдуэй.

— Я сам поведу.

— О Господи, я же объяснял, почему командующему не следует...

— Знаю, Мартинус, — твердо произнес Лиудерис, — у тебя много всяческих идей. Но ты молод, а я бывалый солдат. Воинская честь требует, чтобы именно я повел своих людей. Гляди, кажется в лагере что-то происходит!

Велизарий, несмотря на все трудности, умудрился собрать часть кирасиров и повел их вперед, рассеивая пехоту

готов. Лиудерис выкрикнул команду. Готские рыцари, медленно набирая скорость, двинулись на противника. Две конные массы столкнулись, и все смешалось.

Затем понемногу шум стал утихать. Пэдуэй понятия не имел, что происходит. Сидя на лошади в четверти мили от центра событий, он чувствовал себя довольно глупо. Теоретически, именно здесь должны находиться резервы, артиллерия и штаб. Но резервов не было, единственная катапульта торчала всеми брошенная где-то во тьме, а штабисты и пушкари сражались на передовой линии.

Проклиная военную доктрину шестого века, Пэдуэй тронул лошадь. Подъезжая к лагерю, он натолкнулся сперва на гота, мирно перевязывающего ногу куском оторванной от тоги материи, потом на истекающего кровью раненого, потом на труп. А немного погодя — на крупный отряд безоружных кирасиров.

— Что вы тут делаете? — растерянno спросил он.

— Мы взяты в плен, — ответил один из византийцев. — Вообще-то нас должны стеречь, но охрана разозлилась, что все пограбят без них, и ускакала к лагерю.

— А где Велизарий?

— Вот. — Пленный указал на невзрачного человечка, который сидел на земле, сжимая руками голову. — Какой-то гот ударил его по голове и оглушил. Только-только начал приходить в себя... Что с нами будет, господин?

— Ничего страшного, я полагаю... Вы, парни, ждите тут, пока я за вами кого-нибудь не пришлю.

Пэдуэй поехал дальше к лагерю. Все-таки странные это люди — солдаты. С Велизарием во главе грозные кирасиры могли бы одолеть втрое более многочисленного противника. Но командира стукнули по голове, и они вели себя тише воды, ниже травы.

Ближе к лагерю раненых и убитых попадалось все больше: тут же на траве паслись лошади. В самом лагере маленькими тесными кучками тут и там стояли византийские солдаты, для спасения от смрада прижимая к носам обрывки ткани. Между ними в поисках ценного движимого имущества сновали готы.

Пэдуэй спешил и, остановив группку грабителей, спросил, где Лиудерис. Те сказали, что не знают, и поспешили по своим делам. Потом Мартин увидел знакомого офицера по имени Гайна. Гайна сидел на корточках возле трупа и рыдал.

— Лиудерис погиб, — наконец выдавил он. — Его убили, когда мы сошлись с греческой конницей.

— А это кто? — Пэдуэй указал на труп.

— Мой младший брат.

— Мне очень жаль... Однако нужно браться за дело. В

лагере больше сотни кирасиров, и никто их не охраняет. Если они придут в себя, то прорвутся...

— Нет, я останусь со своим братом. Ты ступай, Мартинус, ступай... — Гайна вновь ударился в слезы.

Пэдузй бродил в темноте, пока не наткнулся на другого офицера, Гударета, который вроде бы немного соображал, что к чему. По крайней мере, он пытался сколотить отряд для охраны сдавшихся византийцев; увы, стоило ему повернуться к солдатам спиной, как те растворились во всеобщей сутолоке.

Пэдузй схватил его за руку.

— Брось, сейчас не это главное. Лиудерис погиб, я слышал, но Велизарий жив. Если он ускользнет...

Ценой неимоверных усилий им удалось привести в чувство несколько готов и заставить их сторожить генерала. Потом больше часа ушло на то, чтобы собрать солдат и пленных, и установить некое подобие порядка.

Гударет, низенький бодрый толстячок, без умолку сыпал словами:

— Вот это была атака! Мы ударили им во фланг. Ничего подобного я не видел даже на Дунае, во время сражения с гепидами. Греческий генерал бился как лев, пока я не стукнул его по голове. Сломал меч, между прочим. Мой лучший удар, клянусь! Помню, лет пять назад я вот таким ударом срубил голову болгарскому гунну. О, я убил сотни врагов! Даже тысячи. Честно говоря, мне их жаль, этих поганцев, я человек не кровожадный, но тогда пусть не мешаются под ногами!.. Кстати, где ты был во время атаки?

— Предполагалось, что я команду артиллерией, однако мои люди убежали драться. А когда я подоспел, все уже кончилось.

— Ах, какая досада!.. У меня тоже был такой случай, во время битвы с бургундцами. Чуть не опоздал! Разумеется, потом я убил по меньшей мере двадцать...

Колонна войск и пленных растянулась по Латинской дороге. Пэдузй, ехавший в головной части, все никак не мог прийти в себя после того, как оказался командующим готской армией. Лучшие всегда погибают первыми, печально думал он, вспоминая честного преданного Лиудериса и невольно сравнивая его с жадным и коварным старикашкой-королем, с которым ему придется иметь дело по возвращении в Рим.

Велизарий, плетущийся рядом с лошастью Пэдузя, пребывал в еще более мрачном расположении духа. Византийский генерал, на удивление молодой — лет тридцати пяти, — с

вьющейся каштановой бородкой и серыми глазами, был высок и строен; его славянское происхождение проявлялось в широких скулах.

— Превосходный Мартинус, — произнес он угрюмо, — я должен поблагодарить тебя за внимание и заботу о моей супруге. Ты сделал все, чтобы облегчить ей это печальное путешествие.

— Пустяки, достославный Велизарий. Быть может, как-нибудь позже и я окажусь у тебя в плену.

— После столь сокрушительного поражения? Вряд ли. Между прочим, позволь поинтересоваться: кто ты такой? Я слышал, тебя называют Загадочным Мартинусом. Судя по произношению, ты не гот и не итальянец...

Пэдуэй уже по привычке выдал расплывчатую версию о далекой стране Америке.

— Должно быть, искусные воины эти американцы. Я сразу понял, что имею дело не с обычным варваром. Такая согласованность действий, такой расчет! Фу, наверно, мне никогда не забыть мерзкую вонь серы!

Пэдуэй счел неуместным объяснять, что весь его военный опыт состоит из годичного курса подготовки офицеров резерва.

— Скажи, как ты относишься к идее перейти на нашу сторону? Нам очень нужен командующий, а я в качестве нового квестора Теодохада занят по горло.

Велизарий нахмурился.

— Нет, я принес клятву Юстиниану.

— Безусловно. Но ты, возможно, слышал о моей способности заглядывать иногда в недалекое будущее. Так знай: чем вернее ты будешь служить Юстиниану, тем неблагодарнее и бесчестнее будет он вести себя по отношению к тебе. Он...

— Я сказал — нет! — упрямо произнес Велизарий. — Можешь делать со мной что угодно. Мое слово нерушимо.

Дальнейшие уговоры ни к чему не привели. Велизарий был приятный малый, но чересчур правильный.

— Где твой секретарь, Прокопий Кесарийский?

— Где-то в южной Италии, едет сюда.

— Отлично! Нам пригодится хороший историк.

Глаза Велизария округлились от удивления.

— Откуда тебе известно, что он ведет записи происходящих событий? Я думал, Прокопий делится этим только со мной.

— О, мне многое известно. Поэтому меня и называют Загадочным Мартинусом.

Они вступили в Рим через Латинские ворота, миновали Цирк Фламиния и Колизей и по Квириналу подошли к лагерю преторианцев. Пэдуэй приказал разместить там пленных и выставить охрану. Это было очевидно. Но что дальше?

Окруженный офицерами, ожидающими от него распоряжений, Мартин секунду тер мочку уха, а потом отвел Велизария в сторону и шепотом спросил:

— Достославный генерал, скажи: что мне, черт побери, делать дальше?! Вообще-то я слабо разбираюсь в этих военных хитростях.

По широкому грустному лицу Велизария скользнула легкая усмешка.

— Позови своего казначея. Пусть проверит списочный состав и выплатит жалованье — лучше с излишком, за победу. Вели офицеру привести для раненых врачей; вряд ли это варварское воинство располагает собственной медицинской службой. Я слышал, убит начальник римского гарнизона. Назначь человека на его место и прикажи отправляться в казармы. Командирам других подразделений скажи, чтобы расквартировывали своих людей самостоятельно. Если будут останавливаться по частным домам, владельцы должны получить компенсацию по обычным расценкам. Расценки выяснишь позже. Но ты обязан произнести речь.

— Я?! — в ужасе воскликнул Пэдурй. — С моим знанием готского...

— Ничего не поделаешь, так положено. Скажи, что все они отличные солдаты. Особо не растягивай — все равно тебя не будут слушать.

ГЛАВА 11

После долгих поисков Мартин нашел Теодохада в арианской библиотеке. Старика закрывала груда книг, а рядом на лавках оглушительно храпели четыре телохранителя. Библиотекарь испепелял лежащих взглядом, полным плавиковой кислоты и ядом кобры, но протестовать не смел.

Теодохад рассеянно оторвался от рукописей.

— Ах да, припоминаю, издатель... Кажется, Мартинус?

— Совершенно верно, господин. Хочу еще добавить, что я твой новый квестор.

— Что? Что? Кто это тебе сказал?

— Ты. Ты сам меня назначил.

— И в самом деле!.. Когда я работаю с книгами, то обо всем забываю! Ну-ка, ну-ка... А! Ты и Лиудерис собрались воевать с византийцами, так?

— Нос ille, господин. Все кончено.

— Уже? Полагаю, ты выторговал у Велизария приемлемые условия? Юстиниан должен гарантировать мне хорошее поместье и годовой доход...

— Не понадобилось, мой господин. Мы победили.

— Что?!

Пэдуэй коротко описал события последних трех дней.

— И ложись сегодня спать пораньше, мой господин. Утром мы отправляемся во Флоренцию.

— Во Флоренцию? Святые небеса, зачем?

— Надо встретиться с твоими генералами, Асинаром и Гриппой, возвращающимися из Далмации. Если перехватить их прежде, чем они доберутся до Равенны и переговорят с Виттигисом, надеюсь, нам удастся вернуть твой трон.

Теодохад вздохнул.

— Что ж, тогда едем. Но как ты узнал, что Асинар и Гриппа направляются домой?

— Это моя маленькая личная тайна, господин. Перед отрядом в две тысячи воинов я поставил задачу отбить у врага Неаполь. Город удерживает генерал Геродиан с жалкими тремя сотнями солдат, так что, полагаю, особых проблем не будет.

Теодохад прищурил свои водянистые глазки.

— Да, ты воистину человек действия, Мартинус. Когда гнусный узурпатор Виттигис попадет в мои руки... А-а-а! Клянусь, я объявлю конкурс на самую изощренную пытку, а если понадобится, пошлю за специалистом в Константинополь!

Пэдуэй, у которого были на Виттигиса свои виды, сменил тему разговора.

— У меня есть для тебя приятный сюрприз. Запасы денежного довольствия византийцев...

Глаза Теодохада вспыхнули.

— Они мои, разумеется, великолепнейший Мартинус, все верно.

— Мне пришлось выплатить из них жалованье солдатам и обеспечить насущные нужды армии, но остальное послужит приятным дополнением к королевской казне. Буду ждать тебя дома, господин.

Пэдуэй не упомянул, что около половины оставшегося он реквизирует и поместил у Томасуса. Все равно закон о праве собственности юридически еще не оформлен, а совесть его не мучила — вряд ли он распорядится деньгами хуже, чем Теодохад. «Я становлюсь настоящим мошенником», — не без гордости подумал Мартин, подъезжая к дому Корнелия Анция.

Красноречивый сенатор оказался в банях, но навстречу гостю вышла Доротейя. Пэдуэй вынужден был признать, что ему приятно, красуясь на великолепном коне, рассказывать о своих успехах одной из самых обворожительных девушек Рима.

— Знаешь, Мартинус, — сказала она, — отец поначалу вел

себя глупо, с безразличностью относился к твоему занятию. Однако после всех твоих свершений это дело прошлое. Конечно, он не в восторге от правления готов, но уж лучше Теодохад, который в конце концов человек ученый, чем этот дикарь Виттигис.

— Приятно слышать. Я ценю доброе расположение твоего отца.

— Сейчас повсюду только о тебе и говорят. Тебя называют «Загадочный Мартинус».

— Знаю. Смешно, правда?

— Да. Ты никогда не казался мне особенно загадочным.

— Превосходно. Значит, ты не боишься меня?

— Ни капли. Если ты заключил сделку с Сатаной, как намскают некоторые, то, я уверена, на невыгодных для него условиях.

Они рассмеялись. Потом Доротея добавила:

— Пора обедать. Может, останешься? Отца нет, но он вот-вот вернется.

— Извини, сейчас никак не могу. Завтра мы выступаем в поход.

Отъезжая от дома Анция, Пэдуэй думал: «Если мое мнение о целесообразности брака когда-нибудь переменится, я знаю, где искать невесту. Она привлекательна, умна, по здешним меркам прекрасно образованна...»

Пэдуэй предпринял еще одну попытку переубедить Велизария, однако результатов это не принесло. Зато он нанял пятерых кирасиров в качестве личной охраны. На несколько недель денег хватит, а там видно будет.

Поход во Флоренцию никак нельзя было назвать приятным. Всю дорогу лил дождь, временами переходящий в мокрый снег. Из-за спешки Пэдуэй взял с собой только конницу. В Городе Цветов он отправил офицеров покупать теплую одежду для солдат, а сам пошел проверять, как идет его дело. На первый взгляд все было в порядке, но Фритарик заявил:

— Я им не доверяю, хозяин. Уверен, что управляющий и Георгий Менандрус воруют, хотя доказать ничего не могу. Мне не понять этих чертовых записей. Дай им волю, и они украдут все. Что нас тогда ждет — безымянные могилы?

— Посмотрим, — сказал Пэдуэй. Он вызвал казначея, Проклуса, и велел принести бухгалтерские книги. Проклус чуть замешкался, но книги принес, и Пэдуэй углубился в цифры, а потом вдруг громко захохотал.

— В чем... в чем дело, господин? — спросил Проклус.

— В чем дело, несчастный глупец?! Неужели ты не пони-

масшь, что система двойного учета раскрывает все твои мошенничества? Смотри: тридцать солидов в прошлом месяце, девять солидов с мелочью в этом... С таким же успехом ты мог бы каждый раз оставлять расписку в краже!

— Что... что со мной будет?

— Вообще-то тебя надо высечь и посадить в тюрьму. И уж безусловно к твоим услугам больше не прибегать. Но мне жаль твою семью. А главное, некогда готовить нового бухгалтера. Так что я ограничусь тем, что буду вычитать треть твоей месячной зарплаты, пока не покрою весь долг.

— О, спасибо, спасибо, добрейший господин! Но чтобы было по справедливости — часть выплат должен взять на себя Георгий Менандрус. Он...

— Лжец! — завопил редактор.

— Сам ты лжец! Я могу доказать. Вот, десятого ноября, один солид. А одиннадцатого Георгий появляется в красивых башмаках и с браслетом. Я знаю, где он их купил!..

— Ну, Джордж? — грозно произнес Пэдуэй.

В конце концов Менандрус признался, хотя и продолжал настаивать, что просто брал займы до зарплаты. Пришлось обоим строго предупредить.

Когда Пэдуэй уезжал, к нему подошел Фритарик.

— Возьми меня с собой, блистательный Мартинус. Во Флоренции такая смертная тоска! Я уже накопил достаточно, чтобы выкупить мой любимый меч с камнями, и если ты позволишь...

— Нет, старина, прости, но мне здесь нужен хотя бы один человек, которому я могу доверять. Вот покончим с этой проклятой войной...

Фритарик тяжело вздохнул.

— Дело, конечно, твое, как скажешь. Однако кто позаботится о моем хозяине, когда вокруг лишь коварные греки, готы и итальянцы? Боюсь, лежать тебе в безымянной могиле...

Трясаясь от холода, войска преодолели покрытые льдом Апеннины и направились в Болонью, а оттуда, не давая себе ни дня передышки, в Падую. Дорога до города, все еще лежащего в руинах после вторжения гуннов Аттилы, утопала в грязи.

В Падуге выяснилось, что Асинар и Гриппа прошли здесь днем раньше. Теодохад не выдержал.

— Мартинус! — взывал он. — Ты протащил мои стариковские кости по всей северной Италии и заморозил меня почти до смерти. Это невыносимо! Заслуживает твой король хотя капли уважения?

Пэдуэй с трудом подавил раздражение.

— Хочет мой господин вернуть себе трон или нет?

Бедняга Теодохад вынужден был сдаться. Мчась во весь опор, они настигли далмацианскую армию на полпути к Атрии. Огромная колонна пеших и конных воинов растянулась по дороге. Казалось совершенно невероятным, что пятьдесят тысяч суровых, грозного вида готов бросились наутек при первой вести о приближении византийского генерала Константина.

Асинар был высоким, а Гриппа — низкорослым, но в целом оба оказались обычными средних лет варварами. Они почтительно приветствовали своего короля, а Теодохад представил им нового квестора.

— По пути до нас дошел слух, — сказал Асинар, — что власть в Италии поделена. Так это или не так, досточтимый квестор?

Впервые Пэдуэй был рад, что телеграфная линия еще не дотянулась до северных провинций. Он презрительно рассмеялся.

— Несколько недель назад нашему славному генералу Виттигису моча ударила в голову — удрал в Равенну, чтобы его не могли убить греки, и объявил себя королем. С греками мы разобрались, а теперь идем выяснять отношения с Виттигисом. Ваши ребята нам пригодятся.

Слушая собственные, весьма обидные для Виттигиса слова, Пэдуэй невольно задумался о том, как сильно изменился его характер за, в общем-то, короткое время пребывания в этой атмосфере лжи и коварства.

Оба генерала восприняли сообщение со степенным безразличием, из чего Мартин сделал вывод, что они не блещут умом.

Войска подступили к Равенне в полдень, вынырнув из густого тумана. Пэдуэй и Теодохад скромно затесались в задние ряды, пока Асинар и Гриппа объявляли о своем прибытии. Армия уже почти целиком вступила в город, когда кто-то вдруг заметил маленького седобородого старичка. Тут же раздались крики, поднялась суматоха. Наконец к голове колонны подскакал гот в роскошном красном плаще.

— Что, черт побери, здесь происходит? — закричал он. — Вы захватили Теодохада или наоборот?

Асинар и Гриппа остановили коней и попытались осмыслить заданный вопрос.

— Э-э... ну...

Пэдуэй прищипорил лошадь и выехал вперед.

— Позволено ли мне осведомиться, кто ты, мой дорогой господин?

— Если хочешь знать, я — Унила, сын Вильярта, генерал повелителя нашего Виттигиса, короля готов и итальянцев. А ты кто такой?

Пэдуэй улыбнулся и медоточиво произнес:

— Приятно познакомиться, генерал Унила. Я — Мартин Падуанский, квестор повелителя нашего Теодохада, короля готов и итальянцев. Теперь...

— Глупец, что ты болтаешь, никакого короля Теодохада нет! Он смещен. У нас новый король! Или не слышал?

— О, я слышал многое. Но, великолепнейший Унила, воздержись от грубых замечаний, пока не узнаешь, что мы ввели в Равенну шестьдесят тысяч солдат, тогда как в вашем распоряжении всего двенадцать тысяч. Ты ведь не хотел бы лишних неприятностей?

— Молчи, дерзкий... Э-э... *Шестьдесят тысяч?*

— Может, семьдесят. Я не считал.

— Ну, это другое дело.

— Я рад, что наши точки зрения совпадают. Ведомо ли тебе, где находится генерал Виттигис?

— У него свадьба. Полагаю, сейчас он в церкви.

— Ты хочешь сказать, что он до сих пор еще не женился на Матасунте?

— Нет, у него была задержка с разводом.

Пэдуэй и не надеялся поспеть вовремя, чтобы помешать Виттигису войти в клан Амаль путем насильственного брака с дочерью покойной королевы Амаласунты. Такую возможность нельзя было упускать!

Унила указал на купол с двумя башенками по бокам. Пэдуэй крикнул своей охране и пустил лошадь в галоп. Пять сотен конных кирасиров помчались следом, расшвыривая встречных прохожих, с грохотом пронеслись по мосту над одним из равнинских каналов, вонь от которого полностью оправдывала их репутацию, и подскакали к дверям церкви, откуда приглушенно доносилась органная музыка.

У дверей стояло несколько стражников. Едва они подняли копьё, как кирасиры быстрым согласованным движением взяли их в полукольцо, и в следующее мгновение стражники увидели сотню натянутых византийских луков.

— Если вы, парни, не бросите свои булавки и не поднимете вверх руки... Вот, так гораздо лучше. — Пэдуэй слез с лошади и обратился к начальнику охраны, македонцу по имени Ахилл: — Выдели мне людей. Церковь окружить, никого не впускать и не выпускать.

Он вошел в храм с сотней кирасиров, топавших за ним по пятам. Музыка оборвалась. Посреди большой восьмиугольной площадки стояли полный багровый арианский епископ и еще три человека. Один — мощного сложения, в богатом убранстве, с короной на черных седеющих волосах — король Виттигис. Рядом с ним — высокая крепкая девушка, как говорится, кровь с молоком — принцесса Матасунта. А

третьим человеком был обычный солдат, правда более-менее умытый и почищенный, который стоял позади невесты и заворачивал ей руку за спину. На торжестве бракосочетания присутствовала готская знать со своими дамами.

Пэдуэй решительно прошагал по проходу; в наступившей мертвой тишине звук его шагов гулко отдавался под сводами храма. Публика застыла, лишь кто-то пораженно пробормотал:

— Греки! Греки в Равенне!

Заговорил епископ:

— Молодой человек! Что означает это бесцеремонное вторжение?

— Сейчас поймешь, мой господин епископ. Но прежде скажи: с каких пор арианская вера позволяет выдавать девушку замуж против ее воли?

— Что? Как это «против воли»? Какое тебе дело до этого брака? Кто ты такой, что смеешь нарушить...

Пэдуэй рассмеялся самым гнусным смехом, на который был способен.

— Пожалуйста, мой господин, задавай вопросы по одному. Я — Мартин Пэдуэй, квестор короля Теодохада. Равенна в наших руках, и благоразумным людям советую вести себя соответственно. Что касается бракосочетания — вот уж не знал, что в порядке вещей ставить позади невесты солдата, который, добиваясь нужного ответа, будет выворачивать ей руку... Ты ведь не хочешь выходить замуж за этого человека, верно, госпожа?

Растерявшийся солдат ослабил хватку, Матасунта выдернула руку и ударила его кулаком в нос так, что бедняга едва не упал, а потом тут же набросилась на Виттигиса.

— Чудовище! — закричала она. — Я выцарапаю тебе глаза...

Епископ робко попытался вмешаться:

— Опомнись, дочь моя! Прошу! Перед лицом Господа...

Виттигис все это время не мигая смотрел на Пэдуэя, медленно усваивая новости. Атака Матасунты вывела его из ступора.

— Ты хочешь сказать мне, что презренный старый писака Теодохад взял город? Мой город?

— Увы, господин, такова ситуация. Боюсь, тебе надо оставить надежду породниться с Амалингами и править готами. Но мы...

Лицо Виттигиса налилось кровью, и он, размахивая кулаками и брызгая слюной, яростно взревел:

— Свинья! Думаешь, я добром отдам тебе невесту и корону? Клянусь Иисусом, сперва ты будешь жариться в аду!

С этими словами он выхватил меч и тяжело побежал на Пэдуэя, путаясь в полах длинной, расшитой золотом мантии.

Пэдуэй не был застигнут врасплох. Он успел парировать своим мечом удар, но в следующую секунду оказался стиснут могучими ручищами и прижат к бочкообразной груди. К тому же длинная борода гота угодила ему в рот. Жуя и выплевывая соленые волосы, Мартин прохрипел:

— Хватайте его... тьфу... хватайте его, парни!

Однако легче было сказать, чем сделать. Виттигис бился, как раненый лев, и лишь пять здоровенных кирасиров в конце концов сумели его скрутить. Готская знать повскакивала с мест, некоторые даже опустили руки на мечи, но, находясь в явном меньшинстве, никто не изъявил горячего желания умереть за своего короля.

— Свяжите его, пусть остывает, — надменно произнес Пэдуэй, отдышавшись. — Господин епископ, не обременит ли тебя просьба найти мне письменные принадлежности?

Епископ ошалело посмотрел на нового квестора и вызвал пономаря, который отвел Пэдуэя в комнату отдыха. Там Мартин сел и написал:

Мартинус Пагуанский — Томасусу-сирійцу.

Дорогой Томасус! Направляю тебе вместе с этим письмом некоего Виттигиса, бывшего короля готов и итальянцев. Стража имеет приказ доставить его тайне, так что извини, если пришлось нарушить твой сон.

Насколько я помню, сейчас сооружается телеграфная башня на Фламандской дороге, возле Гелвиллума. Распорядись, пожалуйста, чтобы под землей устроили камеру, наподобие квартиры, и помести туда Виттигиса, обеспечив надлежащую охрану. Создай ему все удобства — он человек темпераментный и может наложить на себя руки.

Необходимо соблюдать строжайшую секретность. Охрана вправе отпустить пленника лишь по моему приказу, полученному лично или по телеграфу, или без приказа — в случае моего ареста или гибели.

С уважением, Мартинус Пагуанский.

Теодохад всплеснул руками и умиленно посмотрел на Пэдуэя.

— Чудесно, чудесно, мой дорогой Мартинус! Королевский Совет смирился с неизбежным. Одна беда — проклятый узурпатор переделал корону под свою огромную голову, и теперь она мне велика, надо переделывать снова. Наконец-то я могу посвятить время серьезным научным изысканиям. Так-так, что-то еще... Ах да! Как ты поступил с Виттигисом?

Пэдуэй улыбнулся.

— Он уже не в твоей власти, мой господин король.

— Ты хочешь сказать, что убил его? Ну, это плохо. Очень

опрометчиво с твоей стороны, Мартинус. Я ведь, кажется, говорил, что дал себе слово провести с ним долгую ночь в камере пыток...

— Нет, он жив.

— Что? Как? Так давай его немедленно сюда!

Пэдуэй покачал головой.

— Тебе никогда его не найти. Согласись, глупо терять лишнего короля. Если с тобой что-нибудь случится, может срочно понадобится новый.

— Я не потерплю ослушания! Делай, как велит тебе государь, иначе...

Пэдуэй ухмыльнулся, продолжая качать головой.

— Нет, мой господин. Никто и пальцем не тронет Виттигиса. И ты мне лучше не угрожай. Охрана имеет приказ выпустить его, если со мной что-нибудь случится. А Виттигис любит тебя не больше, чем ты его. Остальное додумай сам.

— Дьявол! — злобно сплюнул король. — Зачем, о зачем я позволил тебе спасти мою жизнь? С тех пор у меня не было ни минуты покоя! — Теодохад захныкал. — Неужели старый человек не заслуживает хоть капельки снисхождения... Так о чем я говорил?

— Возможно, о новой книге, которая выйдет под нашими именами, — деликатно подсказал Пэдуэй. — Мы предлагаем великолепную теорию о взаимном притяжении масс, что объясняет движение небесных тел и все такое прочее. Она называется «Закон всемирного тяготения».

— Вот как? Гм-м, это любопытно, весьма любопытно. Теперь моя слава философа воистину не будет знать границ, да?

Пэдуэй попросил Унилу разыскать и привести племянника Виттигиса, Урию.

Урия оказался таким же крупным и черноволосым, как его дядя.

— Ну, Загадочный Мартинус, теперь, коварно свергнув с престола моего дядю, что ты собираешься делать со мной? — с вызовом спросил он.

— Ничего, — ответил Пэдуэй. — Если ты меня не заставишь.

— Ты не будешь преследовать семью моего дяди?!

— Нет. Я не буду преследовать даже самого дядю. По секрету скажу, что я просто прячу его от Теодохада.

— Это правда? Тебе можно верить?

— Разумеется. Хочешь, он напишет письмо, свидетельствующее о добром к нему отношении?

- Письмо можно вынудить написать под пыткой.
- Только не Виттигиса. При всех недостатках твоего дяди он, безусловно, человек несгибаемый.
- Урия заметно успокоился.
- Это верно. Ну, если так, у тебя, возможно, и сохранились остатки порядочности.
- Теперь к делу. Не согласился бы ты поработать на нас, то есть формально на Теодохада, а практически на меня?
- Урия выпрямился и застыл.
- Ни за что! Я до конца дней своих буду верен дяде.
- Очень жаль. Мне нужен надежный человек — повести войска в Далмацию.
- Урия упрямо покачал головой.
- Это вопрос чести. Я дал слово и от него не отступлюсь.
- Пэдуэй вздохнул.
- Ты такой же, как Велизарий. Вот горе: те несколько способных людей, которым можно верить, связаны старыми обязательствами и не хотят со мной работать. А я, значит, должен прибегать к помощи мошенников и тупиц!
- Тьма опускалась будто по инерции...

ГЛАВА 12

Понемногу жизнь в Равенне приходила в норму. Воинские части растекались из города, будто вода из тряпки, брошенной на кафельный пол. Крупный ручеек устремился на север — пятьдесят тысяч готов под командованием Асинара возвращались в Далмацию. Пэдуэй отчаянно молился, чтобы Асинар, иногда вроде бы проявлявший проблески разума, не испытал какого-нибудь очередного приступа страха и не примчался назад при первом появлении врага.

Сам Пэдуэй не смел надолго покинуть Италию, чтобы возглавить поход. Все, что он мог, это придать отряду часть своей личной охраны — учить готов тактике борьбы с конными лучниками. Правда, не исключено, что едва скрывшись с глаз, Асинар тут же откажется от этих новомодных штучек. Или, возможно, кирасиры перейдут на сторону Константина. Или... Впрочем, какой смысл гадать?

Пэдуэй наконец выкроил время для визита к Матасунте. Он твердил себе, что это лишь дань вежливости и установление полезного контакта. Однако в глубине души сознавал, что не хочет уезжать из Равенны, не повидав еще разок обольстительную девицу.

Принцесса встретила его весьма любезно. Она говорила на безупречной латыни, красивым контральто, и ее сильный голос звенел энергией и жизнью.

— Благодарю тебя, блистательный Мартинус, за чудесное спасение от чудовища Виттигиса. Я навеки у тебя в долгу.

— Пустяки, госпожа, — скромно ответил Пэдуэй. — Мне просто посчастливилось вовремя приехать.

— О, не принижай своих достоинств! Я многое о тебе знаю. Лишь настоящий мужчина мог достигнуть подобных успехов. Особенно если учесть, что ты чужеземец, прибывший в Италию всего год назад.

— Другим, возможно, мои дела кажутся настоящим свершением, но, честно говоря, я действую будто помимо собственной воли, принуждаемый обстоятельствами.

— Фаталистический взгляд, Мартинус. Похоже, ты и впрямь язычник. Хотя я совершенно не против этого.

Пэдуэй рассмеялся.

— Естественно! Если побродить по холмам Италии, язычников, по-моему, можно встретить немало.

— Безусловно. Я бы, кстати, с удовольствием посетила какую-нибудь маленькую деревушку. С хорошим проводником, разумеется.

— Из меня, наверное, проводник отличный — где я только не побывал за последние несколько месяцев!

— Так ты возьмешь меня с собой? Берегись — я не забуду твоего обещания!

— Это меня как раз не страшит. Вот только когда? Видит Бог, чуждые мне политика и война не оставляют буквально ни минуты.

— Чуждые? Что же в таком случае тебе близко?

— Я собиратель фактов, специалист по истории тех времен, у которых нет истории.

— Ты интересный человек, Мартинус. Теперь ясно, почему тебя называют Загадочным... Но если политика и война тебе не по душе, зачем ты ими столь активно занимаешься?

— Это трудно объяснить, госпожа. Специфика моей работы на родине позволяла мне изучать расцвет и упадок многих культур. Сейчас, оглядываясь вокруг себя, я вижу многие симптомы упадка.

— Вот как? Странно. Не спорю, мой народ и такие варвары, как франки, покорили почти всю Западную империю. Но они не угрожают цивилизации! Напротив, они — ее единственная защита от болгарских гуннов, славян и прочих дикарей. Я не припомню другого времени, когда западная культура была бы в большей безопасности.

— Каждый человек вправе иметь собственное мнение, — сказал Мартинус. — Я всего лишь суммирую доступные мне факты и делаю из них выводы. Например, что может означать падение численности населения Италии, несмотря на

постоянную иммиграцию. готов? Или резкое уменьшение объема торговли?

— Объем торговли? Никогда не думала, что по объему торговли можно оценивать состояние цивилизации... Однако ты не ответил на мой вопрос.

— Попробую. Я стараюсь не допустить, чтобы тьма застоя и варварства опустилась на западную Европу. Должно быть, это звучит самонадеянно — какой человек способен в одиночку достигнуть подобных результатов? Но я делаю все, что могу. К примеру, мы страдаем от плохой связи — и я содействую строительству телеграфа. А так как это поддерживают римские патриции, склонные к прогрессивным настроениям, я оказываюсь по горло замешан в политику. Одно тянет за собой другое, и теперь судьба Италии лежит практически на моих плечах.

Матасунта задумалась.

— Полагаю, плохая связь может привести к тому, что какой-нибудь генерал совершит переворот или завоеватель перейдет границу, а центральная власть узнает об этом лишь недели спустя.

— Верно. Ты достойная дочь своей матери. Если бы я смел относиться к тебе снисходительно, то сказал бы, что у тебя мужской ум.

— Почему же снисходительно? Я была бы польщена. — Принцесса улыбнулась. — По крайней мере, если иметь в виду такого мужчину, как ты. Подавляющее большинство моего окружения... ха! Писклявые младенцы, олухи несмышленные: способны только кричать и драться. Когда я выйду замуж, мой супруг должен быть... скажем, человеком одновременно умным и деятельным.

Пэдуэй встретил взгляд Матасунты, и его сердце вдруг зачастило.

— Надеюсь, госпожа, ты такого найдешь.

— Возможно, и найду.

Она выпрямилась и устремила на Мартина холодные серые глаза, безучастная к бурлящим в нем чувствам. Мартин не мог не отметить, что горделивая осанка отнюдь не делала ее менее желанной. Скорее наоборот.

— Ты же спас меня от самого тупоголового, — продолжила Матасунта. — Какова, кстати, судьба этого негодяя? Только не делай вид, будто тебе ничего не известно. Все знают, что твоя охрана вывела его из церкви, а затем он словно испарился.

— Виттигис в полной безопасности — и с его точки зрения, и с твоей.

— Ты его спрятал? Зря. Врагов надо убивать.

— У меня есть причины сохранить ему жизнь.

— Вот как? Должна тебя честно предупредить: попади он в мои руки, у меня таких причин не будет.

— Не слишком ли ты сурова с бедолагой? По-своему, по-глупому, он пытался защитить королевство.

— Все равно. После этого унижения в церкви я его ненавижу. — Серые глаза были холодны как лед. — А я не привыкла останавливаться на полпути.

— Понятно, — сухо произнес Пэдуэй, вынырнув на миг из розового тумана. Но тут Матасунта снова улыбнулась — желанная и ласковая женщина.

— Ты, конечно, останешься к обеду? Приглашенных мало, и все рано уйдут.

— Э... — Работы было непочатый край. И хоть когда-то надо же отоспаться. — Благодарю, госпожа. С удовольствием.

После третьего посещения Матасунты Пэдуэй говорил себе: «Вот настоящая женщина. Ослепительно красива, умна, с характером. Мужчине о такой только мечтать! Почему бы и нет? Я ей определенно нравлюсь, а с ее поддержкой для меня не будет ничего невозможного. Конечно, она не стесняется в средствах и, пожалуй, чересчур кровожадна — «миленькой» ее не назовешь. Но не ее в том вина, суровое время рождает суровых людей. Выйдет замуж — успокоится».

Другими словами, Пэдуэй был по уши влюблен — что часто случается с людьми осмотровыми и здравомыслящими.

Но как жениться на готской принцессе? Прокатить на автомобиле и для начала сцеловать всю губную помаду? Матасунта сирота — к родителям не подъедешь. В конце концов Пэдуэй решил затрагивать эту тему намеками и следить за ее реакцией.

— Матасунта, дорогая, — спросил он, — когда ты говорила о достойной паре... у тебя есть еще какие-нибудь требования к избраннику?

Она лучезарно улыбнулась ему, отчего пол под ногами Мартина слегка закачался.

— Кроме тех, что я перечислила, в общем-то, нет. Разумеется, он не должен быть много старше.

— Ты не против, если он будет одного с тобой роста?

— Лишь бы не был карликом.

— А ты не против крупного носа?

Принцесса чувственно рассмеялась.

— Мартинус, ты такой смешной!.. Знаешь, какая между нами разница? Я всегда добиваюсь своего прямо — в любви, в ненависти, в чем угодно.

— А я?

— А ты ходишь вокруг да около и неделю мучаешься сомнениями: настолько ли тебе это надо, чтобы рисковать... Только пойми меня правильно, — поспешно добавила Матасунта, — мне все в тебе нравится.

— Приятно слышать. Так относительно носа...

— Конечно, не против! Твой нос, по-моему, аристократичен и благороден. Не возражаю я и против маленьких рыжих бородок или вьющихся каштановых волос или любых других черт внешности удивительного молодого человека по имени Мартинус Падуанский. Тебя ведь *это* интересует?

Пэдуэй с облегчением вздохнул. Какая чудесная женщина — все понимает и идет ему навстречу!

— Честно говоря, да, принцесса.

— Не будь таким кошмарно почтительным, Мартинус. Сразу видно, что ты чужестранец — непременно употребляешь все правильные титулы и обращения.

Пэдуэй ухмыльнулся.

— Лучше подстраховаться... Ну, попробую без обиняков. Я... э-э, хотел спросить... раз ты не против... нельзя ли мне рассчитывать со временем на... э-э...

— Ты случайно не любовь имеешь в виду?

— Да! — выпалил Мартин.

— Может быть.

— Фу! — Мартин вытер вспотевший лоб.

— Только меня надо учить, — сказала Матасунта. — Я вела уединенную жизнь и плохо знаю мир.

— Я заглянул в свод законов, — торопливо произнес Пэдуэй. — Есть декрет, запрещающий браки между итальянцами и готами, однако про американцев там ничего не говорится. Так что...

Матасунта перебила его:

— Если ты сядешь поближе, дорогой Мартинус, мне будет лучше слышно.

Пэдуэй подошел и сел рядом с принцессой.

— Эдикты Теодориха...

— Я знаю закон, — промурлыкала Матасунта. — Наставления мне нужны иного рода.

Мартин наконец подавил свою тенденцию теоретизировать, когда дело касалось чувств.

— Первый урок, любовь моя, будет такой.

И поцеловал ее руку.

Веки принцессы были сомкнуты, рот приоткрыт, грудь судорожно вздымалась.

— Значит, американцы тоже практикуют искусство поцелуев?

Пэдуэй схватил ее в объятия и дал второй урок. Матасунта открыла глаза, моргнула и восхищенно покачала головой.

— Глупый вопрос, дорогой Мартинус, нам до американцев далеко! Какие мысли ты рождаешь в невинной девушке!

Она рассмеялась — заливисто и громко. Пэдуэй хрипловатым голосом подхватил ее смех.

— Ты сделала меня счастливым человеком, принцесса.

— Ты тоже сделал меня счастливой, мой принц. Я и мечтать не могла о таком мужчине! — Матасунта вновь упала в его объятия, потом выпрямилась, поправила прическу и деловито продолжила: — Но прежде нам надо решить немало важных вопросов. Например, Виттигис.

— Что — Виттигис? — Счастье Пэдуэя внезапно дало трещину.

— Его придется убить, разумеется.

— Убить?

— Не надо удивляться, дорогой. Я предупреждала, что не люблю останавливаться на полпути. И Теодохада, кстати, тоже.

— А его-то зачем?

Матасунта нахмурилась.

— Он убил мою мать, разве не так? К тому же ты когда-нибудь сам захочешь стать королем...

— Не захочу, — сказал Пэдуэй.

— Не захочешь стать королем?! Почему, Мартинус?

— Это не для меня, дорогая. Кроме того, я не принадлежу к Амалингам.

— Ты будешь моим мужем и, следовательно, членом семьи.

— Все же я...

— Достаточно, милый! Ты просто *думаешь*, что не хочешь. Со временем у тебя появятся другие желания. Ну и уж раз мы об этом заговорили, грех не вспомнить твою бывшую служанку, как там ее... кажется, Джулия?

— А что Дж... Откуда ты о ней знаешь?

— Неважно. Мы, женщины, все рано или поздно узнаем.

Маленький холодный комочек в желудке Пэдуэя вырос в ледяной ком.

— Но... но...

— Как, Мартинус, ты не пойдешь ради своей нареченной даже на самую пустячную уступку? Не подумай, что я ревную к какой-то грязной девке. Однако если после нашей свадьбы она останется жить, это оскорбит мое достоинство. Я настаиваю на болезненной смерти. Любой быстроедействующий яд...

Лицо Пэдуэя стало совершенно безучастным — как у квартирного маклера при упоминании о тараканах. Его лоб взмок, в голове калейдоскопически кружились мысли. Теперь он понимал, что не любит Матасунту ни капли. Пусть эта свирепая белокурая Валькирия достанется какому-ни-

будь огромному громкоголосому готу! А ему больше по нраву девушки кроткие... И ни один страхового агент не застрахует жизнь Амалинга, учитывая кровавое прошлое семейства.

— Ну? — требовательно произнесла принцесса.

— Извини, задумался, — виновато ответил Пэдуэй, не зная, как выпутаться из этой ситуации. — Понимаешь, я вспомнил: у меня в Америке осталась жена.

— Хорош пустячок, — ледяным тоном произнесла Матасунта.

— Я очень давно ее не видел.

— Что ж, существует развод.

— Моя религия его запрещает. Мы, конгрегационалисты, верим, что в аду самое жаркое местечко отведено разведенным.

— Мартинус! — Глаза Матасунты гневно сверкнули. — Ты, кажется, трусишь. Более того, ты, кажется, хочешь дать задний ход. Ни один мужчина, так гнусно обошедшийся со мной, не проживет и...

— Нет-нет, вовсе нет! — вскричал Пэдуэй. — Ты одна царишь в моем сердце. Меня не остановит и море крови!

— Гм-м-м, красиво изъясняешься, Мартинус Падуанский. Ты всех девушек обольщаешь такими речами?

— Клянусь, я от тебя без ума!

— Ты в самом деле меня любишь? — смягчилась принцесса.

— Еще как! В жизни не видел подобной девушки! — Последнее было совершенно искренним. — Но факты — суровая вещь.

Матасунта потерла лоб, явно раздираемая противоречивыми эмоциями.

— Если вы давно не виделись, откуда ты знаешь, что она жива?

— Точно не знаю. Но я не уверен и в обратном. А ведь ваши законы очень строги к двоеженству. Эдикты Аталарика, параграф шестой. Я смотрел.

— Все-то ты смотришь... с легким раздражением произнесла Матасунта. — А известно кому-нибудь в Италии об этой твоей американской сучке?

— Н-нет, но...

— Так не глумишься ли ты, Мартинус? Кому какое дело, если у тебя на другом конце света есть жена?

— Религия.

— О, к дьяволу всех священников! Когда мы придем к власти, с арианами я справлюсь. А у тебя, я слышала, добрые отношения с епископом Болоньи, то есть практически с самим папой.

— Я имею в виду не церковь. Я имею в виду личные убеждения.

— Такой практичный человек, как ты? Чушь! Просто нашел предлог, чтобы...

Предвидя очередную вспышку, Пэдуэй торопливо вставил:

— Послушай, Матасунта, давай не будем затевать религиозных споров. Оставь мою веру в покое, а я не трону твою. О, кажется, нашлось решение!

— Какое?

— Я отправлю в Америку гонца и выясню, жива моя жена или нет.

— А много это времени займет?

— Недели. Возможно, месяцы. Если ты меня на самом деле любишь, то рано или поздно мы дождемся.

— Хорошо, — без особой радости согласилась принцесса и тут же бросила на Пэдуэя пронзительный взгляд. — Предположим, твой гонец обнаружит, что она жива?

— Зачем ломать себе голову? Видно будет.

— Нет, договоримся сейчас!

— Любимая, ты не доверяешь своему будущему мужу? В таком случае...

— Не увиливай, Мартинус. Ты скользок, как византийский законник.

— Ну, тогда, полагаю, я рискну своей бессмертной...

— О, Мартинус! — ликующе вскричала Матасунта. — Прости меня за глупость! Конечно же, ты велишь гонцу отравить ее, если она все-таки жива! Это даже лучше, чем развод, если подумать о моем добром имени. Теперь все наши тревоги позади.

Она обняла его с настораживающей силой.

— Вероятно, — без особой уверенности произнес Пэдуэй. — Продолжим занятия, дорогая. — И снова поцеловал ее, стараясь установить рекорд.

Матасунта счастливо вздохнула.

— Ты только больше никого не целуй, любовь моя.

— Не смею и думать об этом, принцесса.

— Вот-вот, — грозно сказала она и очаровательно улыбнулась. — Прости меня, дорогой, за некоторое волнение. Я, по сути своей, наивная девушка, слабохарактерная и неискушенная.

«По крайней мере, — отметил про себя Пэдуэй, — я тут не единственный обманщик».

— К сожалению, мне пора идти. Сейчас же первым делом отправлю гонца. А завтра я уезжаю в Рим.

— О, Мартинус, к чему такая спешка? Тебе лишь *кажется*, что пора идти...

— Увы. Государственные дела, сама понимаешь. Я буду думать о тебе всю дорогу. — Он снова поцеловал ее. — Будь мужественной, моя любимая. Ну, улыбнись!

Матасунта грустно улыбнулась и заключила его в стальные объятия.

Вернувшись домой, Пэдуэй вытащил из постели своего ординарца-кирасира, армянина по имени Тирдат.

— Надень свой правый сапог, — велел он.

Ординарец протер глаза.

— Мой *правый* сапог? Я правильно тебя понял, благородный господин?

— Правильно, правильно. Давай быстрее! — Когда желтый кожаный сапог оказался на ноге, Пэдуэй повернулся к кирасиру спиной, наклонился вперед и сказал через плечо: — А теперь дай мне хорошего пинка, добрейший Тирдат.

Ординарец разинул рот.

— *Дать пинка моему командиру?*

— Ты что, плохо слышишь? Ну, смелей!

Тирдат вздохнул в замешательстве, потом, решившись, от души врезал. Пэдуэй поднялся, кряхтя, потер ушибленное место и с благодарностью сказал:

— Спасибо, Тирдат. Можешь идти спать.

Он чувствовал себя намного лучше.

Но Пэдуэю не удалось уехать в Рим ни назавтра, ни даже через два дня. Должность королевского квестора оказалась отнюдь не синекурой, когда можно свободно помыкать людьми, а самому делать что захочется. Нужно было действительно работать.

Знатный гот Ваккис, сын Торасмунда, член королевского совста, принес проект предлагаемой поправки к закону о краже лошадей.

— Виттигис согласился с новой формулировкой, — объяснил он, — но не успел утвердить ее. Так что теперь, великолепнейший Мартинус, тебе придется обсудить вопрос с Теодоходом, изложить поправку правовым языком и попытаться удержать внимание короля достаточно долго, чтобы получить его подпись. — Ваккис ухмыльнулся. — И пусть помогут тебе святые, если он окажется в дурном настроении!

Пэдуэй вначале растерялся. Затем вспомнил о Кассиодоре, и старый грамотей оказал неоценимую помощь. Из подготовленного им текста надо было лишь вычеркнуть наиболее цветистые фразы.

Мартин пригласил на обед Урию, племянника Виттигиса. Тот пришел и вел себя, в общем-то, доброжелательно, хотя и дулся еще из-за ареста дяди. Пэдуэю этот внушительный гот был симпатичен. Он думал: «Сколько можно обманывать Матасунту? Пока она считает меня своим женихом, я не смею даже взглянуть в сторону другой женщины. А Урия недурен собой и явно не глуп. Если бы удалось их свести...»

Он поинтересовался, не женат ли Урия. Гот удивленно вскинул брови.

— Нет. А что?

— Так, пустое любопытство. Чем ты теперь собираешься заняться?

— Не знаю. Удаюсь в свое поместье, наверное, предамся воспоминаниям... Это будет скучная жизнь.

— Ты не знаком с принцессой Матасунтой? — как бы случайно обронил Пэдуэй.

— Мы не представлены. Я приехал в Равенну специально на свадьбу, всего за день до церемонии. Разумеется, я видел принцессу в церкви, когда ворвался ты. Красивая девушка, правда?

— О, да. И вообще особа весьма примечательная. Если хочешь, я постараюсь организовать вам встречу.

Как только Урия ушел, Пэдуэй помчался к Матасунте, напустив на себя самый беспечный вид.

— Как видишь, дорогая, уехать не удалось. Дела...

Матасунта обвила его шею руками, так что он не мог вздохнуть, и прервала заготовленную речь самым эффективным способом. Мартин не смел противиться, да это и не стоило ему большого труда. Беда была лишь в том, что он не мог мыслить логически в то время, как ему требовалось все его искусство. А страстная принцесса, казалось, готова была целоваться бесконечно.

Наконец она спросила:

— Ну, что ты хотел сказать, возлюбленный мой?

Пэдуэй закончил объяснение.

— Я и решил забежать к тебе. — Он рассмеялся. — Все же хорошо, что мне надо ехать в Рим. Какая может быть работа, когда рядом ты? Между прочим, тебе знаком Урия, племянник Виттигиса?

— Нет. И не уверена, что хочу знакомиться. Когда мы покончим с Виттигисом, само собой придется ликвидировать и его племянников. А у меня глупое предубеждение против убийства людей, которых я знаю лично.

— Дорогая, не принимай опрометчивых решений. Урия — великолепный парень, тебе он обязательно понравится. По-моему, это единственный гот, которого бог не обделил ни силой, ни умом.

— И все же...

— Кроме того, он мне нужен, а сотрудничать не хочет. Я и подумал, что, может быть, ты согласишься бы завлечь его, склонить женскими чарами на мою сторону.

— Ну, если ты думаешь, что я могу помочь тебе, то, пожалуй...

Так принцесса в тот же вечер пригласила их на ужин. Сперва Матасунта отнеслась к молодому готу неприязненно.

Но было выпито немало вина, и потихоньку она сменила гнев на милость. Урия оказался компанейским парнем, и вскоре они уже оглушительно смеялись и над тем, как он изображал пьяного гунна, и над скабрёзными американскими анекдотами, которые торопливо переводил Пэдуэй. Если бы не новость откуда взявшаяся досада на успех своего замысла, Мартин готов был признать, что давно не проводил время так приятно.

ГЛАВА 13

Вернувшись в Рим, Пэдуэй навестил захваченных в плен византийских генералов. Они были размещены со всеми удобствами и не сетовали на обращение: один лишь Велизарий казался угрюмым и подавленным. Вынужденная бездеятельность плохо отражалась на бывшем главнокомандующем.

— У нас перемены, — сообщил ему Пэдуэй. — Скоро государство будет сильным и богатым. Может, все-таки перейдешь на нашу сторону?

— Нет, господин квестор. Клятва есть клятва.

— Тебе никогда в жизни не случалось нарушать обещаний?

— Никогда.

— И если б вдруг ты принес клятву мне, то был бы так же ей верен?

— Разумеется. Но это невозможно.

— Предположим, я объявлю амнистию и разрешу тебе вернуться в Константинополь — при условии, что впредь ты не поднимешь оружия против королевства готов и итальянцев. Ну, как?

— Ты умный и находчивый человек, Мартинус. Благодаря тебе за предложение, однако оно несовместимо с моей клятвой Юстиниану. Поэтому я вынужден отказаться.

Пэдуэй повторил предложение другим генералам. Константин, Перианус и Бессас сразу согласились. Мартин рассуждал так: командиры эти средненькие, Юстиниан может найти таких, сколько понадобится; нет смысла их здесь кормить. Клятву свою они, безусловно, нарушат, но вреда от этого не будет. А вот Велизарий — настоящий военный гений: нельзя допустить, чтобы он сражался против королевства. Следовательно, он должен либо сменить хозяина, либо дать слово, которым лишь он один и дорожит, либо придется держать его в плену.

С другой стороны, умный, но коварный Юстиниан весьма ревниво относится к успехам и личным достоинствам Велизария. Если он узнает, что генерал остался в Риме вместо

того, чтобы дать клятву и затем, естественно, ее нарушить, то может в раздражении пойти на какой-нибудь опрометчивый шаг.

Так родилось послание:

Король Теодохад — императору Юстиниану.

Приветствия!

С настоящим письмом отправляем Его Светлости генералов Константина, Перуануса и Бессаса, принесших клятву не воевать более против нас. Те же условия были предложены генералу Велизарию, однако он отклонил их как несовместимые с его понятием чести.

Так как продолжение войны вряд ли приведет к конструктивным результатам, мы хотели бы сформулировать приемлемые для нас условия мира.

1. Войска Империи немедленно оставляют Сицилию и Далмацию.

2. За ущерб, нанесенный оккупационными армиями, нам выплачивается контрибуция в сто тысяч солидов золотом.

3. Мы обязуемся не вести войны друг против друга без заблаговременного уведомления.

4. Мы обязуемся не помогать никаким третьим державам вооружением, людьми или деньгами, которые затем могут быть использованы против высоких договаривающихся сторон.

5. Мы заключаем соглашение о всемерном развитии торговых связей между нашими независимыми странами.

Разумеется, это лишь самые общие предложения, детали которых надлежит обсудить на встрече наших представителей. Надеемся, Его Светлость согласится с нами в том, что в свете последних событий это самый разумный образ действий.

Покорно ожидаем скорейшего ответа.

От имени короля Мартинус Пагуанский, квестор.

Увидев посетителя, Томасус кряхтя поднялся и заковылял навстречу, вытянув вперед руки и сверкая здоровым глазом.

— Мартинус! Наконец-то!.. Ну как, приятно чувствовать себя такой важной персоной?

— Утомительно, — сказал Пэдуэй, радостной улыбкой сопровождая приветствие. — Какие новости?

— Новости? Новости? Вы только посмотрите! Этот человек несколько месяцев делает погоду в Италии, и еще спрашивает меня, какие новости!

— Я имею в виду нашу птичку в клетке.

— Чего? А, так ты про... — Томасус подозрительно оглянулся и понизил голос, — экс-короля Виттигиса? Судя по последним сообщениям, все в порядке, хотя от него самого

слова доброго не дожدهшься. Послушай, Мартинус, с твоей стороны это подло — подбросить мне такую работенку! Не сомневаюсь, что Господь Бог со мной согласен. Твои солдаты вытащили меня из постели, а потом еще несколько дней я вынужден был терпеть их и пленника в собственном доме!

— Прости, Томасус. Но ты единственный человек в Риме, которому я могу доверять.

— Вообще-то верно... Хотя, надо заметить, Виттигис страшный брюзга. Все ему не так.

— А что телеграфная компания? Дела идут?

— Тут тоже осложнения. Неаполитанская линия работает нормально. Однако линии на Равенну и Флоренцию вступят в строй не раньше, чем через месяц, а до тех пор прибыли нам не видать. К тому же меньшинство акционеров наконец осознали себя меньшинством. Какой тут вой поднялся! Теперь сенаторы жаждут нашей крови. Гонорий сперва был с ними, грозил упрятать в тюрьму Вардана, Эбенезера и меня, если мы не продадим ему — практически даром — контрольного пакета. К счастью, выяснилось, что в деньгах он нуждается гораздо больше, чем в акциях, и дело было улажено. Так что остальным патрициям остается лишь плевать нам вслед при встречах на улице.

— Как только появится время, начну издавать вторую газету, — сменил тему Пэдуэй. — Их будет две: одна в Риме, другая — во Флоренции.

— А зачем во Флоренции?

— Там будет наша новая столица.

— Что?!

— Да-да. Флоренция расположена удобнее, чем Рим, в смысле дорог и тому подобного, а климат в ней лучше, чем в Равенне. Вообще-то я не знаю места, где климат был бы хуже, чем в Равенне, включая все круги ада. Сперва мне удалось убедить Кассиодора, и мы вместе уговорили Теодохада перевести туда административные органы. А если нашему королю угодно держать суд в городе болот, лягушек и тумана, это его дело. Лично я буду только рад, что он слезет с моей шеи.

— Слезет с твоей шеи? Ах-ха-ха, Мартинус, какой ты все-таки весельчак! Хотел бы я так красиво выразиться!.. Но, надо сказать, у меня от твоей деятельности просто дух захватывает. Какие еще революционные преобразования ты затеваешь?

— Хочу организовать школу. Наши учителя знают лишь грамматику и риторику, а надо преподавать действительно важные вещи. Например, медицину, математику, другие науки... Боюсь только, что учебники придется писать мне самому.

— Один вопрос, Мартинус: когда ты ухитришься спать? Пэдуэй горько усмехнулся.

— А я практически и не сплю. Вот выберусь из этой военно-политической возни — навестаю. Честно говоря, мне все это не по душе. Чертовски надоело! Однако чего не сделаешь ради достижения цели. Знаешь, лет через сто мои игры в политику и ратные подвиги не будут иметь ровно никакого значения, зато, надеюсь, останется главное — телеграф, печатный станок...

Уже на пороге Пэдуэй вспомнил:

— Джулия из Апулии до сих пор работает у Эбenezера?

— По-моему, да. А что? Ты хочешь ее вернуть?

— Боже упаси! Ей надо исчезнуть из Рима.

— Почему?

— Ради ее собственной безопасности. Пока я не могу тебе всего рассказать.

— Но мне казалось, что ты Джулию не любишь.

— Это не значит, что я хочу ее смерти. Кроме того, если мы не уберем ее из города, моей шкуре тоже грозит опасность.

— О Господи, как Ты позволил ему связаться с политической? Не знаю, Мартинус: она свободный человек...

— Может, устроить ее к твоему кузену Антиоху, в Неаполь?

— Ну, я...

— Пусть сменит имя. И сделай все это тихо, старина. Если информация просочится, нам несдобровать. Заварится такая каша...

— Каша? Ха-ха-ха, очень смешно. Хорошо, я постараюсь. Теперь о твоём шестимесячном кредите...

Ну все, с горечью подумал Пэдуэй, началось. Как правило, общаться с банкиром было легко и даже приятно. Но Томасус органически не мог вести самых простых финансовых операций, не поторговавшись с пеной у рта долгие часы. Возможно, он получал от этого удовольствие. Мартин — нет.

Трясаясь верхом на лошади по дороге во Флоренцию, Пэдуэй с грустью вспоминал Доротею. На этот раз, приехав в Рим, он с ней не встретился — не посмел. Еще одна причина поскорее выдать замуж Матасунту. Доротея была бы для него куда более подходящей парой. О нет, о любви пока речь не идет, хладнокровно рассуждал Мартин, однако если видеться чаще...

Впрочем, сейчас не до того. Хорошо бы выкроить время и отоспаться, посидеть в библиотеке, отдохнуть, в конце концов! Пэдуэй любил отдых ничуть не меньше, чем кто-либо

другой, хотя этот самый другой счел бы его представления об отдыхе весьма странными.

Во Флоренции Пэдуэй снял за государственный счет помещение и отправился проверять, как идет его дело. На этот раз ревизия ничего не выявила. Либо кражи прекратились, либо бухгалтеры набрались опыта.

Фритарик опять взмолился взять его с собой и продемонстрировал выкупленный наконец легендарный меч, украшенный камнями. Меч Пэдуэя разочаровал, хотя Мартин постарался не подать виду. Камни были отполированы, а не огранены; огранку еще не изобрели. Но любимое оружие словно прибавило Фритарику росту, и Пэдуэй против собственной воли сдался, назначив управляющим расторопно-го и честного Нерву.

В горах два дня бушевала снежная буря, и в Равенну они прибыли, все еще дрожа от холода. Город этот с его промозглой погодой действовал Мартину на нервы, а проблема Матасунты не на шутку пугала. Он нанес принцессе визит и неискренне клялся в любви, все время мечтая убраться отсюда восвояси. Однако не позволяли дела.

Урия объявил, что он согласен на предложение Пэдуэя и готов идти на службу.

— Меня уговорила Матасунта, — признался он. — Чудесная женщина, правда?

— Безусловно, — ответил Пэдуэй. В поведении прямого открытого Урии чувствовалась уклончивость и смущение, когда он говорил о принцессе, и Мартин про себя удовлетворенно улыбнулся. — Я хочу, чтобы ты возглавил военную школу по византийскому образцу.

— Как! Я-то надеялся, что ты поручишь мне командование где-нибудь на границе.

Ага, отметил Пэдуэй, *не у тебя одного Равенна вызывает тягостное чувство.*

— Э, нет, мой дорогой. Кто-то должен заниматься и неприятной работой, а это дело государственной важности. Я тут не гожусь — готы не допустят, чтобы военному искусству их учил посторонний. С другой стороны, нужен человек образованный и умный.

— Согласен, академия нам необходима. Однако, великопнейший Мартинус, ты пробовал когда-нибудь учить готского офицера?

— Знаю, знаю. Большинство из них не умеет ни читать, ни писать и презирает тех, кто умеет. Именно поэтому я выбрал тебя. Ты пользуешься уважением, и если в их упрямые головы вообще можно что-нибудь вбить, у тебя есть все шансы на успех. — Мартин с сочувствием улыбнулся. — Иначе зачем бы я так хотел воспользоваться твоей помощью?

— Ну, спасибо. Я вижу, ты умеешь заставить людей делать то, что тебе надо.

Пэдуэй поделился с Урией своими идеями. Что, по его мнению, главная слабость готов — отсутствие координации между конными копейщиками и пешими лучниками; что для усиления мощи важно иметь как пеших копейщиков, так и конных лучников; что необходимо совершенствовать вооружение. И описал устройство арбалета.

— На подготовку хорошего лучника уходит пять лет, — продолжал он, — в то время как с арбалетом любой новобранец научится обращаться за несколько недель. А если раздобыть умелых кузнецов, я покажу тебе кольчугу, которая весит вдвое меньше ваших, надежнее защищает и не сковывает движения. — Мартин улыбнулся. — Не исключено, что кое-кто не примет эти новшества и станет ворчать. Так что ты лучше действуй постепенно. И помни — идеи твои, тебе честь и хвала.

— Ага, понимаю, — ухмыльнулся Урия. — Если кого-нибудь за них повесят, то не тебя, а меня. Как с трактатом по астрономии, вышедшим под именем Теодохада. Все церковники отсюда до Пекии исходят бешенством, а ты в стороне! Хорошо, мой таинственный друг, я согласен.

Даже Пэдуэй был изумлен, когда через несколько дней Урия появился с огромным арбалетом. Хотя устройство его было достаточно простым и Мартин лично набросал схему, по собственному печальному опыту он знал: чтобы заставить мастерового шестого века сделать незнакомую вещь, надо стоять у него над душой, пока он раз десять ошибется, а потом взять и сделать самому.

Все утро они практиковались в стрельбе по мишеням в большой сосновой роще к востоку от города. Неожиданно метким стрелком оказался Фритарик, хотя и пыжился, всячески стараясь подчеркнуть, что презирает метательное оружие, как недостойное благородного вандала.

— Однако, — снисходительно признал он, — на редкость удачная штука.

— Да, — сказал Пэдуэй. — В моем народе бытует легенда об арбалетчике, который оскорбил правительственного чиновника и в наказание за это должен был попасть в яблоко на голове своего сына. Представьте, все кончилось благополучно: мальчик остался невредим.

Вернувшись домой, Пэдуэй узнал, что с ним требует встречи посол франков. Посол, некий граф Хлодвиг, был высок, наголо выбрит, как все франки, имел пышные усы и выдающийся квадратный подбородок. В роскошной алой тунике, звеня золотыми браслетами и цепями, он смотрелся очень эффектно. На взгляд Мартина, впечатление портили только

кривоватые голые ноги, торчащие из коротких штанов. Кроме того, Хлодвиг явно страдал от похмелья.

— Матерь Божья, как хочется пить! — воскликнул посол. — Не утолить ли нам жажду, дружище квестор, перед тем как мы перейдем к делу? — Пэдуэй велел принести вина, и Хлодвиг в несколько глотков осушил чашу. — Фу, так-то лучше. Теперь, дружище квестор, я должен сообщить, что, по-моему, ко мне здесь относятся не лучшим образом. Король принял меня лишь мимоходом: сказал, что делами занимаешься ты, и исчез. Разве так должно принимать посланника короля Теудеберта, короля Хильдеберта и короля Хлокотара? Не одного короля, заметь, трех!

— Целых три короля! — любезно улыбаясь, произнес Пэдуэй. — Да, это производит впечатление. Я потрясен. Но ты не обижайся, господин граф. Наш король — старый человек, ему тяжело нести бремя государственных забот.

— Грррм... Ладно, забудем. Однако истинную причину моего визита забыть не столь легко. Суть вот в чем: что стало с теми ста пятьюдесятью тысячами солидов, которые Виттигис обещал моим повелителям — королю Теудеберту, королю Хильдеберту и королю Хлокотару — за то, чтобы они не нападали на него, пока он выясняет отношения с греками? Более того, он уступил моим повелителям — королю Теудеберту, королю Хильдеберту и королю Хлокотару — Прованс. И все же генерал Сисигий не вывел войска: когда наши армии вошли на исконно франкскую территорию, они были оттеснены. Тебе следует знать, что франки — самый смелый и самый гордый народ на свете — не потерпят подобного отношения. Ну, какие меры будут приняты по поводу всего этого?

— А тебе следовало бы знать, — ответил Пэдуэй, — мой господин Хлодвиг, что законное правительство не несет ответственности за обещания самозваного узурпатора. Мы не собираемся разбрасываться владениями. Так что передай своим повелителям — королю Теудеберту, королю Хильдеберту и королю Хлокотару — что ни денег, ни территорий им не видать.

— Ты говоришь это серьезно? — Хлодвиг казался искренне удивленным. — А ведомо ли тебе, молодой человек, что армии франков могут в любой момент, когда им заблагорассудится, пройти всю Италию вдоль и поперек и сравнять ее с землей? Мои повелители — король Теудеберт, король Хильдеберт и король Хлокотар — проявляют великое терпение и гуманизм, предлагая тебе мирное решение. Подумай, прежде чем накликать беду!

— Я подумал, мой господин, — произнес Пэдуэй. — И со всем уважением советую тебе и твоим повелителям сделать

то же самое. И в особенности — поразмыслить о маленькой военной новинке, которую мы принимаем на вооружение. Не соизволишь ли взглянуть? Учебный плац в двух шагах.

Все приготовления Пэдуэй сделал заранее. Когда они пришли на учебный плац (Хлодвиг — слегка покачиваясь), там уже были Урия, Фритарик, арбалет и большой запас стрел. Пэдуэй хотел, чтобы Фритарик произвел несколько выстрелов по мишени. Однако у Фритарика и Урии были иные планы. Последний отошел на пятьдесят футов, повернулся и положил на голову яблоко. Фритарик взвел арбалет, вставил стрелу и поднял оружие к плечу.

Пэдуэй от ужаса застыл. Заорать на этих двух болванов он не смел, боясь потерять лицо перед франкским посланником. Но если Урия погибнет...

Пропела тетива, раздалось короткое «чмок». Урия, широко улыбаясь, вытряхнул из волос остатки яблока и пошел обратно.

— Что, понравилась демонстрация, мой господин? — спросил Пэдуэй.

— Недурно, — сказал Хлодвиг. — Ну-ка, посмотрим на эту штуку поблизи... Гм-м. Конечно, brave франки не верят, что сражение можно выиграть какими-то глупыми стрелами. Однако для охоты... Как она действует? Ага, тетива крепится...

Пока Фритарик демонстрировал арбалет, Пэдуэй отвел Урию в сторону и, понизив голос, выложил все, что он думает об этой идиотской выходке. Урия пытался напустить на себя серьезный вид, но не мог сдержать довольной мальчишеской ухмылки. Вдруг снова пропела тетива, и между ними, совсем рядом с лицом Мартина, со свистом что-то пролетело. Урия и Пэдуэй подпрыгнули от неожиданности и резко обернулись. Хлодвиг растерянно смотрел на все еще поднятый арбалет.

— Я не знал, что он так легко стреляет...

— Ты что хотел сделать, пьяный дурак? — сорвался Фритарик. — Убить кого-нибудь?!

— Как? Ты назвал меня дураком! Ну!.. Франк выхватил меч из ножен.

Фритарик отпрыгнул назад и потянулся к рукояти своего собственного меча. Подскочили Урия и Пэдуэй, разводя противников в стороны.

— Уймись, граф! — вскричал Пэдуэй. — Не стоит заводить из-за пустяков. Я лично приношу извинения.

Но посол разъярился еще больше.

— Я проучу этого плебея! Задета моя честь!

На шум прибежали несколько готских солдат. Хлодвиг увидел их и нехотя вложил меч в ножны.

— Хорошенькое отношение к представителю короля Теудеберта, короля Хильдеберта и короля Хлокетара! — прорычал он. — Ничего, они еще об этом узнают!

Мартин попытался успокоить его, однако Хлодвиг в бешенстве удалился и вскоре покинул Равенну. Пэдуэй отправил гонца к Сисигию — предупредить о возможном нападении, — но совесть все равно его мучила. Ему хотелось как-то задобрить франков, чтобы любой ценой избежать войны. С другой стороны, он понимал, что это жестокое и коварное племя будет воспринимать дипломатию как признак слабости. Франков надо останавливать с первого раза.

Тем временем прибыл еще один посол — от причерно-морских гуннов. Церемониймейстер доложил Пэдуэю:

— Весь такой важный... Ни по-латыни, ни по-готски не говорит, общается через переводчика. Заявил, что он бояр; уж не знаю, что это значит.

— Пригласи его.

Посланник оказался коренастым кривоногим человеком с румяными щеками, пышными загибающимися кверху усами и с носом даже еще более крупным, чем у Пэдуэя. Он был одет в красивый отороченный мехом плащ, яркие шаровары и шелковый тюрбан, повязанный вокруг бритого черепа. Несмотря на всю его утонченность, Мартин подозревал, что посланник ни разу в жизни не принимал ванны. Переводчик — маленький нервный тракиец — держался чуть слева и сзади от гунна.

Посланник чопорно поклонился и не подал руки. «Наверное, не принято у гуннов», — подумал Мартин, поклонился в ответ и указал на стул. Через секунду он об этом пожалел — посланник взгромоздился на стул и сел, скрестив под собой ноги. Потом заговорил на странном мелодичном языке, по мнению Пэдуэя, напоминающем турецкий. Через каждые три-четыре слова он замолкал, и включался переводчик. Выглядело это примерно так:

Посланник: — *Чирик-чирик...*

Переводчик: — Я, бояр Кароян...

Посланник: — *Чирик-чирик...*

Переводчик: — Сын Чакира...

Посланник: — *Чирик-чирик...*

Переводчик: — Который был сыном Тарды...

Посланник: — *Чирик-чирик...*

Переводчик: — Представитель Кардама...

Посланник: — *Чирик-чирик...*

Переводчик: — Сына Капагана...

Посланник: — *Чирик-чирик...*

Переводчик: — Великого Хана причерноморских гуннов.

Речь звучала длинно, однако чувствовалось во всем этом какая-то поэтическая величественность. Гунн сделал паузу, Пэдуэй в свою очередь представился, и дуэт возобновился:

— Мой господин, Великий Хан...

— Получил предложение от Юстиниана, Римского императора...

— За пятьдесят тысяч солидов...

— Воздержаться от нападения на его земли.

— Если Теодохад, король готов...

— Сделает нам лучшее предложение...

— Мы опустошим Тракию...

— И оставим вас в покое.

— Если же он откажется...

— Мы примем золото Юстиниана...

— И захватим готские земли...

— Норик и Паннонию.

Пэдуэй кашлянул и повел ответную речь, также делая паузы для переводчика. Как оказалось, такой способ общения обладал ценным преимуществом — было время подуметь.

— Мой господин, Теодохад, король готов и итальянцев...

— Повелел мне сообщить...

— Что он найдет лучшее применение деньгам...

— Чем давать их в качестве взятки...

— Дабы откупиться от войны.

— Если же причерноморские гунны считают...

— Что могут покорить наши земли...

— То милости просим...

— Однако мы не можем гарантировать...

— Доброго приема.

Посланник ответил:

— Думай, человек, что говоришь.

— Ибо наши воины...

— Покрывают сарматские степи подобно саранче.

— Копыта их коней...

— Гролом раскалывают небеса...

— Тучи стрел...

— Закрывают солнце.

— Там, где пройдут полчища наших воинов...

— Не растет даже трава.

Пэдуэй сказал:

— Блистательный Кароян...

— Возможно, все это правда...

— Но несмотря на гром копыт и тучи стрел...

— Когда несколько лет назад...

— Гунны вторглись на наши земли...

— Мы им задницу надрали!

Выслушав перевод, посланник растерянно моргнул, а затем побагровел. Пэдуэй решил, что гунн в ярости, однако выяснилось, что он тщетно пытается удержать смех. Утерев слезы и отдышавшись, посол выдавил:

— На этот раз все будет иначе.

— Если кому и надерут задницу...

— То вам.

— Поэтому решайте.

— Мы согласны на шестьдесят тысяч...

— Тремя платежами по двадцать.

— Ну, как?

Однако Пэдуэй был непоколебим. Тогда посланник добавил:

— Я сообщу моему господину...

— Великому Хану Кардаму...

— О вашем упрямстве.

— А за приемлемую взятку...

— Готов поведать ему...

— О мощи готских армий...

— Дабы отговорить его...

— От возможного вторжения.

После долгих торгов Пэдуэй и гунн сошлись на половине первоначально запрошенной суммы и расстались в самых лучших отношениях. Дома Мартин застал Фритарика за странным занятием: вандал пытался обвязать вокруг головы полтенец.

— Прости, хозяин, — смущенно произнес он. — Я хотел сделать такой головной убор, как у этого варвара. Есть в нем стиль...

Пэдуэй уже давно смирился с мыслью, что Теодохад — старый маразматик. Но в последнее время у короля начали проявляться и явные признаки умственного расстройства. Например, когда Пэдуэй явился к нему с проектом закона о праве наследования, он мрачно выслушал подробные объяснения о том, что королевский совет и Кассиодор считают необходимым привести готский закон в соответствие с римским, а потом сказал:

— Когда ты издашь новую книгу под моим именем, Мартинус? Тебя ведь, кажется, зовут Мартинус? Мартинус Падуанский, Мартинус Падуанский... По-моему, ты мой новый префект или что-то вроде этого, да? Боже ты мой, я совсем ничего не помню! Ну, так зачем ты ко мне пришел? Всегда дела, дела, дела. Ненавижу дела! Глупые государственные бумажки... Что это, смертный приговор? Надеюсь, мошенник

получит по заслугам. И обязательно его пытай! Не понимаю твоей глупой неприязни к пыткам. Народ счастлив только тогда, когда смертельно боится своего правительства... Так-так, о чем я говорил?

С одной стороны, это было удобно — Теодохад занимался сам собой и ни во что не вмешивался. Однако порой на него находило: он никого не принимал и из вредности отказывался подписывать любые бумаги.

Потом разгорелся спор с главным военным казначеем. Тот упрямо не соглашался выплачивать жалованье взятым в плен византийским наемникам. Пэдуэй доказывал ему, что эти первоклассные солдаты с радостью будут служить италоготскому государству и что поставить их на довольствие — немногим дороже, чем содержать под охраной. Главный казначей твердил, что со времен Теодориха защита королевства — почетная обязанность готов, а наемники, о которых идет речь, не готы. *Quod erat demonstrandum*.*

Каждый упорно стоял на своем; в конце концов, спор вынесли на рассмотрение Теодохада. Король с умным видом выслушал доводы, а затем отослал главного казначея прочь и обратился к Пэдуэю:

— Каждая сторона по-своему права, да, мой дорогой, каждая сторона по-своему права. Так что если я решу в твою пользу, будь любезен предоставить моему сыну достойную командную должность.

Пэдуэй пришел в ужас.

— Но, господин король, есть ли у Теодегискеля военный опыт?

— В том-то и беда. Все время пьянствует со своими распущенными дружками да ухлестывает за женщинами. Ему надо почувствовать ответственность — на каком-нибудь важном посту.

Пэдуэй спорил. Но сказать, что не может вообразить худшего командира, чем самонадеянный и высокомерный Теодегискель, он не смел. Теодохад твердо стоял на своем.

— В конце концов, Мартинус, кто тут король? И нечего меня запугивать Виттигисом!.. Хи-хи, скоро я тебе устрою сюрприз! Так о чем я говорил? Ах да. Ты ведь перед Теодегискедем виноват. Из-за тебя он оказался в этом кошмарном лагере...

— Не я его туда посадил...

— Не перебивай, Мартинус, король этого не любит. Либо ты находишь моему сыну теплое местечко, либо я решаю в пользу того, другого, как там его по имени... Таково мое последнее слово.

Пэдуэй вынужден был сдаться, и Теодегискель стал ко-

* Что и требовалось доказать.

мандующим готскими силами в Калабрии — там, где, по мнению Мартина, большого вреда он нанести не мог. Позднее ему пришлось горько пожалеть об этой уступке.

Потом произошли сразу три события.

Генерал Сисигий сообщил о подозрительной активности со стороны франков.

Пришло письмо от Томасуса; в котором банкир рассказывал о покушении на жизнь экс-короля Виттигиса. Убийца необъяснимым образом проник в потайное убежище, где Виттигис задушил его голыми руками, хотя и сам был при этом легко ранен. Изрыгая страшные проклятия, гот заявил, что узнал в убийце секретного агента Теодохада. Выходит, Теодохад пронюхал, где содержится Виттигис, и пытался убрать соперника с дороги. В случае успеха он бросил бы вызов Пэдуэю или вообще снял его с поста. А то и похуже.

Наконец пришло письмо от Юстиниана:

Флавий Анций Юстиниан, Император римлян, — королю Теодохаду.

Приветствия!

Внимание нашей светлости было привлечено к предлагаемым вами условиям для завершения войны.

Мы находим эти условия столь наглыми и абсурдными, что соизволяем ответить лишь в знак величайшего снисхождения. Святое устремление вернуть Империи провинции Западной Европы, некогда по праву принадлежавшие нашим предкам, будет неминуемо доведено до победного конца.

Что касается нашего бывшего генерала Флавия Велизария, то его отказ последовать примеру генералов Константина, Периануса и Бессаса рассматривается нами как акт измены и в надлежащее время повлечет за собой суровое наказание. Пока же гостославный Велизарий может считать себя свободным от всех данных нам клятв. Более того, мы повелеваем ему беспрекословно повиноваться указаниям гнусного еретика Мартинуса Пагуанского, о коем мы немало наслышаны.

Трусость Велизария и праведный гнев небес, который падет на всех слуг Дьявола, приведут к страшному и скорому концу готского королевства.

С неприятным замиранием сердца Пэдуэй осознал, что искусство дипломатии — не пустые слова. Нежелание идти на унижительные уступки Юстиниану, причерноморским гуннам и франкским королям было понятным и оправданным. Но — с любой из сторон, взятой по отдельности. Ссориться сразу со всеми...

Над головой сгустились грозовые тучи.

Пэдуэй немедленно отправился в Рим и показал Велизария письмо Юстиниана. Тракиец был подавлен, но на все уговоры отвечал упорно:

— Не знаю. Я должен подумать.

Тогда Пэдуэй встретился с женой Велизария, Антониной, и сразу нашел общий язык с этой изящной и энергичной рыжеволосой красавицей.

— Я всегда говорила: от Юстиниана благодарности не жди! Но ты же знаешь, каков Флавий — покладист во всем, что не касается его чести. Меня, правда, сдерживала дружба с императрицей Теодорой. Однако после такого письма... Я сделаю все, что могу, превосходнейший Мартинус.

Наконец, к нескрываемой радости Пэдуэя, Велизарий капитулировал.

Сейчас самой горячей точкой был Прованс. По сети гонцов-информаторов, организованной Пэдуэем, пришло известие, что Юстиниан дал еще одну взятку франкам, дабы ускорить их нападение на готское королевство. Пришлось заняться срочными перестановками в высшем военном руководстве. Асинар, так и не решившийся выступить против византийцев, получил приказ вернуться в Рим: командовать далматинской армией был назначен Сисигий — пусть не гений, но и не откровенный дурак. А его место в Галлии занял Велизарий. Перед тем как отправиться на север, Велизарий запросил у Пэдуэя всю имеющуюся информацию о франках.

— Смелые, коварные и глупые, — охарактеризовал их Мартин. — Сражаются только в пешем строю, без доспехов, одной незшелонированной колонной. С дикими криками приближаются, осыпают противника градом топоров и дротиков и норовят завязать рукопашный бой на мечах. Если их порыв остановить конницей или надежным заслоном копейщиков, считай дело сделано, остальное завершат лучники. Кроме того, такую орду очень трудно обеспечить пищей на сравнительно небольшой территории: поэтому они должны постоянно двигаться — или голодать.

Более того, эти дикари вообще не платят своим солдатам. Солдаты должны заботиться о себе — грабить. Если ты достаточно долго удержишь их на одном месте, они сами разбегутся. Однако нельзя недооценивать их многочисленность и свирепость.

Посоветовав заслать лазутчиков в Бургундию, всего несколько лет назад захваченную франками, Пэдуэй объяснил, что бургундцы — племя восточно-германского происхождения, как и франки, говорят на схожем языке и, подобно

франкам, — скотоводы. Поэтому не всегда хорошо ладят с западно-германскими франками, которые — когда не опустошают территории соседей — занимаются земледелием.

Если войны не избежать, то одно изобретение точно склонило бы чашу весов на сторону итало-готов. Порох. Еще в шестом классе Пэдуэй знал, что его делают из серы, угля и селитры. Первые два компонента были легко доступны.

Ему смутно казалось, что нитрат калия встречается в природе в виде минерала. Но где? Как он выглядит? Мартин припомнил давным-давно прочитанную книгу: будто бы селитру находят на дне навозных куч. А во дворе Невитты как раз возвышалась огромная навозная куча...

Пэдуэй пришел к Невитте, попросил разрешения покопать в названном месте... И заплесал от радости, когда обнаружил кристаллы, похожие на кленовый сахар. Невитта, ошарашено наблюдая за деятельностью квестора, спросил, не сумасшедший ли он.

— Конечно, сумасшедший, — ухмыляясь, ответил Пэдуэй. — Причем давно. А ты не знал?

Его старый дом на Длинной улице жил как никогда полной жизнью, несмотря на частичное перебазирование во Флоренцию. Во-первых, там располагалась римская штаб-квартира Телеграфной компании. Во-вторых, Пэдуэй установил еще один печатный станок. А теперь занял и пустовавший ранее подвал, превратив его в химическую лабораторию. Выяснить, в какой пропорции надо смешивать компоненты, чтобы получить хороший порох, можно было лишь опытным путем.

Именем короля Пэдуэй распорядился отлить из меди пушку. Мастерская, получившая заказ, встала на дыбы — они никогда не видели подобного устройства и не представляют, как его изготовить. Да и, помилуй Бог, что толку в этой трубе? Что это будет — цветочный горшок?

В конце концов с адскими усилиями отливку сделать удалось. Первый вариант внешне выглядел вполне сносно, пока Мартин не осмотрел внимательно дульный срез; металл был ноздреватый и пористый. Пушка взорвалась бы при первом же выстреле.

Беда была в том, что ее отливали дулом вниз. Решение нашлось — отливать дулом вверх, увеличить длину на лишний фут, а потом бракованный металл отрезать.

Попытки получить порох ни к чему не привели. Смесь ингредиентов давала вещество, которое охотно горело, однако упорно не желало взрываться. Пэдуэй перепробовал все возможные пропорции, менял способы перемешивания —

безрезультатно. Он добился лишь бодрого шипения, довольно красивого желтого пламени и смрадных клубов дыма. Самодельные шутихи тоже не срабатывали. Они делали «пшшшик!». И упорно отказывались делать «бу-ум!»

Возможно, надо сильнее спрессовывать и брать сразу большие количества?.. Эксперименты продолжались все время, пока не была готова вторая отливка.

Утром следующего дня Пэдуэй, Фритарик и несколько помощников-добровольцев установили пушку на некоем подобии лафета в пустынном местечке близ Виминала. В тридцати футах от орудия помощники насыпали песчаный холм-мишень.

Пэдуэй набил несколько фунтов пороха в ствол, закатил следом чугунное ядро и приготовил запал.

— Фритарик, дай мне свечу, — произнес он низким голосом. — Все отойдите подальше и ложитесь. Ты тоже, Фритарик.

— Никогда! — возмущенно воскликнул вандал. — Бросить хозяина в час опасности? Лучше смерть!

— Ладно, если хочешь оказаться разорванным на куски, дело твое. Ну, поехали.

Пэдуэй поджег запал.

Порох затрещал и задымился.

Раздалось негромкое «бум», ядро выскочило из жерла, прокатилось немного по земле и замерло.

А новенькую блестящую пушку убрали в дом Пэдуэя — с глаз долой, в подвал.

Ранней весной в Рим приехал Урия. Он объяснил, что оставил академию в руках подчиненных, а сам теперь займется организацией римской милиции — еще одна идея Мартина. Но вид у него был несчастный и виноватый, словно у побитой собаки, и Пэдуэй заподозрил, что истинная причина визита не в этом.

Отвечая на навоящие вопросы, Урия наконец выпалил:

— Превосходнейший Мартинус, заклинаю, дай мне какое-нибудь другое назначение. Не могу я больше оставаться в Равенне!

Пэдуэй обнял гота за плечи.

— Не тушуйся, старина, выкладывай, что у тебя на душе. Ведь беспокоит что-то? Может, я помогу.

Урия опустил глаза.

— Ну... э-э... Послушай, какие у вас с Матасунтой отношения?

— Я так и думал. Ты с ней встречаешься, да?

— Да. И если ты меня куда-нибудь не уберешь, буду продолжать. Это выше моих сил. Вы помолвлены?

— В свое время я об этом мечтал. — Пэдуэй напустил на себя вид человека, идущего на великую жертву. — Но, друг мой, я не буду мешать вашему счастью. Уверен, ты гораздо

лучше подойдишь ей. Бремя государственных забот не позволит мне стать хорошим мужем. Так что если хочешь просить ее руки, действуй смело. Благословляю.

— Ты серьезно? — Урия вскочил и, широко улыбаясь, возбужденно зашагал по комнате. — Я... не знаю, как тебя благодарить... с твоей стороны это... я навек твой друг...

— Пустяки, рад был помочь. Только не тяни, решай все поскорее.

— Но... как надо просить руки?

— Напиши Матасунте письмо.

— Не получится. Я не умею красиво изъясняться. В жизни не писал любовных писем.

— Хорошо, я и тут тебе помогу. Начнем прямо сейчас. — Пэдуэй достал письменные принадлежности. — Знаешь, — произнес он задумчиво, — нам надо сказать принцессе, какие у нее глаза.

— А какие? Глаза как глаза.

— Конечно. Но в таких деликатных обстоятельствах их принято сравнивать со звездами и разными другими вещами.

Урия погрузился в размышления.

— Ее глаза похожи цветом на ледник, который я видел в Альпах.

— Нет, не годится. Выходит, они холодны как лед.

— А еще они напоминают сверкающее лезвие меча.

— Тоже не пойдет. Как насчет северных морей?

— Гм-м-м... Здорово, Мартинус! Серые, как северные моря.

Урия писал медленно и коряво, с большим усердием. Когда письмо близилось к концу, Пэдуэй схватил свою шляпу и решительно двинулся к двери.

— Эй, — окликнул Урия, — куда ты так спешишь?

Мартин ухмыльнулся.

— Хочу повидать друзей — семью Анциев. Милейшие люди! Я тебя непременно с ними познакомлю. Только попозже, когда ты будешь счастливо женат.

От текущих дел Пэдуэя оторвал Юниан, вбежавший в комнату с текстом только что полученного телеграфного сообщения.

«Ночью из-под стражи исчез Виттигис. Задержать не удалось.

Атурпаг, начальник охраны».

С минуту Пэдуэй тупо пялился на бумагу. Потом вскочил и заорал:

— Фритарик! Выводи лошадей!

Они примчались к Урии. Выслушав новость, Урия помрачнел.

— У меня сложное положение, Мартинус. Дядя, безусловно, попытается вернуть себе корону. Он очень упрям, ты же знаешь.

— Да, но и ты знаешь, как важно нам укрепить и продолжить идущие перемены.

— Я тебя не предаю, Мартинус, и от слова не отступлюсь. Только не проси меня причинить вред Виттигису. Он, хоть и старый козел, а все же мой родственник.

— Только выполняй мои указания, а я позабочусь, чтобы его не тронули. Однако сейчас, честно говоря, меня беспокоит, как бы он не причинил вреда нам. Что, по-твоему, Виттигис предпримет?

— Ну, я бы на его месте притаился где-нибудь на время и собрал своих сторонников. Это было бы логично. Но мой дядя никогда не следовал логике. И к тому же ненавидит Теодохада лютой ненавистью. Особенно после того, как король подослал к нему убийцу... Думаю, он помчится в Равенну сводить счеты с Теодохадом.

— Хорошо. Тогда возьмем небольшой отряд и поспешим туда же.

Пэдуэй считал себя уже бывалым кавалеристом, привыкшим к длительным переходам. Но едва мог справиться с темпом, который задал Урия. Когда на рассвете они въехали в Равенну, он чуть не падал с седла от усталости.

В городе на первый взгляд все было спокойно. Однако у входа во дворец почетной стражи не оказалось.

— Плохо дело, — встревожено заметил Урия.

Они спешили и, сопровождаемые солдатами, зашагали в глубь дворца. У подножия лестницы появился охранник. Он выхватил меч, потом узнал Урию и Пэдуэя.

— А, это вы... — уклончиво протянул охранник.

— Да, это мы, — согласился Пэдуэй. — Что здесь происходит?

— Ну... Вы лучше поглядите сами, благородные господа. Прошу меня извинить. — И гот исчез из виду.

Отряд промаршировал по пустынным залам. Все двери перед ними закрывались: слышался лишь перепуганный шепот. У Пэдуэя зародилось подозрение, что они идут прямо в ловушку, и он отправил группу солдат удерживать парадный вход.

У королевских апартаментов стояло подразделение охранников. Двое из них подняли копыя, но остальные смущенно топтались на месте.

— Отойдите, ребята, — невозмутимо произнес Пэдуэй и вошел в зал.

— Боже всемогущий! — пробормотал Урия.

На полу, покрытый множеством колотых и резаных ран, лежал Виттигис. Ковер под ним пропитался кровью. Вокруг тела растерянно толпились придворные.

Главный церемониймейстер, изумленно вскинув брови, обратился к Пэдуэу:

— Это только что случилось, мой господин. А вы уже приехали сюда из Рима. Откуда тебе стало известно?

— У меня есть свои способы, — сказал Мартин. — Как все произошло?

— Виттигиса провел во дворец преданный ему человек из стражи. Он бы расправился с нашим благородным королем, но его заметили, и охранники поспешили на помощь. Они убили Виттигиса, — зачем-то добавил церемониймейстер, разжевывая очевидный факт.

Раздавшийся невнятный звук заставил Пэдуэя обернуться, и он увидел забившегося в угол полуголого Теодохада. Король высунул из-за шторы пепельно-серое лицо и мутными глазами глядел на Пэдуэя. Никто не обращал на него особого внимания.

— Ой, ты, кажется, мой новый квестор, да? Тебя зовут Кассиодор. Но как молодо ты выглядишь, гораздо моложе, чем мне помнится... Ах, все мы когда-нибудь стареем, хе-хе. Давай опубликуем книгу, мой дорогой Кассиодор. Большую новую книгу в красивом переплете. Хе-хе. Мы подадим ее на ужин, под острым соусом. Именно так едят дичь. По крайней мере страниц на триста. Между прочим, ты не видел этого мошенника Виттигиса, моего генерала? По-моему, он хотел нанести мне визит. Страшный зануда, никакой учености. О-хо-хо, танцевать-то как тянет! Ты танцуешь, мой дорогой Виттигис? Ла ла-ла, ла-ла-ла, ду-ду-дум...

— Дай ему успокоительное и уложи в постель, — велел Пэдуэй королевскому врачу. — А вы, — обратился он к остальным, — возвращайтесь к своим делам как ни в чем не бывало. Только пусть кто-нибудь заменит ковер и уберет тело. Похороны должны быть почетные, но скромные. Урия, пожалуй, этим лучше заняться тебе. — Урия рыдал. — Держи себя в руках, старина, скорбеть будем позже. Прими мои соболезнования, однако нам предстоят великие свершения.

Он отвел гота в сторону и нашептал ему что-то на ухо, после чего Урия заметно приободрился.

ГЛАВА 15

Члены королевского совета собирались в кабинете Пэдуэя хмурые, с кислыми лицами. Люди солидные и степенные, они не любили внезапно отвлекаться от трапезы, тем более по вызову гражданского лица.

Пэдуэй ознакомил их со сложившейся ситуацией. Готы были настолько потрясены, что на секунду замолчали.

— Как вы знаете, господа, — продолжил Пэдуэй, — по неписаной конституции готского народа сумасшедший король должен быть как можно скорее переизбран. Позвольте мне констатировать, что в данных обстоятельствах замена несчастного Теодохада становится вопросом номер один.

— Тут есть и твоя вина, молодой человек, — прорычал Ваккис. — Мы могли откупиться от франков...

— Да, мой господин. Беда лишь в том, что франки недолго оставались бы купленными, и вы все это хорошо знаете. Но так или иначе, дело сделано. Пока ни франки, ни Юстиниан против нас не выступили. Если быстро провести переборы короля, то мы ничего не потеряем.

— Выходит, надо опять созывать съезд, — произнес Ваккис. Заговорил другой член совета, Манфред:

— Как ни тягостно принимать советы от постороннего, я должен признать, что наш молодой друг прав. Где и когда соберемся?

Готы невнятно заворчали, а Пэдуэй громко объявил:

— Если позволите, господа, у меня есть предложение. Новая столица все равно будет во Флоренции; так не лучше ли ввести в должность нового короля именно там?

Снова поднялось недовольное ворчание, однако других идей не было. Пэдуэй прекрасно понимал, что готам не по душе его лидерство; но еще меньше им хотелось думать и принимать на себя ответственность.

— Пока гонцы разнесут весть, — начал Ваккис, — и избиратели придут во Флоренцию...

В это время вошел Урия. Пэдуэй отвел его в сторону и тихонько спросил:

— Ну, что?

— Она согласна.

— Когда свадьба?

— Пожалуй, дней через десять. Только вот люди косить-ся будут — мол, сразу после похорон дяди...

— Не обращай внимания. Сейчас или никогда.

— Какие у нас кандидаты? — поинтересовался Манфред. — Я бы и сам баллотировался, да ревматизм совсем замучил.

— Разумеется, Теодегискель, — произнес кто-то. — Естественный преемник Теодохада.

— Я думаю, — сказал Пэдуэй, — вы с удовольствием узнаете, что наш уважаемый генерал Урия тоже выставит свою кандидатуру.

— Как! — вскричал Ваккис. — Он приятный молодой человек, согласен, но для избрания не подходит. Он не из Амалингов.

На лице Пэдуэя расплылась торжествующая улыбка.

— Пока нет, господа, но ко времени выборов будет. — Готы в изумлении замерли. — Полагаю, вы не откажетесь прийти на брачную церемонию?

Незадолго до свадьбы Матасунта улучила момент поговорить с Пэдуэем наедине.

— Мартинус, твое поведение так великодушно! Надеюсь, ты не будешь сильно страдать.

Пэдуэй постарался принять благородный вид.

— Дорогая, твое счастье для меня превыше всего. И если ты любишь Урию, то дай вам Бог радости.

— Я действительно люблю его, — проникновенно сказала Матасунта. — Только обещай мне, что не станешь горевать и хандрить, а найдешь себе достойную подругу.

Пэдуэй тягостно вздохнул.

— Трудно будет... Но если ты просишь — обещаю. Ну-ну, не плачь. Что подумает Урия? Мы же друзья!

Бракосочетание вышло пышное и величественное. Мартин обнаружил в себе неожиданный дар к шоу-бизнесу и постановке сцен и обогатил традиции готов красочным обрядом, который он видел в каком-то фильме: свита Урии скрестила над головами мечи, а жених и невеста прошествовали под ними по ступеням церкви. Сам Пэдуэй был исполнен достоинства и выглядел солидно, несмотря на свою весьма заурядную внешность. В самый ответственный момент он едва удержался от смеха: ему пришло в голову, что роскошная мантия Урии поразительно напоминает его, Пэдуэя, старый купальный халат, за тем лишь исключением, что на халате не были вышиты золотом изображения святых.

Когда молодожены удалились, Пэдуэй скользнул за колонну. Если бы Матасунта увидела его в ту минуту, то решила бы, что Мартин тайком утирает прощальную слезу. На самом же деле он позволил себе испустить громкий вздох облегчения.

По другую сторону колонны, не зная, что их разговор может быть услышан, беседовали два гота.

— Из него выйдет приличный король, правда, Альберт?

— Вполне возможно. Сам-то он парень неплохой. Боюсь только, попал под влияние этого типа, Мартинуса. Собственно, я ничего против Загадочного Мартинуса не имею. Но, знаешь, чужеземец...

— Ja, ja...

Пэдуэй ни в коем случае не собирался терять влияние на Урию. Этот умный молодой гот, способный военачальник, испытывал неприязнь к государственным делам и явно не хотел ими заниматься, однако в то же время как губка впитывал

вал идеи Пэдуэя. «Если и с этим королем что-нибудь случится, — встревожено подумал Мартин, — мне долго придется искать подходящую замену».

Известие о предстоящих выборах Пэдуэй разослал по телеграфу, сэкономив тем самым неделю времени и, между прочим, убедив кое-кого из готов в полезности хитроумного новшества. Пэдуэй отправил также еще одно послание, приказав всем высшим командирам оставаться на своих местах. Урии необходимость такого распоряжения он объяснил интересами государственной безопасности. В действительности им двигало стремление удержать Теодегискеля на время выборов в Калабрии. Зная Урию, Мартин не смел открыть ему истинную причину из опасения, что тот, в приступе рыцарского благородства, как верховный главнокомандующий отменит его приказ.

Готы, естественно, никогда не видели выборов, проводимых по священным американским традициям. Пэдуэй им их продемонстрировал.

Прибывших во Флоренцию избирателей город встретил огромными лозунгами:

**ГОЛОСУЙТЕ ЗА УРИЮ!
УРИЮ ВЫБИРАЕТ НАРОД!
Низкие налоги! Рабочие места для всех!
Прекрасное социальное обеспечение!
Безмятежная старость!**

За три дня до выборов Пэдуэй устроил неофициальный прием — с выпивкой, закуской и бурным гулянием. Для этого ему пришлось влезть в долги. Вернее, в долги пришлось влезть несчастному Урии, так как в своих личных финансовых делах Мартин тяготел к бережливости и экономии.

Пока он скромно держался в тени, Урия произнес речь. Как потом узнал Пэдуэй, никто и не думал, что Урия такой великолепный оратор. Мартин сам написал текст речи и целую неделю обучал Урию искусству риторики.

Когда все осталось позади, друзья позволили себе расслабиться за бутылочкой бренди. Два других претендента сняли свои кандидатуры. Исход выборов казался предreshенным.

Вдруг в комнату вбежал запыхавшийся посыльный. У Пэдуэя давно уже сложилось впечатление, что люди к нему именно вбегают и непременно задыхаясь.

— Теодегискель во Флоренции!

Пэдуэй не мешкал. Он узнал, где Теодегискель остановился, взял несколько первых попавшихся готских солдат и

отправился его арестовывать. Выяснилось, что Теодегискель с шайкой своих дружков занял лучший в городе постоянный двор, просто-напросто выкинув прежних жильцов и их вещи на улицу.

Мартин с солдатами вошел в копону, где вся компания, еще не переодевшись с дороги, торопливо насыщалась. Теодегискель оторвал глаза от блюда.

— А, снова ты... Чего тебе надо?

Пэдуэй объявил:

— Я имею ордер на твой арест за нарушение приказа и оставление поста, подписанный Ур...

— Ja, ja. Ты, наверно, думал, что я спокойно буду сидеть в глуши, пока вы во Флоренции проводите без меня выборы? Но я не из таких, Мартинус. Нет! Я кандидат, я здесь, и я не забуду твоих козней, когда стану королем. Вот уж чего у меня не отнять — всегда все помню.

Пэдуэй обернулся к своим солдатам:

— Арестуйте его!

Заскрипели отодвигаемые стулья: молодчики из свиты Теодегискеля вскочили, схватившись за мечи. Солдаты не двинулись с места.

— Ну! — рявкнул Пэдуэй.

Старший из солдат робко кашлянул.

— Видишь ли, господин, мы понимаем, что ты наш начальник и все такое прочее. Но с этими выборами... откуда нам знать, кто здесь через несколько дней будет распоряжаться? Арестуем мы этого молодого человека — а если его изберут королем? Нам ведь тогда придется несладко, верно, господин?

— Что-о?! Ну, я вам!.. — От возмущения Пэдуэй лишился дара речи.

Солдаты стали потихоньку выскальзывать за дверь. Молодой знатный гот по имени Виллимер шептал что-то на ухо Теодегискелю, то немного вынимая меч из ножен, то вкладывая обратно.

Теодегискель покачал головой и обратился к Пэдуэю:

— Похоже, ты пришелся не по душе моему другу, Мартинус. Он клянется нанести тебе визит сразу после выборов. Так что для твоей же пользы советую поскорее уехать из Италии — на отдых. Честно говоря, я с трудом уговорил его не наносить визит сейчас.

Солдаты ретировались. Пэдуэй наконец сообразил, что лучше подобру-поздорову уносить ноги, пока эти высокородные бандиты не сделали из него отбивную котлету.

Собрав последние остатки самообладания, он промолвил:

— Тебе должно быть известно, что дуэль запрещена законом.

По-прежнему благодушно-наглый, Теодегискель ухмыльнулся:

— Известно, известно. Но запомни: я буду издавать законы. Считай, что тебя предупредили. Вот уж чего у меня...

Пэдуэй не дослушал очередную тираду Теодегискеля в честь собственных неисчерпаемых достоинств, а выскочил за дверь, дрожа от ярости и унижения. Когда он закончил себя ругать последними словами и надумал вызвать личный отряд византийских наемников, было уже поздно. Теодегискель собрал вокруг постоянного двора огромную толпу приверженцев, и разогнать их могло только крупномасштабное сражение. К тому же, прознав о случившемся, Урия начал бормотать что-то о благородстве и справедливости.

На следующий день, тяжело отдуваясь, в кабинет Пэдуэя ввалился Томасус-сириец.

— Как поживаешь, Мартинус? Не хотел пропустить ничего интересного, вот и приехал из Рима. Со мной вся моя семья.

Это говорило о многом, ибо семья банкира состояла не только из его жены и четырех детей, но и из престарелого дяди, племянника, двух племянниц, а также черного раба Аякса с женой и детьми.

— Спасибо, дружище, — ответил Пэдуэй. — У меня все хорошо. Точнее, будет хорошо, когда я, наконец, найду возможность отоспаться. Как твои дела?

— Прекрасно! Для разнообразия все идет на редкость гладко.

— А как поживает твой друг Господь? — спросил Пэдуэй с серьезным лицом.

— Тоже... Ах ты богохульник несчастный! Ладно, это обойдется тебе в лишний процент на следующий заем!.. Что скажешь о выборах?

— Возникли осложнения. Теодегискель пользуется мощной поддержкой среди консервативных готов, которые недолюбливают таких «выскочек» как Виттигис и Урия, всего добившихся своими силами. Аристократия считает, что Амалинг по рождению даст сто очков вперед любому...

— Сто очков вперед? А, понимаю! Ха-ха-ха! Надеюсь, Господь тебя слышит. Может, у Него улучшится настроение, и Он решит не насыпать на кого-нибудь чуму или землетрясение.

— К тому же Теодегискель оказался вовсе не глуп, — продолжал Пэдуэй. — Едва приехав в город, он сразу отправил своих дружков срывать наши плакаты и даже расклеил свои собственные. Разумеется, там и смотреть-то не на что, но удивительно, что он вообще до этого додумался. Уже были кулачные бои и один случай поножовщины: к счастью, до

убийства не дошло. Ты знаешь Дагалайфа, сына Невитты?

— Имя слышал...

— Он не имеет права голосовать. Городские власти слишком перепуганы, чтобы следить за порядком, а использовать собственную стражу я остерегаюсь из боязни настроить готов против «чужеземцев». Пришлось путем шантажа заставить городских отцов нанять Дагалайфа и других не участвующих в выборах офицеров в качестве временных сотрудников полиции. Невитта на нашей стороне, поэтому не знаю, насколько Дагалайф будет соблюдать нейтралитет, однако надеюсь, что эта мера спасет нас от кровопролития.

— Чудесно, чудесно, Мартинус. Смотри только, не переусердствуй. Некоторые готы считают твои методы чересчур смелыми. Я попрошу Господа быть особо внимательным к тебе и твоему кандидату.

За день до выборов Теодегискель проявил недюжинную политическую смекалку и устроил грандиозный прием, куда более роскошный, чем прием Урии. Пэдуэй, пожалевший не очень тугой кошелек Урии, приглашал только избирателей. Теодегискель, унаследовавший огромное состояние отца и его богатейшие тосканские поместья, пригласил избирателей, их семьи и их друзей.

Пэдуэй, Урия и Томасус, а также личная охрана первого, приближенные второго и семья третьего пришли к месту сбора в пригороде Флоренции сразу после начала торжеств. Над полем, усеянным тысячами готов всех возрастов и габаритов, разносился гомон голосов, клацанье ножен и хлопанье кожаных штанин.

Утирая с бакенбардов пивную пену, к ним с грозным видом приблизился вооруженный гот.

— Эй, вы, что вы здесь делаете? Вас не приглашали!

— Ni ogs, frijond, — сказал Пэдуэй.

— Что?! Ты советуешь мне не бояться? — свирепо произнес гот.

— Мы и не пытаемся попасть на вашу вечеринку. Просто устроили здесь маленький пикник. Закон этого не запрещает, правда?

— Ну... А почему с оружием? Сдается мне, вы замышляете похищение!

— Тихо, тихо, — успокаивающе сказал Пэдуэй. — Ты ведь тоже при мече — и ничего.

— Я — лицо официальное, человек Виллимера.

— Ну а это — наши люди. Не волнуйся. Если хочешь, мы вообще останемся по другую сторону дороги... Иди себе с миром, попей пивка.

— Ладно, только не вздумайте хитрить. Мы будем наготове.

Гот удалился, вполголоса проклиная железную логику Пэдуэя.

Новоприбывшие устроились по другую сторону дороги, не обращая внимания на яростные взгляды приверженцев Теодегискеля. Мартин развалился на травке, не торопясь угощался принесенной закуской и сквозь полуприкрытые веки наблюдал: прием был в самом разгаре.

— Превосходнейший генерал Урия, — произнес Томасус, — судя по виду нашего друга Мартинуса, он вынашивает какие-то коварные планы.

Теодегискель в сопровождении ближайшей свиты взобрался на сколоченный помост. Виллимер с похвальной краткостью представил претендента, и тот начал говорить. Пэдуэй внимательно прислушивался, но визгливый тенорок Теодегискеля тонул в многоголосом шуме толпы. По доносящимся обрывкам фраз Мартин сделал вывод, что оратор, как обычно, расхваливал выдающиеся качества своего характера. И публика внимала! Более того, готы зычным хохотом встречали непритязательный и грубый юмор Теодегискеля.

...— А знаете, друзья, что генералу Урии исполнилось двенадцать лет, прежде, чем мать отучила его мочиться в постель? Это установленный факт, можете не сомневаться! Уж чего у меня не отнять — никогда не преувеличиваю. Хотя преувеличить странности Урии просто невозможно. Например, когда он впервые в жизни назначил свидание девушке...

Урия редко выходил из себя, однако сейчас Пэдуэй заметил, что молодой генерал теряет самообладание. Надо было что-то быстро придумать, иначе заварухи все-таки не избежать.

Взгляд Мартина упал на Аякса и его семью, в частности на старшего сына раба — курчавого десятилетнего мальчугана с шоколадной кожей.

— Кто-нибудь знает, Теодегискель женат? — задумчиво спросил Пэдуэй.

— Да, — ответил Урия. — Перед самым отъездом в Калабрию этот подонок женился на кузине Виллимера.

— Гмм-м... Скажи-ка, Аякс, твой старший говорит на готском?

— Конечно, нет, господин, зачем это ему?

— Как его зовут?

— Приам.

— Приам, хочешь заработать несколько сестерций?

Мальчик вскочил и низко поклонился. Такая угодливость в ребенке вызвала у Пэдуэя отвращение. *Пора с рабством кончать*, подумал он.

— Да, господин, — с готовностью доложил мальчуган.

— Можешь произнести слово «atta»? По-готски это значит «отец».

— Atta, — исполнительно сказал Приам. — Где мои сестерции?

— Не так быстро, Приам. Повтори пока несколько раз, попрактикуйся.

Пэдуэй встал и оглядел многолюдное поле.

— Hai, Дагалайф!

Офицер выбрался из толпы и подошел ближе.

— Nails, Мартинус! Чем могу тебе помочь?

Пэдуэй зашептал ему на ухо, а потом обратился к Приаму:

— Видишь мужчину в красном плаще? Ну, который говорит? Так вот, заберись на помост и скажи ему «atta». Только громко, чтобы все слышали. И повторяй до тех пор, пока что-нибудь не произойдет. Потом беги сюда.

Приам задумчиво нахмурился.

— Этот человек — не мой отец. Вот мой отец! — Он указал на Аякса.

— Знаю. Но если хочешь заработать, делай так, как я велел. Все понял?

Мальчик в сопровождении Дагалайфа направился к толпе готов и на минуту скрылся из виду. Затем, поднятый сильными руками Дагалайфа, маленький негритенок появился на помосте, рядом с продолжающим бахвалиться Теодегискелем. Над полем отчетливо разнесся детский крик:

— Atta!

Теодегискель замолчал на полуслове. Приам несколько раз подряд повторил:

— Atta! Atta!

В наступившей тишине раздался голос:

— Похоже, он тебя знает!

Теодегискель, дико оскаблившись и побагровев, застыл столбом. В рядах готов родился слабый смех, который быстро вырос в гомерический хохот. Стараясь перекрыть шум, Приам еще громче крикнул:

— Atta!

Теодегискель схватился за меч и шагнул к мальчику. У Пэдуэя замерло сердце.

Но Приам прыгнул с помоста в руки Дагалайфа, оставив Теодегискеля орать и размахивать мечом. По всей видимости, претендент снова и снова кричал: «Это ложь!» Пэдуэй видел, как открывается и закрывается его рот, слова же тонули в неистовом гоготаньи толпы.

Подбежали Приам и Дагалайф. Гот слегка пошатывался, держась руками за живот. Мартин было встревожился, однако заметил, что Дагалайфа разбирает приступ неудержимого

смеха. Пэдуэй постучал его по спине, подождал, пока утих не дающий вздохнуть кашель, и произнес:

— Теодегискель скоро придет в себя, а он достаточно зол, чтобы натравить на нас всю свою шайку. У меня на родине есть образное выражение «делать ноги». По-моему, в данной ситуации оно очень уместно. Идем отсюда!

— Эй, господин, — выкрикнул Приам, — а где мои сестерции! О, спасибо! Хочешь, я кого-нибудь еще назову отцом?

ГЛАВА 16

— Теперь все в порядке, — сказал Пэдуэй Урии. — Сегодняшний скандал Теодегискелю даром не пройдет. У нас, американцев, есть свои способы влиять на исход выборов!

— Да, но если кто-нибудь решит разобраться, то станет известно, что Теодегискель — всего лишь жертва шутки. Разве тогда это не снимет с него подозрений?

— Нет, мой дорогой Урия, головы избирателей работают совсем по-другому. Несмотря на все доказательства невинности, он выставлен на посмешище, и больше никто не будет принимать его всерьез.

В этот момент в комнату, запыхавшись, вбегал гонец.

— Тео... Теодегискель...

— Надо ввести правило: каждый, кто хочет меня видеть, должен отдышаться и успокоиться, прежде чем входить, — посетовал Пэдуэй. — Что стряслось, Родерик?

Родерик наконец выпалил:

— Теодегискель уехал из Флоренции, достойнейший Мартинус. Никто не знает куда. С ним Виллимер и несколько ближайших друзей.

Пэдуэй немедленно разослал по телеграфу приказ от имени Урии, лишаящий Теодегискеля звания полковника — точнее, его примерного эквивалента в аморфной структуре готского военного командования. Затем сел, погрузился в мрачные размышления и стал ждать новостей.

Новости пришли следующим утром во время голосования. Правда, Теодегискеля они не касались. Крупные силы византийцев, расквартированные в Сицилии, высадились в Вибо. Пэдуэй сразу сообщил об этом Урии, но требовательно добавил:

— Несколько часов никому ничего не говори. Дело шляпе, — то есть, исход выборов предрешен. Не стоит взвешивать народ.

Однако слухи поползли. Телеграф обслуживают люди, а в истории редко бывали случаи, чтобы группа численностью больше десятка долго сохраняла секрет. Когда объявили об

избрании Урии двумя третями голосов, толпы готов стихийно вышли на улицы, требуя похода против завоевателя.

Стали известны подробности. Имперская армия под командованием Кровавого Иоанна насчитывала около пятидесяти тысяч солдат. Видимо, Юстиниан, разъяренный письмом Пэдуэя, давно накачивал Сицилию войсками.

Пэдуэй и Урия полагали, что, не отзывая сил из Далмации и Прованса, они могут собрать людей не меньше, чем у Кровавого Иоанна. Однако дальнейшие известия сломали все их расчеты. Этот способный, жестокий и беспринципный военачальник для отвода глаз направил часть войск в глубь Италии, а основными силами ударил по Реджо. Пятнадцатитысячный гарнизон города, изолированного на крайней оконечности итальянского сапога, ради спасения чести сделал несколько вялых попыток отбиться, а затем поспешно сдался.

Пэдуэй провожал Урию с тяжелым сердцем. Безусловно, армия, дополнительно вооруженная передвижными катапультами и усиленная конными лучниками, выглядела внушительно и грозно. Но Мартин отдавал себе отчет в том, что новобранцы неопытны, новые структуры командования ненадежны и скорее всего не выдержат испытания боем.

Когда армия покинула Рим, тревожиться стало бессмысленно. Пэдуэй возобновил эксперименты с порохом. Может, нужен другой сорт угля? Для опытов требовалось время, которого всегда было мало; вскоре, как понял Мартин, его не осталось совсем.

Судя по идущим сообщениям, Теодегискель, благополучно добравшись до войск в Калабрии, отказался признать телеграфный приказ о своем смещении, а для темных неграмотных готов слова такого уверенного в себе оратора, как Теодегискель, обладали большей силой, чем сухое короткое распоряжение, поступившее по загадочному телеграфу.

Кровавый Иоанн продвигался осторожно; он едва дошел до Козенцы, когда подоспел Урия. Возможно, все это было заранее согласовано с Теодегискелем, чтобы заманить противника в ловушку.

Так или иначе, когда Урия и Кровавый Иоанн схватились, Теодегискель ударил Урию в тыл. Хотя у него было всего пять тысяч копейщиков, их неожиданная атака сломила дух основной готской армии. Конные лучники, пешие лучники — все бросились врассыпную. Многие пали от рук византийских кирасиров, другие погибли под копытами тяжелых ломбардских лошадей или сдались в плен. Остальным удалось бежать в холмы, где их укрыли сгущающиеся сумерки.

Урия сумел собрать часть своего войска и атаковал предателей. По слухам, он собственноручно убил Теодегискеля. Пэдуэй, знавший склонность готов к мифотворчеству, делал

скидку на неизбежные преувеличения. Однако доподлинно было известно, что Теодегискель убит, а Урию, с горсткой храбрецов нанесшего отчаянный удар по центру византийской армии, никто из спасшихся больше не видел.

Целый день Пэдуэй просидел за столом, уставившись на груду телеграфных посланий, а также на большую и изумительно неточную карту Италии.

— Может, тебе что-нибудь принести, хозяин? — участливо спросил Фритарик.

Пэдуэй покачал головой.

— Боюсь, как бы наш Мартинус не повредился рассудком из-за катастрофы, — тихо произнес Юниан.

— Плохо же ты его знаешь! — хмыкнул Фритарик. — Он всегда такой, когда вынашивает важные планы. Погоди, эти греки жестоко поплачутся!

Подоспели очередные сообщения: Кровавый Иоанн приближается к Салерно, местные жители его приветствуют; Велизарий разбил крупные силы франков.

Пэдуэй словно очнулся, поднял голову и задумчиво произнес:

— Фритарик, пожалуйста, выйди за дверь на минутку... Юниан, ты, по-моему, уроженец Салерно?

— Да, мой господин.

— Признайся, ты из колонов?

— Э-э... ну, видишь ли... — Дюжий Юниан вдруг побледнел и съсжился.

— Не бойся. Я не возвращу тебя хозяину.

— Ну... в общем, да, господин.

— Когда говорят, что местные жители приветствуют византийцев, не имеют ли при этом в виду в первую очередь крупных итальянских землевладельцев?

— Конечно, мой господин. Колонам и рабам все равно. Один хозяин ничем не лучше другого, поэтому нет смысла браться за оружие и рисковать жизнью. Греки, итальянцы, готы — какая разница?

— А если раздать колонам их земельные наделы и предоставить им полную свободу, будут они за это драться, как ты думаешь?

— Ну... — Юниан глубоко вздохнул. — Думаю, будут. Да, будут, конечно. Только прости, блистательный Мартинус, мне трудно усвоить такую дикую идею...

— Даже на стороне арианских еретиков?

— По-моему, особого значения это не имеет. В городе могут сколь угодно серьезно относиться к своей ортодоксальности, крестьянам же на это наплевать. Все равно они еще наполовину язычники. А уж землю свою любят больше, чем всех богов вместе взятых.

— Примерно так я и думал, — удовлетворенно произнес Пэдуэй. — Фритарик! Надо срочно отправить по телеграфу несколько сообщений. Во-первых, эдикт, подписанный мною от имени Урии, освобождающий колонов Ломбардии, Калабрии, Апулии, Кампании и Лации. Во-вторых, приказ генералу Велизарию: на случай повторного нападения франков оставить в Провансе заслон, а с основными силами немедленно выступить на юг. Чуть не забыл!.. Вызови ко мне Гударета. И старшего печатника.

Когда пришел Гударет, Пэдуэй объяснил ему свои планы. Офицер присвистнул.

— О, вот уж отчаянная мера, уважаемый Мартинус. Не уверен, что королевский совет ее одобрит. Если всем этим низкородным крестьянам дать свободу, то как потом снова прикрепить их к земле?

— Никак, — отрезал Пэдуэй. — Что касается королевского совета, то он практически в полном составе отбыл с Урией.

— Все равно, Мартинус, за несколько недель толковых солдат из крестьян не сделать. Поверь слову старого опытного воина, собственноручно уложившего сотни врагов. Нет, кланусь, тысячи!

— Знаю, знаю, — устало произнес Пэдуэй.

— Итальянцы — никудышные вояки. Нет боевого духа. Полагаться можно только на готов.

— Я не рассчитываю победить Кровавого Иоанна с помощью зеленых новобранцев. Но мы настроим против него народные массы. Продвигаться по вражеской территории не так-то просто. Ты займешься вооружением и подготовкой резерва.

Ранним весенним утром Пэдуэй с наспех сколоченной армией выступил из Рима. Зрелище было довольно плачевное: на конях сидели престарелые готы, давно отошедшие от дел, и юноши с еще неокрепшими голосами.

На улице Патрициев, недалеко от лагеря преторианцев, Мартину пришла в голову идея. Он дал команду продолжать марш, а сам направил лошадь наверх к Эсквилину.

Из дома Анция вышла Доротей.

— Мартинус! — вскричала она. — Ты опять куда-то уезжаешь?

— Увы, да.

— Мы не видели тебя целую вечность! Всякий раз ты появляешься лишь на минутку, чтобы проститься, перед тем как вскочить на лошадь и куда-то ускакать.

Пэдуэй беспомощно развел руками.

— Ничего, вот покончу с этой проклятой политикой... Твой высокочтимый отец дома?

— Нет, в библиотеке. Он очень огорчится, что не повидался с тобой.

— Передай ему привет и наилучшие пожелания.

— Опять война? Я слышала, Кровавый Иоанн разбил наши силы и вторгся в Италию.

— Похоже на то.

— Ты будешь участвовать в сражении?

— Возможно.

— Мартинус!.. Подожди минутку. — Доротея скрылась в доме и вышла с маленьким кожаным мешочком на веревочке. — Вот, лучшее средство для победы над врагом.

— А что это?

— Кусочек черепа святого Поликарпа.

Брови Пэдуэя поползли вверх.

— Ты веришь в его действенность?

— Безусловно! Он обошелся моей матери в такую сумму, что просто обязан быть настоящим.

И Доротея собственными руками надела мешочек ему на шею.

Пэдуэю не приходило в голову, что образованная девушка может серьезно относиться к суевериям. В то же время он был тронут.

— Спасибо, дорогая, благодарю тебя от всей души. Но есть нечто более ценное для меня...

— Что же?

— Вот это.

Он поцеловал ее в губы и вскочил на лошадь. Доротея застыла с удивленным, однако вовсе не обиженным видом. Пэдуэй решительно направил коня вверх по улице, обернулся, чтобы помахать рукой и... едва не вылетел из седла, когда лошадь резко остановилась перед появившейся из-за угла повозкой.

— Иисус Христос и дева Мария! — истошно закричал возница. — Смотри, куда едешь, а не ворон считай! Святой Петр, святой Павел, святой Иоанн...

Когда список апостолов был исчерпан, Пэдуэй пришел в себя и оглянулся. Улица была пуста. Мартину хотелось верить, что Доротея не видела этого неприятного инцидента, омрачившего столь красивое прощание.

ГЛАВА 17

Пэдуэй привел армию в Беневенто в конце мая. Численность ее понемногу росла по мере того, как остатки войск Урии стекались на север. К примеру, только этим утром фуражиры обнаружили трех готов, уютно устроившихся на

местной ферме и, несмотря на протесты хозяина, собиравшихся сидеть там в тепле и комфорте до конца войны. Они тоже влились в ряды сражающихся, хотя и не совсем добровольно.

Посылая гонцов через Апеннины к телеграфным станциям, которые еще не попали в руки врага, Пэдуэй следил за передвижениями Кровавого Иоанна и привел войска к Беневенто, а едва Иоанн захватил Салерно на другой стороне полуострова, оставил заслон у Неаполя, отступив с основными силами на Рим по Латинской дороге.

Пэдуэй рассчитывал настичь византийцев в районе Капуи и атаковать их с тыла на марше, в то время как Велизарий — если, разумеется, ничего не случилось — должен был двигаться со стороны Рима и нанести противнику удар во фронт.

Где-то между Пэдуэем и Адриатикой проклинаящий все на свете Гударет сопровождал обоз с пиками и торопливо отпечатанными листовками, возвещающими освобождение колонов. Пики были извлечены из погребов, а частью наспех сделаны из металлических оград. Готские арсеналы в Павии, Вероне и других северных городах располагались слишком далеко от места решающих событий.

Весть об освобождении колонов распространялась как лесной пожар. Крестьяне поднялись по всей южной Италии. Но они только жгли и грабили поместья землевладельцев и вовсе не рвались сразиться с захватчиком.

Все же несколько тысяч добровольцев присоединились к войскам. Глядя на галдящую разношерстную толпу плетущих позади колонны крестьян, вооруженных старыми прожавленными мечами, а то и просто вилами Пэдуэй невольно сомневался, будет ли это пополнение подмогой для армии или скорее обузой.

Беневенто стоял на небольшой возвышенности у слияния рек Санато и Калоре. На спуске в город Пэдуэй заметил группу готов, привалившихся спинами к стене дома; один из них показался ему знакомым. Мартин подъехал ближе и вскричал:

— Дагалайф!

Офицер поднял затуманенный взгляд.

— Nails, — безжизненно произнес он. Голова его была перебинтована, на месте левого уха чернело пятно засохшей крови. — Мы услышали, что вы на подходе, и решили дождаться.

— Где Невитта?

— Отец убит.

— Что? — Пэдуэй застыл, ошеломленный, потом произнес: — О черт, один из немногих моих друзей...

— Я знаю. Он погиб, как настоящий гот.

Пэдуэй тяжело вздохнул и отправился размещать войска. Дагалайф остался сидеть на месте, тупо глядя перед собой.

В Беневенто они прождали сутки. От Велизария никаких новостей не поступало: оставалось лишь вести отвлекающие боевые действия, чтобы до прибытия подкреплений задержать Кровавого Иоанна в южной Италии.

Намереваясь догнать византийцев, Пэдуэй с довольно крупными силами конных лучников отправился вслед за ними на север, оставив пехоту в Беневенто.

— Ах, хозяин, не правда ли, чудесные цветы? — произнес ехавший рядом Фритарик. — Они напоминают мне прелесть садов в моем прекрасном карфагенском имении...

Пэдуэй повернул голову и, несмотря на усталость, улыбнулся.

— Да ты, оказывается, поэт, Фритарик?

— Я — поэт?! Nonh! Просто хотел бы красить последние часы брэнной жизни сладостными воспоминаниями...

— Что это значит — «последние часы»?

— Последние — значит последние, и ты меня не персубедишь. У Кровавого Иоанна втрое больше людей. Зря мы мечтали о безымянной могиле — они вообще никого не будут хоронить. Ночью мне было пророческое видение...

Возле Калатии, где Троянская дорога, пересекавшая Италию слева направо, сходилась с Латинской, ведущей от Салерно к Риму, разведчики сообщили, что арьергард византийской армии только что покинул город. По приказу Пэдуэя эскадрон копейщиков и подразделение конных лучников пустились в погоню. Мартин поднялся на холм и стал наблюдать за ними в подзорную трубу. Вскоре они исчезли из виду в дорожной пыли; из-за оливковых рощ, скрывавших армию Джона, доносился лишь слабый шум передвижения огромной массы людей.

Потом вдаль раздался крики и звон клинков, на таком расстоянии напоминающие битву между комарами и мошками. Пэдуэй не находил себе места от волнения. Звуки не утихали, над оливковыми деревьями поднялись столбы дыма. Это хорошо: значит, его люди подожгли вражеский обоз. Теперь главное, чтобы они, увлекшись грабежом, не забыли о плане операции.

Затем на дороге возникло какое-то темное пятно, ошетилившееся тоненькими, как волосы, копьями. Пэдуэй поднес к глазам подзорную трубу, с облегчением вздохнул и сбежал с холма вниз, чтобы отдать новые распоряжения. Большая часть конных лучников рассредоточилась вдоль дороги, с обеих ее сторон; неподалеку укрылись два отряда копейщиков.

Шло время. Наконец между рядами ждущих лучников пронеслись возвращающиеся готы. Они широко улыбались, некоторые восторженно размахивали запрещенными трофеями. Их командир подскочил к Пэдуэю.

— Победа! — доложил он. — Мы набросились на византийцев с тыла, перебили сопровождение и подожгли повозки. Когда они очухались и пустили на нас конников, мы сделали все, как ты сказал: понавтыкали в них стрел, а в самый разгар сумятицы ударили копейщики. Они возвращались еще дважды. Наконец Иоанн рассвирепел и повел на нас всю свою проклятую армию. Мы, естественно, решили отходить. Они вот-вот будут здесь.

— Хорошо, — ответил Пэдуэй. — Действуем по плану. Уводи людей в ущелье.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на дороге показались несущиеся во весь опор вражеские кирасиры. Ради скорости Кровавый Иоанн пожертвовал всем прочим — ни развернуться, ни подтянуть так быстро резервы было невозможно.

Копыта византийских коней все громче звенели по вымощенной камнем дороге. Лавина атакующей кавалерии выглядела бесподобно: блестили кольчуги, бились за спинами короткие плащи, развевались по ветру плюмажи шлемов... Потом всадники вошли в зону обстрела, и готы открыли огонь. К шуму и гаму добавились резкий звон арбалетных тетив и свист стрел. Лошадь вражеского командира — великолепное белоснежное животное — вдруг встала на дыбы и повалилась на землю. Головная часть колонны кирасиров смешалась, в тугую узел сплелись кони и люди.

Пэдуэй отыскал взглядом командира своих копейщиков и подал условный знак. Линия конных лучников разомкнулась, в атаку пошли готские рыцари. Как всегда, тяжелые лошади тронулись медленно, но ударили в противника на полном скаку. Отчаянно защищаясь, кирасиры откатились назад.

Краем глаза Пэдуэй заметил на дальних холмах группу всадников — подтягивались фланги Кровавого Иоанна. Немедленно трубач подал сигнал к отступлению. Однако готские рыцари, чувствуя свое преимущество в весе и численности, продолжали теснить византийцев. Пэдуэй прищипнул лошадь и помчался на дорогу — если проклятых идиотов не остановить, подходящие силы перебьют их всех до единого.

Рядом просвистела стрела, и Мартин глубоко прочувствовал, что звук этот гораздо сильнее действует на нервы, чем ему представлялось. Наконец он догнал готов, каким-то чудом оттащил их командира в сторону и велел отходить.

— Ni! Nist! Отличная драка! — заорал ему в ответ рыцарь и, отшвырнув Пэдуэя, ринулся обратно в битву. Лошадь Мартина шарахнулась в сторону и понесла, поводья выпали у него из рук.

В это время готы начали отступать. Через несколько секунд они уже все, кроме отдельных окруженных врагом рыцарей, мчались прочь по дороге. У Пэдуэя, судорожно вцепившегося в гриву, мелькнула мысль, не останется ли он один на один с целой византийской армией, но тут, по счастью, его лошадь решила последовать за товарками.

В принципе, это было запланированное отступление. Однако глядя на готских рыцарей, Мартин невольно сомневался, что их удастся остановить по эту сторону Альп.

Едва Пэдуэй сумел подобрать поводья, как заметил пешего воина, без шлема, зато в золотистой кольчуге. Это был командир кирасиров. Пэдуэй направил на него лошадь; византиец побежал. Пэдуэй хотел вытащить из ножен меч, дабы красиво взмахнуть им над головой, и обнаружил, что махать нечем — очевидно, в суматохе меч каким-то образом потерялся. Тогда Мартин, недолго думая, схватил противника за волосы. Кирасир взвизгнул и покорно, огромными прыжками побежал за лошадью.

Византийцы тем временем расправились с неуспевшими удрать врагами и организовали погоню. В соответствии с планом отступления конные лучники-готы пристроились в арьергарде и стреляли назад, в преследователей.

До входа в ущелье были девять миль — вверх по склону. Ни за что на свете Пэдуэй не хотел бы повторить такую поездку. При каждом толчке ему казалось, что его живот вот-вот лопнет и все внутренности полезут наружу. Когда наконец показалось ущелье, лошади как отступающих, так и преследующих настолько выдохлись, что брели чуть живые. Некоторые воины даже спешили, ведя коней за собой. Мартину вспомнилась байка про жаркий денек в Техасе: кролик спасается от койота, и оба еле-еле переставляют ноги... Пэдуэй перевел эту историю на готский, превратив неведомого койота в лисицу, и рассказал ее ближайшему солдату. Шутка медленно стала передаваться по цепочке.

Солнце стояло уже высоко над головой, когда готы втянулись в ущелье. Потери были невелики, но любой свежий противник раскидал бы их, как котят. К счастью, византийцы выбились из сил ничуть не меньше. И все же они упорно шли вперед.

Пэдуэй огляделся и с удовлетворением отметил, что засада на месте — свежие люди, еще не участвовавшие в бою. Отряд, отбивший обоз, присоединился к ним; остальные войска поднялись выше по ущелью.

Кровавый Иоанн явно не готов был признать, что имеет дело с разумным противником. Сверкая кольчугами, с бряцаньем и клацаньем, византийцы втягивались в горловину ущелья.

Потом вдруг раздался дикий рев, с крутых склонов посыпались валуны и камни. Дико заржала лошадь. Византийцы бросились врассыпную, будто пчелы из растревоженного улья. Пэдуэй дал копейщикам команду атаковать.

Места хватало только для шести коней в ряд, да и то еле-еле. Камни не нанесли врагу существенного урона, однако создали завал, разрезавший их передовую колонну надвое. Теперь готские рыцари на полном скаку ударили по миновавшей горловину группе. Кирасиры, которые не то что маневрировать, а даже лука вытащить не могли, были прижаты более тяжелым противником к естественному барьеру. Побоище закончилось, когда уцелевшие византийцы бросили лошадей и на своих двоих кинулись бежать.

Готы поймали мечущихся без всадников коней и с радостными криками погнали их назад, к своим.

Кровавый Иоанн отвел войска на расстояние полета стрелы и отправил отряд ломбардцев-копейщиков, чтобы смести оборонительный заслон лучников. Но завал остановил атаку, а пока рыцари пробирались меж камней, готы, стреляя в упор, осыпали их тучей стрел. Когда к естественному барьеру прибавилась дюжина трупов коней и людей, ломбардцы решились, что с них достаточно.

Кровавый Иоанн наконец понял: на таком крохотном пятачке от коней проку как от зеленых попугасов. То, что он с такой же легкостью может удерживать свою часть ущелья, как Пэдуэй — свою, было слабым утешением: в конце концов, кому надо идти вперед? Тогда Кровавый Иоанн приказал отряду ломбардцев и гепидов атаковать врага в пешем порядке. Пэдуэй выстроил у завала копейщиков; за их спинами расположились лучники, готовые стрелять поверх рыцарей.

Ломбардцы и гепиды неторопливой трусцой двинулись вперед, размахивая мечами, а кое-кто и огромными боевыми топорами. Приблизившись к противнику, они стали осыпать готов ругательствами; те достаточно хорошо знали восточно-германские наречия, чтобы не остаться в долгу.

Атакующие с воплями подбежали к завалу и оказались перед сплошным частоколом копий. Пока передние ряды пытались отвести их в сторону мечами, задние напирали, и в конце концов, сдавленные на крохотном пятачке — слишком тесном, чтобы использовать оружие, — сотни людей сплелись в единый яростный, изрыгающий проклятья клубок. По окружности клубка подпрыгивали не попавшие в кучу-малу

воины, норовя взобраться на спины дерущихся и дотянуться до врага.

Лучники позади рыцарей стреляли без усталости. Стрелы отскакивали от шлемов, вонзались в деревянные щиты. Убитые и раненые не могли даже упасть. Один из лучников побежал назад за стрелами; несколько голов повернулись в его сторону. Вслед за ним бросился еще десяток лучников, хотя их колчаны и не были пусты. Рыцари в задних рядах стали тревожно озирались.

Пэдуэй быстро оценил опасность момента, выхватил у ближайшего солдата меч и, выкрикивая что-то самому себе непонятное, вскочил на валун. Все глаза обратились к нему.

Меч был чудовищно тяжелый. Грозно заревев, Пэдуэй взмахнул им в воздухе и обрушил на голову ближайшего противника, который стоял на добрый метр ниже. Раздалось звонкое «понг!» и шлем византийца наехал ему на глаза. Мартин бил налево и направо, бил по шлемам и щитам, по плечам, рукам и ногам — словом, куда придется, лишь бы попасть, стараясь только не перепутать своих и чужих. Насколько эффективны его действия, он не знал, поскольку после каждого удара едва не падал с ног, а когда выпрямлялся, картина перед глазами была совсем другая.

Вдруг головы византийцев исчезли. Пэдуэй секунду переводил дух, в ярости озираясь по сторонам, а потом пришел в себя. Враг бежал, оставив изрубленные мечами и пронзенные стрелами тела. Толпа окруживших Пэдуэя готов во главе с Фритариком и Тирдатом восторженно ревела, восхищаясь, какой он неистовый демон-боец. Мартин вздохнул и спрыгнул с камня.

Солнце село. Армия Кровавого Иоанна отошла в долину, разбила шатры и стала готовить ужин. Готы были заняты тем же. В воздухе витали приятные ароматы пищи и дыма. Посторонний наблюдатель мог бы решить, что перед ним две компании молодцеватых туристов, если бы не гряда трупов посередине.

Пэдуэй не располагал временем для созерцания и анализа. Надо было позаботиться о раненых и расставить посты. Перед восходом солнца выяснилось, что Кровавый Иоанн перемещает во фланги два больших отряда анатолийских лучников; скоро ущелье превратится в ловушку. Пришлось готам, ворча и зевая, выбираться из теплых одеял и выступить в сторону Беневенто.

Когда на рассвете Пэдуэй увидел свое войско, у него сердце заболело — до того упал моральный дух солдат. Они плелись, подавленные и расстроены, и были почти столь

же мрачными, как выглядел обычно Фритарик. Что под-
елать, готы не понимали стратегических отступлений...

У Беневенто через быструю реку Санато был только один — довольно узкий — мост. Пэдуэй планировал, что легко сможет удерживать его, в то время как Кровавый Иоанн вынужден будет атаковать — из-за нехватки провианта и враждебного отношения местных крестьян.

Но на равнине у моста Мартина ждал чудовищный сюрприз. Реку переходила огромная толпа новобранцев; несколько тысяч уже были на этом берегу. Как теперь он отведет свои войска через это бутылочное горлышко?

К нему подскочил Гударет.

— Я пытался их задержать, — доложил офицер, — но они вбили себе в голову, что расправятся с греками сами, и пошли вам навстречу... Предупреждал ведь, что это было ни на что не годится!

Пэдуэй оглянулся; византийцы выстраивались в боевой порядок. Фритарик отпустил дежурное замечание о могилах, а Тирдат поинтересовался, не нужно ли отправиться с поручением — желательно куда-нибудь подальше.

Тем временем колонны увидели скачущую за готами византийскую кавалерию и решили, что сражение проиграно. Толпа заколыхалась и бросилась назад. Вскоре вся дорога к городу была запружена улелепывающими итальянцами.

— Переберись на тот берег! — срывающимся голосом крикнул Пэдуэй Гударету. — Выстави заслон на дороге, чтобы остановить бегущих! Тех, кто остался на этой стороне, направь сюда! Я постараюсь задержать греков.

Почти всю свою армию Мартин спешил, расположил копейщиков полукольцом вокруг моста и растерявшихся крестьян. По флангам у реки поставил две группы лучников, за ними — конных копейщиков.

От основной массы войск Кровавого Иоанна отделился крупный отряд ломбардцев и гепидов, которые, постепенно набирая скорость, галопом мчались прямо на копья. Копыта их коней стучали все громче. Стоя позади первой линии защиты и глядя на огромных длинноволосых дикарей, с криками несущихся в клубах пыли, Пэдуэй прекрасно понимал крестьян-добровольцев. Если бы не гордость и чувство ответственности, он сам давно бы уже пустился наутек.

Византийцы быстро приближались. Казалось, они сметут все на своем пути. Потом запели тетивы луков, и темп атаки заметно снизился. Пэдуэй словно со стороны увидел бледные лица и сжатые губы копейщиков. Если они устоят...

Они устояли. Перед самыми копьями лошади с громким ржанием встали на дыбы, раненые начали падать и биться на земле... А потом вся огромная масса потекла вправо и влево,

развернулась и помчалась назад.

Пэдуэй с шумом выпустил из груди воздух. Он мог сколько угодно учить своих людей, что коннице не прорваться через плотные ряды копейщиков, но в глубине души сам в это до сих пор не верил.

Затем произошло ужасное. Копейщики, увидев, что враг обращен в бегство, сломали строй и на своих двоих пустились в погоню, неуклюже переваливаясь в тяжелых доспехах. Бдительный Иоанн направил на запыхавшуюся толпу отряд кирасиров, и вскоре все поле было усеяно трупами готов.

Пэдуэй взревел от ярости и бессилия — это была первая серьезная потеря. Он схватил Тирдата за воротник, едва не удушив при этом, и заорал:

— Найди Гударета! Пусть пригонит пару сотен крестьян. Я поставлю их в строй!

Линия защиты была угрожающе тонка, а сократить ее, не оголив лучников и конницу, Пэдуэй не мог. Однако кавалерия Иоанна устремилась во фланги на лучников; те спокойно отошли на крутой берег реки, в то время как атаку врага с успехом отбила конница Пэдуэя.

Наконец появилось подкрепление из крестьян, подгоняемое грязными, изрыгающими проклятия готскими офицерами. Мост был усеян брошенными во время панического бегства копьями, ими-то и вооружили рекрутов, поставив затем в первую линию, для надежности усиленную кадровыми солдатами.

Теперь — еще какие-нибудь полчаса, и удастся спокойно переправить войска на другой берег, без давки и резни...

Кровавый Иоанн не дал желанной передышки. Два больших конных отряда ударили по готской кавалерии.

В тучах пыли и суматохе сражения Пэдуэй не мог разглядеть в точности, что происходит. Но, судя по стихающему лязгу мечей, его людей оттесняли. Затем на лучников устремились кирасиры. С минуту они осыпали друг друга стрелами; потом готы не выдержали и побежали к реке, пытаясь переправиться вплавь.

Наконец, рыча как львы, в атаку пошли ломбардцы и гепиды. Сейчас уже не было лучников, которые могли бы замедлить их галоп.

Грозная масса длинноволосых дикарей, потрясающих огромными топорами, на огромных конях, неумолимо надвигалась, будто поток лавы.

Пэдуэй чувствовал себя натянутой скрипичной струной, которая вот-вот лопнет.

В рядах вокруг него забурило движение. Вместо спин солдат Мартин увидел искаженные лица. Крестьяне бросали оружие и, выпучив глаза, не разбирая пути, рвались к берегу.

Под напором тел Пэдуэй упал, извиваясь как форель на крючке, и все думал, когда же вместо ног итальянцев по нему пройдутся копыта вражеских коней. Итало-готское королевство обречено, все его усилия пропали даром...

Девятый вал схлынул, шум утих. Пэдуэй кое-как поднялся, машинально отряхиваясь и озираясь по сторонам. Тяжелой византийской кавалерии видно не было. Вообще ничего не было видно — такая стояла пыль. Только откуда-то спереди доносились крики и звон клинков.

— Что происходит? — заорал Пэдуэй.

Никто ему не ответил. Окружавшие его готы растерянно вглядывались в клубы непроницаемой пыли. Мимо, словно рыбы в мутном ручье, пронеслись несколько лошадей без всадников.

Затем возник ломбардец, бегущий на них со всех ног. Пока Пэдуэй гадал, не лунатик ли это, вздумавший единолично расправиться с остатками готской армии, ломбардец остановился перед копейщиками и вскричал:

— Armaio! Пошады!

Готы оторопело переглянулись.

Потом из пыли вышли еще несколько дикарей; один из них вел за собой лошадь. Все дружно взмолились:

— Armaio, frijond!

За ними появился роскошный имперский кирасир на коне, истошно вопивший на латыни:

— Amicus!

А затем пошли косяком — по одиночке и целыми группами, конные и пешие, германцы, славяне, гунны, анатолийцы...

Расталкивая византийцев, к ошеломленным копейщикам подъехал большой отряд, над которым развевался готский штандарт. Пэдуэй увидел знакомую высокую фигуру и из последних сил прохрипел:

— Велизарий!

Тракиец прыгнул с коня, подбежал к Пэдуэю и схватил его руку.

— Мартинус! В этой пыли тебя сразу не узнать!.. Я боялся, что мы опоздаем. Скакали во весь опор с самого рассвета. Ударили в них с тыла и... Кровавый Иоанн у нас; твой король Урия жив и здоров, все в порядке. Что будем делать с этими пленниками? Их здесь по меньшей мере тысяч двадцать или тридцать...

Пэдуэй покачнулся.

— Собери и устрой какой-нибудь лагерь... Мне наплевать. По-моему, я сейчас рухну от усталости.

Через несколько дней, уже в Риме, беседуя с Мартином один на один, Урия медленно говорил:

— Да, кажется, я тебя понимаю. Люди не будут сражаться за правительство, которое ненавидят. Но сможем ли мы компенсировать убытки всем тем верным землевладельцам, чьи колонны отпущены на волю?

— Поднатужимся и выплатим за несколько лет, — ответил Пэдуэй. — Не зря же мы ввели налог на рабов.

Мартин не пояснил, что он надеялся путем постепенного увеличения указанного налога сделать рабство экономически невыгодным. Даже для гибкого и восприимчивого ума Урии такая идея могла оказаться чересчур радикальной.

— Лично у меня нет возражений и против твоей новой конституции, которая ограничивает королевскую власть. Я — солдат, и с радостью предоставляю возможность вести гражданские дела другим. Однако как поведет себя королевский совет?

— Согласится. Они давно уже кормятся практически из моего кармана. К тому же я показал им, что без телеграфа мы никогда не смогли бы уследить за передвижениями Кровавого Иоанна, а без печатных станков — столь быстро и широко организовать сопротивление колоннов.

— Так, что у нас еще?

— Надо написать учтивое письмо королям франков: мол, не наша вина в том, что бургундцы предпочли правление готов, но отдавать обратно земли Меровингам мы не намерены. Кроме того, следует договориться с королем вестготов об оснащении в Лиссабоне наших кораблей для плавания через Атлантику. Кстати, он назвал тебя своим преемником, так что после его смерти остготы и вестготы снова сольются в единое государство... А мне придется ехать в Неаполь: объяснять кораблестроителям, как строить приличные шхуны. Прокопий поедет со мной; ему нужно обсудить кое-какие детали из курса истории, которую он будет читать в нашем новом университете.

— Почему ты так настаиваешь на этой атлантической экспедиции, Мартинус?

— Все очень просто. У меня на родине многие услаждают себя втягиванием дыма тлеющей травки под названием табак. Это довольно невинный порок, если знать меру. А табак растет пока лишь по ту сторону Атлантики.

Урия зычно расхохотался.

— Ладно, мне пора. Да, между прочим, я хотел бы прочитать письмо Юстиниану, прежде чем ты его отправишь.

— О'кей, как говорят американцы. К завтрашнему дню я его закончу. И еще подготовлю указ, который тебе надо

подписать: о назначении Томасуса-сирийца министром финансов. Это он по своим частным деловым каналам пригласил железных дел мастеров из Дамаска, так что нам нет нужды обращаться к Юстиниану.

— А ты уверен, что твой друг Томасус — честный человек? — спросил Урия.

— Конечно, честный! Просто с ним нельзя зевать... Наилучшие пожелания Матасунте. Кстати, как она?

— О, прекрасно. Она заметно успокоилась с тех пор, как умерли или сошли с ума все ее враги... Мы ждем маленького Амалинга.

— Я не знал!.. Поздравляю.

— Спасибо. А когда ты найдешь себе девушку?

Пэдуэй ухмыльнулся.

— Как только отосплюсь немного.

Провожая Урию, Мартин почувствовал легкую тоску. Он уже достиг такого возраста, когда холостяки не без зависти смотрят на семейную жизнь своих друзей. С другой стороны, поспешный выбор — не лучшая гарантия удачного брака. Нарвешься на такую взрывоопасную женщину, как Матасунта... Дай-то Бог Урии и впредь держать свою королеву постоянно беременной. Это может уберечь ее — и окружающих — от больших неприятностей.

Урия, король готов и итальянцев, — всемилостивому Флавию Анцию Юстиниану, императору римлян.

Приветствия!

Теперь, когда войска под командованием Кровавого Иоанна, посланные Его Светлостью в Италию, больше не стоят на пути нашего примирения, пора возобновить переговоры о скорейшем окончании жестокой и разорительной войны.

Все условия, изложенные нами в предыдущем письме, остаются в силе за одним исключением: ранее испрошенная контрибуция в сто тысяч солидов удваивается в связи с необходимостью компенсации нашим гражданам ущерба от вторжения византийских войск.

Встает вопрос о судьбе генерала Его Светлости, Кровавого Иоанна. Хотя мы никогда ранее не рассматривали всерьез коллекционирование византийских генералов в качестве забавы, действия Его Светлости, похоже, не оставляют нам иного выхода. Как известно, Персией правит молодой и энергичный король Хусрол. По нашим данным, Хусрол вскоре предпримет еще одну попытку завоевать Сирию, так что Его Светлости понадобятся способные генералы. Желая Империи лишь благополучия, предлагаем названному Иоанну свободу за небольшой выкуп в пятьдесят тысяч солидов.

Далее, согласно нашей скромной способности предвидеть будущее, в Аравии лет через тридцать родится некий Магомет, который, исповедуя еретическое учение, вызовет жестокие и кровавые войны — ежели его вовремя не остановить. Мы почтительно требуем усиления контроля за этими византийскими территориями, дабы пресечь источник бедствия в самом его зародыше.

Прошу принять слова предупреждения как свидетельство самых гружеских чувств. В ожидании скорейшего ответа, Мартинус Пагуанский, квестор.

Пэдуэй удовлетворенно вздохнул и посмотрел на письмо.

Забот хватало. Надо думать и об угрозе со стороны Баварии, и о предложении хана аварцев составить союз против приморских гуннов... Предложение придется вежливо отклонить — в качестве соседей аварцы ничуть не лучше гуннов.

Какой-то странствующий монах-фанатик снова устраивает шум — вопит о колдовстве. Заткнуть ему рот, предложив высокооплачиваемую работу? Нет, пожалуй, надо повидать сперва епископа Болоньи. А еще лучше — купить сразу старого плута Сильверия...

А порох — продолжать эксперименты? С одной стороны, способов сеять смерть и разрушения уже вполне достаточно. С другой стороны, все планы развития цивилизации связаны с итало-готским государством, которое, следовательно, должно быть укреплено любой ценой...

«К черту все проблемы!» — решил Пэдуэй, смахивая бумаги со стола. Он снял с вешалки шляпу, сел на лошадь и отправился к дому Анция. Как можно наладить отношения с Доротеей, если после возвращения в Рим он еще ни разу к ней не заехал?

Девушка вышла ему навстречу. Мартин успел подумать, какая она все же хорошенькая. Но ничего похожего на восторженный прием, которого заслуживает герой-победитель, не последовало. Не дав Пэдуэю сказать и слова, Доротея с порога закричала:

— Зверь! Грязное животное! Мы пригтели тебя, впустили в дом, а ты нас уничтожил! Сердце моего несчастного отца разбито навек! Что, явился позлорадствовать?!

— О чем...

— Только не притворяйся, будто ничего не понимаешь! Или не ты издал незаконный указ, освобождающий колонов в Кампании? Они сожгли наше поместье, разграбили все вещи, к которым я привыкла с раннего детства...

Доротея начала плакать. Пэдуэй попытался сказать что-то сочувственное, но она немедленно снова вспыхнула.

— Убирайся! Не желаю тебя больше видеть! Без отряда своих варваров ты в наш дом не войдешь! Убирайся отсюда!!

Пэдуэй убрался, медленно и понуро. Сложная штука жизнь. Любые серьезные перемены неминуемо причиняют кому-нибудь боль.

Потом его спина выпрямилась. А чего, собственно, он расстраивается? Доротея, конечно, девушка приятная хорошенькая и сравнительно неглупая, особенно по местным понятиям. Но вовсе не уникальная. Да таких, в сущности, пруд пруди! Если уж говорить откровенно — так, весьма серенькая. К тому же к тридцати пяти, как всякая итальянка, наверняка чудовищно растолстеет...

Государственная компенсация за ущерб поможет исцелить разбитые сердца Анциев. Если они извинятся, он, разумеется, будет вежлив — но не вернется. Нет, не вернется.

Девушки — это, конечно, хорошо, и рано или поздно он сделает свой выбор. Однако пока его ждут куда более важные дела. Успехи в спасении цивилизации значительно перевешивают любые личные неурядицы.

Его работа еще не закончена. Да и не будет ей конца — пока старость, болезнь или кинжал недоброжелателя не решат все проблемы раз и навсегда. Так много всего предстоит сделать: компас, паровой двигатель, микроскоп... Закон о неприкосновенности личности!

Полтора года он балансирует на краю пропасти — укрепляет свои позиции, нейтрализует врагов, пока благополучно избегает гнева различных церквей... Неплохо для мышки-Пэдуэя! Эдак он может продержаться еще не один десяток лет.

А если и не продержится, если нововведения Загадочного Мартинуса станут поперек горла слишком многим — что ж, по всей Италии работает семафорный телеграф, и скоро его заменит телеграф электрический, если только найдется время для экспериментов. Вот-вот откроется почта. Во Флоренции, Риме и Неаполе из-под печатных станков выходят книги и газеты... Что бы ни случилось с ним лично, всего этого уже не перечеркнешь.

Да, сомнений нет — ход истории изменен.

Тьма не опустится.

Демон, который всегда ошибался

Перевод с английского

А. Согрин

Редактор

И. Петрушкин

Глава 1

ДОКТОР МАЛЬДИВИУС

В первый день месяца Вороны, в пятый год короля Тонис Ксилара (согласно новарианскому календарю) я узнал о том, что направлен на годичную службу в Первый уровень, как хвастливо называли это место его обитатели. Наш уровень они считают Двенадцатым, но мы то знаем, что именно наш уровень является Первым, а их — Двенадцатым. Однако, поскольку рассказ пойдет о моем рабстве на уровне, имеющем лишь частичное отношение к новарианским формам, я буду оперировать его терминологией.

Я уже посещал однажды двор настоятеля Нинга. Знавал я настоятеля и до избрания. Мальчишками демонами мы вместе охотились за порхающими цветами в болотах Кшака, и я надеялся, в память старой дружбы, потребовать освобождения. Я так ему сказал:

— Дорогой мой старина Хвор, до чего же приятно вновь тебя увидеть! Надеюсь, у тебя все идет хорошо?

— Эдим, сын Акха, — строго отвечал Хвор, — в кои то веки ты позволяешь себе так фамильярно говорить с настоятелем который, к тому же, находится при исполнении служебных обязанностей. Давай же соблюдать приличия.

— Не...е... — пробормотал я. — Прошу прощения, господин настоятель. Я насчет объявления о вступлении в должность. Я думал, что имею право потребовать отсрочки.

— И на каком же основании? — ледяным тоном осведомился настоятель.

— Во-первых, на том основании, что моя супруга Иез, дочь Птира, только что слезла с яйца и нуждается в моей помощи для его охраны. Во-вторых, я прошел курс обучения в области философии и логики и не подхожу для той грубой, беспорядочной и полной приключений жизни, которую, как мне говорили, нужно вести на Первом уровне. В-третьих,

философ Кхрум, чьим учеником я являюсь, отбыл на две недели на ловлю рыбы, оставив свое имущество, корреспонденцию и учеников на мое попечение. И, в четвертых, близится время сбора рабиджа, и я обязан принять участие в жатве.

— Все основания решительно отклоняются. Во-первых, для помощи твоей супруге в охране яиц и уборке урожая я пошлю байлифа. Во-вторых, помимо философии и логики ты занимался также углубленным изучением истории, географии Первого уровня и прочими подобными науками, и поэтому знаком с его нуждами лучше, чем большая часть ссыльных демонов. В-третьих, несколько дней отсутствия не повредят ни корреспонденции, ни ученикам уважаемого Кхрума. И, в четвертых, нам необходимо кого-то послать, а твое имя было вытасовано при жеребьевке. Рост населения и неуклонно повышающийся жизненный уровень требуют от нас все большего количества железа, так что частные интересы должны подчиняться интересам большинства. Итак, тебе дается три дня на сборы.

Через три дня я попрощался с Иез и вновь явился ко двору настоятеля. На прощанье Хвор дал мне совет:

— Средний обитатель Первого уровня покажется тебе мягким, слабым существом. Невооруженный, он не представляет особой опасности. Тем не менее этот народ знаком с несколькими видами смертоносного оружия и использовал его в варварских войнах. Тебе совершенно не к чему испытывать на себе его действие. Хотя мы, демоны, сильнее, выносливее и живем дольше, чем люди с Первого уровня, еще не известно наверняка, есть ли у нас души, которые переселяются после смерти в другое измерение, как души жителей Первого уровня.

— Я буду осторожен, — сказал я. — Кхрум рассказывал мне, что мир Первого уровня — необычное место. Боги его слабы духом, магия — совершенно бессильна, а большая часть работ выполняется машинами. Он уверял меня в том, что для сохранения космического равновесия необходимо существование антимира, родственного нашему уровню...

— Мне очень жаль, — прервал меня Хвор, — но у меня крайне плотное расписание. Пекись о своей безопасности, верно служи делу и повинуйся тамошним законам.

— Но как быть, если эти законы взаимоисключающи? Или если мой хозяин потребует, чтобы я их переступил?

— В таком случае ты сам будешь выбирать наилучший для себя путь. — Он указал лапой: — Прощу встать на тот пятиугольник.

Я ступил в центр рисунка, и техник замкнул фигуру куском древесного угля. Мне пришлось ждать с полчаса.

Наконец по линиям пятиугольника пробежал красный огонек. Теперь я знал, что тот, кто заключил на меня контракт, произнес заклинание. А потом — жжик! — приемная настоятеля исчезла, и я оказался в пещере, которую явно использовали в качестве жилой комнаты, внутри той же самой пентаграммы, что была начертана в моем мире. Я знал, что стофунтовый слиток железа стоял на том месте пятиугольной фигуры, на которой стоял я, и что сейчас этот слиток занял мое место на 12-м уровне. Проклятая нехватка железа вынудила нас вступить в соглашение о поставке наших граждан в качестве слуг на Первый уровень.

Помещение было круглым, примерно 20-ти футов в диаметре и 10-ти футов в высоту. В стене лишь одно отверстие, за которым открывался черный тоннель. На стенах — ряды полок, заваленных книгами. Меблировка состояла из стульев, столов и дивана — все старое и потрепанное. Столы перегружены сосудами, колбами, ступками и прочими орудиями колдовского ремесла.

На маленькой подставке покоился зажим, на котором возлежал голубой шар, размером с кулак гуманоида. Очевидно, то был магический камень, ибо он светился искрящимся светом. Все это освещалось двумя расписными лампами. Воздух в помещении был спертым и нежилым.

И тут я увидел двух человеческих существ. Старший был худым сутулым человеком, высоким для Первого уровня. У него были жесткие седые усы, волосы и брови. Он был облачен в запятнанное черное одеяние.

Второй был невысоким, полным, смуглым и черноволосым мальчиком лет 15-ти. Он был одет в пиджак и узкие брюки и держал в руках что-то из имущества колдуна. Мои усы уловили враждебную вибрацию со стороны мальчика, хотя в это время я еще не был знаком с эмоциями обитателей Первого уровня. Но потому, как юнец отпрянул от меня, я тем не менее определил, что добрую часть этих эмоций у него составляет страх.

— Кто ты? — спросил на новарианском старший из двоих.

— Я — Эдим, сын Акха, — мягко ответил я. Хотя я и изучал язык в школе, мне ни разу не приходилось разговаривать на нем с урожденными новарианцами.

— Кто вы?

— Я называюсь доктором Мальдивиусом, богословом, — ответил человек. — А это — Грах из Чемниза, мой ученик. — Он указал на мальчика.

— Вылитый сом, — сказал Грах.

— Веди себя прилично! — велел ему Мальдивиус. — Думаешь, если Эдим прибыл по контракту, то над ним можно насмехаться?

— Что... значит... сом? — спросил я.

— Рыба, живущая в э... реках и озерах этого уровня, — объяснил Мальдивиус. — Пара усов над вашей верхней губой напомнила ему подобную рыбу. Итак, по договору ты обязан служить мне год. Ты хорошо это понимаешь?

— Да, сэр!

Мои усы изогнулись — знак раздражения. Этот тип крепко держал меня в руках, но я мог бы переломить его пополам. Однако мое непослушание вылилось бы в большие неприятности при возвращении на свой собственный уровень. Кроме того, перед эвакуацией нам говорили, что на Первом уровне ничему не следует удивляться.

— Да, сэр.

Для тех, кто никогда не встречал обитателей Первого уровня, их вид отвратителен. Вместо покрытия из прекрасной голубовато серой чешуи, отливающей металлическим блеском, у них только мягкая, почти голая кожа различных оттенков розового, желтого или коричневого цветов. По мере удаления от тропической зоны они приспособляются к более холодному климату, покрывая кожу волокнистыми материалами. Их внутреннее тепло в соединении с изоляционными качествами этих структур, называемых одеждой, дает им возможность переносить такой холод, который бы совершенно заморозил демона.

Их глаза имеют крупные зрачки, но к свету почти не приспособлены — ночью они мало что видят. У них смешные круглые уши. Их лица запавшие, а все их выступы и клыки немногим больше рудиментарных отростков, называемых «ногти».

Но если внешность и движения их довольно неуклюжи, то ум просто поразителен. Они ловки в умении изобретать весомые объяснения тому, что им хочется сделать. Я с удивлением узнал о существовании у них таких понятий, как «демонический ум» или «дьявольская хитрость». Это оскорбительно для нас, демонов, — можно подумать, что не они, а мы обладаем этой извращенной хитростью.

— Где... я нахожусь? спросил я Мальдивиуса.

— В подземном лабиринте разрушенного храма Псаан, неподалеку от города Чемниза.

— Где это?

— Чемниз находится в республике Ир, одной из 12-ти наций Новарии. Чемниз лежит в устье нашей главной реки Кийамос. Город Ир занимает по Кийамосу 20 лье. Я отремонтировал этот лабиринт и превратил центральную комнату в свой кабинет.

— Что ты хочешь от меня?

— Главной твоей обязанностью будет охранять эту

комнату, когда я отсутствую. Мои книги и магические принадлежности, особенно, являются очень большой ценностью.

— Что это, сэр?

— Аэм. Это сибиллический сапфир, божественный кристалл, наделенный самыми удивительными качествами. Ты будешь заботливо следить за ним, и горе тебе, если ты нечаянно заденешь стойку и разобьешь камень.

— Почему бы тогда не положить его в сторонку, чтобы он не мешался? — спросил я.

Мальчик Грах скорчил гримасу, выражавшую враждебность, — у этих существ очень подвижные и выразительные лица, и этой подвижности крайне трудно подражать.

— Позвольте мне, — сказал он, — я не доверяю этому старине Сому. — Он передвинул стойку и повернулся ко мне. — Следующая ваша задача, господин Сом, готовить и убирать для нас, ха, ха!

— Мне готовить и убирать? — спросил я. — Да ведь это женское дело! Вам надо было нанять демонессу!

— Ха! — фыркнул юнец. — Я три года готовил и убирал, и тебе, ручаюсь, это не повредит.

Я повернулся к Мальдивинусу, в конце концов он же был моим хозяином. Но колдун лишь сказал:

— Грах говорит правду. Чем больше он постигает искусство изготовления волшебных снадобий, тем больше помогает мне. И теперь у него уже совершенно не остается времени для домашних дел.

— Что ж, — согласился я, — попытаюсь сделать все, что могу. Но скажите мне, сэр, почему бы вам не нанять для такой работы женщину? Здесь же недалеко город. Если он похож на города моей родины, то было бы нетрудно найти свободную бабенку...

— Молчать, о демон! Ты должен слушаться меня беспрекословно — в буквальном смысле этого слова. И все же я отвечу на твой вопрос. Прежде всего, горожане пришли бы от тебя в ужас.

— От меня? Нет, сэр, дома меня считали спокойнейшим и смиреннейшим из демонов. Тихий студент, изучающий философию...

— И во-вторых, мне пришлось бы научить эту ведьму, как входить в лабораторию и выбираться из нее. По понятным причинам я не желаю предавать подобную информацию огласке. Гм. Теперь приступай к своим обязанностям. Первым твоим заданием будет приготовление обеда на сегодня.

— Боги Нинга! Как же я могу это сделать, сэр? Может

быть, мне вылезти наружу и убить какое-нибудь дикое животное?

— Нет. Нет, мой добрый Эдим. Грах проводит тебя на кухню и все объяснит. Если ты начнешь прямо сейчас, то к вечеру у тебя будет готова вкусная еда.

— Но, сэр! Я могу поджарить на костре во время охоты дикую летающую змею, но настоящего обеда я не готовил ни разу в моей жизни.

— Тогда учись и повинуйся, — важно ответил Мальдивиус.

— А ну, пошли! — сказал Грах.

От одной из медных ламп он зажег фонарь и повел меня по тоннелю. Ход был неровный, извилистый, его пересекало множество ответвлений.

— Как, скажи на милость, ты сможешь найти здесь дорогу? спросил я.

— Запоминай по формуле: туда — направо-налево-направо-налево-направо-налево. Обратно: налево-налево-направо-налево-налево-направо-налево. Можешь запомнить?

Я пробормотал формулу. Потом спросил:

— Почему доктор Мальдивиус поместил кухню так далеко от своего кабинета? Пока повар донесет пищу до места, она будет холодной.

— Балда. Если бы мы готовили в лабиринте, он был бы полон дыма. Побегашь с подносом, ничего с тобой не случится. Ну вот, мы и пришли.

Мы достигли входа в лабиринт, где извилистый коридор распрямился. Двери открывались в помещение по обсем его сторонам, а в дальнем конце я разглядел дневной свет.

Комнат было четыре. Две из них были обставлены, как спальни, третья служила кладовой. Четвертая, следующая после выхода, оказалась кухней. В ее стене было вырезано окно.

Окно было снабжено переплетом с железным каркасом и множеством застекленных граней. Сейчас переплеты были открыты, пропуская воздух и позволяя рассмотреть окрестности. Помещение занимало боковую часть скалы. Внизу, на расстоянии нескольких морских сажен, бился о каменные стены Западный океан. Скала была изогнутой, так что из окна открывался вид на крутой ее склон.

Снаружи шел дождь.

Поток воды из врытой в землю трубы устремлялся на кухню и попадал в одну из двух деревянных раковин. Грах развел огонь в очаге и вытащил вертел, котлы, сковородки и прочую хозяйственную утварь. Потом он открыл банки с различными ингредиентами и объяснил природу каждого, время от времени отпуская презрительные замечания по поводу моей неуклюжести и глупости.

Я научился интерпретации его вибраций, как проявлению ненависти. Природа их была выше моего понимания, поскольку я не сделал ничего такого, что могло бы вызвать у Граха враждебные чувства. Я заключил, что это объясняется его ревностью ко всякому, кто угрожает монополии Граха на время и эмоции старого Мальдивиуса, и ревность эта распространялась и на меня, несмотря на то, что я очутился здесь против своей воли, вынужденный отработать вес железной глыбы. Я испытывал ненависть к тем, кто мог свободно использовать железо на такую мелочь, как оконные решетки.

Должен сказать, что, хотя за время моей службы на Первом уровне мне пришлось пройти через множество испытаний, ни одно из них не было более тяжким, чем приготовление этого обеда.

Грах закончил свои объяснения, поставил передо мной песочные часы, которые должны были указать время приготовления блюд, и оставил меня одного. Я попытался следовать его указаниям, но меня постоянно смущали обозначения времени, расстояние до очага и тому подобные вещи.

Наконец, решив, что теперь все находится под моим контролем, я отправился в кабинет за дальнейшими инструкциями. Конечно же я свернул не туда и потерялся в лабиринте. Кое-как я добрался до входа, с трудом восстановил в памяти формулу для входящего в лабиринт и на сей раз достиг кабинета без затруднений.

— Ну, и где же наш обед? — спросил Мальдивиус.

Они с Грахом сидели на потрепанных стульях. Оба пили из глиняных чашек жидкость под названием «Сликау», ввозимую из Паалуа через западный океан.

— Я должен посоветоваться с вами, сэр... — И я запросил еще о ряде деталей.

Когда колдун сообщил их, я нашел дорогу к выходу. Кухня была полна дыма и вони, ибо за время моего отсутствия основная еда — куски ветчины — превратилась в большие черные головешки. Я снова вернулся в кабинет.

— Ну, — фыркнул Мальдивиус, — а теперь где наша еда? Я рассказал о том, что случилось.

— Идиот! — вскричал колдун. — Клянусь бородой Зевата, изо всех глупых, тупых, неумелых, беспомощных демонов, которых я когда-либо видел, ты — самый худший!

Он схватил свою палку и стал гонять меня по комнате, ударяя то по голове, то по плечам. Удары обычной палкой такого же размера я едва бы почувствовал, но эта его волшебная дубина вызывала, ударяя, весьма неприятное ощущение жжения. На третьем круге я вознегодовал. Ведь

мне ничего не стоило разорвать доктора Мальдивиуса надвое, но меня удерживали от этого контракт и страх перед правительством.

— А почему бы нам не совершить сделку со стариной Сомом, шеф? — сказал хозяину Грах. — Пусть катится на свой 12-ый уровень, а взамен потребуем другого, у которого хоть что-то варит в котелке.

Доктор Мальдивиус остановился, тяжело дыша и опираясь на свою палку.

— Возьми это жалкое подобие демона на кухню и начни все сначала.

Грах снова повел меня по коридору-лабиринту, усмехаясь и отпуская множество замечаний по поводу особенностей моего интеллекта. (Среди человеческих существ очень распространено отпускать подобные бессмысленные замечания — они называют их «шутками» — «ха, ха, ха». Это, кажется, доставляет им удовольствие).

Когда мы пришли, я обнаружил, что вся вода в горшке, в котором варилась репа, выкипела, а сама репа наполовину обгорела и прилипла к стенкам горшка.

Прошло три часа после моего первого попадания на кухню, прежде чем мне удалось приготовить удобоваримый обед для этой пары сварливых колдунов. Потом, направляясь к кабинету, я вновь потерялся в лабиринте. К тому времени, когда я разыскал своих нанимателей, еда была холодной. К счастью для меня, оба они к этому времени выпили столько сликау, что им было уже все равно. Грах все время хихикал. Я спросил Мальдивиуса, когда и что можно поесть мне, но он лишь усталился на меня и пробормотал:

— А? Что? Что?

Так что я вернулся на кухню и приготовил себе обед. То была еда не для гурманов, но я испытывал сильный голод и нашел ее более вкусной, чем все, что мне приходилось есть до сих пор.

В течение последующих дней моя стряпня улучшилась, хотя не думаю, чтобы и тогда я мог претендовать на должность главного повара во дворце великого правителя Первого уровня.

Однажды Грах отправился по какому-то поручению, а Мальдивиус позвал меня в свой кабинет.

— Завтра на рассвете я отправлюсь на муле в Ир, — сказал он. — Надеюсь вернуться через два-три дня. Большую часть времени ты будешь один. Я хочу, чтобы ты охранял этот кабинет и покидал его лишь в самых крайних случаях. Еду принеси сюда и здесь ешь. Спать можешь на диване.

— А разве мистер Грах не составит мне компанию, сэр?

— Не знаю, что ты имеешь в виду под словами «составит компанию» — от моего взгляда не укрылось, что чувства,

которые вы друг к другу испытываете, вряд ли можно назвать любовью. Как бы там ни было, я прикажу Граху остаться, но я знаю по опыту, что он ускользнет в Чемниз как только я скроюсь из вида. Это — одна из причин, по которой я заключил контракт на тебя.

— Для чего он это делает, сэр?

— В городе у него есть девушка, и он зааживает к ней с целью... э... прелюбодейства. Я говорил и говорю ему, что в нашей профессии нужно отказаться от плотских удовольствий. Но он не внемлет моим словам. Подобно большинству юнцов, он думает, что каждый, кто старше его, далеко ушел по пути старческого маразма.

— Сэр, я думаю, что в пятнадцать лет вы были образцом подражания. Если бы Грах мог видеть вас тогда...

— Заткнись и занимайся своим делом, бесстыдный грубиян! Гм. Слушай внимательно. Ты останешься здесь на страже, охраняя мое имущество, особенно сибиллический сапфир. Если кто-нибудь проникнет в кабинет до моего возвращения, тебе следует его сожрать.

— Вы не оговорились, сэр? Я думал...

— Ты здесь не для того, чтобы думать, но для того, чтобы повиноваться приказаниям! Первый же, кто войдет сюда до моего возвращения, должен быть съеден живьем! Никаких исключений! Не думай, что они не предупреждены. Грах написал плакат «Берегись демона» и повесил его у входа. Тебе понятно?

Я вздохнул.

— Да, сэр. Могу я взять на себя смелость задать вам вопрос о причине подобного поручения?

Мальдивиус усмехнулся.

— Мне выпала удача совершить то, что называют вульгарным словом «убийство». Ибо в своем сапфире я увидел рок, приближающийся к Иру. И раз уж я об этом узнал, то смогу потребовать от скряги Синдика значительное вознаграждение в обмен на новость.

— Сэр, я полагаю, что как гражданин Ира вы выполните свой долг, предупредив государство бескорыстно...

— И ты осмеливаешься указывать мне, в чем мой долг? Мальдивиус схватился за свою палку, намереваясь меня ударить, но овладел собой. — Когда-нибудь я все объясню. Суть же в том, что мне наплевать на город, чьи судьи вытянули из меня столько денег, чьи богачи презирают меня, и где мои коллеги смеются надо мной, швыряя в меня камнями и палками. Если бы я следовал своим побуждениям, я позволил бы их року возобладать над ними. Но лишь круглый дурак может упустить такую возможность получить веселенькую сумму. А ты не забудь о том, что я тебе приказал!

СИНДИК ДЖИММОН

Я проводил колдуна до лестницы, выдолбленной в боковой части скалы. Вокруг нас лежали развалины храма Исаака, новарианского бога моря. Обломки мраморной колоннады стояли в ряд, словно шеренга окаменевших солдат, по мраморным, покрытым трещинами ступеням рассыпались отдельные куски колонн. В трещинах росла трава. Раньше, объяснил мне Мальдивиус, здесь валялось куда больше обломков, но чемнизяне веками использовали это место в качестве каменоломни.

Пока я седлал мула и привязывал к седлу дорожный мешок доктора, он повторил свои инструкции. Потом он уехал.

Доктор Мальдивиус хорошо знал своего ученика. Едва лишь колдун скрылся из вида, а я спустился вниз по лестнице, как мистер Грах, облаченный в свой лучший костюм, нацелился в город. У порога юнец усмехнулся.

— Итак, старина Сом, — сказал он, — я отправляюсь поразмяться. Предупрежу твоё желание узнать, что я там забыл. — И он сделал движение задом, иллюстрируя свои слова.

— Мне самому будет не хватать моей жены, — сказал я, — но...

— Ты хочешь сказать, что у демонов есть жены, как у людей?

— Конечно. А вы что думали?

— Когда вы решаете размножаться, то расщепляетесь пополам, и из каждой половины появляется новый демон. Так говорит Мальдивиус... Интересно... Значит, вы живете со своими женами так же, как и мы?

— Да, но не круглый год, как это кажется, происходит у вас, на Первом уровне.

— А почему бы тебе не пойти со мной в Чемниз? Я знаю одну дамочку...

— Я должен повиноваться приказаниям. Кроме того, сомневаюсь, чтобы женщине-человеку доставили удовольствие интимные отношения со мной.

— Почему же? Не та величина?

— Нет. Дело в том, что на моем половом органе имеются острые зубы.

— А, так значит, он у тебя действительно есть!

— Конечно.

— А как же ваши женщины переносят эти колючки?

— Им они как раз и нравятся. Однако, мне пора заняться охраной центральной комнаты.

— Смотри не засни, глупыш, не сделай такого подарка нашим воришкам! Я знаю пару ребят в Чемнизе, которые не прочь поправить свои дела за счет небольшой кражи. Жди меня завтра.

Он отправился по той же пыльной тропе, по которой ушел и Мальдивиус. Я вернулся в кабинет. Эти несколько дней я был так занят, что не успел переварить съеденную мной пищу, так что меня начинало уже раздувать. Я с радостью отдался возможности погрузиться в неподвижность пищеварительного процесса. Насколько я мог судить по маленьким водяным часам, стоявшим на одном из столов Мальдивиуса, продолжалось это до следующего дня.

Я уже встал и наполнял резервуар водяных часов, когда услышал звук шагов в лабиринте. Я подумал, что это мог быть Грах — или... или какой-нибудь незваный гость.

Я вспомнил, какие указания дал мне доктор Мальдивиус насчет первого, кто войдет в кабинет до его возвращения. Никаких исключений, сказал он: я должен следовать его приказам буквально и беспрекословно. Когда я попытался узнать, согласен ли он сделать исключение для мистера Граха, он заставил меня замолчать. Видимо, по каким-то таинственным причинам он желал, чтобы я обошелся с Грахом, как с любым другим пришельцем.

Итак, Грах стоял в проеме. Через его плечо был перекинут мешок с продуктами, купленными в деревне.

— Привет, глупыш — крикнул он. — Бедный старина Сом! Сидишь тут, как урод, как идол языческий, нет чтобы заняться чем-нибудь поинтереснее... Эй, что ты?

Грах вошел в кабинет, ничего не подозревая. Он успел только слабо вскрикнуть, прежде чем я ринулся на него, разорвал на куски и съел. Должен сказать, что как продукт питания он был приятнее, чем собеседник.

Тем не менее некоторые обстоятельства обеспокоили меня. Во-первых, в результате короткой борьбы в комнате ощущался некоторый беспорядок. Один стол был перевернут, повсюду — брызги крови. Боясь, что Мальдивиус станет бранить меня за неаккуратность, я взял ведро, тряпку, швабру и принялся за работу.

Через час мне удалось уничтожить почти все следы происшествия. Крупные кости покойного Граха я аккуратно сложил на пустой книжной полке. Капля крови запятнала экземпляр «Материального и духовного совершенствования в десяти легких уроках» Вальтипера Хортели, стоявший на книжной полке. Кровь просочилась между страницами и оставила несколько больших пятен.

Пока я работал, меня посетила другая мысль. На 12-ом уровне пожирание разумных существ строго каралось законом,

еще со времен Бонка-реформатора. Вероятно, законы Первого уровня в этом аспекте были примерно такими же, как и у нас. Я успокаивал себя тем, что, поскольку я действовал по приказу Мальдивиуса, ответственность будет лежать на нем.

Доктор Мальдивиус вернулся на следующий день. Он спросил:

— Где Грах?

— Следуя вашим инструкциям, хозяин, я был вынужден его сожрать.

— Что?

— Да, сэр. — Я растолковал ему, как все произошло.

— Дурак! — заревел колдун, кидаясь на меня со своей палкой. — Болван! Тупица! Деревенщина! Осел! Балбес! Кретин! И что такого я сделал богам, что послали мне подобное безмозглое чудовище!

Говоря это, он гонялся за мной и молотил меня палкой. Я метнулся вон из комнаты и заплутал в лабиринте. В результате Мальдивиус настиг меня в конце одного из тупиков, загнал в угол и продолжал лупить до тех пор, пока силы не оставили его.

— Вы хотите сказать, — смог я, наконец, вымолвить, — что не хотели, чтобы я ел этого юнца?

— Конечно же нет. — Удар. — Любой идиот понял бы это!

— Но, сэр, ведь ваше указание было...

И я вновь обратился к логической стороне дела.

Мальдивиус откинул с лица растрепавшиеся седые волосы.

— Черт бы меня побрал, мне следовало лучше знать, с кем я имею дело. Возвращайся в комнату.

Когда я вошел в кабинет, он приказал: — Собери эти кости, свяжи их и выкинь в море.

— Прошу прощения, сэр, но я не понимаю. Как говорят у нас на Иниге, никто не может понимать все на свете сразу. Не послужит ли исчезновение Граха причиной преследования вас со стороны закона?

— Вряд ли. Он был сиротой, поэтому-то и захотел стать моим учеником. Тем не менее, если тебя спросят, скажешь, что он упал со скалы и его утащило в воду какое-то морское чудовище. А теперь займись обедом. Обед должен быть хорошим, ибо я ожидаю сегодня важного гостя.

— Кто же он, хозяин?

— Его превосходительство Джиммон, главный синдик Ира. Я сделал властям предложение, но они отклонили его и согласились лишь на одну десятую назначенной мной суммы. Но на это не согласился я. Джиммон сказал, что мог бы обсудить со мной наше дельце. Торг обещает быть долгим.

— А вы уверены, сэр, что судьба, которую вы предвидели, не доберется до этой земли раньше, чем вы и синдик

сторгуетесь? Как говорят на нашем уровне, одна рыба на сковородке стоит двух в ручье.

— Нет, нет, я постоянно слежу за угрозой с помощью моего сапфира. Времени у нас достаточно.

— Сэр, я могу спросить, какого рода эта угроза?

— Спросить ты можешь, ха-ха-ха, только я не отвечу. Я знаю, что будет... э... стоит мне только выпустить птичку из клетки — разболтать то, что известно лишь мне одному. А теперь — за работу!

Его превосходительство синдик Джиммон был толстым и лысым. Его доставили на носилках. Он остался ночевать у нас, а его слуги ушли на ночлег в деревню. Я изо всех сил старался вести себя, как образцовый слуга. Мне было велено во время обеда стоять за стулом гостя и исполнять каждое его желание.

Джиммон и Мальдивиус то спорили о цене тайны приближающегося к Иру рока, то болтали о событиях в Ире.

Джиммон сказал:

— Если кто-нибудь не остановит эту стерву, то, клянусь рогами Тио, она еще добьется места в Совете Синдиков.

— Ну и что? — сказал Мальдивиус. — Поскольку ваше правление зиждется на богатстве, а мадам Роска богата, почему бы и не позволить ей заседать среди вас?

— У нас никогда не было женщины-синдика, это беспрецедентный случай. Кроме того, вам известно, какая это глупая баба.

— Гм. Мне кажется, что глупость не мешает ей умножать свои богатства.

— Не иначе как с помощью колдовства. Говорят, она чем-то таким занимается. Видно, этот мир совсем прохудился, если старой колоде вроде нее так повезло. Но давайте поговорим о приятных вещах. Вы видели странствующий цирк Багардо, а? Вчера вечером он выступал в Ире, а теперь Багардо-Великий отправился в провинцию. Они циркачи неплохие, это верно. Но если он придет в Чемниз, боюсь, как бы он вас не обобрал. Он хитер, как всякий горец, хитер и коварен.

Мальдивиус захихикал.

— Чтобы обобрать меня, ему нужно из кожи вон вылезти и... э... придумать какой-нибудь сногшибательный трюк... Да вы не смущайтесь, ваше превосходительство. Мой слуга не причинит вам вреда. Он — образец истинного послушания.

— Тогда, если вы не возражаете, пусть он встанет за вашим стулом, а не за моим? Меня беспокоит его взгляд, у меня уже шея заболела: я все время на него оглядываюсь.

Мальдивиус велел мне перейти на другое место. Я повиновался, так толком и не поняв, чего Джиммон так боится. Дома я считаюсь, мягко говоря, средним

представителем рода демонов, ничем не выдающимся и не примечательным.

На следующий день синдик Джиммон отбыл на своих носилках, покачивающийся на плечах восьми дюжих парней. Мальдивиус же сказал мне:

— А теперь пойми раз и навсегда, о, Эдим, что твоя цель по охране моего кабинета состоит в том, чтобы воспрепятствовать краже, а не в том, чтобы убивать всякого, кому случится заглянуть сюда. Следовательно, тебе нужно пожирать воров, и никого больше.

— Но как мне узнать вора, хозяин?

— По его поступкам, дурак! Если он цапнет какую-нибудь вещь и захочет унести с собой — уничтожь его! Но если это будет всего лишь клиент, который хочет заказать свой гороскоп, или торговец с товарами, или какой-нибудь житель Чемниза, согласный обменять сумку с продуктами на сведения о пропавшем браслете его жены, ты обязан немедленно усадить его и следить за ним до моего возвращения. И пока он не сделает попытки причинить мне ущерб, НЕ СМЕЙ ЕГО ТРОГАТЬ! Уяснил, тупая твоя башка?

— Да, сэр!

В течение двух следующих недель почти ничего не происходило. Я продолжал готовить и убирать. Мальдивиус один раз ездил в Ир и один раз в Чемниз. Джиммон нанес нам еще один визит. Мальдивиус и Джиммон продолжали свой торг, весьма мелкими порциями сдавая друг другу свои позиции. За это время неотвратимый рок должен был приблизиться.

Впрочем, его приближения никто не замечал, и Мальдивиус постоянно советовался со своим сапфиром. Поскольку он настаивал на том, чтобы я стоял около него на страже, пока он находился в предсказательном трансе, мне вскоре удалось узнать всю процедуру. Он молился, поджигал смесь из спайсовых трав в маленьком светильнике и вдыхал дым. При этом он распевал заклинания на мальванинском языке, начинающиеся так:

Джийю нормо барх тийуву,

Джийу нормо барх тигсу тийуву...

И мой нос подсказывал мне, когда заклинание начинало действовать.

Овладев искусством домашних дел, я почувствовал, что время потекло мимо меня гораздо медленнее. Мы, демоны, гораздо терпеливее этих неугомонных с Первого уровня. Тем

не менее сидение в кабинете час за часом в абсолютном бездельи стало мне понемногу казаться более чем просто скучным. Наконец, я не выдержал:

— Хозяин, нельзя ли мне взять на себя смелость почитать одну из ваших книг, пока я жду?

— Неужели, — сказал Мальдививиус, — неужели ты умеешь читать на новарианском?

— Я изучал его в школе и...

— Ты хочешь сказать, что у вас, на 12-ом уровне, есть школы?

— Конечно, сэр. Как же мы еще можем делать нашу молодежь такой, какая она есть?

— Настоящая молодежь? Странно, мне никогда не приходилось слышать о молодом демоне, — сказал он.

— Естественно, ведь мы не позволяем своим неоперившимся птенцам служить на Первом уровне. Для них это было бы слишком опасно. Уверяю вас, что мы рождаемся, растем и умираем, как и другие существа. А что до ваших книг, то я вижу, что у вас есть словарь: он может помочь мне с теми понятиями, которые мне не знакомы. Прошу вас позволить мне пользоваться им.

— Гм. Гм. Неплохая мысль. Когда станешь достаточно тренированным, ты, возможно, сможешь читать мне вслух, как это делал бедняга Грах. В моем возрасте я вынужден пользоваться для чтения специальными стеклами, что превращает его в утомительное занятие. Какого рода книги тебя привлекают?

— Я хотел бы начать вот с этой, сэр, — сказал я, извлекая экземпляр «Материального и духовного совершенствования в десяти легких уроках» Вальтипера. — Чтобы хорошо чувствовать себя на незнакомом уровне, мне необходимо хоть в чем-то достичь совершенства.

— Дай-ка мне, — сказал он, выхватывая книгу из моих когтей.

Его старые глаза (а чтобы он ни говорил, они были достаточно зоркими) вперились в пятна крови, которыми были замараны некоторые страницы. — Воспоминания о бедняге Грахе, а? Счастье для тебя, о демон, что это не магическая книга. Возьми ее, и да принесут тебе пользу ее советы.

Итак, с помощью словаря Мальдививиуса, я начал тяжелый путь по страницам Вальтипера Хортели. Вторая глава была посвящена теории Вальтипера относительно диеты. Он был, оказывается, вегетарианцем и утверждал, что только отказ от поедания плоти животных может привести читателя к полному духовному здоровью и астральной связи с космосом.

Кроме того, Вальтипер возражал против убийства животных из моральных соображений. Он утверждал, что они имеют души, или, вернее, зачатки душ, что звери родственны людям, так как у них общие предки.

Моральные аргументы не слишком меня задели, ведь я был лишь гостем этого уровня. Но мне хотелось лучше приспособиться к правилам Первого уровня, чтобы сделать мое пребывание в нем как можно более безболезненным. Я обсудил идею вегетарианского питания с Мальдивиусом.

— Отличная идея, Эдим, — одобрил он. — Когда-то я и сам собирался ввести ее в практику, но Грах так напирал на потребности плоти, что я поддался искушению и сдался. Давай же теперь последуем совету Вальтипера. Это, кстати, сократит наши расходы.

Так что мы с Мальдивиусом перестали покупать в Чемнизе мясо и довольствовались теперь хлебом и зеленью. Однажды колдун сказал:

— О, Эдим, сибиллический сапфир говорит мне, что цирк Багардо приближается к Чемнизу. Я непременно должен посмотреть представление, а заодно и поискать нового ученика. Ты останешься здесь.

— Я тоже хотел бы посмотреть представление, сэр. Я ведь здесь уже месяц, а еще ни разу не покидал этих развалин.

— Что, ты пойдешь в Чемниз? Боги великие! Мне и так нелегко ладить с горожанами. О чем же можно будет говорить, если ты напугаешь их до смерти?

Поскольку настаивать явно было бесполезно, я оседлал мула, проследил, как мой хозяин исчез вдаль, и вернулся в кабинет.

Через несколько часов какой-то звук оторвал меня от чтения. Казалось, он шел сверху. Поскольку медные светильники горели не слишком ярко, потолок был в полутьме, но все же я сразу заметил, как в нем появилась большая четырехугольная дыра. Не знаю, как удалось пришельцу без шума отделить такой кусок алебастра.

Мошенники Первого уровня слишком хитроумны для простого прямодушного демона.

Я сидел и наблюдал. У демонов есть одно преимущество перед человеческими существами — они умеют оставаться совершенно неподвижными. Обитатели Первого уровня, даже если они пытаются сохранить неподвижность, никогда толком этого сделать не могут. Им все равно приходится вдыхать в себя воздух несколько раз в минуту. Тот факт, что мы можем менять свой цвет, вызывает у обитателей Первого уровня преувеличенное представление о наших возможностях. Они воображают, что мы можем исчезать по желанию.

Из дыры между тем появилась веревка, а по веревке стал спускаться маленький человек в тесном, плотно облегающем костюме. По счастливой случайности, он спускался спиной ко мне. Беглый взгляд не дал ему возможности увидеть меня — я сидел на своем стуле, не шевелясь и слившись цветом с окружающей обстановкой. Я даже не дышал. Неслышно и быстро, как испуганная мышь, человек метнулся к стойке с магическим сапфиром.

Мгновенно сорвавшись со своего стула, я очутился рядом с ним. Он схватил драгоценный камень и обернулся. Какое-то мгновение мы стояли друг против друга. Он, с драгоценным камнем в руке, и я — с клыками наготове, чтобы разорвать его и сожрать.

Но потом я вспомнил настоятельный совет Вальтипера о соблюдении вегетарианской диеты, а также приказ Мальдивиуса беспрекословно следовать этому совету. Выходит, сожрать вора я не мог. С другой стороны, до этого мой хозяин приказал мне уничтожать всех воров...

Перед лицом таких противоречивых приказаний я застыл в неуверенности, словно обратившись в камень. Я хотел поступить, как лучше, но мог лишь стоять, как чучело в музее, не зная, на что решиться. Вор не стал дожидаться, пока я соберусь с мыслями, метнулся в сторону и выбежал, выхватив из своего кармана трубку со светлячками, чтобы освещать себе путь в лабиринте.

Простояв несколько минут, я сообразил, каких действий, возможно, потребовал от меня Мальдивиус, знай он все обстоятельства. Эти действия должны были заключаться в том, чтобы схватить вора, отобрать у него сапфир и стеречь его до возвращения колдуна. Думаю, это было бы самым подходящим. Конечно, обитатели Первого уровня соображают быстрее, чем демоны, и просто нечестно ожидать от нас такой же быстрой реакции. Увы, решение пришло ко мне слишком поздно. Я выбежал из лабиринта и ринулся по выдолбленной в скале лестнице. Однако вора уже и след простыл. Даже звук его шагов не был слышен. Я попытался уловить его запах, но не смог. Драгоценный камень исчез. Когда доктор Мальдивиус вернулся и узнал о случившемся, он даже не мог меня бить. Он сел, закрыл лицо руками и заплакал. Наконец он вытер глаза и, подняв их на меня, сказал:

— О, Эдим, я вижу, что научить тебя справляться с непредвиденными обстоятельствами так же невозможно, как научить лошадь играть на скрипке. Что ж, пусть я даже буду разорен, но мне твои услуги больше не нужны, иначе я сойду с ума.

— Значит ли это, сэр, что я буду освобожден и смогу вернуться на свой уровень? — спросил я с надеждой.

— Конечно, нет! Самое меньшее, что я могу сделать, чтобы возместить свои потери, это продать твой контракт. Мне известен и покупатель.

— Что значит продать контракт?

— Если ты читал соглашение между правительствами Нинга и Силами Прогресса — как мы, новарианские колдуны, называем свой профессиональный союз, тебе должно быть известно, что право владения можно изменить. У меня где-то завалялась копия.

Он порылся в ящике.

— Протестую, сэр! — вскричал я. — Это не лучше, чем рабство!

Мальдивиус выпрямился, держа в руках свиток.

— Видишь, что здесь написано? А здесь? Если тебе не нравятся эти пункты, можешь на них пожаловаться своему настоятелю. После службы. Как выглядел этот вор?

Я описал ему парня, отметив такие детали, как маленький шрам на его правой щеке, — ни один житель Первого уровня не заметил бы такие подробности при свете простой лампы.

— Похоже на Фаримеза из Хендау, — пробормотал Мальдивиус, — я знаю его еще с тех пор, как жил в Ире. Что ж, седлай Розовый Бутон еще раз. Я останусь в Чемнизе на ночь.

Колдун оставил меня в дурном расположении духа. Я демон терпеливый. Терпение мое даже больше, чем у этих вспыльчивых и своевольных человеческих существ, но я не мог не чувствовать, что доктор ведет себя со мной непорядочно. Два раза подряд он сваливал на меня свою вину за случившиеся несчастья, хотя сам был виноват, давая мне неясные и противоречивые приказы.

Я боролся с искушением произнести нужное заклинание, вернуться на 12-ый уровень и обратиться со своими жалобами к настоятелю. Нас обучают этому заклинанию перед отбытием, чтобы мы могли вернуться обратно в случае серьезной опасности. Во всех остальных случаях использовать его нельзя — это чревато серьезными неприятностями. Однако сам факт, что я могу исчезнуть, если запахнет жареным, позволил обитателям Первого уровня преувеличивать мои возможности. Но заклинание возвращения — штука сложная и длинная. Когда я попытался его вспомнить, то обнаружил, что забыл несколько строк и, следовательно, очутился на Первом уровне в настоящей ловушке. Возможно, это и к лучшему, иначе меня могли бы обвинить в неоправданном побеге и вернуть на Первый уровень. Могли даже продлить договор на несколько лет. А такая судьба ужасна.

Мальдивиус вернулся на следующее утро с другим человеком.

Тот сидел верхом на прекрасной пегой лошади и, в отличие от моего хозяина, был одет ярко и крикливо.

Этот человек едва переступил порог среднего возраста. У него были тонкие ноги, массивное тело и мускулистые руки. Он брил лицо, но, казалось, не в состоянии был справиться с буйной, густой, иссиня-черной растительностью у себя на подбородке, именуемой бородой. В ушах у гостя болтались золотые кольца.

— Вот твой новый хозяин, — сказал Мальдивиус. — Багардо Великий. Мастер Багардо, познакомьтесь с демоном Эдимом. Багардо оглядел меня сверху донизу:

— Можно подумать, его сделали из дисков и завитков, но, возможно, это мне с непривычки так кажется. Что, доктор, если вы покажете мне бумагу, я подпишу ее.

Вот так я сделался слугой Багардо Великого, владельца передвижного цирка.

Глава 3

БАГАРДО ВЕЛИКИЙ

— Идем со мной, — сказал Багардо.

Я последовал за ним, а он продолжал:

— Скажи-ка мне, как правильно произносится твое имя? Задим, верно?

— Нет, Эдим, — ответил я. — Один слог. Эдим, сын Акха, если полностью.

Багардо несколько раз повторил мое имя, а я спросил:

— Каковы будут мои обязанности, сэр?

— Главным образом — подсчет лбов.

— Сэр! Я не понимаю.

— Лбы, гляделки, глазелки — так мы, цирковые, называем своих клиентов, которые приходят потаращить глаза. (Багардо всегда называл свое заведение «цирком», хотя другие классифицировали его как «балаган». Разница, насколько я понял, состояла в том, что в настоящем цирке должен быть хотя бы один слон, у Багардо же не было и одного).

— Тебя поместят в передвижную клетку и будут представлять, как ужасного пожирателя людей, демона с 12-го уровня. И, судя по тому, что говорил Мальдивиус, это не ложь.

— Сэр, я всего лишь выполнял приказ...

— Неважно. Свои приказы я постараюсь сформулировать поточнее.

Мы подошли к тому месту, где дорога, отходящая от храма, сливалась с той, что вела из Чемниза в Ир. Здесь стояла большая, похожая на вагон, клетка с железными прутьями. К ней была прицеплена пара животных, похожих на мула Мальдивинуса, вот только шкуры их были испещрены яркими черными и белыми полосами. На месте кучера развалилось приземистое, низколобое, лишенное подбородка существо, совершенно голое, если не считать густого волосяного покрова. Оно походило на человека, но это был не человек.

— Все в порядке? — поинтересовался Багардо.

— Все в порядке, шеф, — ответило существо густым надтреснутым голосом.

— Кто это?

— Новый член нашей группы, высокородный Эдим, демон, — торжественно провозгласил Багардо. — Эдим, познакомься с Унгахом из Армилаха. Он — то, что мы называем «человекообразной обезьяной».

— Привет, раб. На, потряси, — сказал Унгах и протянул мне руку.

— Тряси? — повторил я, вопросительно глядя на Багардо. — Он имеет в виду вот так? — и я покрутил бедрами туда-сюда.

Багардо пояснил:

— Возьми его правую руку в свою и осторожно пожми, покачивая при этом вверх и вниз. Только не жми слишком сильно.

Я так и сделал и сказал:

— Рад с вами познакомиться, мистер Унгах. Только я не раб, а слуга по контракту.

— Повезло тебе! Я вот должен пыхтеть у мистера Багардо, пока смерть не разлучит нас.

— Ты же знаешь, как тебя здесь кормят, — отозвался Багардо. В джунглях Армилаха ты так не едал.

— Верно, хозяин. Но еда — это еще не все.

— Что же тогда? Опять будем весь день спорить? — Багардо открыл дверцу клетки. — Полезай, — приказал он мне.

Дверца с лязгом захлопнулась. Я опустился а широкую деревянную скамью, стоявшую в углу клетки. Багардо устроился на облучке рядом с Унгахом. Тот причмокнул и дернул поводья. Повозка со скрипом двинулась на запад. Дорога, извиваясь, вела вниз по склону к долине Кийамос-рива. Река текла от Метуоро через Ир к морю. Через час показался Чемниз, раскинувшийся у устья реки. По стандартам Первого уровня город был небольшим, но крайне оживленным.

Еще бы, главный порт Ира!

Я заметил возвышающиеся над крышами мачты кораблей.

На окраине стояла куча палаток, украшенных флажками с символами заведения Багардо. Когда повозка свернула в поле, я увидел, что вокруг палаток возятся люди, разбирающие их и укладывающие в вагончики. Другие прицепляли к этим вагонам лошадей. До нас доносились шум и крики. Наша повозка остановилась, и Багардо, приподнявшись на своем сиденье, закричал:

— Идиоты! Лентяи безмозглые! Мы уже должны быть в дороге! Если я не стою у вас над душой, вы становитесь дистрофиками? Завтра вечером мы должны быть в Эвродиуме, а вы прохлаждаетесь! Унгах, примат голозадый, хватит ухмыляться! А ну-ка, вниз и за работу! Выпусти Эдима — нам дорога каждая пара рук.

Человекообразная обезьяна беспрекословно опустилась и открыла клетку. Когда я выбрался из нее, присутствующие уставились на меня с подозрением. Впрочем, к разного рода экзотике им было не привыкать, так что они снова вернулись к работе. Унгах занялся заворачиванием груды колышков в большой кусок полотна. Протянув мне кусок веревки, он сказал:

— Держи. Когда я скажу «тащи» — потащишь.

Я так и сделал, но стоило мне дернуть, как веревка порвалась, и я упал на спину, сильно прищемив хвост. Унгах озадаченно воззрился на веревку

— Не похоже, чтобы она была гнилая, — заметил он, — должно быть, ты сильнее, чем я думал.

Связав порванные концы веревки, он вернулся к своему занятию, посоветовав мне впредь не применять всей своей силы. Но к тому времени, когда мы увязали сверток, главная палатка уже лежала на земле, и люди убирали остатки скарба. Я мог лишь дивиться тому, с какой скоростью исчезала вся эта груда вещей.

Багардо влез на лошадь, повесил на шею трубу и взмахнул широкой шляпой. Когда все взоры обратились на него, он скомандовал:

— Поживее со сбруей! Стиглар, выведи свою повозку вперед — поедешь первым. Унгах, отправь Эдима на место и вставай в общую шеренгу.

— Залезай, — бросил Унгах.

Когда я снова очутился в клетке, он дернул за веревку, и полотнище, прикрепленное к крыше вагончика, опустилось по обеим его сторонам, скрывая меня от внешнего мира. А внешний мир — от меня.

— Эй! — крикнул я. — Ты зачем меня запер?

— Приказ, — отозвался Унгах, поправляя край полотна. — Шеф не хочет, чтобы чемнизцы глазели на тебя задаром.

— Но мне бы хотелось обозревать окрестности...

— Не ной, мистер Эдим. Как только выберемся из города, я приподниму для тебя уголок этой тряпки.

Багардо громко свистнул. С душераздирающим шумом, в котором смешались крики животных, людские голоса и скрип колес, караван двинулся в путь. Я ровным счетом ничего не видел, так что весь первый час пути посвятил пищеварительному оцепенению, покачиваясь на деревянной скамье.

Наконец я окликнул Унгаха, напоминая ему об обещании. Остановив лошадей, он отвязал спереди конец покрывала, устроив для меня нечто вроде треугольного окна. Я возликовал, но ничего, кроме фермерских полей, видно не было. Лишь изредка мелькали кусочки леса. Когда дорога поворачивала, впереди и сзади я видел другие повозки. Всего я насчитал их 17, включая и нашу собственную. Багардо гарцевал впереди, наблюдая, все ли в порядке.

Наш путь лежал по той же дороге, по которой я прибыл в Чемниз. Нам пришлось подняться к плато, где расположился старый храм, поскольку долина Кийамоса сужалась тут к ущелью. Лошади медленно поднимались по крутому склону, а люди шли рядом, понукая их.

Когда мы достигли плато и миновали поворот к храму Псаан, дорога выровнялась, и лошади пошли быстрее. Миновали мы и Ирскую дорогу, свернув на тракт, огибавший столицу с юга. Как объяснил мне Унгах, Багардо успел уже посетить Ир и изрядно подоить его, так что столичное вымя не скоро теперь наполнится снова.

До Эвродима оставалось еще не меньше половины пути, когда на землю спустилась ночь.

Караван свернул с дороги на поляну, и все семнадцать повозок образовали на ней нечто вроде круга. Как объяснил мне Унгах — для защиты на случай нападения разбойников. В центре круга установили палатку повара, где теперь готовился обед. Остальные палатки из повозок не доставались.

Мы ели при желтом свете лампы вместе с остальными циркачами. Их было человек пятьдесят. Унгах бегло характеризовал присутствующих. Половина была подсобными рабочими. В их обязанности входила установка и разборка балаганов, уход за лошадьми и упряжью, и тому подобное.

Половина оставшихся — то есть четверть от общего числа — были игроками. Как я понял, это люди, за особое вознаграждение сопровождавшие цирк и игравшие с публикой в свои игры. Они, значит, играют, а богатые дураки заключают пари — как упали кости, как повернется колесо фортуны, под какой из трех ореховых скорлупок находится горошина... Да только все это было тщательно продуманное надувательство.

Остальные, человек 16, были те, кто, собственно, и выступал перед публикой. Первым среди них был, конечно, Багардо — король манежа. А еще в труппу входили заклинатель змей, укротитель львов, наездник на диком мустанге, дрессировщик собак, жонглер, два клоуна, три акробата, четыре музыканта (барабанщик, трубач, скрипач и волынщик) и погонщик, который, одетый как мальвинианский принц, в тюрбане и стеклярусе, разъезжал по манежу на верблюде. Еще были повар и костюмерша. Эта последняя была женщиной, так же, как укротительница змей и наездница.

Вообще-то, занятия этих людей, как выяснилось, были куда более разнообразными. Так, укротительница змей в свободное время подменяла повара, а наездница — симпатичная молодая женщина по имени Дульнесса — помогала костюмеру в стрижке и шитье. Кое-кто из подсобных рабочих, желавших подзаработать иногда подменял артистов, если те были больны, пьяны или по каким-либо иным причинам не могли показаться на глаза публике.

После обеда Унгах провел меня по всему балагану, представляя труппе и знакомя с животными. Зверинец был неплохой — верблюд, лев, леопард и несколько тварей поменьше, вроде змей мадам Палладни.

Унгах подошел к длинной клетке на колесах. Он двигался очень осторожно. Подойдя, я ощутил довольно сильный запах, вроде того, что издавали змеи мадам Палладни, только посильнее.

— Это паалуанский дракон, — пояснил Унгах. — Близко не подходи. А то он вот так лежит, как бревно, а потом кто-нибудь заезаается — цап! И все! Вот почему Багардо так сложно находить рабочих, согласных ухаживать за этой заразой. Ха! За один только прошлый год двоих сожрал, скотина!

Дракон оказался большой серо-голубой ящерицей футов 20 в длину. Когда мы подошли к клетке, он поднял голову и нацелил на меня раздвоенный язык. Я остановился, надеясь, что успею отскочить, если ему вздумается напасть. Но дракон лишь снова высунул язык и осторожно коснулся им моего лица. Из его горла вырвался хриплый звук.

— Клянусь медью Выпсуса! — воскликнул Унгах. — Ты ему понравился! Он решил, что твой запах похож на запах его родственников. Нужно сказать Багардо. Кто знает, может тебе удастся приручить дракона. Будешь делать на нем круг по арене в конце представления. Может, это и глупо, только с тех пор, как он слопал Кошена, к нему никто и близко не подходит. Хотя поговаривают, что черные колдуны из Паалуа приручают этих тварей...

— Чудовище слишком велико, мне одному с ним не справиться, — с сомнением заметил я.

— Да он же просто крошка! Ты бы видел его сородичей! — воскликнул Унгах. — В Паалуа они, знаешь, какие огромные! — Он зевнул. — Слушай, пошли-ка спать. С меня на сегодня хватит.

Когда мы вернулись в фургон, Унгах достал из ящика пару одеял, протянул мне и сказал:

— Если решишь, что пол слишком твердый, солому найдешь на дне ящика.

К вечеру следующего дня, когда солнце уже садилось, мы подъехали к Эвродиюму. Место, отведенное для стоянки балагана, было освещено фонарями и факелами, и свет их яркими бликами отражался в глазах местных зевак.

— Эдим! — крикнул мне Унгах. — Давай помогай!

Он стал разворачивать ткань, а я помогал ему, как мог. В свертке была связка шестов, каждый — больше моего роста. Нам нужно было вбить эти палки в землю на одинаковом расстоянии друг от друга и натянуть на них ткань, чтобы скрыть весь балаган от жадных взоров любителей бесплатных зрелищ. Унгах выбрал подходящее место и ткнул в мягкую землю первую палку. Приставив к ней маленькую стремянку, он сунул мне в руку деревянный молоток.

— Лезь туда и вбей палку, — приказал Унгах.

Я залез на стремянку и ударил молотком по палке.

— Бей сильнее, — крикнул Унгах. — Это все, на что ты способен?

— Ах, сильнее? — И я изо всех сил обрушил молоток на палку. Раздался треск, палка раскололась, а молоток сломался.

— О, Фраида и Ксерик! Занятно... — сказал Унгах. — Я что, велел тебе ее разбивать? Ну вот, теперь я должен тащиться за другим молотком... Подожди здесь.

В конце концов мы натянули полог. Палатки к тому времени уже стояли, так что путаница уступила место порядку. Лошади ржали, верблюды чавкали, лев рычал, прочие представители фауны издавали свойственные им звуки. Я спросил:

— Мы покажем сегодня представление?

— Нет, ты точно псих! К представлению нужно готовиться несколько часов, а у нас все с ног велятся. Вот утречком, если дождя не будет, порепетируем, днем потешим почтеннейшую публику. Ну, а завтра вечером двинем отсюда дальше.

— А почему бы нам не остаться здесь подольше?

— О, Эвродиюм для этого слишком мал. К завтрашнему вечеру все, у кого есть деньги, уже успеют нас посетить. Богатые лбы посмотрят представление, а игроков успеют выпотрошить. Если задержимся — дело может кончиться дракой. А какая в этом польза? Прозвучал гонг. — Обед! Пошли.

На рассвете мы поднялись и начали готовиться к представлению. Багардо подошел ко мне.

О, Эдим! — сказал он. — Ты будешь в палатке чудовищ...

— Прошу прощения, хозяин, какое же я чудовище? Даже обидно. Я лишь нормальный, здоровый...

— О, Боги! Помолчи, дурень! У нас ты будешь чудовищем, и никаких разговоров! Твой фургон поставят у стены палатки, и лбы смогут проходить мимо него. Рядом с тобой будет Унгах. Ты занял его клетку, так что его мы посадим на цепь. Твоя задача в том, чтобы пугать лбов ревом и воем. Ни слова на новарианском! Вообще — забудь человеческий язык!

— Но, сэр, вы, возможно, не знаете — я ведь не только говорю на нем, но еще читаю и пишу...

— Слушай, демон, чей это цирк, а? Ты будешь делать то, что тебе приказано, нравится тебе это или нет...

Все вышло так, как мы и ожидали. Жители повалили к нам толпой. Из своей клетки я хорошо слышал крики игроков, шум представления, музыку и общий гул толпы. Багардо, великолепно и броско одетый, давал пояснения:

— ...а первой, справа от вас, дамы и господа, вы видите знаменитую мадам Палладни и ее смертоносных змей, пойманных с великим риском для жизни в кошмарных тропических джунглях Мальвана. Самая большая из них — констриктор. Если бы она могла схватить кого-то из вас... О! Она обвилась бы вокруг него, раздавила и задушила... А вот здесь у нас, дамы и господа, настоящий демон с 12-го уровня, вызванный к нам великим колдуном, Арканиусом из Фтаи. Я знал Арканиуса, да, да, это был настоящий друг! — Багардо промокнул сухие глаза изящным платочком. — Но вызывая это кровожадное чудовище, обладающее сверхъестественной силой и жестокостью, он оставил открытым один из углов магического пятиугольника, и демон откусил ему голову.

Публика дружно вздохнула, кто-то из женщин взвизгнул. Лоб, чьи слова я едва смог понять из-за страшного акцента, спросил:

— А как же он его скрутил? Без головы-то?

— Ученик Арканиуса проявил безмерное мужество и успел произнести тайное заклинание неподвижности...

Рассказ Багардо о моем прошлом увлек меня настолько, что я совсем забыл о своих обязанностях. только когда хозяин бросил на меня свирепый взгляд, я опомнился и начал двигать челюстями, подпрыгивать и гримасничать, словом, старался соответствовать созданному Багардо образу.

Столь же захватывающие подробности Багардо сообщил и о поимке Унгаха. Человек-обезьяна был посажен на цепь за

оградой, подальше от лбов. Когда лбы приближались к ограде, Унгах принимался выть, реветь и колотить по своей железной цепи.

Право, он производил впечатление существа даже более опасного, чем я.

После представления Багардо спустил Унгаха с цепи и открыл мою клетку. Унгах вошел в клетку и достал из ящика старый, побитый молью плащ и шляпу с широкими полями, пару драных сапог, пояс и кисет. Все это он надел на себя:

— Что это за маскарад, мистер Унгах? — спросил я.

— Приказ шефа. Пойду в Эвродиум за покупками. В сумерках деревенские примут меня за подсобного рабочего. Ха! Если бы они увидели меня, Унгаха-ужасного, говорящим вежливые фразы, то какой дурак пошел бы после этого в цирк? Купить тебе что-нибудь?

— Да я пока не знаю... Ты вот что мне объясни: чем вы расплачиваетесь за покупки?

— Деньгами. Багардо дал мне разрешение.

Час спустя Унгах вернулся с покупками: сладкое мясо, которым он поделился со мной, иголка, нитки, бритва и прочие мелочи. После обеда он уселся чинить свой плащ, когда к нам подошел Стиглар, укротитель львов. Стиглар, высокий костлявый человек с бледно-голубыми глазами и гладкими, цвета пакли, волосами, был северным варваром со склонов Схвена.

— Мистер Эдим! — позвал он. — Шеф умирает от желания тебя видеть.

Я заподозрил, что Багардо собирается устроить мне выволочку за скверную игру, и сказал Унгаху:

— Дружище, ты не мог бы пойти вместе со мной? Я нуждаюсь в моральной поддержке.

Унгах отложил шитье и встал. Мы прошли к маленькому личному фургону Багардо. Внутри он был нарядно украшен шелковыми занавесками, толстыми коврами, а под потолком сияла серебряная лампа. Багардо сидел за своим столом, подсчитывая что-то с помощью доски и куска мела.

— О, Эдим, — сказал он. — За все двадцать лет своей работы я ни разу не видел худшей игры. Я тебе попросту скажу: вонючка ты, а не чудовище.

— Прошу прощения, хозяин. Я изо всех сил стараюсь вам угодить, но ведь это не так-то просто. Вот если бы вы заплатили мне вперед, то, возможно, это вдохновило бы меня.

— Ого, вот как? Цирк накануне разорения, а тебе вздумалось бастовать? Что, решил нажиться на нашем горе? Чтoб ты сдох, демон! — Он с такой силой ударил кулаком по

столу, что подпрыгнула чернильница.

— Хорошо, сэр, ответил я. — Я сделаю все, что в моих силах. Однако, должен заметить, что в том состоянии нужды, в котором я нахожусь, это лучшее может оказаться весьма незначительным.

— Ах ты, дерзкая тварь! — взревел Багардо. — Я тебя проучу! — Он встал из-за стола и подошел ко мне. В руках у него был хлыст, которым он пользовался на манеже. Багардо ударил меня раз, потом другой. Я совсем не чувствовал ударов — это ведь была не волшебная палка!

— Это самые сильные удары, на которые вы способны, сэр? — вежливо спросил я, когда Багардо притомился.

Он ударил меня еще раз, потом отшвырнул хлыст в сторону.

— Черт тебя побери! Из железа ты сделан, что ли?

— Не совсем, сэр. Но моя ткань гораздо прочнее, чем ваша. Так как же насчет платы? Как говорят у нас, на 12-ом уровне, каждый насос требует подкачки.

Багардо, весь красный, смерил меня яростным взглядом. Потом он рассмеялся.

— Ну, ладно, ладно, ты и впрямь взял меня за жабры. Как насчет трех пенсов в день?

— Приемлемо, хозяин. И еще: не мог бы я получить плату за несколько дней вперед? Так, на карманные расходы.

Багардо достал из шкатулки девять пенсов.

— Как насчет партии в скиллет?

— А что это такое, сэр? — спросил я.

— Увидишь. — Багардо расставил маленький столик и четыре складных стула. Когда Стиглар, Унгах и я заняли места, Багардо достал пачку твердых продолговатых листочков с рисунками на них. Я знал, что обитатели Первого уровня играют во множество разных игр, пользуясь этими так называемыми «картами».

Правила скиллета оказались несложными. Одни комбинации карт имели большее значение, чем другие, и вся задача состояла в том, чтобы твои карты могли побить карты противника. Я пережил несколько неприятных минут, пытаясь приспособить карты к своим когтям, не привыкшим манипулировать подобными предметами. Эти проклятые штуки все время падали у меня на пол.

Багардо все время болтал. Как выяснилось, он славился своими успехами в сожительстве с женскими особями его племени. Особенно он гордился тем, что подобное сожительство удалось ему однажды с шестью женщинами за одну ночь в заведении, называемом «публичный дом». Честно говоря, подобная гордость самцов Первого уровня меня несколько озадачила. Ведь неисчислимое количество гораздо менее развитых живых существ (козлы, например) легко могут

дать человеческим самцам в этом отношении сто очков вперед.

Когда все отдали дань уважения мужской силе Багардо, он спросил меня:

— Эдим, с тех пор, как ты прибыл на этот уровень, ты видел каких-нибудь других колдунов, кроме дока Мальдивиуса?

— Нет, сэр, если, конечно не считать его ученика Граха, который... э... стал жертвой недбразумения. А в чем дело?

— Нам нужен колдун. Раньше у нас был старик Арканиус...

— Я слышал ваше упоминание о нем. Что же на самом деле случилось?

— Нечто не слишком отличное от той лжи, которую я о нем рассказываю. Арканиус экспериментировал с заклинаниями, слишком сложными для его старой башки. Однажды вечером мы увидели, что из его палатки выбивается голубое пламя, и слышали крики. Наутро никакого Арканиуса в палатке уже не было — только брызги крови. Я предлагал работу Мальдивиусу, но он отказался, бормоча что-то на счет Паалуа, дающего ему счастье. Он был тогда слегка под мухой. Ты не знаешь случайно, что он имел в виду?

— Нет, сэр. Я слышал только, что Паалуа — это земля могущественнейших колдунов за океаном, и это, пожалуй, все.

— Можно, конечно, использовать Дульнессу... Она кроме своей работы занимается еще и предсказанием счастья, но это совсем не то что иметь настоящего колдуна... Чей ход?

Багардо отыграл у меня все мои девять пенсов, монету за монетой. Я заметил, что время от времени его ноздри начинали как-то странно дрожать. Чаще всего это случалось, когда он находился накануне выигрыша очередной части моих денег. Однако я не мог суверенностью интерпретировать это ощущение.

Когда я лишился последнего фартинга, двери открылись, и вошла миловидная мадам Дульнесса, та самая, что скакала на мустангах. Хриплым голосом она крикнула:

— Эй, чистоплюи! Дождусь я от вас сегодня помощи, или нет?

Багардо сказал:

— Возьми Эдима. Он все равно продулся.

— Ты хочешь сказать, что он... способен?

— Конечно. Конечно. Демоны подвержены точно таким же чувствам, что и мы. А теперь забирай его и проваливай. Дай нам доиграть спокойно.

Озадаченный, я последовал за Дульнессой в ее фургон. Когда мы вошли, она повернулась ко мне с улыбкой и полуприкрыла глаза.

— Ну что ж, Эдим, — сказала она, — для меня это будет, во всяком случае, нечто новенькое и свеженькое. — Сказав это, она начала подчеркнуто медленно снимать свою одежду. Освободившись от последней ее части, Дульнесса легла на кровать. Я был искренне заинтересован, так как впервые видел живую человеческую особь женского пола без одежды. Я с удовольствием отметил, что иллюстрации учебников моего родного уровня полностью отвечают действительности, в точности воспроизводя все формы и органы этого экземпляра. Мои усики уловили вибрацию необычайной интенсивности, но я не мог распознать ее природу.

— Ну а теперь приступай, если ты вообще намерен приступить, — сказала она.

— Прошу прощения, мадам, — ответил я, — но я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— О, клянусь сосками Астис! Ты что, не знаешь, как... — и она произнесла целый ряд непонятных слов, добавив: — или как это там называется на вашей демонской земле?

Я начал понимать.

— Вы имеете в виду, совершать половой акт, мадам?

— О! Неплохо сказано! Ну да, именно это.

— Прошу прощения, но в школе меня учили правильному литературному новарианскому. Вульгаризмам мне предстоит научиться самому.

— Так извлеки же из-под своей чешуи нужную вещицу и... о, да ты меняешь цвет!

— Так на нас действуют эмоции, мадам. Уверяю вас, что я наделен соответствующим мужским органом. Только у нас он убирается вовнутрь, когда в нем нет нужды, а не болтается бесцельно и вульгарно, как у мужчин-самцов. Мне даже кажется, что именно в этом кроется причина вашего любопытного обычая, который издавна озадачивал наших философов — я имею в виду ношение различных предметов одежды даже в самую непереносимую жару. Далес, мы, демоны...

— Ты что, лекции читать сюда пришел? Не можешь, что ли? — закричала Дульнесса.

— Да я не знаю. Я, конечно, приложу все усилия, чтобы угодить вам, но сейчас не брачный сезон и, кроме того, женская особь Первого уровня не возбуждает во мне желания.

— Что же во мне не так, дракоша? Я, конечно, уже не так молода, как когда-то, но...

— Дело не в этом, если вы, мадам, извините такие мои слова. Обилие этой вашей мягкой, белой, голой кожи делает вас... как бы это сказать? Слишком мясистой. Это все равно, что иметь половые сношения с огромной мягкой рыбой... бр! Вот если бы здесь была моя жена Иез с ее хорошенькими

клыками и усиками и очаровательной блестящей голубой чешуей...

— Ну, так закрой глаза и представь себе, что здесь лежит твоя жена. Принимайся за дело.

— Что ж, как говорят у нас, ничего не испытывая, ничего не узнаешь. — Огромными усилиями воли я заставил появиться свой бесценный мужской орган и наполнил кровью поясницу. Когда ко мне пришла уверенность в том, что я справлюсь, я открыл глаза.

Дульнесса глядела на меня с ужасом.

— Немедленно убери эту мерзость! — закричала она. — О, боги! Да он похож на те булавы, которыми лупили друг друга древние рыцари. Ты бы просто-напросто убил меня им!

— Сожалею, что не могу быть вам полезен, мадам, — сказал я. — Я тоже боялся, что это не покажется вам приятным. Но почему же мистер Багардо послал к вам меня? Это похоже на одну из тех бессмысленных шуток, которые так любят изобретать человеческие существа. Если Багардо способен удовлетворить множество женщин зараз, то, мне кажется, он должен был быть только рад возможности...

— Да врет он все, прохвост! Только в болтовне и силен, а на деле... Ха! Последний раз ему пришлось звать на помощь Стиглара. А вот человек-обезьяна — другое дело. Этот стоит троих.

— И все человеческие особи женского рода испытывают такую потребность в постоянном наполнении?

— Нет, я особый случай. А все Арканиус виноват, зараза. Я отшила его, а он наложил на меня за это проклятие ненасытности... Грязный старикашка! Какое счастье, что его сцапал демон! Но я-то осталась заколдованной, и ни один колдун не может снять заклятия.

— Возможно, со временем его действие сотрется, — предположил я. — С заклятиями так бывает.

— Хорошо бы... А то ведь свихнешься, если несколько раз в день не получишь своего...

— Но ведь когда крутом столько жаждущих подсобных рабочих...

— Сколько раз в год они моются? Нет уж, я предпочитаю чистых любовников. Но знаешь, иногда так припрет... Ну, ладно. Что там у тебя с картами? Насколько тебя обчистили? Я рассказал о своей потере.

— Ха! — воскликнула она. — Это похоже на Багардо: сначала дать деньги, а потом за карточным столом отобрать их.

— Ты хочешь сказать, что он меня обманул?

— Конечно. А ты как думал, недотепа?

Я поразмыслял.

— Должно быть, в этом и заключается суть уловленной мной вибрации.

— Ты умеешь читать мысли?

— Нет, только улавливаю различные вибрации, которые выдают эмоции других существ.

— Сколько он тебе платит?

— Три пенса в день.

Она хрипло захохотала.

— Мой дорогой Эдим, сейчас же ступай к Багардо и заставь его удвоить эту сумму: даже наемным рабочим он платит по шесть пенсов. Тогда и деньги у тебя будут, и этому мошеннику нос утрет.

Я сделал все, как она мне посоветовала. Багардо от всего сердца посмеялся над рассказом о неудавшемся обольщении Дульнессы. Это привело его в такое хорошее расположение духа, что он даже согласился повысить мне плату, конечно, принимая во внимание исчезнувшую половину. Мы возобновили игру. Я был настороже и ловил волны-предупреждения. Вскоре мне удалось несколько раз добиться преимущества. Багардо пристально посмотрел на меня и сказал:

— Должно быть, я утратил чутье карты. Как бы там ни было, пора спать. Нам придется рано вставать — двинемся в Ориноко. Но я должен сказать, мастер Эдим, что ты овладел искусством игры в скиллет быстрее, чем любой из моих учеников. Ты, милый, часом мысли не читаешь?

— Нет, хозяин. — Мой ответ был правдивым, если употреблять слово «мысли» в точном значении этого слова, как способ интеллектуального выражения, но с философской точки зрения это слово можно было толковать шире, включая его в круг образов и эмоций, поэтому я добавил: — Принцип не труден. Как говорят в моем мире, совершенство достигается практикой.

— Очень жаль, что ты не читаешь мысли: я мог бы использовать это в представлении. А теперь запомни: когда появляются посетители, ты должен вести себя, как настоящий дикарь. Они именно того и ждут. Рычи, вой, трясись решетку, словно хочешь сразиться с парочкой львов. Сделай вид, что ты хочешь вырваться из клетки.

Унгах сказал.

— Шеф, я думаю...

— Оставь свои мысли при себе, мастер Обезьяна. Я уверен, что демон свое дело знает.

Ориноко, лежащий у Кийамоса выше Ира, крупнее, чем Эвродуим, но меньше Чемниза. Мы планировали провести там два полных дня и дать три представления: два вечером и одно следующим утром. Первое представление мы начали тем же вечером.

Первым лбом, вошедшим в палатку с чудовищем, был старик с неуверенной походкой. По исходящему от него запаху вина я заключил, что нетвердость его походки объясняется не одним лишь возрастом. Он неуверенно приблизился к моему фургону и вперил в меня мутный взгляд. Я тоже уставился на него, не желая утруждать себя приступами «ярости» для одного-единственного зрителя. Старик вытащил бутылку и отхлебнул из нее. Потом пробормотал:

— Чтoб мне в дерьме утонуть, уже повсюду их вижу. Вон, привидение! Сгинь! Изыди! О, боги, дайте мне пить свое молочко спокойно! Единственное мое утешение, в мои-то годы...

Он зарыдал и побрел прочь, а в палатку хлынули другие гляделки. Когда Багардо произнес свою речь, я завыл, зарычал, заскрежетал и принялся трясти решетку. Помня наставления, я выбрал два прута и тянул их, пока они не согнулись. Ближайшие лбы отпрянули, но те, кто стоял дальше, подались вперед. Багардо послал мне одобрительную улыбку. Ободренный, я рванулся вперед, как дракон с болот Кшака, и пустил в ход всю свою силу. Прутья подались. Один с громким треском вылетел из нижнего паза. Я вырвал его и отшвырнул. Потом, как мне было велено, я просунулся в образовавшееся отверстие и выскочил из клетки, рыча на ближайших зевак. Я не имел намерения причинять вреда посетителям. Но передние зрители с ужасающими криками бросились назад. Через несколько мгновений земля покрылась месивом барахтающихся тел. Обитатели Первого уровня боролись, вскакивали и снова валились друг на друга. в ужасе крича:

— Дракон на свободе!!!

Когда они вывалились на улицу, их паническое состояние передалось другим, и вся толпа ринулась к выходу из главного шатра. За все время моего пребывания на 12-ом уровне я никогда не был свидетелем такого нелепого поведения. Может, мы, демоны, и тугодумы, но никакой неприятный сюрприз не сделает нас безумцами.

Некоторые пытались взобраться наверх или спрятаться под складками ткани, опоясывающей участок. Те, кто был сбит с ног или ранен, ковыляли или ползли к выходу. Борьба разгоралась с новой силой. Несколько игорных касс опрокинулось, и горожане начали растаскивать добычу. Шатер затрещал. Кто-то крикнул:

— Эй, деревенщина!

Как потом выяснилось, это относилось к нашим подсобным рабочим, и те, разозлившись, обрушились на лбов с шестами от палаток и другим подхваченным на ходу оборудованием. Оглушающий шум затих лишь тогда, когда все лбы, еще способные передвигаться, убежали. Многие

остались лежать на участке — одни из-за ушибов, другие потому, что были без сознания. Я отыскал Багардо, носившегося тут и там в тщетной попытке навести порядок.

Увидев меня, он закричал:

— Ты разорил меня, вшивый ублюдок! Я убью тебя за это!

Другие бегущие разъединили нас, и я потерял его из виду. Я поспешил за Унгахом тушить пожар, вспыхнувший в одной из палаток. К тому времени, когда мы его одолели, человек в шлеме и кольчуге, со шпагой в руке, появился верхом у входа. За ним пешим ходом следовала толпа местных с ломами, острогами и палками. Тот, что сидел на лошади, протрубил сигнал.

— Кто, сорок девять чертей, ты такой? — заорал Багардо, пытаясь преградить ему путь.

— Бальто, констебль Акникса, а это — представители от города. Теперь слушайте. Все вы отправляетесь под арест за оскорбление граждан Ориноко. Там вам будет предъявлено обвинение в совершенном преступлении. Поскольку наша тюрьма не вместит столько людей, вы останетесь здесь до завтрашнего утра под стражей... Эй, эй, куда?! Остановите его!

Багардо бежал среди палаток. Прежде чем кто-либо успел схватить его, он вскочил на лошадь, пустил ее галопом и ринулся сквозь толпу.

— В гробу я тебя видел! — проорал он на скаку.

Лошадь перескочила через ограду, и Багардо исчез в ночной тьме. Констебль Бальто выкрикнул приказ своим людям, которые устремились в погоню за Багардо. Некоторые из циркачей успели ударить с участка раньше, чем замкнулся круг. Я сказал Унгаху:

— А не лучше ли нам тоже убежать?

— Зачем? В этом городе нам не скрыться — каждый постарается нас поймать. Лучшее, на что мы можем надеяться, это приличные хозяева. Так что держись веселее.

Констебль вернулся ни с чем. Лошадь его была вся в мыле. Занялись пострадавшими. Во время паники один человек скончался. Было много покалеченных — со сломанными ногами и ребрами. Кроме того, против Багардо Великого ополчились все, кому в свалке намяли бока или попортили одежду. Даже если бы Багардо был хозяином десяти процветающих балаганов, он был бы бессилен против разъяренной толпы. Если бы он не сбежал, то, возможно, окончил бы свои дни в долговой тюрьме.

Перед магистратом Ориноко я объяснил, что на самом деле никогда не был тем кровожадным чудовищем, за которое меня выдавали, что я всего лишь несчастный, работающий по контракту демон, который пытался следовать указаниям своего хозяина.

— Ты не похож на настоящего демона, — сказал член городского магистрата, — а с другой стороны, ты и не человек, так что твое уничтожение можно было бы считать убийством. Многие граждане требуют этой меры для собственной безопасности.

— Позвольте мне заметить, что это не такое простое дело, ваша честь, — скромно сказал я. — Так скажет любой, имеющий отношение к 12-му уровню. Кроме того, я всегда смогу избежать подобной участи, вернувшись на свой родной уровень. — Я лукавил, ибо забыл часть нужного для возвращения заклинания. — Но, пока ко мне не применяют чрезвычайные меры, я готов сотрудничать с добрыми гражданами Ориноко, повинаясь их законам и выполняя свои обязательства.

Член магистрата — один из немногих благоразумных жителей Первого уровня, которых мне приходилось там встречать, — согласился с тем, что мне нужно предоставить соответствующие возможности. Половина трупы или около того успела бежать. Те же, кого успели схватить, имели так мало собственности, что магистрат счел за благо отпустить их, а не брать на тюремное иждивение.

Животные, включая Унгаха и меня, а также фургоны, палатки и прочее имущество были собраны, переписаны и отправлены в Ир на продажу. Аукцион был ужасен, но он все же принес сумму, необходимую для покрытия расходов истцов из Ориноко.

Именно таким образом был куплен мой контракт — на аукционе за городом — и купил его агент мадам Роски из Ира.

Глава 4

МАДАМ РОСКА

Ир — странный город, лежащий на холмах за маленьким притоком Кийамоса — Вомантиконом. Если не считать высокой цилиндрической башни у входа, то можно сказать, что весь город находится под землей. Это сделал для укрепления своих позиций Ардимах Ужасный в период объединения всех 12-ти новарианских наций под одно правление. Найдя в холмах Ира огромное количество крепкого гранита, он приказал заложить город внутри горных склонов, чтобы туннели и пещеры служили основой улиц и домов. Спрятав удостоверяющий мою личность контракт за ворот фуфайки, Нойтинген, агент мадам Роски, сказал:

— Пошли, о, Эдим. Моя хозяйка ждет тебя.

Мастер Нойтинген подвел меня к башне. То было сооружение из хорошо обработанных гранитных плит сто футов

высотой и около трехсот футов в диаметре. Площадка, достаточно широкая для того, чтобы по ней мог проехать грузовой фургон, спиралью вилась вокруг цилиндра. Она была устроена с таким расчетом, чтобы правый, незащищенный бок поднимающегося, был обращен к стене.

Третья часть подъема оканчивалась массивным порталом, створки которого были сделаны из целых стволов деревьев, соединенных медными скобками. Сейчас ворота были широко открыты. От площадки, на которую они выходили, поднималась вверх узкая спиральная лестница. Она делала вокруг башни один полный поворот и заканчивалась высокой узкой дверью.

Зубчатая верхняя кромка башни была еще выше. Она вся была испещрена бойницами для катапульта. Кроме того, крыша защищала сложное сооружение, назначение которого я не мог понять, пока не подошел к нему поближе. Нойтинген провел меня через главные ворота мимо высоких белокурых охранников.

— Кто эти парни? — спросил я. — Они не похожи на новарианцев.

— Наемники из Швенра. Мы — не волки, а нация мирных фермеров и торговцев. Поэтому мы нанимаем швенров делать за нас кровавую работу. В мирное время, вот как сейчас, они служат в гражданской охране и в полиции.

За воротами находился круглый открытый двор. Он занимал центральную часть башни. Вдоль стен шла цепь обширных помещений, соединенных между собой — то было место для защитников города и их арсенала. На самом верху располагалась галерея в форме кольца, на которой стояли катапульты.

Здесь же находилось сооружение, которое я приметил раньше. Это было большое зеркало, соединенное с часовым механизмом так, что его движение в течение дня соответствовало движению солнца. Планируя город, Арदिмах пренебрег проблемой вентиляции. Для того, чтобы видеть в своих подземных жилищах, горожане были вынуждены пользоваться лампами и свечами, а для того, чтобы готовить пищу, использовать горючее. Дым и гарь действовали на людей самым неблагоприятным образом, не говоря уже о порче воздуха. По мере того, как город рос и его галереи все больше углублялись в гору, положение еще больше ухудшалось.

Наконец, один неглубокий синдик убедил людей изготвить систему освещения, основанную на отражении солнечного света. Таким образом можно было обойтись без ламп хотя бы в солнечные часы.

Главное зеркало, установленное на верхушке башни Арदिмаха, направляло лучи вниз, во двор, откуда другое

зеркало отражало их на главную улицу — проспект Ардимаха. Зеркала поменьше снабжали светом боковые улочки и индивидуальные жилища.

Когда я говорю о жилых пещерах, не следует воображать естественные пещеры, украшенные сталактитами. Город Ир был вырублен в скале искуснейшими каменщиками.

По своим удобствам, если не считать того, что вместо неба над городом стелился каменный потолок, он ничем не отличался от любого другого богатого города Первого уровня.

Фронтоны домов, достигающие этой каменной крыши, были похожи на фронтоны домов в других городах. Строители даже испещрили камень черточками, имитируя кирпич, из которого строятся здания на поверхности. На самом-то деле стены этих строений представляли собой единую каменную глыбу, их просто хотели сделать более привычными для глаза.

Большая часть жилых домов находилась на том же уровне, что и башня Ардимаха. Существовали и другие уровни, более высокие и более низкие, чем главный, но этот считался основным. Когда мы прокладывали себе путь сквозь толпу на проспекте Ардимаха, Нойтинген спросил:

— Скажи, первый контракт заключил на тебя колдун Мальдивиус?

— Да, сэр. Он перетащил меня с моего уровня, а позже продал мой контракт богачу Багардо.

— Когда ты жил у Мальдивиуса, не было ли в доме крупной кражи?

— Именно так, сэр. Вор унес его магический камень, который Мальдивиус называл сибиллическим сапфиром. Он винил за эту потерю меня и из-за этого продал мой контракт.

— Кто взял камень?

— Это был... сейчас вспомню... Мальдивиус сказал, что вором был один тип из Хендау, которого он когда-то знал. А в чем дело, сэр?

— Ты узнаешь об этом, когда познакомишься со своей новой хозяйкой, мадам Роска — сэр Бликснес.

— Мастер Нойтинген, ради всего святого, объясните мне вашу систему имен и титулов. Я всего лишь несчастный невежественный демон...

— Она вдова синдика Бликснеса и теперь сама хочет стать синдиком.

Он свернул в боковую улицу и остановился перед одним из наиболее солидных зданий. Слуга — маленький смуглый человек с крючковатым носом — впустил нас. Одевание и головная повязка выдавали в нем жителя Федируна. Он провел меня в кабинет моей новой хозяйки, меблировка которого также отличалась от меблировки кабинета Мальдивиуса или фургона Багардо, как вино от воды.

Хотя день был солнечный и горожане не должны были пользоваться искусственным освещением, здесь горели три свечи, вставленные в роскошные подсвечники.

Мадам Роска сидела за письменным столом. На ней было длинное одеяние из прозрачной, как паутина, материи, через которое ясно просвечивало холеное тело. Подобный вид женщин завораживает и волнует мужчин — еще одна странность в поведении этого вида живых существ.

Мадам Роска была высокой стройной женщиной с седыми волосами, аккуратно собранными в изящную прическу. Лицо у нее было тонким, четко очерченным. Словом, лицо того типа, который, как мне говорили, считается в Новарии образцом красоты. Сам я не судья в подобных вопросах, поскольку все обитатели Первого уровня кажется мне похожими. Хотя она давно уже миновала пору юности, ей удалось сохранить большую часть качеств, свойственных этому периоду жизни.

Когда федируни ввел нас, она улыбнулась.

— Я вижу, ты его привел, мой дорогой Нойтинген.

— Ваша воля исполнена, — ответил торговый агент, опускаясь на одно колено.

— Дорогой Нойтинген, какая преданность! Покажи мастеру Эдиму мое жилище, представь моему персоналу и объясни его положение... нет, я передумала. Подойди ближе, о, Эдим.

Мне польстило обращение «мастер» — как правило, этот титул не употреблялся при обращении к слугам. Я подошел.

— Ты — тот, кто служил у доктора Мальдивиуса в его укрытии под Чемнизом?

— Да, мадам.

— Ты слышал, что он говорил об опасности, нависшей над Иром?

— Да, хозяйка. Он договаривался с синдиком Джиммоном о цене за эту тайну.

— И он продал твой контракт за то, что ты позволил вору из Хендау украсть волшебный камень?

— Да.

— Ты когда-нибудь присутствовал при том, как он смотрел в магический кристалл?

— Более того, мадам, он сам настаивал на том, чтобы я стоял на страже во время его озарений. Так что я хорошо познакомился с его методами.

— А, вот как. Посмотрим. Пойдем же в одну из моих молелен и попробуем использовать твои знания. Я хорошо знакома с его методами. Ты можешь идти, Нойтинген.

— Если ваша светлость считает, что для нее безопасно оставаться наедине с этим...

— О, не бойся за меня. Мой маленький человек-дракон — образец верности. Идем, Эдим.

Молельня была крохотной восьмиугольной комнатой, расположенной в угловой части дома. Как и кабинет, она была полна всяческих магических приспособлений. На столе в центре стоял сосуд. В нем покоился драгоценный камень, в котором я без труда узнал сибиллический сапфир.

— Это камень Мальдивиуса? — спросил я.

Она усмехнулась.

— Ты угадал. Он стоил мне немало. Его купил Нойтинген у известного скупщика краденого, но безопасность наших земель требует, чтобы он находился в надежных руках. Кроме того, у Мальдивиуса слишком много старых врагов в Ире, чтобы он мог вернуться сюда и начать меня преследовать. А теперь расскажи мне, что именно говорил Мальдивиус перед своими озарениями.

— Прежде всего, моя госпожа, он молился. Потом...

— Какую именно молитву он произносил?

— Ту, которой обращаются к Зеватасу, ту, что начинается словами «Отец, Зеватас, король богов, создатель Вселенной, господин всех, да славится в веках имя твое...»

— Да, да, я знаю. А что потом?

— Потом он готовил смесь из трав...

— Из каких трав?

— Я не знаю всех из них, но думаю, что там была базилика, если судить по запаху.

Мадам Роска достала одну из своих книг по магии и принялась изучать рецепты. С помощью этой книги и того, что я смог вспомнить из действий Мальдивиуса, мы восстановили большую часть заклинаний, помогавших колдуну погружаться в транс.

Наша работа застопорилась.

— Очень гадко с твоей стороны, Эдим, дорогой, просто очень гадко, быть таким невнимательным и ничего не запомнить, — сказала она, зевая.

Меня насторожило обращение «дорогой», и я стал уже опасаться, не повторится ли сейчас то, что произошло у меня с Дульнессой, ненасытной наездницей. Однако мои усики не уловили ничего, что могло бы говорить о ее сексуальных эмоциях. Позднее я узнал, что то был обычный для Роски стиль обращения. Для того, чтобы с успехом иметь дело с обитателями Первого уровня, нужно как следует уяснить себе, что в доброй половине случаев он вовсе не имеют в виду того, что говорят.

Она продолжала:

— Ах, как я устала от этого занятия! Мое искусство ждет меня. Авад!

Появился федируни. Он отвесил поклон.

— Уведи мастера Эдима, — сказала Роска, — и до

завтрашнего дня пусть займется чем-нибудь по хозяйству. И... что еще?.. вели Фонибору назначить ему плату в десять пенсов. Благодарю вас.

Пока Авад вел меня, я спросил:

— Что представляет собой искусство ее светлости?

— В этом году — живопись.

— А что было раньше?

— В прошлом году — украшения из перьев, в позапрошлом — игра на цитре. В следующем году, я думаю, будет еще что-нибудь.

В течение следующих дней я узнал о том, что мадам Роска — очень талантливая, энергичная женщина. Тем не менее она никогда не могла следовать по одному пути до конца. Она меняла мнения и планы чаще, чем кто-нибудь другой из известных обитателей Первого уровня, хотя все они не отличались постоянством. Помня Джиммона, я удивлялся тому, что такая легкомысленная особа сумела не только сохранить, но и приумножить унаследованное ею богатство. Я заключил, что за ее легкомыслием скрывается острый ум или что она являет собой редкий случай удивительного везения.

С другой стороны, она всегда была уравновешенна, вежлива, изящна — даже в обращении с самыми незначительными существами из тех, кем ей приходилось командовать. Когда она доводила их до бешенства свойственными ей внезапными переменами планов, а слуги ворчали и ругали ее в своих комнатах, непременно находился кто-нибудь, кто говорил:

— Но все-таки она настоящая госпожа.

Подобные собрания среди ее двенадцати слуг были частыми — Роска не требовала от них строгой дисциплины. Кроме того, они любили поболтать. Между прочим, я узнал, что половина свободных мужчин высших кругов Ира являлись поклонниками Роски и претендовали на ее руку. Или, по крайней мере, на состояние Бликсна. Значительная же часть несвободных мужчин с удовольствием бы обменяли на нее своих жен. Слуги строили догадки по поводу того, кто сможет достичь цели, но пока не было никаких свидетельств того, что кому-то удалось продвинуться в этом направлении дальше других.

Вместе с Роской мы восстановили процедуру заклинания Мальдивуиса и готовились уже приступить к делу, когда она сказала:

— Ох, нет, Эдим, дорогой, меня вдруг обуял ужас от одной мысли о том, что я могу увидеть. Лучше ты займи мое место. Ты умеешь гадать по кристаллу?

— Не знаю, мадам, я никогда не пробовал.

— Так попытайся сейчас. Начни с молитвы Зеватасу.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы угодить вам, — сказал я и занял ее место.

Я прочитал молитву, но ничего не почувствовал, ибо боги Нинга не имеют ничего общего с богами Новарии. Я втянул в себя дым и начал произносить заклинание Мальдивиуса.

Довольно скоро мерцающий в сапфире свет начал приобретать форму. Сначала появилась как бы затянутая облаками сцена: часть неба и облако, земля и море, все перемешенное и изменяющееся. Один раз мне показалось, будто я смотрю вниз на землю с высоты птичьего полета, а уже в следующее мгновение мне привиделось, что я лежу на лугу, глядя сквозь стебли трав. Потом я словно бы погрузился в море, где тусклые, снабженные плавниками существа перемещались в голубоватом свете. Спустя какое-то время я научился управлять этими эффектами, так что видимость стала приличной.

— Что я должен искать? — спросил я. Говорить во время подобного состояния транса — все равно что пытаться беседовать, когда голова твоя обернута одеялом.

— Угрозу, которую Мальдивиус предсказал Иру, — ответила она.

— Я слышал об этой угрозе, но Мальдивиус ничего не сказал о ее природе.

— Давай подумаем. Что, если какая-то соседняя нация замышляет недоброе?

— Я ни о чем подобном не слышал. Находится ли кто-нибудь из соседей во враждебных отношениях с Иром?

— Мы в мире со всеми, но этот мир тревожнее, чем обычно. Тонис с Ксилара настроен недружелюбно. Он находится в союзе с гованниканами, заключенном против нашего союзника Метуоро. Но все это не так уж страшно, кроме того, Тонис скоро лишится своей головы.

— Мадам! В чем провинился этот человек, что вы так спокойно говорите о его скорой смерти?

— Таков обычай Ксилара — каждые пять лет отрезать голову своим правителям и использовать ее как метательный снаряд при выборах нового короля. Но хватит об этом, вернемся к нашей угрозе. Может, эта опасность грозит нам из какой-нибудь дальней земли — например, из Швенра, лежащего за Эллорнасом, или из заморского Паалуа?

— Я вспомнил, — сказал я. — Багардо ссылался на слова Мальдивиуса о том, что люди из Паалуа должны обогатить его.

— Тогда лети... я хочу сказать, пусть твое мистическое зрение летит в Паалуа и посмотрит, что замышляет этот народ.

— В каком направлении, моя госпожа?

— На запад.

За время беседы картина в сапфире вновь сделалась расплывчатой, и мне понадобилось некоторое время, чтобы навести резкость. Я заставил свое зрение подняться вверх и мысленно повел его к западу, ориентируясь по солнцу. Мой самоконтроль все еще оставлял желать лучшего — один раз я наткнулся на холм, так что все погрузилось в темноту и оставалось таким, пока я не выбрался из него на другой стороне. Холмы Ира проплывали подо мной, за ними показалась прибрежная равнина и долина реки. Я пролетел над Чемнизом с его кораблями, над Эстуарием и над широким голубым морем.

Я летел над морем — милю за милей — не видя ничего, кроме морских птиц, да один раз — кита. Потом в поле моего зрения появилось скопление черных точек. Вскоре они превратились в армаду кораблей. То были длинные, остроносые суда с квадратными парусами, надутыми свежим ветром.

Я спустился ниже, чтобы разглядеть их получше. На палубах виднелись люди, во многом отличающиеся от новарианцев. Большинство они были обнаженными, лишь некоторые имели на себе небрежно наброшенные плащи. Моряки были чернокожими, с курчавыми волосами и курчавыми же бородками. У некоторых волосы и бороды были не густо-черными, а рыжевато-коричневыми. Черные глаза смотрели из-под мохнатых бровей, а носы у этих существ были широкими и плоскими, без переносиц.

По мере того, как я описывал увиденное, мадам Роска становилась все взволнованнее. Потом в мои действия вмешались. С полушота корабля, над которым я повис, выступил костлявый старый паалуанец с белой бородой и волосами. Он держал в руке нечто, напоминающее берцовую кость человека, и взор его медленно скользил вокруг. Наконец он, казалось, сумел разглядеть меня сквозь глубины камня. Старик что-то гортанно крикнул, указывая на меня костью. Изображение сделалось неясным, потом разбилось на отдельные пятна и превратилось в размытое пятно света.

Когда я рассказал об этом Роске, она принялась ходить по молельне, нервно покусывая ногти.

— Паалуане, — сказала она, — всегда были склонны к злобным выходкам. Нужно предупредить синдиков.

— Чего хотят эти паалуане, мадам?

— Запастись продовольствием, только и всего.

— Вы хотите сказать, что они каннибалы?

— Вот именно.

— Расскажите мне, госпожа, что они за люди? Насколько я понимаю, на этом уровне люди, которые ходят голыми и пожирают себе подобных, считаются неразвитыми дикарями.

Однако паалуанские корабли показались мне отлично построенными и оборудованными. Впрочем, я не очень хорошо разбираюсь в этом.

— Они не дикари, их цивилизация — высокоразвитая, но в корне отличная от нашей. Многие из их обычаев, например хождение голыми на виду у всех и людоедство, мы считаем варварскими. Так что же нам делать? Если я пойду к синдикам, они скажут, что я нарочно пугаю их, чтобы получить место в правлении. Может, ты предупредишь их?

— Но, мадам, если я явлюсь к ним с этим сообщением, то вынужден буду рассказать все, что я увидел. А у меня нет никаких прав требовать внимания.

— Понимаю, понимаю. Похоже, нам придется заняться этим делом вместе. Ах, бремя гражданского долга так изнуряет женщин.

Вскоре мы с мадам Роской, одетой для выхода, ждали носилки. Но тут в дверь постучала ее подруга. Когда эта женщина вошла, начались возгласы: «Дорогая!» и «Бесценная!». Вскоре я понял, что важный разговор с синдиками предан забвению. Обе женщины сидели и увлеченно разговаривали. К тому времени, когда посетительница ушла, отражение солнца потускнело. Приближалось время обеда.

— Сегодня идти уже слишком поздно, — устало сказала Роска. — Успеем завтра.

— Но, мадам! — воскликнул я. — Если этим дикарям нужно всего несколько дней, чтобы достигнуть побережья, не следует ли поторопиться с известием? Как говорят на моем уровне, один гвоздь, вовремя забитый в доску, может со временем спасти десять человек.

— Хватит, Эдим, оставим эту тему. Страшно неприятно, что мадам Маилакис пришла именно в такое время, но не могла же я вытолкать ее за дверь! Это было бы неучтиво.

— Но...

— Ну, ну, Эдим, дорогой! Все это так неприятно, и мне хочется забыться на время за чтением книги. Принеси мне из библиотеки экземпляр «Вечной любви» Филмса.

— Мадам Роска, — сказал я. — Я сделаю все, чтобы вы были довольны, но... позвольте говорить откровенно: я убежден, что вам следует посетить Совет синдиков безотлагательно. Иначе все мы, включая и вас, можем оказаться в смертельной опасности. Я не был бы верен своему долгу, если бы не указал вам на это.

— Дорогой Эдим! Ты самый преданный из моих слуг. Авад! Составь список членов совета и после обеда навести их. Скажи, что завтра в третьем часу я буду ждать их в Рилдхолле с важными новостями...

Когда встреча состоялась, Джиммон, главный синдик, сказал:

— Ты тот самый демон с 12-го уровня, который был в услужении у доктора Мальдивиуса?

— Да, сэр.

— Как твое имя? Стам или что-то в этом роде?

— Эдим, сын Акха, сэр.

— Ах, да! У вас на 12-ом уровне необычайно уродливые имена. Ну, Роска, так в чем же дело?

— Господа, — начала она, — вы помните, что в прошлом месяце доктор Мальдивиус пытался вытянуть из Совета синдиков деньги в обмен на сведения об опасности, грозящей Иру.

— Я хорошо это помню, — сказал синдик, — и все еще думаю, что старик блефовал. Не было у него никаких известий.

— Этот Мальдивиус — известный пройдоха, — заметил другой. Неудивительно, что ему стало слишком жарко в этом городе.

— И тем не менее, — сказала Роска, — я узнала о том, какая опасность угрожает городу. Мальдивиус не лгал.

— О? — произнесли сразу несколько человек. У всех у них был скучающий, сонный вид. Большей частью они были пожилыми, а многие еще и тучными. Тенерь же они выпрямились и весьма оживились.

— Да, — продолжала Роска. — Недавно в мои руки попал драгоценный магический камень, и мой слуга увидел в нем приближающуюся угрозу. Расскажи им, Эдим.

Я описал все, что видел. На некоторых мой рассказ явно произвел впечатление, другие усмехались:

— Уж не думаете ли вы, что мы поверим на слово этому чудовищу?

Споры бушевали в течение часа. Наконец Роска сказала:

— Есть ли у кого-нибудь из Ваших Превосходительств дар к предвидению?

— Только не у меня, — отозвался Джиммон. — Я и не подойду к камню. Уж слишком все это напоминает гадание на кофейной гуще.

Остальные вторили ему эхом, пока один из синдиков, некий Кормаус, не сказал, что в юности увлекался оккультизмом.

— Тогда вам всем следует пойти со мной и быть свидетелями того, как мастер Кормаус впадет в транс и расскажет вам о том, что он увидит, — решила Роска. — Возможно, ему вы поверите.

Часом позже Кормаус сидел в кресле перед сапфиром, а вокруг него толпились остальные синдики. Он говорил

негромко, но голос его заставил побледнеть лица государственных мужей.

— Я... вижу... корабли... паалуан, — бормотал он. — Они... лишь... в... нескольких... милях... от Чемниза... Они... подойдут... к земле... завтра...

Один за другим синдики уверовали. Один из них сказал:

— Поспешим назад, в Рилдхолл, нужно решить, что делать дальше.

— Нет времени, обсудим все здесь, — возразил Джиммон. — Можно воспользоваться вашей задней комнатой, мадам?

Когда они все расселись, Роска заметила:

— Ну, теперь вы, наконец, перестанете возражать против того, чтобы я вошла в состав Совета, несмотря на легкомысленность представляемого мною пола?

— Спор об этом возникал еще до того, как вы нас предупредили, — ответил Джиммон.

— Выходи за меня замуж, Роска, — предложил один из синдигов, — и будешь женой синдика, что означает славу без излишних хлопот и неприятностей.

— Лучше выходи за меня, — сказал другой, — и используй мое влияние для того, чтобы добиться места. Нет ничего плохого в том, чтобы в одной семье было два синдика.

Еще один сказал:

— У меня, правда, есть жена, но если прекрасная Роска войдет со мной в... э... соглашение...

— Заткни пасть, варвар неотесанный! — вмешался Джиммон. — Вы же знаете, что мадам Роска — в высшей степени целомудренная женщина, если уж она войдет в подобное соглашение, так со мной. Я, между прочим, побогаче вас буду. А теперь — как быть с этими черными каннибалами, а?

— Если мы не заплатим Залону за то, чтобы послать флот на север, на борьбу с алгартскими пиратами, — заметил один, — их флот мог бы легко победить паалуан.

— Но мы же заплатили, — отрезал Джиммон, — и залонианский флот отплыл. Нечего и думать, чтобы связаться с ним сейчас.

— А кто так долго торговался с Мальдивиусом? Если бы не ты... — заворчал другой.

— Порази тебя сифилис! Как будто ты не знаешь, что я имею дело с деньгами налогоплательщиков, — огрызнулся Джиммон. — Да согласись я на первое предложение Мальдивиуса, вы сами сняли бы с меня скальп за разбазаривание богатств Республики. И вообще, хорошо ли, плохо ли, но что сделано — то сделано. Что сейчас предпринять — вот в чем вопрос.

— Армия! — осенило одного.

— Опять забыли? — возразил Джиммон. — Мы же

продали наши резервные части, чтобы получить деньги для уплаты Верховному Амिरалу Залона за алгартскую экспедицию.

— О, боги! — простонал еще один. — Что за идиотские сделки!

И так продолжалось часами — все ныли и обменивались язвительными замечаниями. Каждый синдик пытался свалить вину на других. С пользой проведя день, синдики решили провести немедленную мобилизацию милиции и приказать всем, не имеющим оружия, заняться собственноручным его изготовлением. Командующим решено было назначить самого младшего из синдигов, финансиста по фамилии Ларолдо. Он сказал:

— Я глубоко признателен за ту честь, которую вы оказали мне, господа, и постараюсь по мере возможности оправдать ваше доверие. Но сейчас я все же хочу попросить вас сохранить ваши решения в секрете до завтрашнего дня — за это время мы опубликуем наши декреты и отправим посланца в Чемниз, чтобы предупредить чемнизян. Думаю, Ваши Превосходительства согласятся со мной, — и он подмигнул своим коллегам синдикам.

Мадам Роска резко бросила:

— Зачем отсрочки? Каждый час дорог.

— Что ж, как бы там ни было, а сегодня уже слишком поздно что-либо предпринимать. Кроме того, нужно сделать все, чтобы избежать волнений. Паника в подземном городе может привести к катастрофе.

— Ах вы, болтуны! — сказала Роска. — Знаю я, к чему вы клоните. Вы хотите порыскать по рынку и скупить еду и прочие необходимые товары, зная, что цены на них резко подскочат, особенно, если Ир будет осажден. Как вам не стыдно так бессовестно пользоваться своим преимуществом перед людьми?

— Дорогая моя Роска, — ответил Джиммон, — ты всего лишь женщина, хотя и прекрасная и умная. Поэтому ты не черта не смыслишь в подобных вещах.

— Прекрасно я понимаю! Я расскажу людям о ваших замыслах...

— А мне сдается, что ты не сделаешь ничего подобного, — возразил ей Джиммон. — Это ведь официальная встреча, и все ее решения должны строго контролироваться. Любой, кто безрассудно разболтает то, что здесь происходило, до официального сообщения, может быть подвергнут штрафу в размере всего его состояния. А ты, дорогая моя Роска, слишком хрупка, чтобы самой себя содержать. Я ясно выразился?

Мадам Роска залилась слезами и вышла из комнаты. Заседание было объявлено закрытым, и синдики с явным

нетерпением принялись разбирать свои плащи и шляпы. Мои усики подсказали мне, что Роска была права — они стремились попасть на рынок и в магазины до закрытия, прежде чем поползут слухи и поднимутся цены.

На следующий день приказы Совета синдиков были опубликованы, а двое посыльных поспешили с сообщениями в Чемниз. Весь день Ирбыл охвачен лихорадочным возбуждением. Более ста тысяч ополченцев — все, для кого было найдено оружие, и двести наемников скопились на равнине за башней Ардимаха. Построившись в отряды, они двинулись по дороге на Чемниз. Войско представляло собой внушительное зрелище: над головами воинов развевались знамена, а впереди, облаченный в сверкающие доспехи, скакал банкир Ларолдо.

Еще около тысячи воинов остались на равнине для учений. Их тренировал старик Сеговиал, мастер муштры. Самые молодые были вооружены палками и метлами — пока для них не найдется лучшего оружия.

Сеговиал был плотным могучим человеком с седой головой и громоподобным голосом. Кроме него никто в Ире не увлекался всерьез военным искусством. Остальные иряне смотрели на него, как на невежественного и кровожадного дикаря. Сеговиала держали как необходимое приложение, вроде пожарных или золотарей.

В течение более чем столетия Республика проводила миролюбивую политику по отношению к другим новарианским нациям.

Совет синдиков, представлявший собой административный орган богатой аристократии, всю свою деятельность посвящал умножению богатства. Впрочем, некоторые из этих богачей оказались достаточно здравомыслящими и настояли на найме залонского флота для охраны побережья.

Часть богатств тратилась на подмазывание других новарианских лидеров, чтобы натравливать их друг на друга и отвлекать их внимание от Ира. Политика эта была весьма удачной по отношению к другим новарианским государствам, но паалуане были сделаны из другого теста.

Глава 5

ЛАРОЛДО — БАНКИР

Весь этот день — день мобилизации и воинских хлопот — я оставался в доме Роски, помогая ей в занятиях магией. Однако большей частью эти занятия не приносили нам особой пользы. Паалуанские колдуны узнали, что за ними наблюдают

сквозь сапфир. И едва лишь мы начинали ясновидеть, как колдуны нацеливали на изображение свои магические мослы и разбивали его. Так что нам удавалось увидеть лишь кусочки.

Время от времени мы переносили изображение на порт Чемниз и наблюдали за ним, надеясь увидеть появление посланцев из Ира, но, насколько нам удалось установить, город продолжал жить своей обычной жизнью и никаких следов волнений заметно не было.

Когда день был уже в разгаре, я, наблюдая Чемниз, заметил на западном горизонте скопление черных точек. Когда я сказал об этом Роске, она застонала.

— О, боги! — воскликнула она. — Эти варвары собираются пристать у ничего не подозревающего Чемниза и перебить большую часть его жителей. Где же наши посланцы?!

— Дело, главным образом, в расстоянии, — объяснил я. — Кроме того, насколько я смог изучить поражающих своим непостоянством обитателей Первого уровня, они вряд ли упустят возможность остановиться в таверне и выпить. Подождите. Я вижу еще кое-что.

— Что такое?

— Какой-то человек въезжает в Чемниз на муле. Позвольте мне взглянуть на него поближе. Он кажется старым и сгорбленным, из-под его шляпы видны седые волосы, однако он торопится изо всех сил. Боги Нинга! Да это же мой старый хозяин, колдун Мальдивиус! Вот я вижу, как он затормозил, проезжая мимо пары чемнизян. Он что-то кричит и машет рукой. Теперь снова поскакал, опять остановился и что-то объясняет прохожим.

— Наконец-то чемнизяне получают хоть какое-то предупреждение, — сказала Роска.

— Если они поверят ему и сразу же бросятся спасаться, то могут еще избежать кастрюли, — добавила она.

— Вы, обитатели Первого уровня, никогда не перестанете удивлять меня, мадам, — сказал я. — У меня сложилось впечатление, что доктор Мальдивиус слишком влюблен в себя, чтобы беспокоиться о судьбах других людей, если только этот добрый доктор не надеется получить солидное вознаграждение за свою заботу.

— Как видишь, не такой уж он закоренелый негодяй. У нас это встречается достаточно редко, как и любое другое совершенство.

Я продолжал наблюдение за портом города. Те люди, с которыми Мальдивиус заговорил первыми, явно не верили ему и продолжали идти по своим делам, будто ничего не случилось. Тем не менее крики об опасности начали мало-помалу возымать свое действие. Мне было видно, как люди останавливаются, собираются в группы и, жестикулируя,

спорят. Примерно через час после начала тревоги люди начали грузить свое добро на тележки или привязывать узлы на спины вьючных животных и двигаться по дороге к верховьям Кийамоса.

Но не успела и половина жителей тронуться в путь, как появился паалуанский флот.

Началась ужасная паника. Дорога оказалась забитой перепуганными людьми, стремящимися убежать из города как можно дальше. Некоторые удирали с пустыми руками, другие несли с собой одну-две ценные вещи, схваченные наспех. Я потерял след доктора Мальдивинуса.

Паалуанские корабли вошли в гавань. Часть из них пристала к незанятым пирсам. Паалуанские солдаты высадились на берег и начали продвигаться вперед — осторожно, словно опасаясь засады. Наконец, на берегу оказались все воины. Ими командовали офицеры в ярких алых и желтых плащах.

С одного из судов были спущены на берег животные, отличающиеся от всех, каких мне приходилось видеть раньше. Они были достаточно велики, чтобы нести на своей спине человека. У них были тонкие мордочки и длинные, как у ослов, уши, но на этом сходство кончалось. Передние их конечности были короткими и когтистыми, задние — превосходно развитыми, а хвосты несоразмерно длинными. Они передвигались, с силой отталкиваясь от земли задними ногами, хвосты помогали им сохранять равновесие. В общем и целом они походили на маленькие существа, именуемые на Первом уровне «кролики», но были во много раз крупнее.

Как только скачущие животные оказались на берегу, паалуане, которые вели их, вскочили в седла и помчались с такой скоростью, какую только могли дать прыжки этих животных. Паалуанские кавалеристы напали на чемнизян, замешкавшихся у выхода из города. Некоторые просто повалили свои жертвы и проткнули их пиками или дротиками. Другие метали веревки с петлей или камнем на конце. Захватив жертву, они волокли ее обратно в город прямо по земле.

Теперь была очередь мадам Роски смотреть в сапфир, но, едва добившись ясности изображения, она вскрикнула и закрыла лицо руками. Речь ее была бессвязной, так что для того, чтобы узнать, что происходит, мне пришлось войти в транс самому.

По трапу с одного из кораблей сходила процессия еще более странных существ. Паалуане приручили огромных ящериц-драконов и использовали их, как верховых животных. Поскольку взрослый дракон достигал в длину 50 футов, он мог нести несколько всадников одновременно.

Управляющий движением сидел на шее рептилии. За ним размещалось еще 6 — 8 человек, сидящих парами на чем-то вроде сидел с балдахинами. Обычный состав включал в себя четырехлучников и двоих копьеметателей. Все они прикрывали свою наготу весьма своеобразными доспехами, сработанными, как я узнал позже, из кусков покрытой глазурью кожи.

Броня эта, хоть и не такая прочная, как доспехи отоманских рыцарей, была все же легкой и практичной. Поскольку на одну галеру можно было поместить не больше двух — трех ящериц, общее их число было разделено между многими кораблями. Из-за тесноты вся процедура спуска войск на сушу заняла два дня. Силы паалуан превосходили наши в соотношении примерно один к двум.

Тем временем паалуане рассредоточились по берегу и заняли пустые дома Чемниза. Те чемнизиане, которых схватила паалуанская кавалерия, были убиты, разрезаны на части и приготовлены впрок солением или копчением. На третий день после высадки паалуанская армия двинулась вверх по дороге Кийамоса.

В те дни дом мадам Роски стал практически придатком Ридхолла. Синдики в любое время суток приходили сюда узнать последние новости. Старый Кормаус многие часы посвятил ораторству, оставляя наблюдение нам с Роской.

Тем временем известие о вторжении быстро распространилось по Республике. Крестьяне и горожане всего района устремились в город Ир, имевший репутацию неприступного. Город был переполнен, и люди спали на улицах.

Наконец, настал день битвы. Мы с Кормаусом оба вошли в транс, глядя в сапфир с разных концов стола. Видно было, впрочем, не слишком много, во-первых из-за вмешательства паалуанских колдунов, а во-вторых, из-за облаков пыли.

Насколько я мог понять, синдик Ларолдо не преуспел в использовании военных хитростей — обманных маневрах и тому подобном, считавшихся достижением наций Первого уровня. Он просто выстроил свою армию и, встав в ее центре, окруженный наемниками, принялся размахивать шпагой и орать «Вперед!». Потом все исчезло в облаке пыли. Примерно час спустя мы начали различать силуэты людей — паалуан и ириан, бегущих, как сумасшедшие, с поля боя. Мы видели, как некоторые ириане были убиты всадниками, сидящими на спинах драконов, а многих эти драконы просто сожрали. Потом я увидел Его Превосходительство Ларолдо, галопом скачущего к востоку. Синдики, присутствующие на этом заседании, громко кричали, били себя в грудь, рвали на себе волосы и посылали страшные угрозы в адрес Ларолдо, которого винили в поражении.

Солдат-банкир достиг Ира несколькими часами позже и ввалился в кабинет мадам Роски, покрытый пылью и кровью, в покореженных доспехах. Он швырнул обломок шпаги на пол и сказал синдикам:

— Мы разбиты.

— Мы и без тебя знаем, дурак, — ответил Джиммон. — Насколько плохо обстоят дела?

— Поражение полное, и это все, что я знаю, — сказал Ларолдо. — При первом же сильном ударе ряды ополченцев сбились и они побежали, как кролики.

— А что же наемники?

— Когда они увидели, что битва проиграна, они образовали плотный четырехугольник и стали пробиваться, действуя своими пиками, как еж колючками. Враг позволил им уйти, предпочитая более легкую добычу.

Один из синдиков сказал:

— Я заметил, как тебя заботило спасение своей собственной драгоценной шкуры. Герой пал бы, пытаясь защитить своих людей.

— Клянусь золотыми перстами Франды! Я не герой, я всего лишь банкир! И какая польза была бы вам, если бы я пал на поле битвы? Противник сильнее нас, так что результат битвы остался бы таким же, а вы лишились и той малой помощи, которую я могу оказать. Если бы я заботился только о собственной шкуре, то убежал бы в Метуоро. Ведь сейчас, когда все кончено, а мы все еще живы, вы можете и повесить меня, и расстрелять, да и вообще, сделать все, что угодно. Но давайте-ка лучше займемся делом.

Мои усики сказали мне, что этот человек не лжет.

— Хорошо сказано, — одобрил один из синдиков, ибо большая часть злости синдиков на Ларолдо растаяла под натиском приближающейся катастрофы. — Но скажите мне, мастер Ларолдо, почему вы не использовали хитроумные приемы — ложные выпады, например? Мы следили за битвой с помощью магического камня и не заметили ничего подобного. А между тем я читал о том, как другие генералы побеждали превосходящие силы с помощью таких вот хитростей.

— Их армия состоит из прекрасно тренированных людей-ветеранов, в то время как у меня были одни новички. Даже если бы я знал об этих хитроумных способах, что толку? Единственное, чего я смог добиться от моих растяп — это, чтобы они двигались одновременно в одном направлении. А сейчас, если мы не хотим быть съеденными, нужно подумать о создании новой армии. Составьте же ее из мальчиков, стариков, рабов, женщин, вооружите их метлами и камнями, если нет шпаг и стрел. Ибо те, кто идет сюда, намерены убить

нас, засолить и отправить в Паалуа — тамошние детишки тоже хотят кушать.

— Как ты думаешь, может, мы сможем их подкупить, а? — спросил Джиммон. — У нас достаточно сокровищ.

— Совершенно исключено. Земля их большей частью пустынна, и самое главное для них — раздобыть как можно больше съестного. Им нужна плоть, и время от времени они отправляются за ней на другие континенты. И им все равно, кому принадлежит эта плоть — животным или людям. Так что один хороший лук сейчас важнее для нас, чем равное ему по весу золото.

Синдики дружно завздыхали. Потом Джиммон заметил:

— Ладно, что толку во вздохах и проклятиях, нужно сделать так, как сказал мастер Ларолдо.

— Может, просить помощи у какого-нибудь из 12-ти городов? — спросил один из синдики.

Джиммон задумчиво кивнул.

— Тонис из Ксилара настроен к нам враждебно из-за союза с Гованниканом. Нам еще повезет, если он не захочет объединить свои силы с силами вторгшихся.

— Это было бы все равно, что союз кролика с волком против другого кролика, — заметил синдик. — Оба они кончат одинаково в волчьей пасти.

— Верно, но попробуй сказать об этом королю Тонису, — ответил Джиммон. — Гованникане безнадежны по той же причине. Метуоро настроен дружелюбно, но его армия мобилизована и отправлена на границу с Гованниканом, чтобы встретить угрозу там. Ко всему прочему, пятеро Безликих в последнее время сами сомневаются в своей армии из-за революционных настроений среди офицерства. Нет, боюсь, что на помощь извне рассчитывать не приходится.

— Как насчет Солибрии?

— Возможно, нейтральную позицию Солибрии можно изменить, если бы только там не правил этот безмозглый Гавиндос.

— Боги, должно быть, решили наказать Солибрию, когда послали ей такое сокровище, — сказала Роска. — Мой добрый Эдим — и тот был бы лучшим правителем, чем он.

Джиммон внимательно посмотрел на меня. Глаза его казались узкими щелочками на круглом пухлом лице.

— У меня возникла идея, о, Эдим!

— Да, сэр?

— Как пришел извне и слуга по контракту, даже не человек, ты не имеешь права голоса на нашем уровне. Однако я уже успел понять, что в твоей голове здравого смысла побольше, чем у всех наших мудрецов. вместе взятых. Какой путь предложил бы ты?

— Вы спрашиваете меня, сэр?

— Что скажешь, а?

— Хорошо, сэр, я попытаюсь дать удовлетворительный ответ... — Некоторое время я размышлял, а синдики смотрели на меня, как игроки на рулетку. — Прежде всего, верно ли я понял, что мастер Ларолдо — банкир?

— Угу, — промычал Ларолдо, осушая бутылку лучшего вина Роски так, словно это была бутылка пива. — И никому еще не приходилось обвинять меня в нечестности. Хочешь взять взаймы или сделать вклад?

— Ни то и ни другое. Ваше Превосходительство, значит, у вас не было никакого военного опыта?

— Нет, откуда? Как и у всех нас. Просто обычай таков, что командовать войсками должен синдик. Я тут самый молодой и энергичный — вот меня и выбрали.

— А мы, на нашем уровне, сэры, когда дела приняли бы дурной оборот, предпочли бы выбрать на эту должность демона с большим опытом в подобных делах. У нас есть поговорка: лучший учитель — опыт. Неужели в Ире нет никого, кто умел бы обращаться с оружием?

Один из синдигов проговорил:

— Есть старый Сеговиал, мастер муштры. Он мог бы возглавить армию, но мы приказали ему остаться в Ире. Он, по крайней мере, знает, с какой стороны берут шпагу.

— Гм, — буркнул Джиммон. — Предположим, мы сделаем Сеговиала командующим и соберем еще одно ополчение. Среди беженцев, которыми переполнен город, найдется немало здоровых парней. Потом явятся паалуане. Они не смогут проникнуть сюда даже при самом слабом сопротивлении, настолько сильны наши укрепления. Но запасы продовольствия не вечны, а что потом?

— Итак, сэр... — Я снова подумал. — Вы говорите, что в городе достаточно богатств?

— Да.

— Вы наняли отряд варваров из Швенра, тех высоких желтоволосых парней — не так ли?

— Проклятые ублюдки бросили нас, — проворчал Ларолдо.

— Их нельзя особенно винить, — сказал Джиммон. — Когда они увидели, что битва проиграна, какой был смысл рваться вперед и складывать свои головы ради того, чтобы вернуться в город? Продолжай, Эдим.

— Откуда же пришли эти люди? Я знаю, что Швенр лежит за горами на севере, но где именно вы набираете этих парней?

— Они были набраны в Хрунтинге, — ответил один из синдигов. — Хрунтинг расположен через Эллорнас от Солибрии. Их вождь — Теорик, сын Гондомерика.

— Если бы вы могли послать человека к этому Теорику с обещанием большого количества золота, смог бы он прийти сюда с армией достаточно большой, чтобы уничтожить паалуан?

— Можно попытаться, — сказал кто-то из синдиков.

— Безнадежно, — отозвался другой. — Лучше бы нам сразу бежать в Метуоро, оставив паалуанам на разграбление пустой город.

И снова завязалась длительная дискуссия. Некоторые стояли за отправку посольства к варварам. Другие протестовали, утверждая, что это обойдется в слишком большую сумму, на что первые возражали, что все деньги мира не помогут тому, кто попадет в желудки паалуан. Кое-кого вдохновляла идея отступления, они надеялись на то, что если уж паалуан не удалось победить, то, может быть, от них еще можно убежать.

В самый разгар споров вбежал ополченец с криком:

— Ваши Превосходительства! Судьба уже в поле зрения!

— Как она выглядит? — спросил Ларолдо.

— Разведчики врага, верхом на животных вроде больших длиннохвостых кроликов, приближаются к стенам башни Ардимаха.

— По крайней мере, вопрос о бегстве решен, — заметил Джиммон. — Теперь нам остается только победить или умереть. Пойдемте, посмотрим на этих цивилизованных канибалов.

У входа в подземный город мы обнаружили Сеговиала, который, не дожидаясь официального приказа, готовил город к защите. Главные ворота были заперты и забаррикадированы. По лестнице мы поднялись на крышу. Тучные синдикки шли медленно, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться. Наверху мы увидели отряд ополченцев, собравшийся по приказу Сеговиала. Люди расположились вдоль парапета с луками, арбалетами или пращами.

— Внимание! — загремел Сеговиал. — Приготовьте оружие и стреляйте через бойницы. Не подходите близко к амбразурам, иначе получите ответный заряд. Прячьтесь за зубцами. Никаких геройских фокусов, дело серьезное. Тщательно выбирайте цель, не тратьте заряды зря...

Стрела со свистом пролетела через стену и вонзилась в один из флагштоков. Сеговиал заметил синдиков и взорвался:

— Почему вы приперлись сюда без доспехов? — кричал он, не обращая внимания ни на богатство посетителей, ни на занимаемые ими должности. — Здесь каждый обязан иметь на себе шлем и кирасу, хотя бы кожаную.

Джиммон откашлялся.

— Мы пришли, чтобы сообщить вам, мастер Сеговиал, о том, что вы назначены главнокомандующим.

— Очень мило с вашей стороны, очень мило, — отрезал Сеговиал. — А теперь убирайтесь.

— Но, пожалуйста, генерал, — сказал один из синдигов, — позвольте нам, по крайней мере, хоть взглянуть на тех, с кем мы сражаемся.

— Ну ладно, ладно, это, думаю, я могу вам позволить, — прогремел свежеспеченный генерал. Он гонял их, как сердитый сторожевой пес, сердито рвякая на них, если они слишком долго не убирали головы из амбразур.

Далеко снизу отряд паалуан погонял своих скакунов, как мы для простоты называли их животных (оригинальное название — что-то вроде «кенгуру»). Они посылали в нас стрелы из коротких луков, но башня Ардимаха была такой высокой, что когда стрелы долетали до ее верха, их скорость была уже слишком мала. Наше оружие, бьющее с высоты, могло бы быть более эффективным, вот только наши неопытные артиллеристы все время промахивались. Наконец, стрела одного из арбалетов попала в паалуанина и вышибла его из седла. Остальные сочли за лучшее удалиться от башни на почтительное расстояние.

Огромное облако пыли вдалеке возвестило о приближении главной части паалуанской армии. Наблюдатели, находящиеся на самой высокой части башни, в ужасе закричали, увидев гигантских драконов-ящериц. За ними бежали пешие воины, по большей части вооруженные пиками и луками. Кажется, у них не было арбалетов — это давало нам некое преимущество. Так началась война за Ир. Поскольку не могло быть и речи о массовом бегстве, нам предстояло победить или всем погибнуть в бою. В то время я думал об ирианах и о себе как о «нас», ибо моя судьба была теперь крепко-накрепко связана с их судьбами.

Сеговиал проявил себя на редкость умелым генералом, особенно если учесть, с каким материалом ему приходилось иметь дело. В течение нескольких дней башню Ардимаха защищали пять тысяч ополченцев, хотя большая их часть была вооружена лишь импровизированным оружием — ножами и молотками. Но враг наступал и не давал нам передышки, а запасы наши истощались.

Пришлось пустить в переплавку даже оконные решетки. Использовались все резервы, синдики включили в состав ополчения всех рабов и крепостных, пообещав им свободу после победы, и даже я был назначен артиллеристом. Будучи намного сильнее обычных обитателей Первого уровня, я мог заводить брашпиль катапульты раза в два быстрее, чем они вдвоем, что увеличивало скорострельность.

Паалуане разбили лагерь как раз на расстоянии выстрела из арбалета. Едва они расположились, как Сеговиал приказал

нам ударить из катапульт дальнего боя. Дротики и каменные ядра со свистом полетели в лагерь, кося и давя воинов. Им был нанесен такой ущерб, что вскоре они вынуждены были перенести свой лагерь за гряды.

Тем временем паалуане начали земляные работы. Сначала вокруг башни Ардимаха, затем по Ирской возвышенности за башней. Холмы давали им преимущество в стрельбе из арбалетов, они быстро совершенствовались в этом искусстве. Враги поливали нас ливнем стрел, выпущенных с высоты, равной нашей, до тех пор, пока Сеговиал не воздвиг с этой стороны парапета нечто вроде тента, чтобы перехватывать летящие в нас стрелы. Паалуанские колдуны напускали на нас галлюцинации — изображения гигантских летучих мышей и птиц, кружащихся над нашими укреплениями, но наши люди быстро научились их игнорировать. Синдики отправили посыльного за помощью к Метуоро. Человек был спущен с башни в безлунную ночь и попытался проскользнуть сквозь вражеские укрепления.

На следующий день взошедшее солнце осветило нашего посланника. Он был привязан к шесту в лагере паалуан, и дикари целый день издевались над ним, прежде чем придать мучительной смерти.

Второй посыльный, пытавшийся пробиться в Солибрию, пал жертвой такой же судьбы. После этого найти добровольцев для подобной миссии стало делом затруднительным.

Паалуане начали строить катапульту, валя в окрестностях деревня. Их сооружение было увенчано могучей, хорошо уравновешенной стрелой. Сеговиал в бинокль наблюдал за их усилиями. Во всем Ире был лишь один такой прибор, ибо это было новое изобретение, лишь недавно сделанное в городе, лежавшем много южнее Ира. Сеговиал бормотал:

— Кажется, ими руководит какой-то парень со светлой кожей. Теперь понятно, как сей народ, отродясь в глаза не видевший катапульты, сумел ее построить... Кто-то из наших новарианских инженеров перебежал к ним. Эх, попадись он мне в руки...

Я не расслышал, что сделал бы Сеговиал с предателем-инженером, но, возможно, это было бы как раз то, что надо. Он продолжал:

— Они целятся в наше главное зеркало. Если попадут, весь город окажется в потемках. Придется пользоваться свечами, а их у нас и без того не много.

К счастью для нас, паалуане или их новарианский инженер оказались не слишком умелыми строителями катапульт. При первой же попытке запустить в нас заряд одна из опор, поддерживающих стрелу, рухнула с громким треском. Сами

же снаряды упали гораздо ближе, чем было нужно, и убили несколько паалуан.

Они принялись за постройку новой, более крепкой машины. Сеговиал вызвал несколько сотен своих воинов и бросил клич, ища добровольцев, согласных сделать вылазку и уничтожить сооружение. Я хотел было поднять руку, но застеснялся, и тогда Сеговиал сам обратился ко мне:

— О, Эдим, нам нужны твои сила и бесстрашие. Согласен ли ты быть добровольцем?

— Но... — начал я, но Сеговиал продолжал:

— Прекрасно. Ты умеешь обращаться с оружием этого уровня?

— Нет, сэр, до сих пор от меня этого не требовалось.

— Тогда учись. Сержант Шавраль, возьмите артиллериста Эдима и научите его обращению с различным оружием, да запомните, с чем он справится лучше всего.

Я прошел с Шавралем во двор башни Арदिумаха. Двор был приспособлен под полигон, ибо более подходящего места в Ире не было. Здесь толпилось много народу. Одна группа занималась стрельбой из арбалета, другая занималась шагистикой.

Шавраль подвел меня к тому месту, где было установлено несколько деревянных щитов. Изучавшие искусство боя шпагой и топором пробовали на них свои силы. На примыкавшей площадке сражалась пара воинов, вооруженных коротким тупым оружием. Сержант отдавал им команды и делал замечания.

Шавраль протянул мне шпагу с широким лезвием.

— А ну-ка, — сказал он, указывая на один из щитов.

— Вот так, сэр? — спросил я, делая выпад. Лезвие глубоко вошло в дерево, а шпага сломалась в моей руке у основания, так что мне оставалось только с недоумением смотреть на нее.

Шавраль нахмурился.

— Должно быть, клинок некачественный. Большая часть этих штукovin изготавливается любителями. Ну-ка, попробуй вот эту.

Я взял другую шпагу и снова сделал выпад. Шпага опять сломалась.

— Клянусь Астис, ты сам не знаешь своей силы! — воскликнул Шавраль. — Нужно вооружить тебя чем-нибудь покрепче.

Он порывлся в груде оружия, извлек оттуда булаву и протянул мне. То было внушительное оружие с железной рукоятью и большим шаром, усеянным маленькими колючками.

— А ну, попробуй ударить этой штуковиной, — велел сержант.

Я так и сделал. На этот раз не выдержал щит. Он с треском развалился, и обломки его разлетелись по всему двору.

— Теперь поучимся наносить и парировать удары, — сказал Шавраль. — Надень-ка вот это, а я тоже облачусь в подходящий костюм.

Шавраль показал мне, как нужно защищаться, как нападать, парировать, делать круг, отступать, подныривать, делать длинные и короткие выпады и так далее.

— Ну, давай бороться, — предложил он. — Два из трех ударов, нацеленных в голову или тело, означают победу.

Мы вооружились учебным оружием, выбрав его с таким расчетом, чтобы по весу оно не слишком отличалось от моей булавы. Шавраль отклонился, потом нанес мне солидный удар по шлему. Я увидел, как он усмехается за прутьями своего забрала.

— Ну, бей же меня! — крикнул он. — Уснул, что ли? Или струсил?

Я сделал такой же выпад, как и он, нацелив ему удар в лоб. Он успел поднять щит так, что удар пришелся по нему, но деревянный каркас щита прогнулся. Шавраль, страшно побледнев, отступил назад и опустил свой щит.

— Клянусь булавой Перикса, ты сломал мне руку! — простонал он. — Эй, там! Позовите хирурга и дайте какого-нибудь вина.

Он испустил вопль, когда хирург вправлял ему кость. Мне же он сказал:

— Ну и идиот же ты. Теперь мне придется целый месяц сражаться одной рукой.

Я ответил:

— Мне очень жаль, сэр, но я всего лишь старался следовать вашим указаниям. Как говорим мы, демоны, всем мыслящим существам свойственно заблуждаться.

Шавраль вздохнул:

— Что уж на тебя обижаться. Но впредь, о, Эдим, тебе придется тренироваться самому, иначе ты от усердия изувечишь всю нашу армию.

Следующая ночь выдалась темной. Под ее прикрытием штурмовой отряд пробирался вниз по спиральной лестнице. Мы надели мягкую обувь, чтобы двигаться бесшумно, и доспехи из кожи, ибо железные слишком гремели. Оружие мы несли в руках — без ножен, тоже ради осторожности.

Оказавшись на территории паалуан, мы забросали ров матрасами, конфискованными у жителей Ира. и густая темень ночи скрыла наш отряд. Потом мы приставили к ограждениям несколько коротких лестниц и устремились вверх по ним, прежде чем враг успел поднять тревогу.

Перебравшись через заграждения, мы обрушились на новую катапульту, ломая ее на части и поджигая. В один миг грозная боевая машина превратилась в весело полыхающий костер.

Паалуане кинулись на нас. Из темноты появилось несколько отрядов, каждый под предводительством офицера. Следуя советам бедняги Шавраля, я лупил каннибалов. Я отражал первый удар каждого подбегавшего ко мне, а потом наносил сильный удар булавой. Иногда, но не часто, оказывался нужен второй удар.

Принимая во внимание тот факт, что обитатели Первого уровня ночью полуслепы, да еще и гораздо слабее меня, мне самому приходилось заботиться о том, чтобы никто не напал на меня сбоку и сзади, пока я разбираюсь с нападавшими спереди. Я работал яростно, разбивая головы и ломая ребра, когда услышал звук трубы, призывающий к отступлению. Один из моих сотоварищей ириан потянул меня за руку.

— Идем! Идем! — крикнул он. — Всю армию все равно не перебеешь!

Я побежал за остальными. У ограждения несколько паалуан попытались перерезать нам путь. Я врезался в их ряды и перебил их всех одного за другим. Потом мы бросились назад к башне и поднялись по спиральной лестнице.

Когда Сеговиал построил нас для переклички, оказалось, что шестерых — семерых не хватает. Он сказал, что это не слишком большая потеря, однако теперь каждый человек должен быть у нас на учете.

Паалуане попытались открыть огонь, но их усилия не увенчались успехом. После того, как пожар утих, они принялись за строительство третьей катапульты. На сей раз они окружили место строительства оградой, рвом и рядами охраны. Охранники сидели верхом на своих странных животных.

Если никто не мог выйти из Ира, то и войти в него никто не мог. Но однажды на рассвете дежурный поднял тревогу. Он тыкал пальцем во что-то, нам невидимое. Глядя поверх зубчатой стены, мы разглядели плотную, покрытую волосами, обнаженную фигуру, принадлежавшую явно не паалуанину. Ему позволили войти и отвели к синдикам. Я был у Роски, готовясь приступить к своим дневным обязанностям, когда за мной пришел посыльный.

Когда я вошел в Рилдхолл, хриплый голос крикнул:

— Эдим! — и я очутился в объятиях моего старого друга, человека-обезьяны из балагана Багардо.

— Ради всех богов Нинга, как ты сюда попал? — спросил я.

— Вот об этом-то я и рассказываю. На аукционе меня купил один йомен, Оливз. Ну, вкалывал я у него, как негр, а

тут приходит известие о нашествии. Мастер Оливз грузит свою семью и скarb в повозку, садится в нее сам и драпает в Метуоро. Мне он велел спасаться самому, чем я и занялся. Я отправился в том же направлении, но меня догнал отряд паалуанской разведки на скакунах. Я бежал, но, видно, слишком медленно — меня заарканили и поволокли по камням и грязи напрямиком в их лагерь. Ну, сперва они хотели меня хорошенько прокоптить. Но тут их мудрецы, спасибо им, засомневались: что, мол это за существо такое? Может, его (меня, то есть) есть нельзя. И решили оставить до поры, до времени — посмотреть, что и как.

— Как же тебе удалось выбраться?

Унгах оскалил свои длинные желтые зубы.

— Сжевал свои пути. Вы, безволосые существа, — я не о тебе, Эдим, а об этих — челюсти у вас хилые, не то что у меня. Охранника, что стоял у палатки, я задушил и пустился в бег. Все было не так уж и плохо, а кормился я охотой. Но одна ошибочка все-таки вышла. Заблудился я и угодил в окружение вместе с вами. Тут все забегали, засуетились, и обратно идти я побоялся. Как раз говорил твоим боссам, Эдим, почему их шпионов все время ловят.

— Почему?

— Из-за запаха. Паалуанские дракончики обучены различать запахи. Самые маленькие из них вместе с охранниками ходят по лагерю, высунув языки, — они языками нюхают.

Странное выражение появилось на лице Унгаха, и его маленькие глубоко посаженные глазки открылись шире.

— Клянусь золотыми кудрями Зеватаса, есть идеяка! Помнишь, Эдим, как в тебя влюбился наш дракон из балагана? Я думаю, это потому, что твой запах напомнил ему запах рептилий...

— Ну, ну, — запротестовал я. — Не преувеличивай. Я содержу свое тело в чистоте.

— И тем не менее я могу распознать тебя по запаху на расстоянии в дюжину шагов. Новариане его не различают или из вежливости помалкивают. Но от тебя страшно воняет. Это правда.

— Как и от всех обитателей Первого уровня, — парировал я. — Но я не жалуясь.

— Не обижайся, — сказал Унгах. — Это говорит только о том, что у нас разные запахи. Твой запах подобен запаху ящериц.

Синдики проспорили над этим предложением несколько часов. Эти обитатели Первого уровня — самые великие болтуны на несколько Вселенных. Некоторых предложение Унгаха вдохновило, но один запротестовал:

— Нет, нет, демон нам ничем не обязан. Он смеется, как только выйдет за кольцо блокады. Я бы на его месте точно смылся.

— О! — отозвался другой. — Он может даже перейти на сторону врага.

— Говорите за себя, — оборвал его Джиммон. — А что касается его деятельности, то быстро же вы забыли ночь набега на катапульту. Эдим сокрушил тогда больше каннибалов, чем остальные участники вылазки, вместе взятые. Не так ли?

— Не принимая во внимание черты личности мастера Эдима, — вступил в беседу еще один, — думается, что мастер Унгах был бы более ценным посланцем: он молод и прекрасно бегают. Кроме того, он уже проходил однажды лагерь и знает его лучше, чем любой другой обитатель Ира.

— Мы могли бы найти ему лучшее применение, — ответил другой.

— Как бы там ни было, — заметил следующий, — нечего болтать попусту. Из-за наплыва беженцев запасы воды и пищи катастрофически иссякают...

В конце концов провели голосование и постановили просить мадам Роску о том, чтобы она приказала мне отправиться с поручением в Солибрию, а Унгаха просить отправиться с такой же миссией в Метуоро. Ему обещали не только свободу, но и щедрейшее вознаграждение, в том, разумеется, случае, если он останется в живых.

— Я всегда стараюсь сделать все, что в моих силах, — сказал я. — Скорее начнешь — скорее закончишь, как говорим в подобных случаях мы, демоны.

— Хорошо, — ответил Джиммон. — Но сначала мы должны решить, о какой именно помощи следует просить новариан и варваров. Сколько примерно врагов нам угрожает?

— Около семи тысяч, насколько я могу судить, — отозвался Ларолдо.

— Тогда нам следует просить о подкреплении, по крайней мере, таких же размеров, — сказал другой синдик.

Начался спор, продолжавшийся несколько часов. Он затронул такие аспекты, как число требуемых отрядов, размер дневной платы наемникам и возможная продолжительность кампании. Некоторые синдики из всех сил старались уменьшить размер требуемой суммы, напирая на то, что они должны думать о процветании Ира после того, как вторгшиеся будут изгнаны, другие, в противовес, твердили, что, если не подоспеет помощь, деньги будут уже никому не нужны. Наконец, компромисс был достигнут. Мне велено было предложить одну ирианскую марку в день на человека плюс

шесть пенсов в день на каждого мамонта, что составляло в сумме четверть миллиона марок.

Глава 6

АЙВОР ИЗ ЛЕСОВ

Ночь была темной, как земля под валуном — так говорят у нас на Нинге, — когда мы с Унгахом под моросящим дождем спустились по канатам с башни Арदिмаха. Сеговиал не пожелал открыть даже маленькую дверцу наверху. Он боялся, что звук и движение привлекут внимание врагов. Чтобы быть менее заметным, я изменил свою обычную светло-серую окраску на черную. У основания башни Унгах крепко пожал мне руку и растаял во тьме. Он направлялся к югу. Я же обошел башню и направился по дороге, ведущей на север. Без труда я перебрался через ров — такое упражнение не представляет никакой трудности для обитателя 12-го уровня. Я стоял, прижавшись к ограде, до тех пор, пока не услышал, что паалуане меняют караул. Подождав, пока все стихло, я вонзил когти в дерево и перелез через ограду, двигаясь медленно, точно сонное насекомое. Внутри все было спокойно. Часовой исчез. Я принялся пробираться через пространство между внутренней и внешней защитными полосами. Внутренняя полоса представляла собой всего лишь земляной вал не выше моего плеча с канавой перед ней, из которой когда-то брали землю для насыпи. Я едва не наткнулся на еще одного паалуанского часового, дремавшего, сидя на куче земли. Обладая и ночью прекрасным зрением, я легко заметил бы его, если бы не наскочил на него внезапно, выйдя из-за поворота. Я убил бы его своей булавой, если бы не маленький дракон-ящерица, привязанный к пеньку. Он должен был по запаху обнаруживать чужаков. Когда я остановился, рептилия поднялась на четыре лапы и высунула раздвоенный длинный язык.

Я застыл и стоял неподвижно, как статуя, сделав свою кожу настолько черной, насколько это вообще возможно. Ящерица сделала шаг мне навстречу и коснулась языком чешуи на моей ноге. Она лизнула меня еще несколько раз — должно быть, я ей понравился.

Я не мог стоять здесь всю ночь ради удовольствия экзальтированного дракона. Поскольку он мог перемещаться лишь в пределах длины веревки, я стал потихоньку отступать. Дракончик тем не менее попытался следовать за мной. Его путы, прикрепленные к запястью спящего человека, натянулись и разбудили часового. Уставившись на меня, он издал дикий вопль и вскочил на ноги.

Я заколебался, не зная, как лучше поступить — убить его или просто сбежать. На моем собственном уровне меня учили оценивать обстановку с точки зрения разума и логики, но ни разум, ни логика не могут особо помочь, когда нужно мгновенно принять решение. Ответный крик решил все за меня. Если тревога уже поднялась, нет никакого смысла задерживаться ради того, чтобы убить одного часового. Так что бегство оказалось единственно возможным решением. Итак, я перескочил через вал, миновал ров и устремился на север. Проснувшийся лагерь был заполнен гудением, похожим на то, какое издают потревоженные насекомые Первого уровня. Начали появляться конные паалуане с горящими факелами в руках. Скакуны прыгали, пламя факелов колебалось в темноте, и вся картина живо напомнила мне огненный мост через реку мрака.

Однако как сами обитатели Первого уровня, так и их скакуны ночью почти слепы. Я, прекрасно видящий в темноте, без особого труда избегал столкновения с ними. Как говорят у нас: хорошее начало — половина дела.

Равнина, лежащая к северу от города Ира, была почти пустынной. Большая часть ее обитателей, не захотевшая укрыться в Ире, бежала в Метуоро или в Солибрию. Те немногие, которые не успели скрыться, уже были пойманы и засолены для будущих каннибальских трапез.

Я бежал всю ночь и почти весь следующий день. В моем бумажнике была маленькая карта, на которой были изображены главные дороги, соединяющие город Ир с горным Элдорнасом. Впрочем, я, как правило, не пользовался дорогами, стараясь двигаться к северу по возможности напрямиком. Я рассудил, что паалуанские разведчики скорее всего устроят засады на дорогах, а не в стороне от них.

Так что мне приходилось карабкаться на крутые склоны, прокладывая себе путь через болота, продираться сквозь заросли. Все эти препятствия, возможно, лишили меня того преимущества во времени, которое я мог бы получить, путешествуя по прямой. С другой стороны, это позволило мне избежать встреч с паалуанами.

Я затратил куда меньше сил, чем это потребовалось бы хилым и нежным уроженцам Первого уровня. Едва ли кому-нибудь из них удалось бы за несколько секунд взлететь по крутому каменистому склону, ни разу не переводя дух. И все же, хотя мы, демоны и сильнее, чем люди, но даже мы не можем постоянно находиться в движении. И нам нужно время от времени останавливаться, поглощая подходящую еду, и погружаться в пищеварительный ступор.

В конце второго дня я заметил одинокую овцу, каким-то чудом избежавшую веревки паалуанских обжор. Я поймал

ее и большую часть следующей ночи провел, переваривая пищу. Когда я закончил этот процесс, от овцы ничего не осталось, кроме разве что кожи и кучки костей. Я опасался, что нарушил инструкции Хвора относительно повиновения правилам Первого уровня, но, как говорится, необходимость не знает законов.

Потом я впал в пищеварительный ступор. Я спал весь день и всю следующую ночь. Проснувшись, я был удивлен, увидев, что солнце стоит над восточным горизонтом ниже, чем когда я уснул, — только потом я понял, что миновали целые сутки.

Не желая больше задерживаться и все еще чувствуя тяжесть проглоченной овцы, я задумался над необходимостью транспорта. Если бы, к примеру, я мог скакать на животном — лошади, например, то добрался бы до Солибрии за один хороший перегон, прерывая его лишь для коротких остановок, необходимых для отдыха. Если верить моей карте, скоро я должен был уже пересечь границу Солибрии.

Я принялся рыскать по окрестностям в поисках лошади. Довольно скоро мне удалось увидеть одну — так же, как покойная овца, она поедала траву в ложине. На лошади была уздечка, но седла не было.

Я наблюдал за наездниками Первого уровня, так что в теории представлял себе, как это делается, а вот практического опыта у меня не было никакого. На 12-м уровне животных используют только для перевозки грузов. Наши вьючные животные напоминают тех, кого на Первом уровне называют «черепахи». Они тащатся и тащатся вперед, и не нужно особого умения, чтобы заставить их тронуться в путь или остановиться. Лошади Первого уровня — это нечто совсем иное. Но, как гласит пословица, мы не знаем собственных возможностей, пока не примемся за дело.

Я начал подкрадываться к пасущемуся животному, двигаясь медленно и бесшумно, чтобы не вспугнуть его. Я изменил свой цвет, приспособив его к цвету травы. Лошадь, тем не менее, заметила мое приближение. Бросив на меня понимающий взгляд, она рысью двинулась прочь.

Я ускорил шаг, но и лошадь пошла быстрее. Я побежал — лошадь перешла на галоп. Я остановился, и лошадь тоже остановилась и принялась невозмутимо щипать траву.

Я преследовал животное несколько часов, но так и не смог к нему приблизиться. Я утешал себя лишь тем, что, по крайней мере, все это время двигался к северу, к конечному пункту моего назначения. Так что время не было потеряно напрасно.

Когда солнце склонилось к западу, лошадь, наконец, стала выказывать признаки усталости. При моем приближении

она отходила уже медленнее. Приближаясь к ней против ветра, чтобы ее не пугал незнакомый запах, я подошел достаточно близко для внезапного прыжка и, пока ее голова была наклонена над травой, я метнулся вперед и вскочил ей на спину. Я прижал ноги к ее бокам, как это делали обитатели Первого уровня, и изо всех сил вцепился ей в гриву.

Едва лишь я оказался на лошади, как это животное буквально взбесилось. Оно низко нагнуло голову и принялось взбрыкивать задними ногами, прыгая то вправо, то влево и беспорядочно крутясь на месте. Я сделал кульбит в воздухе и с такой силой врезался в кустарник, что человек, окажись он на моем месте, мигом испустил бы дух. Освободившись от своей ноши, лошадь немедленно перешла на галоп. Я выбрался из кустарника и бросился за ней. К тому времени, когда солнце спустилось к горизонту, я еще раз настиг ее. Лошадь стояла, опустив голову, с тяжело вздымающимися и опускающимися боками. Но для того, чтобы подойти к ней вплотную, мне понадобилось несколько попыток. И все же я это сделал. В этот раз я буквально опоясал животное ногами и изо всех сил прильнул к его шее. Лошадь снова пустилась галопом, но на сей раз мое пребывание на ее спине увенчалось большим успехом.

Но... нет, хватки я не ослабил, дело было в моих ногах — они потеряли точку опоры, хотя руки все еще продолжали сжимать шею лошади. В результате я опять сделал кульбит в воздухе, стискивая при этом шею животного. Оно потеряло равновесие и упало, причем часть его туловища оказалось на мне. Я продолжал мертвой хваткой сжимать лошадиную шею, но потому, как животное хватало воздух, я понял, что слишком сильно стянул ей дыхательные пути. Вскоре лошадь успокоилась и я смог схватиться за уздечку.

Ребра лошади продолжали мерно ходить под кожей, из чего я сделал вывод, что не нанес ей смертельных увечий. И действительно, вскоре она вскочила и попыталась убежать, таща меня за собой по песку и траве. Несколько раз она сильно лягнула меня и укусила за руку, но я все же не выпустил из рук уздечки.

Борьба продолжалась до темноты, и силы наши были уже на исходе. В конце концов лошадь успокоилась, и я повел ее за собой, держа на поводу. Я крепко привязал ее к толстой, низко растущей ветке ближайшего дерева и прилег отдохнуть. Лошадь, подумал я, тоже ведь нуждается в отдыхе. Кроме того, я не решался скакать на ней ночью, опасаясь, что в темноте мы оба можем сломать себе шеи.

На следующий день начали попадаться признаки присутствия человека: фермы, над трубами которых вился дым; одна-две деревни. Но когда я на своей лошади въехал в деревню, жители ее, едва завидев меня, разразились дикими криками.

— Людоеды! Людоеды идут! — кричал один из них, мчась вдоль главной улицы и размахивая руками, как птица, собирающаяся взлететь. Через несколько мгновений деревня опустела — все ее жители удирали во всю мочь, кто пешком, а кто верхом. Я кричал им вслед:

— Подождите! Вернитесь! Не бойтесь. Я посланник синдиков!

Но они лишь припустили еще быстрее. Когда все исчезли, я подкрепился едой, найденной в лавке, и отправился дальше.

На пересечении дороги с границей Солибрии я обнаружил крохотную таможню, а на ближайшем холме — сторожевую башню, но людей нигде видно не было. Я имел при себе верительные грамоты, которые должны были обеспечить мне беспрепятственный проход через солибрийскую границу. Мне велено было предъявить эти документы на границе, но оказалось, что предъявлять их некому.

Мне понадобилось время, чтобы обдумать ситуацию. Следует ли мне остановиться здесь и подождать возвращения охранников? Нет, подумал я, пока я буду ждать, Ир может пасть. Наконец я решил, что до охранников дошли слухи о вторжении и они побежали в город Солибрию. Лучший способ выполнить задание — последовать туда за ними. Поэтому я поскакал вперед, несколько обеспокоенный тем, что мне не удастся следовать полученным указаниям с буквальной точностью. На моем уровне никогда не дают таких расплывчатых команд.

Дорога к Солибрии вела через густой лес, состоящий главным образом из древних дубов. Эта территория, известная под названием Зеленого леса — одна из последних в Новарии, ибо большая часть земель расчищена здесь под фермы, поля, пастбища и города. В Зеленом лесу до сих пор водятся олени и кабаны, леопарды, волки и медведи.

Мне, впрочем, не встретилось ни одно из этих животных. Я продолжал путь, размышляя над тем, насколько мы, демоны, бережнее обращаемся с природой на своем 12-ом уровне, как вдруг из густых зарослей выступило два человека. В руках у них были веревки с петлями на концах.

Тот, что оказался слева от меня, накинул петлю на голову моей лошади. Увидев летящую веревку, лошадь сделала резкий скачок вправо. Не готовый к подобному маневру, я потерял равновесие и слетел с лошадиной спины, приземлившись головой на камни.

Не знаю, как долго я оставался без сознания. Казалось, прошло лишь несколько мгновений. Однако, когда я пришел в себя и поднял голову, вокруг моей лошади толпилось уже несколько человек. Попытавшись встать, я обнаружил, что руки мои связаны за спиной, а на шею накинута веревка.

Я попытался порвать путы, стягивающие мои запястья, но тот, кто связывал меня, сделал свою работу на совесть. Поскольку мои сенсоры были все еще нечувствительны после полученного удара, я подумал, что попытку к бегству лучше отложить до тех пор, пока я не выясню, кто меня захватил и зачем. Кроме того, двое из них стояли рядом со мной, нацелив ломтики прямо мне в голову. Все были вооружены и крайне небрежно одеты.

— Хо, клянусь Пориксом, что это мы изловили? — произнес чей-то голос.

Говорящий, крупный человек с копной вьющихся темных волос и начинающей седеть бородой, говорил на новарианском, но пользовался не известным мне диалектом.

— Паалуанского каннибала, — ответил другой и предложил: — Убьем его, а?

— Вы ошибаетесь, сэр, — возразил я. — Я не паалуанин, а всего лишь демон, состоящий на службе синдиков.

— Ну и историйка, — сказал первый. — Похожа на те, что так любят сочинять наши болтуны. Как бы то ни было, нам лучше его убить. Если он все-таки паалуанин, то так ему и надо, а если он демон — невелика потеря.

— Мне кажется, — он говорит правду, — заметил другой. — О паалуанах говорят, что они выглядят, как люди, хотя обычай у них нечеловеческий.

— Эй, захлопни свою пасть, Никто! — отрезал первый. — Вечно ты споришь не по делу...

— Конечно, клянусь адом! — вскричал Никто. — Когда я слышу подобную чепуху, то я и говорю, что это...

— Заткнитесь вы оба! — прогремел крупный человек с курчавыми волосами. — Никто и ты, Кармелион! Будете трещать — клянусь сосками Астис! — скручу вас обоих! Ну, а Никто, кажется, прав, я что-то никогда не слышал, чтобы у паалуан были хвосты и когти. Пошли, демон, — сказал он мне. — Накиньте на него еще одно лассо, он может оказаться сильнее, чем кажется.

— Скорее всего, он улизнет на свой уровень, а потом вернется невидимым и задушит нас всех, — проворчал Кармелион.

Они провели меня и мою лошадь по невидимой тропинке через лес. Один из моих сторожей заметил:

— Между прочим, демон...

— Эдим, если вам угодно, сэр.

— Отлично, пусть будет так. Скажи, Эдим, где ты научился ездить верхом на лошади?

— Я научился сам за последние два дня.

— Да, я и сам мог догадаться — редко приходится видеть более беспомощного всадника. Я наблюдал за тем, как мои

мальчики сцапали тебя. Тебе известно, что держа поводья так, как это делал ты, можно раскроить лошади пасть?

— Нет, добрый сэръ, я вечно буду вам благодарен за совет.

— Странно еще, что тебе удалось удержаться в седле без седла. Говоришь, ты едешь из Ира с поручением?

— Да, — ответил я и рассказал ему об осаде. Потом добавил: — А теперь я могу взять на себя смелость спросить о том, кто вы такие, господа, и почему вы меня задержали?

Крупный человек усмехнулся.

— Можешь называть нас социальными реформаторами. Мы отбираем ценности у богатых и раздаем их бедным. Что до меня, то можешь называть меня Айвором.

— Понятно, мастер Айвор, — сказал я, поняв, что угодил в компанию грабителей. — То, что вы отбираете лишнее у богатых, — это я могу понять, но по какой логике вещей вы отдаете отобранное бедным?

Айвор расхохотался.

— Ну, с этим просто. Мы набираем к себе беднейших, так что, естественно, ставим себя на первое место в этой категории. Пока что мы едва-едва можем удовлетворить свои потребности, а на благотворительность мало что остается.

— Вы не удивляете меня, учитывая то, что я слышал о нравах Первого уровня. А как вы намерены поступить со мной?

— Поглядим еще, мой добрый демон. Если бы Ир не был осажден, мы послали бы требование о выкупе.

— А если бы синдики отказались платить?

Он усмехнулся.

— О, у меня есть способы заставить их; есть неплохие способы. Скоро ты познакомишься с одним из них.

Еще целый час блуждали мы по лесу и к ночи вышли, наконец, к лагерю разбойников. Айвор как-то по-особенному свистнул, и с деревьев ему ответили часовые. Потом мы вступили в лагерь — несколько палаток и лачуг, неровным кругом расположенных вокруг свободной площадки. Разбойников здесь было раза в два больше тех, что пришли с нами, а вокруг костров сустились оборванные женщины и дети.

Пришедшие обменялись возбужденными фразами. Большею частью я не улавливал смысла из-за особенностей диалекта. Меня привязали для безопасности к дереву, к которому уже был привязан какой-то человек. То был тучный господин в богатых, но несколько потрепанных одеждах. При виде меня он отпрянул.

Я сказал:

— Не бойтесь меня, мой добрый сэръ. Я такой же пленник, как и вы.

— Вы... ты говоришь?

— Вы же слышали меня, не так ли? — И я коротко поведал ему о себе и о своих злоключениях. — С кем имею удовольствие беседовать, сэр?

— Что ж, для чудовища у тебя, во всяком случае, неплохие манеры, — сказал толстяк. — Я — Эуриллус, солибрийский торговец, похищенный этими мерзавцами из гостиницы. Слушай, эти, которые тебя поймали, ничего не говорили о выкупе?

— Я ничего такого не слышал.

— Они отправились на встречу с посыльным, который должен доставить из Солибрии выкуп за мою жизнь и свободу, а вместо этого они, кажется захватили тебя. О, ужас! Если деньги не прибыли, я не ручаюсь за свою жизнь!

— Что они могут сделать? Ведь если они убьют вас, то никакой надежды на получение выкупа у них не останется.

— У них есть отвратительная привычка посылать время от времени родственникам пленника кусочек его тела, чтобы напомнить о своих требованиях.

— Боги Нинга!

— Ох, чума! — воскликнул Эуриллус. — Сюда идет сам Айвор.

Курчавый гигант остановился перед нами, уперев в бока массивные кулаки.

— Ну что, сударь, — обратился он к Эуриллусу. — не явился твой человек, хотя мы давали ему два часа форы. Ты ведь знаешь, что должно теперь случиться?

Эуриллус повалился на колени, воя:

— О, умоляю вас, хороший, добрый, милостивый капитан! Подождите еще день! Не калечьте меня!... Не надо...

И он продолжал рыдать, а, рыдая, не переставал причитать.

Айвор сделал своим людям знак, и те грубо поставили Эуриллуса на ноги, развязали его и потащили через свободную площадку к пеньку. Там они стащили с него правый сапог, размотали портянку и силой поставили правую ногу несчастного на пенек. Потом один из разбойников ножом хладнокровно отсек Эуриллусу большой палец. Бедняга дико заорал. Затем его снова привязали к дереву, замотав ногу тряпками сомнительной чистоты.

Айвор сообщил:

— Думаю, этот пальчик придется по душе твоим родственникам. А если мы не получим ответа через неделю, к ним отправится следующая часть твоего тела. Когда мы переправим все, что можно отрезать, мы пошлем твою голову. Что тут поделаешь?.. Зато люди будут знать, что мы слов на ветер не бросаем. — Айвор повернулся ко мне: — Ну, а ты,

мастер Эдим, кажется, попадаешь в особую категорию. Сегодня вечером ты отобедаешь со мной и подробно расскажешь о себе и о своей миссии.

Когда пришло время, меня развязали и отвели в сплетенный из прутьев и коры домишко, служивший Айвору жилищем.

За моей спиной стоял охранник с арбалетом наготове, а подавали нам две женщины. Я понял так, что Айвор является мужем обеих, что, насколько я знал, нетипично для новарианцев.

Айвор играл роль добродушного хозяина, потчует меня солибрийским элем. Мои усики, тем не менее, подсказывали мне, что за внешним дружелюбием скрывается враждебность и жестокость. К тому времени я научился уже довольно свободно распознавать эмоциональное излучение обитателей Первого уровня. Как гласит пословица, внешность обманчива.

Не видя причины его обманывать, я честно рассказал ему всю свою историю. Выслушав меня, он покачал головой и сказал:

— Ума не приложу, как мне извлечь прибыль из твоего пребывания здесь. Я не могу послать твоим хозяевам сообщение в осажденный город. А если ты не выполнишь поручение, то, похоже, вообще никакого Ира не будет. А если ты его выполнишь, то можешь оказаться вне пределов досягаемости — с кого тогда требовать выкуп?

— Я могу, обещать вам, что попрошу синдиков заплатить вам после победы...

— Дорогой сэр демон, ты действительно так наивен?

— А что вы, сэр, думаете о моих шансах на успех? В том, разумеется, случае, если вы отпустите меня. Солибрийцы, кажется, приняли меня за паалуанина.

— А, невежественные дураки встречаются везде. О тех рыжеволосых варварах, что живут за горами, я ничего не знаю, но вот, что с Солибрией у тебя ничего не получится, это так же ясно, как и то, что вода течет вниз с холма.

— Почему же?

— Потому, что во время последних выборов боги ополчились против Солибрии и дали нам в правители недоумка.

— Как же у вас проходят выборы?

Айвор рыгнул и похлопал себя по животу.

— Знай же, о демон, что мы, солибрийцы, народ благочестивый. Столетия назад священные отцы решили, что, поскольку все во власти богов, то единственно разумный способ выбора правительства — жеребьевка. Боги, видишь ли, определяют результат и, любя древние и священные традиции, обеспечивают выбор достойнейшего. Поэтому каждый

год в метрополии проводятся празднования в честь Зеватаса и нашего собственного божества — Иммура Сочувствующего. Главная часть праздника — бросание жребия. Имена сотни солибрийцев, взятые в особом порядке с переписного листа граждан, выписывают на листочки бумаги и прячут их в ореховые скорлупки. Скорлупки опускаются в священный мешок и встряхиваются. Потом перед народом высший священник Иммура вытаскивает из мешка одну скорлупку, и тот, чье имя заключено в ней, становится на следующий год Архоном. Второй жребий делает человека Цензором, ну, и так далее, до тех пор, пока все высшие должности не будут разобраны. Я не хочу, чтобы меня обвиняли в недостатке благочестия, — с усмешкой сказал Айвор, — но должен признаться, что боги порой делают странный выбор.

— Но, — заметил я, — всем ведь известно, что обитатели Первого уровня бывают умными, а бывают и дураками...

— Тише, мастер Эдим, если не хочешь, чтобы тебя обвинили в святотатстве! Ибо это — еще один из наших основных принципов: все люди созданы равными и поэтому должны иметь равные права. Великий реформатор, Псоанес Справедливый ясно доказал это, когда сверг феодальный режим. Логика его была железной: если бы некоторые в самом деле были умнее и талантливее, чем остальные, то это было бы нечестно по отношению к глупым и бездарным. Но такого быть не может, ибо всем людям известно, что боги — мудры и добры и желают человечеству только хорошего.

— В таком случае боги нашего, 12-го уровня, довольно глупы, — ответил я, — но, возможно, в этом мире все обстоит по-другому.

— Несомненно, несомненно. Но, как бы там ни было, роль главы кабинета, Архона, досталась на сей раз Гавиндосу из Одрума, борцу по профессии. Теперь, когда он стал правителем, результаты налицо. Ты видел на границе какую-нибудь охрану?

— Нет, и это меня озадачило. Мне было велено предстать перед ней и предъявить мои документы — те, что ваши люди у меня отобрали, — чтобы удостоверить личность.

— Им не платили несколько месяцев, и они решили, что уж лучше дезертировать, чем сдохнуть с голоду. Конечно, такая ситуация имеет свои смешные стороны — мы теперь не боимся, что они вздумают прочесывать лес и схватят нас. Мы даже подумываем уже о том, чтобы захватить какой-нибудь соседний городок и установить там свое правление. В лесу только летом хорошо. Но для зимних холодов наши лачуги слишком ветхи, а крыши совсем не защищают от дождя.

— А солибрийцы не возражают против такого положения дел? — поинтересовался я.

— Ну да, есть такие, кто ворчит. Некоторые говорят, что боги избрали Гавиндоса, чтобы наказать Солибрию за грехи ее народа.

— Какие грехи?

Айвор пожал плечами.

— По мне, так они не большие грешники, чем все остальные, но такие уж даются объяснения. Другие говорят, что если даже признать, что Гавиндос и иже с ним дураки, то будет только справедливо дать глупцам немного повластвовать, а то умные их совсем зашпыняли.

— Хм, а я-то с ваших слов решил, что солибрийцы не верят в умственное превосходство одних людей над другими.

— Да, мастер демон, именно так я и сказал. Псоанес учил, что все люди созданы равными, но течение жизни изменяет их: одни умнеют, а другие — наоборот. Лечение поэтому состоит в том, чтобы стараться давать всем одинаковое воспитание. Правда, добиться этого не смог ни один из наших правителей. Родители-то все равно остаются разными, ну и переносят эту разницу на детей.

— Тогда единственный выход — воспитание детей в государственных учреждениях.

— Один Архон попытался это сделать, давно уже, но этот план вызвал такое противодействие озверевших родителей, что уже следующий Архон мудро решил плюнуть на эту идею. Да и вообще, каждая новая команда всегда все прелопачивает — одно насаждает, другое искореняет, а что на самом деле — хорошо, а что — плохо, кто знает!

Айвор почесался, очевидно, его укусило какое-то из местных паразитирующих насекомых.

— Мне сам Бог велел быть скептиком по отношению ко всем этим теориям. Ведь мы с моим братом воспитывались одними и теми же родителями совершенно одинаково. А что толку? Мы с ним так же похожи, как рыба и птица. Он — один из младших священников Иммура, правильный, как логарифмическая функция, а я... я — Айвор из лесов.

Чтобы проиллюстрировать сделанные им замечания, предводитель разбойников рассказал несколько анекдотов из собственной жизни. Получив, наконец, возможность вставить слово, я заметил:

— Мастер Айвор, если ваше правительство ничего не может сделать для нас, жителей Ира, то у вас есть бесстрашные вояки, из которых можно было бы составить отличный отряд.

Айвор фыркнул.

— Ты что, предлагаешь мне включиться в вашу компанию?

— Да, сэр.

— Нет, дудки, не пойдем мы на службу ни к какому правительству. Благодарю покорно! И потом, попадись мы в

руки властей... нет, для нас это может плохо кончиться. Они бы сначала нас использовали, а потом, когда мы сделали бы за них все дело, они бы вздернули каждого второго. Для профилактики. Бывало так, знаем, ученые уже.

— Вы упоминали, что хотели бы занять город и стать его правителем.

— Это дело другое. Будь я хозяином города и правительство признало бы меня официально — тогда дела пошли бы по-другому. Но сейчас-то речь не об этом.

— Если паалуане захватят Ир, то следующим пунктом будет для них Солибрия. Та расслабленность, в которой она сейчас пребывает, просто приглашает к нападению, не так ли?

— Ну и что? — спросил Айвор.

— Они прочешут весь лес и поймают вас.

— Ну, это вряд ли. Мы знаем этот лес, как собственную ладонь. Насколько я слышал, варвары — люди пустыни, так что заманить их в ловушку — раз плюнуть.

— И вы не помогли бы своим сородичам, согражданам спастись от гибели? Мне казалось, что любовь к своей стране — одна из немногих эмоций, заставляющих людей быть лучше, чем они есть на самом деле.

— А мы-то тут при чем? Половину моих людей перебьют в бою, остальных, как я уже сказал, повесят. Нет уж, спасибо. Пусть другие рискуют своей головой ради отчей земли, даже если она их просто-напросто пожевала и выплюнула, а Айвор из лесов не будет.

— Но подумайте! Если Солибрия будет разорена, кого же будет грабить ваша банда?

Он заржал, как моя лошадь.

— Какой искусный оратор! Клянусь хорошенькими сосками Астис, мастер Эдим, тебе бы профессором быть в отомайской академии. Ладно, я тебе скажу. Среди награбленного барахла у нас есть кое-что такое, что подходит посланцу гораздо больше, чем простому конокраду. Я снаряжу тебя, как и положено для твоей миссии, и завтра отпущу. Ну, как?

— Прекрасно, сэр...

Меня прервали раздавшиеся крики. Двое воров — все те же Никто и Кармелион, которые уже ссорились раньше бросились друг на друга с ножами. Айвор вскочил на ноги с быстротой молнии и кинулся к поляне. Он мгновенно преобразился и походил теперь на рычащего льва. Он схватил дерущихся — каждого одной рукой. Никто он швырнул прямо в костер, на котором готовилась еда. Кармелиона он с такой силой ударил о дерево, что тот потерял сознание. Когда Никто выскочил из костра, забывая горящие места на своей одежде, Айвор с силой ударил его.

— Клянусь Периксом! — прогремел он. — Предупреждал

я вас или нет, подонки? Привязать их к дереву.

Когда это было сделано, Айвор взял тяжелый хлыст и, крича и ругаясь, принялся стегать провинившихся по обнаженным спинам, пока их тела не превратились в кровавое месиво. Если кто-нибудь из них начинал кричать, Айвор отвечал ему издевательским смехом. Он остановился только тогда, когда оба привязанных потеряли сознание, и даже его мощная рука устала.

Вернувшись ко мне, он велел принести еще эля. Я было заговорил:

— Сэр, если мне будет дозволено...

Но Айвор закричал:

— Да пошел ты, ящерица поганая! Не схлопотал, и будь счастлив! Брысь под свое дерево, сиди там и не рыпайся. Оставь меня в покое!

Глава 7

ГАВИНДОС — АРХОН

На следующее утро Айвор вновь был настроен благодушно. Он вернул мне все мои вещи, кроме денег, и дал одеяние с меховым воротником и бзрхатную шапочку. Шапочку эту им пришлось снабдить тесемками, ибо моя голова плохо приспособлена для ношения головных уборов этого уровня. Потом Айвор подвел меня к оседланной лошади и дал инструкции по обращению с этим существом.

— Это не моя лошадь, — сказал я.

— Точно, это самая старая кляча, какую мы смогли найти, и для такого умелого наездника, как ты, она — лучший подарок. Твоя прежняя лошадь слишком хороша, чтобы мы могли позволить тебе так терзать ее. Не грусти: безопасность и удобства тебе гарантированы.

Опасаясь, что в приступе дурного настроения Айвор мог бы отрезать мне хвост или какую-нибудь другую часть тела, я не решился затевать спор по этому поводу. Я удовольствовался тем, что заметил:

— Но, мой дорогой господин, если я смогу преодолеть нужное расстояние с помощью этой лошади, то как я могу путешествовать, совершенно лишенный денег? На что я буду покупать еду себе и животному, чем заплачу за ночлег?

— Ты что, хочешь сказать, что демоны покупают вещи за деньги, как люди?

— Находясь на Первом уровне, я должен поступать так, как поступают его обитатели. Если вы отправите меня так, как есть, из моего путешествия ничего не выйдет.

— Возьмешь займы в тавернах, а расплатятся синдики.

— О, Айвор, солибрийцы так вопят и разбегаются при виде меня, что я просто не решусь обращаться в таверны с таким предложением. Ну, разве вы предоставили бы мне кредит, если бы были хозяином постоянного двора?

Айвор почесал бороду.

— Да, это понятно... Ну, тогда ты можешь поймать какое-нибудь животное и пообедать им.

— Чтобы на меня ополчились местные жители? Вам же лучше меня все известно, капитан Айвор.

— А, девять вдов! Ладно, я отстегну тебе на дорогу до Швенра. Правда, тебе придется быть экономным. Ничего, семь дней в пути и по три марки на день... за глаза хватит! — Он отсчитал 21 марку и сунул в мой бумажник. — Ну а насчет всего остального, сам ломай голову, а меня больше не морочь.

Мои усики сообщили мне о том, что очередной приступ гнева Айвора уже на подходе, так что я не стал его «морочить». Двое разбойников отвели меня назад, к дороге, и отпустили.

Скорость, с которой желала двигаться моя старая кляча, явно оставляла желать лучшего. Мне без конца приходилось подстегивать ее кнутом, и все равно двигалась она еле-еле.

Таким образом достиг я ворот Солибрии-сити к вечеру этого дня. Я проехал через неохраемые ворота. Улицы были пустынные. Когда я остановил лошадь и нагнулся, чтобы спросить у прохожего дорогу к гостинице, этот человек уставился на меня, потом вложил пальцы в рот и свистнул.

Из ближайшего дома выскочили еще двое, и вся эта тройка кинулась на меня. Один попытался стащить меня за ногу с седла, а двое других — пырнуть меня ножом. Я выхватил булаву, висевшую у луки седла, и одним ударом разможил головы двоим нападавшим. Третий мгновенно исчез в темноте.

Я огляделся, надеясь увидеть офицера, которому я мог бы объяснить наличие двух трупов, но вокруг было пусто. Так что я оставил их лежать на улице и последовал дальше, пока не заметил гостиницу — я распознал ее по черепу быка над дверью.

Дверь была заперта, и мне пришлось долго стучать и кричать, прежде чем хозяин решился хоть чуть-чуть ее приоткрыть.

— Я посетитель, готовый заплатить! — закричал я. — Гость! Посыльный из Ира!

После многократных повторений этих слов и прочих уговоров мне удалось добиться, чтобы трактирщик впустил меня, хотя он и страшно нервничал и держал нож наготове, пока я демонстрировал свои документы. Когда мы, наконец,

договорились, я рассказал трактирщику о своей стычке на улице.

— Что ж тут удивительного? В темноте на солибрийские улицы лучше не соваться! — объяснил мне человек, чье имя было Райе. — Тут у нас просто бандит на бандите.

— Вам что, не дают с ними бороться?

— Пальцем шевельнуть не разрешают! Мы платим констеблям, а им на грабителей наплевать. Приходится нанимать телохранителей.

— Странная страна и странный город, — заметил я. — Так всегда у вас было?

— Нет, еще в прошлом году здесь царил безупречный порядок. Но этот проклятый Гавиндос, черт бы его побрал, все поставил с ног на голову. Ну ничего, еще месяц потерпим, а там и другие выборы. Может, боги дадут нам Архона получше.

Несмотря на все мои настойчивые требования, мне потребовалось два дня, чтобы добиться аудиенции у Архона. Тем временем трактирщик Райе, обнаружив, что я не такое чудовище, каким кажусь, сделался весьма дружелюбным. Я был единственным постояльцем, дела в трактире шли из рук вон плохо. На следующий день после моего прибытия он отправился за продуктами и предложил мне сопровождать его.

— Если ты пойдешь со мной, о, Эдим, ни один дурак к нам не пристанет, — объяснил он.

— А это кто такие? — Я указал на толпу женщин, трусивших вдоль улицы в сопровождении двух дюжих вооруженных мужчин.

— Домашние хозяйки идут на рынок, — пояснил он. — Вооруженные мужики — это бывшие констебли, нанятые для охраны жителями какого-то квартала. Все женщины здесь ходят на базар вместе, чтобы охрана не дала их обокрасть или обмануть.

— Вы, обитатели Первого уровня, странные существа.

— Вот как? А вы-то, демоны, чем лучше?

— На 12-ом уровне родители воспитывают маленьких демонов в весьма строгих правилах. У нас, по сравнению с вами, очень мало организаций, следящих за поведением граждан. Но вы, люди, становитесь дикими, как неразумные животные, едва вами перестают управлять, и кидаются друг на друга, как... как...

— Как крабы, посаженные в банку, — подсказал Райе.

— Благодарю вас, сэр, я действительно не мог припомнить, как называются эти существа.

— В глубине души все мы — сущие ангелы, — вздохнул он. — Вообще, дайте нам спокойно зарабатывать себе на кусок хлеба, и мы будем вести себя тише голубков...

— Но значительная часть ваших людей принадлежит совсем к другому сорту, если мне будет позволено так заявить, — сказал я.

Райе вздохнул.

— Боюсь, что ты прав. А вы, демоны, когда-нибудь ведете себя неподобающим образом?

— О, конечно, но число подобных индивидумов настолько мало, что их легко обуздать. Кроме того, наши колдуны весьма могущественны и могут заставить подозреваемого в преступлении говорить полную правду. Это значительно упрощает процесс установления истины.

Райе бросил на меня быстрый взгляд.

— А как у вас дела насчет иммиграции?

— Сомневаюсь, чтобы подобный вопрос когда-нибудь возникал. По возвращении я попытаюсь выяснить и сообщу вам.

Когда наконец меня впустили во дворец, я обнаружил, что Гавиндос из Одрума — это человек небольшого роста, с бочкообразным телом и очень длинными мускулистыми руками. Он напомнил мне моего друга Унгаха, человека-обезьяну.

— Садись, — сказал он. — Как твое имя?

— Эдим, Ваше Высочество.

— Стим, Эа-дим... а, к девяти едим. Я буду называть тебя «эй, ты». Пей пиво. Ты зачем здесь?

— Я посланник Ира... — И я объяснил ему причину моего визита.

— Ир. Подожди-ка, это какая-то вонючая заграница, да?

— Пока этот человек говорил, мои усики ловили эмоции, похожие на замешательство, вроде того, какое мог бы испытывать ребенок, слушая рассказы о высоких материях.

— Это республика, граничащая с вашим государством на юге, сэр.

— Мне всегда было плевать на эти заграницы. Ну, и при чем тут я?

— Синдики Ира настоятельно просят вас, сэр, собрать военные силы и снять осаду с Ира.

— А? Ты хочешь сказать, что они хотят, чтобы моя вонючая армия пошла освобождать этих клоунов от... как ты сказал, зовут этих вонючих оккупантов?

— Паалуане, сэр. Они явились из-за Западного оксана.

— Ладно, ладно, слышали уже. Пей пиво. Так почему мне нужно посылать мою вонючую армию в это место — Ир, что ли?

— Да, сэр.

— И посылать свою вонючую армию через океан, чтобы драться с этими клоунами, о которых я никогда слыхом не слыхивал... Да. Гм. О чем бишь я?

Я объяснил снова. Гавиндос наморщил лоб. Наконец он сказал:

— Но, послушай, если у этих вонючих людей из Ира хвосты и чешуя, как у тебя, то на хрен они мне сдались? Пусть эти... те, другие клоуны, лопают их на здоровье. Мне-то что? Я просто вежливо скажу «апчки» на все это дело.

— Но, сэр, как я пытался вам объяснить, ириане — такие же люди, как и вы. Я — лишь демон, находящийся у них на службе по контракту на год.

— Ну, а если они люди, так что ж они не послали к нам нормального, солидного человека?

— Потому что я был единственным, кто смог пройти через укрепления паалуан.

Архон сделал огромный глоток пива.

— Ну-ка подожди. Это что, клоуны из-за океана атакуют Ир, или это Ир атакует их?

Я объяснил снова.

— Но, — сказал Гавиндос, — а мне-то какая выгода вмешиваться? У нас, кажется, нет никаких вонючих денег, чтобы платить нашей вонючей армии, не говоря уже о том; чтобы посылать ее за границу, о которой я никогда не слышал.

— Ваше Высочество! Когда паалуане захватят Ир, они вторгнутся в Солибрию.

— А? Вот как даже?

— Конечно!

— Это которые из них к нам вторгнутся? Или... я забыл их вонючее название.

Объяснил я ему еще раз. Архон задумался. Наконец он сказал:

— Ладно, пусть приходят. Я оторву их главному голову! Я ему хребет сломаю, и тогда им придется вернуться домой, потому что у них не будет генералов и некому будет командовать. Погоди, куда ты? Выпей еще пивка!

Глава 8

ИУРОГ — ШАМАН

Подобно южной части Солибрии, северная ее часть тоже кишела разбойниками. Я склонен полагать, что некоторые из тех свирепого вида людей, что встречались мне на дорогах или в гостиницах, принадлежали именно к этому типу. Кое-кто из них бросал на меня недобрые взгляды, но ни один не нападал. Думаю, что моя внешность отвращала их от кровавых намерений, которые могли у них возникнуть.

На второй день после того, как я покинул Солибрию-сити, я подъехал к подножию холмов Горной Зоорны. За ужином я показал трактирщику, некоему Хадрубару, свою карту и интересовался насчет дороги через горы.

— Трудно сказать, — ответил он. — Игольное ушко, — он указал то место на карте, где был нарисован переход через гряды, — зимой погребено под снегом. Сейчас — разгар лета, и проход должен быть открыт еще месяца два, а то и больше, но ни одному путешественнику не удавалось проникнуть туда из земли Хрунтингов.

— А как же с теми, кому нужно на север?

— Некоторые пытались перебраться, но назад не вернулись ни один. Кое-кто поговаривает, что тропу стерегут... эти, как их... заперазхи.

— Кто это?

— Заперазхи — это такое племя пещерных людей, обитающее в этих краях. Каждый год, когда открывается проход, они устраивают налеты на тропу. Потом правительство призывает их к порядку. Но за этих дикарей никогда нельзя поручиться.

— Как они хоть выглядят?

— Хочешь взглянуть? Пошли.

Он провел меня на кухню. Там мыл посуду сердитого вида темноволосый юнец. Шею его опоясывал тонкий железный обруч — знак раба.

— Это Глоб, мой раб-заперазх, — сказал Хадрубар. — Существо с отвратительным характером. Возня с ним стоит чуть ли не больше, чем он сам.

— А что, пещерные люди часто попадают в рабство?

— Лишь в количестве, определенном договором.

— Однако договор, очевидно, не вернет свободу мастеру Глобу?

— Нет, конечно! Когда договор принимали, кое-кто высказал подобные глупые предположения, но те солибрийцы, которые потратили на рабов хорошие деньги, подняли такой шум, что Архон сдался. В конце концов, изымание нашей личной собственности суть тирания, с которой не смирится ни один мыслящий человек.

Сопровождая меня назад, Хадрубар продолжил уже тише, чтобы не слышал Глоб. — При прошлых Архонах граница хорошо охранялась, рабы мало что знали о той стороне, так что шансов на побег у них было немного. Но теперь...

— Как говорят у нас, на земле демонов, — вставил я, — плох тот ручей, в котором нельзя вымыть ноги.

Хадрубар бросил на меня недовольный взгляд.

— Это же было, нечего им сочувствовать. Мы их к цивилизации приобщаем, а они этого не ценят...

— Это не мой мир, мастер Хадрубар, и судить вас — не мое дело. И тем не менее меня часто озадачивает та пропасть, которая лежит между вашими принципами и вашими поступками. Вот, например, вы презираете примитивный народ Глоба, а в то же время вы, солибрийцы, верите в то, что все люди созданы равными.

— Ты не так понял, сэр демон. Иммур создал равными всех солибрийцев, это ясно, как день. А вот кто сотворил других людей мира и как — этого я не знаю. У заперазхов свой собственный бог по имени Рострош. Возможно, этот самый Рострош сотворил заперазхов, и если так, то он плохо справился со своей работой.

Я не стал продолжать этот спор, решив, что нелогично было бы говорить о заперазхах, не зная никого из этих людей.

Новария обладает великолепными дорогами, связывающими столицы 11 государств (12-е государство, Залон, находится на острове в Западном океане), но та дорога, что вела к северу от Солибрии-сити, содержалась куда хуже, чем прочие. Она превратилась в обычный тракт, вполне пригодный для вьючного животного, но не слишком удобный для путешествующих в побозках или фургонах.

В более крутых местах потоки воды смыли земляную плоть с каменных костей гор. Моя бедная старая кляча скользила и спотыкалась на камнях.

К концу первого дня после выхода из гостиницы Хадрубара граница осталась далеко позади и начался подъем. Подножия холмов были покрыты густыми зарослями деревьев с темно-зелеными иголками, казавшимися почти черными. По мере того как я поднимался выше, леса становились все менее густыми.

Как и предупредил меня Хадрубар, здесь было безлюдно. Тишина нарушалась лишь шумом ветра, звуком упавшего камня да эхом от стука копыт по камням. Я видел вдали стада овец, а однажды на дальнем конце склона показался медведь.

Я страдал от все усиливающегося холода. Одежда, которую мне дали разбойники, мало помогала мне, поскольку мы, демоны, не имеем источника внутреннего тепла, как высокоразвитые обитатели Первого уровня. Наши тела охлаждаются вместе с температурой окружающего воздуха. Две первые ночи я грелся у походного костра, но потом пришлось останавливаться и днем, чтобы развести огонь и хорошенько себя погреть.

На пятый день после выхода из гостиницы я достиг перевала, называемого Игольное Ушко. Тропа вилась вверх и вниз через страшную пропасть. Здесь и там лежали пятна

снега. По сторонам дороги поднимались огромные, в снежных шапках, пики.

В полдень — по моим карманным солнечным часам — я остановился, чтобы развести костер. Лошадь съела маленькую горсточку зерна, захваченного мною для подобных надобностей, ибо травы на этой высоте не было или почти не было.

Собирать топливо для костра было здесь делом нелегким — единственное, на что можно было рассчитывать, так это несколько сучьев да чахлый кустарник. После часа усилий я собрал достаточно дров. Двигаясь, подобно одному из тех садовых существ, которых здесь называют «улитками», я развел костер.

Но едва я сделал это, как мои усики уловили нечто странное. С ревом на меня налетела волна ледяного ветра. Она, казалось, шла откуда-то сверху. Мой маленький костер, ярко вспыхнув, тут же погас.

Я поднялся на ноги, намереваясь снова развести огонь, но холод так заморозил мои движения, что я стал неподвижнее каменной статуи. Не имея достаточной опоры, я медленно осел — к счастью, не в затухающий костер — и застыл в той самой позе, которую принял, прежде чем потерял контроль над своими движениями.

Лошадь насторожилась, фыркнула и заковыляла прочь. Потом раздался свист стрел и шум пущенных из пращи камней. Лошадь, заржав, попятилась назад и упала — несколько стрел вошло в нее в бок. Другие, пролетев мимо цели, зазвенели, ударяясь о камни. Одна упала рядом со мной, и я заметил, что наконечник стрелы сделан из чего-то, напоминающего стекло.

Позже я узнал, что так оно и было. Пещерные люди находятся по своему развитию на уровне каменного века. Обнаружив, что стекло легко поддается обработке, они стали отправлять в Солибрию мех в обмен на разбитые бутылки и оконные стекла.

Теперь лучники появились из-за валунов и устремились по тропе. Некоторые занялись разделкой моей мертвой лошади ножами из камня и стекла, другие столпились вокруг меня.

С первого взгляда заперсзхов можно было принять за полулюдей-полумедведей, но когда они подошли ближе, я понял, что такое впечатление возникает из-за их меховой одежды.

Они явно принадлежали к той же расе людей, что и новарианс, в отличие от моего друга Унгаха, но в массе своей были выше и плотнее новариан. Насколько мне удалось разглядеть, по эталонам Первого уровня они вовсе не были

уродами. Волосы у них были различных оттенков, а глаза коричневые или серые.

Но запах их был ужасен. И, поскольку я был лишен возможности менять положение, я ничего не мог сделать, чтобы его избежать.

Они что-то кричали на своем языке, и я понял, что болтливостью заперазхи превосходят новариан. Я, естественно, не понимал из их речей ни слова. Среди них, казалось, было два вождя: очень высокий воин средних лет и согбенный белобородый старец. Первый отдавал людям распоряжения, но время от времени вполголоса спрашивал совета у второго.

Они повернули меня, расстегнули на мне одежду и принялись разглядывать, тыча в меня пальцами. Наконец четверо из них подняли меня, каждый держа за одну конечность, и понесли. Остальные последовали за ними, тяжело нагруженные лошадиным мясом. От самой же клячи не осталось теперь ничего, кроме скелета. Я почти не видел дороги, по которой мы двигались, из-за того, что находился в неудобном положении и не мог повернуть голову. Я мог лишь смотреть в небо, полуприкрыв глаза, чтобы их не слепило солнце.

Заперазхи вошли в деревню, состоящую из кожаных палаток, теснившихся у входа в пещеру. Меня пронесли мимо столпившихся у своих домов женщин и детей к этой самой пещере, расположенной у основания скалы. Темнота пещеры скоро уступила место свету факелов и многочисленных маленьких ламп из камня, расставленных вдоль стен. Каждая такая лампа представляла собой глубокую тарелку с ручкой и фитилем: кусочком меха, плавающим в озерце растопленного жира.

В глубине пещеры стояла тускло освещенная статуя, своими размерами раза в два превышающая человеческий рост. Вероятно, она была высечена из огромного сталактита, вместо носа у нее была выпуклость, а мужской орган по размерам не уступал массивным конечностям.

Некоторое время заперазхи игнорировали меня. Все время кто-то входил и выходил, в пещере не смолкал гул голосов.

Благодаря костру, разведенному у входа, лампам, фонарям и дыханию собравшихся заперазхов, в пещере было куда теплее, чем на улице. Я начал отогреваться. Вскоре я уже мог открывать и закрывать глаза, потом двигать головой и, наконец, пальцами на руках и ногах.

Пока я прикидывал, как лучше использовать вновь обретенную подвижность, белобородый старец, которого я уже видел раньше, пробрался сквозь массу людей и остановился передо мной, держа лампу в руке. Потом он схватил меня за руку и резко дернул.

Мне следовало бы притвориться, что я все еще не способен двигаться, но движение его было слишком неожиданным и застало меня врасплох я вырвал руку у заперазха, выдав тем самым, что уже вернул себе нормальную двигательную способность. Старик позвал несколько членов племени и, они поспешили к нему. Одни сорвали с меня плащ и шапку, данные мне Айвором, другие связали мне лодыжки и кисти рук. Те, что отняли у меня одежду, забавлялись, примеряя ее на себя и громко хохоча при виде того, как она меняет их внешность.

Старец опустил свою лампу и сел подле меня, скрестив ноги. Он мне задал вопрос на языке, которого я не понял. Я мог лишь смотреть на него... Тогда он сказал мне на ломаном новэрианском:

— Ты говоришь новэрианский язык?

— Да, сэр. Меня зовут Эднимом. К кому имею честь обращаться?

— Я Иуруг, шаман... по-вашему «колдун» из племени заперазхов. Но кто есть ты? Ты не есть человек.

— Нет, сэр, я не человек. Я -демон с 12-го уровня, посланный с поручением синдиками Ира. Могу ли я взять на себя смелость осведомиться о ваших целях?

Иуруг хмыкнул.

— Демоны есть дьяволы, суть существа колдовские. Но у тебя, по крайней мере, хорошие манеры. Мы принесем тебя в жертву Рострошу. — Он кивнул в сторону идола. — Тогда Рострош посылать нам много овец и много коз для еды.

Я попытался объяснить ему причину моего путешествия и важности моей миссии, но он лишь смеялся над моими объяснениями.

— Все демоны лгут, — сказал он. — Это знать каждый. Мы не бояться тебя, черный человек, даже если ты есть дьявол.

Я спросил:

— Доктор Иуруг, объясните мне одну вещь, прошу вас: мне сказали, что в соглашении между вашим народом и солибрийцами есть пункт о свободном проходе путешественников через Игольное Ушко. Почему же тогда вы меня поймали?

— Соглашение нехорошее! Солибрийцы обещать, что давать нам каждый месяц по быку, а мы позволять им ходить здесь. Когда Гавиндос стать главный солибриец, он больше не посылать нам быков. Он не держать слово, мы его тоже не держать. Все чужеземцы лгать.

— Вы поймали меня с помощью магического заклинания, заставившего меня окаменеть?

— Конечно. Моя — великий колдун. Ха-ха!

— Но, послушайте, вы же зарезали для еды мою лошадь,

а ведь это почти столько же мяса, сколько от быка, если бы солибрийцы его прислали. Не считаете ли вы, что это — честная плата за то, чтобы позволить мне пройти через перевал?

— С тобой соглашения нет. Ты есть враг. Все чужеземцы есть враги. Их нужно ловить и приносить в жертву. Но я вот что сказать. Заперазхи хотят снять с тебя шкуру живьем очень медленно, но из-за того, что ты очень милый дракон с очень хорошими манерами, и еще из-за лошади я тебе быстро перерезать горло, чик-чик. Не больно. Хорошо с моей стороны, да?

— Да, и все же было бы лучше, если бы вы отнеслись ко мне, как к другу...

Прежде, чем мне удалось шире развернуть эту интересную дискуссию, подошел высокий вождь и заговорил с Иуругом на их родном языке. Иуруг ответил и добавил на своем виртуозном новарианском:

— Главный хочет знакомиться с гостем. Демон Эдим, знакомься с Вилском, главным Заперазхом. Я тоже хорошие манеры, да?

Потом главарь и шаман вместе отошли. В течение нескольких часов мне не оставалось делать ничего другого, кроме как лежать и следить за тем, как пещерные люди готовятся к большому празднику.

Первой его частью должна была стать церемония в честь Ростроша, затем был намечен пир с мясом моей лошади в качестве главного блюда. Запиваться оно должно было неким сортом пива, которое они варили и держали в кожаных бурдюках.

Солнце садилось, когда все заперазхи собрались и уселись полукругом у входа в пещеру. Мужчины заняли первые ряды, женщины и дети устроились за их спинами. Многие женщины кормили своих младенцев с помощью выступающих развитых желез, какими отличаются все женские особи у высокоразвитых существ Первого уровня. Вся толпа невероятно воняла. Мои усики улавливали напряженное ожидание присутствующих.

Один из членов племени уселся у статуи Ростроша с барабаном, а другой, держа в руке деревянную дудку типа флейты, пристроился с другой стороны от идола. Вилск произнес речь. Она длилась и длилась. Он жестикулировал, потрясая кулаками, топал, кричал, ревел, рычал, шептал, смеялся, рыдал — в общем, проходил через всю гамму человеческих эмоций.

Из-за присутствия толпы я не мог уловить усиками, насколько искренен был Вилск. Но племя внимало словам оратора почти с благоговением. Это можно было понять,

если учесть то полное отсутствие развлечений, которое они должны были здесь испытывать.

Наконец, Вилск закончил, и заиграли музыканты. В дело вступили танцоры, раздетые до пояса и ярко размалеванные. Они кружились и раскачивались и при этом все время орали один на другого.

Все были так увлечены танцами, что на время забыли обо мне. Теперь ко мне полностью вернулась способность двигаться, и я опробовал свои пути. Они ни в коей мере не могли сравниться с теми, которыми меня опутывали люди Айвора, ибо заперазхи сочли, что я не сильнее, чем обычный человек.

Пока глаза всех присутствующих были прикованы к движениям танцоров, я поднатужился и порвал пути на запястьях. Потом, выждав немного, пока восстановится циркуляция крови в руках, я освободил и ноги.

Затем я начал медленно и постепенно пробираться к выходу. В тусклом свете никто не заметил, как я проскочил за один из выступов в стене.

Решив, что это безопасно, я перекатился, встал на четвереньки, пополз и почти достиг выхода, когда какой-то ребенок заметил меня и испустил громкий вопль. На этот крик обернулись женщины и тоже закричали.

Прежде, чем кто-нибудь успел схватить меня, я вскочил на ноги и бросился к выходу. Пещера казалась кипящим котлом, ибо все присутствующие одновременно пытались броситься в погоню.

Я выскочил из пещеры и помчался мимо палаток. Пробегая мимо костра, возле которого были сложены останки моей лошади, я успел выхватить для себя кусок мяса.

Будь воздух теплее, я с легкостью ускользнул бы от заперазхов. Моя сила и способность видеть в темноте давали мне преимущества перед обитателями Первого уровня. Но холод этих широт быстро замедлил мои движения, так что скорость моего бега приблизилась к скорости здешних обитателей.

За моей спиной мчалась, преследуя меня, толпа дикарей. Каждый раз, когда в свете их факелов сверкала моя чешуя, они выпускали гневный вопль. Я бежал вниз по каменному склону, кидаясь то вправо, то влево, чтобы сбить преследователей с толку, но они были проворнее обычных людей. Куда бы я ни повернул, повсюду за мной устремлялся свет факелов. Постепенно меня нагоняли. Мои движения все больше замедлялись по мере того, как холод проникал в мое тело.

Знай я лучше местность, я несомненно сбил бы их со следа каким-нибудь трюком, но местности я не знал. Они все

приближались. Я мог бы остановиться и убить двух-трех, но остальные, несомненно, забили бы меня насмерть орудиями из стекла и камня. А это, я был в этом уверен, не принесло бы удовлетворения ни мадам Роске, ни синдикам, которые доверились мне.

Мимо меня пролетела стрела. Я начал впадать в отчаяние.

Уверившись, что они видят меня, я изменил свой цвет на самый светлый, какой только был в моем распоряжении — жемчужно-серый. Потом я метнулся вправо. Когда они, торжествуя крича, бросились следом, я прыгнул за выступы в стороне от тропы. Исчезнув на мгновение из поля зрения преследователей, я изменил цвет на черный и побежал влево, перпендикулярно моему прежнему направлению.

Тем временем толпа продолжала мчаться по прежней дороге. Я же тихоенько ковылял в другую сторону, изо всех сил стараясь не задеть какой-нибудь камень и не наделать шума. К тому времени, когда племя обнаружило, что их светло-серая цель не маячит впереди, и остановилось, вопя и размахивая факелами, я был уже вне пределов их досягаемости.

К рассвету я нашел тропу через Игольное Ушко и продолжил свой путь через северные склоны Эллорнаса к выступам Швенра.

Во время моего пребывания в плену и бегства я был склонен согласиться с трактирщиком Хадрубаром в его не слишком уважительном отношении к заперазхам. Двигаясь же сейчас по тропе в розовом свете зари и откусывая время от времени от куска конины, я достиг более рациональной точки зрения. Заперазхи всего лишь достигли действия согласно обычаям и нормам поведения обитателей Первого уровня, которые инстинктивно делились на враждующие группы.

Каждый член такой группы на всех прочих смотрел как на неполноценных людей и, следовательно, законную добычу, относился к ним как к существам, охота на которых вполне позволительна и даже похвальна. Подобные деления могли проходить под любым предлогом — нация, раса, племя, вера... да все что угодно!

Будучи, как они считали, обиженными солибриями, заперазхи, мыслящие нормальными человеческими категориями, воспылали враждебными чувствами по отношению ко всем новарианцам. Поскольку я работал на новарианское правительство, они и меня поместили в ту же категорию. Суть была не в том, что заперазхи были «дикарями» в отличие от цивилизованных новариан, а в том, что заперазхи открыто несли в себе частицу этого «дикарства», а новариане прикрывали ее цивилизованными манерами и обычаями.

ЧАМ ТЕОРИК

Три дня я пробирался по плоской травянистой, подметаемой ветром степи западного Швенра, не встречая никаких признаков человеческого жилья. Животные тоже почти не попадались, я видел лишь птиц и несколько антилоп, да еще, пожалуй, дикого ослá вдалеке.

Я давно уже доел остатки конины и не мог добыть себе другой еды, потому что дикие животные слишком проворны даже для такого бегуна, как я, а нужного оружия у меня не было.

Лишенный воды и пищи, я начинал уже ослабевать, когда мои усики поведали мне о близости влаги. Я застыл, пробуя воздух, потом выбрал нужное направление. Через полчаса я нашел углубление с водой, окруженное несколькими деревьями. Вода была изрядно испорчена тиной, но меня это не смутило.

Я все еще поглощал гнилую воду, когда стук копыт заставил меня насторожиться. Я встал и увидел всадника. Это был крупный человек, похожий на швенрских наемников, которых я видел в Ире. На нем была меховая шапка в форме луковницы, куртка из бараньей шкуры и мешковатые шерстяные брюки, заправленные в сапоги. Белокурая борода развевалась по ветру.

Я поднял руку и крикнул по-швенрски:

— Отведите меня к вашему лидеру! — То была одна из немногих фраз, которые я заучил. Для всестороннего изучения языка мне не хватало времени и наставника.

Всадник прокричал что-то вроде «Хоп!» и продолжил свой путь.

Приблизившись, он раскрутил веревку, висевшую на седле, и взмахнул ею над головой.

Очевидно, человек намеревался поймать меня тем же способом, каким меня поймали разбойники Айвора в Зеленом лесу. Не нуждаясь в подобном развлечении, я весь подобрался. Когда кольцо полетело в меня, я высоко подпрыгнули и поймал веревку когтями. Приземлившись, я поплотнее встал на землю и подался назад.

Результат превзошел все ожидания. Наездник был готов к тому, чтобы сбить меня с ног и тащить, но неожиданный рывок с моей стороны вышиб его из седла, и он упал на траву, ударившись головой. Лошадь его остановилась и принялась щипать траву.

Я поспешил к упавшему человеку. Перевернув его на спину, я с еще большим удивлением обнаружил, что он мертв. При падении несчастный сломал себе шею.

Это обстоятельство несколько меняло дело. Одежда покойника могла сослужить мне службу в качестве изоляции от перепадов температур, ибо дневная жара доводила меня до изнеможения, в то время как ночной холод замораживал почти до неподвижности. Так что я взял меховую шапку, баранью куртку и сапоги. Я также забрал оружие, кремень и огниво.

Я попытался поймать лошадь. Испуганная моим видом и запахом, она удалялась при моем приближении. В то же время ей явно не хотелось уходить далеко от воды. Я бегал за ней между деревьями, совершив таким образом немало кругов, но, ослабевший от голода, так и не смог поймать ее.

Тогда я вспомнил о веревке. Я никогда не практиковался в подобном искусстве и решил попробовать. Первая попытка не принесла мне удачи: я лишь сам запутался в веревке и растянулся на земле. Однако несколько часов практики позволили мне делать неплохие броски на расстоянии футов в двадцать. Вооруженный этим умением, я, наконец, приблизившись на достаточное расстояние, сумел набросить кольцо на голову лошади. Потом я отвел ее к водопою и привязал к дереву.

Умершего человека я съел, радуясь, что могу, наконец, приготовить себе еду. Некоторые обитатели Первого уровня, несомненно, пришли бы в ужас и объявили меня смертным врагом человечества, но я не могу всерьез принимать все их нелогичные и несуразные табу. Этот человек сам стал причиной своей смерти, напав на меня. Его душа уже, несомненно, отправилась на тот уровень, где все становятся машинами.

Зная странное отношение людей к поеданию соплеменников, я похоронил останки умершего.

Потом я взобрался на лошадь и двинулся на северо-запад. Если верить моей карте, именно в этом направлении нужно было искать орду Чама Теорика. Впрочем, наверняка сказать было нельзя, потому что каждую неделю племя снималось с места и отправлялось на поиски свежих пастбищ для своих животных.

На второй день после событий у водопоя я заметил слева от себя другого всадника. Он двигался севернее, чем я, и наши пути сближались. Как и первый кочевник, этот тоже был наряжен в меховую шапку и овечий полушубок.

Когда мы подъехали друг к другу ближе, я помахал рукой. Вот кто, подумал я, может показать мне нынешнее расположение орды.

Человек помахал мне в ответ, и я подумал было, что мне удалось наладить дружеский контакт. Когда мы сблизились, я спросил его на своем швенском:

— Сэр, не будете ли вы так добры указать мне лагерь Чама Теорика?

Теперь нас разделяло шагов 20 — 30. Человек, очевидно, был близоруким, ибо он только сейчас заметил, что лицо под меховой шапкой никак не могло принадлежать его соплеменнику. Его глаза округлились от ужаса и он завопил что-то вроде: «Изыди, дьявол!». Затем выхватил лук и потянулся за стрелами.

У меня тоже был лук и колчан, но, ни разу не практиковавшись в стрельбе из лука, я не мог надеяться на удачный выстрел, кроме того, мне нужен был проводник, а не еще один труп.

Следующее мое действие было довольно неожиданным. Будь у меня время на раздумья, я бы наверняка отверг его решительно и бесповоротно. Я никогда не делал ничего подобного, а маневр был сложный.

Но, как говорим мы, демоны, счастье часто сопутствует бесстрашным.

Я впился в бока лошади острыми углами тяжелых железных оков, которые швенры употребляют вместо шпор. Лошадь рванулась вперед, а я повернулся к швенру. Последний все еще возился со стрелой, я же находился в нескольких ярдах от него. Потом, действуя так же, как мадам Дульнесса из заведения Багардо, я перегнулся через седло, ухватился за него руками и поднял ноги. Через мгновение я стоял на спине галопирующей лошади.

Если бы мне надо было покрыть таким образом какое-то расстояние, я бы, конечно, свалился. Но к этому времени обе лошади находились уже одна подле другой. Я прыгнул со своего седла на крестец чужой лошади и тут же уселся за спиной всадника. Я вцепился в его шею обеими руками, так что мои когти сошлись как раз под его бородой, и прорычал ему в ухо, — Отвези меня к своему лидеру! — Отвезу! — ответил он придушенным голосом, — только убери когти с моей шеи, пока ты не вспорол мне вены.

Я позволил ему продолжать. Бедняга так и не понял, что я и сам не мог вспоминать свой кульбит без ужаса.

Кочующий город хрунтингов напомнил мне лагерь паауан и деревню заперазхов. Вот только дома здесь были совсем другие. Они были сделаны из шкур, полукружиями надетых на деревянные каркасы. Территория вокруг этих серых жилищ была разбита на секции, каждая из которых служила для особых нужд. Я заметил, например, секции для лошадей, для лучников, для боевых мамонтов.

Кочевники, их женщины и дети сновали вокруг палаток и стоящих среди них больших повозок. Направляя своего коня среди всех этих предметов, мой проводник кричал:

— Держитесь в стороне! Не подходите! Не вмешивайтесь, иначе тот, что сидит за моей спиной, убьет меня!

В центре селения стояла палатка, размерами вдвое больше остальных. Вокруг нее было пустое пространство. Перед палаткой развевалась пара знамен, украшенных конскими хвостами, человеческими черепами и прочими эмблемами кочевников. Двое хрунтингов в кирасах из лакированной кожи стояли на страже перед палаткой Чама. Точнее, они должны были стоять на страже, но один сидел, прислонившись спиной к древку знамени, и, склонив голову на колени, мирно спал. Другой тоже сидел, но не спал, а лениво ковырял палочкой землю.

Услышав вопли своего соплеменника, оба часовых поспешно вскочили. Обменявшись несколькими словами с моим пленником, один из часовых скрылся в палатке и вскоре вернулся с сообщением, что Чам немедленно желает видеть меня.

Я слез с лошади и направился к входу. Мой пленник спешил, с ненавистью глядя на меня. Я взялся за шпагу, но тут вмешались часовые. Рукоятками копий они оттолкнули его, и я, не задерживаясь, вошел в палатку, оставив эту тройцу яростно спорящей.

Часть огромного шатра была отведена для официальных приемов. Когда я вошел, Чам и еще одна парочка охранников сели в соответствующие случаю позы, и лица их приняли выражение достоинства и суровости. Чам сидел на седле, положенном на кусок дерева. Такое положение должно было говорить о нем, как о человеке храбром, вожде бесстрашных наездников. Охранники в забавных одеждах, со множеством блестящих пуговиц на кирасах, стояли по обе стороны от Чама с копьями и щитами в руках.

Чам Теорик был старым хрунтингом, таким же высоким, как и я, толстым, с огромной белой бородой, кольцами ниспадавшей ему на грудь. На нем был пурпурный плащ, расшитый шелком. Золотые обручи, цепи и тому подобные побрякушки украшали его шею и руки.

Как меня учили, я встал на четвереньки и коснулся лбом пола, оставаясь в этой неграциозной позе, пока Чам не заговорил:

— Встань! Кто ты такой и чего ты хочешь?

— Если бы, — сказал я, — Ваша Светлость могла найти переводчика с новарианского, ибо я плохо знаю ваш язык...

— Мы сами говорим на новарианском, вот только слова «добрый человек» плохо у нас выговариваются, правда? Ха-ха-ха! — Теорик хлопал себя по бокам и задыхался от смеха. — Да, говорят, что мы владеем им великолепно. Так что перейдем на этот язык.

В действительности Чам говорил на новарианском с таким непонятным акцентом, что я понимал его новарианский немногим лучше, чем его швенрский. Но я, разумеется, не стал проливать свет на это обстоятельство. Я объяснил причины своего визита в Швенр.

— Итак, — сказал Теорик, выслушав меня, — загибающий деньги Синдикат хочет, чтобы мы спасли его от плодов его собственной скупости, а? Именно так и получается по твоим словам. Где же твои грамоты, где письменные предложения Синдиката?

— Как я уже объяснял Вашей Свирепости, пещерные люди отобрали у меня все мои бумаги.

— Тогда какие же у тебя есть доказательства? — он ткнул в меня толстым указательным пальцем. — Мы скоры на расправу с теми, кто пытается нас обмануть. Мы таких быстренько сажаем на кол, ха-ха!

Сконцентрировав все свои мысли на поисках решения, я нашел его.

— Великий Чам, перед вторжением в Ире служили наемники, несколько сотен хрунтингов. После битвы эти люди ушли в свои родные земли. Может, они вспомнят, что видели меня в Ире.

— Посмотрим, посмотрим. Родовик!

— Да, сэр! — представительного вида хрунтинг выступил из прикрытого ковром проема.

— Проследи, чтобы мастер Эдим был устроен так, как подобает послу. Проследи также, чтобы его охраняли от возможного нападения извне и от побега — это уже изнутри. Если он действительно окажется послом, очень хорошо, а нет — хо-хо-хо! Ну, а теперь, мастер Эдим, вернись сюда на закате солнца, когда наши вожди соберутся на пьяный совет племени.

— Извините меня, сэр, верно ли я расслышал? Вы сказали «пьяный совет племени»?

— Конечно. Знай, что таков наш обычай: мы обсуждаем все на двух совещаниях, сначала пьяном, так как мысли тогда свободны и бесстрашны, а потом на трезвом, так как тогда будут преобладать добропорядочность и благоразумие. Трезвый совет будет завтра. Желаю тебе прощанья, человек-ящерица, нашему расставанию пора уходить.

Последнее, что я увидел уходя, были два охранника, с пытьем и вздохами поднимавшие Чама Теорика с седла, служившего ему треном.

Пьяный совет был собран в павильоне, стоявшем за резиденцией Чама. В отличие от последней, он был сделан из парусины, поддерживаемой шестами и кольями, совсем как главный тент цирка Багардо. Так что зрелище было мне

знакомое. Под тентом собралось около пятидесяти вождей племени и прочих должностных лиц. И все вместе они воняли хуже, чем заперазки.

Когда я был препровожден к своему месту, то увидел, что напротив меня сидит чрезвычайно высокий, очень сильный на вид молодой хрунтинг с блестящими волосами цвета золота, падающими ему на плечи. Это был принц Хваеднир, племянник Чама. Поскольку он принадлежал к тому же королевскому клану, что и Теорик, и был самым сильным и красивым мужчиной клана, его выбрали наследником престола. Мы обменялись любезными фразами, хотя по-новариански он едва знал несколько слов.

Сосед справа, принц Шнери, был низеньким и толстым. Он тоже принадлежал к королевскому клану, и, что важнее, он бывал в Новарии, где учился в Академии Отомае. Я завел с ним разговор о шатре.

— Ничего удивительного, — сказал Шнери. — Если я не ошибаюсь, это и есть тот самый шатер. Когда имущество Багардо было отправлено на аукцион, странствующий торговец купил его, перевез через горы и продал Чаму. Он уверял, что под этим шатром можно собрать больше людей и что он меньше весит, чем наши традиционные палатки из шестов и шкур.

Эта сделка вызвала страшные споры среди хрунтингов. Некоторые говорили, что нужно купить тент, потому что он порождение прогресса, а прогресс неизбежен, и тот, кто хочет защититься от него, должен шагать с ним в ногу. Другие возражали, что старые и испытанные пути лучше. Кроме того, использовать новарианские предметы — значит поставить себя в зависимость от новариан, которые постепенно, при помощи всяких фокусов смогут превратить нас в попрошаек. Как видите, победила та партия, которая стояла за прогресс.

Совет начался с обеда. В отличие от новариан, швенры жуют громко, широко открывая рты. На столе стояли огромные кувшины, и женщины заполняли их пивом. Чам и его вожди начинали пьянеть.

Пришло время тостов. Швенрский обычай отличается от новарианского. Новариане пьют за других — тех, кому они хотят оказать честь. Тот, кому оказывается эта честь, сам не пьет, пока его сотрапезники по очереди встают и поднимают за него кубки. Швенры же, наоборот, пьют сами за себя. Например, один плотный парень со сломанным носом встал и провозгласил:

— Кто ведет своих соратников в каждой битве? Я, бесстрашный и неуязвимый Шраген! Кто единым ударом убил пятерых гендингов в битве при Уммеле? Я,

могущественный и доблестный Шраген! Кто стал победителем турнира по борьбе между кланами, проведенного в честь 50-летия Чама Теорика, пусть всегда ему улыбаются боги! Я, свирепый и неутомимый Шраген! Кто никогда не забывает о своей чести? Я, благородный и доблестный Шраген! Может ли другой воин сравниться с незапятнанным и всеми любимым Шрагеном? Нет, и поэтому я пью за свое великолепие!

Сосуды с пивом все наполнялись. Когда великолепный Шраген сел, встал другой и произнес хвалебную речь в честь себя, аналогично восхваляя свои достоинства. Шнери перевел мне ее. Как говорят у нас дома, самовосхваление часто предшествует падению.

Проведя таким образом около часа, вожди хрунтингов соответствующим образом нагрузились. Наконец Чам Теорик постучал по столу рукоятью кнжжала.

— Пришло время для дел! — воззвал он. — Сегодня у нас только два вопроса. Первый — жалоба гендингов на то, что один из наших храбрых генералов угнал у них стадо овец. Второй — предложение, полученное от Ира через посредство демона Эдима — вон того парня жуткого вида, что сидит между Хваедниром и Шнери. Первое: овцы. Вперед, мастер Минтхар!

Жалобщиком от гендингов был человек средних лет, рассказавший о краже отары овец, умыкнутых бандой воров-хрунтингов. Чам Теорик допросил Минтхара. Нет, жертва не видела похитителей. Откуда же он знает, что это хрунтинги? По данному пастухом описанию костюмов и сбруи лошадей, а также по избранному теми направлению...

После часовых препирательств, за время которых несколько вождей уснули, Теорик закончил процедуру.

— Ты не представил неопровержимых улик. Если гендингам нужны овцы, они могут купить их у нас.

— Но, Ваша Свирепость, для нас это вопрос чрезвычайной важности, — запротестовал жалобщик.

Теорик вскипел:

— Уходи, нечестивый! Мы не верим ни одному слову твоей сказки! Всем известно, какие гендинги лгуны...

— Всем известно, какие хрунтинги воры, ты хочешь сказать! — закричал жалобщик. — Это означает еще одну войну!

— Ты оскорбляешь нас и угрожаешь нам в нашем собственном доме! — завопил Теорик. — Стража, где мой лучший нож? Снять с него голову!

Стража поволокла кричащего и упирающегося Минтхара из шатра. Вожди заспорили. Несколько человек пытались заговорить с Чамом одновременно.

Некоторые считали, что именно так и следует обращаться с этими вероломными наглецами; другие — что послов следует уважать независимо от их миссии. Один перекричал всех, прикинув почти к самому уху Чама Теорика.

— Ладно, ладно, твоя точка зрения мне понятна. — ответил Теорик. — Ладно, мы обдумаем это дело еще раз, завтра, когда будем трезвее. Если Минтхар изберет завтра более умеренную линию поведения...

— Чам! — крикнул мой сосед Шнери. — Завтра Минтхар будет не в состоянии избрать более умеренную линию поведения.

Теорик с озадаченным видом покачал головой.

— Да, теперь, когда ты сказал так, я понял, что ты имеешь в виду. Стража! Отменяю мой последний приказ насчет убийства...ах, ах, ах! Уже слишком поздно!

Один из стражников как раз вступил в шатер, держа за волосы на вытянутой руке голову посла Минтхара. Теорик заметил:

— Славная получилась шутка, х-ха-ха! Клянусь шатрами Грейниеха, нам придется придумать какую-нибудь басню для Чама Бандешара. Переходим ко второму вопросу — предложению, привезенному из Ира демоном Эдимом.

Теорик сделал резюме по моему предложению:

— Вначале мы заподозрили, что это какой-то фокус, поскольку Эдим не привез с собой ни верительных грамот, ни убедительных доказательств, — сказал Чам. — Он уверял, что все это украдено заперазахами. Но несколько наших людей, которые служили в Ире, подтвердили, что Эдим был там, состоял на службе у знатной дамы из этого города. Так что теперь мы склонны верить ему. И потом, трудно найти причину, которая заставила бы его совершить такой длинный и опасный путь просто так. А теперь позволим ему самому выступить перед нами. Его Превосходительство Эдим.

Говоря о «фокусе», Теорик имел в виду не происки кочевников, а действия каких-нибудь фермеров или горожан. Хрунтинги были полны презрения ко всем, ведущим оседлый образ жизни.

Вставание из-за стола доставило мне некоторые трудности, потому что принц Хваеднир уснул, положив золотистую голову мне на плечо. Освободившись от этой ноши, я поведал военачальникам племени о тяжелом положении Ира, а Шнери переводил. Я старался высказываться очень осторожно, памятуя о судьбе несчастного Минтхара. Пьяные варвары — ненадежное общество.

Потом, началась бесконечная дискуссия. Поскольку ораторы были изрядно пьяны, аргументы, приводимые ими,

были либо неумными, либо не имеющими отношения к делу. Наконец Чам призвал всех к порядку.

— На сегодня все, — сказал он. — Мы придем к вашему реше... нашему реше... мы обдумаем завтра на трезвом совещании. А теперь...

— Прошу прощения, великий Чам, это не все! — выкрикнул один из хрунтингов, в котором я узнал человека, доставившего меня в лагерь Чама Теорика. — Я не прерывал вас, пока вы были заняты делом, но теперь сделами покончено и я хочу рассказать кое-что об этом демоне!

— О? — промычал Чам. — Что же именно, мастер Хлиндунг?

— Он нанес мне тяжкое оскорбление! — И Хлиндунг рассказал о нашей встрече в степи и о том, как я силой заставил его отвезти меня к Чаму. — Итак, я утверждаю, что он подлый ублюдок, чудовищный урод, облик его омерзителен, а тело коряво. И я докажу свои слова. Выходи вперед, демон!

— Что это значит? — спросил я Шнери.

— Это значит, что вы с ним должны теперь драться насмерть.

— Чам, — возразил я, — если этот человек убьет меня, то как я смогу предстать завтра на трезвом совете?

— Пусть это тебя не волнует, — успокоил меня Теорик. — Я слышал твое предложение и уверен, что Шнери помнит его наизусть. А драка ваша послужит забавным окончанием сегодняшнего совета. Повеселимся, хо-хо! Вставай же и покажи себя, мастер Эдим!

Хлиндунг сважным видом расхаживал перед столом Чама. При нем была шпага, которой он то и дело рассекал воздух, и небольшой кожаный щит, усеянный железными заклепками.

— Я сделаю все, что в моих силах — сказал я, — но чем же я должен с ним бороться?

— Тем, что у тебя есть, — ответил Чам.

— Но у меня нет ничего, — запротестовал я. — Ваша охрана обезоружила меня у входа в шатер, и оружие мне так и не вернули.

— Хо-хо-хо! Как забавно! — загремел Теорик. — Как же тебе не повезло! Я не могу приказать, чтобы тебе вернули оружие, потому что ты мог бы тогда нанести им повреждение. Хлиндунгу и я оказался бы нелояльным по отношению к собственному соплеменнику. Эй, кто-нибудь, подтолкните его!

Мои усики подсказали мне, что собравшиеся военачальники жаждут крови. Хваеднир проснулся и, при помощи остальных, схватил меня за плечи и начал выталкивать из-за стола.

— А что, если я его убью? — спросил я.

— Это будет чудесное зрелище, хо-хо! Но ты должен убить его в честной драке. Конечно, его воины захотят отомстить за него!

Прежде чем я осознал сказанное, меня выпихнули на свободное пространство, лицом к Хлиндунгу. Он пригнулся, держа щит перед собой, и начал наступать на меня, делая короткие выпады шпагой, клинок которой блестел в желтом свете фонарей.

— Ваша Свирепость, — начал было я, но в этот момент Хлиндунг внезапно прыгнул на меня.

Хотя по силе я далеко превосхожу среднего обитателя Первого уровня, да и сложением я покрепче, я не обманывал себя — шпага Хлиндунга легко проткнула бы мне чешую. Места было мало, и я сделал единственное, что мог, чтобы избежать его страшного на вид оружия. Я перескочил через Хлиндунга и очутился за его спиной.

Хлиндунг досаточно выпил в тот вечер, в то время как я ограничился лишь небольшим количеством пива. Кроме того, похоже, алкоголь действует на демонов меньше, чем на людей. Возможно, причина этого могла бы озадачить алхимиков.

Когда Хлиндунг обнаружил, что я исчез, он, вместо того, чтобы обернуться, начал лупить своей шпагой воздух в том месте, где я раньше стоял.

— Колдовство! — вопил он. — Демонство!

Я прыгнул на него сзади и схватил когтями за ворот и за штаны. Потом я начал вращать его над головой. С криком пронесясь он под потолком шатра и вылетел наружу. Оттуда послышался грохот.

Несколько хрунтингов выбежали на улицу. Вскоре они вернулись со словами:

— Великий Чам, Хлиндунг разбился не насмерть. Он всего лишь сломал ногу.

— Хо-хо-хо! — веселился Чам. — Мой храбрец решил помериться силами с демоном! Ничего, это послужит ему уроком. Теперь он проваливается со своей ногой несколько лун, а когда он выздоровеет и станет искать ответной встречи, ты, мастер Эдим, несомненно, будешь занят в другом месте. Чертовски умно было с твоей стороны, клянусь крюками Грейниска! Хоть ты и попортил мой новый шатер. Всем спать! Пьяный совет объявляю закрытым.

Трезвый совет, состоявшийся на следующий день, был менее красочным, но куда более разумным, хотя некоторые швенры говорили такое, что у нас, на 12-ом уровне, их вряд ли сочли бы разумными существами. Военачальники приветствовали перспективу отправиться в Ир, но боялись паалуанских драконов.

— Мамонты хороши для военных целей, — сказал один, — вот только они почему-то не любят, когда их ранят и убивают. Да если им ударит в нос драконий запах, они впадут в панику и ринутся назад через собственные войска! А это чревато серьезными потерями.

— У нас, демонов, — сказал я, — есть поговорка: хочешь спастись — спасайся сам. Но нет ли среди вас колдунов, которые смогли бы обезвредить этих чудовищ?

— Есть двое, да уж больно они старые. Годны только, чтобы боль в животе заговаривать да погоду предсказывать. Мы, храбрые кочевники, больше полагаемся на верность меча, чем на магию.

— Вот если бы паалуане вторглись в Швенр, — вмешался еще один, — то все было бы просто. Нужно было бы только дожидаться холодов, ведь у их драконов кровь холодная: чем сильнее мороз, тем они неповоротливее.

— Это, с вашего позволения, наталкивает меня на одну мысль, — заметил я. — Я знаю шамана из заперазхов... если только слово «знаю» подходит для определения отношений с человеком, который собирался принести меня в жертву своему богу. Он владеет заклинанием холода, я сам, собственно, на него попался, когда Иуруг — так зовут этого парня — заморозил меня. Так вот, если бы нам удалось убедить мастера Иуруга употребить это заклинание против паалуан...

Это предложение было встречено военачальниками криками одобрения.

— Хорошо! — сказал Чам. — Пусть мастер Эдим попытается завербовать этого дикаря. Мы отправимся до Игольного Ушка. а там посмотрим, насколько сильны будут его доводы.

— А теперь, — продолжал он, — другой вопрос. У нас нет письменного соглашения с Синдикатом, и мы были бы дураками, если бы ринулись в такое дело, не заручившись серьезным договором. Знаем мы этих трюкачей. Мы можем положить ради них половину войска, но, если у нас не будет клочка бумаги с их подписями, они вполне могут сказать: «Мы ничего вам не должны: мы никогда не просили вас о помощи».

Почти все присутствующие согласились в этом с Чамом. Швенры неграмотны и из-за этого с огромным подозрением относятся к любому клочку исписанной бумаги. Кроме того, я тоже кое-что знал о Синдикате и не сомневался, что подозрения Чама имеют под собой почву.

В конце концов, было решено, что, во-первых, пока что к Игольному Ушку будет послана экспедиция, состоящая из пяти тысяч воинов и сотни мамонтов. Потом войско двинется через Содибрию, которая все равно не будет сопротивляться, к Иру.

После непродолжительных споров мы с вождями пришли к соглашению и приняли условия синдиков: одна марка в день за человека и шесть пенсов в день за каждого мамонта, а максимальная общая сумма в день — четверть миллиона марок. Они настояли на добавление минимума в размере ста тысяч марок, против чего я не возражал.

Но прежде, чем заняться паалуанами, мы должны были приложить все усилия, чтобы добиться письменного подтверждения от ириан. Как сделать это, если Ир осажден паалуанами, мы должны были решить на месте. Наконец, Теорик решил...

— О, Хваеднир, поскольку ты должен однажды заменить меня, пора тебе узнать, что такое командование. Поэтому войско поведешь ты. С тобой пойдут опытные военачальники, и я советую тебе слушать их советы весьма внимательно.

— Благодарю тебя, дядя, — ответил принц Хваеднир.

Глава 9

ГЕНЕРАЛ УЛОЛА

Мы подошли к Игольному Ушку. Наши разведчики поймали одного заперазха, сказали ему, что мы желаем побеседовать с шаманом Иурогом, и отпустили. Вскоре из-за скал появился Иурог. Плата в десять быков племени — пять немедленно, а пять после экспедиции, — легко убедила его присоединиться к нам. Когда мы спустились по южной стороне перевала, старик признался мне:

— Быть шаманом хорошо, но мой хотеть видеть цивилизацию, встречать великие колдуны, учить высшую магию. Столько лет! Скалистые горы и дикие люди надоест мне.

На солибрийской границе мы лицом к лицу столкнулись с проблемой: как вести себя с солибрийцами. Я сказал Шнери:

— Конечно, на пути в Ир они не смогут остановить нашу армию — они выбиты из колеи своим полоумным Архоном. Но скоро состоятся новые выборы, и на этот раз судьба может им улыбнуться. Если Хваеднир позволит своим людям бесчинства, воровство, насилия и убийства, то на обратном пути вам, возможно, придется сражаться.

На следующем военном совете Шнери поднял этот вопрос. Я присутствовал на этом совете в качестве представителя от Ира. Главнокомандующий заявил:

— Этот трусливый духом дракон хочет, чтобы мы вели себя как эти изнеженные пухлоногие оседлые? Плевать на него! Если наши храбрые воины задерут юбки на солибрийских

чертовках, так это только честь для солибрийцев — в их дегенеративные жилы наконец-то вольется героическая кровь.

— Даже крыса кусается, если ее задеть, — сказал другой. — Поэтому я согласен со Шнери. Если мы слишком наподдадим солибрийской крысе, она, конечно, станет сопротивляться. А какой нам будет толк проткнуть десяток этих за одного нашего? Этот один умерший будет стоить много, когда начнется война с гендингами.

— О, защитник крыс! — фыркнул другой. — Мы пройдем через них, как горячий нож через масло. Ты забыл, что мы сделали с Воактис-сити в дни Чама Ингнала? Оседлые мчались, как кролики!

Шнери ответил:

— Я помню и то, как наши войска возвращались через Эллиону и объединенные силы боактиан, тархиан и солибрийцев разбили их и отобрали большую часть добычи.

Военный совет склонялся то к одному, то к другому мнению, а принц Хвезднир сидел и слушал. Этот молодой человек не поразил меня своим умом даже тогда, когда я выучил швенрский и смог с ним разговаривать. И вот сейчас он сидел и слушал своих военачальников, с великим трудом прихоронивших к единому мнению.

Наконец он сказал:

— Я последую совету моего двоюродного брата Шнери. Войско будет двигаться только по указанной дороге. Любая драка будет сурово наказываться. Более того, за все, взятое у солибрийцев, следует платить. Воровство и грабеж караются отсечением руки, насилие — кастрацией, убийство — потерей головы.

Ответом на это было ворчание, а некоторые воины, казалось, не приняли это распоряжение всерьез. Однако после того, как один из них лишился головы за убийство мужчины, остальные поверили и подчинились правилам.

Вначале солибрийцы со всех ног удирали при приближении армии хрунтингов. Когда же они узнали о том, что кочевники ведут себя пристойно, большая часть обывателей вернулась по домам. Рой маркитантов, сутенеров и проституток готов был удовлетворить нужды доблестных воинов.

От некоторых из них я узнал, что Ир еще держится. Новость эта была не слишком свежей, ибо все земли, окружающие Ир, были пустыни. Часть населения была поймана паалуанскими всадниками. Остальные, прослышав о судьбе соседей, держались теперь от Ира на почтительном расстоянии.

Проходя мимо Солибри-сити (город благоразумно запер перед нами ворота) мы пересекли лагерь беженцев из Ира. Когда армия расположилась на ночь неподалеку от города, к командиру явилась делегация от ириан.

— Мы бы хотели присоединиться к вашему войску, идущему освобождать наш город, — начали они, и Шнери перевел их слова Хваедниру.

Принц не знал, что ответить на это предложение, и нам пришлось опять созывать военный совет. Когда генералы прибыли, Шнери спросил делегатов:

— Сколько человек вы можете собрать?

— Возможно, человек пятьсот, сэр.

— Как вы вооружены?

— О, у нас нет оружия, сэр. Мы думали, вы вооружите нас, вам ведь это нетрудно.

— Сколько среди вас профессиональных воинов? — поинтересовался один из военачальников.

— Ни одного, сэр. — Отвечавший казался обескураженным. — Мы — миролюбивый народ. Мы хотим только, чтобы нам позволили работать на наших фермах и заниматься торговлей.

— Хрунтинг отпустил насмешливое замечание на своем языке, но ирианин продолжал:

— Но все равно, мы горим патриотическим чувством, и это возмещает наше отсутствие опыта.

Вождь проговорил:

— Стакими вояками только в лес по грибы ходить. В бою от них проку не будет. Вы все верхом?

— Не совсем так, сэр. Правда, у некоторых есть лошади, но это все мирные животные, привыкшие лишь к домашней работе и не приспособленные для боя. Видите ли, мы хотели бы сражаться в пехоте.

Хваеднир заговорил:

— Наша армия полностью верховая. Каждый человек, кроме наездников на мамонтах, имеет по две лошади. На что нам пехотный батальон? Вы за нами не угонитесь.

Из группы военачальников донеслось:

— Чума их заberi! Не хватало нам только стада оседлых трусов! Они же будут путаться у нас под ногами. Честь требует, чтобы мы взяли на себя всю славу этой кампании. Оставим их копать в земле, мой принц.

Ириане не понимали слов, но тон и взгляды были им понятны, и вид у них стал еще печальнее. Когда они собрались уходить, я сказал:

— Господа, кто знает, что мы встретим у Ира. Паалуане могли построить мощные укрепления. Конница против них бессильна. Боюсь, нам придется снимать осаду самим, а это — дело медленное и требует большого труда. Пока вы будете готовиться к штурму, ирианские беглецы могут оказаться весьма полезными. Если вы поставите над ними дельного офицера, говорящего по-новариански, он сможет тренировать их в пути.

А когда придет время штурмовать вражеский лагерь, убедитесь, что и пехота кое на что годится.

Это вызвало еще одну бурю споров. Большая часть военачальников продолжала возражать против вооружения ириан, но Шнери и еще двое поддержали меня. Наконец заговорил Хваеднир:

— Ну, поскольку мнения разделились, пусть решают боги.

Он извлек из своего кошелька монету, подбросил ее, поймал и показал всем.

— Орел, — сказал он. — Ириане буут вооружены и обучены, как предложил демон. Я сказал.

Чем дальше мы шли по пустыне, тем жарче становилось. Тяжелые одежды хрунтингов мало подходили для здешнего климата. Люди скакали с непокрытыми головами, обнажившись по пояс, а потом жаловались на перегревы (большая часть хрунтингов выбривала головы, оставляя лишь длинный чуб, и только Хваеднир, гордившийся своими золотыми волосами, один из немногих не придерживался этой моды). Особенно страдал от жары тучный Шнери. Пот ручьями стекал с его круглого тела. Болезни сделались повсеместным явлением.

Должен сказать, что в маневренности, технике разведок боем и рейдах в тыл врага армия хрунтингов не знала себе равных. Их военачальники, конечно, слишком много болтали о своем величии, доблести и превосходстве над всеми без исключения, но надо отдать им должное — они и в самом деле были опытными воинами. Так что глупость принца Хваеднира не слишком портила дело. Пока он следовал советам генералов, за судьбу похода можно было не беспокоиться.

Когда мы приблизились к Кийамосу, разведчики сообщили, что паалуане все еще осаждают Ир. Сам Кийамос был скрыт низкой грядой, и видеть его мы не могли. Тем не менее было решено подойти к реке ночью, украдкой, и разбить там лагерь, в надежде, что паалуане пока не обнаружат нас, и мы сможем подготовиться к атаке. Каннибалы уже не посылали своих разведчиков в набеги по окрестностям — там уже не было ничего съестного (точнее, никого), а искать следы приближающейся армии им просто не приходило в голову.

Однажды вечером армия хрунтингов тихо двинулась по долине Кийамоса, пересекла брод и разбила лагерь. Люди съели холодный ужин, и все прошло бы хорошо, если бы не один из мамонтов — внезапно он затрубил, громко и раскатисто. Несколько других ответили ему, а через несколько минут разведчики сообщили, что от лагеря отъехал отряд паалуан. Военачальники бросили им навстречу большой эскадрон.

Хрунтинги налетели на паалуан и перебили большую часть, но кое-кому удалось все же вернуться в лагерь.

Теперь канныбалы знали, что поблизости находится неприятельское войско, но чье это войско, они не знали. Военачальники позаботились о том, чтобы они подольше не узнали этого. Вдоль гряды были выставлены пикеты, и верховые патрулировали у высшей точки этой территории днем и ночью. Некоторые паалуане могли бы заметить наш лагерь, но с такого расстояния, что это не принесло бы им особой пользы.

На вторую ночь после нашего прибытия открылся очередной военный совет. Один из предводителей выступил с отчетом.

— Наша разведка сообщает, что паалуанские солдаты весь день вкалывали в своем лагере с лопатами и ломами, расширяя укрепления, некоторые роют ямы и врывают колья, другие возводят баррикады из заостренных веток, увеличивают земляные валы. Нам следует напасть немедленно, пока эти дикари не сделали свой лагерь неприступным.

— Нет, — возразил другой, — мы лучшие в мире конники, но для пешего боя не годимся: это будет война без конца. Лучше отрезать их от запасов продовольствия и взять в осаду.

— Пока мы будем это делать, ириане сами умрут с голоду, — возразил третий.

— Ну и что? Когда все эти оседлые перемрут, все их богатство останется нам.

— Но это нечестно!

— Соратники. — заговорил еще один, — давайте думать только о стоящей перед нами проблеме. Ирианской пехоте нужен еще день, чтобы подойти к нам. Если мы будем ждать ее прибытия, то потом можем объединенными усилиями обрушиться на лагерь канныбалов. Мы, собственно, можем даже послать их вперед. В конце концов, это их город, так что они без особых возражений умрут за него.

И так продолжалось круг за кругом. И тут Хваеднира осенило:

— Друзья! Мой дядя Чам предупреждал меня перед походом, чтобы мы не ввязывались в битвы, не достигнув предварительно твердого соглашения с синдиками.

— Но как же мы можем достичь с ними твердого соглашения, — замтил один из военачальников, — если мы тут, а они там?

— Мы могли бы пройти над войском, под войском и через войско паалуан, — ответил другой полушутя. — Судя по количеству камня вокруг, я сомневаюсь, что рытье тоннелей будет практичным.

— Что же касается пути над ними, — вставил другой, — нет ли среди нас волшебника, способного летать по воздуху? Я слышал о коврах и метлах, которые будто бы могут переносить на себе людей.

Шнери сказал:

— Когда я учился в академии, один лектор говорил мне, что такое заклинание существует. Но пользоваться им могут только самые моугшественные колдуны, оно требует дорогостоящих приготовлений, долгого труда и отнимает массу сил и энергии. Тем не менее мы можем спросить нашего собственного колдуна Иурога.

Позвал Иурога. Когда мы объяснили ему свою мысль, он вздохнул:

— Моя не такой большой колдун. Моя — только маленький шаман из племени. Моя хотеть учить сильный магия в цивилизованная страна, но сейчас ее не знать.

Шнери заметил:

— Насколько я знаю, моему другу Эдиму, находящемуся здесь, удалось пробраться через паалуанские редуты, используя свое умение менять цвет. Если ему удалось это один раз, то почему бы не попробовать второй?

— Господа, я сделаю все, что в моих силах. Но я должен заметить тем не менее, что эта задача сложнее и рискованнее предыдущей. Как говорят у нас, на 12-м уровне, кувшин, который часто ходит к источнику, чаще разбивается. Паалуане усилили охрану...

Вожди прервали меня.

— Ура Эдиму!!! Эдим будет нашим доверенным посланцем! С такими когтями он перелезет через ограждения, как белка! Ты слишком скромн, честный Эдим, мы не примем никаких отказов!

Совет был единодушен. Я бросил взгляд на принца Хваеднира, надеясь, что он обуздает их, — последнее время этот парень выказывал все больше признаков независимости. Но он сказал:

— Вы правы, друзья. Эдим подпишет в городе контракт у синдиков и принесет его сюда. Пока он этого не сделает, мы останемся здесь. Я сказал.

Поскольку выбора у меня не было, я согласился выполнить это поручение, хотя и с большой неохотой. Были принесены письменные принадлежности. Ученый Шнери в двух экземплярах — на новарианском и на швенрском — составил контракт, заключающийся между армией хрунтингов и Синдикатом Ира.

Условия были те же, что мы обсуждали в Швенре: одна марка в день на человека. Мы со Шнери расписались. Хваеднир поставил свой значок, чему мы со Шнери были свидетелями.

К тому времени, как взошла луна, я достиг паалуанского лагеря. Земляные укрепления, над которыми работали осаждающие, не были серьезным препятствием, так как не были еще закончены. Я передвигался на четвереньках среди разрытой земли, недокопанных канав и наполовину возведенных валов.

Как и прежде, окрасившись в черный цвет, я снова вполз в расположение кольцевого лагеря палуан. Я наблюдал, слушал, следил за часовыми, а главное — за их проклятыми драконами. Возможно, нескромно так говорить о себе, но я двигался тише тени.

На полпути между внешней и внутренней стенами я обогнул бревенчатое возвышение и тут ощутил приближение часового. Я застыл, прижавшись к бревнам. Часовой вышел из-за угла с ящерицей, ковылявшей рядом на поводке. Он прошел мимо, не заметив меня.

Но ящерица учуяла мое присутствие. Рептилия остановилась и высунула язык. Чувствуя, как натянулся поводок, остановился и паалуанин. Он обернулся, чтобы выяснить, в чем дело. Часовой сделал шаг назад и его рука коснулась моей чешуи.

Человек отдернул руку, уставился в темноту и с криком отскочил от меня. Его крик подхватили другие, и я бросился бежать, перепрыгивая через препятствия и направляясь к внутренней стене. Огибая одно из укреплений, я слишком резко срезал угол, зацепился за веревку и растянулся на земле.

Почти в тоже мгновение я поднялся, но тут появился человек с фонарем. Я помчался было дальше, но тут что-то просвистело в воздухе и обвилось вокруг моих ног, снова заставив меня упасть. То был своеобразный аркан: веревка с каменным шаром на конце.

Прежде, чем мне удалось встать на ноги, рядом со мной оказалась чуть ли не половина паалуанской армии. Двух-трех мне удалось убрать, но остальные накинулись на меня, как рой тех насекомых которых на Первом уровне называют осаами. Я лягнул одного, но это не помешало им связать меня по рукам и ногам веревкой, которой хватило бы и для целого мамоната.

Они даже связали мне челюсти, так что я не мог их открыть. Потом меня подтащили к ограждению и уложили на землю.

Несколько каннибалов стояли вокруг с копьями наготове — на тот случай, если мне каким-то образом удастся освободиться от пут.

Так я провел несколько отвратительных, мучительных часов. На рассвете меня снова подняли, подтащили к самой большой палатке и затащили внутрь. Я предстал перед очами их главнокомандующего.

То была моя первая возможность увидеть паалуан вблизи и при хорошем освещении. Они были высокими, в массе своей худыми, хотя попадались и толстяки. Кожа у них была черной или, по крайней мере, темно-коричневой. Их головы были покрыты курчавыми волосами, тоже черного или коричневого цвета. Кроме того, они носили бороды.

В отличие от новариан и швернов, они не имели табу на наготу. Кроме тех, кто носил кожаные доспехи и перья на голове, что свидетельствовало о высоком офицерском ранге, все были абсолютно голы. Их темная кожа была покрыта татуировкой с преобладанием красного и белого цветов. Совершенно не скрывая свои половые органы, в отличие от большинства других обитателей Первого уровня, они разбирсовывали их по контрасту в другие цвета.

У них были низкие лбы и сильно развитые надбровные дуги с густыми черными бровями, так что казалось, что их черные глаза сверкают из маленьких пещерок. Носы у них были удивительно широкими и плотными, без переносиц, а рты очень большими.

В центре палатки в окружении своих подчиненных сидел главный герой всей этой картины. У него была блестящая черная кожа и начинающая сесть борода. На шее вождя висели золотые цепи, а под самой бородой красовалась золотая пластина-медальон, возможно — знак его отличия.

Среди его приспешников был один, выглядевший как новарианин. Он носил новарианский костюм, но поверх него — паалуанские доспехи.

Все эти люди говорили на незнакомом мне языке. При виде меня они сразу умолкли. Наконец новарианин сказал:

— Кто ты, существо? Можешь ли ты говорить?

Поскольку челюсти мои все еще были стянуты веревкой, я смог только замычать. Люди заметили мои сложности и со смехом сняли веревку.

— Благодарю вас, — сказал я.

— О, — произнес новарианин, — ты говоришь по новариански?

— Да, сэр. К кому я имею удовольствие обращаться?

— К Марандосу из Ксилара, главному инженер-офицеру Его Величества генерала Улола, командующего этой продовольственной экспедицией.

— Сэр, — сказал я, — разве занятие подобного поста не является необычным для новарианина?

— Является, и очень, — ответил Марандос. — Но я теперь — почетный паалуанин, я изменил свое подданство. Видите ли, нужно пожить среди паалуан, чтобы по достоинству оценить их душевные качества. Они — настоящие джентльмены.

— А джентльмен на возвышении, насколько я понял, генерал Улола?

— Да.

— Тогда прошу вас засвидетельствовать ему мое уважение, поскольку сам я не говорю на его языке.

Марандос перевел, и паалуанин разразился смехом.

— Их забавляет, что их пленник, да еще и не человек, лежащий связанным, способен на подобную учтивость.

— Таким манерам я был обучен на моем родном уровне, — ответил я. — А теперь, не будете ли вы добры рассказать мне...

— Послушай-ка, существо, — прервал меня Марандос, — это мы будем спрашивать, а не ты. Прежде всего, кто ты такой?

Я объяснил. Генерал заговорил, и Марандос перевел мне:

— Он желает знать, не тот ли ты тип, что прошел через наш лагерь в ту сторону шесть-семь недель назад?

— Полагаю, что это я. О другом обитателе 12-го уровня в этих местах мне слышать не приходилось.

— Генерал так и думал, он оказался куда более прав, чем часовые, ссылавшиеся на галлюцинацию. Ну, а с какой целью ты пытался вернуться в осажденный Ир?

— Прошу прощения, сэр, но я не думаю, что с моей стороны было бы честно отвечать на этот вопрос.

— У нас есть способы заставить пленного заговорить, — сообщил Марандос.

Как раз в эту минуту вошел офицер и протянул генералу два экземпляра контракта, заключенного между Иром и хрунтингами, которые были у меня с собой. После внимательного изучения, Улола передал документы Марандосу. Перебежчик развернул один из них и начал читать вслух, переводя содержание на паалуанский.

Когда он закончил, все громко и взволнованно заговорили. Потом Марандос сказал:

— Поскольку этот документ сообщил нам все, что мы хотели от тебя узнать, мы не станем больше тебя спрашивать. Остается только решить, что с тобой делать.

Он поговорил с генералом и вновь обратился ко мне:

— Решено тебя казнить, ибо так мы поступаем со всеми схваченными новарианами. Генерал говорит, что есть тебя вряд ли можно, так что ты послужишь пищей для наших драконов.

— Господа, — сказал я, — вы поставили меня в такое положение, что я всецело в вашей власти. Но если мне будет позволено заметить, подобный поступок кажется мне чересчур жестоким — ведь я только выполнял приказ моей хозяйки.

Марандос перевел мои слова, и генерал ответил:

— Демон, мы не имеем ничего против тебя, как такового. Но ты работал на новариан и должен разделить их участь. Ты

совершил нравственное преступление, которое должно быть наказано немедленной смертью.

— Как так, генерал?

— Новариане, так же как и другие народы этого континента, несправимо испорчены и поэтому должны быть уничтожены.

— В чем же состоит их испорченность, сэр?

— В том, что они воюют друг с другом. Мы наблюдали за ними и знаем, что они несправимы в этой своей привычке.

— Но, генерал, ведь вы тоже постоянно с ними воюете, не так ли? Какое же право имеете вы судить их?

— О, мы не воюем, мы совершаем вылазки за провизией. Мы собираем урожай... человеческий урожай... и мы делаем это с простой, нормальной и всем понятной целью — дать пищу нашим людям. Поскольку каждое создание должно есть, это естественная, а тем самым и оправданная с моральной точки зрения процедура. Но убивать людей без причины — безнравственно и аморально. Так что тот, кто занимается этим, не заслуживает пощады.

— Но, генерал, мне говорили, что народ этого континента, начиная войну, всегда заявляет, что у него тоже есть веские причины.

— Какие причины? Чтобы какой-нибудь авантюрист-политик мог распространить свое влияние еще на какое-то количество людей или умножить свое богатство? Или чтобы обратить этих людей в свою веру, или чтобы убить их, дабы на освободившейся территории мог жить другой народ?

— А как насчет тех, кто занимается защитой от нападения? Мы, демоны, на нашем уровне не признаем войн, но признаем право на самозащиту.

— Это лишь предлог. Две нации кидаются в войну, и каждая считает нападающей другую, себя же провозглашает лишь защищающейся. Все это в высшей степени абсурдно, и даже самый компетентный суд не смог бы решить, чья тут вина. Кроме того, если даже одна из этих бледнолицых наций защищается сейчас, можно с уверенностью сказать, что, отбившись, она сама поспешит напасть на кого-нибудь.

Значит, единственная законная причина убивать живое существо — это желание его съесть. И единственное разумное обращение с добычей — закалывать ее и делать пригодной для употребления в пищу.

Поекольку паалуане не воюют ради удовольствия, они, очевидно, стоят выше по своим моральным качествам, чем бледнолицые и, следовательно, имеют право использовать их для своих нужд.

Но довольно разговоров, демон! Мы приговорили тебя к смерти, и это вполне нормально. Однако Марандос сказал

мне, что у вас демонов, очень твердый панцирь, и обычный топор или сабля могут только поцарапать его. У тебя есть другие предложения?

— Есть, генерал. Привести приговор в исполнение на моем собственном уровне.

— Ха-ха-ха! Насмешил! — Улола переговорил с Марандосом, после чего перебежчик сказал мне:

— Генерал поручил мне построить машину для отсечения головы, которая справилась бы с твоей шеей, демон. Мне хватит нескольких часов, так что мы скоро увидимся.

Несколько солдат отвели меня назад к яме, посадили в нее и встали на страже. То был один из самых неприятных дней, проведенных мною на Первом уровне, — ужасы этого дня соединялись со скукой. Никто не принес мне воды и вообще не сделал ничего такого, что облегчило бы мое положение. Не было у меня надежды и на хрунтингов, поскольку Хваеднир решил не двигаться с места, пока не получит подписанный синдиками контракт.

При таких обстоятельствах мне не осталось ничего другого, кроме как погрузиться в пищеварительное сщепенение. Подобное тираническое обращение начало скверно на меня действовать.

На следующий день рано утром меня вытащили из ямы и отвели на площадь перед палатками. Группа паалуан возилась у машины Марандоса. Сооружение состояло прежде всего из отсекающего устройства внушительных размеров и желоба, на котором располагались шея и подбородок жертвы. Пятнадцатью футами дальше стояло массивное деревянное устройство, одно бревно которого было подвижным. Нижний конец шеста был снабжен коротким шкивом, который приводился в движение с помощью толстых пружин.

Верхний конец был увенчан огромным ножом, похожим на лезвие топора, только в несколько раз больше. Паалуанские мастера, должно быть, работали весь день и всю ночь над созданием этого чуда современной техники.

Шкив держался на деревянном треножнике, через который была пропущена веревка, удерживавшая бревно в почти вертикальном положении. Если освободить веревку, бревно должно было упасть вперед, уронив нож на отсекающее устройство с силой, достаточной, наверно, для того, чтобы расколоть его надвое. Такое сооружение обезглавило бы и мамонта.

Когда паалуане подтащили меня к помосту и положили на него, я обратился к генералу Улола, стоявшему неподалеку с офицерами.

— Сэр, позвольте мне сказать, что я искренне верю в то, что происходящее здесь противозаконно и безнравственно.

Вчера я не имел возможности выстроить свои аргументы в логическом порядке, но, если вы отложите операцию на время, я успею дать некоторые пояснения, и вы, несомненно, поймете и согласитесь со мной...

Генерал Улола что-то сказал Марандосу, и тот, засмеявшись, перевел мне его слова:

— О, демон, генерала удивляет существо, которое перед казнью способно сочинять логические доводы.

Марандос обратился к другому паалуанину, и тот двинулся к трехногому устройству с топором. Я понял, что он намеревается освободить веревку, удерживающую шест от падения. Улола поднял руку, чтобы дать знак этому человеку.

Но прежде чем генерал успел опустить руку, раздался звук трубы. Ей ответила другая труба, потом дудки, барабаны, и все это смешалось в общем шуме. Паалуане забегали, крича. Некоторые натягивали на себя доспехи. Генерал также бросился бежать. Драконы-ящерицы с вооруженными людьми на спинах вперевалку прошли мимо меня.

Я был связан и не мог толком разглядеть, что происходит. Судя по шуму, я решил, что Хвасднир изменил, должно быть, свое решение и напал на лагерь.

Шум становился все громче. Я уже мог различить лязз оружия и стоны раненых. Несколько паалуан промчались назад. Их преследовали люди, одетые в костюмы новарианских моряков. Они пробежали мимо меня и скрылись из виду.

Потом появилось еще несколько новариан. Один, в офицерском мундире, заметил меня.

— Провалиться мне в преисподнюю, это еще что такое?

— Сэр, — сказал я, — позвольте мне представиться. Я демон, по имени Эдим, нахожусь на службе у синдиков Ира. С кем имею удовольствие беседовать?

— Да ты-то что тут делаешь? А, понимаю, каннибалы собирались лишить тебя головы. Эй, Жарко! Не трогай веревки! Пойди сюда и развяжи его. Раз он был врагом каннибалов, то может быть нашим другом.

Моряк перерезал веревки, стягивающие мое тело. Потирая конечности, чтобы вернуть телу нормальное кровообращение, я снова спросил имя моего спасителя.

— Я Диодис, Верховный адмирал Залона, — ответил офицер. (Я знал, что Верховный адмирал этого островного княжества — глава исполнительного органа) — Сейчас не время для долгих объяснений, я должен присоединиться к моим людям.

— Сэр, — сказал я, — если бы вы были так добры и снабдили меня оружием, я с радостью внес бы свою лепту в это предприятие, ибо мне не за что любить паалуан.

— На передовую тебе лучше не соваться — свои же убьют, не разобравшись. Придумал! Останешься при мне

телохранителем, идет? Ну, пошли! — рывкнул он и направился к главным воротам.

Я последовал за адмиралом, чья бесцеремонная уверенность в себе не давала возможности прекословить ему. Мы поднялись к сторожевой башне, прикрывавшей главные ворота, и оттуда открылся перед нами великолепный вид. Поток посланцев неумоимо растекался вверх и вниз по лестнице.

Но, чтобы не запутаться, я изложу по порядку все те сведения, что добывал тогда по крупице.

Уничтожив пиратов Алгарта, залонианский флот вновь направился в Чемниз — получить деньги с синдигов перед возвращением в Залон. Однако, прибыв в Чемниз, они обнаружили в гавани тьму странного вида судов, которыми управляло небольшое число голых черных людей, встретивших их градом стрел. Адмирал приказал напасть на них и вскоре все паалуанские корабли были захвачены.

Адмирал понял, что главные паалуанские силы выступили вверх по Кийамосу и напали на Ир. Поэтому он отобрал из флота ряд небольших судов — и залонианских и паалуанских. Погрузив на них вооруженных людей, он поднялся вверх по Кийамосу, бросил якоря в устье Вомантикона, и армия моряхов пешком поднялась вверх по этому притоку.

Разведчики хрунтингов обнаружили это войско, и военачальники послали нарочных узнать о его целях. Когда кочевники слышали, что залониане намерены снять осаду с Ира, они поняли, что, если хотят получить хоть какое-то возмещение за свой долгий поход то должны атаковать паалуан сами, раньше залониан. Хотя силы залониан были не слишком велики, существовала возможность того, что внезапность нападения обеспечит морякам успех. Тогда ириане откажутся платить хрунтингам на том основании, что те ничем не заработали этих денег.

Все начальники хрунтингов теперь спешили действовать. Пятьсот ириан, прибывших в лагерь, были отправлены вперед в качестве десанта. Их сопровождало несколько сотен конных хрунтингов, которые должны были защитить пехоту от возможного окружения. Ириане атаковали лагерь, но были отброшены. Полная рвения паалуанская конница выкатилась из лагеря и начала преследование — драконы, скакуны и пеше.

Как только паалуане покинули свой лагерь. Мурог произнес закливание холода. С неба подул ледяной ветер. Это не только доставило массу неприятностей обнаруженным паалуанам, но и замедлило движение драконов. Потом рептилии и вовсе остановились, как игрушка со сломанным заводом. Теперь они, словно множество серых статуй, стояли по всей равнине, некоторые — с ногой, приподнятой для следующего шага.

Тогда через гряду двумя потоками ринулись остатки армии хрунтингов. В центре шли мамонты. Для швенров холод не был препятствием — сами они были в меховых одеждах, а мамонтов спасала плотная мохнатая шкура.

Тем временем залониане вошли в полупустой паалуанский лагерь, сметая тех немногих каннибалов, что встретились им на пути. Моряки прошли к передним воротам, чтобы ударить с тыла.

Но каннибалы, несмотря на свои странные обычаи, были хорошими бойцами. Пусть их драконы застыли на месте, пусть кенгуру разбежались, пусть сами они страдали от ран и холода и были окружены превосходящими силами противника, все равно оставшиеся в живых нашли в себе силы построится в каре и, яростно орудуя пиками, стояли до последнего.

Лучники, укрытые внутри каре, посылали стрелу за стрелой, а копья летели градом. Они отбивали атаку за атакой — и пехоты, и конницы, и воинов на мамонтах. Каждая атака оставляла перед строем голых черных воинов груды трупов. Конники-хрунтинги пронеслись мимо каре, посылая в него тучи стрел, но, когда один паалуанин падал, его товарищи смыкали ряды.

Меня удивило, что первая же атака мамонтов не сбила ряды каннибалов и не смяла их, но потом я понял, в чем дело. Когда волосатые чудовища выступали вперед, паалуанские колдуны насылали на них галлюцинации в виде летающих чудовищ. Объятые ужасом, тряся головами, мамонты отступали.

Адмирал Диодис, стоящий рядом со мной на башне, ругался, молился, а посыльные продолжали подходить и уходить. Его речь была отрывистой:

— Велите капитану Фурие переместить людей с правого крыла на левое! Зеватас, король богов, помоги своему верному воинству!.. Клянусь медным лбом Бансуса, туда, туда! Ближе, чтобы они не могли пустить в ход пики! Франда, мать богов... Если лейтенант Омфес отступит... Если он сломает себе голову, наступление задержится...

Потом подошло подкрепление. То была армия, состоящая из истощенных, мертвенно-бледных людей Ира. Они перебрались через паалуанский лагерь, мимо нашей башни к полю боя. Их трубы возвестили залонианам о том, что нужно расчистить тропу, и ириане ринулись сквозь брешь.

Они обрушились на чернокожее каре с яростью, которой никто не мог противостоять. Люди карабкались по телам своих сограждан, чтобы добраться до врага. Когда ломались их копья, они сражались саблями, теряя сабли, сражались кинжалами, а когда не было и кинжалов — ногтями и зубами. В трех местах они прорвали каре и ворвались внутрь, обрушиваясь на паалуан со спины.

В то время, как в бой снова пошли мамонты, колдуны внутри каре были уже слишком заняты, чтобы творить заклинания. Животные ринулись на врагов, сворачивая им головы. Обхватывая хоботами тела каннибалов, они поднимали их в воздух и швыряли в сторону.

Завеса пыли стала такой густой, что трудно было что-либо разглядеть. Наконец, из облака пыли начали появляться фигуры паалуан. Они бежали по равнине, бросая на ходу оружие и доспехи. За ними мчались конники Хваеднира, стреляя на скаку.

Из семи тысяч паалуан, пришедших вверх по Кийамосу, к началу битвы осталось немногим больше шести тысяч — остальные погибли при осаде или умерли от болезней. Из этих шести с небольшим тысяч огромное количество пало на поле битвы, ибо пленных не брали. Некоторым удалось убежать, но, лишенные возможности перебраться через Западный океан, все они были выслежены и убиты за последующие месяцы.

После вторжения паалуан ириане понесли такие потери, что образованная ими линия защиты начала распадаться. Из тех тысяч людей, что сражались в тот день против паалуан, несколько сотен было убито или умерло от ран. То была значительная потеря, но все же она была ничем по сравнению с потерями врага. Подобное соотношение сил не является, как мне объяснили, необычным для битв Первого уровня, ибо толпа, бросающаяся в бегство, легко может быть рассеяна их преследователями со значительной безопасностью для себя.

Строго говоря, один человек все же был взят в плен — генерал Улола, найденный раненым на поле боя. Быстро соображающий ирианский офицер помешал солдатам убить его, как других каннибалов. Чем убивать его сразу, ириане предпочли вынести ему формальный приговор.

Генерал Сеговиал действовал как главный вершитель правосудия. Поскольку перебежчик Марандос благоразумно исчез, переводить речи Улола было некому. Он говорил весьма горячо, но его никто не понял. Мои усики сказали мне, что он был преисполнен невероятного возмущения тем, что его собираются наказать за правое, по его понятиям, дело.

Как бы там ни было, он был признан виновным и, несмотря на борьбу и всяческие протесты, помещен на помост, построенный для меня. Ирианин освободил веревку, шест упал и со звуком «бум» нож отсек голову генерала Улола.

Я несколько сожалел об этом событии. Если бы его помиловали, а я научился бы общаться с ним, мы могли бы провести весьма интересную беседу о морали каннибалов, на принципах которой он воспитывался, и позднее я бы с удовольствием занялся ее философским обоснованием. В

конце концов, мне и самому приходилось есть обитателей Первого уровня, хотя я никогда не смотрел на них, как на пишу. Но люди в тот момент не способны были оценить всю прелесть абстрактных споров.

Битва имела и другое любопытное последствие. Драконы были заморожены заклинанием Иурога, но заклинание это не могло действовать вечно. Наши воины-победители в пылу битвы успели забыть о рептилиях-статуях. Когда те отогрелись и начали двигаться, командиры тотчас же отдали своим людям приказ убивать чудовищ. Большинство их и в самом деле было убито, но некоторые, оставшись без своих паалуанских хозяев, удрали с поля битвы и спаслись. Кое-кого из них выследили потом, но мне приходилось позже слышать рассказы одраконах, бродящих по великому Болоту Мору, в южном Ксиларе, где достаточно теплый и влажный климат делал их существование сносным.

Глава 10

ПРИНЦ ХВАЕДНИР

Я прочел немало вымышленных рассказов, которые, забавы ради, сочиняют обитатели Первого уровня, называя их «художественной литературой». У нас, на 12-ом уровне, нет ничего подобного — мы слишком логично мыслим и слишком образованны, чтобы находить удовольствие в литературе подобного рода. Должен признаться, однако, что постепенно я почувствовал к ней вкус, хотя мои сотоварищи-демоны и бросали на меня косые взгляды, словно я начал принимать опасный наркотик.

В этих вымышленных описаниях, называемых «рассказами», авторы-люди утверждали, что все события, какими бы они ни были запутанными, должны с успехом разрешиться и действие должно приходить к счастливому концу. Событие же, которое помогло подобному разрешению проблем, должно являться кульминационной точкой рассказа.

В рассказе о битве за Ир описание этой битвы и явилось бы кульминацией. Потом герой женился бы на героине, злодей был бы наказан, а все выжившие повели бы счастливую и беззаботную жизнь.

В реальной жизни все было иначе. После битвы выжившие продолжали жить, как и раньше, и судьба была к ним не более благосклонна, чем всегда. Иногда они получали прибыль от своих ошибок, временами неисповедимые пути судьбы возносили их высоко, независимо от их достоинств.

Принц Хваеднир после битвы занялся заботами о раненых и милосердным перерезанием горла тем, кто, по-видимому, и

так собирался умереть. Генерал Сеговиал попытался заговорить с ним, но они не смогли понять друг друга. Хваеднир оглянулся в поисках Шнери. Не найдя его, он устремился ко мне. Я стоял с адмиралом Диодисом. Адмирал был занят выполнением аналогичных обязанностей. Хваеднир сказал:

— Хо, Эдим! Иди-ка сюда, будешь переводчиком.

— Не откажите в любезности, адмирал, позвольте мне подойти к принцу Хваедниру. Я ему нужен.

— Это и есть командир хрунтингов? — спросил адмирал.
— Мне самому хочется ему кое-что сказать.

Таким образом, я был переводчиком сразу у трех командующих. После обмена дружескими фразами Хваеднир сказал:

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас, генерал?

— Еда, — ответил Сеговиал. — Ириане голодают.

— Вы ее получите. Адмирал, что мы можем для этого сделать?

— У меня на кораблях есть запасы еды. А как обстоят дела у вас?

— Мы можем помочь продовольствием из нашего лагеря. Но после сегодняшнего я не знаю...

— Позвольте, мой принц, — заговорил адмирал, — в вашем войске много лихих всадников. Почему бы не отправить посланников на север, юг и восток с известием о победе? Передав это известие, они могут упоминать о том, что любой фермер или торговец может привезти в Ир продовольствие и получить мгновенную и хорошую прибыль.

Хваеднир скорчил гримасу.

— Мы в коммерции не сильны, это ваши новарианские проблемы.

Адмирал хмыкнул.

— Мне кажется, это неплохая идея. Плюньте мне в лицо, если она не принесет результатов.

И действительно: на второй день после битвы из Солибрии, Метуоро и Ксилара начали прибывать телеги фермеров. Как им удалось покрыть такое расстояние за столь краткий срок, я не знаю. Некоторые, должно быть, погоняли своих лошадей всю ночь.

Тем временем Хваеднир и адмирал договорились о выделении из своих запасов достаточного количества продовольствия для того, чтобы обеспечить город одним хорошим обедом. Генерал Сеговиал сказал:

— Принц, почему бы вам не пройти сегодня вечером по городу, принимая дань уважения от горожан?

Хваеднир глянул на свою броню, покрытую грязью и кровью.

— Что? В таком виде? Я хочу сказать, мой дорогой сэръ, я

слишком устал сегодня. Завтра я буду рад. А что до еды, то она прибудет вовремя.

Я попрощался с адмиралом и вместе с принцем Хваедниром вернулся в лагерь. Шнери, легко раненный в руку, вернулся туда раньше нас. Хваеднир хлопнул своего кузена по спине, и тот закричал от боли.

— Чума на тебя! — заорал Шнери. — Из-за тебя у меня снова началось кровотечение.

— Прости, — ответил Хваеднир. — Я не подумал. Отличная была драка, а?

— Если нам придется в ближайшее время сражаться с гендингами, то какие же будут потери?

— А, вечно ты брюзжишь! Где, в конце концов, эти наши бестолковые слуги? А, вот вы где! Вина, черепахи!

Когда ему принесли стакан и бутылку, он как следует выпил.

— Знаешь, братик, а мне по нраву эти южные земли. Подумай только, можно круглый год лакать настоящее пиво!

— Новарианское лето для меня слишком знойно, — отозвался Шнери, обливавшийся потом.

Хваеднир приказал приготовить в палатке еду для нас троих, но он продолжал пить в угрожающем темпе. И очень скоро златокудрый принц начал высказывать мысли, которые любой благоразумный человек оставил бы при себе.

— Клянусь девятью преисподними, — гремел он, — зачем мне без конца ждать, пока старый мерзляк сдохнет и оставит мне целую с страну? Для начала несколько сотен добрых воинов достаточно, чтобы отобрать Ир у этих трусливых скопидомов...

— Я видел их в бою и не склонен считать людей Сеговиала трусами, — заметил Шнери.

— А этот? Говоря по чести, я вбил в них дисциплину кочевого войска! Мог бы даже сделать из них воинов. А почему бы и нет? Разве я не предводитель крупнейшей битвы нашего времени? Барды будут слагать о ней песни. Клянусь силой Грейннека, удачно начав, я смогу стать правителем, более великим, чем Хайлзунг Непобедимый...

Шнери сказал:

— Эдим, тебе лучше пойти в свою палатку, завтра увидимся.

Шнери явно не хотел, чтобы я и дальше слушал излияния его двоюродного брата. Я пожелал им доброй ночи и вернулся к себе. Там я сел и задумался. Мне пришлось в голову, что под прикрытием темноты я мог бы ускользнуть из лагеря, пойти в Ир и предупредить синдигов о настроениях Хваеднира.

Приняв такое решение, я внезапно обнаружил, что у моей палатки поставлен часовой.

Это не слишком обескуражило меня, потому что настроение, воцарившееся среди воинов после битвы, сильно ослабило дисциплину. При нормальном развитии событий, часовой, возможно, тоже напьется и отправится на прогулку или уснет. Нужно только понаблюдать и подождать час-другой...

Следующее, что дошло до моего сознания, так это то, что сквозь отверстие в моей палатке струятся потоки солнечного света, а Шнери трясет меня за плечо.

— Вставай, лежебока! — кричал он. — Мы собираемся устроить шествие в Ире, чтобы принять поздравления благородного города. Ты должен пойти с нами, как переводчик Хваеднира, у меня будет слишком много других обязанностей.

Я стряхнул с себя остатки сна. Я проспал то время, когда думал отправиться в Ир с предупреждением. Хотя то был серьезный проступок с моей стороны, меня извиняло то, что я не спал почти двое суток. Я поинтересовался у Шнери, чья рука все еще была перевязана:

— Принц, как насчет того плана, который Хваеднир излагал прошлой ночью? О захвате Ира и использовании его в качестве базы для развития Империи?

— Тыфу! Это говорил не он, а сладкое ирианское вино. Я отговорил его от этой глупости. Он торжественно пообещал мне, что если Ир будет с ним честен, то и он будет честен с Иром.

— В Швенре он казался таким благоразумным молодым человеком. Что с ним случилось?

— Вероятно, вчерашняя победа ударила ему в голову — это и первое самостоятельное командование. В степях Чам держал его на крепком поводке. Но я уверен, что с ним все будет в порядке.

— Очень плохо, что он наследует престол. Вы гораздо умнее его.

— Тише, демон. Такие мысли являются предательством, хотя я и благодарен тебе за комплимент. Хваеднир совсем не глуп — просто он избалован и банально мыслит. И потом, он гораздо красивее меня, и руки у него куда более умелые. А я слишком тучен для вождя. Но довольно об этом. Надень что-нибудь, и пойдём.

Мы прошли через поле боя, через паалуанский лагерь — уже частично разрушенный — и вышли к башне Ардимаха. Мы поднялись по широкой лестнице и вошли в главные ворота, настежь открытые впервые за последние два месяца. Внутри стоял звон — рабочие ремонтировали большое зеркало, поврежденное, но так и не вышедшее полностью из строя, несмотря на все старания осаждающих.

Весь Синдикат, в состав которого входила теперь и Роска, встречал нас. Главный синдик — Джиммон — похудевший,

но по-прежнему представительный, произнес речь. Он прочел цитату из написанной на пергаменте рукописи и вручил Хваедниру символический ключ от города. Покончив с этими формальностями, Джиммон обратился ко мне:

— Слава тебе, о, Эдим! Когда церемония закончится, у тебя будет, что рассказать нам, да? А теперь, принц, мы сделаем обычный круг почета. Мы пройдем по авеню Ардимаха, потом повернем направо...

Мы шли по подземному городу, освещенному лишь лучами солнца, отражавшимися от зеркал. Первым под бой барабанов, шел отряд хрунтингов, вооруженных до зубов, потом Шнери с двумя военачальниками и несколькими синдиками, потом остальные воины. За ними шел Хваеднир, Джиммон и остальные вожди, потом — адмирал Диодис и некоторые из его моряков, и так далее. Джиммон шел по одну сторону от Хваеднира, а я — по другую. Хваеднир облачился в свой самый великолепный костюм, какой только нашелся в гардеробе хрунтинга. На нем был крылатый золотой шлем, отделанная белым мехом туника, расшитая золотыми нитями, и украшенная драгоценностями шпага.

Насладившись первой хорошей едой со времени начала осады, ириане приветствовали нас с огромным энтузиазмом. В таком замкнутом месте единодушные крики приветствий причиняли настоящую боль ушам. Я ждал случая ускользнуть и предупредить синдигов о намерениях Хваеднира, но такой возможности не было.

Парад закончился у Рилдхолла, переполненного офицерами и представителями буржуазии. В течение трех часов я слушал речи и переводил с новарианского на швенрский и обратно. Самую длинную речь произнес Джиммон. Самую же короткую — Хваеднир. Все речи были насыщены одними и теми же выражениями: «смертельная опасность... благородные союзники... кровожадные дикари... время крайней нужды... бессмертная отчизна... бесстрашное воинство... благородные предки... вечная дружба... неумирающая признательность...» и так далее.

Когда все было кончено, присутствующие встали и стоя аплодировали. Потом синдики и адмирал Диодис, генерал Сеговиал, Хваеднир, Шнери и я отправились обедать в одну из малых комнат. По адресу Хваеднира было сказано столько комплиментов, что я едва успевал переводить. Вначале он вел себя сообразно манерам, принятым в степи, но Шнери не устал толкать его в бок, и он принялся подражать новарианским традициям.

Когда обед закончился, Хваеднир прочистил горло, встал и сказал:

— Ваши Превосходительства! От лица своего кузена

Шнери и от своего собственного я... э... приношу сердечную благодарность за этот вечер и за многие почести, которые были нам оказаны в это утро.

Но теперь тем не менее мы должны перейти к более практическим вопросам. Ваш посол, честный Эдим, избежал смертельных опасностей, чтобы достичь лагеря хрунтингов и убедить нас послать эти войска. Эдим имел при себе письменное предложение договора о компенсации, но потерял эти бумаги в пещерах Эллорнаса. Он тем не менее помнил условия и после обычных споров нам удалось достичь соглашения.

Когда мы достигли Кийамоса, мы обязали Эдима пробраться в город, письменно подтвердить достигнутое нами соглашение и вернуться с вашими подписями. И снова превратности судьбы помешали ему донести бумаги до цели. Более того, он сам едва не поплатился жизнью.

Но тем не менее не все потеряно. — Хваеднир достал из своей вышитой куртки две несколько помятые копии соглашения, составленного перед битвой. — Они были обнаружены в лагере каннибалов. Я уверен, что в признание услуги, оказанной бесстрашными воинами-хрунтингами по освобождению города, не будет преград получить ваши подписи сейчас, а плату — несколько позже.

Улыбка, освещавшая круглое лицо Джиммона, погасла.

— Гм, конечно, благородный сэр, никто и не помышлял о том, чтобы лишать награды наших героических спасителей. Могу я ознакомиться с окончательными условиями соглашения?

Хваеднир протянул Джиммону одну из двух копий. Другую он вручил Шнери со словами:

— Прочти это вслух кузен, у тебя это лучше получится.

Когда Шнери дочитал, Джиммон встал, дергая свой монокль за ленту. Он начал с еще одного восхваления доблести хрунтингов.

— Но, — продолжал он, — мы должны, конечно, принять в расчет некоторые обстоятельства. Город сильно пострадал от последствий жестокой осады, и восстановление, несомненно, сильно пошатнет наше благосостояние. Фактом является также то, что, несмотря на проявленный героизм, хрунтинги вели битву не одни. Адмирал Диодис со своими войсками тоже внес свою лепту, не говоря уже о наших ирианах.

Идя далее, благородный принц, вы не можете не признать, что с нашей стороны не было никаких официальных обязательств, поскольку соглашение все же осталось неподписанным. Конечно, если обе стороны проявят великодушие и добрую волю, мы, я в этом уверен, придем к дружескому соглашению...

«Боги Нинга, — подумал я, — неужели этот дурак попытается улизнуть от платы кочевникам, в то время, когда находится в полной их власти?»

— ...и поэтому, дорогой друг, благородный коллега, вы, я уверен, согласитесь с необходимостью... э... приспособления этих требований в соответствии с реальностью.

— Что вы имеете в виду? — напряженно спросил Хваеднир.

— О, примерно по два пенса на человека, без добавочной платы за мамонтов. Животные, в конце концов, ели прекрасное ирианское сено, сколько душе угодно...

Принц Хваеднир побагровел. — Лошадиное дерьмо! — проревел он. — Прошлой ночью я обещал, что, если Ир будет честным со мной, я тоже останусь честен, а если нет, то и мне стесняться нечего. Ни один степной воин никогда не будет подчиняться бумажкам. Вы сами, своими языками вынесли себе приговор, так пусть наказание падет на ваши головы!

Он громко свистнул в серебряный свисток. Отряд хрунтингов ворвался в комнату с саблями наготове и занял позицию за спинами собеседников.

Роска закричала.

— Одно неверное движение — и вы лишитесь голов, — сообщил Хваеднир. — Я провозглашаю себя королем Ира и всех других земель, которые в будущем присоединятся к моему государству. Вождь Фиккен!

— Да, мой господин?

— Передай моим военачальникам, что я буду претворять в жизнь план, о котором говорил прошлой ночью. Прежде всего, я желаю, чтобы все золото, серебро и драгоценности, имеющиеся в Ире, были собраны и доставлены сюда, в Рилдхолл. Они войдут в мою королевскую казну. Начнем с того, что общим присутствующих... Эй, а где адмирал?

Все стали крутить головами, пока один синдик не сказал:

— Он извинился и сказал, что хочет кого-то навестить...

— Найти его: — велел Хваеднир. Несколько хрунтингов кинулись выполнять его приказ, но безуспешно. Чувствуя, что назревает крупная неприятность, адмирал ускользнул из Ира.

Синдики пылали негодованием, но жаловаться не осмеливались и выложили свои кошельки на стол. Хваеднир вернул каждому медные монеты, забрав все золото и серебро.

— Я прошу прощения, — сказала Роска. — Я оставила свой кошелек дома.

— Об этом мы позаботимся позже, — весело ответил Хваеднир. —

Это — всего лишь начало, мои дорогие подданные.

Шнери, мокрый от пота, молчал. Хваеднир велел нам всем встать и пройти в тот зал, где сегодня утром мы выслушивали хвалебные речи. Снаружи слышался топот

многих бегущих ног и крики ириан, дома которых обыскивались. Потом воины вернулись в Рилдхолл, каждый с мешком монет и драгоценностей. Они ставили мешки на пол, и Хваеднир велел клеркам-синдикам пересчитать и описать добычу.

Время от времени сбор ценностей прерывался криком и звоном оружия — это какой-нибудь ирианин сопротивлялся обыску.

Двух хрунтингов принесли ранеными. Непокорным горожанам немедленно отрубили правые руки.

Синдики сидели мрачные под охраной хрунтингов. Они с яростью перешептывались:

— Я знал, что идея Джиммона принесет несчастье...

— Чепуха! Вчера ты согласился с ним, как все прочие!

Шнери, беседовавший с некоторыми военачальниками, подошел к Хваедниру и сказал:

— Кузен, как ты поступишь с нашей армией? Ты не можешь разместить здесь их всех, даже если бы они сами этого захотели. Большинство должно вернуться в Швенр. Лето кончается, скоро Игольное Ушко будет завалено снегом — к месяцу медведя.

— Я предложу остаться добровольцам, — ответил Хваеднир. — Остальные могут отправляться домой, когда захотят. Ты, Шнери, поведешь их. И я разрешаю тебе занять мое место наследника Теорика. Мне и здесь занятий хватит.

Шнери вздохнул:

— Полагаю, я так и должен сделать. Как я жалею сейчас, что не принял кафедру в Академии Отомае...

Хваеднир провел пару часов, отдавая распоряжения в качестве нового правителя. Потом он широко зевнул.

— Мадам Роска, — сказал он, — вы оставили кошелек дома, насколько мне известно. Могу ли я воспользоваться вашим гостеприимством?

— Конечно, Ваше Величество.

— Тогда ведите нас. Ты тоже пойдешь, Эдим, иначе я не смогу разговаривать с этой прекрасной госпожой.

В сопровождении телохранителей мы направились к дому мадам Роски. Когда мы пришли туда, Хваеднир увидел, что на диване лежит какой-то человек. Осмотрев его, он вздохнул.

— Должно быть, его убил какой-то скряга-ирианин, — сказал он. — Мы не можем этого терпеть, но сейчас преступника не найти.

Принц выглядел весьма озадаченным. Он обратился к охраннику: — Иди и приведи моего брата, принца Шнери. Я должен спросить у него совета.

Другого охранника он поставил перед домом. Слуги Роски робко заглядывали в щель дверей. Хваеднир сбросил на стул

свою тяжелую амуницию, снял золотой шлем и украшенную драгоценностями перевязь и вытер лоб.

— Клянусь носом Грейннека, я готов! — сказал он. — Думаю, я перенесу столицу империи в какой-нибудь человеческий город. Быть запертым в этих пещерах — меня от этого дрожь пробирает.

— Так вот, насчет моего кошелька, — начала было Роска, но Хваеднир предупреждающе поднял руку.

— Я и не думал освобождать такую изящную женщину от ее золота. Оставьте при себе свои сокровища. Не могу ли я попросить стакан вина?

— Авад! — позвала она.

Смуглый федируни робко вступил в комнату. Увидев меня, он усмехнулся в остроконечную черную бороду. Роска послала его за вином, которое Хваеднир мгновенно прикончил.

— Мне нужен друг среди ириан, — бросил он. — Я знаю, что многие не признают законности переворота, хотя и смирились против своей воли. Со временем я надеюсь показать, что король из племени благородных хрунтингов будет править ими куда более справедливо, чем эти лакричные синдики.

Он осушил еще один кубок, потом встал. На ногах он держался не слишком твердо.

— Роска, дорогая моя, не хотите ли вы показать мне свой дом?

— Да, конечно, Ваше Величество.

— Тогда идите, а ты, Эдим, оставайся здесь. Я хочу поучиться новарианскому у нашей прелестной хозяйки. Если я собираюсь править этими оседлыми, то должен понимать, как они болтают...

Роска повела Хваеднира по комнатам, показывая ему картины, вазы и прочие украшения. Потом они исчезли на лестнице.

Авад бросился ко мне и схватил меня за руку.

— Мастер Эдим! До чего же приятно вас видеть! Хозяйка следила за вашими приключениями через волшебный камень и рассказывала нам о некоторых из них, но мы бы хотели услышать всю историю от вас самого. Вы, надеюсь, снова будете служить здесь?

— Я еще не знаю, — ответил я. — Я мог бы и сам выпить немного этого вина... Оно из Виндиума, не так ли?

— Да. А теперь насчет истории. Вы ушли в месяц Орла...

Его прервал крик, донесшийся сверху. Поскольку главным моим долгом является охрана мадам Роски, я сорвался со стула и устремился вверх, сопровождаемый Авадом.

Еще один крик, а потом возглас Роски:

— Эдим! Спаси меня!

Голос неся из спальни. Туда я и кинулся. В комнате находились Роска и Хваеднир. Роска, с тела которой было сорвано одеяние, лежала на спине на кровати. Хваеднир стоял над ней, поставив на ложе одно колено. Одной рукой принц пытался удержать Роску, а другой расстегивал штаны.

Я читал о практикующемся на Первом уровне действии, называемом «изнасилование», — это акт, во время которого мужская человеческая особь соединяется с женской против ее воли. У нас, на 12-м уровне, нет ничего подобного, и мне было любопытно, как в процессе этой процедуры, считающейся в большинстве человеческих обществ преступлением, решаются некоторые механические проблемы.

Но поскольку Роска велела спасти ее, я не мог, тем не менее, удовлетворить свое любопытство, наблюдая и делая философские выводы. Я приступил к выполнению задания, не думая о всех его логических осложнениях.

Я прыгнул на Хваеднира сзади, вцепился ногтями в его туловище и стащил с кровати.

Принц высвободился из моей хватки, несмотря на то, что его рубашка и кожа весьма пострадали. Он нанес мне удар под подбородок такой силы, что я покачулся, а обитатель Первого уровня, будь он на моем месте, перелетел бы, наверное, через комнату. Мы снова сцепились. Я попытался впиться ему в горло, но он подставил локоть мне под челюсть и держал меня на расстоянии.

Я был удивлен силой этого человека.

Мне приходилось и раньше вступать в единоборство с обитателями этого уровня, но я находил их сравнительно слабыми. Хваеднир не только был настоящим гигантом среди новариан, но и мускулы его были необычайно крепкими. Его физическая сила была немногим меньше моей — если вообще она была меньше.

Мы продолжали борьбу. Ни один из нас не мог добиться преимущества. А потом я ощутил в своей руке рукоятку ножа. Я всадил его лезвие в бок Хваедниру — раз, другой, третий.

Огромный хрунтинг застонал, дернулся и начал ослабевать. Я выпустил его, и он рухнул на пол. Авад ткнул пальцем в длинный кривой нож, который я продолжал сжимать в руке.

— Мой, — сказал он.

— Благодарю тебя, — ответил я, склоняясь над поверженным противником.

Беглый осмотр доказал мне, что Хваеднир — возможный король Ира, мертв. Мадам Роска села на постели, пряча наготу за простыней. Она простионала:

— Великие боги, Эдим! Зачем ты убил его?

— Что? Но, мадам, я слышал ваши крики о помощи и сделал все, чтобы вы были довольны. Разве вы не желали этого?

— Нет! Я не могла ему позволить возобладать надо мной, не оказав того сопротивления, какого требует достоинство женщины, но это! Это может стоить всем нам жизни!

— Прошу прощения, мадам, но никто не объяснил мне всех этих подробностей. Я пытался сделать все, как лучше.

— Полагаю, что так, мой бедный, дорогой Эдим. Но моя так называемая добродетель не стоит того, что случилось, ведь я вдовствую так давно, что могла бы быть матерью этому варвару. Может быть, мне даже понравилось бы это, после того, как он образумился бы... Позже, в качестве его любовницы, я могла бы направлять его деяния на благо Ира. Но сейчас все это уже неважно. Главный вопрос: что нам теперь делать?

Я услышал голос Шнери, зовущий:

— Кузен Хваеднир! Ваше Величество, где вы?

— Шнери — единственная наша надежда, — сказал я. — Позвольте мне привести его, прошу вас. — Не слушая никаких возражений, я высунул голову из-за двери и позвал:

— Принц Шнери! Поднимитесь наверх! Идите сюда!

— Что-нибудь случилось? — спросил он, когда его голова появилась в лестничном пролете.

— Это вы сами решите, сэр. Хорошо или плохо, но момент крайне важен.

Увидев тело Хваеднира, он кинулся к нему и подтвердил, что тот мертв.

— Кто это сделал? Как это случилось?

— Я объясню. — сказал я, стоя спиной к двери, на случай, если Шнери решит выскочить и позвать своих людей. В случае надобности, я бы убил его, сказав телохранителям, что их господа спят, и выскользнул бы из города. Когда я договорил, Шнери сказал:

— Мне следовало бы знать, что пьяный дурень непременно вляпается в историю, вроде этой. Если бы разум его был достоин этого великолепного тела... Но что теперь? Воины зажарят вас на медленном огне, если узнают правду. Я понимаю вас, потому что долго жил среди новариан, я — только наполовину кочевник.

— Сэр, — спросил я, — видели ли вы тело, лежащее в гостиной?

— Да, и собирался спросить тебя о нем.

Я рассказал все, что знал.

А теперь, — предложил я, — давайте поступим так. Скажем солдатам, что госпожа Роска отправилась отдохнуть в свою комнату, что мертвый тип, который на самом деле был только ранен, пришел в себя, пробрался наверх и попытался

овладеть госпожой Роской, что Хваеднир услышал ее крики и кинулся ей на помощь, и они с воином нанесли друг другу смертельные раны. Тогда винить будет некого.

Вокруг моего плана разгорелись споры, но никто не смог придумать лучший вариант. Роска удалилась в смежную комнату, чтобы привести себя в порядок. Я сказал Шнери:

— Если Иру и суждено попасть под власть кочевников, вы будете лучшим монархом, чем ваш покойный кузен.

— Только не я, — отвечал тот. — Я буду рад убраться от этой проклятой жары и увести воинов, пока они не попали под влияние новарианской роскоши. У Хваеднира был хороший шанс, человек поумнее мог бы его использовать, но тогда в степях мы потерпели бы поражение. Чтобы сражаться с гендингами, нам нужен каждый воин.

А теперь — помощи мне перенести мертвого воина в эту комнату, чтобы наша история выглядела правдоподобно.

Глава 11

АДМИРАЛ ДИОДИС

Я заметил:

— Мне кажется, принц Шнери, что нам с мадам Роской лучше уйти из Ира прежде, чем вы объявите о кончине вашего кузена. Вы, человеческие существа, так легко поддаетесь слухам, что если кто-нибудь из ваших людей решит посмотреть на случившееся под другим углом, то мне не хотелось бы оказаться в этот момент рядом с ним.

После небольшого спора Шнери признал, что мы правы. Мы вышли в гостиную, где принц приказал одному из воинов:

— Отведи этих двоих за пределы города и снабди их лошадьми из резерва генерала.

Через четверть часа мы были уже в пути.

— Что же дальше, о, Эдим? — спросила Роска.

— Адмирал Диодис даст нам надежное укрытие, пока шум не уляжется. В случае нападения он может отплыть по Кийамосу дальше.

Так все и случилось. Тучный седеющий адмирал сердечно приветствовал нас на борту флагмана. Он уже созвал своих людей на корабли, и флот стоял на якорях вдоль побережья, так что застать его врасплох было невозможно.

Сидя в каюте Диодиса, мы пили горячую коричневую жидкость. Адмирал сказал:

— Этот напиток называется «чай», его родина — Куремон на Дальнем Востоке. Он растет на кустиках, сухие его листья собирают и в таком виде привозят в Салимер, оттуда — в

Джанерет по внутреннему морю и далее по суше в Ираз. Будем надеяться, что когда-нибудь его будут привозить и к нам в Новарию. Нам не мешает хороший напиток, не заставляющий пьянеть.

— Ну а теперь, Эдим, расскажи нам о своих приключениях.

Я начал свой рассказ. Однако через несколько минут я заметил, что Адмирал Диодис и мадам Роска почти не слушают меня. Вместо этого они смотрели друг на друга, время от времени обмениваясь вполголоса какими-то замечаниями. Они улыбались и много смеялись.

В конце концов, это стало настолько заметно, что я, наслаждаясь чаем, позволил своему рассказу уйти далеко в сторону. Они этого даже не заметили.

На следующий день принц Шнери и несколько его военачальников подъехали к кромке воды и помахали нам. Нас с адмиралом доставили на длинной лодке поближе к берегу, чтобы можно было разговаривать с ними.

Возвращайтесь в Ир и пожелайте нам доброго пути! — крикнул Шнери.

— Вы собираетесь уходить? — спросил адмирал.

— Конечно. Не бойтесь, с историей о смерти моего кузена я все уладил, никаких сложностей не было, и я отношусь к вам, как и раньше по дружески. — Поскольку он говорил на новорианском, его военачальники нас не понимали.

— Мы ценим это, — ответил Диодис. — Но попрощаться с вами можем и отсюда.

— Я понимаю ваши подозрения, но прошу вас поверить мне. В полдень я провожу погребальную церемонию, а потом отдам приказ выступать. Вам тоже стоило бы посетить город в это время, адмирал, потому что, насколько я понимаю, Ир должен деньги и вам. Сейчас самое подходящее время их получить.

— Но если ваши солдаты совершенно очистили город...

— Мы этого не сделали, мы взяли только то, что причиталось нам по контракту Эдима. Требования Залона тоже могут быть удовлетворены надлежащим образом. Если вы мне не доверяете, возьмите с собой охрану из моряков. Если останетесь на кораблях — сами потом будете воевать с казуистикой Синдиката, требуя плату с синдиков.

— Мы прибудем, — ответил адмирал.

Принц Шнери поднес факел к саркофагу, в котором лежало тело Хваеднира. Когда рокочущее пламя и дым объяли тело, ряды хрунтингов потрясло рыдание. Едва ли чьи-то глаза остались сухими — рыдали буквально все. Шнери тихо сказал мне:

— Возвращайся через сто лет, Эдим, и ты обнаружишь, что Хваеднир стал героем легенд — чистым, благородным,

прекрасным идеалом хрунтингов. Его неотесанность будет забыта, а добродетель будет превозносится превыше всего.

Мы поговорили о том, о сем и я спросил:

— Прошу вас, принц, объясните мне. Вы знаете обитателей Первого уровня лучше, чем я. Вы видели вон ту пару, адмирала Диодиса и мадам Роску?

— Да.

— Так вот, с тех самых пор, как мы поднялись вчера на борт флагмана, они ведут себя несоответственно своим характерам. Это настолько бросается в глаза, что я просто сконфужен, ведь я уже считал себя знатоком по части натур обитателей Первого уровня.

— Что же тебя озадачивает?

— Роска — сама по себе серьезная, сдержанная дама, полная достоинства и самоуважения, хотя она и склонна к перемене мнений. Адмирал Диодис — резкий, сильный, уверенный в себе человек. Оба, можно сказать, ведут себя так, как этого можно ожидать от такого рода людей. Но когда они находятся вместе, они полны беззаботного смеха и, как дети, без конца делают глупые замечания. Они кажутся настолько поглощенными друг другом, что забывают обо всех окружающих.

— Это просто, — ответил Шнери. — Они влюблены друг в друга.

— А! Я читал об этом чувстве, когда учился, но сам никогда не был свидетелем подобного феномена, так что не мог его распознать. Что же, они теперь поженятся?

Шнери пожал плечами.

— Почему я знаю? Может, у Диодиса уже есть жена, и я не знаю, позволяют ли законы Залона заводить вторую. Но осмелюсь предположить, что этот старый морской волк и твоя изящная хозяйка найдут способ согреть одну и ту же постель.

А теперь нам пора в путь. Если будешь когда-нибудь в Отомае, скажи доктору Имлусу, что я сожалею, что не принял его предложения и не занял кафедру в Академии. Я знаю, что слишком толст, ленив и добродушен для вождя кочевников, но боги выбрали для меня эту судьбу.

— Но что же тогда мешает вам отправиться в Отомае и занять там предложенный пост?

— Долг перед племенем и верность, будь они прокляты! Ну, прощай.

С помощью двух варваров он взобрался в седло, махнул рукой войску и поскакал вперед. Конные хрунтинги чередой устремились за ним, следом — мамонты и арьергард всадников. Этот Шнери был прекрасным парнем, но все с облегчением смотрели на удаляющееся войско.

Когда улеглась пыль, поднятая копытами лошадей, адмирал тоже предъявил счет за экспедицию и помощь в

борьбе с паалуанами. Джиммон и другие синдики казались ошеломленными, но, будучи уже учеными, они не осмелились пойти на риск еще одной ссоры. Они заплатили. Когда они считали деньги под внимательным взглядом адмирала, Роска сказала:

— Все получили свою долю за участие в этом деле, кроме одного человека, я хочу сказать, существа... а мы ему очень многим обязаны. Я говорю о своем верном слуге Эдиме.

— Клянусь рогами Тис! — воскликнул Джиммон. — Мы и так близки к разорению. Если ты хочешь наградить демона, никто тебе не мешает.

Она сжала губы, что, как я заметил, выражает у человеческих существ суровость.

— Если все делят добычу, то они должны так же честно делить и расходы. Разве я не права, Диодис?

— Разрази меня гром! — ответил адмирал. — Это не мое дело, но если ты настаиваешь, дорогая моя Роска, могу сказать, что ты права, как всегда. Но, возможно, нам следует спросить и мастера Эдима, чего он хочет. Не думаю, чтобы он, подобно большинству человеческих существ, жаждал золота и серебра.

— Итак, Эдим, — сказал Джиммон.

— Господа, — произнес я. — Я ишу возможность как следует выполнить свои обязанности. Но поскольку вы спрашиваете, чего бы я больше всего желал, то я скажу вам честно, что, подобно большинству других рабов и слуг, я желал бы стать свободным. Потом я желал бы вернуться на свой уровень, к моей жене и яйцам. А кроме того, я был бы очень признателен, если бы вместе со мной были отправлены несколько брусочков железа.

Облегчение, отразившееся на лицах синдиков, могло бы рассмешить меня, если бы я умел воспроизводить этот, свойственный людям, звук, и если бы я владел тем, что люди называют «чувством юмора».

Магическая операция была произведена в пещере доктора Мальдивиуса под руинами храма Псаан, недалеко от Чемниза. Избежав, с помощью магии, погони каннибалов, Мальдивиус вернулся в свое прежнее убежище. Когда я прибыл туда, то с удивлением увидел и другого человека, согбенного и седого.

— Иурог! — воскликнул я. — Что вы здесь делаете? Я думал, вы вернулись в Эллорнас с хрунтингами.

— Моя — ученик доктора Мальдивиуса. Моя учиться быть великий колдун.

Я сказал Мальдивиусу:

— Разве может колдун такого почтенного возраста поступать в ученики к другому колдуну, почти не отличающемуся от него годами?

— Это мое дело, демон, — отрезал Мальдивиус. — Иурог

делает то, что я ему велю, чего нельзя сказать о тех молодых дурнях, которых я пытался учить. Хватит, теперь садись на вон те бруски в пятиугольнике.

Мадам Роска отпустила руку адмирала, чтобы подойти ко мне и поцеловать.

— Прощай, мой дорогой Эдим, — сказала она. — Я вернула Мальдививиусу сапфир в награду за то, что он возвратит тебя домой. Поцелуй за меня свою жену.

— Благодарю вас, мадам, я сделаю все, что в моих силах. Диодис добавил:

— Не нужен ли вам, демонам, адмирал для организации флота? Думаю, когда-нибудь мне захочется отправиться на гоним на другой уровень.

— Мы не практикуем военное искусство и у нас нет военного флота. Но корабли у нас есть, — ответил я. — Если возникнет необходимость, сэр, я передам о вашем желании заинтересованным лицам.

Я сел на две большие железные болванки. Мальдививиус и Иурог начали свои заклинания. Когда окружающее начало тускнеть, я махнул рукой нескольким ибитателям Первого уровня, которые пришли проводить меня. Я был счастлив, что смог увидеться с ними в конце моего пребывания здесь. Многие другие, с кем мне пришлось иметь дело, такие как Багардо Великий, Айвор из лесов, Гавиндос, исчезли из моего поля зрения, их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Я рад был узнать, что Унгах, человек-обезьяна, пережил войну с каннибалами. Паалуанские часовые заметили его в лагере и ранили в ногу стрелой. Могли убить, но тут поднялась суматоха, вызванная моим появлением, и Унгах сумел убежать.

Он добрался до границы с Метуоро, но тут его нога начала так болеть, что идти дальше он не смог. Он бы, наверное, погиб, если бы не местная знахарка, которая взяла его к себе и выходила.

К тому времени, когда он вновь обрел способность ходить, война была кончена, и тогда он решил остаться у своей спасительницы. Мне говорили, что особа эта была на редкость безобразна, но для Унгаха она, без сомнения, выглядела как женская особь его племени, да и вообще, в таком деле важно лишь влечение сердца.

Настоятель Хвор смотрел на две железные болванки.

— Неужели эти люди не могли прислать побольше? — недовольно спросил он.

Я ожидал похвалы, поэтому возмутился:

— Потому что это все, что можно пронести через барьер измерения! — крикнул я. — А если они вам не нравятся, можете отослать обратно!

— Ну, ну, мой добрый Эдим, я не хотел тебя обидеть. Иез будет счастлива увидеть тебя на полгода раньше срока.

— Как с нашими яйцами? — спросил я.

— Большая часть уже вылупилась, все благополучно, как я слышал.

— Что ж, тогда я отправляюсь домой.

ПЕТИЦИЯ НАСТОЯТЕЛЮ НИНГА ОТ ЭДИМА, СЫНА АКХА, И ЕГО ЖЕНЫ ИЕЗ, ДОЧЕРИ ПТИРА

Вы знакомы с обстоятельствами моего пребывания на Первом уровне несколько лет назад. Благополучно вернувшись на 12-й уровень, я думал, что никогда не пожелаю увидеть мир человеческих существ, совершенно лишенный логики и рациональности, в отличие от нашего собственного.

Тем не менее теперь, когда наши отпрыски достигли школьного возраста и, следовательно, независимы, мы с моей женой желали бы узнать, нет ли для нас возможности перебраться на жительство на Первый уровень.

В случае, если встанет вопрос об энергетическом равновесии, я могу сообщить о двух, по крайней мере, известных мне особях, выражавших желание отправиться на 12-ый уровень. Я сделаю все, чтобы найти их и договориться о переброске.

Что касается способов заработать на жизнь, то на этот счет у меня есть несколько планов. Например, я знаю имя профессора одного из учебных заведений, который мог бы предложить мне пост. В конце концов, я — знающий философ, а если судить по тому, что я видел на Первом уровне, философия там, как наука, находится в зачаточном состоянии. Если же эта часть плана не удастся, у меня есть другие связи и знакомства. Я уверен, что смогу обеспечить себе неплохой доход.

Если же вас интересует, чем вызвана эта просьба, хочу сказать, что несмотря на те случайности и жизненные осложнения, которые там имеют место, и несмотря на иррациональность живущих там людей, мир этот таит в себе и много привлекательного. Там никогда не соскучишься, как это часто бывает в нашем, так хорошо организованном, мире. На Первом уровне постоянно случается что-нибудь интересное.

С уважением, ваш Эдим.

Содержание

Башня Занида.....	5
Да не опустится тьма!.....	151
Демон, который всегда ошибался.....	315

Л. Спрэг де Камп

Башня Занида; Фантастические романы; Пер. с англ. С. Папикян, В. Баканов, А. Согрин; Рис. В. Романкова/Т., ККЖИ «Правда Востока», 1993.— 448 стр., ил.— Клуб «Золотое перо»: Любителям фантастики; Вып. 10

Леон Спрэг де Камп — представитель плеяды наиболее известных американских фантастов старшего поколения, которому в 1979 году на конференции коллег было присвоено звание «Гроссмейстера научной фантастики».

Предлагаемые читателю три романа характеризуют различные стороны литературного дарования Спрэга де Кампа — и в равной степени отличаются мастерским исполнением, увлекательностью. Все три написаны с характерным для автора юмором, а роман «Да не опустится тьма!» причислен к классике научной фантастики.

ISBN 5—85583—01—011—X

© ККЖИ «Правда Востока».
Аннотация. 1993.

Художественный редактор
Э.Г. Рукин

Технический редактор
Н.Д. Теплякова

Корректор
В. Гуров

Оригинал-макет книги подготовлен
ТОО «СПЕЦТРАНСАВИА»
140160, Г. Жуковский, ул. Фрунзе, д.23 , ком. 41

Клуб «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»

Любителям фантастики

Вып. 10

Леон Спрэг де Камп

БАШНЯ ЗАНИДА

Перевод с английского

Совместное заказное издание

ИБ 011

Отпечатано с форм, изготовленных с применением компьютерной настольной системы. Формат 84×108¹/32. Печ. л. 28,0. Тираж 100 000 экз. Зак. 7448.

ККЖИ «Правда Востока»

700000, г. Ташкент, ГСП, ул. Ленинградская, 32

АП «Ташполиграфкомбинат»

700129, г. Ташкент, ул. Навои, 30.

